Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории Российской академии наук

На правах рукописи

Шамин Степан Михайлович

Иностранная пресса и русская культура конца XV – начала XVIII столетия

Специальность 07.00.02 – Отечественная история
Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2020

Оглавление

Введение ……..……3

Глава 1. Традиционные практики использования известий иностранной прессы……59

1.1. Листовые издания, рукописные газеты и «летучие листки» в Московском государстве с XV столетия до окончания Смутного времени …….59

1.2. Каналы доставки иностранной прессы в Москву после Смуты: купцы и порубежные воеводы……74

1.3. Тайные каналы доставки иностранной прессы ……87

1.4. Пресса и дипломатия……98

1.5. Иноземная пресса и ее переводы в архиве Посольского приказа первой половины – середины XVII в. ……113

Глава 2. Начальный период трансформации традиционных практик работы с информацией (вторая половина XVII в.) ……120

2.1. Газеты по подписке: организация регулярной почты ……120

2.2. Составление и использование обзоров прессы: куранты …….144

Глава 3. Информационный потенциал курантов …….…….178

3.1. Куранты как источник информации о военно-политической ситуации в европейских странах …….……..….179

3.2. Куранты как источник информации о военно-политической ситуации в Османской империи ……...…..218

3.3. Куранты как «зеркало» жизни России ……...……251

Глава 4. Влияние европейской прессы на культуру политической элиты России …….....280

4.1. Появление слов для обозначения прессы и круг их использования ……280

4.2. Иностранная пресса – проводник новых сведений о мире ……..303

4.3. Положительные публикации о России как фактор европеизации русской знати: торжества и панегирики по случаю победы под османами и взятия Азова ……329

Глава 5. Случаи массового распространения отдельных сочинений …352

5.1. «Сказание о двух старцах» ……352

5.2. Поддельные послания и указы турецких султанов ……401

5.3. О жестоком графе, обращенном во пса ……..420

Глава 6 Иностранная пресса в русской книжности ……428

6.1. Памятники 1640-х – 1650-х гг. ……428

6.2. Памятники 1660-х – 1670-х гг. ……433

6.3. Памятники 1680-х – 1690-х гг. ……449

Глава 7. Утверждение в России культурных явлений Нового времени ……..476

7.1. Политическая борьба в информационном пространстве …….476

7.2. Возникновение русской прессы ……501

7.3. Обучение работе с информацией: выучить государя ……..525

7.4. Адаптация европейского юмора в русской культуре: распространение «смеховых» текстов в книжной традиции ……..547

Заключение ……558

Источники и литература ……571

Список сокращений ……626

Введение

Судьба современной России и ее народа в значительной мере определялась в эпоху перехода от Средневековья к Новому времени[1]. В этот период закладывались основы светской национальной культуры. Огромное влияние на данный процесс оказывали контакты с европейскими странами. Шел интенсивный обмен технологиями, идеями и текстами. Россия постепенно втягивалась в общеевропейскую информационную (коммуникационную) революцию, связанную с изобретением печатного станка и развитием международных коммуникаций[2]. Значимую роль в формировании новой культуры иг-

---

[1] Хронологические границы между Средневековьем и Новым временем являются одним из дискуссионных вопросов русской истории. М. М. Кром обратил внимание, что разные подходы к проблеме отразились даже на хронологических рамках ведущих периодических изданий. Так в Средневековой Руси, издаваемой под редакцией А. А. Горского, публикуются материалы не позднее конца XV – начала XVI столетия, а в журнале Древняя Русь (главные редактор Е. Л. Конявская) встречаются статьи, захватывающие конец XVII в. См.: *Кром М. М.* Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 94 – 125. Даже если брать рамки одного научного направления, к примеру, филологии, то встает вопрос относительно литературы XVII в. Кроме того, внутри Средневековья приходится выделять различающиеся между собой периоды (XI–XIII, XIV–XV вв. и т.д.). См.: *Конявская Е. Л.* «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»: разыскания в области российских древностей // Средние века. 2014. Вып. 74 (3-4). С. 435. Автор данной работы исходит из того, что становление культуры Нового времени в России растянулось на длительный период. Начало процесса относится к рубежу XV и XVI столетий, а завершение – к концу XVIII в., хотя отдельные пережитки средневековых традиций можно встретить и в боле позднее время.

[2] В данной работе под информационной (коммуникационной) революцией раннего Нового времени понимается комплекс процессов, ставших следствием изобретения печатного станка и развития международных коммуникаций. В числе этих процессов – создание общеевропейского информационного пространства, удешевление информации, увеличение скорости ее распространения, появление людей, специализирующихся на работе с информацией, возникновение в обществе значимых по своей численности групп потребителей информации, в т.ч. не связанной с их профессиональной деятельностью, создание структур и механизмов для адаптации, переформатирования и распространения сведений, получаемых из инокультурной среды. Следствием этих событий ста-

рала проникавшая в Московское государство и переводимая на русский язык иностранная пресса[3]. В диссертационном исследовании автор поставил перед собой задачу проследить, как на практике проходили эти процессы, как под влиянием переводов иностранных изданий в России возникла национальная пресса, а также утверждались иные явления Нового времени.

Актуальность темы исследования.

В настоящее время мир переживает очередную информационную революцию, связанную с появлением Интернета, идет процесс формирования информационного общества. Однако и в прошлом наблюдались рывки в коммуникациях между обществами и внутри общественного пространства, один из которых пришелся на раннее Новое время. Этот процесс имел многообразные сложные последствия для развития национальных культур и самосознания людей. Изучение информационной революции раннего Нового времени имеет огромное значение для понимания перспектив развития протекающих ныне процессов.

новится ускоренное развитие интеллектуальной жизни общества, изменение системообразующих элементов самосознания, а также появление экономики, основанной на потреблении знаний, начало индустриальной революции. Подробнее о понятии см. в классической работе *Eisenstein E. L.* The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge-New York, 2012. О роли информационной революции в становлении экономики Нового времени см.: *Zanden van J. L.* The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. Leidenl, 2009.

[3] В данной работе под прессой подразумевается исторический феномен, включающий в себя рукописные и печатные летучие листки, предназначенные для широкого распространения письма и публично-правовые акты, международные договоры, брошюры, газеты, памфлеты и другие издания малых форм, функцией которых было информировать массового читателя о политических, экономических и других новостях, а также распространять какую-либо идеологию и мировоззрение или же агитировать в их пользу. Об исторической изменчивости понятий, связанных с прессой см.: *Шамин С. М.* Сопротивляясь реформам: общественные отношения и интересы на пути преобразований в России XVII–XVIII вв. // Российская история. 2014. № 4. С. 12–13. О текстах малых литературных форм см.: *Ломоносова Е. С.* Жанровые особенности текстов малой формы // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2015. № 3-4 (17). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2081

Не случайно проблемы проникновения в Россию европейской культуры Нового времени, генезиса русской прессы, европеизации русской культуры, вовлеченности России в межнациональный обмен информацией и развитие внутренних информационных коммуникаций являются объектом постоянного внимания ученых из разных стран. Некоторые из этих вопросов остаются остро дискуссионными. Постоянно появляются новые публикации на данную тему. Американский ученый Д. К. Уо и шведская исследовательница И. Майер в недавней совместной статье проанализировали, насколько глубоко Москва в XVI–XVII столетиях была втянута в процессы общеевропейского обмена новостями. Исследователи показали, что на протяжении XVII в. московское правительство проявляло все больший интерес к европейской прессе. При царе Алексее Михайловиче была создана почта, по которой в Москву постоянно приходили немецкие и голландские газеты. На их основе для царя и бояр составлялись куранты (обзоры прессы)[4]. Отмечая важность этих новшеств, авторы оценили их влияние на общество как «разочаровывающее», поскольку круг пользователей курантов был крайне узок[5].

В работе петербургского ученого А. И. Филюшкина также рассмотрены информационные издания, однако он делает основной акцент на вопросе оценки технологий печати, как фактора развития информационной революции. Исследователь резко возражает против того, чтобы рассматривать появ-

[4] В данной работе слово куранты используется в качестве научного термина, под которым подразумеваются обзоры иностранной прессы, составляемые в дипломатическом ведомстве России для царя и членов правительства. В памятниках XVII–XVIII столетий слово куранты имеет большое число различных значений. Подробнее см.: *Шамин С. М.* Слово «куранты» в русском языке XVII — начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 119–152; *Шамин С. М.* История слова куранты // Диалог культур: Россия–Запад– Восток. Материалы международной накучно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» 15 мая 2012 года. Москва–Ярославль, 2012. С. 85–88.

[5] *Waugh D. C., Maier I.* Muscovy and the European Information Revolution: Creating the Mechanisms for Obtaining Foreign News // Information and Empire Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. Cambridge, 2017. P. 77–112.

ление в Москве первой типографии как доказательство присоединения страны к европейскому «печатному буму». Он считает, что в Москве и европейских странах книгопечатание имеет разную основу. Для Запада это потребность общества в распространении новых знаний и общественно-политических дискуссиях, а для Москвы – инструмент, при помощи которого церковь и государство воздействовали на общество в своих целях. Начало информационной революции в России Филюшкин относит ко второй половине XVIII столетия, когда в русском обществе появилась потребность в печатной продукции как средстве просвещения и ведения политической деятельности[6].

Как видим, анализ исследуемых процессов становится основой для принципиальных выводов о характере культуры и истории развития русского общества. Нет сомнений в том, что выводы И. Майер и Д. К. Уо о крайне узком распространении курантов абсолютно справедливы. Можно также согласиться с Филюшкиным, что только во второй половине XVIII столетия российская пресса впервые стала средством ведения дискуссии в обществе (хотя с другими функциями прессы справлялась уже созданная в 1702 г. первая русская газета «Ведомости»). Однако традиционная сосредоточенность исследователей на сравнении процессов, которые проходили в России и в европейских странах, отвлекает внимание ученых от сущности тех процессов, которые проходили именно в России.

Все это делает актуальным глубокий анализ российской специфики изучаемых процессов. Полученные результаты не только позволят лучше понять особенности генезиса национальной культуры, но и потребуют пересмотра существующих подходов к изучению широкого круга вопросов от истории литературы до внешней политики. Актуальна исследуемая тема и в

---

[6] *Filyushkin A.* Why Did Muscovy Not Participate in the “Communication Revolution” in the Sixteenth Century? // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51. № 2–3. P. 339–350.

контексте международных исследований по истории обмена информацией в эпоху раннего Нового времени[7].

Объектом исследования являются процессы проникновения иностранной прессы в Московское государство и их влияние на становление в стране культуры Нового времени. **Предметом** – переводы европейской прессы, вошедшие в состав приказной документации и рукописные книги.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XV столетия, когда появились первые переводы – до начала XVIII вв., когда в России появилась собственная пресса. Из материалов первой половины XVIII в. привлекаются те, которые имеют аналоги в предшествующем периоде. Когда речь идет о поздних материалах, главная задача исследования – выяснить, какой вклад тексты XVI–XVII вв. внесли в русскую культуру, понять, как дальше развивались начавшиеся в XVI–XVII столетиях процессы. Это позволяет стереть искусственную границу между Московским государством XV–XVII вв. и Российской империей XVIII в., показать преемственность в развитии культуры.

Цель исследования состоит в том, чтобы комплексно проанализировать феномен бытования в России конца XV – начала XVIII столетия иностранной прессы и определить связь этого явления со становлением культуры Нового времени.

Данная целевая установка реализуется посредством следующих **задач:**

1) Выявить в источниках материалы, отражающие процесс проникновения в Московское государство иностранной прессы.

2) Определить пути проникновения иностранной прессы в Россию и проследить практику использования и хранения материалов иностранной прессы на разных исторических этапах.

---

[7] Новейшие сведения по исследованию данной проблемы см. в коллективной монографии: Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018.

3) Установить круг людей, которым была доступна иностранная пресса.

4) Выявить причины, которые побудили российское правительство организовать регулярное составление обзоров иностранной прессы (курантов) и проследить, как проходило заимствование и адаптация к российским условиям европейских информационных технологий.

5) Определить характер влияния, оказываемого иностранной прессой на разные слои русского общества, и выяснить, как переводы иностранной прессы воздействовали на русскую литературу.

6) Показать причины широкой популярности отдельных текстов, заимствованных из европейской прессы.

7) Исследовать связь иностранной прессы с распространением в России культурных практик и технологий Нового времени.

Источники исследования.

При подготовке диссертации использованы рукописные и печатные источники из 9 архивов и книжных собраний Российской Федерации (Архив внешней политики Российской империи; Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей; Государственный исторический музей. Отдел рукописей и старопечатных книг; Государственный исторический музей. Отдел письменных источников; Российский государственный архив древних актов; Российская государственная библиотека. Отдел рукописей; Российская национальная библиотека. Отдел рукописей; Санкт-Петербургский институт истории РАН (дома Н. П. Лихачева). Научно-исторический архив; Отделе книжных фондов Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника), ряд из которых впервые введен в научный оборот. Всего в ходе работы обследовано 46 архивных фондов. Кроме того, привлечен ряд ранее опубликованных материалов.

Основным источником данного исследования стали отдельные *переводы иностранной прессы*, обзоры иностранной прессы – *куранты*, а также пе-

чатные иностранные *газеты, календари, листовки* и другие издания. В историографии вопрос о выделении прессы в качестве отдельного исторического источника является предметом дискуссии, поскольку на страницах периодических изданий могут быть опубликованы документы самого разного характера. Л. Н. Пушкарев ставил вопрос о допустимости такой классификации в зависимость от решаемых в конкретной работе исследовательских задач[8]. Поскольку в данной работе основное внимание сосредоточено на вопросах функционирования иностранной прессы и ее переводов, выделение этих документов в отдельный вид источников является оправданным.

Подавляющая часть использованных в исследовании курантов и печатных материалов происходит из архива Посольского приказа, позднее ставшего Московским главным архивом Министерства иностранных дел. Это заставляет максимально подробно охарактеризовать данный комплекс документов с источниковедческой точки зрения. В настоящее время комплекс относящихся к XVII столетию документов МГАМИД хранится в Российском государственном архиве древних актов. Разборка посольских столбцов с интересующими нас материалами и формирование современных дел производилась сотрудниками МГАМИД в течение XVIII–XIX столетий[9].

Первоначально специального фонда для материалов прессы в архиве предусмотрено не было. К примеру, разобранный вскоре после 1782 г. (датировка по году на филиграни оберточной бумаги) «Столп, а в нем куранты 164-го, 167-го, 168-го, 169-го, 170-го, 171-го году»[10], был описан среди «Приказных дел старых лет», где собирались самые разные документы, связанные с деятельностью Посольского приказа.

---

[8] *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. 1975. С. 226–227.

[9] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Куранты XVII–XVIII столетий в фондах современных архивов // Археографический ежегодник за 2006 год. М., 2011. С. 155–175.

[10] РГАДА. Ф. 141. 1652 г., Ед. хр. 122.

При разборке дел Донского повытья[11], где на конец XVII в. ведались куранты, газетные переводы изначально вообще рассматривались в качестве мусора, который не подлежал дальнейшему хранению. Листы курантов использовались как временные обертки для других документов. При этом на оборотной стороне наносились пометы с описанием содержания обертываемых дел. Так, переводы иностранных газет конца 1660-х гг. на оборотах имеют пометы: «столп Донского повытья 153-го (1644/1645) году», «столп 196 (1687/1688) г. донскои зимовои», «столп Донского повытья 1701-г году, а в нем приезды в Москву зимовых и лехких станиц и о других делех» и т.д.[12]. Спустя какое-то время ошибочность подобного использования переводов иностранной прессы была осознана. Листы собрали и присоединили к делам за соответствующие годы. Однако восстановить их первоначальную последовательность оказалось невозможно. В настоящее время они расположены внутри архивных дел беспорядочно.

Специальный фонд для иностранной прессы и ее переводов (современный фонд 155 РГАДА) возник в конце XVIII столетия. Понять, как этот фонд формировался удалось, проведя комплексный палеографический анализ его описи. Опись имеет заглавие «Реестр газетам (ведомостям)». И под газетами, и под ведомостями в конце XVIII в. подразумевались именно газеты. Архивист использовал в заглавии «иностранное» слово, пояснив его в скобках русским. Как видим, первоначально систематизировать начали только иностранные газеты. Позднее (судя по почерку) титул дополнили словами «На Российском, Латинском, Немецком, Французском, Италианском, Голандском и Аглинском языках печатным и писменным, то есть переводам с некоторых.

---

[11] Сразу отметим, что в XVII столетии повытья не имели устоявшихся названий, закрепленных в приказной документации. Состав дел, ведавшихся разными повытьями, мог меняться. В данной работе для краткости использовалось наименование, закрепившееся за документами в XVII в.

[12] РГАДА. Ф. 155. 1669 г. Ед. хр. 8. Л. 14 об., 20 об., 24 об., 25 об., 30 об., 31 об.; 1669 г., Ед. хр. 10. Л. 1 об.

С 1631-го по 1794-й год»[13]. Это дополнение показывает, что в какой-то момент к газетам было решено добавить их русские переводы. О том же свидетельствует и запись на обороте титульного листа описи: «Сверх чужестранных ведомостей старых лет имеются еще и переводы оных в столбцах, кои в том же шкафу наверху положены и по годам разобраны быть должны». На основании данной записи можно сделать вывод, что в то время, когда работа над разборкой иностранных газет уже велась, переводы еще лежали в столпах, хотя и были уже собраны в одном шкафу с газетами.

Датировать время начала составления описи можно как по почерку заглавий, так и по филиграням бумаги, на которой она составлялась. Все филиграни идентичны, они датируются 1783 г.[14] На то, что опись начала составляться после этой даты, указывает и тот факт, что для обертки некоторых иностранных газет и переводов была взята черновая бумага, которая ранее использовалась при разборке греческих грамот[15]. Между тем греческие грамоты разбирал в конце 1780-х гг. Н. Н. Бантыш-Каменский[16].

Механизм составления описи был следующим. На листах сшитой в тетрадь чистой бумаги проставляли годы – по одному на каждой стороне листа. Архивист фиксировал иностранные газеты по годам, дописывая обнаруженные издания в порядке нахождения. В некоторых случаях под простав-

---

[13] На Л. 1. Ф. 155. Оп. 1 имеется также помета, которая сообщает, что в Московском телеграфе 1827 года стр. 5–33 помещена библиографическая статья А. Я. Булгакова «О первых русских ведомостях и об иностранных повременных изданиях которые выписываемы были в России с 1631 года», а также, что хронологический список, приложенный к статье Булгакова «из сего Архивного реестра» (т.е. из оп. 1. – *С. Ш.*).

[14] Типа Клепиков № 709 «Вензель РФ на фигурном щите и лигатура ЯЕ» (Русская фабрика Якова Евреинова), 1783 г. См.: *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII начала XIX века. М., 1978.

[15] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9; 1703 г. Ед. хр. 8.

[16] *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 1997. С. 216.

ленным годом нет ни одной записи (1662 г.)[17]. Наиболее ранние записи сделаны раздельной скорописью, характерной для XVIII в. В описи обозначались также номера картонов и связок, в которых хранились разобранные документы.

Первоначально реестр начинался с 1631 г.[18] Обнаруженные позднее документы 1621, 1628, 1630, 1633 гг. были вписаны на том же листе на оставшемся месте разными почерками. Переводы иностранных газет, как правило, включены в опись позднее, чем сами иностранные газеты. Записи о русских переводах сделаны беглым гражданским письмом на не заполненных описанием иностранных газет частях листов. К примеру, в одном случае первоначальным почерком под № 1–4 были вписаны названия различных иностранных газет. Потом между № 3 и № 4 были добавлены более поздним почерком «выписки из немецких газет». Они получили № 4, а прежний № 4 стал № 5. Когда еще позднее к списку были добавлены вновь найденные переводы, им был присвоен № 6[19].

В «Донесениях о трудах чиновников Московского архива по 1820 год», в которых отражены основные работы сотрудников архива с 1802 г., обработка иностранных газет и их переводов не отмечена[20]. Следовательно, к 1802 г. первичное формирование фонда уже завершилось. Дополнительные сведения о времени составления современных дел с переводами иностранной прессы можно судить по датам филиграней оберточной бумаги. Большая часть водяных знаков относится к рубежу XVIII–XIX вв. Однако имеются также обертки, на которых филиграни сопровождаются «белыми датами» 1801, 1802, 1804, 1807, 1808, 1822, 1823, 1824[21]. При этом надо учитывать,

[17] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Л. 8.

[18] Там же. Л. 2.

[19] Там же. Л. 5.

[20] АВПРИ. Ф. 1-III. Оп. 19. 1802 г. № 1.

[21] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1, 1666 г. Ед. хр. 11; 1664 г. Ед. хр. 2; 1664 г. Ед. хр. 3; 1665 г. Ед. хр. 11;

что в 1812 г. архив был отправлен в эвакуацию, затем приводился в порядок по возвращении в Москву.

Таким образом, фонд начал складываться не ранее 1783 г. Вероятнее всего, его сформировали между концом 1780-х гг. и 1801 г., а потом постепенно пополнялся в течение многих лет. К 1825 г. эта работа была в основном завершена. О том, кто именно комплектовал фонд 155, в настоящее время ничего не известно. Можно лишь с уверенностью сказать, что в этой работе принимал участие Н. Н. Бантыш-Каменский. Выполненные им пометы имеются на серии дел[22]. Однако дела, подписанные Бантыш-Каменским, составляют незначительную часть фонда.

Следует сказать несколько слов о методах работы архивистов при разборе столбцов и тетрадей XVII в. Листы столбцов при их разборке не нумеровались (по крайней мере, еще в 1906 г. такая нумерация отсутствовала[23]). Отсутствие пагинации позволяло дополнять дело вновь найденными материалами. Между тем к работе с курантами допускались исследователи. Это способствовало нарушению порядка листов в документах. Основная сложность в работе архивистов заключалась в том, что, как показывают описи архивов Тайного и Посольского приказов, куранты за один год могли храниться в нескольких столбцах и, наоборот, в одном столбце могли храниться куранты за несколько лет. В конце XVIII – начале XIX в. архивисты пытались

1667 г. Ед. хр. 10; 1668 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 8; 1669 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 10; 1670 г. Ед. хр. 8; 1672 г. Ед. хр. 8.; 1673 г. Ед. хр. 9.; 1673 г. Ед. хр. 10; 1674 г. Ед. хр. 8; 1675 г. Ед. хр. 8.; 1676 г. Ед. хр. 8.; 1677 г. Ед. хр. 7.; 1679 г. Ед. хр. 5.; 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 6; 1697 г. Ед. хр. 12; 1697 г. Ед. хр. 13; 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1.; 1699 г. Ед. хр. 10; 1699 г. Ед. хр. 11.; 1699 г. Ед. хр. 12; 1700 г. Ед. хр. 8.; 1700 г. Ед. хр. 9.; 1701 г. Ед. хр. 14. Ч. 1.; Оп. 2. Ед. хр. 2. 1620 г.; Ед. хр. 37. 1672 г.; Ед. хр. 41. 1681 г.

[22] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1699 г. Ед. хр. 10; 1700 г. Ед. хр. 8; 1701 г. Ед. хр. 14. Ч. 1; 1702 г. Ед. хр. 9; 1703 г. Ед. хр. 8. Автор благодарит за помощь в идентификации почерков А. Д. Шахову.

[23] *Покровский А.* К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Великого. Вып. 2. М., 1906. С. 15.

разобрать материал по годам в хронологическом порядке. Это хорошо видно на примере одного из дел 1666 г.[24] Оно было собрано из материалов нескольких столбцов XVII в. В деле присутствуют и листы со скрепой дьяка Артемия Степанова, которая проставлялась при передаче дел из ликвидированного после смерти Алексея Михайловича приказа Тайных дел в Посольский приказ, а также листы без скреп, которые, вероятнее всего, изначально хранились в Посольском приказе. В XVII столетии материалы этого дела находились не менее, чем в пяти разных столбцах. Все столбцы включены в дело лишь частично. Материалы из них расположены не единым комплексом, а чередуются.

Общий итог разбора столбцов нельзя признать вполне удовлетворительным. Так в 211 единицах издания курантов за 1660–1670 гг. находим несколько десятков случаев, когда дата документов не совпадает с датировкой дела[25]. Тетради и столбцы с обзорами 1670–1690-х гг. архивисты дополняли гораздо реже, хотя и здесь встречаются исключения. К примеру, от времени правления царевны Софьи сохранилось значительное количество вторых экземпляров курантов. В настоящее время они лежат вместе с первыми экземплярами, однако в XVII в. эти дубликаты были собраны отдельно, о чем свидетельствует помета «куранты розных годов, не надобные для того, что в столпах таковые вклеены» на курантах 19 ноября 1688 г.[26]

Некоторые из документов, отобранных для включения в состав фонда, по какой-то причине не были к нему присоединены. Как пример можно привести «список с белорусского письма» и само «письмо», переведенное 30 января 1653 г. Документ представляет собой вестовое письмо на «белорусском» языке (определение языка дано переводчиками XVII в., с моей точки зрения, в его переводе не было необходимости, он мало отличается от оригинала). В

[24] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1666 г., Ед. хр. 11.

[25] Более подробно о составе современных архивных дел см.: В-К VI (Ч. 1). С. 9–59.

[26] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Ч. IV. Л. 307 об.

рукописи сообщается о том, что жена польского короля Казимира родила «дитя или детищ пять глав имеющ, от них иже едина глава человеческая была, прочи звериные главы». На обороте первого листа дела стоит помета, сделанная почерком конца XVIII – начала XIX в. – «В куранты». Несмотря на эту помету, документы остался в современном фонде 141 РГАДА[27]. Можно привести и обратный случай. Одно из дел 1672 г. первоначально имело заглавие: «...о всяких... Переводы с писем из раз[ных мест] и от разных персон о турецки[х и по]лских воинских движениях. Столп расклеен и перемешан за...». Ниже вписано слово «турецкой», которое свидетельствует о том, что в какой-то момент дело планировали включить в фонд по связям с Турцией. Однако затем эту запись вычеркнули, а дело присоединили к курантам[28].

Если разделение столбцов Посольского приказа архивисты конца XVIII–XIX вв. пытались производить по хронологии, то принцип отбора материалов для фонда проследить удается не всегда. Из разных дел Посольского приказа и Коллегии иностранных дел архивисты отбирали в фонд 155 следующие документы: 1) отдельные переводы иностранных газет (печатных и рукописных) и других информационных изданий XVII–XVIII вв.; 2) обзоры иностранной прессы 1660–1730-х гг. («переводы с курантов», «выписки с курантов»); 3) составляемые для царя Петра Алексеевича краткие выписки из русских обзоров иностранной прессы («выписки с курантов»); 4) копии русских печатных газет XVIII в.; 5) газеты XVII–XVIII в. (русские и иностранные); 6) «Ведомости публичные из Коллегии иностранных дел» (рукописные и печатные); 7) делопроизводственную документацию. Кроме того, в состав фонда были включены отдельные материалы разного характера с внешнеполитическими известиями. Вероятнее всего, в фонде собирались все вестовые материалы, которые нельзя было отнести к документам по связям с конкретной страной. Таким образом, в состав фонда был включен широкий спектр

[27] РГАДА. Ф. 141. 1653 г. Ед. хр. 130.

[28] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7.

разнородных материалов, относящихся к теме данного диссертационного исследования.

После революции, 26 марта 1928 г. фонд был передан из МГАМИД в РГАДА (в то время Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР)[29]. При передаче он назывался Иностранные ведомости (куранты) и газеты (иностранные и русские). В это время они хранились в 44 картонах (1621–1699 гг.) и «много в папках». Описание позволяет предположить, что к моменту передачи дел в РГАДА документы XVIII в. не были должным образом систематизированы, вследствие чего не нашли отражения в публикациях исследователей. На 31 мая 1935 г. в фонде числились не разобранными 1456 дел. В дальнейшем фонд неоднократно менял название[30]. В 1950-х гг. часть единиц хранения (начиная с 1720 г.) передавалась в МИД СССР (современный АВПРИ). Возможно, что примерно в то же время или несколько позже не переданные в МИД СССР печатные иностранные газеты XVIII в. были исключены из состава фонда и переданы в библиотеку РГАДА. Среди оставшихся в РГАДА документов по акту 1960 г. отмечено отсутствие 9 дел, указанных в описи № 1[31]. Часть их в настоящее время находятся в библиотеке РГАДА. В 1973 г. была обнаружена не внесенная в опись № 1 единица 1661 г.

В 1970-х гг. было проведено описание россыпи фонда 155. Из вновь описанных дел в 1980 г. сформирована опись № 2 объемом в 105 единиц хра-

---

[29] РГАДА. Дело фонда 155.

[30] По акту проверки 5 августа 1948 г. – Иностранные газеты, по акту 29 июля 1954 г. – Иностранные ведомости (куранты) и газеты.

[31] 1686. № 4, польские газеты г. Кракова; 1697. № 4, «новоприезжей» немецкий курьер; 1697. № 6, Краковские польские ведомости; 1697. № 9, гарлемские голландские газеты; 1697. № 10 Лейденские голландские газеты; 1700. № 5, Гамбургский северный немецкий меркурий № 102; 1700. № 4, Гамбургские европейские ведомости № 103; 1704. № 8, Стокгольмская шведская газета №15; 1706. № 9, Амстердамская французская газета № 100.

нения[32]. Документы, которые вошли в опись № 2, имеют особенно плохую сохранность. Особняком стоят материалы (в основном переводы иностранной прессы) из Великого посольства[33]. Большой интерес представляет единица хранения № 97 (1728 г.) – почти полный комплект обзоров иностранной прессы за 1728 г. Основная часть таких годовых комплектов хранится в АВПРИ в фонде 11 Иностранные газеты. Данный комплект 1728 г., скорее всего, не был передан в АВПРИ случайно.

Переданные в АВПРИ документы отложились в составе фонда 11 (оп. 11/1; 11/2, 11/3). Среди документов за 1720–1729 гг. оказались переводы иностранной прессы двух типов: куранты – черновики печатных «Ведомостей» и куранты – обзоры иностранной прессы. Позднее из россыпи «Внутренних коллежских дел» были извлечены и включены в фонд 11 обзоры иностранной прессы за 1730, 1731 гг. и отдельные переводы более позднего времени вплоть до XIX в. Таким образом, фонд 11 АВПРИ дополнен материалами,

---

[32] Отдельные дела добавлялись в эту опись в 1982–1984 гг. К 1985 г. в фонде насчитывалось 677 единиц хранения в их числе 82 дела, нуждающихся в реставрации. В путеводителе РГАДА приводятся данные, в отдельных пунктах отличающиеся от наших. В путеводителе датой поступления фонда в архив назван 1925 г. Здесь же указывается, что описанные в 1970-е гг. документы (оп. 2) выделены из Ф. 141 «Приказные дела старых лет» (см.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: В 4 т. Т. 4. М., 1999. С. 32.). Однако на документах, вошедших в состав оп. 2 имеются многочисленные пометы архивистов конца XVIII–XIX в. о присоединении их к «курантам» или «газетам» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 39. 1678 г. Л. 4 об. помета почерком конца XVIII - начала XIX в. «в куранты»; РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 61. 1693 г. На Л. 1. об почерком конца XVIII – начала XIX помета «7201 году к газетам», Л. 29. об. почерком конца XVIII – начала XIX помета «куранты»; Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 73. 1690-е гг. На Л. 1 об. помета почерком конца XVIII - начала XIX в. «в куранты года нет». Имеется и значительное количество других примеров). На обложке одного из дел (оп. 1) имеется перечеркнутый штамп Ф. 159.: Приказные дела новой разборки (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 12.). Очевидно, что сведения о включении в Ф. 155 материалов из Ф. 141 связаны или с единичными документами, или с тем, что часть не описанной россыпи из Ф. 155 на какое-то время передавалась в ф. 141. Вопрос о причине появление в составе Ф. 155 дела из Ф. 159 требует дальнейшего изучения.

[33] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 67. 1697 г.; Ед. хр. 87. Кон. 1690-х; 1707 гг.

которые отсутствовали в фонде 155 РГАДА до его разделения. Примерно половина хранящихся в АВПРИ обзоров иностранной прессы имеет плохую сохранность и не выдаются исследователям. Наиболее ценны относительно полные обзоры иностранной прессы 1724–1731 гг.

Если материалы из фонда 155 РГАДА (и выделенного из этого собрания фонда 11 АВПРИ) включают значительные по объему комплексы обзоров иностранной прессы, то в остальных случаях мы встречаем обычно отдельные документы. Выше уже говорилось о курантах из фонда 141 РГАДА (Приказные дела старых лет), куда обзоры иностранной прессы попали из-за того, что на момент начала его комплектования специального фонда для иностранных газет и их переводов еще не существовало. В некоторые фонды переводы иностранных газет попали случайно, как например в фонд 159 РГАДА (Приказные дела новой разборки)[34], и фонд 125 РГАДА (Монастырские дела)[35]. Часть листов курантов, оказавшихся среди монастырских дел, имеют следы вторичного использования.

Очень интересно ветхое дело, отложившееся в составе фонда 27 РГАДА (Разряд XXVII – приказ Тайных дел)[36]. Данная единица хранения не входила в первоначальный состав фонда, а была включена в него значительно позднее, уже в конце XX в. Его составляют расклеенные столбцы, грубо сшитые, вероятно, в конце XVIII – начале XIX в. Листы дела сильно перепачканы органическим веществом серо-коричневого цвета (возможно, в 1812 г., когда часть архива оказалась выброшена в ров Кремля), которое до настоящего времени сохраняет неприятный запах. Дело включает статейный список о ходе переговоров, предшествовавших заключению Кардисского мира, и другие документы по сношениям со Швецией 1661 г. Составлено оно из раз-

[34] РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 1490. 1682 г. В данное дело включено 11 листов из разных комплектов курантов за конец 1670-х – начало 1680-х гг.

[35] РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Ед. хр. 129, 368, 369

[36] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 621.

личных столбцов, происходящих из Посольского приказа и Приказа Тайных дел. Включили в него и куранты[37]. Скорее всего, данное дело первоначально собиралось для фонда 96 (Сношения России со Швецией), но вследствие загрязнения органикой так и не было включено в фонд.

Комплекс курантов, связанных с Великим посольством, выявил в различных фондах А. Г. Гуськов. Часть из них попала в Кабинет Петра I. Скорее всего, они изначально хранились среди бумаг Петра I. Переводы европейских газет, присланных в Великое посольство из Вены переводчиком Адамом Стилем (Свейковским), отложились среди материалов по сношениям с Австрией и Германской империей, а посланные русским резидентом в Речи Посполитой А. В. Никитиным – среди польских дел[38]. Отдельные переводы иностранной прессы встречаются и в составе фондов по связям России с различными странами[39], что в большинстве случаев отражает их реальное хранение вместе с другими дипломатическими документами.

Особый интерес представляют небольшие комплекты переводов иностранной прессы, оказавшиеся вне РГАДА. Два комплекта (1655 г. и конца XVII в.) имеются в ОПИ ГИМ в составе фонда 440 (И. Е. Забелина)[40]. Комплект 1655 г. опубликован Забелиным в 1880 г.[41] вместе с «Переводом с голландских печатных курантов, каковы подал Иван Фансведен в нынешнем в 173 году июля в 20 день». Это позволяет сделать вывод, что в распоряжении ученого имелись, как минимум, три комплекта переводов иностранной прессы за разные хронологические периоды. В фонде 155 РГАДА экземпляры

---

[37] Описание см.: В-К VI (Ч. 1). С. 32–33.

[38] *Гуськов А. Г.* Великое посольство Петра I... С. 24, 210; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Ед. хр. 1. Ч. 2; Ф. 32. Ед. хр. 12 (1697); Ед. хр. 13 (1697); Ед. хр. 49 (1698); Ед. хр. 53. (1697); Ед. хр. 69 (1697); Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 6. (1697), Ед. хр. 3. (1698).

[39] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1660 г. Ед. хр. 1, 2; Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 147, 261; Ф. 50. Оп. 1. 1666. Ед. хр. 2; 1700 г. Ед. хр. 5 и др.

[40] ОПИ ГИМ. Ф. 440 (И. Е. Забелина). Оп. 2 Ед. хр. 26 (26/2) Л. 22–34; Оп. 4. Ед. хр. 15 (15/4).

[41] *Забелин И. Е.* Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. Кн. II. 1880. С. 37–46.

этих переводов отсутствуют. Поскольку документы данного типа вне архива Посольского приказа встречаются крайне редко, а у Забелина оказалась целая подборка за разные десятилетия, мы можем с большой долей вероятности предположить, что хранящиеся в фонде Забелина материалы происходят из МГАМИД. В XIX в. другого источника, где можно было бы собрать такую коллекцию, не существовало.

Небольшие комплексы подлинных переводов иностранной прессы за 1639, 1672, 1684, 1687, 1689 гг. и их копии XIX в., а также не сохранившиеся в подлинниках копии курантов 1684 г. и 1690 г., выполненные в XIX в., отложились в Рукописном отделе БАН[42], куда поступили из коллекции Ф. А. Толстого. Они, вероятнее всего, также попали туда из МГАМИД в XIX в., когда куранты уже вошли в научную моду, а их описание еще не было закончено. Так на обороте курантов 13 марта 1672 г. имеется помета почерком XIX в. «в куранты 7180», аналогичная тем, что встречаются на документах РГАДА[43]. Толстой, в собрании которого была, как минимум, одна рукописная книга с материалами из иностранной прессы, явно интересовался курантами. Скорее всего, первоначально рукописи были взяты лишь для копирования. Иначе сложно объяснить причину появления имитирующих столбцы XVII в. копий XIX в.

По утверждению А. Ф. Бычкова, в 1850-х гг. Публичная библиотека приобрела часть обзоров голландских газет, которые составлял А. А. Матвеев во время своего пребывания в Гааге в качестве дипломатического представителя России[44]. В настоящее время точное местонахождение этих материалов

---

[42] ОР БАН. 32.14.11.; 32.14.12. См. также: В-К I. С. 15, 16; *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII в. М.-Л., 1952. С. 25; Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2.: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. Л. 1965. С. 324–328. Находящиеся в деле 32.14.11. вестовые материалы 1675 г., скорее всего, не были связаны с курантами.

[43] ОР БАН. 32.14.11. № 1. (подлинники). Л. 1 об.

[44] *Бычков А. Ф.* Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855. С. 17.

остается неизвестным. Вероятнее всего, здесь произошла ошибка, и Бычков имел в виду не куранты, а книгу с копиями вестовых писем Матвеева, в которой имеется несколько переводов статей из иностранных газет. Тут же присутствуют пометы о пересылке в Москву курантов, составленных Матвеевым в Гааге[45].

В архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН хранятся копии переводов иностранной прессы за 1621–1643 гг., снятые в 1901–1902 гг. в МГАМИД делопроизводителем Н. В. Голицыным (940 л.)[46].

Вторым по важности источником стали *рукописные книги*. Безусловно, в составе рукописных книг можно встретить источники самых разных видов. Однако для данного исследования при анализе рукописных сборников наиболее важен вопрос о функционировании интересующих нас документов вне комплекса приказной документации. Рукописные сборники важны для нашей темы, как отражение той среды, в которой не связанные с дипломатической службой люди читали покинувшие приказные стены переводы. Это позволяет в рамках данного диссертационного исследования выделить рукописную книжность, как и прессу, в отдельную группу источников.

Выявление в массе рукописных книг тех рукописных сборников, которые содержат переводы прессы, оказалось отдельной задачей, которую пришлось решить при разработке темы. Проблема состоит в том, что из-за небольшого объема текстов они очень редко находятся в отдельных рукописях или выделены в самостоятельные единицы архивного хранения. Из-за этого возможность найти новый памятник оказываются в прямой зависимости от качества описаний рукописных собраний. Для работы подходят только описи с полностью раскрытым содержанием книг. К сожалению, даже в центральных книгохранилищах некоторые из важнейших собраний, к примеру, Музейское собрание ГИМ, не имеют полного описания. В описях такого значи-

[45] ОР РНБ. F.IV. 492.

[46] СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 26.

мого корпуса памятников, как Рукописный отдел библиотеки МГАМИД, есть лишь краткие характеристики книг с указаниями наиболее крупных произведений. При изучении нашей тематики подобные описи, к сожалению, бесполезны. Описания, имеющие достаточное для нашего исследования качество, скорее исключение, чем правило. Но даже в образцовых описаниях с полной росписью содержания краткие тексты иногда «теряются», поскольку авторы описей видят в них продолжение предыдущего сочинения. Впрочем, в некоторых случаях искомые памятники действительно включаются в состав более крупных сочинений, к примеру, летописей. В результате процесс формирования источниковой базы идет крайне медленно. Зачастую книги приходится просматривать полистно.

Из-за большого объема работы целенаправленный поиск рукописных текстов проводился лишь в собраниях Москвы и Петербурга. В Москве это отдел рукописей Государственного исторического музея (Синодальное собрание, Собрание А. С. Уварова), отдел рукописей Российской государственной библиотеки (собрание Е. Е. Егорова, Музейное собрание, собрание Оптиной пустыни, собрание А. Н. Попова, собрание В. М. Ундольского, Нижегородское собрание), а также рукописные собрания Российского государственного архива древних актов (фонд 181 Рукописный отдел МГАМИД; фонд 187 Рукописное собрание Центрального государственного архива литературы и искусства СССР; фонд 188 Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов; фонд 196 Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина; фонд 375 Исторические сочинения). В Петербурге – отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря, Основное собрание рукописных книг, собрание М. П. Погодина, собрание Русского археологического общества, Библиотека соловецкого монастыря, Новое собрание рукописной книги), отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (Основное собрание, Библиотека Петра I) и Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Собрание

Археографической комиссии).

Остальные источники имеют вспомогательный характер. Они позволяют осмыслить роль, которую переводы иностранной прессы играли в дипломатии и культуре России. Среди них важно отметить *следственные дела*, так или иначе связанные с распространения переводов. В основном, они отложились в фонде РГАДА 7 Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Одно подобное дело хранится в фонде Разрядного приказа[47]. Из опубликованных документов использовались также материалы «розыска» по делу Федора Шакловитого[48]. Материалы следствия позволяют проследить пути распространения изучаемых текстов вне государственных приказов, выяснить, как оценивали и интерпретировали материалы иностранных изданий простые люди, какую роль эти тексты играли в русском обществе изучаемого периода.

Не менее важны находящиеся в РГАДА дипломатические документы – *книги и столбцы Посольского приказа*. Они позволяют установить то, какую роль переводы иностранной прессы играли в работе русской дипломатии. Уже сам факт наличия переводов в одном комплексе с дипломатическими материалами говорит о том, что они были востребованы в дипломатической работе. С этой целью были проанализированы отдельные материалы фондов РГАДА 32 Сношения России с Австрией и Германской империей, 35 Сношения России с Англией, 50 Сношения России с Голландией, 52 Сношения России с Грецией, 64 Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией, 74 Сношения России с Пруссией, 79 Сношения России с Польшей, 96. Сношения России с Швецией, а также опубликованные документы

[47] Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18. Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. – 20 мая 1643 г. С. 270.

[48] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893.

по связям России с различными странами[49]. К этой группе документов примыкает *делопроизводственная документация дипломатических миссий*[50], а также *описи документов* Посольского приказа[51] и Тайного приказа[52]. Важные сведения о людях, которые в Посольском приказе работали с иностранной прессой отложились в *делопроизводственных документах* Посольского приказа в фонде РГАДА 138 Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Другая важная группа делопроизводственных документов происходящих из архива Посольского приказа – материалы связанные с работой почты. Они хранятся в фонде 162 Почтовые дела. Наиболее важная часть данного комплекса опубликована И. П. Козловским[53].

Нарративные памятники использовались как источник дополнительных сведений о бытовании иностранной прессы в России, так и для интерпретации данных основных источников. Привлекались *записки иностранцев*[54], *русских людей*[55], *исторические сочинения и памятники летописного*

---

[49] ПДС. Т. 1–10. СПб. 1851–1871; *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 г. М. 1897.

[50] *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов / отв. ред. Е. Е. Лыкова, сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. М., 2006.

[51] Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М. 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.

[52] РИБ. Т. 21. Дела приказа Тайных дел. Кн. 1. СПб. 1907.

[53] *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. В 2 т. Варшава, 1913. Т. 2.

[54] *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб., 1996; *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915; Московия и Европа. М., 2000; О начале войн и смут в Московии. М., 1997; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003; Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. М., 1997.

[55] *Богданов А. П.* Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990; *Нартов*

характера[56]. Использовались также *эпистолярные тексты*[57].

Степень изученности темы

Анализируя историографию изучаемой проблемы[58], следует отметить, что она долгое время была крайне раздроблена. Первоначально исследователи обращали внимание на историю отдельных текстов, многие из которых имеют обширную историографию. Наиболее целостный историографический блок составляли публикации, посвященные не существовавшей в реальности «русской рукописной газете XVII века». Работы ученых, обнаруживавших, что «рукописная газета» – историографическое недоразумение, долгое время не были востребованы и не попадали в поле зрения коллег. Общее историографическое пространство для изучаемой темы сложилось лишь к концу XX

А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом СПб., 1891; Памятники литературы Древней Руси. / сост. И ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. В 12 вып. Вып. 11: XVII век. Кн. 2. М., 1989; *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.

[56] Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878; *Лызлов А.* Скифская история / под. ред. А. П. Богданова, Е. В. Чистяковой. М., 1990; *Римский-Корсаков И.* Генеалогиа явленной от сотворения мира фамилии… Корсаков-Римских / сост. А. П. Богданов. М., 1994.

[57] Письма императора Петра Великаго к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану: С ответом на оныя и на отзывы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шейна, князя Бориса Алексеевича Голицина, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева / На ижд[ивении] П. Б. [огдановича]». СПб., 1788; ПиБ ПВ. Т. 1–13. СПб., М. 1887–1992; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993; Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676–1717). К истории Северной войны. Сборник документов / Сост. С. Р. Долгова, Г. Р. Якушкин. М.; СПб., 2015.

[58] Подробную библиографию см.; *Шамин С. М.* Иностранная пресса в допетровской России (история изучения и современное состояние проблемы) // Проблемы Российской истории. Вып. IV. Магнитогорск 2004. С. 196–214; *Шамин С. М.* Переводы иностранной прессы в русской книжной рукописной традиции до начала XVIII века: история изучения // Российская история. 2009. № 2. С. 3–14.

века. Это заставляет при написании историографического обзора сосредоточиться на основных проблемах, встававших перед исследователями.

Исследования русских переводов иностранной прессы началось в 1827 г. На материалы современного 155 фонда РГАДА обратил внимание сотрудник МГАМИД А. Я. Булгаков[59]. Он имел дело уже не с исторически сложившимся архивом XVII в., а с тем фондом, который на рубеже XVIII и XIX столетий сформировали сотрудники МГАМИД не только из курантов, но и из других вестовых материалов. Статья Булгакова была написана как ответ на библиографический вопрос: «в котором году прошедшего столетия начались издаваться С. Петербургские Ведомости»? К сожалению, автор, хотя и был сотрудником архива, навыками исторического исследования не обладал. Литературоведам он известен, как сочинитель писем и дневников. Булгаков попросту запутался в материалах.

В публикации указано, что «самые старинные Ведомости, сохранившиеся в Московском государственном Коллегии иностранных дел архиве, от 7129 года, т.е. 1621 после Р. Х. Они заключаются в рукописных, так называемых столбцах, и ни что иное суть, как переводы и выписки из современных европейских ведомостей о разных в Европе военных и мирных постановлениях. Они в то время именовались курантами и составлялись (токмо для царского употребления и для приближенных министров его величества) в Посольском приказе, из донесений разных агентов, пребывавших в чужих краях, а особливо в Польше»[60].

Ниже Булгаков писал: «С 1631 года начали уже появляться в Русском Царстве печатные иностранные ведомости и газеты, и первейшие были Гамбургские. Кроме оных в последствии выписываемы были еще многие другие на немецком, голландском, французском и прочих европейских языках. Не-

---

[59] *Булгаков А. Я.* Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. Ч. 16. № 13. С. 5–33.

[60] Там же. С. 7.

смотря на получение газет сих, составление в Посольском приказе, так называемых курантов или переводов и выписок из разных иностранных газет, все еще продолжалось, и прекратилось токмо в 1701 году. К сему времени должно вероятно отнести появление в свет первых печатных Российских Ведомостей, заменивших рукописные куранты»[61]. Время появления и исчезновения курантов было определено исследователем по крайним датам документов, хранившихся в составе разобранных на тот момент дел фонда. Легко заметить, что у Булгакова слово куранты используется в двух разных значениях. В одном месте он пишет, что куранты составлялись из «донесений разных агентов, пребывавших в чужих краях, а особливо в Польше». С другой стороны «так называемые куранты» это «переводы и выписки из разных иностранных газет». Такая двойственность связана с различным происхождением документов, которые Булгаков пытался рассматривать как одно целое.

Ошибка Булгакова прочно закрепилась в литературе, поскольку обращавшиеся к курантам исследователи не имели доступа в МГАМИД и пользовались статьей Булгакова в комплексе с документами, случайно оказавшимися вне основного архивного фонда. По мнению составителя первого историографического обзора литературы о курантах А. Н. Шлосберга (1911 г.), «позднейшие сочинения, в которых упоминается о курантах, обыкновенно только повторяют замечания Булгакова»[62]. В целом у исследователей складывалось представление о том, что в МГАМИД хранится некая газета. Уже в 1833 г. А. Ф. Малиновский в статье об А. Л. Ордине-Нащокине именовал куранты газетами[63]. Однако уровень знаний о курантах все же постепенно повышался. В 1855 г. А. Ф. Бычков, подготовивший юбилейную публикацию о

---

[61] Там же. С. 9.

[62] *Шлосберг А. Н.* Начало периодической печати в России // ЖМНП. 1911. Сентябрь. С. 63–71.

[63] *Малиновский А. Ф.* Биографические сведения о первом в России канцлере, боярине Афанасие Лаврентьевиче Ордыне-Нащокине // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. VI. М., 1833. С. 188.

«Ведомостях», впервые отметил, что слово «куранты» заимствовано из голландского языка, ввел в научный оборот договор ван Сведена с приказом Тайных дел об организации почты, указ Петра I о публикации курантов, сведения о доставке в Россию иностранной прессы из записок участника шведского посольства в Россию Иоганна Филиппа Кильбургера (1674 г.) и др.[64] Любопытно, что высокопрофессиональная публикация Бычкова ускользнула от внимания большинства авторов, писавших о курантах в XIX – начале XX в.

Только И. Е. Забелин смог получить доступ к курантам и начать их публикацию (лично и совместно с Ф. И. Буслаевым). С 1861 по 1880 г. он издал отдельные документы за 1655, 1665, 1682 гг. Большинство опубликованных Забелиным материалов в настоящее время находятся в ОПИ ГИМ. Они ничем не отличаются от документов РГАДА[65]. Все публикации были сделаны без каких-либо источниковедческих или исторических комментариев. Забелин использовал куранты в своих работах крайне осторожно. Он лишь отметил, что «со времен царя Алексея Михайловича стали вывозить и куранты, или тогдашние европейские журналы, которые постоянно переводились для чтения государю»[66]. Таким образом, Забелин вполне точно определил время начала составления обзоров иностранной прессы для царя и Боярской Думы, что, в прочем, осталось не известно большинству авторов, писавших о курантах в последующие десятилетия.

---

[64] *Бычков А. Ф.* Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855. С. 6.

[65] *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 1143–1146; Летопись занятий археографической комиссии за 1865–1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. Раздел II. С. 56–59; *Забелин И. Е.* Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. 1880. Кн. II. С. 37–46. В том, что Забелин публиковал именно документы из архива Посольского приказа, вряд ли можно сомневаться. В одном случае он прямо указывает, что «современный список писем столбцом на шести листах хранится между “Приказных дел”» (ныне РГАДА. Ф. 141.).

[66] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1895. С. 373.

Поскольку куранты оказались неразрывно связанными с историей русской прессы, то почти ни одна более или менее подробная работа по истории русской журналистики не обходилась без упоминания о них. К концу XIX в. сложившийся в публицистике взгляд на куранты был зафиксирован в энциклопедической литературе. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона в статье «Газета» куранты были определены следующим образом: «В России газета появилась по инициативе правительства. Первые зачатки газеты в России относятся к XVII в., когда из донесений различных заграничных агентов в московском Посольском приказе составляли для царя извлечения; с 1621 г. извлечения эти становятся известными под именем курантов; с 1631 г. правительство стало выписывать печатные иностранные газеты и по ним составлять куранты, которые с 1665 г., когда учреждена правильная почта, подавались царю в определенные сроки»[67]. Очевидно, что вся эта информация взята из публикации Булгакова. При этом замечание Забелина о появлении курантов при Алексее Михайловиче было проигнорировано.

Если работавший с реальными документами Булгаков не мог дать единого определения разнородному по своему составу материалу (хотя и писал об этих документах как о едином комплексе), то автор энциклопедической статьи отказался от такой непоследовательности и выстроил четкую схему появления «газеты» в России. Как видим, попытка систематизировать плохо изученные материалы привела к конструированию не существовавшего в реальном прошлом объекта. Фиксация этого объекта в виде словарной статьи крайне негативно сказалась на дальнейшем изучении истории бытования иностранной прессы в России. Предположение, что в московском архиве МИД хранится некий «зачаток газеты», появившийся в 1621 г., стало общеизвестным «фактом». В результате исследователи, обращаясь к архивным материалам 155 фонда РГАДА изначально ставили ошибочную задачу. Они

[67] *Брокгауз Ф. А. Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. VIIa. Спб. 1892. С. 802.

приступали к изучению рукописной газеты, что закономерно вело их к неудаче.

То, как ошибочно поставленная задача приводит к крушению большого и значимого для науки проекта, лучше всего видно на примере работавшего с материалами 155 фонда РГАДА делопроизводителя МГАМИД князя Н. В. Голицына. На момент обращения к интересующим нас материалам Голицын был еще молодым человеком, хотя и имел уже несколько качественных публикаций по истории отношений России с западными странами в XVII–XVIII вв.[68] Он приступил к своему исследованию в связи с готовившимся празднованием 200-летия «Московских ведомостей». В 1901 Голицын предложил Археографической комиссии подготовить к изданию хранящиеся в МГАМИД куранты[69]. В течение 1901–1902 гг. комиссия неоднократно рассматривала записки Голицына о предполагавшемся издании. 19 апреля 1901 г. Голицын писал, что об «иностранных ведомостях, так называемых курантах XVII в., известно очень мало, хотя эти документы представляют большой интерес как исторический материал, свидетельствующий, насколько известны были события западноевропейской жизни в Московском правительстве XVII в., насколько они возбуждали интерес в правительственной среде того времени». Записка была одобрена С. А. Белокуровым. Последний считал издание курантов особенно актуально «ввиду исполняющегося 200-летия русской периодической печати» и вместе с тем отмечал: «Отличные познания князя Голицына и превосходные знания им иностранных языков служат ручательством, что издание это будет исполнено им совершенно безукоризненно».

Наличие устоявшейся традиции, относившей возникновение курантов к 1621 г., сыграло с Голицыным злую шутку. Считая наиболее ценными самые ранние материалы, он сосредоточился на изучении искусственно собранных

---

[68] См., к примеру: *Голицын Н. В.* Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. М., 1898.

[69] В-К I. С. 11–12.

вместе архивистами рубежа XVIII–XIX вв. документов первой половины XVII в. При таком подходе Голицын просто не добрался до предмета своего исследования (курантов) и не смог реально оценить исследуемый источник. Зато он обнаружил, что разные вестовые материалы хранятся и в других фондах, сформированных на основе документов Посольского приказа (к примеру, письма Исаака Массы и Юрия Клинка в Голландских делах). Вновь найденные документы исследователь включил в состав своей предполагаемой публикации. Таким образом, работа Голицына создала для изучения курантов дополнительные трудности. Фактически он конструировал из различной дипломатической документации искусственный «исторический источник». Спустя полгода после начала работы исследователь обратил внимание, что «только с 1643 г. начинается более правильное соответствие между русским текстом и иностранными подлинниками». Это наблюдение не натолкнуло Голицына на мысль, что он имеет дело с разнородным материалом. Однако у некоторых членов Археографической комиссии в ходе подготовки публикации возникли вопросы о том, что же все-таки надо публиковать? Упор члены комиссии делали на необходимость разыскания иностранных оригиналов, что позволило бы точнее определить характер источника. А. А. Шахматов заявил, что «печатаемый материал из вестей вряд ли может представлять интерес, если его не сопроводить объяснительными примечаниями». Фактически Шахматов настаивал на необходимости проведения источниковедческого исследования, а поскольку предлагаемый к печати материал был собран из разных архивных комплексов, то выполнение требования Шахматова автоматически сняло бы вопрос о публикации. Учитывая большой объем проделанной к этому моменту работы, ситуация получалась скандальной. В протоколе заседания комиссии от 10 декабря 1902 г. появилась запись: «Ввиду отсутствия средств, к печатанию “Вестей” в 1903 г. приступлено не будет». Учитывая, что финансовое положение Археографической комиссии в данный период было вполне обычным, а публикация вообще не состоялась,

можно не сомневаться, что ссылка на отсутствие финансирования была средством избежать публичного скандала. Таким образом, изучение курантов в рамках работы Археографической комиссии в Петербурге прекратилось. Любопытно, что специалист по истории книги Н. М. Лисовский, работавший в тесном контакте с Шахматовым, в обзорной статье по истории русской прессы (1903 г.), в отличие от подавляющего большинства авторов, о курантах не упомянул[70]. Сам же Голицын перевелся в Санкт-Петербургский Главный архив Министерства иностранных дел и сменил тему исследований, перенеся свое внимание на эпоху императора Александра I.

В Москве, где велась подготовка издания петровских «Ведомостей», исследованиями материалов фонда 155 РГАДА занялся участвовавший в подготовке юбилея начинающий историк А. А. Покровский. Ученый обращался к подлинникам материалов, хранившихся в МГАМИД. Однако он по какой-то причине видел свою задачу не в том, чтобы выяснить характер исследуемого источника, а стремился доказать, что в архиве хранится русская рукописная газета XVII в. Можно предположить, что отказ Археографической комиссии от публикации подготовленных Голицыным материалов был воспринят некоторыми из московских исследователей, как покушение со стороны петербуржцев на приоритет первопрестольной Москвы в издании первой российской газеты.

На заседании Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества, проходившем 24 сентября 1904 г. под председательством профессора М. И. Соколова, было заслушано сообщение-реферат Покровского на тему «К истории западного влияния». Последний доложил о хранящихся в МГАМИД материалах, имеющих «большое значение для объяснения появления газет XVIII в.». В ходе доклада у Соколова возникли не-

---

[70] *Лисовский Н. М.* Периодическая печать в России 1703–1903 (Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий) // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати (1703–1903). СПб., 1903. С. 5.

которые сомнения по поводу характера исследуемого источника. Он обратил внимание докладчика на то, что, судя по сообщению, в составе исследуемого комплекса присутствуют весьма разные материалы. Соколов также отметил, что слово «вести» могло присутствовать в самых разных дипломатических документах, и прежде, чем изучать содержание дел, необходимо подробно исследовать их состав. Участвовавший в заседании Н. В. Рождественский указал, что по его наблюдениям документы обернуты в бумагу XVIII в., судя по всему, чиновниками архива. Другой участник заседания, В. Н. Рогожин, поинтересовался, не могут ли эти материалы быть обычными делами Посольского приказа. В отношении материалов первой половины XVII столетия это предположение было вполне справедливым, однако Покровский его отверг. Судя по протоколу заседания, дискуссия проходила остро. Вероятно, именно полемическим запалом можно объяснить заявление Покровского, будто бы на некоторых из виденных им рукописей XVII в., он встретил название «газета»[71]. Последнее утверждение не соответствует действительности. В публикациях Покровского оно отсутствует.

В ходе подготовки своих работ Покровский проигнорировал замечания, сделанные в ходе заседания. Наиболее полно его взгляды изложены в предисловии ко второму выпуску «Ведомости времен Петра Великого»[72], где он приводит значительное количество документов из современного фонда 155 РГАДА. Публикация представляет скорее не научную работу, а подборку материалов, которые позволили бы Покровскому охарактеризовать «исследуемую» им «рукописную газету». О том, что речь идет именно о газете, Покровский писал, как о само собой разумеющемся факте[73].

---

[71] Протоколы комиссии № 60–90. // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 4. Вып. 1. М., 1907. С. 38–39

[72] *Покровский А.* К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Великого. Вып. 2. М., 1906.

[73] Там же. С. 25.

Дискуссия о появлении первой газеты в России вышла в общественное пространство. Против Покровского выступил Г. В. Балицкий[74]. А. Н. Шлосберг, работавший со снятыми Н. В. Голицыным копиями архивных документов за 1621 и 1642–1644 гг., выступил в поддержку допетровской рукописной газеты[75]. В конце концов оторванная от источников дискуссия потеряла какое-либо научное значение.

Публикация Шлосберга поставила точку в дискуссиях начала XX в. по поводу курантов. Завершая обзор исследований курантов конца XIX – начала XX вв., следует отметить несколько исторических работ, которые не были специально посвящены курантам, но содержали важный материал на интересующую нас тему. Среди них наибольшее значение имеет двухтомная монография И. П. Козловского «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве». Первый том включает в себя исследование, а во втором – опубликована большая и наиболее ценная часть современного фонда 162 РГАДА (Почтовые дела), где сосредоточена основная информация по истории русской почты XVII в. Автор сделал не потерявший актуальности и в наше время вывод, что основной задачей созданной в России по европейскому образцу регулярной почты была доставка для русского правительства информации о зарубежных событиях. Пересылку частной корреспонденции за границу российские власти рассматривали не как цель работы почты, а, скорее, как источник финансирования, тем более что почти до конца XVII в. этой услугой пользовались только иностранные купцы. Европейские газеты были одним из наиболее регулярно перевозившихся почтовых грузов. Рассматривая работу русской почты в целом, Козловский в общих чертах исследовал механизм доставки в Россию иностранных газет (сроки, периодичность, персоналии, и т. д.)[76]. К сожалению, дальнейшей работе Козловского

---

[74] *Балицкий Г. В.* Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908. С. 5–7.

[75] *Шлосберг А. Н.* Начало периодической печати... С. 63–135.

[76] *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. В 2 т. Вар-

над интересующими нас вопросами помешали Первая мировая война, революция и Гражданская война. Из-за подозрений в неблагонадежности (которые так и не удалось подтвердить в ходе следствия после ареста в 1931 г.) историк не смог вернуться к полноценной научно-исследовательской работе[77].

Несколько раз исследователи писали о том, как русское правительство следило за негативными публикациями о России в иностранной прессе и реагировало на них. Так С. М. Соловьев отметил критическую реакцию А. Л. Ордина-Нащокина на шведские публикации о России[78]. Д. Цветаев обратил внимание на то, что во время сватовства к датскому королевичу Вальдемару в Дании писали о преследовании протестантов в России[79]. И. Я. Гурлянд проследил, как московское правительство пыталось бороться с распространением в Европе известий о разгроме русской армии под Чудновым (1660 г.)[80]. Н. Н. Бантыш-Каменский и Г. Форстен затронули вопрос о том, как российские власти пытались добиться от Швеции наказания тех, кто распространял в европейских газетах слухи о восстании Степана Разина и ссоре Алексея Михайловича с патриархом Никоном[81].

Отдельно от изучения приказных материалов шло исследование переводов, которые попали в рукописные сборники. Самым ранним примером комплексного рассмотрения интересующей нас группы текстов стало иссле-

---

шава, 1913. Т. 1. С. 231, 232, 359, 373 и др.; Т. 2. С. 56–58, 78 и др.

[77] *Казарова Н. А.* Профессор русской истории Иван Павлович Козловский. М. 2020.

[78] *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11. История России с древнейших времен. М., 1991. С. 156–157.

[79] *Цветаев Дм.* Из истории Иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 70.

[80] *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 107; *Гурлянд И. Я.* Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 60, 61.

[81] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4. М., 1902. С. 190–191; *Форстен Г.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. 1648–1700 // ЖМНП. 1899. Июнь. С. 321.

дование А. Н. Попова о хронографах русской редакции (1869 г.). Анализируя Хронограф 1696 г., составленный неким Афанасием Ивановым, он обнаружил ряд дополнений к хронографическому тексту – родословие царей (до Федора Ивановича), Сказание о Сибирской стране, «Летописец вкратце», Космографию. Дополнение всемирной истории русскими историческими текстами и географическим справочником выглядело вполне естественно. Большой интерес вызывали отсутствовавшие в более ранних хронографических памятниках грамоты турецкого султана. Попов определил их как направленные против турок «подложные грамоты, вымышленные нашими книжниками» в конце XVII в. Поводом же к их составлению ученый считал долговременную неприязнь к туркам и продолжающуюся в годы составления Хронографа 1696 г. войну с Османской империей[82].

Хотя Попов был одним из лучших археографов своего времени и его работы сохраняют актуальность даже полтора столетия спустя после написания, в данном случае он ошибся. Перед нами не сочинение времен Великой турецкой войны конца XVII в., а компиляция из оригинальных и переводных текстов, составлявшихся на протяжении почти столетия. Из представленных в рукописи исторических сочинений читатель узнавал, как постепенно султаны завоевывали все больше и больше стран, как бились русские воины с татарами, вассалами Османской империи. Венцом же событий стал небывалый в истории союз христианских государей против агрессии неверных турок. Разнородные по своему характеру материалы были объединены составителем сборника (предположительно, Афанасием Ивановым) в целостную по своему содержанию рукопись на остроактуальную политическую тему борь-

[82] *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869. С. 201, 227, 228; *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 448–458. Грамоты опубликованы Поповым по рукописи, которая начинается со списка Русского хронографа. Ее местонахождение не известно. Комплекс грамот имеется также в одной из рукописей, принадлежавших археографу. См.: ОР РГБ. Ф. 236. Собр. А. Н. Попова. № 32.

бы с османами. Сам того не желая, Попов продемонстрировал, как иностранные тексты могут органично войти в русскую культуру, начав работать на национально значимые задачи.

Важным этапом в обобщении материала стал вышедший на рубеже XIX и XX столетий обзорно-справочный труд А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков», где в разделе «Летучие листки и газетные статьи» систематизированы сведения об интересующих нас сочинениях, вошедших в рукописную книжную традицию[83]. Значение работы Соболевского трудно переоценить. Он впервые увидел в переводных текстах малых литературных форм целостный объект исследования. Проведенная Соболевским каталогизация текстов подтолкнула исследователей к поиску оригиналов и более глубокому анализу конкретных памятников. Под его влиянием в Петербурге возникло целое направление изучения интересующих нас сочинений.

Одним из таких исследователей стала В. П. Адрианова-Перетц. В 1915 г. была опубликована ее статья «К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе», посвященная переводу памфлета об Агасфере[84]. Выбор памфлета для публикации вполне понятен – «агасферовский сюжет», популярный еще у романтиков, был особенно востребован культурой Серебряного века. К сожалению, череда трагических событий, потрясших Россию в первой половине XX в., серьезно задержала развитие науки. Адрианова-Перетц вернулась к этой теме уже после революции. В 1936 г. вышла

---

[83] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 45, 46, 233–252. Первоначальный вариант работы: *Соболевский А. И.* Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков // Вестник Археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом Вып. 11. СПб., 1899. С. 8–159.

[84] *Адрианова-Перетц В. П.* К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе // ИОРЯС. 1915. Т. 20. Кн. 3. С. 217–232.

ее статья о переводных памфлетах XVIII в.[85] Опираясь на Соболевского, она также написала посвященный переводной литературе конца XV – начала XVI в. раздел для вышедшей в 1945 г. «Истории русской литературы»[86], а в 1948 г. опубликовала работу «Юмористические куранты»[87]. Позднее исследовательница к данной теме не возвращалась.

Объясняется эта странность очень просто. Послереволюционный период в СССР был временем нарастания информационной закрытости и складывания психологии «осажденной крепости»[88], однако за годы Великой Отечественной войны, которая велась в союзе с западными державами, произошли некоторые изменения в противоположную сторону. Конец же 1940-х и начало 1950-х гг., напротив, стали временем борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом». Это бедствие в полной мере затронуло советских историков и филологов[89]. В таких условиях тема европейских литературных заимствований оказалась если не под официальным запретом, то в числе нежелательных.

Опасность, нависшая над Адриановой-Перетц в связи с «сомнительными» с идеологической точки зрения литературными исследованиями, была реальной. Дело в том, что еще в 1934 г. академика В. Н. Перетца (ее супруга) осудили по сфабрикованному ОГПУ «Делу славистов», в рамках которого

---

[85] *Адрианова-Перетц В. П.* Образцы общественно-политической пародии XVIII – начала XIX в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 3. М.; Л., 1936. С. 335–366.

[86] История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х–1580-х гг. / Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. М.; Л., 1945. С. 286–290, 292–298.

[87] *Адрианова-Перетц В. П.* Юмористические куранты // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена. Вып. 67. Кафедра русской литературы. Л., 1948. С. 48–56.

[88] *Голубев А. В.* «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32–53.

[89] *Тихонов В. В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 120–270.

«расследовалась» деятельность «Российской национальной партии», придуманной сотрудниками секретно-политического отдела ОГПУ. Судя по материалам дела, целью фальсифицировавших следственные материалы преступников являлся академик В. И. Вернадский, объявленный руководителем этой никогда не существовавшей партии. В итоге власти СССР остановили псевдо-расследование и не позволили уничтожить нужные стране научно-технические кадры[90]. В числе жертв этой бессмысленной расправы оказался также один из исследователей интересующих нас текстов[91] – А. Д. Седельников, без сомнения входивший в круг знакомых Адриановой-Перетц. Он умер под следствием[92]. В ходе погрома ленинградских научных учреждений рубежа 1940-х – 1950-х гг., Адрианова-Перетц лишилась поста заместителя директора Пушкинского Дома АН СССР, подверглась острой критике в печати, а также стала объектом доносов в Секретариат Центрального Комитета ВКП(б)[93]. В такой ситуации новый донос о «космополитизме и низкопоклонстве перед Западом» мог стать толчком к репрессиям.

Л. В. Черепнин в статье 1945 года занимался выявлением в летописании документов, которые могли быть связаны с деятельностью Посольского приказа, в том числе материалов курантов и летучих листков (с опорой на работу Соболевского). К таковым он справедливо относил рассказы в особой новгородской редакции «Нового летописца», доведенной до 1679 г.: сообщение о граде и огненном змее в Царьграде, а также явлении Спаса в Тевризе;

---

[90] *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Российская национальная партия» — зловещая выдумка советских чекистов // Вестник РАН. 1994. № 10. С. 920–930.

[91] *Седельников А. Д.* Литературная история повести о Дракуле // Известия по русскому языку и словесности. 1929. Т. 2. Кн. 2. С. 621–659.

[92] *Жигалов А. Ю.* А. Д. Седельников – забытый исследователь «Повести временных лет» // Русская речь. 2014. № 3. С. 97–107.

[93] *Дружинин П. А.* Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 202–213.

сообщение «о страшном видении в Чевском[94] королевстве о немилосердом человеке», которого господь обратил в «черного лохматого пса кроме главы»; знамение 1672 г. в небе над Венгрией[95] (в последнем случае имелся не сам текст, а было лишь обозначено место для его записи). Однако в более поздних работах ученый перспективную тему развивать не стал. Причина этого столь же очевидна – исследователь, также, как и его ленинградские коллеги, стал жертвой борьбы с космополитизмом[96].

Борьба с космополитизмом не могла не затронуть и тему появления первой русской газеты. История прессы оказалась на «переднем крае» идеологических сражений. Уже вскоре после начала кампании появились публикации провинциальных историков, которые отстаивали приоритет России в данном вопросе. С. Я. Марлинский, изучая петровские «Ведомости», поставил перед собой задачу разоблачить «несостоятельность антипатриотических и космополитических утверждений представителей реакционной науки, рассматривавших петровские реформы, а отсюда и “Ведомости”, как импортное явление, привнесенное извне, с Запада»[97]. В рамках этой концепции исследователь «нашел» для курантов (их он, разумеется, считал русской газетой) «национальное» название – «Вести»[98].

Показателен пример с работой С. М. Томсинского[99]. В предисловии, которое к его книге написала В. Н. Бочкарева, очень точно отражено отношение Томсинского к курантам: «Непосредственным предшественником

---

[94] Так в тексте.

[95] *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 91–127.

[96] *Тихонов В. В.* Идеологические кампании… С. 252–253.

[97] *Марлинский С. Я.* Петровские «Ведомости» как исторический источник. Дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1949. С. 9.

[98] *Марлинский С. Я.* Первая допетровская рукописная газета // Исторический журнал. 1954. № 5. С. 74, 75.

[99] *Томсинский С. М.* Первая печатная газета России (1702—1727 гг.). Пермь, 1959. С. 4–16.

“Ведомостей” были “Куранты”, – рукописная газета России XVII века, просуществовавшая, как весьма хорошо показал автор, 80 лет, вплоть до 1701 г. и имевшая довольно значительный круг читателей»[100]. Книга Томсинского написана под влиянием работ А. А. Покровского. Тем не менее, Томсинский противопоставлял себя «буржуазной историографии» и своим советским коллегам «находящимся под ее влиянием». Заявления такого рода четко показывают, что Томсинский был сосредоточен на идеологической борьбе, а не на научном поиске.

Тексты Марлинского и Томсинского следует рассматривать как способ самозащиты, который выбрали для себя историки, попавшие в ходе кампании по борьбе с космополитизмом в «зону риска». К сожалению, побочным результатом по-человечески понятных действий стало серьезное искажение прошлого нашей страны. Эти публикации четко показывают, что идущая в обществе идеологическая борьба влияет на процесс исторического исследования самым пагубным образом.

На какое-то время исследование переводных памятников стало возможным лишь в контексте борьбы за их «национальное» происхождение. По этому пути пошла М. Д. Каган, входившая, так же, как и Адрианова-Перетц, в круг ленинградских литературоведов. В 1950-х – 1960-х гг. Каган много сделала для изучения текстов турецкой тематики – выявленной еще Поповым поддельной переписки турецких султанов. Ее стараниями в научный оборот были введены новые списки, проделана большая текстологическая работа[101].

Хрущевская оттепель сделала возможным возвращение к исследова-

---

[100] Там же. С. 4.

[101] *Каган М. Д.* Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 309–315; *Каган М. Д.* Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям – публицистическое произведение второй половины XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 225–250; *Каган М. Д.* Переписка запорожских и чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 346–354.

нию переводных произведений. Сотрудница Института русской литературы (Пушкинский Дом) Р. П. Дмитриева посвятила специальную монографию «Повести о споре жизни и смерти» (1964 г.). В списке Соболевского этот текст стоит на втором месте после «Сказания о Дракуле-воеводе». Любопытно, что во введении «От автора» Р. П. Дмитриева обращается к Адриановой-Перетц: «Приношу искреннюю и сердечную благодарность В. П. Адриановой-Перец за большую помощь, великодушно оказанную при написании настоящей работы»[102]. Таким образом, Адрианова-Перетц, лично сделавшая для исследования интересующей нас темы не очень много, оказалась тем «мостом», который связывал лучшие дореволюционные исследовательские традиции с советской научной школой.

Сложившаяся в 1960-х гг. международная политическая обстановка, более благоприятная, чем в сталинское время, способствовала возникновению тесных международных научных контактов. В Ленинград стали приезжать иностранные ученые, как правило, молодые. С 1968 г. в Ленинграде по программе обмена работал американский исследователь Д. К. Уо (о жизни в СССР и работе с советскими и российскими учеными Уо рассказал в своих воспоминаниях)[103]. Предметом его исследований стала упоминавшаяся выше подложная переписка турецкого султана. В течение 1970-х гг. он подготовил ряд работ, в том числе книгу и диссертацию. Уо установил, что русские версии рассматриваемых текстов являются переводами, составлявшими небольшую часть обширной общеевропейской «turcica» – памфлетов антитурецкого содержания. В его диссертационном исследовании впервые была предпринята попытка системно рассмотреть вопрос о связи бытующих в книжной рукописной традиции памфлетов с материалами государственных приказов, в

---

[102] *Дмитриева Р. П.* Повести о споре жизни и смерти. М.; Л., 1964. С. 9.

[103] *Уо Д.* Увлечения юности и к чему они привели // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 36–62; № 3 С. 33–54; *Waugh D.* The enthusiasms of youth and where they led: a memoir [continuation] // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 19–35; № 3. С. 19–33.

первую очередь, Посольского. В связи с этим он уделил большое внимание курантам. Хотя возможность обращаться к материалам РГАДА была для Уо ограничена периодами относительно коротких поездок в Москву, исследователь сделал ряд важных наблюдений о времени их появления, механизмах составления, а также круге распространения и связью с книжной культурой. Уо подробно остановился на вопросах терминологии, связанной с прессой, а также показал, что куранты нельзя рассматривать в качестве газеты[104]. Позднее он опубликовал еще целый ряд работ, которые продолжают выходить и в настоящее время. К сожалению, наблюдения Д. К. Уо долгое время оставались не востребованными отечественными историками.

Последствия борьбы с «космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» продолжали оказывать негативное влияние на науку даже десятилетия спустя после завершения самой кампании. В частности, публикации историков 1950-х гг. оказали значительное влияние на оценку изучаемого памятника в трудах лингвистов. Они, опираясь на выводы историков, активно исследовали материалы 155 фонда РГАДА как рукописную газету[105].

В 1970-х гг. сотрудниками Института русского языка АН СССР было начато продолжающееся до сегодняшнего дня издание под названием «Вести-Куранты» (первый том вышел в 1972 г.). Исследуя историографию проблемы, лингвисты выявили материалы, подготовленные для издания Н. В. Голицыным. Поскольку Археографическая комиссия отказалась от этой ра-

---

[104] *Waugh D. C.* On the Origin of the 'Correspondence' between the Sultan and the Cossacks // Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications. 1971. № 1–2. P. 3–46; *Waugh D. C.* Seventeenth–Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Unpublished Ph. D. dissertation, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 1972. С. 36–76, 447–451.; *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus; Ohio, 1978.

[105] См., к примеру: *Сахаров А. Л.* О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1964. № 148. С. 396–418.

боты без публичного обсуждения, ошибки Голицына не были исправлены. Материалы фонда 155 РГАДА продолжали восприниматься как единый архив, а вестовые документы в других фондах РГАДА – как его отколовшиеся части. Публикаторы обратили внимание на то, что в материалах фонда 155 РГАДА за первую половину XVII в. слово куранты не используется. С другой стороны, в делах за последние десятилетия XVII в. практически отсутствуют какие-либо вестовые материалы, кроме курантов. Такое положение дел отразилось в названии издания – «Вести-Куранты». Оно оказалось очень удачным, поскольку четко отразило разнородность материалов публикуемого архивного фонда.

Спустя год после выхода первого тома «Вестей-Курантов» появилась рецензия Д. К. Уо. Положительно оценив публикацию в целом, Уо отметил отсутствие четких принципов отбора материала для издания, часть из которых (к примеру, сообщения агентов, таких как И. Масса и М. Бекман) не являются переводами иностранной прессы. Подобные материалы находятся не только среди документов по связям России с северной Европой, но и в Польских, Греческих, Малороссийских делах. Возможность решить вопрос о том, что же все-таки считать курантами, исследователь совершенно справедливо видел в обращении к описаниям архивного комплекса приказа Тайных дел. Отметил Уо и необходимость подробного источниковедческого исследования публикуемых материалов[106].

К сожалению, вышедшая на западе рецензия некоторое время оставалась вне поля зрения советских ученых. К началу 1980-х гг. лингвисты все еще были уверены, что издают рукописную газету, материалы для которой отбирались из широкого круга источников, таких, как статейные списки послов, отписки порубежных воевод и т.д. Казалось, что у этой газеты существовала

[106] *Waugh D. C.* Vesti-Kuranty 1600-1639. Moscow 1972 // Kritika. A review of current Soviet books on Russian history. 1973. 10:3. P. 104–120.

широкая сеть корреспондентов, а также имеются собственные стилистические особенности[107].

В 1980-х гг. независимо от исследований Уо проблемами бытования иностранной прессы в России занималась Е. И. Кобзарева. В 1988 г. исследовательница защитила диссертацию «Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века». Изначально, опираясь на имевшуюся к тому времени историографию, молодая исследовательница приступала к своей работе исходя из того, что перед ней находится рукописная газета. Она провела источниковедческое исследование материалов 155 фонда РГАДА и выяснила, что до середины XVII в. переводы иностранной прессы хранились среди столбцов и грамот тех государств, из которых присылались. Ей удалось доказать, что в первой половине XVII в. переводы публикаций иностранной прессы никогда не собирались в единый комплекс и, следовательно, любые разговоры об «архиве рукописной газеты» этого периода не имеют под собой оснований. В итоге предмет диссертационного исследования был скорректирован. Целью работы Кобзаревой стало изучение системы организации сбора и обработки в Посольском приказе информации о западноевропейских событиях с 1613 г. по 1700 г. Большая часть диссертации была посвящена курантам.

К сожалению, материалы диссертации были опубликованы лишь в очень усеченном виде. Кроме автореферата из печати вышла одна статья – «Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях», где о курантах упоминается очень кратко[108]. В целом, работа Е. И.

---

[107] *Вомперский В. П.* Рец. на кн.: Вести-куранты 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянков, А. И. Сумкина, под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1976. — 400 с. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. Т. 39. № 4. С. 382—385.

[108] *Кобзарева Е. И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1988; *Кобзарева Е. И.* Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–21.

Кобзаревой стала принципиально новым этапом в изучении курантов, однако она не привлекла внимания исследователей. Представляется, что причиной этого стало изменение темы работы. В заголовке отсутствовало как слово куранты, так и какое-либо упоминание о прессе. Многочисленные авторы статей о курантах и обобщающих публикаций по истории русской прессы продолжали ссылаться на публикации XIX – первой половины XX в. (с добавлением цитат из томов «Вестей-Курантов»).

В 1980-х годах появлялись также и другие работы, так или иначе связанные с темой данного исследования. Это труды Н. А. Казаковой касаются известий о Западной Европе в русской письменности XV–XVI веков. Казакова подготовила ряд статей, обобщенных в монографии[109]. Огромную важность имеют работы С. И. Николаева, посвященные польско-русским литературным связям XVI–XVIII вв. Выявленные переводы исследователь систематизировал в каталоге[110]. Труды этих ученых лишь частично пересекаются с нашей темой. С одной стороны, они шире, поскольку затрагивают не только тексты малых литературных форм, а с другой стороны, у́же, поскольку исследование Казаковой касается лишь начального периода проникновения европейских сочинений в Россию, а внимание Николаева сосредоточено в первую очередь на переводах польских памятников, вошедших в русскую книжную традицию.

С конца 2000-х гг. исследование русских переводов европейской переживает небывалый подъем, связанный с рядом объективных и субъективных факторов. Объективные факторы сложились еще в 1990-х гг. Это упрощение (по сравнению со временами СССР) правил пересечения границ и появление Интернета, что существенно облегчило трансграничные исследования. Уче-

---

[109] *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории литературных связей России. Л., 1980.

[110] *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 2008

ные смогли (физически или виртуально) перемещаться по Европе так же свободно, как когда-то перемещались исследуемые тексты. Интернет дал быстрый доступ к огромному объему исследований, каталогов и библиографий. Поскольку одна из важнейших проблем, возникающих при исследовании рассматриваемой нами темы – большая рассеянность информации по странам и собраниям, ученые получили немыслимые прежде возможности.

Важную роль в практической реализации этих возможностей сыграла профессор Уппсальского университета И. Майер[111]. Она не только сама много лет вела исследования по интересующей нас тематике, но и смогла объединить творческие усилия специалистов разных стран. Ее аспиранты: Н. Михайлов, К. Ватсон, О. Янссон опубликовали интересные работы о русских

---

[111] В числе ее работ по интересующей нас тематике см.: *Maier I.* “Pressmeddelanden till ryske tsaren under trettioåriga krigets tid” // Kultur och samhälle i språkets regi. Uppsala, 1999. S. 83–94; *Maier I.* Die Geister verstanden nur Polnisch. Ein deutsch-russisches Dokument über eine lateinisch-polnische Geisterbeschwörung in Mähren im Jahre 1665 // Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag). Bochum, 2009. S. 1–21; *Maier I.* Die Übersetzungen westeuropäischer Zeitungen am Moskauer Gesandtschaftsan von 1660 bis 1670. Zur ersten Ausgabe der Vesti-Kuranty mit Paralleltexten // Swedish Contributions to the Thirteenth Internationale Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August 2003 (ed. by Brigitta Englund Dimitrova & Alexander Pereswetoff-Morath). Lund, S. 51–74 (Slavica Lundensia, Supplementa 2); *Maier I. Krys'ko V. B.* Vesti-Kuranty 1651–1652 gg., 1654–1656 gg., 1658–1660 gg. (Moskva, 1996; 224 pp.) // Russian Linguistics. 1997. 21:3. P. 301–310; *Maier I.* Lateinische Quellen für russische Zeitungsübersetzungen? // Rusistika. Slavistika. Lingvistiëka. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. Ed. Sebastian Kempgen et al. München, 2003 (Die Welt der Slaven, Sammelband 19) S. 227–243; *Maier I.* Presseberichte am Zarenhof im l7. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte 6 (2004). S. 103–129; *Maier I.* Verbalrektion in den “Vesti-Kuranty” (1600-1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittelrussischen Syntax. Uppsala, 1997 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia 38); *Maier I.* Verbalrektion in den “Vesti-Kuranty” (1600-1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala, 2006 (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia 45); *Maier I.* Zur Problematik der Adaption ausländischer Orts- und Personennamen in den russischen Zeitungsübersetzungen des XVII. Jahrhunderts (Vesti-Kuranty) // Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Tartu, 2006. С. 295–308.

переводах европейских текстов. Фактически речь идет о появлении в Упсальском университете новой научной школы.

Не менее важна деятельность И. Майер в Москве, где она приняла участие в подготовке новых томов издания «Вести-Куранты». Поскольку переводы европейских памфлетов иногда входят в состав курантов, а иногда находятся в одних делах с курантами, изучение переводных памфлетов оказалось необходимой составляющей комплекса исследований, требующихся для издания собственно курантов. Организаторский талант Майер помог ей привлечь к работе большое число специалистов разного профиля. Автор данного исследования имел счастливую возможность работать с Майер более, чем над десятком различных публикаций. В отдельных случаях статьи писались совместно с другими российскими исследователями – А. А. Королевым и С. В. Алпатовым. Из-под пера Алпатова вышло более десятка важных для данной работы публикаций. В своем диссертационном исследовании 2018 г. исследователь предпринял попытку проследить путь попадавших в Россию европейских сатирических текстов от момента их перевода до ухода в народный фольклор. Оказалось, что этот процесс может растягиваться на столетия. Наработки Алпатова широко использовались при подготовке данного исследования[112].

Огромное значение для понимания нашей темы имеют также работы о курантах и переводах памфлетов, которые за последнее десятилетие подготовили Д. К. Уо и И. Майер в ходе работы над совместной монографией. Важны для нашей работы исследования, выполненные И. Майер с немецким исследователем Г. М. Казаковым[113] и рядом других европейских ученых. В по-

---

[112] *Алпатов С. В.* Переводные памфлеты в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.: автореф. дисс. … докт. фил. наук. М. 2018.

[113] *Казаков Г. М., Майер И.* Иностранные известия о казни Степана Разина. Новые документы из стокгольмского архива // Slověne. 2017. № 2. С. 210–243.

следнее время интереснейшие находки были сделаны А. В. Сиреновым[114], А. Г. Сергеевым[115], И. А. Поляковым[116], Т. А. Базаровой[117]. Таким образом, изучаемая нами тема в настоящее время привлекает внимание многих российских и зарубежных исследователей.

Методологическая основа и методы исследования

Методологическую основу исследования составили принципы *историзма* и *научной объективности*. Базовым принципом ставится научная критика источника. Анализируемые явления рассматриваются на большом хронологическом промежутке времени, что позволяет проследить, как в меняющихся конкретно-исторических условиях сменялась практика использования, функциональное значение и культурное содержание материалов сходного происхождения. Изучаемые явления прослеживаются в их историческом развитии от зарождения до исчезновения или существенной трансформации. Делаются попытки выявить специфические для России исторические закономерности развития изучаемых явлений.

Значимую роль играет *системно-исторический метод* исследования. Изучаемые явления подвергаются *структурно-функциональному анализу*, что позволяет выяснить механизмы работы каждого из элементов системы доставки, обработки и использования иностранной прессы в России. Кроме того, рассматриваются их отношения с различными государственными и об-

---

[114] *Сиренов А. В.* Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. М., 2016. С. 458–460.

[115] *Сергеев А. Г.* Новонайденное послание Василию Темному // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 124–125.

[116] *Поляков И. А.* «Азбука фряская» князя С. В. Ромодановского и новые списки грамот из цикла «Легендарной переписки турецкого султана» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1. С. 89–99.

[117] *Базарова Т. А.* «Пришла почта ис-под Азова…»: Письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 1–22.

щественными институциями. В работе учитывались разработанные западными исследователями коммуникационные теории циркуляции информации, посвященные вопросам взаимодействия между государством и обществом в рамках информационной революции. Большое внимание в этом отношении уделяется работе Я. Л. ван Зандена, показавшего тесную связь между развитием информационной революции и наступлением эпохи Нового времени[118].

Представляется важным использование также и *компаративного (сравнительно-исторического) метода*. В отдельных случаях единственным возможным способом интерпретировать данные XV–XVII столетий становится анализ документов XVIII в., которые дают гораздо более полную и разностороннюю картину изучаемых явлений. Проводятся параллели между тем, как отдельные явления развивались в России и западных странах. В ряде случаев сопоставляются источники разного происхождения, рассказывающие об одном событии (русские и западные), а также сравниваются данные, полученные при использовании различных методик.

Хотя в центре исследования находятся макроисторические процессы, в ряде случаев обращается внимание на то, как эти процессы отражались на микроуровне. При этом используются подходы, разработанные в рамках *истории повседневности и микроистории*. Анализируется непосредственное восприятие текстов конкретными людьми, такими как царь Алексей Михайлович, думный дьяк Ларион Иванов, старообрядец Акинфий Сычев. В последнем случае комбинируются подходы К. Гинзбурга, восстанавливавшего мировоззрение человека по его следственному делу[119] и Д. К. Уо, делающий это на основе составленного книжником рукописного сборника[120]. В отноше-

---

[118] *Zanden van J. L.* The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. Leidenl, 2009; О информационной революции в Европе см.: *Eisenstein E. L.* The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge-New York, 2012.

[119] *Гинзбург К.* Сыр и черви. М., 2000.

[120] *Уо Д. К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского

нии Сычева оказалось возможным использовать не обширный сборник, а тонкую тетрадку, который бунтарь-старообрядец взял с собой в свой последний путь. На его примере особенно четко видно, как поведение человека может определяться не реальными событиями, а человеческими представлениями о них, как текст влияет на судьбу человека.

При анализе конкретного материала широко используются методы вспомогательных исторических дисциплин. Базовым для работы стало использование *методик архивоведения*, позволивших определить общий характер и степень сохранности изучаемых документов. Утрату значительного числа документов в некоторой степени удается восполнить с помощью метода *ретроспективного изучения приказного делопроизводства* и обращения к *статистико-математическим* методам исследования. Работа была бы невозможна без применения *палеографических* методик, в первую очередь *почерковедческого и филиграноведческого* анализа.

Так как оригиналы исследуемых документов составлялись за рубежом, зачастую в странах, использовавших иной календарь, для исследования переводов оказалось необходимым привлекать методики, разработанные в рамках *исторической хронологии*. Для определения хронологических границ актуальной для российских властей информации были использованы собственные методические наработки автора.

В процессе исследования вопросов распространения иностранной прессы в России использовались *просопографические* методы, позволяющие составить «коллективный портрет» поставщиков вестей для первой половины XVII столетия, а также представителей той социальной группы, в которой переводы прессы были востребованы.

Поскольку исследование имеет историко-культурный характер, неизбежным стало обращение к методам других гуманитарный наук. Для изучения истории текстов широко применялся разработанный в литературоведе-

---

времени. СПб., 2003.

нии метод *текстологического анализа*. Для лучшего понимания и интерпретации текстов использовались методы *герменевтического анализа*. Для изучения содержания курантов использовались основанные на разработках лингвистов традиционные для социологии и политологии методики *контент-анализа*.

При анализе лексики переводов использовался разработанный лингвистами метод *контекстуального анализа*, который позволяет установить особенности функционирования лексем в разных источниках, выявить инновационные сдвиги в смысловом содержании и функционировании лексем. В комплексе с ним использовался *историко-сравнительный метод*, позволяющий на основе сопоставления лексических единиц и лексической семантики слов на разных этапах развития языка, в разные исторические периоды делать выводы о количественном и качественном составе компонентов той или иной лексико-семантической группы в разные периоды, в разных литературных жанрах. Интерпретация этих данных производилась в общих рамках широкого направления, изучающего *историю понятий*.

Научная новизна

Работа является первым обобщающим диссертационным исследованием истории бытования иностранной прессы в России конца XV – начала XVIII столетия. В научный оборот вводятся не использовавшиеся до настоящего времени источники. В некоторых случаях сделаны значимые уточнения, касающиеся хронологии и обстоятельств появления широко известных источников. Исследование проведено на стыке различных гуманитарных дисциплин. В результате сделан ряд важных выводов, касающихся истории дипломатии, литературы, менталитета, общественно значимых институций и культуры России в целом. В ходе исследования разработаны новые методики источниковедческого и историко-культурного исследования, основанные на методах смежных наук.

Научно-практическая значимость

Диссертация может быть использована при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по истории России. Сделанные в ходе исследования фактографические наблюдения и теоретические выводы могут быть востребованы при написании обобщающих работ по истории культуры. Разработанные в ходе исследования методики могут быть востребованы в работах по источниковедению, литературоведению и истории культуры.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались в 2004–2020 годах на международных и российских научных конференциях, заседаниях Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН, Центра источниковедения истории России ИРИ РАН, Центра истории русского феодализма, а также на заседании Ученого совета ИРИ РАН. По теме исследования изданы 93 публикаций (128,6) в том числе две индивидуальные монографии (объем 46,5 п.л.)[121] 23 публикаций в рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, международных базах данных Web of Science и Scopus (объем 26,1 п.л.), а также 68 публикаций в иных журналах и сборниках (объем 56 п.л.).

Структура диссертации

Структура работы определяется задачами и логикой произведенного исследования. Диссертация состоит из Введения и семи глав, заключения и приложения.

Первая глава посвящена начальному периоду бытования иностранной прессы в России. Здесь рассматриваются традиционные практики использования известий иностранной прессы, в рамках которых материалы прессы не выделяли из общего потока приходящих в страну известий. Приводятся дан-

[121] *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011; *Шамин С. М.* Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020.

ные о времени начала поступления таких материалов в Россию, определяются каналы доставки, круг использования, даются общие характеристики переводов. В разделе показано, что традиционные практики использования переводов прессы сохранялись вплоть до XVIII столетия

Вторая глава рассказывает о специфическом этапе бытования иностранной прессы в России, когда правительство в середине XVII в. организовало регулярную доставку в страну иностранных газет и составление на их основе обзоров прессы (курантов). Анализируется процесс создания необходимой для этого инфраструктуры, в первую очередь, почты, а также новых логистических схем обработки и использования информации.

В **третьей главе** представлены сведения об информационном потенциале курантов. Освещается их роль в сборе данных о политических событиях в странах Европы и на территории Османской империи. Сопоставляются известия курантов и других источников политических новостей.

В **четвертой главе** рассматривается вопрос о культурном влиянии европейской прессы (в первую очередь, курантов) на политическую элиту России. Прослеживаются пути проникновения новых понятий, изменение лексики русского языка, дается оценка влиянию, которое положительные публикации о России оказывали на верхушку русского общества.

Пятая глава показывает, как отдельные переводы получали широкое распространение среди грамотного населения. Анализируются случаи нелегального распространения текстов в старообрядческой среде («Сказание о двух старцах»), поддерживаемое государством копирование агитационных текстов (поддельные послания и указы турецких султанов), а также факты тиражирования нейтральных по своему идеологическому характеру курьезов (сочинение о жестоком графе, обращенном во пса).

Шестая глава посвящена переводам иностранной прессы, вошедшим в русскую книжность. Представленные в ней материалы показывают, как постепенно, от 1640-х к 1660-м годам увеличивалось общее число перешедших

в рукописные книги переводных текстов и расширялся круг востребованных литературной традицией тем.

В **седьмой главе** анализируются явления и практики Нового времени, сложившиеся в России под влиянием иностранной прессы. В их числе зародившаяся в начале XVIII столетия национальная пресса, вовлечение дипломатического ведомства России в борьбу, проходящую в информационном пространстве, распространение смеха и юмора в русской литературе, появление практик обучения работе с информацией.

В заключении подводятся основные итоги диссертационного исследования. Диссертация снабжена списками источников, литературы, сокращений.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Московское государство было вовлечено в информационный обмен с европейскими государствами со времени его появления на политической карте Восточной Европы. Однако на протяжении длительного времени (до середины XVII столетия) попадавшие в Москву летучие листки, брошюры, рукописные, а затем и печатные газеты не выделялись из комплекса других источников новостей и воспринимались как часть информационного потока. Материалы прессы смешивались со слухами, которые передавали приезжавшие в Россию купцы, тайными донесениями секретных агентов, официальной дипломатической информацией.

2. Период формирования представлений о прессе, как о специфическом источнике информации относится к 1640-м – 1650-м гг. Круг людей, знакомых с этим явлением на данном историческом этапе, был крайне узким. В него входили люди, занимавшиеся вопросами государственного управления и дипломатией, т.е. политическая элита русского общества.

3. Систематическое обращение к европейской прессе было вызвано необходимостью регулярно получать оперативную и разностороннюю информацию о политической жизни Европы для выработки дипломатической и

военной стратегии. В условиях отсутствия постоянных дипломатических представительств России в западных странах европейская пресса оставалась единственным доступным источником требуемых сведений. Составляемые для царя и бояр на основе газетных публикаций обзоры прессы (куранты) в 1660-х – 1690-х гг. оставались важным источником сведений о ближайших соседях и были единственным источником новостей о политических событиях в некоторых государствах, удаленных от российских границ.

4. Для того, чтобы удовлетворить потребность российского правительства в новостях западной прессы потребовалось заимствовать и адаптировать к российским условиям европейские информационные технологии[122], требовавшие трансграничного взаимодействия. По западному образцу была создана и интегрирована в общеевропейскую почтовую систему регулярная почта.

5. Использование новой технологии имело как положительные, так и отрицательные последствия. Правительство пошло на крупные расходы. Их удалось существенно снизить лишь несколько лет спустя, когда почтовая повинность была возложена на осуществлявших ямскую гоньбу ямщиков. Кроме того, существование почты поставило русских купцов в невыгодную позиции по отношению к пользовавшимися преимуществами почтовой связи западными предпринимателями. Процесс интеграции почты в экономическую и культурную жизнь русского общества (появление частной переписки по почте) начался лишь в конце 1690-х гг., а сколько-нибудь значимым стал уже в XVIII столетии.

6. Влияние отдельных созданных в Европе текстов на русскую культуру началось еще в XV столетии. Оно выразилось в проникновении единичных документов в рукописные сборники. При этом переводы становились частью литературы. Данный процесс не имел линейного характера. Он мог ускоряться и замедляться, а то и вовсе прерываться. Важные для развития литературы изменения начались ближе к концу XVII в. – из разных текстов

[122] Почту и практические навыки работы с иностранными контрагентами.

стали составляться объединенные общей идеей подборки, а также оригинальные сочинения, ориентированные на западную традицию.

7. Первый выявленный случай массового тиражирования отдельных переводных текстов в виде листков относится к 1660-м гг. Дальнейшее развитие данного явления связано с распространением грамотности, с одной стороны, а также доступности технологий тиражирования (к примеру, лубочной печати), с другой. При этом московские приказы могли стать источником распространения как текстов, одобряемых правительством или нейтральных, так и материалов, тиражирование которых позднее преследовалось властями.

8. Влияние европейской прессы (как целостного явления) прослеживается с 1660-х гг. Однако это влияние было направлено на крайне узкий круг лиц, составлявших политическую элиту русского общества. Оно выражалось в расширении кругозора, знакомстве с новыми понятиями и явлениями европейской жизни, использовании новых слов. Положительные публикации о России способствовали складыванию европейской идентичности у политической элиты русского общества. Значительную роль при этом играло противопоставление мусульманского и христианского мира, к которому в отдельных текстах причислялась Россия. Более широкие слои населения влияние европейской прессы стало затрагивать после начала издания петровских «Ведомостей», в значительной мере основанных на переводах европейской прессы.

9. Длительное знакомство московских властей с европейскими практиками Нового времени вело к их переносу на российскую почву. Важнейшим из новшеств стало появление «Ведомостей». Издание первой русской газеты стало возможным лишь благодаря технологиям Нового времени, которые возникли задолго до ее появления – созданному при Иване Грозном книгопечатанию и организованной царем Алексеем Михайловичем почте. Первая русская газета могла существовать лишь при поддержке правительства, поскольку в его распоряжении имелись необходимые для издания ресурсы, а

общественный запрос на прессу в начале XVIII столетия был еще слишком низким.

10. Проникновение иностранной прессы в Россию во второй половине XVII в. стало толчком к возникновению ряда практик, характерных для Нового времени. Это перенесение политической борьбы в информационное пространство, обучение подрастающего поколения работе с информацией, проникновение смеха и юмора в письменную культуру.

11. Процесс развития в России информационной революции, являющейся одним из важных факторов становления культуры Нового времени, проходил с существенными отличиями от того, что наблюдалось в Европе. В России роль государства в процессе информационной революции оказалась существенно большей, а общественной инициативы – гораздо меньшей, чем в странах Западной Европы. Начатая Петром I форсированная европеизация государства принципиального влияния на основной тренд развития не оказала. Соответственно и разные стороны самого процесса проявлялись в России с различной интенсивностью: наименее выражено информационная революция влияла на развитие общественно-политической жизни страны.

Глава 1. Традиционные практики использования известий иностранной прессы

Начальный период истории бытования в Московском государстве иностранной прессы продолжался с XV по первую половину XVII столетия. В XV–XVI в Европе не существовало прессы в нашем понимании этого слова. Ее роль играли так называемые «летучие листы». Эти издания представляли выходили не регулярно, а в связи с какими-то сенсационными, представлявшими интерес для большого числа людей событиями. Как правило, это были войны, стихийные бедствия, эпидемии.

С начала XVII столетия в Европе появляются печатные газеты. И. Майер считает, что первая из них появилась в Страсбурге в 1605 г.[123] В России это новшество осталось незамеченным. Попадавшие сюда летучие листки, памфлеты, рукописные и печатные газеты воспринимались как часть общего потока новостей, идущих с Запада. По характеру использования они не отличались от устных сообщений, к примеру расспросных речей купцов, записанных на границе, при въезде в Московское государство. Длительный период первоначального знакомства крайне важен. Его результатом стало осознание того, что пресса – это некое самостоятельное явление, отличное от иных форм распространения новостей.

1.1. Листовые издания, рукописные газеты и «летучие листки» в Московском государстве с XV столетия до окончания Смутного времени

Вопрос о том, насколько часто летучие листки и рукописные газеты попадали в Московское государство в XV–XVI вв., крайне сложен из-за плохой сохранности материалов. Различные «вести» представляли собой гораздо меньшую ценность, чем дипломатические документы, к примеру, посольские книги. Поэтому они чаще гибли при пожарах или от каких-то других бедствий, а то и просто по недосмотру. Листы с потерявшими актуальность но-

[123] В-К VI. Ч. 2. С. 27.

востями могли со временем просто выбрасывать. Достаточно вспомнить, что еще на рубеже XVIII–XIX столетий листы курантов использовались в качестве обертки для разбираемых дипломатических дел.

За период ранее конца XVI в. до нашего времени дошли лишь те документы, копии которых по той или иной причине попали в состав более крупных текстов или в рукописные сборники. Таким образом, из-за состояния источниковой базы о начальном периоде истории иностранной прессы в Московском государстве мы можем судить лишь по тем следам, которые привезенные материалы оставляли в русской книжности. Это оказало существенное влияние на количество известных документов и тематику сохранившихся материалов.

Древнейшие копии переводов в рукописной книжности

Поскольку свидетельств XV–XVI вв. очень мало, мы можем хотя бы кратко остановиться на каждом из конкретных случаев. Самый ранний документ относится к 1440 г. Это перевод или пересказ «листа», который из «вавилонских стран» пришел в Венецию, оттуда попал в Польшу, а затем в Луцк – один из крупнейших городов Великого княжества Литовского. Из Луцка некий Феофил Дедернин (в более позднем тексте фамилия дана как «Дедеркин», в этом варианте она вошла в научную литературу) переслал новость великому князю Московскому Василию Васильевичу. Кем был Дедеркин мы не знаем. В послании он именует себя «богомолец твой», что заставило открывшего этот памятник петербургского исследователя А. Г. Сергеева считать Дедеркина духовным лицом. Лексические и фонетические полонизмы текста подтверждают его западнорусское происхождение. Известие сохранилось в составе сборника смешанного, преимущественно, эсхатологического содержания середины XV в. Оно сообщало о рождении в Вавилоне антихриста.

Сергеев пришел к выводу, что «названный в послании “лист” представляет собой образец ранних венецианских летучих листков или рукописных

газет (avvisi). В таком случае это едва ли не старейшее свидетельство о бытовании такого рода письменности»[124]. Хорошо известно, что к середине XV столетия Венеция, взяв на себя роль торгового посредника между западными странами и Востоком, превратилась в одно из мощнейших государств Европы. Ф. Бродель даже называет ее центром «мира экономики»[125]. Вполне естественно, что вместе с товарами распространялись новости. Однако выявленный Сергеевым факт показывает, что в середине XV столетия информационное влияние Венеции было еще более впечатляющим, чем представлялось до настоящего времени.

К следующему десятилетию относится «Послание Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василию Васильевичу из Заримья из Латины». Хотя в нем в фамилии отправителя буква «н» заменена на букву «к», вряд ли стоит сомневаться, что это один и тот же корреспондент. Послание сообщает о землетрясении в Италии, произошедшего в ночь с 4 на 5 декабря 1456 г. По сути, это перечень пострадавших населенных пунктов. Данный памятник попал в поле зрения исследователей гораздо раньше, чем предшествующее произведение Дедернина[126]. Наиболее ранний список сохранился в составе

---

[124] *Сергеев А. Г.* Новонайденное послание Василию Темному // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 124–125.

[125] *Бродель Ф.* Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., Прогресс, 1992. С. 121.

[126] *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев. 1901, Приложения, с. 234. *Симони П. К.* Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий. Вып. 3. Задонщины по спискам XV–XVIII столетий. Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Петроград, 1922. С. 13–16. *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории литературных связей России. Л., 1980. С. 162. *Лурье Я. С., Турилов А. А.* Дедеркин Феофил // СККДР. В 4 вып. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 185–186; *Матасова Т. А.* Складывание итальянского направления политики московских князей в XV в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 1. С. 26–34; *Матасова Т. А.* «Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV – первой трети XVI в. ». Дис. … канд. ист. наук. М., 2012. С. 116.

сборника, принадлежавшего монаху Кирилло-Белозерского монастыря книгописцу Ефросину (2-я половина XV в.). Судя по филиграням, известие попало в Московское государство сразу же после события[127]. Ученый монах поместил текст после статьи «О безаконии содом» («Безаконие же содомьско что ради погублени быша»)[128]. Ефросиновский список «Послания Феофила Дедеркина» не был единственным.

Еще одна копия «Послания Феофила Дедеркина» – рукопись киевского Михайловского Златоверхого монастыря с записью 1483 г.[129]. Наличие довольно раннего киевского списка послания, отправленного из Луцка в Москву, позволяет предположить, что Киев был одной из транзитных точек передачи письма.

Отстоящие друг от друга на полтора десятка лет послания Дедеркина сохранились потому, что их тематика была интересна не только с новостной, но и с религиозной точки зрения. В первом случае известие поддерживало эсхатологические ожидания. Во втором – заинтересовало книжников в качестве знамения «гнева господня», обрушившегося на «латин». Встает вопрос, неужели луцкий корреспондент пересылал великому князю Василию Васильевичу лишь известия «литературного» характера? Вряд ли московский правитель настольно остро нуждался в подобного рода новостях, чтобы организовывать их доставку из Луцка. Образ Василия Темного, переписывающегося

---

[127] Бумага данной рукописи (РНБ, Кирилло-Белозерское собр. № 9/1086, л. 514 об. –516 об.) отмечена филиграню «подобно Брике, № 9745 (1451 г.)». См.: *Шибаев М. А.* Кодикологическое описание рукописей // «Энциклопедические сборники XV века книгописца Ефросина – «Леонардо да Винчи Древней Руси» / Режим доступа: http://expositions. nlr. ru/EfrosinManuscripts/_Project/page_Manuscripts. php?block=A071A5E5-B19C-42FE-B847-AB0CD351378A – Дата обращения: 07 марта 2016 г.

[128] *Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 35. Л., 1980. С. 141.

[129] *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности… С. 162–163; *Лурье Я. С., Турилов А. А.* Дедеркин Феофил // СККДР. В 4 вып. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 185–186.

с духовным лицом из Луцка по вопросам эсхатологии в период острейших внешнеполитических и внутренних конфликтов, не кажется исторически достоверным.

В полной мере источниковедческое значение двух сохранившихся посланий Дедеркина можно оценить, обратившись к вестовым материалам, которые русское правительство получало из-за рубежа во второй половине XVII столетии. Анализ «новостного потока» более позднего времени однозначно свидетельствует о том, что в рукописную книжность из государственного архива чаще всего попадали новости о чудесах, пророчествах и стихийных бедствиях, которые в общем новостном потоке составляли неизмеримо малую долю.

Экстраполируя это наблюдение на XV в., можно сделать предположение, что Дедеркин посылал вестовые материалы в Москву регулярно. Место отправки корреспонденции, Луцк, не было случайным. После того, как в 1387 г. польский король Владислав II передал Луцк литовскому князю Витовту, он стал одним из важнейших городов великого княжества Литовского. Здесь жили представители разных религий и многих этнических групп, велась международная торговля. В 1429 г. в Луцке состоялся «съезд монархов», на котором присутствовали не только европейские правители (император Священной Римской империи, король Польши, король Дании, послы из Византии и др.), но также и великий князь Василий Васильевич[130]. Соблазнительно предположить, что правитель Москвы воспользовался этим визитом, чтобы установить долговременные контакты. В любом случае упоминание о Луцке, как о центре распространения вестей на востоке Европы, выглядит для середины XV столетия вполне естественно. Далее письма шли в Киев, а потом в Москву.

---

[130] *Бортникова А. В.* Грамоты на магдебургское право городу Луцку XV–XVI веков // Славяноведение. 2010. № 2. С. 88–104.

Данная картина хорошо укладывается в общую канву развития международных отношений в данном регионе в означенное время. Достаточно вспомнить, что вести из Луцка регулярно получало от своих информаторов руководство Тевтонского ордена[131]. Основной объем известий, собираемой орденом, составляли новости о придворной жизни, политичке, взаимоотношениях правителей и т. п.[132] Нет ни чего странного в том, что московские власти поступали аналогичным образом. Вероятнее всего, общий характер сведений, интересовавших Москву, примерно соответствовал кругу новостей, собираемых орденскими информаторами. Все вышесказанное заставляет предполагать, что западные информационные материалы стали проникать в Россию значительно раньше, чем это представлялось исследователям[133].

Еще одним путем, по которому на протяжении столетий в Россию приходили новости с Запада, были дипломатические миссии. С посольством в Венгрию и Молдавию 1482–1484 гг., которое возглавлял дьяк Федор Васильевич Курицын, исследователи связывают появление в Московском государстве памфлетного сочинения о валашском господаре Владе Цепеше («Сказание о Дракуле воеводе», «Повесть о Дракуле»), так же, как и послание Дедеркина 1456 г., переписанная книгописцем Ефросином. Хотя в советское время были предприняты попытки доказать его русское происхождение[134], наиболее убедительной кажется точка зрения А. И. Соболевского, который считал данный текст одним из древнейших переведенных на русский язык

---

[131] *Jóźwiak S.* Wywiad i kontrwywiad w państwie Zakonu Krzyżackiego w Prusach: Studium nad sposobami pozyskiwania i wykorzystywaniem poufnych informacji w późnym średniowieczu. Malbork, 2004. С. 28, 62–63, 70, 148, 172–173, 181–182, 230.

[132] *Полехов С. В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 57.

[133] *Waugh D. C., Maier I.* Muscovy and the European Information Revolution… P. 80.

[134] Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964; *Лурье Я. С., Григоренко А. Ю.* Курицын Федор Васильевич // СККДР. Вып. 2., Ч. 1. Л., 1988. С. 507–508.

летучих листков[135]

Еще один случай, в котором исследователям удалось выяснить конкретный путь европейского текста в Московское государство относится к концу XV в. Он связан со знаковым для русской культуры лицом – архиепископом Новгородским Геннадием. Благодаря покровительству владыки в Новгороде велась активная переводческая работа. Среди привлеченных к ней лиц видим немецкого книгопечатника Б. Готана. Вместе с книгами, необходимыми для переводов, он привез отпечатанное в Любеке не позднее 1494 г. однолистное издание, получившее в русском переводе название «Двоесловие живота и смерти» («Прение живота и смерти»). Это вариация на широко известный в Европе позднего Средневековья и раннего Нового времени аллегорический сюжет «пляски смерти», демонстрирующий бренность человеческого бытия. Данный текст позволял людям, обездоленным в их земной жизни надеяться, что «сильные мира сего» будут наказаны за свои грехи хотя бы после смерти. В русскую книжность вошел не только текст, но и гравюра, которую перерисовывали и содержание которой пересказывали. Важную роль в распространении текста сыграл Иосифо-Волоколамский монастырь[136].

Последний из группы наиболее ранних памятников – перевод надписей

---

[135] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 41.

[136] *Боднарчук Е. В.* Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 58 и примеч. 162; *Сквайрс Е. Р.* Неизвестное издание Бартоломея Готана и древнерусский перевод «Двоесловия живота и смерти» конца XV в. // Восточная Европа в древности и Средневековье: Автор и его текст. XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 15–17 апреля 2003 г. Материалы конференции. М., 2003. С. 230–235; *Сквайрс Е. Р.* Неизвестный Готан из Научной библиотеки Московского университета // «Про книги». Журнал библиофила. 2007. № 1. С. 126–132; *Сквайрс Е. Р.* Новые данные о западных источниках литературных переводов Геннадиевского кружка в Новгороде (ок. 1500 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3. С. 101; *Сквайрс Е. Р.* Западноевропейский жанр «Пляски смерти» в Новгороде XV в.: источники, рецепция, пути распространения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 107–108.

с гравюры «Europa regina». В русской традиции текст получил название «Европейской страны короли». Европейский оригинал представляет собой антропоморфную карту, в которых создатель, следуя античному мифу о Европе, вписал географические контуры европейского пространства в фигуру королевы со скипетром и державой. Изначально издание было направлено на то, чтобы подчеркнуть особую роль императоров Священной Римской империи, претендующих на ведущую роль в Европе. Однако в более поздних вариантах осталась лишь идея единства Европы. Самая ранняя из сохранившихся на сегодняшний день карт «Europa Regina» напечатана И. Путчем в 1537 г. Она сопровождалась стихами, в которых Европа жалуется императору Карлу V на постоянные войны, терзающие ее с античных времен. В Москву на рубеже XV– XVI в. попал более ранний, не сохранившийся до нашего времени вариант данного произведения, обращенный к императору Максимилиану I[137]. Вероятнее всего, памфлет был привезен в Московское государство кем-то из цесарских дипломатов. Наиболее вероятным представляется период переговоров с цесарскими дипломатами в Москве в 1514 г.[138] Хотя вариантов доставки было много. В ходе подготовки к войне с Литвой (1512–1522) московские власти предпринимали значительные усилия, чтобы установить союзнические отношения с Тевтонским орденом, курфюршеством Саксонским и самой империей. Достаточно упомянуть о деятельности саксонского авантюриста Христофора Шляйница, слуги Михаила Глинского, который тайно перевозил корреспонденцию между Москвой и предполагае-

---

[137] *Шамин С. М.* «Europa regina» и «Европейской страны короли»: карта времен императора Максимилиана I в Московском государстве рубежа XV–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №1. 2019. С. 145–148. О сохранившихся оригиналах карты см.: *Meurer P.* Europa Regina. 16th century maps of Europe in the form of a queen // Belgeo. 2012. № 3–4. P. 355–370.

[138] *Кудрявцев О. Ф.* “Kayser vnnd Herscher aller Rewssen”: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах первой трети XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1. С. 46–50.

мыми противниками литовского князя Сигизмунда Старого[139]. Занимавший в начале XVI столетия должность секретаря магистра Ливонского ордена Кристиан Бомховер, в своей брошюре, подготовленной в 1507–1508 гг., писал, что русские постоянно отправляют в западные страны своих осведомителей. Среди таковых немецкий памфлетист упомянул даже скоморохов[140].

В первой половине XVI в., вплоть до начала 1540-х гг., процесс проникновения интересующих нас материалов в рукописную книжность стал еще более активным. Начинают фиксироваться случаи, когда русский перевод можно четко соотнести с конкретным европейским изданием. В 1523 г. появилось сразу два текста. Первый – рассказ о наводнении в Неаполе и его окрестностях («Изложение истинно истиннейшее и предивнейшее вестей от Неапольского града от господина Лудовика, того же града воеводы: како Неаполь водою умиление истребися в день 11 октября месяца, еже вси вместо потопа нарицати могут», для которого И. Майер обнаружила вероятный оригинал – четырехстраничный памфлет[141]. Второй – вышедшая в Кельне брошюра с описанием путешествия Магеллана, вошедшая в русскую книжность под названием «О Молукитцкых островех и иных многых дивных, их же новейшее плавание кастеланов, рекше испанских, подщанием кротчаишаго самодержьца Карола Пятого събрано, еже новообрете, Максимилиана Транъсилвана к честнейшему кардыналю салтызвуръенскому епистолиа краснеиша чтением»[142].

---

[139] *Лобин А. Н.* К вопросу о роли Михаила Глинского в Смоленской кампании 1512–1514 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. Ч. I. С. 132–147. Электронный ресурс: http://www.milhist.info/2015/04/13/lobin_6 (13.04.2015)

[140] *Кудрявцев О. Ф.* Русские земли в западноевропейской космографии первой половины XVI века. М., 2020. С. 38–50.

[141] См. В-К VI. Ч. 2. С. 54–55.

[142] *Казакова Н. А., Катушкина Л. Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Т. 23. Л., 1968. С. 227–252.

Кроме перечисленных текстов есть еще несколько, которые с большой долей вероятности могут быть переводом европейских летучих листов или рукописных газет. Это рассказы о землетрясении и цунами в «европейских и в германских странах» (последняя треть XV в.)[143], о разрушении подземными толчками города Меллихи на острове Мальта (между 1508–1519 гг.)[144], «трясении Цареградском» в 1509 г.[145], сказание «о знамении небесном, иже бысть в Немецкой земле в граде Риге» (1524 г.), сообщения о землетрясениях в Венгрии (1524 г.), Италии и Греции («Шимбории и Солониках») в 1542 г.[146]. К этому списку можно добавить «Сказание брани венециан противу турецкого царя» (1520-е гг.)[147].

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство из перечисленных текстов связано с Иосифо-Волоколамским монастырем. С этой же обителью связано переведенное не позднее 1540-х гг. с польского языка «Сказание о смерти некоего мистра великого, сиречь философа», тематически связанное с Прением живота и смерти), бытование которого также связано с

---

[143] *Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П.* Филофей // СККДР. В 4 вып. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 471–473.

[144] БАН. 24.5.32, л. 231 об. –232 об. Публ.: *Маркелов Г. В., Сиренов А. В.* Летописец небесных знамений… С. 197; *Сиренов А. В.* Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. М., 2016. С. 458–460; *Маркелов Г. В.* «Явися на небеси знамение чюдно» // О древней и новой русской литературе: Сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демкиной СПб., 2005. С. 42–51.

[145] РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113), № 551. Л. 296–297 об.; *Алексеев А. И.* Сказание о трясении Цареградском как памятник русской книжности // Canadian – American Slavic Studies. 2013. № 47. P. 399–407.

[146] *Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28. Л., 1974. С. 220.

[147] *Казакова Н. А.* Западная Европа в русской письменности... С. 147–157; *Казакова Н. А.* Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1974. Вып. 1. С. 62–70.

иосифо-волоцкой книжной традицией[148]. Можно вспомнить, что с 1522 по 1539 г. митрополитом Московским и всея Руси оставался бывший ранее игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря Даниил. Он активно привлекал к работе в Москве Иосифо-Волоколамских книжников[149]. Возможно, что кто-то из них имел доступ к великокняжескому архиву.

Очевидно, что путь материалов, пришедших по дипломатическим каналам в рукописные сборники, был весьма сложен. Для этого должно было сойтись два фактора. Первый из них – культурная ситуация, предполагавшая запрос со стороны читателя на подобные тексты. Второй – доступ книжников к таким документам. Очевидно, что такой доступ имел Ефросин и кто-то из книжников Иосифо-Волоколамского монастыря. Позднее подобная благоприятная ситуация долгое время не складывалась. Возможно, причину этого следует искать в появлении Посольского приказа, который обеспечил лучший контроль над доступом к документам. Следующий случай попадания исследуемых нами материалов в рукописную книгу произошел примерно столетие спустя, в то время, когда Посольский приказ сам начал превращаться в важный центр русской книжности.

Упоминания о вестовых материалах в архивных описях и первые сохранившиеся переводы

Исчезновение копий переводов прессы из рукописной книжности не позволяет говорить, что сам процесс проникновения в Россию подобных материалов после 1540-х гг. останавливался. Европейские новости по-прежнему поступали в Москву. Об этом свидетельствуют дипломатические документы. Их подлинники не сохранились, но сведения о существовании таких матери-

---

[148] *Дмитриева Р. П.* Повести о споре жизни и смерти… 31–32, 197–201; *Николаев С. И.* Новый список перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью» // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1985. С. 305–307; *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи… С. 137–138.

[149] *Усачев А. С.* Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018. С. 207, 208, 225, 309, 314.

алов содержатся в описях архивов, сделанных уже после Смуты. К сожалению, в русском языке вплоть до середины XVII в. отсутствовали специальные слова для обозначения прессы. Любые новости именовали просто вестями. Из-за этого описи не дают возможности определить, являлся ли упомянутый в посольских документах «вестовой лист» или «вестовая тетрадь» памятником рабочей дипломатической переписки, или же он распространялся свободно (среди неопределенного круга читателей), т.е. его можно отнести к прессе.

Древнейшие из упоминаний о вестовых материалах XVI столетия присутствуют в описи архива Посольского приказа 1614 года. К этому времени архивы времени правления последних Рюриковичей уже понесли колоссальный урон. В качестве образца записей об отдельных вестовых документах приведем «Лист вестовой, а хто писал и х которому государю, того не написано, прислан из Смоленска з Захаром Болтиным, писан в 90-м (1581/82) году»[150]. Было ли это обычное донесение, или перевод (пересказ) какого-то летучего листка, сказать невозможно.

Большой интерес представляют упоминания не отдельных «листов», а относительно крупных комплексов, в которых целенаправленно аккумулировались вестовые документы. В более поздний период именно в составе таких комплексов обнаруживаются переводы европейской прессы. Приведем несколько примеров описаний дел, в состав которых с наибольшей долей вероятности входили интересующее нас материалы. Это «Тетрати, переплетены, 7063-го (1554/55) и 64-го (1555/56) году, а в них записка роспросным речем

[150] Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М. 1960. С. 74. В XVII в. до реформы календаря Петра I в России годы считали от сотворения мира, а началом года был не январь, а сентябрь. Для удобства современных читателей принято переводить даты в систему летоисчисления от Рождества Христова, при этом, если в документе не указан месяц, то современная дата оказывается двойной и пишется через косую черту. При анализе порядка хранения курантов дата «от сотворения мира» дает более точное представление о делопроизводстве, поэтому пересчет на современное летоисчисление дается в скобках.

псковских торговых людей, которые посыланы изо Пскова в ливонские городы для вестей»[151]; «Роспросные речи торговых немец, которые посланы были от царя Бориса за море для вестей, во 113-м году»[152]; «Столп 108-го году, вестовой» [153]; «Столп 109-го году, государевы грамоты в порубежные городы к бояром и воеводам о посылке в Свею лазутчиков для вестей; и ко государю от бояр и воевод отписки»; «Столпик 109-го году, вестовой, посылки из Новагорода о вестях, роспался»[154]. В описи Посольского приказа 1626 г. среди дел по связям России с Англией времени правления Бориса Годунова и начала Смутного времени отмечены «вестовые писма о вестях»[155]. В числе подобных вестей могла оказаться как информация разведывательного характера, так и открыто распространявшиеся издания.

Наиболее ранний случай, когда мы с однозначной уверенностью можем сказать, что в дипломатический отчет включен перевод вестового издания, связан с посольством думного дьяка Афанасия Власьева к императору Рудольфу 1599 г.[156] Глава русской дипломатической миссии привез в Москву печатную тетрадь с новостями, изданную в Нюрнберге[157]. По своей структуре данное издание не отличается от газет более позднего времени. Единственная разница между ними – отсутствие периодичности.

Далее подобные свидетельства встречаются более-менее регулярно. Так среди документов 1600 г., отложившихся в фонде по сношениям России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией, сохранился комплекс, в котором собраны отписки воевод Новгорода, Пскова и Ивангорода с раз-

---

[151] Там же. 123–124.

[152] Там же. С. 62

[153] Там же. С. 129.

[154] Там же. С. 129.

[155] Опись архива Посольского приказа 1626 года. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. С. 198.

[156] ПДС. Т. 2. Стб. 656.

[157] ПДС. Т. 2. Стб. 748–752.

личными «вестями». Часть этих материалов с международными известиями, вне всякого сомнения, восходят к летучим листкам или рукописным газетам[158].

Вестовые материалы могли привозить не только дипломаты, но и иностранные купцы, желающие угодить Московским властям. В качестве одного из первых «вестовщиков» русского правительства, о котором имеется более-менее подробная информация, следует назвать нидерландского негоцианта из Гарлема Исаака Массу. Изначально он приехал в Россию в 1601 г. как купец, а позднее появился вновь уже в качестве официального представителя Генеральных Штатов[159]. Вестовые материалы он привозил в Россию еще до получения официального дипломатического статуса. Об этом свидетельствует предисловие к книге Массы о Московском государстве. В нем Масса рассказывал о своих заслугах перед Нидерландскими штатами и лично перед принцем Вильгельмом Оранским. В их числе Масса указал распространение в России известий о победах принца. Проживая в Москве, он заказывал «изображения и описания завоеванных городов и сражений», выигранных принцем Оранским. Масса переводил эти описания на русский язык и дарил их «княжеским детям»[160]. Эти материалы в настоящее время не выявлены. Вероятнее всего, они не сохранились.

Таким образом, мы видим, что различные вестовые материалы привозились в Московское государство из Европы задолго до восшествия на престол династии Романовых. Их доставляли купцы, агенты московского правительства, дипломаты, порубежные воеводы. Возможно, что в период правления Бориса Годунова внимание русского правительства к интересующим нас

---

[158] РГАДА. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 14.

[159] *Шокарев С.* Послесловие // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 466–467.

[160] *Масса И.* Краткое известие о начале и прохождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. Письмо к Морицу, принцу Оранскому // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 15.

материалам постепенно усиливалось. Однако к началу Смуты эта тенденция не получила существенного развития.

Иностранная пресса о России

Отдельно следует остановиться на вопросе о появлении в иностранной прессе известий о России. По более поздним документам мы знаем, что подобные известия всегда интересовали московские власти. Известия о России стали появляться в европейских информационных изданиях еще в XVI столетии.

В XV в. войны между Москвой и ее европейским соседом – польско-литовским государством велись за православные земли, некогда бывшие частью Киевской Руси. Эти пограничные московско-литовские столкновения мало интересовали жителей Европы. Однако начало быстрого продвижения русской армии вглубь территории Литвы и взятие Смоленска обеспокоило европейцев. В связи с этим событием в 1514–1515 гг. появляются первые посвященные России европейские «летучие листки» и брошюры[161].

С 1558 г. объектом внимания издателей «летучих листков» стала Ливонская война. Судьба Ливонии с ее немецкоязычным населением волновала общественность немецких государств Европы. В «летучих листках» писали об огромном войске «московитов», жестокости русских солдат, широкомасштабной депортации местных жителей вглубь России. Несколькими годами позднее немецкая пресса коснулась и внутрироссийских дел. «Правдивая и новая газета о величайших врагах христианства московитах» с ужасом писала о зверствах опричников Ивана Грозного. Десятилетие спустя, к радости и успокоению немцев, издатели стали сообщать новости об успешных походах польского короля Стефана Батория в глубь России[162].

---

[161] *Гольдберг А. Л.* История России в иностранных изданиях XVI–XVII веков // История СССР. 1982. № 2. С. 111.

[162] *Лобанов Н. А.* Образ России в германском обществе XVI–XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 135–152; *Филюшкин А. И.* Изобретая

Публикации имели массовый характер и оказали влияние на немецкую литературу. В России же откликов на них не зафиксировано. Учитывая интенсивные торговые и дипломатические контакты и наличие в России отдельных переводов из европейских информационных изданий (на другие темы), трудно предположить, что в Москве об этих публикациях не слышали. Возможно, что один из таких памфлетов находился в царском архиве. В его описи в ящике 221 отмечена «татрать неметцкая до Юрьевского взятья, как маистр и бискуп посылали к цысарю о помочи»[163]. Тетрадная форма подобного документа заставляет подозревать, что мы имеем дело с агитационным изданием начального периода Ливонской войны.

Генрих фон Штаден, живший в России в 1564–76 гг. и служивший в опричнине Ивана Грозного, писал в своем сочинении о глубоком интересе российского царя к тому, что становится известно о России в Европе. Штаден просил своего корреспондента: «Но только – чтобы это мое описание не переписывалось и не стало общеизвестным. Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях, и все это делается в глубокой тайне: наверное, у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах через купцов»[164]. Это позволяет предполагать, что в Москве были хорошо осведомлены об антироссийских публикациях.

1.2. Каналы доставки иностранной прессы в Москву после Смуты: купцы и порубежные воеводы

первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб. 2013. С. 291–598.

[163] ААЭ. Т. 1. СПб. 1836. № 289. С. 353; Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М. 1960. С. 42.

[164] *Штаден Г.* Записки. М., 2002. С. 14. За эту цитату благодарю Д. В. Лисейцева.

Не позднее, чем с начала 1620-х гг., когда Россия восстановилась после потрясений смутного времени, присутствие иностранной прессы вновь стало фиксироваться в архивах органов государственного управления, в первую очередь Посольского приказа (надо, однако, учитывать, что выстраивать динамическую картину расширения потока вестовых материалов крайне сложно из-за пожара 1626 г., уничтожившего значительную часть документов).

Поставщиками иноземных вестей, как и ранее, выступали дипломаты, купцы, порубежные воеводы, правительственные агенты. Доставляемые ими известия затрагивали самый широкий спектр событий европейской политики. Выборка новостей во многих случаях определялась случайными факторами. Данный же раздел посвящен рассмотрению неофициальных каналов, по которым пресса приходила в Москву (доставка изучаемых материалов тайными агентами, а также использование прессы во время официальных дипломатических сношений рассматривается ниже).

Сразу следует оговориться, что доставка прессы купцами носила весьма противоречивый характер. С одной стороны, газеты и летучие листки были открытой информацией. С другой стороны, если доставка прессы становилась регулярной, то она создавала между предпринимателем и властью особые отношения, подталкивавшие торговцев к изменению статуса – либо они превращались в официальных лиц, т.е. дипломатов, либо же деятельность негоциантов начинала все больше напоминать шпионаж.

В Европе XVII столетия купцы были одной из важнейших категорий потребителей прессы. Вместе с ними газеты и «летучие листки» передвигались по разным странам. Пограничные города России, через которые торговцы провозили свои товары, стали естественными воротами для направлявшихся в Москву иноземных вестей. Здесь новости проходили через руки местных воевод и находившихся в их распоряжении переводчиков. Таким образом, за исключением тех случаев, когда купцы работали по прямому со-

глашению с центральными властями, воеводы оказывались важным звеном в транзите информации.

Чаще всего в качестве такого транзитного пункта для прессы в документах фигурирует Псков. Этому способствовало его географическое положение – вестовые материалы приходили сюда по пути Амстердам – Гамбург – Гданьск – Кенигсберг – Рига. Не позднее середины 1620-х гг. сбор прессы во Пскове и ее пересылка в Москву стали устойчивой частью системы снабжения внешнеполитической информацией Посольского приказа. Об этом свидетельствует тот факт, что опись архива Посольского приказа 1626 г. зафиксировала столбец с подобными материалами 1624 г.[165] Указание Пскова в заглавии описи следует расценивать в качестве свидетельства преобладания именно псковских материалов. От 1640-х гг. сохранился значимый комплекс самих переводов[166]. Представление о времени доставки документов дает одно из амстердамских изданий (датированное 2 сентября 1645 г.), которое привез в Москву 16 октября работавший во Пскове переводчик Матвей Вейрес[167]. В данном случае расстояние от Амстердама до Москвы протяженностью примерно в 3 тыс. км. было преодолено примерно за полтора месяца.

Рассмотрим несколько случаев, из которых видно, как именно «печатные листы» и «печатные тетради» с новостями попадали в руки псковских властей. Так 23 марта 1649 г. из Бремена в Псков на гостиный двор приехал купец Яган Еремеев сын Бемман. На встрече с головой гостиного двора он подал печатный лист псковскому переводчику Ефиму Фентурову[168]. Русские торговцы также выступали поставщиками новостей: псковский купец Федор Омельянов, который знал, что в канцелярии псковского воеводы интересу-

---

[165] Опись архива Посольского приказа 1626 года. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. С. 358.

[166] См., к примеру ВК-III. С. 45, 55, 108, 111 и др.; ВК-IV. С. 85–86, 92, 173, 178.

[167] ВК-III. С. 45–49.

[168] ВК-IV С. 92.

ются иноземной прессой, 3 января 1649 г. взял на гостином немецком дворе у ругодивского купца Логина Лаврентьева «печатную тетрадь» о мире между Швецией и Священной Римской империей, которую отнес в съезжую избу. В Москву в Посольский приказ тетрадь попала 17 января[169]. Третий возможный вариант – пересылка «вестей», изначально шедших через Псков транзитом. В 1650 г. один из рижских купцов передал псковским властям «лист» (т.е. письмо), предназначавшийся для находящегося в Москве шведского агента, а вместе с ним два «печатных листа» (т.е. газеты или летучие листки)[170].

Новгород[171] и Архангельск[172], также становились перевалочными пунктами для европейской прессы, однако эти пути были более длинными и, соответственно, использовались для доставки «вестей» реже, хотя по объему товарооборота Архангельск существенно превосходил Псков. Рассмотрим вопрос о том, как газеты попадали в Посольский приказ через руки архангельских властей. В 1650 г. 2 августа к Архангельску пришли корабли. Живущий в городе голландец Андрей де Ладал ездил к кораблям и привез с них «печатное письмо», которое передал в воеводскую канцелярию. Воевода отправил эти вестовые материалы в Москву с двинским стрельцом 9 августа. Тот сдал газету в Новгородской чети 28 августа[173]. Из Новгородской чети она наконец-то попала в итоговый пункт назначения – Посольский приказ. С аналогичным случаем встречаемся семь лет спустя. 25 сентября 1657 г. приказчик купца Юрья Клинка передал пришедшие с последним кораблем «шесть печатных немецких писем, про всякие заморские вести». Архангельский воевода Петр Прозоровский приказал в тот же день отправить «письма»

[169] ВК-IV. С. 85–86.

[170] ВК-IV. С. 178.

[171] ВК-III С. 71.

[172] ВК-III С. 130.

[173] ВК-IV. С. 195–210.

в Москву. В столице перевод с этих «галанских печатных курантов» был сделан 17 октября 1657 г.[174]

Скорость, с которой гонцы преодолевали более тысячи км от Архангельска до Москвы внушает уважение. Однако перед этим газетам пришлось пройти около 3,5 тыс. км морским путем через Северное, Норвежское, Баренцево и Белое моря. Все это делало доставку вестовых материалов северным путем менее эффективной, чем через Псков. То, что из пограничных городов именно Псков, Новгород, и Архангельск были пунктом транзита иностранной прессы нельзя считать случайностью. Именно в этих городах Посольский приказ содержал специально командированных переводчиков[175].

В приведенных выше примерах пресса попадала в Россию более-менее случайно. Перед тем, как попасть в руки российских должностных лиц, издания могли долго ходить по рукам. Однако чаще газеты доставлялись целенаправленно в Москву. О купце Исааке Массе, который ранее приезжал в Россию не только с торговыми делами, но и с поручениями своего правительства, мы знаем, что не позднее, чем с 1625 г. он по «нарочному приказу» государя обязался «ссылаться грамотами» с «канцлером с Ыиваном Тарасевичем»[176] (главой Посольского приказа И.Т. Грамотиным). Вестовые материалы от него приходили в 1625–1628 гг. В основном это именно письма с новостями, но встречаем также «печатный лист», «чертеж городу Бреду», привезенный на голландском торговом судне в Архангельск братом Массы Яковом и др.[177] Общий характер вестовых материалов Массы фиксирует одна из записей в описи документов Посольского приказа «Столпик ветх, 135-го году,

---

[174] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 91–96.

[175] Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. М., 2019. С. 187–209.

[176] ВК-I. С. 73.

[177] ВК-I. С. 70–77; 95–99, 132–133.

переводы с писем галанских гостей Исака Масса с товарыщи, да двинская отписка о приходе галанских караблей к Архангелскому городу, да переводы с вестовых писем»[178].

Документов, которые фиксировали бы договоренности о поставке «вестей» между правительством и купцами не сохранилось, или же, что вероятнее, договоренности вообще оставались устными. Мы узнаем о них лишь благодаря случайным упоминаниям. Тем не менее, сами дошедшие до нашего времени переводы позволяют сделать выводы о том, что какая-то часть купечества была специально задействована в доставке «вестей». Это касается как иностранных купцов, так и русских. Заметную роль в снабжении российского дипломатического ведомства прессой играл клан купцов Стояновых. Гости Семен и Иван Семеновичи Стояновы, ведшие в 1640-х – нач. 1650-х гг. совместное хозяйство, были заметными фигурами в жизни Новгорода[179]. В фондах РГАДА сохранились переводы газет, поданных в Посольский приказ 7 января 1647 г. и 15 ноября 1648 г. Иваном Стояновым [180]. Материалы сразу попали непосредственно в дипломатическую канцелярию, а не к новгородским властям.

Вместе со Стояновыми торговал их племянник Петр Микляев. Случай передачи им «немецких печатных тетрадей» российским властям относится уже к началу 1660-х. Об этом рассказывает челобитная А. Л. Ордина-Нащокина: «Государю царю и великому князю Алексею Михаиловичю всея Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержцу. Холопи твои, Афонка Нащокин с товарищи, челом бьют. Августа, государь, в последних числех приехав из Любека в Юрьев Ливонской гость Петр Микляев подал нам, холопем твоим, немецкие печатные тетради о миру дацкого короля с свейским королем.

---

[178] Опись архива Посольского приказа 1673 года. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990. С. 338.

[179] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 100

[180] ВК-III. С. 152, 200.

И мы, холопи твои, тетрати велели перевесть, да тот перевод послали к тебе к великому государю царю и великому князю Алексею Михаиловичю всея Великия и Малыя Росии самодержцу и велели подать в Посолском приказе твоим, великого государя, дьяком думному Алмазу Иванову да Дмитрею Шубину». Письмо было доставлено в Посольский приказ 18 сентября 1660 г.[181]

Вероятнее всего, эти «вести» были далеко не первыми из полученных в Москве от Микляева. Еще в 1653 г. московское правительство дало Микляеву серьезнейшее дипломатическое поручение. Его отправили в Голштинию для переговоров с голштинским владетелем о выдаче выдававшего себя за князя Шуйского беглого подьячего Тимофея Анкундинова. Задание он выполнил успешно – в том же году самозванца доставили в Россию, пытали и казнили[182]. В Голштинии его воспринимали именно как посла, о чем узнаем из записок Адама Олеария: «новгородский купец Петр Микляев, умный и рассудительный человек, бывший с год назад послом у нас и хотевший поручить мне своего сына для обучения его немецкому и латинскому языкам, не мог получить на это позволение ни у патриарха, ни у великого князя»[183]. Исходя из практики работы Посольского приказа, можно с большой долей вероятности предположить, что в ходе таких поездок он должен был также собирать «вести».

Еще одним представителем клана Стояновых был Максим Воскобойников. Он рано остался сиротой. К моменту начала купеческой карьеры жил на дворе Семена Стоянова. Со временем он начал вести крупные торговые операции. О его компетенциях свидетельствует тот факт, что в 1651 г. приказ

---

[181] РГАДА. Ф. 96. 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 420, 420 об.

[182] *Лисейцев Д. В.* Тимофей Анкудинов: «одиссея» русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкундинова = Az Ankungyinov-ügy: европейский авантюрист из Московии. Budapest, 2011. С. 41.

[183] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию Смоленск, 2003. С. 204.

Большой казны доверил ему (совместно с Микляевым), продать большую партию шелка-сырца, с чем компаньоны блестяще справились[184].

Поставлять прессу по заказу Воскобойников начал не позднее 1649 г., когда в Стокгольме к нему обратились участники посольства окольничего Бориса Ивановича Пушкина: «Да послы ж, будучи в Стеколне, говорили новгородцу, торговому человеку Максиму Воскобойникову: слышали они, послы, что привозят в Стеколну вестовые печатные писма изо многих мест во всякой неделе по четвергам, и он бы, Максим, государю послужил, вестовые печатные писма неделные, какие может добыть, покупал. А что каких вестовых печатных писем купит, и на сколко ценою, и за то ему денги послы давати велят. И что каких вестовых печатных писем Максим купил, и с тех писем о вестях перевожено на перечень и те переводы особо в столп»[185].

За этой же деятельностью мы застаем купца и пять лет спустя. «Переводы», а точнее выписки, из какой-то иностранной газеты 1654 г. сохранились в составе «расспросной речи», записанной после возвращения Воскобойникова из шведского Ругодива. В документе особое внимание уделяется английским делам. «Перевод с вестовых листов, каков подал Максим Воскобойников 162-го году июля в 27 день» включает пять сообщений: «Из Кесарские земли из города Колн писано июня в 23 день»; «Из Галанские земли из города Хравенгаген писано июня в 26-м числе»; «Из Аглинской земли писано июня в 11 день»; «Из Галанские земли из города Гага писано июня 19 числа»; «Из города Бремен писано июня в 16 день». В этих переводах, как и в расспросных речах, содержится значительное количество новостей о событи-

---

[184] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 317–320.

[185] *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века : Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 г. М. 1897. С. 267.

ях в Англии (смута против Кромвеля в пользу английского королевича и др.). Имеются также известия о польских и шведских делах[186].

Можно сделать вывод, что существовала устойчивая практика, в соответствии с которой представителей данного купеческого клана привлекали не только для государственных дел торгового характера[187], но и использовали для решения различных внешнеполитических задач. Их контакты не замыкались на местной новгородской администрации, а выходили на правительственный уровень. Характерно, что, как и старшее поколение данного клана, Микляев и Воскобойников в итоге получили высшую из возможных для русских купцов того времени награду – статус гостя[188]. Практика, в соответствии с которой купцы параллельно с основной деятельностью выполняло роль правительственных агентов была обычной не только для России, но и для Европы, к примеру, Швеции[189].

Анализируя данные иностранных купцов, которые привозили в Россию прессу, можно заметить, что многие из них также имели особые отношения с московским правительством. Сам привилегированный статус гостя является ярким признаком наличия подобных отношений. Гостем был голландский предприниматель Юрий Клинк. Он передавал прессу в Посольский приказ в 1626–1627 и 1646 гг.[190] Голландский гость Карп Иванов сын Демулин поставлял Москве оружие в годы Смоленской войны[191]. Сохранился перевод

---

[186] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 4. 1654 г. Л. 1–12. О Воскобойникове см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации в России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 317–321.

[187] Использование правительством купцов-гостей для решения различных фискальных и торговых задач было обычной практикой.

[188] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... 314–316.

[189] *Droste H., Maier I.* Christoff ... P. 128–129.

[190] ВК-I. С. 78–86; ВК-III. С. 66.

[191] Опись архива Посольского приказа 1673 года… С. 341.

привезенных им вестовых материалов 1627 г.[192] Имеются также два упоминания таких материалов в приказных описях: «Тетратка печатная, дестовая, печатана немецким писмом, 134-го году, подал ее в Посольском приказе Карпов человек Демулина Иван Фрянка, а сказал, послал де ее с ним и велел подати в Посольском приказе Карп Демули»[193] и «Тетрать вестовая, подал в Посолском приказе галанец торговой иноземец Карп Иванов сын Демолин во 136-м году, погнила»[194].

Любекский купец Ягана фан Горн был пожалован в гости в 1656 г. за поимку Анкундинова[195]. Продолжал он сотрудничество с русским правительством и позднее. В 1660 г. он занимался вербовкой солдат[196], а в 1667 г. посылал «вестовые писма» А. Л. Ордину-Нащокину[197]. Гость Конрад ван Кленк также входил в число купцов, учавствовавших в поиске Анкундинова. Позднее он не раз оказывал различные услуги русскому правительству, за что на период с 1662 по 1667 г. ему разрешили платить половинную пошлину. В 1675 г. он получил от своего правительства официальный статус вернулся в Россию уже в качестве чрезвычайного посла Нидерландов[198]. Отправленные им в Посольский приказ дьяку Алмазу Иванову «вести» датируются 1658 г.[199]

Голландский гость Андрей Келдерман, который с 1613 г. сопровождал различные русские посольства в качестве переводчика, а также выполнявший

---

[192] ВК-I. С. 86–95.

[193] Опись архива Посольского приказа 1626 года… С. 254–255.

[194] Опись архива Посольского приказа 1673 года… С. 336.

[195] *Лисейцев Д. В.* Тимофей Анкудинов… С. 41.

[196] *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М. 2004. С. 194.

[197] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г., Ед. хр. 10. Л. 34–43, 45

[198] *Велувенкамп Я. В.* Архангельск: нидерландские предприниматели в России, 1550-1785. М. 2006. С. 149–155.

[199] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 15–23.

другие поручения русского правительства[200], привозил вестовые материалы в 1641 г.[201] и в 1650 г.[202] А. В. Демкин подробно проанализировал историю службы Келдермана: «Он посылался с посольствами в Англию (1613, 1615, 1617 гг.) и переводил дипломатические документы в Посольском приказе. Он также продавал за рубежом казенную пушнину (1633 и 1648 гг.)»[203].

Англичанин Иван Гебдон, получивший позднее должность «комиссариуса и резидента» московского правительства, также начинал свою российскую карьеру в качестве купца, поставлявшего вести. В 1648 г. он, явно по собственной инициативе, подавал «печатный лист» с обращением английского короля к подданным[204]. Однако большинство случаев присылки прессы Гебдоном относится уже к тому периоду, когда он находился на службе русского правительства (1651, 1656, 1658 гг.)[205]. В какой-то момент при нем даже действовала собственная «канцелярия»[206].

К числу наиболее показательных случаев относится ситуация с голландским купцом немецкого происхождения Давыдом Миколаевым Рютцом (Рутсом). В 131 (1622/1623) г. он приезжал в Россию в качестве обычного предпринимателя. Тогда он передал находившееся с ним «вестовое письмо» при въезде в Московское государство Новгородским властям: «Отписка 131-го году, что писали ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии из Великого Новагорода боярин и воевода князь Григорей

---

[200] *Кашин В. Н.* Торговля и торговый капитал в московском государстве. Л., 1925. С. 214.

[201] *Цветаев Дм.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 66.

[202] ВК-IV. С. 205.

[203] *Демкин А. В.* Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 7–8.

[204] ВК-III. С. 159.

[205] ВК-V. С. 19, 110, 115, 117, 128.

[206] *Худин К. С.* Источниковедческий анализ отписок 1658–1663 гг. русского «комиссариуса и резидента» Дж. Гебдона в фондах РГАДА: печати и почерк // Отечественные архивы. 2019. № 2. С. 50–58.

Петрович Ромодановской да дьяки Михайло Милославской да Добрыня Семенов, что приехал в Новгород Галанские земли немчин торговой человек Давыд Миколаев Рыц, и они ево и роспросные ево речи послали ко государю к Москве; а под отпискою роспросные ево речи, как он роспрашиван на Москве, да перевод с немецково с вестововo писма»[207]. В начале 1630-х статус купца меняется. В 1634 г. датский король назначил Рутса своим приказчиком в Москве, а в 1654 г. он уже числился датским резидентом[208]. В этот период привезенная им пресса попадала уже непосредственно в Посольский приказ (1638, 1648 гг.)[209].

Одним из торговых партнеров Рутса был гамбургский купец Петр Гаврилов сын Марселис[210]. В 1643 г. в связи с делом о сватовстве датского принца Вальдемара он оказался официальным предстателем сразу двух монархов – русского царя и датского короля. Д. В. Цветаев даже считал, что он занял место Рутса[211]. Первый полученный от Марселиса в Посольском приказе в 1638 г «вестовой» материал представлял собой письмо его отца из Гамбурга, в которое была включена выписка из газеты или летучего листка[212]. В 1644 г. он поставлял «вести» в Посольский приказ регулярно. Пересылка шла через Ригу, откуда рижский торговец Вилим Беккер писал во Псков приказчику Марселиса голландцу Альбрехту ванн дер Блоку. В доставке материалов в Москву участвовал также Леонард Марселис, брат Петра[213]. Вероятнее всего, изначально шедшие в Москву «вести» Марселисов переправлялись из Гданьска от почтмейстера Данила Брандеса. Наиболее раннее из сохранившихся

---

[207] Опись архива Посольского приказа 1626 года… С. 363–364.

[208] Курц Б. Г. Состояние России в 1650-1655 г.г. по донесениям Родеса. Москва., 1914. С. 37.

[209] ВК-I. С. 176–182; ВК-III. С. 179; ВК-IV. С. 66, 213.

[210] *Велувенкамп Я. В.* Архангельск… С. 123.

[211] *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований: Историческое исследование Дм. Цветаева. М., 1890. С. 74–76.

[212] ВК-I. С. 208.

[213] ВК-II. С. 95–97, 1644 С. 107, 119 –122, 172–178, 187–191; ВК-III. С. 18, 55.

писем Брандеса к Марселису датируется 1645 г.[214] Впрочем, пересылка через Брандеса не была монополией Марселисов. В одном из писем начала 1646 г., прошедшем перлюстрацию в Посольском приказе, о Брандесе говорится, как о человеке, которого «московские иноземцы знают». Данное письмо пришло из Копенгагена[215].

Ситуация с доставкой газет в Москву иностранными купцами существенно изменилась в 1664–1665 гг. От этого периода сохранилось значительное число комплектов переводов иностранной прессы, которую непосредственно в Посольский приказ передавали купцы, не пожалованных в гости и не имевшие тесных деловых связей с властями. В их числе голландцы Марко Клинкин (1664 г.)[216], Мартин Бихлин (Мартын Бихлинк, 1664)[217], Владимир Иванов (1665 г.)[218], Вахрамей Петров Меллер (Вернер Мюллер, 1665 г.)[219], а также гамбуржцы Филипп Ферпортен (1665 г.)[220] и Иван Плюс (1665, 1666 гг.)[221]. Конечно, для каждого из купцов можно найти какую-нибудь причину его заинтересованности в хороших отношениях с приказными властями. К примеру, Меллер судился в Посольском приказе чаще, чем любой другой иностранный купец[222]. Однако произошедшие изменения все-таки очевидны. Можно предположить, что сотрудники Посольского приказа

---

[214] ВК-III. С. 55.

[215] ВК-III. С. 86.

[216] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1664 г., Ед. хр. 2. Л. 10–16.

[217] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1664 г., Ед. хр. 2. Л. 17–19, 20–24, 25.

[218] ВК-VI. Ч.1. С. 106.

[219] ВК-VI. Ч.1. С. 107, 110.

[220] ВК-VI. Ч.1. С. 109, 112, 136, 134.

[221] ВК-VI. Ч.1. С. 147; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1664 г., Ед. хр. 2. Л. 38–46; Опись архива Посольского приказа 1673 года… С. 482.

[222] *Гуськов А. Г.* К вопросу о судебной деятельности Посольского приказа в 60-90-е годы XVII в Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 39–40; *Гуськов А. Г.* Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.) Российская история. 2018. № 5. С. 20.

и предприниматели отреагировали на заинтересованность в иностранных газетах царя Алексея Михайловича. Эта активность стала предтечей учрежденной в 1665 г. регулярной почты. Хотя купцы были основными поставщиками прессы в середине 1660-х гг., после учреждения почты практика доставки газет в Посольский приказ торговцами существенно сократилась.

1.3. Тайные каналы доставки иностранной прессы

Вопрос о том, являлся ли человек, посылающий новости из одной страны в другую тайным агентом, или же работает в рамках открытого легального обмена информацией, крайне сложно решается даже в наше время. Огромное влияние на оценку такой переписки оказывает отношение со страной, куда данная информация посылается и от положения дел во внутренней политике. Между тем, политическая ситуация может меняться весьма радикально. В связи с этим в данном разделе речь пойдет о тех информаторах, которые сами однозначно определяли свою деятельность в качестве тайной.

В начале 1631 г. в связи с подготовкой к предстоящей войне с Речью Посполитой за Смоленск в Швецию для закупки оружия и найма военных специалистов было направлено «великое» посольство Федора Андреевича Племянникова и подьячего Афанасия Аристова. Посольство провело в Стокгольме около двух месяцев, а потом отправилось в Германию под Штетин, где в это время находился шведский король Густав Адольф. Племянников умер в Штеттине, а Аристов вернулся в Россию уже в ноябре[223].

В декабре того же года в Посольском приказе перевели письмо, которое из Стокгольма отправил 12 сентября 1631 г. купец Мельхер Бекман. Шведский негоциант выступил с крайне интересным предложением, которое проливает свет на некоторые аспекты деятельности русской миссии в Стокгольме. Бекман писал, что Племянников нанял его на русскую службу в каче-

[223] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1631 г. Ед. хр. 4.

стве агента и обещал вызвать к себе письменно. Не получив в ожидаемый срок послания из России, он сам со своим человеком написал в Москву[224].

Из переведенного текста узнаем, что, судя по всему, Племянников хотел нанять Бекмана для сбора секретных сведений в шведской столице. Это поручение Бекман выполнить не смог или не захотел: «а пячатных дел Вам, господину послу, добыть было немочно»[225] (в данном случае речь идет о шведских государственных документах). Зато шведский купец предлагал услуги иного рода. Он обещал «промыслить» вести из Кракова. Планировалось организовать ежемесячную доставку в Россию информации о «недруге» (Польше)[226] через надежного человека во Гданьске. Благодаря этому в Москве могли бы узнавать, что поляки «против Рускои земли умышляют». Для себя Бекман хотел должности официального агента царя Михаила Федоровича при шведском дворе, а в качестве платы за это просил разрешения закупать в России зерно в Новгороде и Ладоге. Таким образом, предприимчивый швед предлагал организовать шпионскую сеть во враждебной России Польше накануне Смоленской войны.

Официального статуса при шведском дворе Бекман не получил. Однако его услугами русское правительство все же воспользовалось. Об этом говорит запись в описи Посольского приказа 1673 г. Там среди шведских документов хранилась «Свяска, а в ней 18 листов печатных и писмяных, присылал из Стеколна Мельхер Бекман 140-го году»[227]. 140-й (1631/1632) год – как раз то время, которое указано в процитированном выше письме. Однако какую же информацию в итоге получило русское правительство?

---

[224] ВК-I. С. 161–162.

[225] ВК-I. С. 161.

[226] В данной работе названия Польша и Речь Посполитая используются в качестве синонимов. Исключения делаются для тех случаев, когда разделение сведений о королевстве Польском и великом княжество Литовском имеет принципиальный для данного исследования характер.

[227] Опись архива Посольского приказа 1673 года. В 2 ч. Ч. 1. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990. С. 311.

Один из «печатных листов» Бекмана сохранился в РГАДА. Это ни что иное, как 27-й выпуск 1631 г. гамбургской газеты «Ordentliche Post Zeitung». На нем видим помету: «переведена от Мелхера Бекмана». Сохранился также перевод этой газеты[228]. В другом деле отложилось еще два перевода присланных Бекманом вестей[229]. Все они являются переводами печатной или рукописной прессы. Исходя из этого, становится понятно, почему в планах Бекмана фигурировал Гданьск – между этим городом и Гамбургом ходила регулярная почта, доставлявшая корреспонденцию всего за девять дней[230]. По почте, среди прочего, доставлялись и гамбургские газеты. У гданьского почтмейстера собирались также польские новости, которые затем переправлялись по почтовым линиям. Очевидно, что в данном случае «шпионаж» ограничивался пересылкой общедоступной для европейских читателей прессы.

Организация следующего шпионского мероприятия на территории шведских владений связана с деятельностью международного авантюриста Шляковского. Ранняя история его жизни не изучена. Он был служителем одного из польских аристократов, знал военное дело и большое число иностранных языков (по его утверждению – немецкий, латинский, испанский, чешский, польский и итальянский). Источники 1642 г. говорят о том, что он приехал в Данию из Голштинии под именем Матьяса графа фон Шлик, представителя знатного чешского протестантского рода, гонимого католиками за вероисповедание.

Когда весной 1642 г. в Данию явились московские послы Проестев и Патрикеев с целью организовать брак между царевной Ириной Михайловной и датским королевичем Вальдемаром, Шляковский решил искать удачи в

---

[228] В-К VI. Ч. 2. С. 62.

[229] ВК-I. С. 133–138.

[230] *Уо Д. К.* Истоки создания международной почтовой службы Московского государства в европейском контексте // Очерки феодальной России. Вып. 19. М.; СПб., 2016. С. 397, 399.

России. Д. В. Цветаев предположил, что, судя по поведению Шляковского, изначальная цель авантюриста состояла в том, чтобы самому жениться на Ирине Михайловне. Не исключено, что если бы сватовство к Вальдемару не двинулось бы дальше проектов, план лжеграфа мог бы реализоваться. Он получил у датского короля грамоту к Михаилу Федоровичу и уже 10 ноября 1642 г. приехал во Псков. К 29 ноября Шляковский добрался до Москвы, где обратился к «прикащику датского короля» П. Марселису, через которого добился официальной аудиенции у государя в Золотой палате. После этого «граф Матьяс» объявил о своем желании поступить на русскую службу, а потом и принять православие. Следующим шагом новокрещеного князя Льва Александровича Шлякова-Чешского стало объявление о желании жениться. К несчастью для авантюриста, Михаил Федорович не увидел в нем будущего зятя. Ему предложили в качестве супруги Марфу Васильевну Шереметеву, внучку крестного отца Шляковского Федора Ивановича Шереметева. Свадьба состоялась в начале лета 1643 г. Новоявленный князь постарался быть максимально полезным русскому правительству. К примеру, он донес на королевича Вальдемара, когда тот попытался бежать из России. Такое поведение вызвало острую неприязнь к Шляковскому со стороны датчан. По возвращении королевича домой, из Дании пришло письмо, разоблачавшее бывшего «графа». Авантюрист отделался кратковременной ссылкой на Соловки[231]. Родство с Шереметевыми обеспечило ему высокое социальное положение вне зависимости от реального происхождения.

Для нашей темы важен эпизод биографии Шляковского, связанный с его кратким пребыванием осенью 1642 г. в Риге. Здесь, по дороге в Россию, он познакомился с неким секретарем Лаврентием Грелле (варианты написания фамилии Хрел, Грелк, Иреллесмия). Отношения между Грелле и Шляковским приобрели весьма тесный характер. Скромно путешествующий

[231] *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований: Историческое исследование. М., 1890. С. 355– 370, 415–416, 500.

«граф» свел близкое знакомство с семьей рижского секретаря. Позднее супруга Грелле пересылала в Москву мелкие подарки для Шляковского. Очевидно, имел место и какой-то романтический эпизод. В письмах Шляковскому несколько раз упоминается имя некоей девицы Катерины. Она «любительно» слала князю «поздравления», напоминала о совместно проведенном времени и обещании прислать в подарок из Москвы соболей. В одном из последних писем, написанном уже изо Гданьска, куда семья была вынуждена эмигрировать в результате шпионской аферы, Грелле сообщал, что Катерина сговорена за капитана, который приехал из Восточной Индии, но все еще напоминает об обещанных соболях[232].

Столь близкие личные связи стали основой и для делового сотрудничества. Стороны договорились о том, что Грелле будет извещать Шляковского о новостях и выполнять другие его поручения. Для переписки Грелле взял псевдоним Юстус Филимонатус. Вероятнее всего, он подразумевал героя античной мифологии Филемона, который вместе со своей супругой Бавкидой гостеприимно принял двух скромных странников. Под их личиной по земле путешествовали Юпитер с Меркурием. Боги щедро вознаградили Филемона. Его рижский тезка также рассчитывал на вознаграждение – годовое жалование и официальную должность комиссара или резидента московского государя[233].

Следует отметить хорошую информированность Грелле в вопросах международного обмена информацией. Он весьма точно указывает на людей, которые могут представлять для него опасность. По мнению тайного агента,

---

[232] ВК-II. С. 69, 73, 79, 147. См. так же: *Майер И., Шамин С. М.* Псковское театральное лето 1644 года. Афиша странствующих немецких комедиантов //Родина. 2013. № 8. С. 64–67; Maier I., Shamin S. Straßburger Mummenschanz im russischen Pleskau im Jahre 1644?: Eine deutsche Schaustellertruppe versucht ihr Glück im Zarenreich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2016. Vol. 64. № 1. S. 1–25.

[233] ВК-II. С. 69.

таиться полагалось от купца Петра Марселиса[234], который в это время в связи со сватовством королевича Вальдемара находился на службе у московского царя и датского короля. Главной же угрозой выступал официальный шведский резидент при московском дворе Крузбиорн. Его стараниями Грелле мог оказаться «в безвремяне»[235]. Шляковский попытался, по возможности, осложнить жизнь Крузбиорна в Москве. Сохранилась жалоба шведского дипломата на то, что князь Лев Александрович ночью в пьяном состоянии приезжал к его двору со многими людьми, «которые по ночам ходят озорным абычаем» и хотел штурмовать посольскую резиденцию[236].

Рига, где жил Грелле, с точки зрения пересылки новостей была очень важным пунктом благодаря наличию почтовой связи. Государственная почта появилась в Риге в 1625 г., а коммерческая в 1632 г.[237] Почтмейстер Якоб Беккер предпринял даже неудачную попытку издавать в городе газету[238]. Наиболее раннее послание Грелле датируется 7 декабря 1642 г.[239] Связь была налажена через командированного во Псков переводчика Посольского приказа Матвея Вейреса. Тот отправлял к Грелле доверенного ямщика. Однако агенту хотелось более интенсивных сношений. Он желал организовать дело так, чтобы посылки перевозили два человека, один из которых выезжал бы из

---

[234] ВК-II. С. 68.

[235] ВК-II. С. 41.

[236] ВК-II. С. 50.

[237] *Уо Д. К.* Истоки создания международной почтовой службы Московского государства в европейском контексте // Очерки феодальной России. Вып. 19. М.; СПб., 2016. С. 401.

[238] *Vanamölder K.* Establishing a State-Controlled Network for News Trading in the Swedish Baltic Provinces in the Late Seventeenth Century: Causes and Consequences // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 279–298.282.

[239] ВК-II. С. 16.

Риги, а другой из Пскова[240]. Фактически Грелле предлагал создать регулярную почту. Данная идея реализована не была.

Несмотря на все старания Грелле, информация о том, что кто-то посылает вести в Москву дошла до рижских властей. В январе 1644 г. магистрат Риги под угрозой штрафа в 500 ефимков запретил что-либо писать в Москву[241]. Пожалуй, самым большим успехом Грелле было то, что он сумел «сговорить» на русскую службу рижского инженера-фортификатора[242] (хотя в итоге тот в Россию так и не выехал). Однако эта удача ставила агента в особенно опасное положение. Грелле пришлось перебраться из Риги в Юрьев Ливонский[243]. Хуже для него было то, что в такой сложный момент из Новгорода уехал Вейрес и пересылать вести приходилось через голландского купца Альбрехта ванн дер Блока[244], приказчика Марселиса, которого Грелле так опасался. Меры безопасности были усилены: с конца января в своих письмах Грелле указывал в качестве отправителя Юстуса Филимонатуса из Риги, хотя сам находился в Юрьеве. Московские власти также предприняли попытку выяснить источник утечки информации – 25 февраля 1644 г. Крузбиорн жаловался царю, что его людей хватают и «мучат не по крестьянски»[245].

В марте 1644 г. Грелле ненадолго приехал во Псков. Очевидно, что он хотел получить денег за предыдущую службу и как-то оформить свои отношения с московским правительством. Однако быстро сделать это не удалось и, не дождавшись «государева указа», бывший рижский секретарь уехал из Пскова, а затем покинул шведскую Прибалтику. В конце марта «Филимона-

---

[240] ВК-II. С. 72.

[241] ВК-II. С. 107.

[242] ВК-II. С. 92–93.

[243] ВК-II. С. 94, 106.

[244] ВК-II. С. 113.

[245] ВК-II. С. 125.

тус» пересылал вести в Москву уже из безопасного для него Гданьска[246]. Его письма поступали в Посольский приказ вплоть до начала лета. Он все еще надеялся получить плату за прежние службы, годовое жалование и должность приказчика московского правительства[247]. Надежды оказались тщетными. В Москве интерес к Грелли потеряли. Контакты неудачливого рижанина с Россией продолжались около полутора лет. Присланные им материалы составили большую часть второго тома издания «Вести-Куранты». Хотя Грелли был настоящим тайным агентом, значительную долю присылаемых им вестей составила обычная пресса.

Другой случай конца 1642 г. связан с работавшим на Россию в Польше Микулошем (Микляшем) Георки (Гирги) Венгрином. Этот агент сам обратился с предложением услуг весной 1638 к находившимся в Польше участникам посольства окольничего Степана Матвеевича Проестева и дьяка Гаврилы Леонтьева. Изначально Микулош общался со своими нанимателями через дипломатов. Позднее Посольский приказ организовал постоянную пересылку через купцов Александра Баева и Ивана Степанова, которые параллельно с торговлей занимаясь «великими государевыми тайными делами». Любопытно, что Микулош настаивал, чтобы с его документами работал конкретный сотрудник Посольского приказа – подьячий Иван Петрович Плакидин, поскольку он «верныи и мудры». Часть вестей информатор получал из других городов, к примеру, от некоего Гендрика Арденуса из Кракова. Микулош был весьма ценен для русского правительства, поскольку агент имел доступ в придворные круги Польши через фаворита короля Владислава коронного маршалка Адама Казановского. Именно Микулошу удалось выследить в Польше беглого самозваного «сына Шуйского» (подьячего Тимофея Анкудинова) и разузнать, что польский король держит его тайно в Бресте-Литовском, где лже-Шуйского обучали иезуиты. Агент писал о том, как в

[246] ВК-II. С. 126, 131-138, 146, 147, 168.

[247] ВК-II. С. 167- 172.

Речь Посполитую поступают «московские» вести, о происходящих при королевском дворе событиях, о налаженной неким «литвином» винной и табачной контрабанде через пограничную Тулу «лесами», а также о многих других, весьма интересных для русского правительства вещах. Вместе с политическими новостями купцы тайно (к примеру, зашив в подушку) провозили, то пересказ «пророчества о Костентине граде», то копию памфлета – неоднократно тиражировавшейся европейской прессой пародийной переделки письма турецкого султана польскому королю. Впрочем, некоторые печатные материалы, к примеру, очередная польская «конституция», могли быть действительно важны. Все это докладывалось царю Михаилу Федоровичу[248].

Изучение сети тайных агентов Российского государства и структуры поступавших в Москву разведывательных данных не входит в число задач данного исследования. Для полноты картины отметим лишь, что по военным и дипломатическим каналам вместе с вестовыми материалами нередко приходили сенсационные данные, а то и памфлеты, относящиеся к «смеховой» культуре. К примеру, среди материалов Разрядного приказа (1642 г. или ранее) оказались переводы статей из рукописной или печатной газеты о чудесных знамениях и появившемся в «Калабрейском королевстве» пророке[249].

---

[248] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1642 г. Ед. хр. 2; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная, по дипломатическим бумагам, управлявшим Московским архивом Коллегии иностранных дел, Н. Н. Бантышем-Каменским. Ч. 3: 1613-1645 гг. С. 112; *Флоря Б. Н.* Миклош Дьюрки — первый русский агент в Варшаве // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. М., 2004. С. 154–161. Электронный ресурс. Режим доступа:
https://inslav.ru/images/stories/pdf/2004_Vengry_i_ix_sosedi.pdf?fbclid=IwAR3GEubDh72wQ4OkODrr-RJH4bpjL48IyjaIx7ebglwrPSXysBWgLRMG6OQ

[249] *Зерцалов А. Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18 (Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. – 20 мая 1643 г.). С. 270, 273.

Как отмечал изучавший вестовые материалы Разрядного приказа Н. Н. Оглоблин, среди них нередко встречаются материалы «игравшие отчасти для московского правительства ту роль, какая теперь принадлежит газетам»[250]. Особую роль в транзите новостей играла территория Украины, через которую новости бесконтрольно проходили из России в Польшу и обратно[251]. Во второй половине XVII столетия большой объем различных вестовых материалов проходил через Малороссийский приказ[252].

Ситуация, при которой тайная резидентура переправляла в Москву обычную прессу, парадоксальным образом сохранялась и после того, как была налажена регулярная доставка в Москву европейских газет. В 1678 г. троцкий воевода М. Огинский направил в Москву шляхтича Назария Краевского. Он должен был сообщить, что польский король собирается вместе с турками заключить союз против Цесаря и для этого пропустит через свою территорию шведов для войны с цесарем. В этом деле польский король не советовался с Речью Посполитой, поэтому литовские магнаты во главе с Огинским решили организовать конфедерацию и просят Москву поддержать их. Краевский привез с собой в Москву польские письма, которые перевели в Посольском приказе 8 мая 1678 г.[253]

Конфедерация так и не стала реальностью, однако Краевский продолжал снабжать Посольский приказ важной информацией. Его служба была оценена высоко. Кроме материального вознаграждения ему пожаловали чин стольника. Свои тайные послания секретный агент передавал в Смоленск.

---

[250] *Оглоблин Н. Н.* Воеводские «вестовые отписки» XVII в. как материал для истории Малороссии. Киевская старина. 1885 г., № 7. С. 393.

[251] *Waugh D. C.* What the Posol'skii prikaz Really Knew: Intelligencers, Secret Agents and Their Reports // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 153.

[252] *Безьев Д. А.* Малороссийский приказ: причины создания, штаты, основные направления деятельности М., 2015. С. 267–272 и др.

[253] РГАДА. Ф. 155 Оп. 1. 1678. Д. 4. Л. 1-77.

Смоленскому воеводе полагалось запечатывать корреспонденцию не читая, а потом пересылать в Москву. Любопытно, что в Польше Краевский получал жалование за присылку «московских» вестей. В Посольском приказе об этом знали и не позволяли ему ездить в Москву без специального разрешения. Однако в качестве канала связи с недовольными литовскими вельможами он был незаменим. Через него и его покровителей руководство Посольского приказа узнавало о многих тайных планах польских коронных властей. Впрочем, секретной информации в распоряжении Краевского было недостаточно, чтобы полностью отработать получаемые «соболя». Значительную часть направляемых в Россию сведений составляли материалы из польских газет (печатных и рукописных)[254]. Более того, среди тайных посланий оказался «смеховой» памфлет, который в Посольском приказе уже был известен из немецкой газеты[255].

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что хотя Смута обнулила наметившуюся в конце XVI – начале XVII вв. тенденцию к увеличению числа доставляемых в Россию летучих листков и рукописных газет, традиционные пути доставки вестей восстановились за относительно короткий промежуток времени (менее, чем за десятилетие). Наиболее ранний «перевод с вестовой немецкой тетради» периода правления династии Романовых датирован 1620 г.[256] Относительно регулярное поступление материалов относится к середине 1620-х гг. Заметной частью информационного потока пресса становится в самом конце 1630-х гг. В период с начала 1640-х по начало 1660-х гг. у русского правительства время от времени появлялась возможность по-

---

[254] *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире М., 2008. С. 51–53, 56, 59–62, 68, 88–91, 123–124, 127, 128–131 и др.

[255] *Шамин С. М.* «Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом»: к вопросу об источниках памфлета в редакции russian 1683 //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 143.

[256] ВК-I. С. 29.

следовательно наблюдать через прессу за развитием политических событий в Европе. Однако рост этот был скорее количественным, чем качественным.

1.4. Пресса и дипломатия

Европейская пресса попадала в Москву не только через купцов и порубежных воевод, но и по дипломатическим каналам. В документах посольств упоминания о европейской прессе встречаются относительно регулярно. Но если в случае купцов и разведчиков речь идет о каналах доставки, то дипломаты были не только поставщиками, но и основными потребителями материалов прессы. Можно выделить несколько причин, по которым иностранные дипломаты передавали различные издания московской стороне при посещении России, или же вручали «печатные листы» своим русским коллегам, находившимся за рубежом.

Функция информирования

На протяжении всего изучаемого периода дипломаты продолжали использовать новости прессы для ознакомления с текущей политической жизнью разных стран. Тему прессы, как источника новостей для дипломатов, удобнее всего рассмотреть на примере А. А. Виниуса. В 1672 г. Виниус, застрявший во время своего посольства во Францию, Испанию и Англию в Риге из-за отсутствия отплывающих кораблей, в свою отписку в Москву включил «вести», явно восходящие к печатной или рукописной газете. Источником же «вестей» в том же документе назван гданьский почтмейстер Брандес, снабжавший газетами Посольский приказ[257].

Причина составления этих вестовых материалов состояла в том, что Виниусу, как и другим российским послам, в наказах специально предписывалось собирать новости. В наказе А. А. Виниусу говорилось: «А будучи ему, Андрею, в Аглинской и во Французской и в Гишпанской землях проведывать себе тайно: с иными окрестными государи и с Папою и с цесарем рим-

[257] ВК-VII. С. 16, 336–338.

ским и с Галанскими статы и с виницеяны ссылки у них есть ли, или война, и буде есть, и о чем и с которыми государи или владетели в миру или не в миру? И нынешняя ево, Андреева, от великого государя к ним присылка надобна ль? И у французжского и аглинского королей с Галанскими статы миру чаять ли, и на чем, и кто ныне в той войне меж их силен? И про иные про всякие вести, которые великому государю его царскому величеству и всему Московскому государству надобны; а проведав, записывать себе имянно и подлинно в статейной список, и тот статейной список и всяким вестям записку, приехав к Москве, подать в Посолском приказе околничему Артемону Сергеевичю Матвееву, да дьяком, думному, Богданову, да Якову Поздышеву, да Ивану Евстафьеву»[258]. Вести оказались не в статейном списке, а были отправлены в Москву из-за неожиданной задержки на пути дипломата.

Как видим из приведенной выше цитаты, источники информации в наказе не определялись. Между тем в XVII столетии прибывшее на краткий срок с конкретной дипломатической целью посольство оказывалось в информационном вакууме. Оно находилось на содержании принимающей стороны и под наблюдением специально назначенных чиновников-приставов. Языковой барьер (как правило, язык страны пребывания знал только переводчик посольства) еще больше усложнял сбор информации. Разумеется, приставы сообщали послам новости, однако надеяться на получение всесторонней и объективной информации было бесполезно.

Когда русские дипломаты в соответствии с наказами спрашивали своих приставов о новостях, тем было удобнее всего пересказать какую-нибудь газету или просто передать печатный экземпляр. Такой способ трансляции новостей избавлял информаторов от любой ответственности за их содержание, поскольку новости представлялись в качестве чего-то общеизвестного. Так в 1660 г. во время русско-шведских переговоров о мире умер шведский король Карл X. На престол взошел малолетний Карл XI. Шведский дипломат Богу-

[258] ПДС. Т. 4. СПб. 1856. Стб. 827.

слав Радзивилл не имел полномочий официально объявлять об этом русской стороне, но и продолжать переговоры от имени покойного короля тоже не мог. В итоге он просто передал представлявшему Россию Ордину-Нащокину газету с соответствующими известиями[259].

В случае же если посольство задерживалось в стране пребывания, его руководство могло начать закупать прессу на регулярной основе. Наиболее ранний из таких случаев относится к упомянутой выше миссии 1649 г., когда находившееся в Стокгольме с 5 июня по 30 октября посольство начало закупать газеты. Шведская исследовательница И. Майер установила, что с 10 июня по 19 октября перевели не менее 20 газет. Переводы выполнялись с тех газет, которые приходили в Стокгольм по почте. Для части из них найден оригинал. Им была выходившая в Гамбурге «Wochentliche Zeitung». Качество переводов Майер считает вполне приемлемым. Кроме того, переводы делались и из других, пока не установленных источников. Газеты переводили в течение одного–двух дней после прибытия почты из Гамбурга в Стокгольм[260]. Наладить регулярную закупку газет удалось через торговавшего здесь новгородского купца Максима Воскобойникова[261]. Практика оказалась настолько удачной, что еще и в следующем году приехавший в Швецию в качестве гонца с извещением о псковском бунте подьячий Василий Старого (апрель – август 1650 г.) закупал здесь газеты: «каких вестей при нем в Стеколну в вестовых курантах приходило, и он те вестовые куранты покупал и

---

[259] ВК-VI. Ч.1. С. 80.

[260] *Maier I.* Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649) // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 181–190.

[261] *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века : Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616-1651 г. М. 1897. С. 267.

привез ко государю к Москве»[262].

Другой случай произошел в 1660 г. во время визита посланника стольника Василия Богдановича Лихачева и дьяка Ивана Фомина во Флоренцию. Поскольку послы добирались до места более полугода, полученные ими в Москве сведения о политической ситуации сильно устарели. Во Флоренции во время переговоров флорентийские власти несколько раз упоминали о событиях, связанных с Россией и ее соседями. Складывалась неприятная для московских дипломатов ситуация, когда принимающая сторона знала о делах их государства больше, чем сами послы. Источником информации флорентийцы называли «куранды», то есть газеты. В итоге послы договорились с местным почтмейстером о том, что он будет приносить им газеты, в которых упоминалось про российские дела, для копирования соответствующих статей: «города Леворны писарь Басмиян, которой принимает проезжие листы и куранды изо всех государств, приносил к посланником куранду; и тое куранду у него взяв велели списать и вклеить в столп, и говорили ему, чтоб он и впредь которые к нему куранды придут, а в них будут писаны государевы дела, и он бы такие куранды им посланником объявлял; от того ему пара соболей дана, цена три рубли с полтиною»[263].

Впрочем, случаи, когда послы смогли организовать для себя регулярное получение прессы, редки. Вероятнее всего, это связано с чисто организационными трудностями. Даже участники Великого посольства 1697–1698 гг., которые не испытывали недостатка ни в квалифицированных переводчиках, ни в финансах, смогли организовать регулярное получение газет лишь в Амстердаме. До этого основная часть прессы поступала в посольство в виде переводов, которые составлялись на основе полученных в Москве газет[264]. При

---

[262] *Якубов К. И.* Россия и Швеция ... С. 302.

[263] ПДС. Т. 10. СПб. 1871 г. Стб. 643, 968, 1113–1114, 1184.

[264] *Гуськов А. Г.* Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. М., 2009. Вып. 5. С. 27–44.

этом информация сначала двигалась с запада на восток, а потом по тому же маршруту обратно на запад, делая крюк более чем в 2 тыс. км. Технически это оказалось проще, чем разыскивать прессу по ходу путешествия. При организации постоянных миссий за рубежом доступная в месте пребывания пресса также становилась важным источником новостей. Так было при организации миссий при польском дворе (об этом ниже), при отправке А. А. Матвеева в Гаагу[265]. Даже находящийся во время Северной Войны под арестом русский резидент в Швеции А. Я. Хилков умудрялся передавать в Москву главе Посольского приказа боярину Ф. А. Головину известия из попадавшей в его руки прессы[266].

Приехавшим в Москву иностранным дипломатам также случалось в ответ на расспросы о новостях подавать привезенные с собой газеты. Так члены голландского посольства, посетившего Россию в 1664–1665 гг., пересказали опубликованные в прессе известия о приеме русского посла в Голландии и о переговорах между цесарем и турецким султаном[267]. В 1672 г. польский дипломат Иероним Комар привез в Москву «немецкий печатный лист»[268], в 1673 г. датский резидент Геи Монс передал в Посольский приказ присланное к нему чрез рижскую почту «вестовое немецкое письмо»[269], а в 1675 г. бранденбургский посланник Иоахим Скультет передал в Посольский приказ «цесарские печатные куранты»[270].

---

[265] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1-72; ОР РНБ. F.IV. 492.

[266] Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676— 1717). К истории Северной войны. Сборник документов / Сост. С. Р. Долгова, Г. Р. Якушкин. — М.; СПб., 2015. С. 44, 78, 83, 89, 90, 108, 126 и др.

[267] *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб., 1996. С. 60, 91.

[268] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7. Л. 34–38.

[269] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7. Л. 22–25.

[270] РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. Ед. хр. 2. Л. 117, 118. «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы прислал в Посолской приказ брандебурской посланник Ефим Шкултетус» (18 сентября 1675 г.). За эту информацию благодарю Е. И. Кобзареву.

Для остающихся на длительное время в Москве европейцев пресса также оставалась наиболее удобным способом получения информации. Когда в 1644 г. в Москву для заключения брака с царевной Ириной Михайловной вместе с датским посольством приезжал королевич Вальдемар, последний договорился с виленским почтмейстером Берентом Фохтом, чтобы тот пересылал в Москву газеты и письма с вестями[271]. Присланные Фохтом известия переводились в Посольском приказе. В перлюстрации корреспонденции именитого гостя российские власти не видели ничего зазорного. Таким образом, русское правительство получило возможность знакомиться с иностранной прессой, не прилагая к этому особых усилий до самого отъезда принца из российской столицы.

Очернение противника

Не следует сбрасывать со счетов и то, что передающая вестовые материалы сторона могла предлагать именно ту версию описания событий, которая была наиболее выгодна. Пресса оказалась крайне удобным средством для того, чтобы очернить в глазах Москвы своего политического оппонента. Из порочащих противника материалов больше всего в Россию поступало антитурецкой агитации, поскольку критика Османской империи была характерна для всей европейской прессы. Однако и взаимные обвинения представителей разных европейских стран являлись делом обычным.

В конце 1630-х – 1640-х гг. чаще всего снабжали Посольский приказ прессой шведские дипломаты. Этому способствовало два фактора. Во-первых, шведские официальные представители разных рангов практически постоянно присутствовали в Москве. Во-вторых, судя по всему, снабжение московских властей удобными для Швеции «вестями» было частью целенаправленно проводимой политики. Наибольшее число дошедших до нашего времени переводов прессы связано с именем шведского агента в Москве

[271] ВК-II. С. 128–130, 185–186, 194–199.

Петра Крузбиорна (1637–1639, 1642, 1644, 1646, 1648)[272]. К этому же периоду относятся случаи передачи печатных изданий резидентом Карлом Померенинком (1648)[273] и агентом Карлом Мюнтером (1649)[274]. В 1644 г. «ливонский воевода» Андрей Кошкуль прислал во Псков «печатный лист» о войне Швеции и Дании[275]. Предположение, что одной из целей шведов было представить России международные события в выгодном для себя ключе, подтверждается заглавием одного из столбцов описи посольского приказа: «Столп, а в нем перевод с книги печатной про неправды дацкого короля с свейским, подал свейской резидент Петр Крузби во 152-м году»[276]. В данном случае слово *неправды* ярко свидетельствует о прошведском характере источника.

Аналогичным образом датчане стремились очернить своих противников шведов. Об этом узнаем из записок Андрея Роде, секретаря датского посланника Ганса Ольделанда (посольство Ольделанда пребывало в Москве с 23 марта по 29 мая 1659 г.[277]). Сочинение Роде является дневником посольства. Оно ценно еще и тем, что показывает, как и на каком этапе дипломатических переговоров интересующие нас материалы передавались иностранными дипломатами служащим Посольского приказа. 24 марта 1659 г. к послам явился подьячий из Посольского приказа. Он приветствовал посланника и попросил сообщить новости «о положении дел в Дании, о мирном договоре, заключенном со Швецией, о землях, обещанных и уступленных Дании на основании этого договора, о причинах, вызвавших эту недавнюю войну, об осаде Копенгагена, о морском сражении и, наконец, о том, кто одержал

[272] ВК-I. С. 167–176, 182–192, 204–207; 209–231; ВК-II. С. 11–14, 122–123; ВК-III. С. 78, 121, 187.

[273] ВК-III. С. 190.

[274] ВК-IV. С. 85–86.

[275] ВК-II. С. 206.

[276] Опись архива Посольского приказа 1673 года… М., 1990. С. 296.

[277] *Шокарев С.* Россия в царствование Алексея Михайловича глазами иностранцев // Утверждение династии. М., 1997. С. 408.

верх». Сообщения послов были подробно записаны. Кроме того, датские послы пообещали передать «книжечку с очерком образа действий Швеции за последнее время и вызванной ею несправедливой войны»[278]. Брошюра о *несправедливой* войне была передана русской стороне 6 апреля: «Вышедшая в свет печатная книжечка с достоверным повествованием о событиях, происшедших после мирного договора, заключенного нами со Швецией, была тоже сегодня, согласно обещанию, данному в прошлом тайном совещании, вручена приставам для перевода ее на русский язык»[279]. Предоставление в распоряжение московского правительства порочащей противника прессы был частью повседневного противостояния шведских и детских дипломатов, которое самый широкий спектр мер, вплоть до подкупа приказных служащих или изготовления поддельных документов[280].

Точно также стремились создать невыгодное впечатление друг о друге англичане и голландцы во время англо-голландских войн. Врач Алексея Михайловича С. Коллинс оставил описание попавших в Россию голландских карикатур: «Голландцы стараются также унизить и осмеять Англичан: рисуют карикатуры, сочиняют пасквили и тем дают Русским невыгодное об нас понятие. Они изображают нас в виде бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами и множества больших собак с обрезанными ушами и хвостами. Таких неприличных картин очень много, и кистью они владеют искуснее, нежели пером. Они производят большое действие в народе варварском, особенно когда некому противоречить»[281].

---

[278] *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. М., 1997. С. 13.

[279] Там же. С. 23

[280] Droste H., Maier I. Christoff Koch ... P. 135–137.

[281] *Коллинс С.* Нынешнее состояние России // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. М., 1997. С. 226.

Подобные случаи встречаем и в более позднее время. В 1675 г. цесарское посольство Аннибала Францишека де Ботони привезло в Москву «на латынском языке печатные тетради», которые разоблачали неподобающее поведение шведов[282]. Представили они российской стороне и шведские газеты, свидетельствующие об агрессивных намерениях Швеции. Русские дипломаты должны были понять из «их печатиых свейских писем, какую гордость и намерение имеют свою силу во многих местех разпространить, что Свейская корона своим жаданием и гордостью многими месты завладети хочет»[283].

В 1686 г. польские власти дважды передавали проезжим российским дипломатам «печатные литы», которые должны были дискредитировать в глазах московского правительства левобережного гетмана Ивана Самойловича. Листы, которые якобы издавались в Киеве и выглядели следующим образом: «на александрийской бумаге, а на них напечатаны гербы и ево гетманская персона, а над персоною многие статьи полским и латинским языком»[284]. Криминал состоял в том, что гетман в этих листах именовался князем[285].

Давление на партнера по переговорам

В других случаях пресса становилась элементом давления на партнеров по переговорам. Подобные случаи относятся уже к довольно раннему времени. Во время поездки к императору русского гонца Ивана Фомина (1614–1617 гг.). У последнего возник конфликт с австрийским дипломатом Эразмом Гейделем, который незадолго до того участвовал в качестве посредника в неудачных русско-польских переговорах 1615 г. Сущность конфликта между Фоминым и Гейделем не совсем понятна. Вернувшийся в Москву летом 1617

---

[282] ПДС. Т. 5. Стб. 214.

[283] ПДС. Т. 5. Стб. 219.

[284] *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире М., 2008 С. 436.

[285] ПДС. Т. 6. Стб. 1499–1500.

г. Фомин доложил в своем статейном списке о произошедшем. По словам русского дипломата, ему было сказано: «Как он, Иван, приедет к тебе, великому государю, и ему быти от тебя, великого государя, в великой опале и в смертной казни, потому что он, Иван, перед цесарем говорил, и ему тово говорить не велено, а затеял то он собою. И то у них в книгах печатано и в мир пущено, и ту он, Иван, книгу из Заморья взял с собою, а оставлена та ныне книга у Архангильского города…»[286]. В данном случае речь шла, конечно же, не о книге, а о газете или о каком-то непериодическом информационном издании. Очевидно, что австрийского коллегу не устроила позиция Фомина и цесарский дипломат решил надавить на русского коллегу обнародовав его слова.

Случалось, что новости о России, публикуемые в европейских газетах во время визита русских дипломатов, создавали для них серьезные проблемы. К примеру, в то время, когда русские послы пытались договориться о браке между датским королевичем Вальдемаром и дочерью царя Михаила Федоровича Ириной (дело о сватовстве тянулось с 1640 г., в январе 1644 г. Вальдемар прибыл в качестве жениха в Москву, где переговоры продолжались без особого результата до самой смерти Михаила Федоровича), в Дании писали и «печатали в различных ведомостях, что государь велел сломать те хоромы, в которых иноземцы сходились и съезжались для богомолья». Об этом сообщил по возвращении в Москву из Дании П. Марселис[287]. Известия газет были правдивыми: в 1643 г. иностранцам запретили покупать дома и строить церкви в Кремле и Белом городе, а также снесли три протестантские церкви[288]. Все это, конечно, давало дополнительные козыри противникам

---

[286] РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 2. 1614 г. Л. 209. Благодарю за эти сведения Д. В. Лисейцева.

[287] *Цветаев Дм.* Из истории Иностранных исповедений в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 70.

[288] *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 65.

брака и не способствовало успеху задуманного Михаилом Федоровичем мероприятия.

В качестве наиболее интересного примера использования прессы как инструмента давления в ходе переговоров можно привести ситуацию с Августином Мейербергом, посланником императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I к Алексею Михайловичу, который находился в Москве в 1661–1662 гг. с целью добиться заключения мира между Россией и Польшей и привлечь эти страны к антитурецкому союзу. Данный случай особенно показателен потому, что в нашем распоряжении есть описания событий, представляющие точки зрения обоих участников переговоров, а также исследования современных ученых, дающих возможность составить объективное представление о происходящем. Мейерберг писал о своих русских коллегах: «При переговорах они оказываются самыми непостоянными. Особливо потому, что наибольшая важность доказательств зависит у них только от известий, напечатанных в “еженедельных Меркуриях” прусаков и голландцев, занесенных в Москву, да еще в превратном виде, иноземными купцами; они слушают их точно ответы с треножника Дельфийского оракула»[289]. При помощи иронии австрийский дипломат попытался показать, что причина провала переговоров – непрофессионализм российских коллег, использовавших непригодные в серьезной дипломатии источники информации.

Из документов российского происхождения узнаем, что, во-первых, цесарские послы сами, как минимум, дважды снабжали Посольский приказ прессой. 27 мая их пристав Иван Афанасьевич Желябужский[290] получил одни

---

[289] Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М., 1997. С. 90.

[290] Его биографию см.: *Богданов А. П., Каган М. Д.* Желябужский Иван Афанасьевич // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 322–326.

куранты[291], а 10 июня другие[292]. Из этого делаем вывод, что ироничное отношение сочинителя к использованию прессы в дипломатических делах является риторическим приемом. Наоборот, привлечение газет было обычной практикой для самого Мейерберга, по крайней мере, при работе в России.

Во-вторых, раздраженный тон высказывания Мейерберга связан не с «превратным» толкованием происходящего в «“еженедельных Меркуриях” прусаков и голландцев», а с тем, что пресса корректировала его утверждения, сделанные во время переговоров. Так, австрийцы утверждали, что «в Цесарской земле от турских людей войны не было, а до перемирного де времени у цесаря с турком десять лет, а потому де они признаваются, что от турского войны чаять на их место, что цесарь в ту сторону войска свои отпустил»[293]. Эти утверждения Мейерберга должны были показать, что предложения Священной Римской империи не являются просьбой о помощи в уже идущей войне, хотя война и может вспыхнуть. Однако позднее русская сторона предъявила австрийцам газеты, где утверждалось обратное: «Послом же объявливаны печатные вестовые куранты, в которых напечатано о их Цесарской войне с турским, которая есть в Семиградцкои земле. И послы, выслушав вестей, на милость великого государя, что им о том ведати дано, били челом»[294].

Фактически ситуация была следующей – выбранный в январе 1661 г. князем Трансильвании (Семиградья) Янош Кемень заявил о разрыве с Османской империей и переходе под покровительство цесаря. Император Священной Римской империи тайно договорился о продлении мира с турками, а в Трансильванию послал войска под командованием Монтекукколи, которому было приказано уклоняться от столкновения с турецкой армией. В

[291] ВК-VI. Ч.1. С. 94.

[292] ПДС. Т. 4. Стб. 196–197.

[293] ПДС. Т. 4. Стб. 197–198

[294] ПДС. Т. 4. Стб. 216.

итоге Монтекукколи из Трансильвании ушел[295]. Реально Священная Римская империя втянулась в войну с османами лишь в 1663 г.

Учитывая «многослойность» ситуации, однозначно определить, воевала ли империя с османами или нет, невозможно. И слова Мейерберга, и газетная статья были по-своему правдивыми. Однако продемонстрированная цесарским дипломатам газетная публикация позволяла утверждать, что они заинтересованы в переговорах больше, чем хотят показать своим московским коллегам. Вне зависимости от правдивости публикации, она укрепляла переговорную позицию российской стороны.

С аналогичной тактикой уличения партнера во лжи сталкивалась и российская дипломатия в ходе дальнейших переговоров о мире и союзе России и Польши, которые позднее велись уже без австрийского посредничества. В 1663 г. во время переговоров во Львове, Ордин-Нащокин предлагал полякам пойти на уступки ради будущих приобретений, которые Польша получит в результате союза с Москвой. В ответ поляки показывали ему газеты, где рассказывалось, что «безсилье в Великой Росии и внутрь своево государства разорение и война»[296] (очевидно, имелся в виду Медный бунт). В ходе переговоров 1664 г. под Смоленском сталкиваемся с еще одним приемом – запугиванием партнера внешней угрозой – поляки пытались убедить Ордина-Нащокина в том, что скоро на Россию нападет Швеция, опять же ссылаясь на газетные статьи[297].

Не меньшее значение для переговоров имели и позитивные публикации. Зимой 1671/1672 гг. в России пребывало очередное польское посоль-

---

[295] *Гусарова Т. П.* Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50-70-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII веке. Т. 2. М., 2001. С. 160–161.

[296] *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 37.

[297] *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа ... С. 69.

ство. Важнейшей из его целей было добиться от России военной помощи против напавших на Польшу казаков гетмана П. Дорошенко, а также турок и татар в соответствии с русско-польскими договорами. Российское правительство, стремясь оставить за собой максимально широкое поле для маневра, было готово дать лишь минимальные обещания. На прямой вопрос поляков: «по обязательствам союза какую помощь окажет царское величество королевскому?», польская сторона получила ответ: «царское величество не перестанет помогать королю калмыцкими, ногайскими и донскими войсками». Предвидя возмущение надеявшихся на большее поляков, русские дипломаты указали, что «Пишут уже теперь и в печатных курантах, что турский султан очень печалится: все христианские государи заключили союз и хотят на него войною наступать. В курантах же пишут, что турский султан послал было войска свои на Черное море, но как услыхал, что русские войска на Черное море против него идти хотят, то велел все свои войска возвратить»[298]. Газета была использована как внешний, а значит объективный источник, высоко оценивающий значение вклада России в войну.

Негативные публикации о партнере по переговорам могли быть успешно использованы для давления даже в тех случаях, когда они не были связаны с предметом спора. В 1682 г., когда в Вену для сообщения о восшествии на престол царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича прибыл гонец Никифор Венюков, возник обычный для того времени спор о церемониале. Чтобы закончить его, австрийские дипломаты перевели беседу на ссору между московскими царями (точнее, их окружением). Когда Венюков попытался отрицать сам факт конфликта, ему продемонстрировали соответствующую публикацию[299].

---

[298] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. VI. Т. 11. История России с древнейших времен. М. 1991. С. 391, 392.

[299] *Казаков Г. М.* Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г. // Российская история. 2018. № 3. С. 130.

С какого-то момента материалы прессы, которые могли пригодиться для давления на партнера, стали готовить заранее, перед отправкой посольства. К сожалению, в источниках подобные случаи фиксировались лишь в виде исключения. Таким примером является посольская книга с материалами об отправке осенью 1676 г. к польскому королю Яну III гонца Прокофия Возницына с сообщением о занятии русскими войсками Чигирина. Среди документов дипломатической миссии имеется копия курантов за 6 апреля 1676 г., в которых, среди прочего, рассказывается о разгроме турецкими войсками польских местечек, занятии турками Язловца и Бучача, а также, что «королевское величество сеи же недели для договоров[300] с турки посылает своих комиссар…». В посольской книге сообщается: «На том вестовом переводе помета думного дьяка Лариона Иванова такова: ”1676-го октября в 6 день великому государю известно и бояром чтено, и указал великий государь и бояре приговорили послать х королевскому величеству полскому гонца, чиня ведомость против желания ево, как объявил посланник ево Александр Чихровской, о промыслу и о взятии ис под ига турского салтана Петра Дорошенка с стороны его царского величества ратными людми, и чтоб чинить ведомость, какое у него ныне поведение с неприятели с турским салтаном и с крымским ханом”»[301].

Занятие русскими войсками Чигирина, по договорам принадлежавшего Польше, было крайне болезненным для польской стороны. Польша могла потребовать от России, своего союзника в войне против татар и турок, передачи Чигирина под свою власть. Это, в свою очередь, вызвало бы возмущение украинского казачества, которое в то время, в своем большинстве, выступало на стороне России. Русское правительство оттягивало момент обсуждения с польскими властями вопроса о Чигирине. Сообщения иностранной прессы о

[300] В источнике ошибочно «тоговоров».

[301] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 181. 1676 г. Л. 6 об.–10 об. Благодарю П. В. Седова, любезно сообщившего информацию об этой сводке курантов.

поражении Польши и начале сепаратных переговоров с Османской империей позволяли оставить столицу правобережных гетманов в руках России не особенно осложняя отношения с Польшей.

В прочем, газеты бывали удобны и в тех случаях, когда требовалось не обострять обсуждение вопроса, а наоборот, сглаживать острую тему, чтобы не довести дело до конфликта, максимально тактично поднять какой-то острый вопрос. В 1691 г. в Москву прибыл цесарский посланник Иоанн Курц. Его задачей было добиться от России возобновления активных наступательных действий, прекращенных после свержения правительства царевны Софьи. Имперский посланник начал с обвинения в том, что Россия заключает мир с Османской империей. Однако австрийцы хотели не конфликта, а сохранения союза. Поэтому прозвучала претензия крайне тактично: «слух де носится во окрестных государствах, и в курантах, и к нему из Вены писали»[302].

1.5. Иноземная пресса и ее переводы в архиве Посольского приказа первой половины – середины XVII в.

В заключение данного раздела рассмотрим вопрос о том, как хранилась после Смуты иноземная пресса и ее переводы в архиве Посольского приказа. Важными источниками для изучения этой темы являются описи архива Посольского приказа 1626 и 1673 гг.[303] Этим документам присущ один существенный недостаток – из-за слишком общего характера описаний по ним все еще далеко не всегда возможно не только точно определить отдельный документ, но и понять, имеем ли мы дело с переводом иностранного информационного издания или с какими-то другими источником[304]. Впрочем, степень

[302] ПДС. Т. 8. Стб. 840.

[303] Опись архива Посольского приказа 1626 года. В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 года. В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.

[304] Сложно установить, что скрыто под описаниями типа «тетрадь немецкая» (это может быть и

уверенности в отождествлении материалов прессы, по сравнению с описанием 1614 г., уже довольно высока.

Отдельные документы можно связать с иностранной прессой с большой степенью вероятности. В данном случае нас интересует не то, кто именно доставил те, или иные материалы, а комплекс, в котором тексты хранились. Среди датских грамот в описи 1626 г. назван «Перевод с немецкого с печатново дестового[305] листа, что подал дацкой дворенин Мартын Мартынов во 121-м (1613) году генваря в 9 день, снизу истоптан и низ отодран». Среди английских грамот – «Тетрать немецкая, напечатана аглинским языком, речь Якуба, короля аглинсково, к бояром своим на земском собранье о всяких делех, а на ней подписано: 129-го (1621) августа в 17 день, подал Мартин Мартынов»; «Тетрать вестовая, болшие бумаги, писана немецким писмом, а на ней помечено: росход о товарех аглинских немец»; «Свяска, а на ней подписано… вестовые писма о вестях». В голландских грамотах – «Перевод с листа, что прислал галанец Исак Масца о немецких вестех во 131-м (1622/1623) году»; «Тетрать, а в ней писано по-немецки на 6 листах вести, что делаетца в Свие и в ыных в немецких государствах, подал галанской посланник Исак Обрамов Масса, помечено на них по-руски: 133-го (1624) сентября в 17 день; огибной лист немного поплел». В составе «грамот любских и из Амборха»

печатная газета, и брошюра на любую тему, и тетрадь с любыми рукописными записями на иностранном языке); «тетрать печатная» (любое печатное издание малого формата, в том числе и газета); «листок вестовой», «лист писан о вестях» и «листы вестовые» (под такую характеристику подходят все «вести» от сообщений порубежного воеводы до газеты); «столп вестовой», «столп, а в нем переводы» (столп с любыми вестями, в том числе и с переводами газет); «лист латинский» (любой документ на латыни, в том числе и газета на латинском языке); «рознь» (любые разрозненные документы); «черные переводы вестовых писем» (черновики переводов с иностранных вестовых писем могли быть как переводами с иностранных газет, так и переводами с писем греческих иерархов или армянских купцов) и др. Даже в тех случаях, когда хранящиеся в архиве приказа документы названы «курантами», не всегда можно установить, идет ли речь об иностранной газете или о переводе.

[305] Так в тексте.

встречаем «6 листов печатных немецких вестовых розных городов, что в их немецких городех делаетца, писаны лета от рожества Христова 1629-го году»[306]. В числе английских книг – «Тетратка печатная, дестовая, печатана немецким писмом, 134-го (1625/1626) году». В «столпах голанских и вольных розных городов» видим «Столп немецкой вестовой из розных немецких городов, верху нет и году не написано»; «Столп, что делалося в немецких государствах и в Полше во 127-м (1618/1619) и во 128-м (1619/1620) году, списаны с немецких с печатных листов, начала у него нет». «Рознь свейская» включает «Перевод с немецких с вестовых с печатных, листов, что присланы изо Пскова и из ыных городов по 132-й (1624) год июля по 2-е число, исподу нет, изотлел». «Рознь галанская из розных государств» – «Переводы с вестовых тетратей 132-го (1623/1624) году, а писаны в них вести многие, что деялось в немецких городех»[307].

Приведенные примеры показывают, что, как отмечала еще Е. И. Кобзарева, хранилась иностранная пресса и ее переводы или среди документов тех стран, откуда были доставлены, или же их местонахождение определялось информационным содержанием. Вместе подобные документы не собирались. По сравнению со второй половиной XVII столетия их число было очень невелико.

Опись Посольского приказа 1673 г. более подробна, чем описание 1626 г. Поскольку с 1665 г. основная часть переводов иностранной прессы откладывалась в приказе Тайных дел, то в описи 1673 г. отразилась система хранения иностранной прессы не 1670-х гг., а предшествующих десятилетий. Иностранные информационные издания и их переводы упомянуты в этом описании более десяти раз. Большая часть материалов находилась среди польских и шведских дел. Имеется лишь одно исключение из этого правила. Оно свя-

[306] Дата написана ошибочно.

[307] Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. 185, 195, 198, 200, 204, 208, 254–255, 310, 358, 364.

зано с голландскими газетами. В «особой коробье», где хранились «листы и ответные письма галанские и вольных городов», находились две «свяски», в одной из которых были «11 листов печатных галанских, вестовые», а в другой «куранты и грамотки курлянского князя канцлера и галанцов торговых иноземцов, присланы к Москве ис Курляндии в 165-м (1656/1657) году»[308]. Данные сведения позволяют предположить, что до учреждения регулярной почты в Посольском приказе хранилось незначительное количество голландских газет. По своему порядку оно было близко тому числу голландских газет 1640-х – первой половины 1660-х гг., которые сохранились в РГАДА до наших дней[309].

В большинстве случаев рядом с иностранной прессой и ее переводами лежали польские или шведские дела. Среди «грамот цесарских, положенных в сундук с полскими грамотами», упомянуты «в обертке ж 23 листка писмяных и печатных на цесарском языке»[310]. Судя по всему, под «печатными листками на цесарском языке» имеются в виду немецкие газеты или летучие листки. В одном из сундуков хранился «столп порубежной и вестовой о польских и о черкаских делех, вначале перевод с курантов, что присланы из Любка о вероломстве корунных гетманов Потоцкого да Любомирского, как они за своею присягою боярина и воеводу Василья Борисовича Шереметева отдали в Крым 169 (1660) году»[311].

В «белой коробье», отведенной под «полские ж листы и иных повытей» находились «свяска, а в ней листы немецкие печатные, каковы присланы из Ругодива, тут же отписка Афанасья Нащокина 164-го (1655/1656) году», «2 листа немецкие печатные, присланы из Юрьева-Ливонского во 168-м (1659/1660) году», а кроме того «Меркориус полской печатной экстраарди-

---

[308] Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 336, 337.

[309] *Maier I.* Niederländische Zeitungen... С. 199–213.

[310] Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 116

[311] Там же. С. 197

нальный (так в описи. – *С. Ш.*) 1661-го[312] году, не весь, тетрадей иных нет, толко по смете 36 тетрадей, а в ыных тетратках по два и по одному листу»[313]. Скорее всего, именно переводы с этого издания упоминаются в переписной книге документов приказа Тайных дел 1676 г. среди дел Посольского приказа. Там под № 16 описан «Перевод с польских печатных тетрадей, что привез ис Польши думной дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин Нащокин во 171-м (1662/1663) году»[314]. Поскольку «Меркуриус» выходил в январе–июле 1661 г., то в Москву он попал не раньше, чем через полгода после выхода. О других польских газетах этого времени не известно. Если данное предположение верно, то получается, что иностранный подлинник остался в Посольском приказе, а перевод был передан в приказ Тайных дел. Таким образом, в «белой коробье» среди «польских» документов хранились только те иностранные газеты, которые доставил А. Л. Ордин-Нащокин. В этом случае место хранения документов определялось двумя факторами – связью с конкретным государством (Польшей) и общим «источником доставки» (Ордин-Нащокин).

«Коробья невелика», где лежали «полские и запорожские дела», содержала «перевод с немецких печатных тетрадей, каковы подал полских пановрад посланник Владислав Комар о рижском походе в 165-м (1656/1657) году, отписка к великому государю и переводы с немецких листов и с немецкого писма вестового с курантов, что прислал воевода Афонасей Нащокин ис Куконауса 165-го году» (1656/1657)[315]. Несколько меньше изданий хранилось среди документов по связям со Швецией: «Ящик в красной коже, а в ней

---

[312] Цифра 61 исправлена из 70 (примечание в издании описи 1673 г.). Очевидно, что ее составитель хотел указать дату от сотворения мира, однако засомневался в пересчете и оставил дату от Рождества Христова.

[313] Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 242, 256.

[314] РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 4, 5.

[315] Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 271, 272.

свейских послов и посланников писма о посолских делех, тут же и свейских генералов листы о всяких порубежных и торговых делех» содержал «18 листов печатных и писмеяных, присылал из Стекольна Мелхер Бекман 140-го (1631/1632) году», а кроме того «вестовые писменые и печатные листки прошлых лет»[316]. В личном ящике дьяка Ефима Юрьева с делами о «свейских» посольских съездах лежали «Перевод в столпцах с немецкого печатного листа, каков подал в Посолском приказе Амбурец Иван Плюс во 173-м (1664/1665) году о страшной комете» и «переводы с немецких курантов и с присланного писма голанского посла»[317]. Упомянут также «Сундук с нутреным замком, а в нем грамоты свейские, французские, дацкие, галанские да листы волных городов Амбурка и Любка», который содержал «в свяске 2 листа колыванского губернатора Бенкт Горна, да тут же двои куранты, присланы листы и куранты из Царева-Дмитреева города во 167-м (1659) году генваря 17 день»[318].

Перечисленные в описании документы не исчерпывают весь перечень иностранных газет, летучих листов и их переводов, хранившиеся к 1673 г. в Посольском приказе. Данный вывод можно сделать исходя из того, что до нашего времени от первой половины XVII в. дошло больше документов, чем выделено в описи. По описанию 1673 г. не удалось идентифицировать и документы из описи 1626 г. Трудно предположить, что все они пропали. Кроме того, в описи 1673 г. не фиксировались черновые переводы иностранных газет 1660-х гг. Такие документы в настоящее время присутствуют в фонде 155 РГАДА. В отличие от курантов, передававшихся в Посольский приказ из приказа Тайных дел в 1676–1683 гг., они не скреплены приказными дьяками. Можно предположить лишь два варианта – или дьяки, разбиравшие архив приказа Тайных дел, скрепляли не все документы (тогда в приказе Тайных

[316] Там же. С. 309, 311, 316.

[317] Там же. С. 482.

[318] Там же. С. 301, 307

дел хранилось больше переводов, чем отмечено в его передаточных описях, об этом см. ниже), или, что вероятнее, черновики курантов оставались в Посольском приказе и при составлении описи 1673 г. не учитывались. Возможно, какое-то количество иностранных газет и переводов не удалось выявить из-за того, что они обозначены как «вестовые листы», «тетради» и т.д. В описи 1673 г. не могли быть зафиксированы и отдельные переводы иностранных информационных изданий, входившие в состав более крупных столбцов с посольскими делами. В любом случае, указаний на сколько-нибудь крупные комплексы документов, которые можно было бы связать с «архивом русской рукописной газеты», в этой описи нет.

Анализ описей Посольского приказа 1626 и 1673 гг. позволяет подтвердить вывод, что до 1665 г. иностранные газеты в приказном делопроизводстве не выделялись среди других вестей как особый, самостоятельный источник информации. Дошедшие до нашего времени переводы иностранной прессы более раннего времени не были единым комплексом документов. Каждый перевод (или подборку нескольких полученных от одного контрагента и входивших в один столбец переводов) необходимо рассматривать как самостоятельный документ, поскольку, в отличие от более поздних обзоров, все они использовались по-разному, в зависимости от конкретной ситуации. Именно поэтому отдельные переводы иностранной прессы можно найти в разных фондах, где сосредоточены документы по связям России с европейскими государствами.

Глава 2. Начальный период трансформации традиционных практик работы с информацией (вторая половина XVII в.)

В предыдущем разделе рассматривалась тема доставки европейской прессы по традиционным путям – через купцов, порубежных воевод и правительственных агентов. Однако все эти каналы имели один общий недостаток – они не позволяли следить за развитием политической ситуации систематически. Фактически во всех этих случаях новости прессы по их информационному потенциалу ничем не отличаются от устных известий. Они не давали системной динамической картины происходящего. Решить эту проблему удалось, наладив регулярную доставку газет по почте, связанной с почтовой системой европейских стран, а также организовав составление на основе этих газет русских информационных обзоров – курантов. Длительному процессу формирования практики регулярного составления курантов посвящена данная глава.

2.1. Газеты по подписке: организация регулярной почты

Главная особенность газет состоит в том, что издатели последовательно, от выпуска к выпуску, рассказывают в каждом последующем номере о развитии того или иного политического процесса. При этом предыстория событий не повторяется заново каждый раз. По сути, знакомство с новостями – продолжающийся (с перерывами на доставку новой газеты) диалог между издателем и читателем. Из-за этого увеличение общего числа более-менее случайно привезенных газет не может компенсировать их получение на регулярной основе.

Вторая проблема заключалась в том, что круг сведений, представляемых каждым конкретным изданием ограничен. Российские дипломаты прекрасно понимали, что любая газета не объективна, а отражает позицию своих владельцев (издателей). Соответственно, для получения объективной инфор-

мации Посольскому приказу требовалось подписаться на несколько газет из разных стран. Организовать такую подписку было делом непростым.

Наибольшая сложность состояла в том, чтобы обеспечить приемлемую стоимость, скорость и периодичность доставки прессы. Для этого требовались новые технологии передачи информации – регулярная почта, соединенная с почтовой сетью Европы. Для России это было новшеством. В Московском государстве к тому времени имелась система ямской гоньбы, ориентированная на скоростную доставку отдельных корреспонденций, а также предоставление подвод и проводников едущим по государевым делам служилым людям. Для регулярной доставки трансграничной корреспонденции она не годилась[319].

Возникла необходимость в трансферте технологий, который имеет несколько этапов. Первый из них, знакомство с прессой и осознание ее полезности для русской дипломатии, был пройден уже к середине XVII в. Предложения о создании почты звучали еще от Греле/Филимонатуса. Однако следующий шаг, собственно реализация задуманного, оказался гораздо более сложным. Здесь требовались существенные управленческие, денежные и кадровые ресурсы. Решить эту проблему можно было только на самом высоком уровне.

Царь Алексей Михайлович приходит к идее о необходимости почтовой связи

История создания регулярной почты в России тесно связана с личными интересами Алексея Михайловича. В данном случае происходящее можно рассмотреть на микроисторическом уровне. Все началось с появления у молодого царя интереса к прессе. Вероятнее всего, иностранная пресса стала попадать в поле его зрения уже после восшествия на престол. Яркий пример персонального внимания государя к одной из публикаций зафиксирован в

[319] *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII столетия. Ярославль, 1900.

1652 г., когда на обороте одного из «переводов с вестового письма» была сделана очень необычная помета: «Государю чтена. Изволил государь пречесть сам вслух при боярех октября в 13 день»[320]. Документы на заседаниях Боярской думы, как правило, зачитывали думные дьяки. В любом случае, это было не царским делом. Особое внимание Алексея Михайловича к статье объясняется очень просто. В публикации рассказывается о том, что в Англии «мирским людем» стало тяжело жить из-за притеснений со стороны военных. Их надежды «свободны быть, и по своей воли жить», избавившись от короля, оказались напрасными: «Только ныне от себя обмануты видят, и для того всяк избавленья себе уповает»[321]. Как видим, Алексей Михайлович лично зачел боярам документ, свидетельствующий о благодетельности царской власти для народа и бессмысленности бунта против законного государя. Проблема бунтов была в это для него крайне актуальна, поскольку в 1648–1650 гг. по России прокатилась целая серия городских восстаний[322].

Мысль о необходимости наладить регулярную доставку иностранной прессы в Россию появилась у царя несколько лет спустя. До нашего времени сохранился документ, который представляет нам уникальную возможность увидеть, как именно работала царская мысль. 22 февраля 1659 г. Алексей Михайлович дал А. Л. Ордину-Нащокину роспись того, что нужно привезти из-за границы. На первом месте в этой росписи указаны врачи и медицинские книги. Дальше царь перешел к рудам, рудознатцам и т.д. Среди прочего, государя интересовало, что в иностранных газетах сообщают о нем лично и его

---

[320] В-К IV. С. 5.

[321] В-К V. С. 89.

[322] *Бахрушин С. В.* Московское восстание 1648 г. // Научные труды. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1954. Т. 2. С. 46–92. Из работ последних десятилетий см.: *Ляпин Д. А.* Народные волнения в России в 1648–1650 гг.: Актуальные вопросы исследования // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 54–58. *Ляпин Д. А.* Московское восстание и политический кризис лета 1648 г. // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1(75). С. 140–149.

делах, поэтому под десятым пунктом царь затребовал «Лист печатной о государеве походе», а под одиннадцатым добавил: «И всем государевым трем походам». Судя по всему, здесь подразумевались походы на Смоленск (1654 г.), Вильно (1655 г.) и в Ливонию (1656 г.). Как видим, царя в первую очередь интересовало мнение западных изданий о нем самом. Об актуальных новостях речи не шло. Только после этого око Алексея Михайловича охватило более широкие горизонты, и царь затребовал «вести изо всех государств ежемесяц». Ниже монарх перешел к заказу певчих птиц: «птиц хороших, певчих попутаев, снигирей, кинореек»[323]. Создается впечатление, что в данном случае государем двигала любознательность, подобная, к примеру, его заинтересованности в изображениях египетских иероглифов[324].

Тем не менее, государево желание получать прессу было выражено вполне четко. Требование было обращено к Ордину-Нащокину не случайно. Под его фактическим управлением в то время находилась занятая русскими войсками часть Лифляндии. Кроме того, Нащокин сам переправлял в Москву полученные там газеты. Об этом говорит опись архива Посольского приказа 1673 г., где упоминаются: «Отписка к великому государю и переводы с немецких листов и с немецкого писма вестового с курантов, что прислал воевода Афонасей Нащокин ис Куконауса 165-го году», «В свяске 2 листа колыванского губернатора Бенкт Горна, да тут же двои куранты, присланы листы и куранты из Царева-Дмитреева города во 167-м году генваря 17 день», «2 листа немецкие печатные, присланы из Юрьева-Ливонского во 168-м году», «Свяска, а в ней листы немецкие печатные. Из Ругодива от Нащекина»[325].

---

[323] *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 108–109.

[324] *Waugh D. C.* Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive // Oxford Slavonic Papers. N. S., 1977, vol. 10, P. 46–50.

[325] Опись архива Посольского приказа 1673 года... С. 240–242, 271–272, 307.

Сохранилась часть переводов газет, которые Нащокин пересылал по государеву указу[326].

Каких-либо данных о том, что Нащокин смог в точности выполнить царское указание у нас нет. Судя по сохранившимся документам, царский любимец присылал доступные ему газеты более-менее случайным образом. Однако по Кардисскому миру со Швецией 1661 г. российские войска покинули Лифляндию. Удобный канал получения прессы исчез. Впрочем, отдавая в 1659 г. приказ о ежемесячной доставке новостей, царь выражал свое желание не особенно настойчиво – помещалось оно в отданном Нащокину списке между болванчиком для головных уборов на пружине и канарейками.

Однако позднее вопрос о получении оперативной внешнеполитической информации стал для Алексея Михайловича гораздо более актуальным. С 1660 г. Россию преследовали военный неудачи. Параллельно с боевыми действиями шел торг о том, на каких условиях будет заключен мир. В этой ситуации каждый нюанс международной политики оказывал серьезное влияние на работу дипломатов. Задание наладить доставку прессы получили отправленные в Англию и Италию князь Петр Семенович Прозоровский, дворянин Иван Афанасьевич Желябужский, дьяк Иван Давыдов и переводчик Андрей Форот. В своем статейном списке (1662–1663 г.) они сообщали, что в Англии, Флоренции и Венеции людей «кому б писать про вести и присылать куранты» найти не удалось из-за дальнего расстояния. Несколько лучше обстояли дела в Курляндии. Здесь желание сообщать новости в Москву выказал канцлер курляндского князя[327].

То, что курляндские власти согласились пересылать в Россию новости не удивительно. В связи с войнами между Россией и Польшей (1654–1667), Польшей и Швецией (1655–1660), Россией и Швецией (1655–1660) находившаяся в вассальной зависимости от Польши Курляндия попала в крайне тя-

[326] ВК-V. С. 134, ВК-VI. Ч.1. С. 71, 87, 90, 93.

[327] *Кобзарева Е. И.* Известия... С. 61.

желое положение. Курляндский герцог Якоб балансировал между воюющими державами и очень опасался вызвать гнев польских властей, что делало его ненадежным партнером в самых разных вопросах – от кораблестроения до торговли[328]. Снабжая Россию новостями, курляндские власти укрепляли отношения с «восточным партнером».

Вести из Курляндии в Москву посылались и до обращения посольства Прозоровского и Желябужского. Информация о попадавших в Москву вестовых материалах сохранилась в описи Посольского приказа. Там отмечены «17 листов, к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу курлянской Якобус князь писал с посланцы своими со 164-го году по 176-й год, тут же с 4-х листов переводы да 2 листа вестовые печатные»[329] и «В свяске куранты и грамотки курлянского князя канцлера и галанцов торговых иноземцов, присланы к Москве ис Курляндии во 165-м году»[330]. Выявлен также один перевод 1662 г.[331] Недостатком этого пути снабжения прессой оставалось отсутствие связей, сопоставимой по своей частоте с периодичностью издания газет.

Если учитывать всю прессу, поступавшую по разным каналам в Москву, можно сделать вывод о том, что в 1660-х гг. газеты стали для царя и Посольского приказа чем-то обычным. Однако главное условие эффективной работы с прессой, систематичность, по-прежнему отсутствовало. Б. Н. Флоря описывал ситуацию с доступом российских властей к информации о политической обстановке в Европе между 1655 и 1661 годами следующим образом: «У русских политиков не было личных связей ни с аристократией, ни с духовными иерархами (исключением явились контакты русских политиков в

---

[328] *Флоря Б. Н.* Из истории экономической политики Русского государства во второй половине XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 93–95.

[329] Опись архива Посольского приказа 1673 года… М., 1990. С. 345.

[330] Опись архива Посольского приказа 1673 года… М., 1990. С. 337.

[331] ВК-VI. Ч.1. С. 100.

1656–1658 гг. с представителями литовской знати, заинтересованными в возвращении своих «маетностей»). В таких условиях направлявшиеся за границу дипломатические миссии часто могли сообщить только то, что слышали от разных людей в пути и от встречавшихся с ними в официальном порядке государственных деятелей. За отсутствием других источников информации важное значение приобретали сообщения купцов и лазутчиков, а также переводы европейских «летучих листков» («курантов»). Все доступные способы получения информации использовались очень интенсивно, но все это не гарантировало надежных результатов»[332].

Почта Яна ван Сведена

Желание царя иметь постоянный доступ к прессе было реализовано в полной мере только 18 мая 1665 г., когда между приказом Тайных дел (органом, который занимался вопросами, интересовавшими царя Алексея Михайловича лично) и иноземцем Яном ван Сведеном (Иван Иванов сын фон-Сведен) был заключен договор об организации почты. Он обязался привозить «вестовые письма всякие Цесарской, Шпанской, Французской, Польской, Свейской, Дацкой, Аглинской, Италианской, Галанской и Недерлянской земель ис стольных городов по две недели, из Турского, из Кизылбашского царств и из Ындеи по времяни». Таким образом, политический кругозор правительства Алексея Михайловича охватил не только всю Европу, но и заморские земли, где между европейскими странами шла борьба за колонии. На расходы первому российскому почтмейстеру было выделено 500 рублей деньгами и на 500 рублей соболиных шкурок[333]. Три года спустя ван Сведен назвал еще большую сумму годовых расходов на почту – 1200 руб.[334]

Ван Сведен не был совсем уж случайным человеком в деле доставки прессы. В 1620-х – 1640-х гг. Посольский приказ снабжал вестями Давыд

---

[332] *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 645.

[333] РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб. 1907. Стб. 1065.

[334] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 5.

Рютц, приходившийся ему тестем[335]. В основном, ван Сведен привозил по вновь организованной почте именно газеты. Его почта была частным коммерческим предприятием, которое работало по договору с правительством и пользовалось его покровительством. Наиболее ранние обзоры прессы, составленных на основе пришедших через почту ван Сведена газет, датированы 20 июля 1665 г.[336] Таким образом, регулярная доставка европейской прессы в Москву была налажена через 20 с небольшим лет после того, как эту идею высказал Грелле (Филимонатус) и более, чем через 6 лет после того, как этого пожелал сам царь Алексей Михайлович. Забегая вперед, отметим, что на отладку работы почты понадобилось еще около 5 лет.

Безоговорочно рассматривать все куранты после 1665 г. как результат работы почты ван Сведена нельзя. В Посольский приказ «вести» продолжали попадать и через других корреспондентов[337]. 20 мая 1666 г. договор с ван Сведеном о почте был продлен[338]. Когда же в следующем, 1667 году подошел срок очередного продления соглашения, ван Сведен получил от русского правительства еще одно задание – его направили за границу «для призыванья в Московское государство ремесленных людей»[339]. Хотя в документе не говорилось о доставке вестей, фактически ван Сведен продолжал выполнять эту работу.

Почта, через которую кроме «вестей» для государственных нужд пересылались за плату частные письма иностранных купцов, постепенно стала очень выгодным предприятием. Несколько лет спустя после начала функци-

---

[335] *Велувенкамп Я. В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 177.

[336] ОПИ ГИМ. Ф. 440 И. Е. Забелина, Ед. хр. 26/1.

[337] Так, например, «амбурец, торговои иноземец» Иван Плюс 5 января 1666 г. подал в Посольском приказе «немецкий печатный лист». См.: РГАДА. Ф. 155. 1666 г., Ед. хр. 11. Л. 72, 93, 92, 91, 90, 88, 89.

[338] РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб. 1907. Стб. 1195.

[339] Там же. Стб. 1305

онирования почтовой связи появились и другие желающие доставлять «вести» из Европы в Москву. В 1668 г. подошел очередной срок возобновления «почтового» договора. Неожиданно ван Сведен узнал, что на право содержать почту претендует также Леонтий Марселис (сын упоминавшегося выше Петра Марселиса. Претензии оказались весьма реальными, поскольку семейству Марселисов покровительствовал глава русского внешнеполитического ведомства А. Л. Ордин-Нащокин. Ван Сведен подал челобитную государю, в которой напоминал, что «держал» почту три года и просил дать ему торг с Марселисом[340]. Русское правительство воспользовалось случаем добиться от иностранных коммерсантов наиболее выгодных условий оплаты почтовых услуг. Дело Марселиса и ван Сведена слушалось с 29 мая по 1 июня 1668 г. Ван Сведен выразил готовность доставлять «вести» раз в неделю и сократить оплату своих услуг до 400 рублей в год, при условии, что почту будут возить ямщики, а не его наемные люди.

Леонтий Марселис продолжил понижать стоимость. Он заявил, что сам Леонтий и его отец Петр бесплатно три года доставляли в Москву «всякие подлинные ведомости», и если корреспонденцию будут возить ямщики, то готов держать почту бесплатно, в надежде на «премногую милость» великого государя. Необходимо только жалование тем, кому «в Вильне и в иных местах почта приказана, и которые учнут всякие ведомости писать ему». Марселис также обещал, что через его почту не будет контрабанды денег и драгоценностей. Назначить более выгодные условия ван Сведен не смог, и победа в торгах досталась Леонтию Марселису.

Таким образом, после передачи почты Марселисам существенно изменилась система организации и финансирования всего предприятия. Теперь почтмейстеру денег не выплачивалось вообще. Для перевозки почты по территории России стали использовать государственную ямскую службу. На почтовых станах от Москвы до Риги и Вильно среди ямщиков выбрали поч-

[340] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 4, 5.

тарей. Государство взяло на себя ответственность за сохранность и своевременную доставку корреспонденции.

Почтовая служба под руководством Марселисов

Смена почтмейстера стала моментом принципиального изменения экономического характера почтовой службы. У ван Сведена все сотрудники работали за деньги. От государства голландец не получал ничего, кроме разрешения на осуществление почтовых перевозок и госзаказа на информационные услуги. При Марселисе структура предприятия начала терять капиталистические черты. Начиная с 1668 г. высококвалифицированный труд осуществлялся почтмейстером и его коллегами за границей, а перевозка почты – прикрепленными к своим ямам ямщиками. Если для сотрудников почты ван Сведена трудовым стимулом были только деньги, то при Марселисах к очень небольшим прогонам (плата за перевозку), которые оплачивались ямщикам нерегулярно, добавлялось нещадное битье батогами в случае ненадлежащей доставки корреспонденции. Полное огосударствление почты произошло лишь в XVIII столетии при А. И. Остермане.

Интересно сравнить организацию почты с другим предприятием Марселисов – железоделательными заводами[341]. Сложные работы на них выполняли вольнонаемные мастера, по большей части иностранцы, а вспомогательные – приписные крестьяне. Очевидно, именно такой способ организации высокотехнологичного производства был наиболее выгодным в России того времени.

Проиграв торг, ван Сведен попросил разрешения держать собственную почту еще год за свой счет[342]. О последнем периоде работы почты ван Сведена известно в основном из обвинений, которые против ван Сведена и его наследников выдвигал Леонтий Марселис. Дело в том, что, сделав большие уступки правительству, Марселисы решили компенсировать убытки, превра-

---

[341] *Юркин И. Н.* Демидовы в Туле. М., 1998. С. 15; *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 1. С.76.

[342] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 5–7.

тив пересылку любой корреспонденции за границу в свою монополию. Уже 26 июня 1668 г. Ордин-Нащокин просил царя запретить иным иностранцам, кроме Марселиса, пересылать грамотки за рубеж. В отписку об устроении Рижской почты, которую Марселис привез в Псков воеводе князю Д. С. Великого-Гагину, было включено требование запретить иноземцам, живущим в Пскове, нанимать гонцов и посылать письма с проезжими. С тех, кто будет посылать письма в обход почты Марселиса, полагалось брать штраф по рублю с каждого золотника веса[343], а 28 октября 1668 г. по челобитью Леонтия Марселиса был «указ сказан» стряпчему голландской и гамбургской компании Григорию Миколаеву посылать за рубеж письма только через почту Марселиса[344].

Закрыть почту ван Сведена оказалось сложно. Судя по более поздним документам, ван Сведен продолжал «держать» почту и присылать «вести» уже не получая казенных выплат или возможности использовать ямщиков до самой смерти в конце 1668 г.[345] Марселису пришлось добиваться ликвидации почты конкурента уже после его смерти. По челобитью Леонтия Марселиса был допрошен Еремей Левкин, племянник покойного ван Сведена. Марселис обвинял его в тайной отправке за границу вестовых грамоток. Левкин сказал на допросе, что почта отпускается уже четвертый год по тому договору, который заключил ван Сведен с приказом Тайных дел. Причем последняя «договорная запись» была сделана в августе 7176 (1668) г., а «ведомости» еженедельно поставляются в приказ Тайных дел[346]. Таким образом, последний «контракт» с ван Сведеном должен был действовать до августа 1669 г. Каким образом голландцу удалось добиться продолжения работы своего предприя-

---

[343] Там же. С. 8–11.

[344] Там же. С. 11

[345] *Стрейс Я.* Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // Московия и Европа. М, 2000. С. 324, 325.

[346] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 38, 39.

тия несмотря на проигранные торги, сказать сложно. Стоит лишь обратить внимание на то, что Марселису указ о работе его почты давал глава Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин[347]. Вполне возможно, что между Тайным и Посольским приказами по данному вопросу возникли какие-то разногласия.

Иностранные купцы всеми силами попытались добиться сохранения почты ван Сведена. 7 декабря 1668 г. стряпчий голландской и гамбургской компании Григорий Миколаев подал в Посольский приказ челобитную, по которой жаловался, что Леонтий Марселис берет за письма с золотника веса 10 копеек, тогда как ван Сведен брал 6 копеек. Столько же хочет брать и вдова последнего. Григорий Миколаев просил, чтобы купцам было позволено, как прежде, посылать свои грамотки с почтой вдовы ван Сведена или со своими гонцами[348].

Очевидно, что какое-то время две почты конкурировали. Впрочем, сведений, однозначно свидетельствующих о работе почты ван Сведена в 1669 г. и позднее, в источниках не встречается. Очевидно, Марселисы, опираясь на поддержку Ордина-Нащокина, все-таки добились монопольного положения. Дату начала работы почты Марселисов называет «Книга записная нынешняго 178 году курантом». В ней говорится, что первая почта отпущена из Москвы на Ригу 17 сентября 1668 г., а на Вильно – 1 марта 1669 г.[349] В договоре о почте, заключенном Леонтием Марселисом, он обязался «держать … почту, что во всех государствах во всякое время делается, вестьми так печатными, как и письменными»[350]. Теперь европейские газеты приходили в Москву более регулярно, чем прежде.

---

[347] *Козловский И. П.* Первые почты... Т. 2. С. 38.

[348] Там же. С. 39, 40.

[349] Там же. С. 36, 37.

[350] Там же. С.21.

Семь лет спустя после того, как почта Марселиса начала работать полноценно, встал вопрос о ее закрытии. Сразу же после смерти Алексея Михайловича датский резидент Ге сообщал, что «старые бояре» хотят почту ликвидировать[351]. Мотивов подобных требований дипломат не излагает, однако они, вне всякого сомнения, были весомыми.

Дело в том, что изначально при организации почты ни ван Сведен, ни русское правительство не осознавали, насколько велик спрос на почтовые услуги, как выгодно данное предприятие, насколько сильно оно повлияет на условия международной торговли в России. В чем же для иностранных купцов состояла ценность почты и почему за право контроля над пересылкой началась столь жесткая борьба, в которую оказались втянуты разные политические силы внутри московского правительства и верхушка европейского купечества?

Об этом лучше всего рассказывает «Книга о ратном поведении» И. Т. Посошкова (1701 г.). Сочинитель рассматривает проблему почты весьма подробно. Для него это ни что иное, как «дира», которую прорубили иноземцы. Писатель возмущался, что через нее «вся наша государственная и промышленная дела ясно зрят». Критикуя почтовое ведомство, автор подробно рассмотрел механизмы возникновения ущерба, который почта наносит русским купцам. Главный из них состоит в том, что когда иностранные суда приходят к Архангельску (его Посошков называет «Городом»), западным купцам все известно о ценах на русские товары: «Одне иноземцы от нее богатятца, а руские люди нищают, потому товары, кои у нас в Руси готовятца к Городу, а здешные иноземцы в свои земли непрестанно пишут, по чему кои товары купятца и каковы товары, добры или плохи, и коих много, и коих мало. Також де пишут и о своих товарах, кои здесь подобрались и коих залишком. И кои их товары подобрались, тех они и вывезут, а коих слишком, тех и не везут, и цену, какову похотят, такову и поставят.

[351] *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 208.

А наши, бедные, к Городу приедут с товарами, и приезжие иноземцы цену их и знают, по чему кои товары куплены и коих колко есть, и станет у него торговать самою ценою малою, потому что про цену подлинно знают, и много ль коих товаров пасено, знают же. И почты ради иноземцы торгуют издеваючись, а русские люди жилы из себя изрываючи. А естли бы почты иноземской не было, то б и торг ровной был, как наши руские люди о их товарех не знают, також де бы и они о наших товарех не знали ж бы, и торг бы был без обиды» [352]. Итог дальнейших размышлений Посошкова следующий: «Мне, государь, мнитца, что лутши б та дира загородить накрепко»[353].

Почта создавалась не для развития международной торговли, а для получения газет, нужных внешнеполитическому ведомству России. Разрешение на переписку было способом уменьшить затраты казны. Стремясь минимизировать финансовые потери, правительство позволило почтмейстерам получать дополнительную прибыль за счет чисто коммерческой деятельности. В итоге, государству удалось свести постоянные расходы денег из казны к выплате прогонов ямщикам и относительно скромной оплате иноземных почтмейстеров. Проигравшей же стороной оказалось русское купечество, которое стало получать убытки из-за изменения структуры информационного обмена с другими странами. Не случайно параллельно с развитием почты Ордин-Нащокин вводит меркантилистский Новоторговый устав 1667 г., ограничивающий розничную торговлю иноземных предпринимателей и запрещающий им возить товары дальше пограничных городов[354].

Разумеется, было бы ошибкой объяснять введение Новоторгового устава появлением почты. Протекционизм был обычным явлением для изучаемого исторического периода. Однако, вне всякого сомнения, создав дополни-

---

[352] *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 255–256.

[353] Там же. С. 256.

[354] *Чистякова Е. В.* Новоторговый устав 1667 года // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 118–126.

тельное преимущество для иностранных купцов, правительство было вынуждено искать пути компенсации падающих прибылей отечественных предпринимателей. Жившие в Москве иноземные купцы, напротив, попытались компенсировать потери от введения Новоторгового устава, добившись разрешения на организацию почтовой ветки от Москвы до Архангельска, однако разрешения такого дано не было[355].

Деятельность почтмейстера А. А. Виниуса

В последующие годы почта также оставалась коммерчески привлекательным активом, который семья Марселисов стремилась сохранить в своих руках. После смерти Леонтия Марселиса (1670 г.) почту возглавил его брат Петр. Однако после отставки Ордина-Нащокина Марселисов начали оттеснять от выгодной должности. В начале 1672 г. новым почтмейстером назначен переводчик Посольского приказа Андрей Андреевич Виниус. В его руках почта находилась до 22 октября 1672 г.[356], когда он отказался от места из-за дипломатической поездки за рубеж. Почта вновь перешла к Петру Марселису. В 1675 г., незадолго до смерти Алексея Михайловича, ее вновь отобрали у Марселиса и передали Виниусу[357].

Виниус так же, как и младшие Марселисы, имел тесные связи с Россией. Их отцы Петр Марселис старший и Андрей Виниус старший когда-то вместе строили первые в России железоделательные заводы под Тулой. Между компаньонами произошла ссора, Марселис вытеснил Виниуса из дела. Виниус оказался в тяжелейшем материальном положении[358]. Пути двух

---

[355] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 1. С. 137.

[356] *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007. С. 97.

[357] Виниус уже недолгое время исполнял обязанности почтмейстера в 1672 г. В 1695 г. его сменил сын Матвей, а в 1701 г. Петр I за проступки отца отобрал у Виниусов почту. Подробнее об А. А. Виниусе см.: *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007; *Юркин И. Н.* «От первопрестольного града Москвы...»: А. А. Виниус в Москве и Подмосковье. М., 2009.

[358] *Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* «Годы бедствий» первого российского заводчика Андрея Денисовича Виниуса // Quaestio Rossica. Vol. 6. 2018. № 4. P. 984–994.

семей разошлись не только в бизнесе. Марселисы твердо придерживались протестантского вероисповедания и, ведя свои дела в России, оставались для нее чужими, а Виниус старший перешел в православие. Его сын работал переводчиком в Посольском приказе. Смена социального статуса руководителя почты способствовала ее более глубокой интеграции в аппарат государства[359].

Несмотря на постепенное огосударствление почты, ее коммерческий характер по-прежнему играл существенную роль. В частности, виленская почтовая ветка была закрыта в 1681 г. в соответствии с личными денежными интересами Виниуса: в условиях спада деловой активности из-за эпидемии в Европе переписка между купцами сократилась, и предприниматель решил ликвидировать одну из двух почт. В челобитной о закрытии почты Виниус уверял, что перепиской торговых иноземцев «едва протори одной рижской почты исполнить можно… а чрез Вильно посылать нечего»[360].

К началу 1683 г. положение дел вновь ухудшилось. Вероятнее всего, здесь сказалась общая дезорганизация государственного аппарата и ослабление власти во время восстания. Во всяком случае, когда весной 1683 г. на работу рижской почты обратил внимание В. В. Голицын, она опаздывала на 4–5 дней. Только жесткие меры, принятые в 1684 г. (в соответствии с указом 3 июня 1684 г. задерживавших почту ямщиков били батогами), позволили восстановить ее нормальную работу, хотя «старыми», образцовыми сроками в Посольском приказе считали уже не 8–10, как это было в 1670-х гг., а 10–12 дней[361], ставших обычными с начала 1680-х гг.

---

[359] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 1. С. 85–95, 171–195.

[360] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 177–181; *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 57.

[361] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. М., 1828. С. 486, 487; *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 1. С. 163; Т 2. С. 59–62, 91.

Летом 1683 г. Голицын попытался возобновить работу виленской почты. Почтмейстер А. А. Виниус выступил против этого предложения. В конце челобитной, где Андрей Андреевич приводил доводы против открытия почты, он фактически ставил ультиматум: «И впред о Виленской почте и Рижской у меня ль быть по-прежнему в отпуске и приеме? И впредь зарубежным почтмайстерам деньги посылать ли? И о том чтоб мне учинен был великих государей указ»[362].

Жесткая позиция Виниуса определялась экономическими реалиями: основные векторы мировой экономической активности, связанные с Россией, проходили через север Европы. Демарш почтмейстера отдалил восстановление почтовой линии до Вильно на два года. Однако внешнеполитическая активность правительства Софьи постепенно возрастала. Возобновление виленской почтовой линии в 1685 г.[363] стало предтечей заключения Вечного мира с Польшей и Крымских походов Голицына. Теперь газеты, как и в начале правления Федора Алексеевича, доставлялись через две почтовые линии – рижскую и виленскую.

Бросается в глаза неровность в доставке иностранных газет в 1686 г. В январе их привозили только через Ригу, а в феврале – только через Вильно. В феврале прессу привозили четыре раза, а в мае целых девять. Но уже с начала 1687 г. мы видим возврат к прежней практике доставки газет только через рижскую почту. Виленская же почта поддерживалась в дальнейшем для переписки с российскими резидентами в Варшаве.

В начале 1690-х гг. московский почтмейстер начал постепенно передавать почтовое дело в руки своего сына Матвея. В 1693 г. ему поручили вновь созданную в связи с царской поездкой на север Архангельскую почту, а в 1695 г. ему также передали старые почтовые ветки[364]. В руках Виниусов поч-

---

[362] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С.70.

[363] Там же. Т. 2. С.81.

[364] Там же. Т. 1. С.192.

та оставалась и в начале следующего столетия. Интерес Петра I к западному миру не оказал положительного влияния на работу почтовой службы. В преддверии войны со Швецией вновь был заключен договор о доставке газет через Вильно (не позднее 29 февраля 1700 г.)[365]. Начало же Северной войны и вовсе привело к ликвидации почтового сообщения через Ригу. Последние куранты, составленные на основе пришедших через Ригу газет, датируются 28 июля 1700 г.[366]

Таким образом, в период между 1670 г. и 1700 г. условия доставки корреспонденции из Европы оставались примерно схожими. Периоды ухудшения работы почтовой службы сменялись попытками восстановить прежде качество, однако лучше, чем в 1670–1672 гг. в «московский» период российской истории почта так и не заработала. Все это время регулярная почта оставалась институтом, чуждым русскому обществу. Первые случаи отправки грамоток русскими купцами по почте относятся к 1692 г.[367] Даже на рубеже столетий русские пользователи почты, такие, как представлявший известную купеческую династию Иван Панкратьев, оставались в абсолютном меньшинстве. Их отправления составляли 9,6% всей корреспонденции[368]. О.В. Новохатко, анализируя сохранившиеся частные письма, также отметила отдельные случаи частной переписке по почте лишь во второй половине 1690-х гг. На фоне корреспонденции, которая передавалась через частные руки, общее число таких писем исчезающе мало[369].

Перечень поступавших в Москву изданий и сроки доставки

---

[365] Документа не сохранилось, однако о заключении такого договора свидетельствует сам факт присылки газет. РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8. Л. 139.

[366] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8. Л. 18.

[367] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 1. С. 359.

[368] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 1. С. 479.

[369] *Новохатко О. В.* Россия. Частная переписка XVII в. М., 2018. С. 233–234.

Основной же задачей, которую европейская почта выполняла в этот период, оставалась доставка газет. Перейдем теперь к вопросу о том, что же за издания поступали в Москву? Один из наиболее ранних сохранившихся комплексов газет, относящих уже к периоду работы почтовой службы, датирован 8 сентября 1665 г. В нем находим два выпуска «Oprechte Haerlemse Saterdaegse Courant» из нидерландского Гарлема, один «Ordinarise Middelweeckse Courante» из расположенного неподалеку Амстердама. Немецкая пресса представлена одним выпуском гданьской «Europæische Ordinari Dienstags Zeitung» и двумя выпусками кенигсбергской «Königsb. Donnerstags Post Zeitung»[370].

При анализе данных больших хронологических промежутков картина получается более подробной, но не меняется принципиально. Как показали исследования И. Майер, в 1660-х – начале 1670-х гг. самой западной точной, откуда в Посольском приказе получали газеты, была Гаага. Местная пресса оставалась менее популярной, чем более удаленные от Москвы издания из Гарлема и Амстердама. Важным пунктом движения информационных потоков на протяжении всего XVII в. оставался Гамбург. Гамбургская пресса вызывала большой интерес у сотрудников Посольского приказа. Переводились также статьи из немецкоязычных изданий, вышедших в Берлине, Штеттине, Гданьске, Кенигсберге. Встречаются отдельные экземпляры из Бреслау, Кельна и Копенгагена[371]. Позднее, уже в царствование Федора Алексеевича, добавляются газеты из Риги, но они не получили особой популярности[372]. Очевидно, что в Россию поступала пресса, выпускавшаяся в протестантских торговых центрах севера Европы. По сути, информационную картину курантов формировали издатели Нидерландов, Гамбурга и Бранденбурга, а также находящегося в зависимости от Польши протестантского Гданьска.

---

[370] ВК-VI. Ч.2. С. 68.

[371] ВК-VI. Ч.2. С. 81–87; ВК-VII. С. 341–344.

[372] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. См. материалы за 1681 г. и позднее.

Даже полвека спустя, в 1724 г., перечень источников для составления обзоров иностранной прессы в Коллегии иностранных дел оставался весьма сходным. Нидерланды были представлены изданиями из Лейдена, Амстердама, Гааги, а также (в меньшей степени) – Гарлема и Делфта. Большим вниманием пользовалась газеты Гамбурга и Альтоны (в настоящее время часть Гамбурга). Бранденбургская пресса приходила из Берлина, Кенигсберга, Халле. За границы протестантского мира выходили только Бреслау (Священная Римская империя) и Лейпциг – (Саксония)[373]. Данная картина определялась не религиозными, а экономическими факторами – интенсивность движения товаров на протестантском севере определяла и движение информационных потоков.

Скорость доставки прессы в Москву зависела от нескольких факторов. Первый из них – фактическая работа почты. Теоретические сроки движения почты от Вильны до Москвы определяются договорами с виленскими почтмейстерами Бисингами 1669 и 1685 гг. Первый договор был составлен после учреждения виленской почты. В нем возможный срок доставки почты от Вильно до российской границы определялся в четыре дня. Столько же времени отводилось на провоз почты по территории России. Второй договор составили при возобновлении работы почты после почти пятилетнего перерыва. Он учитывал многолетний опыт работы Виленской почты. Этот документ определял время движения почты по польской территории в пять дней. Соответственно бóльшим должен был оказаться и срок доставки почты по русской территории. Таким образом, исходя из текстов договоров 1669 и 1685 гг., минимальный срок доставки корреспонденции из Вильно в Москву не мог быть меньше 8–10 дней.

---

[373] *Майер И., Шамин С. М.* Отбор информации для «курантов» и техника перевода в Коллегии иностранных дел в 1720-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 2. С. 74. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.6

Переход от вольного найма к использованию ямщиков (произошедший после передачи почт Марселисам) создал проблему, которую не удалось решить в течение всего XVII в. – почта запаздывала. Экзекуции над ямщиками решали проблему лишь на короткий период. Уже в конце 1675 г., когда почтовое дело было отобрано у Петра Марселиса, ему ставилась в вину задержка корреспонденции на 2–3 дня. Особенно плохо работала виленская почта. Жалобы российского резидента в Варшаве Василия Михайловича Тяпкина показывают, что проблемы определяла не только техническая сторона вопроса, но и местный «деловой климат» – местные почтмейстеры с целью вымогательства подарков создавали искусственные проблемы с пересылкой корреспонденции[374]. Это не могло не влиять и на сроки доставки газет.

Рижская почта работала более четко. Как отметил участник шведского посольства в Москву Иоганн Кильбургер, в 1674 г. почта шла до Риги 8–11 дней и приходила в Москву в четверг[375]. В 1676–1680 гг., судя по датам в заглавиях курантов, сроки доставки в Москву почты из Риги остались теми же, что и в 1674 г., и составляли 8–11 дней. После того, как в 1681 г. Рижская почта стала единственной, сроки доставки стали постепенно увеличиваться. Уже в конце 1681– начале 1682 гг. она постоянно задерживалась. Судя по заголовкам курантов, она практически никогда не приходила в четверг. Чаще всего задержка составляла один день, однако могла достигать и четырех дней.

Наиболее важна для нашей темы информация Кильбургера о доставке корреспонденции из Гамбурга. Через Вильну такая корреспонденция могла дойти за 21 день, а через Ригу – за 23 дня[376]. Таким образом, время доставки

---

[374] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 1. С.118, 164 прим. № 1, 330–332; Т. 2. С. 108.

[375] *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 160, 161.

[376] *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 160

одной из наиболее любимых в Посольском приказе газет, гамбургской, не могло быть меньше указанных сроков.

Очевидно, что на доставку газет могло понадобиться больше времени, чем почта шла в Москву. Какой-то срок проходил между тем, как издание выйдет из печати и попадет к почтмейстеру. При выяснении реальных сроков доставки следует ориентироваться на конкретные факты. Для второй половины 1660-х гг. сроки доставки прессы проанализированы Д. К. Уо и И. Майер. Для газет из Голландии зафиксирован срок доставки в 34 дня, 36 дней, 43 дня (1665 г.), 31 день (1666 г.). Для Гамбурга 22 дня (1665 г.). Для Гданьска 32 дня (1665 г.), 24 дня (1668 г.). Для Кенигсберга 29 дней (1665 г.), 25 дней (1667 г. и 1668 г.). После того, как почта начала работать нормально, средний срок доставки голландских газет составил 30–35 суток, хотя мог увеличиваться и до 45 суток[377].

Автором были проанализированы данные о времени доставки кенигсбергских выпусков осени 1676 г. средний срок оказался равен 21,5 дням с момента выхода. В 1680 г. отправленная из Кенигсберга грамотка дошла за 22 дня. Несколько большим было расстояние до Гданьска. Оттуда одна из отправленных местным почтмейстером грамоток дошла за 20 дней (1676 г.), а другая за 23 дня (1677 г.)[378].

Достаточно точно на большом количестве статистического материала удалось установить сроки доставки прессы в Москву в 1724 г. Для Амстердама это 23–24 дня, реже – 25–26 дней. Для газет из Гамбурга и Альтоны сроки были весьма близкими. В весеннее время нормой были 23–24 дня, реже 25–26 дней, а в исключительных случаях – 27–30 дней. В летнее время по хорошей дороге доставка занимала 22–23 дня. Из Берлина в Москву газеты доставляли за 18–25 дней. Пресса из Бреслау шла 23–27 дней. Для Кенигсберга

[377] ВК-VI. Ч.2. С. 69–73.

[378] *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 96.

нормой стали 16–18 дней, но в исключительных случаях с момента выхода могло пройти до 21 дня[379].

Еще один вопрос – как сроки доставки газет соотносятся со временем движения информации. Для местных новостей они могли совпадать. Для известий из других регионов следует добавить время, необходимое на доставку новостей издателю газеты. И. Майер и Д. К. Уо для определения этих сроков использовали следующую методику. Они взяли подборки голландских газет за 1646, 1666 и 1678 годы и проанализировали даты и названия мест отправки корреспонденций из заголовков статей. Оказалось, что большая часть корреспонденций была отправлена за две-три недели до даты печати, или же меньше, если речь шла о соседних городах и местных новостях. В редких случаях сроки оказывались более длительными[380]

Автор данной работы использовал несколько отличающуюся методику. Для 1670-х –1680-х были методом случайной выборки проанализированы крайние даты внутри пятидесяти русских сводок. Оказалось, что разброс дат внутри сводок почти не бывает меньше недели и редко превышает пять недель. Удлинение сроков, как правило, связано с появлением корреспонденций из наиболее удаленных городов (Мадрид, Венеция, Константинополь), а также новостями о России. У данной методики есть один недостаток, она не всегда позволяет отследить ошибки, связанные с пересчетом дат по Юлианскому и Григорианскому календарям. Тем не менее, мы получаем данные о том, какие новости составители курантов считали актуальными. Очевидно, что «предел актуальности» – средний срок доставки газет плюс пять недель. Таким образом, диапазон актуальных новостей лежал между тремя неделями

---

[379] *Майер И., Шамин С. М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. 2011. № 5. С. 97–101.

[380] *Waugh D., Maier I.* How Well Was Muscovy Connected with the World? // Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler /eds G. Hausmann & A. Rustemeyer. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. S. 20–23.

для новостей из Кенигсберга и двумя месяцами для известий из отдаленных регионов.

Еще один способ подсчетов использовал в 1970-х гг. Б. В. Сапунов. Его методика заключалась в сравнении дат известных ему исторических событий с датами заголовков курантов. Он писал, что к середине XVII столетия сроки получения информации сократились до 80 дней, с 1660-х гг. – до 65 дней, а после 1672 г. – от 45 до 50 дней[381]. К сожалению, исследователь не привел перечня событий, на которые он опирался. Кроме того, говоря о 1660-х гг. он смешал «почтовый» период и эпоху до начала функционирования почты. В любом случае полученные им для 1670-х гг. данные попадают в границы диапазона, определяемого другими методами.

Сегодня информация двухмесячной давности может показаться устаревшей. Однако для ее адекватной оценки в конкретных исторических условиях следует рассмотреть альтернативные источники новостей международной жизни, которыми русское правительство располагало во второй половине XVII столетия. Посольские поездки по европейским странам в данный период в большинстве случаев занимали более полугода, а иногда и более года. Так 16 июня 1667 г. в Вену направилось посольство дворянина Ивана Афанасьевича Желябужского и дьяка Тимофея Кузьмина. В Москву они вернулись 22 января 1668 г. 20 октября 1672 г. состоялась отправка посольства майора Павла Менезиуса, которое, побывав у цесаря, курфюрста Бранденбургского и курфюрста Саксонского. Оно возвратилось 28 марта 1674. В июне 1682 г. в Голландию и Англию был послан гонцом подьячий Дмитрий Симоновский, вернувшийся 24 апреля 1683 г.[382] Посланные в Венецию 7 мая 1668 г. торговый иноземец Томас Келдерман и подьячий Прокофий Возни-

---

[381] *Сапунов Б. В.* Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. (Вести-Куранты) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 203–204.

[382] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть I. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С. 23, 24, 190.

цын вернулись 2 декабря того же года[383]. Даже о результатах своих посольств в Москве иногда узнавали из курантов раньше, чем от собственных дипломатов. Именно так в 1668 г. А. Л. Ордин-Нащокин смог узнать об успехе миссии Потемкина в Париже раньше, чем тот вернулся во Псков[384].

Когда информация передавалась приезжавшими в Россию иностранцами, время доставки новостей существенно сокращалось. В случае, если это были грамоты иностранных правителей, доставленные по почте, сроки пересылки оказывались такими же, как и у прессы. Однако даже в последнем случае пресса сохраняла существенные преимущества – иностранная корреспонденция приходила не регулярно, кроме того, в ней сообщалось только то, что хотел сообщить отправитель. Таким образом, приходившие по почте газеты оказывались для русского правительства уникальным источником информации. С точки зрения скорости движения новостей альтернативы им не имелось.

2.2. Составление и использование обзоров прессы: куранты

Попадавшая в Москву по почте пресса не могла быть использована без предварительной обработки. Из большого объема материалов предстояло выбрать нужные московским властям новости, перевести их и скомпоновать соответствующим образом, составить удобный для зачтения подносной экземпляр. Задача данного раздела – проследить путь интересующих нас материалов от почтмейстера до потребителей (царя и его окружения) и отправки на длительное хранение в архив.

Работа переводчиков и подьячих

Поскольку договор с Яном ван Сведеном на доставку прессы был заключен Тайным приказом, следует предположить, что ван Сведен передавал

---

[383] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть 2. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1896. С. 208.

[384] *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа ... М., 2013. С. 211.

газеты именно туда. Упоминания о передаче «ведомостей» в приказ Тайных дел встречаем вплоть до ликвидации предприятия в конце 1668 или начале 1669 г.[385] Однако своих переводчиков в Тайном приказе не было. Перевести издания и составить обзоры политической жизни Европы могли только в Посольском приказе. Соответственно изначально с иностранной прессой должны были работать оба приказа. Какой-либо конкретной информации по данному вопросу почти не сохранилось. Можно лишь упомянуть о помете на курантах от 6 сентября 1669 г. «того ж числа Еремеи Полянскои перевод и подлиннои лист взял в приказ Таиных дел»[386]. Очевидно, что помета зафиксировала момент, когда выполненный в Посольском приказе перевод и его оригинал передавался в Тайный приказ для Алексею Михайловичу через «тайного» подьячего Е. Л. Полянского[387]. На сколько регулярно Полянский привлекался к работе с курантами выяснить не удалось.

Первые данные о том, как именно работа с прессой строилась в реальности, относятся к апрелю 1669 г., т.е. уже к почте Марселисов. Сведения появились в документах благодаря конфликту между Марселисами и переводчиками посольского приказа. В публикации Козловского материалы этого дела перепутаны и разбиты на две группы. Имеются отдельные утраты. Тем не менее, ход событий восстанавливается достаточно точно.

Инициаторами разбирательства стали посольские переводчики – «Иван Чешкогорский, Леонтей Грос с товарыщи». Они жаловались на то, что почтмейстер Леонтий Марселис приносит газеты в Посольский приказ уже распечатав и прочитав, да еще и рассказывает новости иностранным купцам. Кроме того, «он же де Леонтей в тех курантах назначивает те речи, которыя доведутца, перевесть и тем их, переводчиков, он безчестит: а они де и без него

---

[385] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 38, 39.

[386] ВК-VI. Ч. 1. С. 390.

[387] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): биографический справочник. М., 2011. С. 443.

знают, что годно перевесть и что не годно, и чтоб великий государь пожаловал, их велел от того почтаря оборонить»[388].

Результатом этого челобитья стал государев указ от 26 апреля, «сказанный» на следующий день отцу Леонтия, Петру, который, хотя формально и не занимал должность почтмейстера, вынужден был уделить внимание «почтовым» делам в качестве главы семейного дела. В соответствии с данным указом почту требовалось доставлять в приказ не распечатав[389]. Переводчики решили усилить свою позицию, подав приказному руководству «сказку» о том, что других странах почтмейстеры приносят сумки с корреспонденцией «до своих канцелярий» не распечатав. На этой «сказке» стоят подписи Ивана Тяжкогорского и Семена Лаврецкого[390].

Чем кончилось данное дело неизвестно. 30 апреля Петр Марселис «принес в Посольский, приказ сумки запечатаны, а сказал: присланы де к нему те сумки из Вилны чрез почту, а принес их запечатаных для того, что ему сказано в Посольском приказе велено приносить за печатью, а розпечатывать не велено. И бил челом великому государю он, Петр, и сын его Левонтей: великий государь пожаловал их, велел им всякие писма в Посольский приказ приносить попрежнему роспечатывая: а естьли им запечатав приносить, и то им от всех людей безчестье великое, бутто им в том великий государь не верит… И понес те сумки с приказа не роспечатав»[391].

Учитывая, что позднее почту распечатывали почтмейстеры, можно предположить, что в споре с переводчиками о распечатывании почты последнее слово осталось за Марселисами. Однако следует обратить внимание на то, что почтмейстер и его отец боролись лишь за сохранение возможности

---

[388] *Козловский И. П.* Первые почты... Т. 2. С. 40.

[389] Там же. С. 41.

[390] Там же. С. 24.

[391] Там же. С. 25.

контролировать почтовые отправления. Право переводчиков выбирать материалы для переводов они не оспаривали.

Таким образом, можно предположить, что изначально вопрос о том, что именно из поступивших газет нужно перевести, решал получавший и первым прочитывавший прессу Марселис. Однако после того, как в 1669 г. позиции его патрона Ордина-Нащокина стали менее прочными, чувствовавшие себя ущемленными переводчики воспротивились такому положению дел.

В итоге отбор материалов для составления обзоров европейской прессы стал прерогативой переводчиков. Это свидетельствует о том, что в XVII столетии функционал переводчиков и их роль в принятии решений существенно отличались от современных. Причины этого вполне очевидны – члены российского правительства и приказные служащие, как правило, не знали языков западной Европы вплоть до петровского времени. Кроме того, в рассматриваемый период в России еще не сложился профессиональный дипломатический корпус. В последующие периоды истории российской дипломатической службы, по мере появления кадровых дипломатов, круг служебных обязанностей переводчиков постепенно свелся именно к переводам.

Все это заставляет нас особенно внимательно остановиться на вопросе о том, кто именно переводил немецкие и голландские газеты, а также компилировал тексты обзоров иностранной прессы. На самих курантах «рукоприкладства» переводчиков встречаются крайне редко. В курантах 1669 г. встречаем помету «преводил Иван Тешкогорский»[392]. Для 1671 г. мы имеем пометы переводивших с немецкого языка Леония Гросса и Ивана Тяжкогорского, а также Андрея Виниуса (голландский язык)[393]. Для курантов 1681 г. сохра-

[392] ВК-VI. Ч. 1. С. 354.

[393] В-К VII. С. 204, 207, 211, 224, 225, 226. О приходе А. А. Виниуса в Посольский приказ см.: *Шамин С. М.* Новые данные о карьере Андрея Андреевича Виниуса: 1664–1674 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Междуна-

нились «рукоприкладства» Гросса[394] и Тяжкогорского[395]. Характерно, что именно Гросс и Тяжкогорский выступили с челобитием, направленном против Марселисов.

Приказные документы позволяют уточнить эти данные. Тяжкогорский не мог играть существенную роль в составлении курантов, поскольку большую часть 1670-х гг. находился в дальних поездках или вообще работал в Малороссийском приказе[396]. В какой-то момент и перевод голландских газет перешел в руки Гросса. Дело в том, что 30 декабря 1677 г. Виниус ушел из Посольского приказа[397]. Когда 6 июня 1679 г. Гроссу в очередной раз повышали жалование, одним из аргументов было то, что он делает «лишнюю прибылую работу», в том числе «переводит галанские куранты»[398]. Вероятнее всего, эта обязанность перешла к нему после того, как Виниус ушел из переводчиков. Гросс делал основную работу по составлению обзоров иностранной прессы вплоть до своей смерти в 1694 г.[399] По крайней мере, еще в 1693 г. он упоминает о курантах, как об одной из своих постоянных работ: «дела и куранты, которые в те месяцы были, он, Леонтей, в Государственном Посольском приказе с своею братьею переводил же»[400]. Жалование из «убылого»

родной научной конференции. М. 2019. С. 442–444.

[394] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 167–176.

[395] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 43–45 об.

[396] *Гуськов А.Г., Майер И.* Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 62–81.; *Майер И.* Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. М., 2019. С. 76–82.

[397] *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI - начала XVIII столетий. М., 2019. С. 192.

[398] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 12. Л. 171.

[399] *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики… С. 193.

[400] *Курдрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской руко-

оклада Гросса после его кончины получил начинавший в то время свою карьеру Петр Шафиров[401]. В деле 1695 г. упоминается, что он «по вся недели переводит немецкие куранты»[402]. После того, как в 1697 г. Шафиров покинул Москву с Великим посольством, обязанность по переводу почтовых материалов полностью легла на Тяжкогорского[403].

При анализе курантов время от времени встречаются свидетельства того, что над переводами работал кто-то, кроме перечисленных выше переводчиков. Часть перевода 10 октября 1680 г. выполнена автором, который плохо освоил как русский язык, так и приказное письмо. Однако такие факты следует скорее рассматривать как случайные эпизоды, а не в качестве устойчивой практики[404]. Можно предполагать, что работу таких «случайных» переводчиков контролировал кто-то из опытных коллег (тот же Гросс). Встречаются также редкие случаи, когда статьи с одинаковым содержанием переводятся дважды. Вероятнее всего, это связано с параллельной работой разных переводчиков[405].

В целом мы видим, что в «почтовый» период переводом иностранной прессы и составлением курантов занималось очень небольшое число переводчиков. Все они начинали работать над курантами в относительно молодом возрасте. Каждый сделал либо хорошую, либо блестящую карьеру. Шафиров стал одним из первых лиц Российской империи. Виниус и Гросс уже в период работы с обзорами иностранной прессы добились дворянства по московскому списку. Относительным аутсайдером можно назвать Тяжкогорского, который очень быстро получил один из самых высоких окладов среди пе-

---

писной книги во второй половине XVII века) // Книга. Исследования и материалы. Сборн. 8. М., 1963. С. 236.

[401] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 3. Л. 2.

[402] Там же. Л. 9.

[403] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1697 г. Д. 37.

[404] *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия… С. 98.

[405] ВК-VI. Ч. 2. С. 150–151.

реводчиков Посольского приказа, но потом из-за политических пертурбаций при московском дворе потерял прежние позиции[406]. Однако и его карьера на фоне абсолютного большинства посольских переводчиков выглядит успешно.

Все составители курантов на определенных этапах своей карьеры привлекались к переводу книг[407]. Причем над одним из проектов Гросс, Тяжкогорский и Шафиров работали вместе[408]. Это говорит об их высокой квалификации. Для перевода книг требовалось не только хорошее знание языков, но и широкий кругозор, а также определенный запас знаний и хотя бы минимальные литературные способности. Те же навыки, плюс умение разбираться во внешнеполитических проблемах и знание географии, требовались и при составлении курантов. Как следствие, в число составителей обзоров иностранной прессы попадали талантливые молодые люди с хорошими карьерными перспективами.

Несколько слов необходимо сказать о том, что конкретно делали составители курантов с газетами. Еще в начале 1900-х гг. занимавшийся поиском оригиналов к русским текстам Н. В. Голицын отметил, что в 1640-х гг. доставленные в Москву газеты почти всегда переводили полностью[409]. После учреждения почты мы имеем дело исключительно с обзорами прессы. Лишь в исключительных случаях приходится сталкиваться с ситуацией, когда материал выбирался из одной газеты. Как правило, сводка курантов составлялась на основе нескольких экземпляров. Чаще всего, одна статья в иностранной газете соответствовала одному выделенному подзаголовком микротексту

---

[406] *Гуськов А.Г., Майер И.* Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 62–81.

[407] *Курдрявцев И. М.* «Издательская» деятельность... С. 179–244.

[408] *Гуськов А. Г. Майер И.* Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе // Переводчики и переводы в России конца XVI - начала XVIII столетий. М., 2019. С. 49.

[409] ВК-I. С. 11.

в русской сводке, но были случаи, когда две или три статьи оригинала при переводе объединялись. В целом же переводчики старались пропускать второстепенную информацию, рассуждения авторов публикаций, информацию о путях доставки новостей и их источнике, цитаты, имена второстепенных участников событий и географические названия. В ряде случаев вместо личных имен указывались должности. Сокращения не всегда были оправданными. В отдельных случаях они существенно изменяли смысл статей. Не исключено, что часть из таких сокращений можно объяснить плохим пониманием исходного текста. Впрочем, текст мог и дополняться небольшими уточнениями, которые никак не выделялись в тексте[410].

Изначально немецкие и нидерландские газеты разделялись подзаголовком, но с осени 1669 г. они все чаще оказывались под общим заглавием «Переводы с цесарских и галанских курантов», причем даже в тех случаях, когда фактически переводились лишь немецкие газеты[411]. Очевидно, со временем это название стало привычным и использовалось автоматически в качестве формулярной фразы. Позднее, начиная с 27 мая 1683 г. практика разделять подзаголовками переводы из «цесарских» и «галанских» газет возобновляется[412]. Такие подзаголовки позволяли не только составить общую картину происходивших в Европе событий, но и сравнить взгляды немецких и голландских газетчиков. Подзаголовки проставлялись во всех сводках. Когда кроме «цесарских», «галанских» курантов в один из обзоров включили перевод латиноязычной газеты, «латинские» куранты также были выделены специальным подзаголовком[413]. Можно предположить, что это нововведение было связано с В. В. Голицыным. Позднее строгое деление на «цесарские» и «галанские» куранты вновь исчезло. Возможно, это произошло из-за того,

[410] ВК-VI. Ч. 2. С. 141–145, 149–150, 153–165.

[411] ВК-VI. Ч. 2. С. 147–149.

[412] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 269–289.

[413] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 156.

что содержание немецких и голландских газет в какие-то моменты становилось очень схожим. На одном из комплексов курантов стоит помета «А галанских курантов по скаске переводчика Леонтья Гросса ни каких ведомостей нет и переводить нечего»[414].

С осени 1669 г. встречаем еще одно новшество – составители курантов стали все чаще комментировать на полях непонятные слова и географические названия. Отдельные комментарии на полях встречаем и в более раннее время, но лишь теперь такое комментирование стало системой.

Переводчики делали черновые переводы на столбцах, которые, как правило, нумеровались[415]. Это было нужно для того, чтобы при переписывании текста подьячими порядок листов не перепутался. Судя по почеркам, в тех случаях, когда размер сводки превышал пять листов, ее давали переписывать нескольким подьячим, что должно было ускорять работу.

В каком из приказов (Тайном или Посольском) подьячие переписывали куранты начисто до 1673 г., не известно. А. Г. Гуськову удалось выяснить, что с 29 августа 1673 г. куранты ведались в повытье Бориса Михайлова вместе с испанскими, «папскими», итальянскими делами, а также иноземцами (торговыми и мастеровыми). В этом же повытье ведалась Новомещанская (Мещанская) слобода. В марте 1674 г. на место Михайлова назначили Семена Протопопова[416]. В этом же повытье оставались почтовые дела по состоянию на 1675 г.[417] В апреле 1677 г. видим почту в повытье Дмитрия Симоновского вместе с горскими черкесами, калмыками, донскими казаками, волохами, мултянами и Мещанской слободой[418].

---

[414] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. Хр. 78. Л. 20.

[415] См., к примеру, ВК-VI. Ч. 1. С. 120–127, 346–348, 362, 367–369, 374–375 и др.

[416] *Гуськов А. Г.* Вести-Куранты. 1671–1672 гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 172.

[417] *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 167.

[418] *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 53.

В ведении Симоновского интересующие нас материалы оставались более десятка лет. По крайней мере, в сентябре 1689 г. они находились в ведении того же подьячего, вместе с персидскими и армянскими делами, калмыками, донскими казаками и московскими торговыми иноземцами[419]. Это наблюдение подтверждается и пометой на столпе, в который были собраны куранты 189 (1680/1681) г. На обороте последнего листа сводки от 8 декабря 1680 г. латиницей помечено «сбору Дмитрия Симоновского»[420]. Вероятнее всего, куранты оставались в повытье Симоновского вплоть до 1694 г., когда подьячий умер[421]. В 1702 г. во главе данного повытья стоял Михаил Ларионов. Кроме почты он ведал персидскими, армянскими, донскими делами, московскими торговыми иноземцами, а также сношениями с вольными городами[422].

С 1666 г. куранты при переписывании снабжали акцентными знаками[423]. Как отметила И. А. Корнилаева, они «в совокупности являются наиболее значительными по объему скорописными акцентуированными памятниками деловой письменности»[424]. Появление акцентуации показывает, что обзоры иностранной прессы предназначались для зачтения вслух, т.е. для доклада. Во второй половине 1660-х – первой половине 1670-х мы, действительно, встречаем на обзорах иностранной прессы пометы о том, что куранты зачитывались царю или же царю и боярам. К сожалению, такие записи еди-

---

[419] *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 52.

[420] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 134 об.

[421] *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / Ответственный составитель Г.А. Иванова. М., 2011. С. 517.

[422] *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 52.

[423] Надстрочные знаки, помогающие при чтении. Указывали на особенности произносимого звука – длительность, силу и т.д.

[424] *Корнилаева И. А.* Акцентуированные Вести-Куранты (к проблеме издания) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000. С. 291.

ничны[425]. Их появление следует рассматривать в качестве случайности. Они не дают четкого представления о том, в каких ситуациях эти тексты оказывались востребованы.

Доклады курантов при царе Федоре Алексеевиче

Наиболее ранние сведения о том, как зачитывались куранты датированы 3 июля 1676 г. Описание, на которое обратил внимание петербургский ученый П. В. Седов, относится к моменту отстранения Матвеева от власти. Его оставил находившийся в это время в Москве шотландский полковник Павел Менезиус (Пол Мензис). Последний сообщил, что во время заседания Думы куранты читал вслух А. С. Матвеев. Среди прочего, в них сообщалось об опале великого канцлера Дании графа Гриффенфельда. Неожиданно царь стал упрекать Матвеева в тех же преступлениях, что совершил датский канцлер. Вскоре после этого заседания Матвеев был отправлен в ссылку[426]. К сожалению, зачитанный Матвеевым комплект курантов не сохранился.

О. В. Новохатко отмечала, что на заседаниях Думы выступали докладчиками и выполняли секретарские обязанности думные дьяки[427]. Логично было ожидать, что текст будет зачитывать служивший в Посольском приказе думный дьяк Григорий Карпович Богданов, а не боярин Матвеев[428]. Возможно, что мы имеем дело с какой-то особой ситуацией, связанной с присутствием царя. Или же положение дел с курантами являлась особенным и их должен был зачитывать глава приказа. Хотя наиболее вероятным представляется третий вариант – Матвеев мог совмещать доклад курантов с выступлением по текущим внешнеполитическим вопросам. Характерно, что после отстра-

---

[425] ВК-VI. Ч. 1. С. 112, 113, 135; В-К VII. С. 27, 335.

[426] *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 242.

[427] *Новохатко О. В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа. М., 2001. С. 83, 84.

[428] *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 286.

нения Матвеева ситуация с зачтением курантов стала аналогичной другим приказам. Их зачитывал думный дьяк Ларион Иванов[429].

После отставки Матвеева вопрос о курантах решался в середине сентября 1676 г. Информация об этом сохранилась благодаря тому, что 10 сентября 1676 г. царь Федор отправился «в поход» в Коломенское[430]. В Москве во главе правительственной комиссии, которой было поручено решать текущие дела в отсутствии государя был «оставлен» Я. Н. Одоевский[431]. 15 сентября 1676 г. Одоевский «с товарищи» спрашивал Федора Алексеевича о том, как поступить с присланными с посольских станов курантами. Отражающая царскую волю помета на боярской челобитной указывала передать их Иванову[432].

Очевидно, что после отставки Матвеева привычный порядок работы с курантами был нарушен. В этой связи самый сложный вопрос состоит в том, была ли регулярной практика зачтения курантов боярам до сентября 1676 г.? Не следует забывать, что занимавшийся курантами Тайный приказ ведал именно государевы дела. Поэтому не исключено, что изначально обзоры прессы зачитывались лишь Алексею Михайловичу, а на заседаниях Думы их озвучивали только от случая к случаю. Возможно, что устойчивая практика систематического знакомства с курантами не только царя и его ближайших сподвижников, но и всех членов Боярской думы сложилась именно при Федоре Алексеевиче. По крайней мере, после отстранения в 1676 г. от власти А. С. Матвеева система делопроизводства несколько меняется. Если раньше мы, как правило, имеем дело с чистовиком или черновиком, то теперь, кроме

---

[429] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 1, 6.

[430] Об отправке курантов в походы в Коломенское см.: *Шамин С. М., Майер И.* Куранты в государевых «походах»: Коломенское: Материалы и исследования. М., 2011. Вып. 13. С. 106–113.

[431] Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. IV. Стб. 1–2.

[432] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 12.

черновиков, стали составлять два чистовых экземпляра[433]. Кроме того, на оборотах сводок начали регулярно делать пометы о зачтении текстов царю и боярам.

Пометы «бояром чтено» могли сопровождаться уточнениями – «в Передней» (эта помета фигурирует чаще всего), а также «в Золотой» и «в Столовой». В этих палатах проходили заседания Думы. Другой вариант пометы – «государю известно». В отдельных случаях имеются дополнения – «великому государю чтено в комноте», «великому государю в комнате чтено, при комнатных боярах, чол думной дьяк Ларион Иванов»[434]. Подобные пометы имеют 70 % курантов 1676 и 1677 гг.

Таким образом, не позднее, чем со второй половины 1676 г., обзоры иностранной прессы регулярно зачитывались на заседаниях Боярской думы, а также царю и членам Ближней думы. Характерно, что с этого времени число комментариев на полях курантов существенно возрастает. Это не случайно – Иванов, хотя и посылался гонцом в Польшу в 1660 г.[435], однако в международных делах разбирался существенно хуже, чем отставленный Матвеев. При зачтении курантов он в гораздо большей мере зависел от комментариев переводчиков.

Со времени правления Федора Алексеевича устойчиво фиксируется ситуация отправки курантов в государевы «походы» наряду с другими важнейшими документами. В качестве иллюстрации можно привести царское паломничество 1678 г. в Саввин Сторожевский монастырь. Данные об этой поездке отражены в дворцовых разрядах. Документы сообщают: 187 году

---

[433] Указать, с какого времени беловики стали изготовлять в двух копиях сложно из-за того, что, как правило, в дело подшивался один из чистовиков. Сохранение двух чистовиков следует считать случайностью.

[434] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 1, 6.

[435] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): Ч. 1–4. М., 1894–1902. 4 т. Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия), 1897. С. 135.

сентября в 3 числе… изволил идти для моления в Воскресенской монастырь, что на Истре, да в Звенигород, в Савин монастырь Сторожевского… А на Москве, по его государеву указу, оставлены бояре князь Юрей Петрович Трубецкой…»[436]. Ближайшая к началу поездки сводка курантов датирована 5 сентября 1678 г. На ней стоит помета о том, что «187 года сентября в 5 день к великому государю таков перевод послан в поход и боярам князю Юрью Петровичу Трубецкому со товарищи чтено»[437]. Таким образом, с внешнеполитической информацией знакомились как участники похода, таки и те, кто остался в Москве.

Ситуация, когда очередные куранты не были вовремя посланы в поход становилась предметом разбирательства. Зафиксирован один такой случай. Серия помет на сводке курантам от 25 сентября 1680 г. начинается записью: «Таковы ж отнес к боярину ко князю Якову Никитичу Одоевскому дьяк Василий Бобинин, а назад их не принашивал, а сии вклеены впред для ведома, для того, что к великому государю в Троецкий поход не посланы». После этого началось разбирательство, окончившееся отправкой курантов в поход[438].

Куранты в период регентства царевны Софьи Алексеевна и начале правления царицы Натальи Кирилловны

Практика составления и чтения курантов сохранялась даже в кризисные периоды, такие, как восстание 1682 г.[439] В работах отдельных исследователей встречается тенденция рассматривать период восстания 1682 г. как время дезорганизации работы приказного аппарата. Даже в относительно но-

---

[436] Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. IV. Стб. 62, 63.

[437] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 137 об.

[438] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 23–30.

[439] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Куранты как исторический источник по истории Московского восстания 1682 года: от регентства царицы Натальи Кирилловны к регентству царевны Софьи Алексеевны // Московия: Ежегодник научных работ. Музея Москвы. М., 2015. С. 8–27.

вых работах исследователей можно найти утверждения, что восстание на несколько месяцев парализовало центральную власть[440], или что осенью 1682 г., когда столица оказалась под контролем восставших, «московские приказы опустели», а «приказной аппарат остается парализованным»[441].

Безусловно, восстание не могло не сказаться на работе правительства. Восставшие убили несколько приказных[442], а «Судной и Холопей приказы разорили, вынесши, всякия письма изодрали»[443]. Однако те структуры государственного управления и приказные служащие, которые не вызывали раздражения у восставших, продолжали работать: приходила (пусть и с отдельными перебоями[444]) почта, переводчики составляли обзоры иностранной прессы, а подьячие изготовляли «подносные» экземпляры курантов. «Смута» 1682 г. продемонстрировала прочность приказной системы, показавшей свою жизнеспособность еще в эпоху «Смуты» начала XVII столетия[445].

Правительство, даже находясь вне Москвы, держало в своих руках нити государственного управления и следило за развитием политических событий в Европе. То, что интерес к курантам сохранялся даже в дни острейшего внутреннего кризиса вполне объяснимо. Восстание резко ослабило позицию России в системе международных отношений. Оперативные сведения о том, что происходит в Европе, позволяли правительству заранее отследить возможное появление внешней угрозы.

Сами стрельцы также понимали важность нормального функционирования Посольского приказа. Об этом свидетельствует помета на курантах от

---

[440] *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб. 2001. С. 92.

[441] *Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М. 1999. С. 13, 55.

[442] *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни ими. Петра Великого. 1672–1689 М. 1875. С. 46.

[443] Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М. 1976. С. 278.

[444] *Казаков Г. М.* Шведские донесения о московском стрелецком восстании 1682 г. Перевод, вступительная статья и комментарий // Valla. 2018. № 4. С. 96.

[445] *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.

14 мая 1682 г. Она гласит: «маия в 30 день принес в приказ дьяк с. п. (сокращение подлинника, буквы «с» и «п» – сокращенное обозначение Стрелецкого приказа – *С. Ш.*) при боярине да при думном (то есть при В. В. Голицыне и Е. И. Украинцеве – *С. Ш.*), в обедни»[446]. Это значит, что сводка каким-то образом оказалась вне приказного архива, а потом была официально возвращена в Посольский приказ кем-то из сотрудников Стрелецкого приказа. Как это случилось?

Можно предположить, что события развивались следующим образом. На момент начала восстания (15 мая) сводка от 14 мая должна была находиться у руководившего Посольским приказом думного дьяка Л. И. Иванова или у А. С. Матвеева, который после своего возвращения в Москву также мог затребовать себе свежий обзор иностранной прессы. Иванов и Матвеев оказались в числе первых жертв восставших. Документы попали в руки стрельцов. Очевидно, что восставшие ознакомились с курантами, поняли, что это дипломатическая документация и вернули их через дьяка своего Стрелецкого приказа в Посольский приказ (хотя и с задержкой более двух недель). Столь бережное отношение к документам вероятно связано с тем, что стрельцы, разгромив Холопий и Судной приказы, стремились подчеркнуть, что они не погромщики и бунтовщики, а борцы с «изменой» и верные слуги государей.

Не исчезла и практика отправки курантов в государевы походы. С 13 по 29 июля царское семейство находилось за пределами столицы. Оно отправилось в Троице-Сергиев монастырь. На это время приходится появление двух выпусков курантов. В «курантельный» столп попал экземпляр «подносных» курантов за 14 июля с пометой «посыланы к великим государем в троицкой объезд и бояром чтены»[447]. Другая сводка (за 28 июля) в чистовом ва-

[446] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 129.

[447] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 207.

рианте в Посольский приказ по какой-то причине не вернулась. Сотрудники приказа вышли из положения, включив в столбец черновик[448].

Существенные утраты за август и сентябрь 1682 г. приходятся время длительного отъезда государей из Москвы, связанного с бегством правительства от восставших стрельцов. Поход начался 20 августа. До 18 сентября, когда государи остановились в Троице-Сергиевом монастыре, двор почти постоянно передвигался[449]. 3 ноября правительство вернулось в Москву[450]. Утерянные сводки были составлены непосредственно перед началом «похода» (и, скорее всего, были взяты в «поход»), или же появились во время пребывания двора вне Москвы. При этом одна из двух сохранившихся сводок за сентябрь оказалась вне основного комплекса курантов. Вероятнее всего, отсутствие части сводок объясняется неразберихой «походного» делопроизводства. Эту ситуацию нельзя назвать экстраординарной. Как отмечено выше, в период правления Федора Алексеевича длительные «походы» также отмечены беспорядком в курантах[451]. Возможно, некоторые из взятых в «поход» курантов или потерялись, или были возвращены не на свое место. Косвенно это предположение подтверждается тем, что документы, относящиеся к «троицкому» периоду «похода», когда правительство находилось на одном месте, сохранились несколько лучше, чем куранты, которые были составлены в дни постоянного передвижения двора по подмосковным селам и монастырям. На сохранившихся курантах этого периода встречаем записи, которые свидетельствуют об их отправке из Москвы. Так сводка курантов от 4 октября по-

---

[448] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 215.

[449] Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. М. 1976. С. 79–99.

[450] Там же. С. 224.

[451] *Шамин С. М.* Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // Исследования по источниковедению истории Росси (до 1917 г.). М. 2003. С. 132.

пала в «поход» и уже на следующий день была доложена «великим государем»[452].

Крайне интересны сведения о том, кому куранты зачитывались в период Московского восстания 1682 г. Эти данные позволяют говорить о том, кто именно держал в своих руках власть. Последний вопрос долгое время оставался спорным. Считалось, что Софья стала полноправной правительницей уже в мае 1682 г. Основанием для этого служила «разрядная запись» о регентстве царевны Софьи. А. П. Богданов показал, что эта запись была составлена Сильвестром Медведевым не ранее середины 1686 г., когда возникла необходимость создать правовую основу для регентства[453]. Богданов реконструировал порядок формального установления регентства следующим образом: имя Софьи начало появляться в правительственных внутренних документах осенью 1682 г. и употреблялось все чаще в бумагах учреждений, которыми руководил В. В. Голицын. К лету 1683 г. ее влияние упрочилось; царевну признали правительницей придворные панегиристы. И только заключение Вечного мира 1686 г. закрепившего за Россией восточную часть Украины настолько подняло авторитет Софьи, что позволило ей добиться официального признания своей власти: отныне имя царевны включалось в царский титул после имен Ивана и Петра[454].

---

[452] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 235, 235 об.

[453] *Богданов А. П.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ИИИСССР. М. 1987. С. 127, 128; *Богданов А. П.* Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М. 1994. С. 246, 287.

[454] *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. М. 1998. С. 277. С интерпретацией взглядов Богданова на установление регентства возникло недоразумение. А. С. Лавров пишет: «А. П. Богданов впервые обратился к архивному подлиннику. Исследователь отметил, что документ был составлен не единовременно, а в два этапа. Согласно А. П. Богданову, источником “последней части второй (поздней) редакции акта” была записная книга Разрядного приказа, использованная в “Созерцании кратком...” Сильвестра Медведева. А. П. Богданов связывает появление тех источников с событиями лета 1686 г. Тем не менее, несмотря на эти источниковедческие разработки, историк утверждает, что 29 мая Софья Алексеевна все-таки получила “формальное право на власть”» (*Лавров А.*

Записи на курантах позволяют четко установить, когда царевна Софья официально стала претендовать на равную с царями власть и знакомиться с иностранной прессой. Дело в том, что вплоть до конца октября в пометах на курантах фигурируют исключительно великие государи. Последняя такая запись относиться к 2 ноября 1682 г., когда правительство, возвращаясь в Москву, оказалось в селе Алексеевском: «великим государем известно и бояром чтено в селе Алексеевском, в передней»[455]. На следующих же курантах (9 ноября), появившихся после возвращения правительства в Москву, видим запись «великим государем и государыне царевне известно и бояром чтено в комнате»[456]. Это наиболее ранняя из известных на сегодняшний день помет на официальных документах. В дальнейшем имя Софьи регулярно встречается на пометах курантов. Формулировки были разные: «великим государем и благородной государыне царевне известно и бояром чтено в комнате»[457], «великим государем и сестре их государской благородной государыне царевне известно и бояром чтено в комнате»[458]. Лишь в декабре устоявшейся становится формула «великим государем и сестре их царской благородной государыне царевне известно и бояром чтено»[459] Хотя и позднее формуляр

С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М. 1999. С. 73). Между тем у Богданова читаем: «Необходимо, однако, проверить предположение, что получив 29 мая формальное право на власть, Софья Алексеевна не успела его реализовать». Далее Богданов анализирует это гипотетическое предположение и отвергает его (*Богданов А. П.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // ИИИСССР. М. 1987. С. 128 и далее). Таким образом, Лавров по недоразумению приписывает Богданову не реально высказанное мнение, а прямо противоположный взгляд на событие.

[455] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 264.

[456] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 270.

[457] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 278.

[458] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 300.

[459] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 323.

записи мог незначительно меняться. К примеру, начиная с курантов от 22 января 1685 г. определение «благородная» заменено на «благоверная»[460].

До осени 1682 г. во всех известных на сегодняшний день документах имя царицы Натальи Кирилловны обычно следовало перед царевной Софьей. После успешного «утишения» стрелецких волнений царевна стала оттеснять свою мачеху на задний план. Обострение отношений между ними отметил в письме от 28 ноября 1682 г. датский посланник Гильдебранд фон Горн[461]. Появление имени царевны в пометах на приказных документах отражает возросшее влияние Софьи.

В целом пометах на обороте курантов в период правления царевны Софии представлено три элемента: 1 – сообщение о том, что они «известны» великим государям; 2 – их сестре Софье; 3 – «чтены» боярам. Первый вариант помет в период правления Федора Алексеевича обозначал, что куранты зачитывались в его покоях в присутствии «комнатных» бояр. Вряд ли уже в первые года регентства куранты реально зачитывали лично Иоанну или Петру. По замечанию шведского резидента в Москве Христофора фон Кохена, В. В. Голицын начал докладывать Петру важнейшие дела только с декабря 1687 г.[462] Можно предположить, что за пометой скрывался не имеющий конкретного содержания титульный формуляр, или что с курантами знакомился кто-то, кого считали законным представителем малолетних царей. В пользу «формулярности» упоминания царей соправителей говорит тот факт, что за весь период регентства нет ни одной пометы, в которой они не названы (причем всегда во множественном числе).

---

[460] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1 1685 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. 43 об.

[461] *Богданов А. П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вводная статья и комментарии // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 89; *Богданов А. П.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ИИИСССР. М. 1987. С. 128.

[462] *Висковатов К. А.* Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23. № 9. С. 124, 125.

Однако другие данные позволяют утверждать, что, по крайней мере в последние годы регентства, ситуация была более сложной. Во-первых, куранты от 4 июля 1687 г. сохранились в трех чистовых экземплярах[463]. Это значит, что в отличие от предыдущего царствования, в Кремле имелись не два (царь и Дума), а три центра выработки внешнеполитических решений, которые по статусу могли претендовать на чистовые куранты. Во-вторых, за 1686–1688 г. имеются отдельные пометы, в которых не упоминается никто, кроме государей. Сказать что-либо точное о смысловом содержании этих помет на современном этапе исследования невозможно.

Более-менее ясно обстоит дело с упоминаниями царевны Софьи. Отдельные пометы, в которых царевна не названа (даже в конце регентства) позволяют утверждать, что мы имеем дело не с формулярной записью. Царевна действительно регулярно знакомилась с информацией о политических событиях в Европе.

Вопрос о том, что подразумевалось под словами «бояром чтено», в царствование Федора Алексеевича, решался однозначно. Речь шла о зачтении курантов на заседаниях Боярской Думы. Вряд ли царевна Софья радикально поменяла устоявшуюся систему. Тем не менее, в ряде случаев в пометах явно подразумевается не вся Боярская Дума, а именно ближняя Дума. Однозначно это можно сказать о шести случаях, когда из расширения пометы узнаем, что зачтение курантов боярам происходило в комнате[464], где Дума в полном составе собираться не могла.

В расширениях других помет говорится, что зачтение курантов боярам происходило в «их государском походе в селе Коломенском»[465]. Одна из та-

---

[463] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 337–373.

[464] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 117 об., 218 об., 384 об., 470 об., 479 об.; Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 239 об.

[465] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 211 об.; 220 об.; 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 2. Л. 526 об.; Ч. 3. Л. 30.

ких помет, где среди слушателей обзоров иностранной прессы упомянуты государи, царевна Софья и бояре, стоит на курантах от 28 августа 1688 г.[466] В конце августа в Коломенское на празднование именин царицы Натальи Кирилловны действительно приезжали оба царя и царевна Софья[467]. Однако неизвестно, как на практике происходило ознакомление с курантами съехавшихся в подмосковную резиденцию властей. О том, что ситуация была неоднозначной, свидетельствуют записи на двух списках курантов 22 января 1688 г. Один из них был «сообщен» государям, царевне и боярам 25 января, а второй только государям и боярам (без царевны) 31 января[468]. Очевидно, что речь идет не об одних и тех же боярах. Таким образом, пометы о зачтении курантов боярам в разных случаях могут подразумевать как Думу в целом, так и бояр, входивших в окружения одного из царей. Вопрос о том, как именно надо истолковывать пометы на курантах в каждом конкретном случае остается открытым.

После свержения царевны Софьи Алексеевны в системе составления курантов на первых порах практически ничего не изменилось. Периодичность составления обзоров иностранной прессы по-прежнему определялась графиком работы рижской почты. В сентябре 1689 – июне 1690 гг. в среднем куранты составлялись 3,5 раз в месяц. Из составленных в сентябре 1689 – июне 1690 гг. комплектов 91 % имеет пометы о зачтении. Столь полное использование курантов было достигнуто за счет того, что теперь иногда в один день зачитывали содержание сразу нескольких сводок. В 1689 г. 11 октября читали обзоры от 30 сентября и 7 октября, а 30 октября – от 21 и 28 октября[469]. В первой половине 1690 г. «спарены» были куранты 19 и 26 мая (доклад состоялся 28 мая), а 24 марта зачитали сразу четыре комплекта – от

---

[466] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 3. Л. 30.

[467] *Богословский М. М.* Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. М., 2005. С. 61.

[468] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 98 об., 103 об.

[469] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 186 об., 203 об., 231 об., 244 об.

16, 24 февраля, 3 и 24 марта[470]. Из зачтенных материалов 66 % было «великим государем известно и бояром чтено», а 34 % «великим государем известно».

После заседаний документы отправлялись на архивное хранение. Случаи, когда содержавшиеся в них новости получали дальнейшее официальное распространение крайне редки. А. К. Фабрициус без ссылок на источник информации упоминает, что в 1677 г., когда голландско-датский флот под командованием адмирала Тромпа нанес поражение шведским военно-морским силам Виниусу было поручено перевести данное известие на русский язык и разослать воеводам в пограничные города[471]. Более точная и достоверная информация касается рассылки новостей о вспышках заразных болезней.

Рассылка известий курантов порубежным воеводам в целях борьбы с эпидемиями

Эпидемии были одним из самых страшных природных катаклизмов Европы эпохи Средневековья и Нового времени. Они возникали внезапно и в короткие сроки уносили жизни множества людей. Если в Европе XVII столетия массовые заболевания со смертельным исходом были обычным явлением, то Россия долгое время не знала крупных эпидемий общегосударственного масштаба[472]. Этому способствовали большие расстояния, незначительная плотность населения и существенно менее активные экономические связи. В 1654 г. началась война с Речью Посполитой. Русские войска двинулись на запад. В результате, уже осенью 1654 г. свирепствовавшее в разных европей-

---

[470] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 100 об., 116 об., 128 об., 163 об., 302 об., 318 об.

[471] *Фабрициус А. К.* Почта и народное хозяйство в России XVII столетия. СПб., 1864. С. 64.

[472] *Богданов А. П., Симонов Р. А.* Прогностические письма доктора Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988. С. 171.

ских странах моровое поветрие распространилось на Россию. В Москве и других городах началась катастрофичная по своим масштабам эпидемия[473].

В XVII столетии наиболее эффективным способом борьбы с эпидемиями были карантинные мероприятия. Однако для введения карантина было необходимо получать информацию о надвигающейся опасности раньше, чем болезнь успела проникнуть на территорию государства. Регулярное составление обзоров иностранной прессы оказалось для борьбы с эпидемическими заболеваниями очень полезным.

Начиная с середины 1660-х гг. российское правительство успешно отслеживало по курантам появление очагов заразы в соседних странах и у традиционных торговых партнеров. Англичанин Самуэль Коллинс, врач Алексея Михайловича, сообщал в своих записках о думном дворянине А. Л. Ордине-Нащокине: «Когда его просили о впуске английских товаров, он показал лондонский отчет о смертности, по которому (хотя очень немногие) умерли от чумы. “Несмотря на это, – сказал он, – как нам знать, не вывезены ли товары из зараженных домов? А довольно искры, чтобы зажечь целый мешок с угольями...”»[474]. Следует отметить, что в своем сочинении английский врач, мягко говоря, лукавил. Лондонская чума 1665 г., о которой идет речь в его записках, была ужасным бедствием. Она получила название «Великой» и нашла отражение в литературе (от Д. Дефо до А. С. Пушкина), кинематографе, музейных экспозициях. Из Англии заболевание распространилось в другие европейские страны. России же удалось избежать этого бедствия. Благодаря курантам в распоряжении Нащокина был не только лондонский отчет о смертности, но и значительное число других публикаций, поз-

---

[473] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. История России с древнейших времен. М. 1990. С. 606–608.

[474] Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. М., 1997. С. 220–221.

воляющих отслеживать вспышки заболевания в разных регионах Европы[475]. К сожалению, подлинника упомянутого Коллинсом указа о запрете на ввоз английских товаров не сохранилось, и мы не знаем, были ли в него включены известия о лондонской чуме.

От времени правления царя Федора Алексеевича до наших дней в курантах сохранилось 49 сообщений об эпидемических заболеваниях. Иностранные газеты приносили сообщения о моровых поветриях каждый год. Впервые сведения курантов были включены в указ в качестве известия для порубежных воевод и объяснения причины закрытия границ России в 1681 г. 13 января смоленскому воеводе был отправлен следующий указ – «В нынешнем во 189 году, генваря в …день, присланы в Посольский приказ чрез Рижскую почту вестовыя немецкия письма, а в переводе с тех писем написано: из Польши, из города Желкви, декабря в 10 день, что в Кракове паки начинается моровое поветрие; да через тое же почту, в том же вышепомянутом месяце и числе, писал к дьяку нашему к Андрею Виниюсу из города Королевца почтмейстер Вернер Штурм, что о являющемся в Кракове моровом поветрии и до ныне подтверждается. И по тем вестям, указали мы, Великий государь, и бояре наши приговорили: для спасения от морового поветрия, в Смоленске и в Смоленских пригородех на причинных местах от литовского рубежа, проведав чрез нарочных за литовский рубеж посыльщиков подлинно, учинить заставы и Виленскую почту, которая ходит с вестовыми и иными письмами из Вильны через Смоленск, на заставе задержать и в Смоленск и из Смоленска к Москве не пропускать. И о том к вам, боярину нашему и воеводам, наша великого государя грамота послана из приказа княжества Смоленского…»[476].

Правительство царевны Софьи использовало куранты для предотвращения эпидемий так же, как это делалось в период правления Федора Алек-

---

[475] РГАДА. Ф. 155. 1664 г. Ед. хр. 2. Л. 47– 67; 1666 г., Ед. хр. 11, Л. 30–34, 56–59, 60–66, 80–85, 325, 324, 323, 322, 321, 320, 319.

476 ПСЗ-I. Т. II. № 858. С.294.

сеевича. В 1684 г. по известиям курантов был введен карантин на западной границе. В деле об установлении карантина сначала приводятся известия курантов за ноябрь 1683 – январь 1684 г. о «моровом поветрии» в разных городах Европы, а потом сообщается, что 10 января 1684 г. «по указу великих государей боярин кн. В. В. Голицын с товарыщи, слушав сего переводу с вестовых писем, приказал послать государевы грамоты», по которым карантинный режим был установлен во Пскове, Киеве, Новгороде и Смоленске[477]. Таким образом, опираясь на материалы курантов, российские власти на протяжении второй половины XVII в. вводили карантин, как минимум, трижды.

Иных случаев, когда бы информация курантов рассылалась кому-либо из официальных лиц после ее озвучивания на заседании Думы не зафиксировано.

Вне курантов: доставка польской прессы

Вне зависимости от составления курантов, в периоды работы постоянных российских дипломатических представительств в Польше в Москву начинала пересылаться местная пресса. Полученные из «авизов» (печатных или рукописных листков)[478] известия использовал во время своего резидентства В. М. Тяпкин (1673–1677). Он специально запрашивал такие материалы у канцлера Х. Паца[479]. Любопытно, что часть материалов, связанных с посольством Тяпкина, попала в Ф. 155 (письмо Тяпкина, его переводчика Лаврецкого и другим новости из Польши)[480].

---

[477] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 90, 112–114.

[478] *Домрачев Н. Е.* К вопросу о функциональных особенностях русской «резиденции» в Варшаве В.М. Тяпкина // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. Материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. 2019. С. 36.

[479] *Колегов С. С.* Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII – начале XVIII вв. : дис. ... кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2011. С. 126–127.

[480] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1674 г. Ед. Хр. 8.

Особенно ярко интерес находившихся в Польше российских резидентов к польской прессе виден на материалах 1680-х – 1690-х гг. Заключение мира с Речью Посполитой в 1686 г. и вступление России в войну против Османской империи привело к восстановлению постоянного дипломатического представительства России в Варшаве. С февраля 1688 г. до мая 1689 г. московским резидентом в Речи Посполитой был П. Б. Возницын, которого сменил И. М. Волков. Присылаемая в Россию пресса была весьма разнообразной. Первый год работы русской миссии пришелся на время конфликта Яна III Собеского с магнатами по поводу назначения великого канцлера коронного. В Москву переправлялись памфлеты, направленные против короля и его сторонников. В сочинении «Голос ловчего силной прибирает различных охочих псов» сторонники Яна III Собеского представлены в виде своры. Каждый из них снабжен юмористической характеристикой: «збесился потому, что без меры всегда был угрызающий»; «тот рослой даже в Подолии загонял и слуша роги прилаивает в коле»; «тот, иже при поварне медлеет с похвалою». В другой сатире, «Прилучай о печати великой коронной», построенной на басенных аллегориях, действуют «Ловчие охотники», «Сосна», «Дуб», «Олень», «Баран» и «Боров дикой»[481]. Несколько вестовых документов, посланных из Польши Возницыным попали в Ф. 155[482]. По состоянию на 1692 г. резидент Б. М. Михайлов закупал вестовые материалы, в том числе краковскую газету, на регулярной основе через львовскую почту[483].

Пересылка памфлетов русскими резидентами в конце XVII столетия требует отдельного изучения, однако уже сейчас можно сказать, что уровень обмена информацией достиг беспрецедентных объемов. Так, судя по статей-

---

[481] *Алпатов С. В., Янссон О.* «Голосъ ловчего силнои прибираетъ различных охочихъ псовъ»: неизвестный русский перевод польского политического памфлета 1688 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 103–110.

[482] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. Хр. 49. 1689 г.

[483] ПДС. Т. 8. Стб. 933.

ным спискам жившего в Варшаве московского резидента А. В. Никитина[484], лишь за 30 месяцев с мая 1696 г. по октябрь 1698 г. он отправил в Москву 113 связок с документами, то есть корреспонденции отправлялись чуть реже, чем 4 раза в месяц[485].

В составе пересылаемых материалов, кроме отчетов резидента, обязательно присутствовали местные печатные и рукописные газеты: «да краковской печатной курант, да два писмеца полские вестовые ж со лвовскои, да с венской почт»[486]; «да с почт с краковской печатной курант июля 4-го, а со лвовскои и с венскои ведомостям записку на полском языке»[487]; «с краковскои почты печатнои курант, выданой июля 18-го числа, да с венской и со лвовскои ведомостям два листа писменные»[488]; «с почты краковскои печатнои курант, венскои и львовскои два писменные листка»[489]; «краковскои печатнои курант, со лвовскои почты вестовое писмо, листок с цыдулкою из Вены посторонним ведомостям к секретарю референдаря коронного»[490]; «краковскои печатнои курант, два листка вестовые со лвовскои почты, выписочка

[484] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251, 252. Содержание книг частично совпадает, однако, ни одна из них не включает всей информации о деятельности Никитина в Польше. Можно предположить, что традиционная форма делопроизводства (посольские книги) оказалась непригодна для отчета о постоянном резидентстве. Первой была составлена кн. 251, однако, в какой-то момент ее составители поняли, что объем книги превысит все разумные пределы. Последние листы книги заполнены крайне небрежной скорописью, которая для посольских книг не характерна. В итоге книга осталась незавершенной. Вместо этого была составлена кн. 252, которая включила важнейшие материалы из кн. 251 и продолжила описание резидентства хронологически.

[485] Там же.

[486] Там же. Кн. 251. Л. 76 об.

[487] Там же. Л. 83 об.–84 об.

[488] Там же. Л. 94 об.–95.

[489] Там же. Л. 96.

[490] Там же. Л. 236 об., 237.

из писма полского резидента из Вены к секретарю референдаря корунного» и иные.[491]

С точки зрения истории культуры особый интерес среди документов Никитина представляют многочисленные универсалы, пропозиции, статьи, диарии, записки, тетради, подметные листки, пасквили, реляции, ведомости, респонсы, орации, информации, плачи, вирши, рассуждения, выписки, реестры, цидулки, казания и др. Они рассказывали о каких-то конкретных событиях, либо же выступали как инструменты политической борьбы. Большинство из подобных текстов являются памятниками литературы или же имеют значительную литературную составляющую.

Если в статейном списке они лишь перечислены, то в деле, озаглавленном «Переводы с печатных и письменных польских листов, до политических в Польше дел касающихся» мы видим сами переводы[492]. К сожалению, дело сильно попорчено сыростью и в нем читаются лишь более-менее полные фрагменты текстов.

Яркий обличительный пафос памфлетиста видим в «Открытой харе причины розрвания сейму конвокацыйного листом из Варшавы октября в 4 день по-новому 1696-го году писанным»[493]. «Разсуждение о кандидатах» по пунктам анализирует достоинства и недостатки всех, кто претендует на власть: королева, королевич Яков, курфюрст Баварский, де Конти[494]. Часто коварство политических противников обличали в стихах. Автор, выступавший против французского кандидата де Конти, взывал: «Доволно намножили по Полше обманов от жены француженки непомерных манов. Что будет как

[491] Там же. Л. 238 об.

[492] Там же. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. В реальности в нем хранятся документы 1696–1697 гг.

[493] Там же. Л. 72–88.

[494] Там же. Л. 225–237.

мущина по французски станет править: не одно он в Полше печали доставит»[495].

Пожалуй, наиболее часто встречаем скорбь о несогласии внутри Речи Посполитой. В «Списке с листа бискупа Куявского» от 21 октября 1696 г. читаем: «О бедная Речь Посплитая и разсеенные в части советы, одне в сенате, другие в ызбе Посолскои. Соблюдения волности поворачивают врознь, когда изба Посолская в своем правителе оскорблена»[496].

К числу юмористических памятников относятся также «гадания» о будущем короле. «Гадание первое есть, что королю надо быть цвета разного» показывает «разносторонность» де Конти, который, с одной стороны, христианин, поскольку рожден в христианской вере, а с другой стороны, неверный, поскольку помогает турку. Он мудр, так как метит в короли, но «шаленый», ведь это желание «неподобно» ему. По мере изложения проблем автор переходит к откровенно непристойным намекам и брани[497].

Другой тип литературного текста – «Челобитная правды к наяснейшеи кор[оле]ве», к которой Правда обращается устами бедного шляхтича. Здесь мы уже не видим юмора. Королева обвиняется в том, что она покровительствовала мошенникам и мешала честным людям, брала деньги за государственные должности.[498] Столь же трагично по своему звучанию «Рыдание болезненной отчизны по разорванной конвокацыи между королевства и завязанных свясков короны и великого княжества литовского о несчастии своем плачущее». Его автор жалуется: «Ни един не имеет народ, турки изобилны, персиды и индеяны, аще и доволствами всякими изобилуют, неволническими связаны оковы, паче всего дражайшей свободы не имеют. А у нас, поляков,

[495] Там же. Л. 328–329.

[496] Там же. Л. 168.

[497] Там же. Л. 389–390.

[498] Там же. Л. 385–389.

хотя зело прославляется золотая волность, но волностию погубляется»[499]. Он призывает пожертвовать собой ради блага государства: «Когда тот Везувиев пожар одного смертию загасить возможно, сыскался б хто ни есть таков из моих сынов, которого б мое несчастие подвигло и на мою пагубу остр и мечь марсов одного выею тупить бы возможно, желателныи кодр наставил бы главу и Куции во огнь вскочил бы готов»[500].

Как видим, польские памфлеты этого времени представляют чрезвычайно обширный материал не только для исторического, но и для литературоведческого анализа. Их литературный характер явно сознавался читателями, однако в литературные сборники они не попадали. Не проникала польская пресса и в куранты. Исключения были крайне редки. К примеру, в сводке от 8 ноября 1691 г. после переводов из «цесарских» и «галанских» газет имеется еще один подзаголовок «Да в полских печатных ж курантах, каковы прислал Иван Волков ноября в 14 день ведомости ж»[501].

Более-менее регулярно такие случаи стали фиксироваться только после кризиса в работе почты, начавшегося в результате вступления России в Северную Войну. В нескольких случаях вслед за переводом статей из немецких газет помещены переводы сообщений польской прессы – печатной и рукописной[502]. Международные материалы польских газет, как правило, дублировали сведения немецкой и голландской прессы. Причем делали это с запозданием, обусловленным потерей времени на перепечатывание известий. Очевидно, что составители курантов не желали смешивать разноплановые материалы, поскольку куранты давали царю и боярам именно обзор международной политики. В целом переводы и выписки из польских газет имели гораздо

[499] Там же. Л. 410.

[500] Там же. Л. 411.

[501] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 212.

[502] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8. Л. 55 об., 56, 75, 76 об., 153.

более узкую сферу использования, чем куранты, составленные на основе немецкой и голландской прессы.

Хранение иностранной прессы и ее переводов в приказных архивах

После того, как куранты зачитывались царю и боярам, некоторое время они находились в близком доступе у кого-то из членов русского правительства. Об этом свидетельствует тот факт, что одна из сводок времени правления Алексея Михайловича была использована в качестве черновика, на котором набрасывались варианты вновь составляемого шифра[503]. Затем куранты отправляли в архив. Большое значение для изучения хранения иностранной прессы и ее переводов имеют описания архива приказа Тайных дел[504]. Данный приказ ведал делами, которые интересовали государя лично, и поэтому дублировал часть функций других приказов, в том числе Посольского. Поскольку именно приказ Тайных дел в 1665 г. организовал регулярную почту, его служащим пришлось вырабатывать новые правила хранения иностранных газет и их переводов. Отложившиеся в его архиве документы были зафиксированы в описаниях, которые составлялись как в годы существования приказа, так и после его ликвидации при передаче дел в другие приказы.

Наиболее раннее описание датируется 7180 (1671/1672) г. В примечании издателя указано, что «эта опись не имеет особого заголовка; судя по встречающимся в ней указаниям, она составлена в 7180-м году». Особая ценность описи в том, что для каждого документа указано место хранения. Куранты лежали в «портяном мешке» и «шкапе»[505]. «В портяном мешке» в столбцах и тетрадках хранились самые разные материалы[506]. В целом содер-

---

[503] *Шамин С. М.* Неизвестная тайнописная азбука из архива Приказа тайных дел // Древняя Русь Вопросы Медиевистики. 2010. № 2. С. 103–106.

[504] РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб. 1907.

[505] Там же. Стб. 850, 854–857.

[506] Среди них «письма Микиты Зюзина, что взял думной дьяк Дементей Башмаков», посольские столбцы 172 (1663/1664) – 178 (1669/1670) гг., многочисленные тетради с материалами о польско-украинских делах, списки со статей Андрусовского перемирия и другие документы, связанные с

жимое мешка производит впечатление подборки документов, связанных с польскими «делами». Трижды отмеченные в описании «переводы с курантов» представляли собой отдельные комплекты. Скорее всего, их содержание также имело отношение к Польше[507].

Иначе выглядит описание содержимого «деревянного шкапа» – «В шкапе деревяном в ящиках вестовые немецкие писма и с них переводы в столпцах, 173-го, 174-го, и 175-го, и 176-го, и 177-го, и 178-го годов... В том же шкапе 5 листов немецкие, что привез Петр Марселис. Да в тех же ящиках вестовые всякие письма и переводы» (в 1670 – 1680-х гг. иностранную прессу, как и раньше, называли не только курантами, но также и вестовыми письмами/листами). Из «не вестовых» документов здесь лежали только раздаточные книги, «что роздано по боярине Борисе Ивановиче Морозове». Таким образом мы видим, что в Тайном приказе имелся специальный шкаф для вестовых материалов. Здесь куранты начали собираться в отдельный архивный комплекс. Содержимое данного шкафа дает достаточно четкую картину того, как в приказе Тайных дел хранились вестовые материалы. Часть документов была собрана в столпы, а часть лежала россыпью. Наиболее ранние, систематизированные по состоянию на 7180 (1671/1672) г. документы, относятся ко времени начиная с 7173 (1664/1665) г., когда была учреждена регулярная почта. Между тем в составе столбцов, скрепленных дьяками при разборе архива приказа Тайных дел, имеются и более ранние переводы (начиная с 1650-х гг.). Очевидно, к началу 1670-х гг. они лежали в россыпи.

подготовкой и заключением этого перемирия, «тетрать, а в ней список з грамоты турского царя к Римскому цесарю», «перевод с латынского письма с речи, какову говорил цесарю Римскому полской посол о супружестве», «парсуна польского короля Михаила», расспросные речи грека Родиона Фомина, «перевод с цесарских курантов», «перевод с цесарских и з галанских печатных курантов», «перевод с цесарских печатных курантов» и др.

[507] РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 854–857.

За 1676–1683 гг. мы имеем более подробные описания переводов иностранных газет из приказа Тайных дел. Переписная книга 1676 г.[508] была составлена в связи с ликвидацией приказа, а описания 1677[509] и 1683 гг.[510] – при передаче дел в Посольский приказ. Описи показывают, что куранты хранились в составе отдельных комплексов документов, включающих материалы за несколько лет. Кроме того, в 1677 и 1683 гг. при передаче дел в Посольский приказ были зафиксированы четыре небольших комплекса с переводами иностранной прессы, оказавшиеся неучтенными в 1676 г. Все они имеют вид случайно подобранных материалов[511].

Начиная с 1676 г. куранты хранились в Посольском приказе. К концу XVII столетия в Посольском приказе имелись следующие крупные комплексы курантов: 1) сильно перепутанные обзоры иностранной прессы второй половины 1650-х – 1660-х гг., скомплектованные в приказе Тайных дел; 2) куранты первой половины 1670-х гг., переданные в Посольский приказ из приказа Тайных дел в относительном порядке; 3) куранты последней четверти XVII в., отложившиеся в Донском повытье Посольского приказа.

---

[508] Там же. Стб. 1–6.

[509] Там же. Стб. 349–351, 360, 362.

[510] Там же. Стб. 626–627, 629–631, 635–637, 640–641.

[511] В описи 1677 г. встречаем столп с «переводами с цесарских и галанских курантов о вестях» (судя по отсутствию в описи дат, это какие-то переводы без заглавий) (РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 360); столп, в который входили «переводы с цесарских и галанских курантов о вестях», а также документы о «приезде» греков Ивана Ильина и Афанасия Григорьева; отписка Ордина-Нащокина и др. (Там же. Стб. 362.); столп с «приездом» грузинского митрополита, списком с письма Ивана Брюховецкого, «переводом с письма, каково прислано из немецкой земли о звездах», «переводами многими с листов и с печатных курантов о всяких вестях» и др. (Там же. Стб. 362.). Два последних столпа в реальности были переданы не в 1677 г., а в 1683 г. вместе с другими переводами (Там же. Стб. 626, 627, 629.). В описи 1683 г. кроме перечисленных материалов встречаем столп № 13, «а в нем вестовые всякие письма и переводы с курантов», а также распросные речи, отписки 172-го, 173-го, 176-го годов и др. (Там же. Стб. 630).

Глава 3. Информационный потенциал курантов

Как отметила в своем диссертационном исследовании 1988 г. Е. И. Кобзарева в отношении известий курантов об Англии второй половины 1660-х гг., «иностранные газеты стали для Посольского приказа основным источником информации о событиях в Англии. Газеты содержали более подробные и точные сведения, чем сведения, поступавшие в приказ по каналам дипломатических сношений»[512]. В последней монографии 2017 г. она сделала еще более широкий вывод: «Во второй половине XVII в. для русских властей куранты стали основным источником информации о международных событиях»[513].

Автор данного исследования неоднократно озвучивал наблюдение Е. И. Кобзаревой во время выступлений на различных научных мероприятиях. Всякий раз это утверждение вызывало скептическое отношение со стороны коллег. Цель текущего раздела – проанализировать информационный потенциал курантов на максимально широком спектре различных сюжетов.

На примере Швеции охарактеризованы сведения курантов, рассказывающие об одном из важных соседей России. Как образец новостей о крупном европейском государстве, которое не имело постоянных прямых контактов с Москвой, взята Франция. Данные о политических игроках, имевших на международной арене меньший вес, чем Франция, проанализированы на примере Италии. Для того, чтобы оценить характер сведений об Османской империи, взяты известия о боевых действиях периода Кандийской войны (1660–1670 гг.), нападении османской армии и ее союзников на владения Ре-

---

[512] *Кобзарева Е. И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 178.

[513] *Кобзарева Е. И.* Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672—1681 гг. М., 2017. С. 16.

чи Посполитой в 1672 г., а также новости «греческой» тематики в курантах 1687 г.

Сразу следует отметить, что данный анализ не может охватить все материалы курантов. Огромное количество содержащейся в них сведений позволяет рассмотреть лишь несколько сюжетов в качестве иллюстрации. Из-за ограниченного объема диссертационного исследования за пределами данной главы остались материалы, которые связанны с такими важными участниками международной жизни, как Речь Посполитая и Священная Римская империя, Бранденбург, Дания, Нидерланды, Англия, Испания и ряд других.

3.1. Куранты как источник информации о военно-политической ситуации в европейских странах

Север Европы – Швеция.

Швеция в рассматриваемый период была не только соседкой России, но также ее торговым партнером и потенциальным противником. Такое положение дел максимально благоприятствовало обмену информацией через дипломатов, купцов, шпионов, эмигрантов и т.д. Использовавшиеся для составления курантов газеты издавались значительно дальше от российских границ, чем находились ближайшие крупные города шведской короны и даже ее столица. Тем не менее, известия о Швеции занимали в курантах значительное место.

Уже сам факт включения соответствующих новостей в куранты говорит об их значимости. В случае со Швецией из-за большого объема новостей наибольший интерес представляет не содержательный, а количественный контент-анализ[514]. Выполнить его относительно просто благодаря тому, что тома издания «Вести–Куранты» снабжены не только именным и географиче-

[514] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2(12). 2012. С. 159–170; *Шамин С. М.* Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 318-322.

ским указателями, но и содержат словоуказатель, который позволяет быстро найти нужную информацию по ключевым словам. Первые четыре тома включают подборки вестовых документов из разных фондов РГАДА за 1600–1650 гг., а в пятом и шестом томах опубликованы сохранившиеся куранты до 1670 г. Это дает возможность получить цифровые данные о «шведских» сообщениях в вестовых материалах за разные периоды доставки прессы. Так, в первом томе (1600–1639 гг.)[515] слово «свейский» встречается в 76% единиц основного издания (без учета приложений). Во втором томе (1642–1644)[516] эта лексема представлена в 62% сводок, в третьем (1645–1646, 1648)[517] – в 52%, в четвертом (1648–1650)[518]– в 68%, в пятом (1651–1652, 1654–1656, 1658–1660 гг.)[519]– в 60%, в шестом (1660–1662 гг., 1664–1670 гг.)[520] – в 37 %, в седьмом (1671–1672 гг.)[521] – в 32 %. Объем «шведских» известий в переводах иностранной прессы определяется многими факторами, однако решающим бы один – участие Швеции в войнах. Относительно мирная жизнь Швеции в 1660-х – начала 1670-х гг., прерывавшаяся лишь локальной войной с Бременом в 1665–1666 г., способствовала сокращению внимания к Шведскому королевству в европейской прессе и, соответственно, в курантах.

Остановимся кратко на упоминавшихся в вестовых документах персоналиях (метод качественного контент-анализа). Шведские имена нередко встречаются в переводах европейской прессы, однако случаи, когда человек упоминается регулярно, единичны. Мы остановились на персоналиях, чьи имена встречаются в одном из томов Вестей–Курантов чаще, чем в 10 сводках. Такой подход условен, поскольку в разных томах Вестей–Курантов

[515] В-К I.

[516] В-К II.

[517] В-К III.

[518] В-К IV.

[519] В-К V.

[520] В-К VI (Ч. 1).

[521] В-К VII.

опубликовано разное кол-во материалов, однако наметить общую тенденцию он позволяет. Следует отметить, что в европейской прессе монархов крайне редко называли по именам. Обычно писали просто «свейский (французский, аглинский и т.д.) король». Личные имена, как правило, были атрибутом подданных. Исключения составляют опубликованные послания монархов, памфлеты, а также экстраординарные ситуации – вступление на престол нового монарха, отречение от власти и т.д.

Оказалось, что в отношении конкретных людей действует то же правило, что и в отношении государств – упоминания в прессе чаще всего связаны с войной. Поэтому представляется естественным, что наиболее упоминаемые в документах первой половины XVII в. лица – герои Тридцатилетней войны. В Вестях–Курантах за 1600–1639 гг. из шведских персоналий чаще всего встречается имя полководца Юхана Банера (10 сводок). Для 1642–1644 гг. можно выделить фельдмаршала Леннарта Торстенсона (36 сводок), генерал-майора Ганса Кристофа фон Кенигсмарка (28 сводок), фельдмаршала Густава Горна (19 сводок). Упоминания 1645–1648 гг. распределились следующим образом: Ганс Кристоф фон Кёнигсмарк (15 сводок), фельдмаршал Карл Густав Врангель (14 сводок), Леннарт Торстенсон (11 сводок) и дипломат Йохан Оксеншерна (10 сводок). В материалах 1648–1660 гг. шведских деятелей, которые упоминались бы в переводах иностранной прессы регулярно, выделить не удалось. Лишь в 1660–1670 можно отметить командовавшего шведскими войсками в немецких землях Карла Густава Врангеля (11 сводок) и бывшую шведскую королеву Кристину (28 сводок). Ее отказ от трона, переход в католицизм и отъезд из Швеции не только произвели фурор в Европе, но и привлекли внимание российских властей. Имя Кристины оказалось самым популярным и в 1671–1672 гг. (3 сводки). Посвященные Кристине статьи время от времени появлялись в курантах вплоть до ее смерти в 1689 г. В качестве примера можно привести новость 1683 г. из Рима: «Бывшая королева свеиская Христина указала ныне построить некоторые кляшто-

ры тем намерением, что в одном ис тех кляшторов принять иноческий чин и пребывати тамо в смиренном образе»[522].

Объем шведских известий в русских переводах иностранной прессы резко возрос после того, как в 1674 г. Швеция во франко-голландской войне выступила на стороне Франции и подверглась нападению стран антифранцузской коалиции (Дания, Нидерланды, Бранденбург). С этого времени шведские новости вновь стали включаться в подавляющее большинство сводок[523]. Приведенные данные дают возможность определить роль переводов иностранной прессы в «шведском информационном потоке». Они позволяли российскому правительству быстро узнавать об успехах и неудачах шведской армии в годы войны, а также следить за дипломатическими отношениями Швеции с разными европейскими странами. Этот интерес был одинаково сильным как до появления курантов, так и после начала составления систематических обзоров прессы. Таким образом, даже когда речь заходит о ближайшем соседе России, при всей обширности информационного потока, для курантов находилась своя, уникальная по наполнению, ниша.

Запад Европы – Франция

Перейдем к более удаленным странам, в сношениях с которыми у России наблюдались значительные перерывы. В число таких удаленных стран, редко посещавшихся российскими послами, входила Франция[524]. В 1668 г.

---

[522] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Д. 5. Л. 343.

[523] См. *Шамин С. М.* Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676–1682 гг.) // Европейское измерение политической истории. М., 2002. С.40–64; *Шамин С. М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670-1680-х гг Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2003.

[524] Подробнее см.: *Шамин С.М.* Франция и Людовик XIV в курантах (1671–1672 гг.) // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7(15): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных пользователей. – URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/franzia-i-ludovik.html

П.И. Потемкин побывал в Париже для переговоров о посредничестве Франции в заключении Вечного мира между Россией и Речью Посполитой. Позднее Алексей Михайлович отправил французскому королю по почте послание (20 мая 1670 г.) с просьбой прислать французских представителей на посольский съезд в Польше. В 1672 г., после нападения турок на Польшу и взятии Каменца Подольского, из Москвы было отправлено посольство А.А. Виниуса к английскому, французскому и испанскому королям с целью склонить их к участию в антитурецкой коалиции. Людовик XIV принял Виниуса 12 мая 1673 г. в лагере под Куртре во Фландрии. Обратно в Москву русский дипломат добрался только 26 января 1674 г.[525] Этим исчерпывались дипломатические отношения с Францией за пятилетний период.

Ниже будет проанализировано содержание «французских» известий курантов за двухлетний период (1671–1672 годы), когда прямых контактов между Россией и Францией вообще не было. Данный период особенно благоприятен для анализа потому, что в это время развертывались события, которые связаны с подготовкой и началом Голландской войны 1672–1674 гг. Меньший, чем в случае со Швецией объем материалов позволяет полностью рассмотреть все имеющиеся данные. Сразу следует оговориться, что исчерпывающей картины политической жизни Франции, в том виде, в котором с ней могли познакомиться царь и бояре, современные исследователи не имеют из-за неполной сохранности источников. Примерно половина курантов за это время утеряна.

Всего до нашего времени дошло 56 комплектов курантов[526]. Из них всего в 7 нет хотя бы самых кратких известий о Франции, французских ди-

---

(дата обращения: 12.07.2020)

[525] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.) Ч. 4. М., 1902. С. 81, 82.

[526] Рассмотренные ниже материалы хранятся в РГАДА и БАН: РГАДА. Ф. 155 (Куранты). Оп. 1. 1665 г. Ед. хр. 12; 1671 г. Ед. хр. 7; 1672 г. Ед. хр. 6, 7, 8; 1673 г. Ед. хр. 9, 10; ОР БАН. 32.14.11.

пломатах, французских войсках или о том, что кто-то из соседей Франции ожидает нападения с ее стороны и готовится к отражению французской агрессии. Новости попадали к царю и боярам через куранты по меркам того времени очень быстро. К примеру, про объявление войны между Францией и Нидерландами в Москве узнали из курантов через полтора месяца после обнародования соответствующего указа Людовика XIV в Париже, а срок доставки известия о морском сражении между нидерландским и англо-французским флотами при Солебее составил 43 дня.

Перейдем к основным темам, затронутым в курантах. Широко представлены в них новости о работе дипломатов. Они присутствуют в большинстве сводок. Часто переводились даже те статьи, в которых лишь упоминался факт отправки посольства. В череде дипломатических известий отмечен один значительный промежуток – между курантами от 9 мая и 14 июля 1672 г. В это время началось вторжение Франции и ее союзников в Нидерланды. Дипломатия «замерла» в ожидании развития событий.

Подавляющее большинство статей курантов «дипломатической» тематики касается отношений Франции с Нидерландами, намеченными Людовиком XIV в качестве объекта для захватов, а также европейскими государствами, которые могли помешать реализации этих планов – Священной Римской империей, Испанией, Англией и Швецией. Швеция и Англия были связаны с Нидерландами антифранцузским Тройственным союзом. Существование этого союза гарантировало голландцев от французского вторжения. В реальности английский король Карл II еще в 1670 г. отказался от Тройственного союза и обещал поддержать Людовика XIV в войне с Нидерландами[527]. Однако эта договоренность хранилась в глубокой тайне (в том числе и от английского парламента), поэтому в 1671 г. сведения о верности Карла II Тройственному союзу печатались в европейской прессе и включались в куранты

Ед. хр. 1. (подлинники). Они опубликованы: В-К 7.

[527] *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М. 1991. С. 153.

раз за разом. В сводке от 8 апреля говорилось, что голландский посол в Англии добивается от короля согласия на участие в Тройственном союзе цесаря, 8 мая в Москве узнали, что английский король подтвердил Тройственный союз и указал собрать 160000 золотых червонцев на содержание флота, который скоро выйдет в море, 24 мая эта новость была скорректирована – англичане пока не подтвердили Тройственный союз, но так же, как и голландцы боятся французов и укрепляют прибрежные районы. 9 июня в курантах уже писали, что голландцы тайно послали большую сумму денег английскому королю и Карл II приказал держать флот готовым для соединения с голландским. В прочем, в той же сводке сообщалось, что французский король сделал английскому королю некие предложения, на которые ожидают ответ. 7 ноября появились первые слухи о возможно союзе между Францией и Англией. Перелом в содержании материалов курантов приходится на сводку от 14 февраля следующего, 1672 г. В нее включено несколько противоречащих друг другу сообщений. В одних подтверждалась приверженность Англии Тройственному союзу, а в других, наоборот, говорилось, что английский король склонен к союзу с Людовиком XIV. В сводке от 1 марта уже рассказывается о получении английским резидентом во Франции денег на английский флот. Факт заключения англо-французского союза против Нидерландов стал очевиден.

Не меньшее внимание уделено в курантах отношениям к Тройственному союзу другого его участника – Швеции. Из сводки от 30 марта 1671 г. российские власти узнали, что в Стокгольме цесарский и испанский послы пытаются убедить шведского короля в необходимости сохранить Тройственный союз и угрожали, что в случае отказа «болши ему доволства будетъ от них, нежели в Московском государстве от бунтов Разина»[528] – т.е., что Швеция будет разорена, как занятые восставшими земли России. В более позднее время появилась серия статей курантов, посвященная деятельности француз-

[528] РГАДА. Ф. 155 (Куранты). Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 25.

ского дипломата де Помпонна, которого Людовик XIV в преддверии войны отправил в Швецию, чтобы убедить шведское правительство покинуть Тройственный союз. Составители курантов проявляли к деятельности французского дипломата в Стокгольме особое внимание. Это выразилось в том, что одна сводка могла содержать несколько материалов о де Помпонне. 2 июня 1671 г. куранты сообщили о его приезде из Гааги в Дюнкерк, куда направлялся и Людовик XIV. Куранты 15 сентября уже отметили прибытие де Помпонна в Стокгольм и обозначили цель посольства – склонить Швецию к союзу с Францией. Далее сообщали о присылке из Франции дополнительных инструкций де Помпонну и отправке во Францию шведского посла Кениксмарка (21 сентября), писали о назначении для переговоров специальной комиссии (6 октября), торжественном приеме с различными почестями у шведского короля, а также твердом намерении Швеции сохранить Тройственный союз, не смотря на уговоры де Помнонна (13 октября). В сводке от 29 октября появилась информация о том, что французский посол остается в Стокгольме для переговоров о торговле. В реальности речь шла не только о торговле. Об этом сообщали куранты от 29 января 1672 г., где появилась информация о попытках купить союз Швеции за крупную сумму денег. О нежелании шведов идти на такую сделку писали 14 февраля. Далее в курантах сообщений об активности французской дипломатии в Швеции не появлялось до 9 мая. В это время де Помпон, подготовив почву для франко-шведского союза, уже вернулся в Париж. Его преемник просил Швецию объявить нейтралитет на 2 года. Начиная с курантов 22 августа, характер сообщений поменялся. Из них стало известно, что шведский король заключил союз с Францией. Подтверждали это и куранты 13 сентября.

Кроме стран, входивших в Тройственный союз, осложнить Франции войну в Нидерландах могли Священная Римская империя германской нации и Испания. В курантах мы находим сообщения о дипломатических отношениях Франции с этими странами. «Испанские» сообщения появились только

в 1672 г. Переводились новости о том, что французский король отправил гонца в Испанию с требованием уступок и угрозой войны (14 февраля), испанская королева, не смотря на угрозы французского посла, подписала договор с Нидерландами (13 марта), Испания объявила войну Франции (14 июля, продублировано в сводках 17 июля и 22 августа), в Мадриде французский и английский послы требуют отозвать посланные на помощь голландцам войска (17 июля), испанский посол просит Людовика XIV заключить мир с голландцами (31 июля). Наиболее позднее из сообщений рассматриваемого периода относится к 20 сентября, когда в Париже на съезде послов для заключения мира Испания предложила уступить часть своих городов французам, в обмен на соответствующее число голландских городов.

Отношения Франции со Священной Римской империей германской нации освещены в курантах подробнее. Комплекс дипломатических противоречий Франции и Империи включал не только вопрос о Нидерландах, но и проблему имперских территорий, на которые претендовала Франция. В частности, цесарские дипломаты пытались защитить права бежавшего из Франции и жившего при венском дворе герцога Лотарингского Карла V. В Москве последовательно узнавали, что прибывший в Париж из Священной Римской империи французский посол извещал о нежелании цесаря вмешиваться в отношения французского короля с герцогом Лотарингским (10 марта), просьбе цесарского посла к Людовику XIV возвратить герцогство Лотарингское (16 марта), возвращении цесарского посла в Вену (10 апреля). Целый комплекс сообщений появился в курантах 25 марта. Писали, что хотя герцог Лотарингский объявил о желании подчиниться французскому королю, однако ему герцогство возвращено не будет, поскольку он отказался явиться лично. В тоже время епископу Мюнстерскому из Франции отправили крупные суммы денег для того, чтобы он не перешел на сторону герцога Лотарингского. Цесарский посол повторно просил французского короля за герцога Лотарингского, но ему обещали дать ответ позже в письменной форме. 6 июля в

Москве узнали о скандале, произошедшем в Вене на праздновании именин цесаря. В этот день для цесаря была сыграна комедия. Французский посол счел ее содержание оскорбительным для Франции и покинул представление. Итог материалам по этой теме подводила сводка от 21 сентября, в которой сообщалось о разделе Лотарингии Людовиком XIV.

В последующих сводках говорилось уже о конфликте между французским королем и цесарем по поводу Нидерландов. Французский посол в Вене требовал сообщить о намерениях цесаря на случай, если французский король нападет на кого-то из членов Тройственного союза. Он долгое время не получал ответа и начал угрожать походом французских войск во владения цесаря (27 ноября). Несмотря на угрозы, ответа получено так и не было (29 января), а позднее цесарь предложил посредничество в переговорах между Нидерландами и Францией (13 марта).

Большое внимание составители курантов уделяли франко-нидерландским дипломатическим контактам. Сообщения 1671 г. посвящены передвижению послов, а также конфликту между Францией и Нидерландами, связанному с торговыми ограничениями. В курантах отмечалась, что переговоры идут неудачно (24 мая, 6 июля, 7 сентября, 15 сентября, 6 октября). По сообщениям курантов следующего, 1672 г. можно было наблюдать за неизбежным приближением войны. Некоторое время Людовик XIV не принимал голландского посла (29 января), а приняв, заявил, что не намерен отчитываться перед ним о причинах сбора войск (14 февраля). Потом появилось сообщение, что в Париже готовятся объявить о причинах войны с Испанией и Нидерландами (15 апреля), это подтвердилось в следующей сводке (9 мая), содержавшей также объяснение причины войны – высокомерие Нидерландов, забывших о благодеяниях Франции. Позднее приходили сообщения о безуспешных попытках голландцев убедить Людовик XIV остановить войну (14 июля, 17 июля, 31 июля). Включили в куранты и сообщение о том, что бывший нидерландский посол при французском дворе де Гроот хотел бежать

к французам, и был арестован (22 августа). В прочем, в более позднем сообщении мы видим де Гроота уже у французов (9 сентября).

В курантах есть еще несколько сообщений о дипломатических контактах Франции с разными странами. Все они, так или иначе, связаны с войной против Нидерландов. В 1671 г к датскому двору был отправлен посол Людовика XIV, который обещал датскому королю 6000000 в случае, если тот нападет на Швецию (10 марта, 30 марта). Подобные меры должны были подтолкнуть Швецию к отказу от Тройственного союза. Позднее, в 1672 г., датский король предлагал выступить посредником между французами и голландцами (29 января). В сообщении из курантов от 2 июня 1671 встречам требование французского посланника Ферюса, чтобы собранные в Люннебурге войска поступили на французскую службу. В курантах от 20 сентября 1672 говорилось, что французский посол пытается предотвратить вмешательство в войну курфюрста Бранденбургского, обещая ему 200000 золотых червонных. Любопытным примером столкновения французских и нидерландских дипломатов при польском дворе стало сообщение из курантов за 7 ноября 1671 г. «Господа статы галанские послали к полскому королю в дарех латы, да пару пистолеи, тако ж и французскои корол прислал к нему с нарочным гонцом изрядные латы»[529].

В куранты включали также статьи о дипломатических контактах Людовика XIV с Папой. В отличие от рассмотренных выше материалов, они не имели связи с войной против Нидерландов. Впрочем, таких материалов немного. Их появление можно объяснить общим интересом российских властей к деятельности Пап, который был устойчив на всем протяжении XVII в.[530] В

[529] Там же. 1672 г. Ед. хр. 6. Л. 87 об.

[530] *Шамин С. М.* Новости о церковной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й пол. XVII в. // Вестник церковной истории. 2009. № 3-4(15-16). С. 227–265; *Корнилаева И. А., Кузнецова А. В., Шамин С. М.* Неизвестный перевод грамоты Папы Климента X в РГАДА // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 5. С. 127–149; *Алпатов С. В., Ченцова В.*

двух сводках сообщалось о том, что бывшего в Польше апостольского нунция Нерли Папа назначил чрезвычайным послом к цесарю, князьям Священной Римской империи и французскому королю, он должен организовать общехристианский союз против турок (16 марта, 19 апреля 1671 г.). Несколько статей попало в сводку от (25 марта), в которой сообщалось о визите к Папе французского посла, просившего денег и трех кардинальских шляп. Позднее вновь говорилось, что в Риме ожидают французского посла (19 июня). 29 января появилось единственное сообщение 1672 г., в котором Людовик XIV сообщал Папе о скором начале войны.

Еще одна, широко освещаемая курантами тема – вербовка войск французской короной. XVII век был временем господства наемных армий. Набор новых войск и интенсивные вооружения являлись верным признаком приближающейся войны, а в годы военных действий однозначно свидетельствовали, что война будет продолжаться. Поэтому неудивительно, что в Москве следили за военными приготовлениями Людовика XIV. Куранты представляют собой любопытную хронику вооружения Франции. Сообщения появлялись в следующем порядке: указано набрать 40 новых пехотных рот (10 марта 1671 г.), французский король приказал держать готовыми 50000 человек войска (6 июля), во Франции набирают еще 40000 человек для посылки в Нидерланды, король собирается делать смотр войскам и идти в Лотарингию для сбора дополнительных войск (15 сентября), во Франции дополнительно набирают в армию 25000 человек (21 сентября), во Франции собрали 40000 иностранных наемников, всего набрано 27000 пехоты и 140000 конницы, которые будут зимовать в Лотарингии (7 ноября), весной король собирается выставить в поле 180000 человек (29 ноября), французские вельможи обещали королю собрать 2000 конницы и 5000 пехоты (1 марта 1672). Итог французских военных приготовлений отражен в курантах от 15 апреля 1672 г., в

Г. Русский перевод папского бреве 1672 г. об объявлении юбилейного года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1. С. 68–80.

которых сообщалось, что на службе у французского короля 100000 пехоты и 30000 конницы, не считая гарнизонов. Информация дублировалась в другом материале этой же сводки – в войске 48 полков французской пехоты, в которых 59447 человек, а в иноземных полках 38800 человек, а всего войск 200000 человек.

После того, как французская армия выступила в Нидерланды, военные наборы продолжались: в Париж пришел указ собрать 22000 пехоты и 80 рот конницы (8 июня), по королевскому указу набирают новые войска, на что расходуется много средств (12 июня). Возвращение Людовика XIV в Париж по окончании военной кампании 1672 г. только подстегнуло военные наборы. Куранты 22 августа сообщали, что король приказал собирать дополнительно для отправки в Нидерланды 30000 войска. Когда же парижане во время торжественной встречи преподнесли ему 60000 ефимков, то он не принял этих денег, а велел собирать их на армию, всего же французский парламент обещал выделить дополнительные средства на наем 50000 человек.

Франция наводила ужас на другие государства даже в то время, когда не вела войны. Соседи следили за передвижением французских войск и гадали, когда и на кого в итоге начнется наступление французов. Этой теме посвящена большая часть сообщения курантов даже в мирном 1671 г. Ниже приводятся сообщения в том порядке, в котором с ними знакомились в Москве. Французские войска пошли из Лотарингии во Фландрию, войска Людовика XIV и епископа Мюнстерского пойдут под Кельн, французские войска стоят недалеко от Кельна, с ними соединились 13000 пехоты и 8000 конницы и 5000 драгунов епископа Мюнстерского, сюда же подошли лотарингские войска – 70 человек конницы и 3000 пехоты (10 марта). Людовик XIV с 30000 войском пошел к Филипсбургу, а возвратившись оттуда направится в Дюнкерк, где ему готовят торжественную встречу с трубами и барабанами (16 марта). Людовик XIV к 10 апреля пойдет во Фландрию. Стоящим в Лотарингии войскам он приказал идти во Фландрию к Филипсбургу (30

марта). В Мадриде думают о том, как противостоять французскому королю, который собирает войска для похода в Нидерланды (10 апреля). Французский король в середине апреля пойдет в свои нидерландские города, где его ожидают 22000 пехоты и 12000 конницы. Короля ожидают во Фландрии и Нидерландах, из-за этого в Голландии приказано собирать войска. Король намерен захватывать города хитростью, и голландцы послали военные корабли на Рейн (19 апреля). Людовик XIV собирается в начале мая идти в испанские Нидерланды. Говорят также, что французский король имеет претензии к курфюрсту Майнца и, возможно, война будет на территории Священной Римской империи (1 мая). Французский король собирается идти войной на голландцев (8 мая). Французские войска идут во Фландрию и Брабант (13 мая). Король пойдет в Дюнкерк. За королем последует весь двор, в том числе и канцлер, которому было разрешено не ехать из-за преклонного возраста. Король приказал строить мосты через Рейн под Кобленцем, а, по другим сведениям, под Кесервертом. В Дюнкерке собрано 28000 человек войска, здесь ожидают Людовика XIV. Известия о намерении французского короля осадить Маастрихт оказались ложными (25 марта). В Испании, опасаясь французских военных приготовлений, собирают армию. В Лондоне опасаются французских военных приготовлений, 400 человек конницы и 12000 пехоты отправлены для охраны английских берегов на случай высадки французов. Людовик XIV собирается прибыть в Дюнкерк 3 мая. Французские войска, направлявшиеся из Лотарингии в Дюнкерк, разоряли испанские владения. Король и королева пойдут в Дюнкерк. Здесь собрано 40000 человек 3 больших пушки и флот потому, что Франция собирается напасть на англичан и голландцев (24 мая). Тайный доброжелатель сообщил голландцам, что французское войско собрано против них, для отражения ожидающегося нападения в Нидерландах соберут 15000 войска. Король пришел в Дюнкерк. В Нидерландах считают, что он собирается делать военный смотр и войны текущим летом не будет. В Париже ожидают короля из Дюнкерка (2 июня). Для фран-

цузского войска под Дюнкерком приготовлено 6000 быков, 10000 свиней, 15000 овец. Король возвращается из Дюнкерка, оставив там войска (9 июня). Король осматривает Дюнкерк, а оттуда собирается в Нидерланды (19 июня). Французского короля ждут в Ате. Для его приема приготовлено 12000 пшеницы и еще больше овса. Из Лотарингии пригнали 500 волов, а также приготовили 10000 бочек вина. Отремонтированы городские укрепления (29 июня). Короля не будет в Париже еще 2 месяца (6 июля). Французы собирают войска под Седаном (15 сентября). В Испании указано собрать 10000 человек для того, чтобы отвоевать захваченные французами земли. Очевидно, что между Испанией и Францией начнется война (21 сентября). Куда пойдет король со своей армией неизвестно (6 октября). Людовик XIV с двором направился в город Герман. Судя по французским военным приготовлениям, весной будет большая война на суше и море (7 ноября). В Нидерландах весной ожидают нападения французских войск и решили довести численность войск до 100000 человек (27 ноября). Французская армия приближается к рубежам Нидерландов. Ожидается, что поход будет на них или на цесаря, о чем будет известно в середине января. На 20 января в Нидерландах назначен день всеобщей молитвы о мире и об избавлении от вражеского нашествия. Людовик XIV намерен 10 января выступить из Парижа с войсками (29 января 1672 г.). В Вене считают, что французы скорее пойдут в Германию, чем в Нидерланды. 22 января в Антверпен пришли известия о том, что французские войска движутся во владения Кельна и Мюнстера. Армия в 40000 человек во главе с де Конде пойдет в Германию, другая армия в 40000 человек во главе с Тюреном пойдет в Пикардию, однако сначала они сойдутся под Шалоном для смотра. Французские войска, стоящие от Меца направились по реке Мозель к Бону и там сели на корабли (14 февраля). Французские войска оплачивают свои расходы до вступления на землю Кельна, а там перестают платить (1 марта). Войска получили приказ готовиться к выступлению (дан список военачальников). Армия разделена на три части. Под командованием самого

короля будет 39000 пехоты и 14000 конницы, под командованием де Конде 33000 человек и под командованием де Креки 24000 человека (12 марта). В Нидерландах ожидают войны с Францией. Французский король собирается выступить в поход 10 апреля и быть на границе Нидерландов 20 апреля. Князья Римской империи опасаются нападения Франции и просят у цесаря к 50000 войска добавить еще 12000 войска (15 апреля). Поход в Нидерланды начнется в начале мая (9 мая). Французский король хочет начать войну с нападения на испанские Нидерланды (16 мая). Французы приближаются к Маастрихту. Французы переправились через Рейн (5 июня).

Позднее внимание курантов сместилось на сражения. 1672 г. был победным для французской армии и ее союзников. Меньше, чем за два месяца в Нидерландах они захватили более трех десятков крепостей. Победное шествие французов широко обсуждалось в прессе. Любопытно, что в курантах катастрофическое положение Нидерландов отражения не получило, хотя превосходство французов над их противниками все-таки заметно. Скорее всего, что дело здесь в своеобразном двойном фильтре информации. Во-первых, для составления курантов использовали немецкие и голландские газеты[531], составители которых негативно относились к завоеваниям Людовика XIV и не стремились воспевать его успехи. Несколько лет спустя, в 1674 г. де Помпонну из Германии писали, что «не найдется ни одного человека, который даже за 10000 экю захотел бы напечатать в пользу Франции десять строк на каком бы то ни было языке»[532]. Во-вторых, среди троих отбиравших материалы для курантов переводчиков Посольского приказа видим голландца А. Виниуса и выходца из Священной Римской империи Л. Гросса (их имена указаны в пометах на курантах). Можно предположить, что они не вполне объективно подходили к выбору текстов для перевода. Рассмотрим, как данная тема была отражена в курантах. Французы осадили Маастрихт (5 июня).

[531] В-К VI (Ч. 2) С. 77–700.

[532] *Борисов Ю. В.* Дипломатия… С. 104.

Французы в 5 верстах от Маастрихта. Французские войска потребовали свободного пропуска через испанские Нидерланды, а получив отказ, прошли силой (8 июня). Маастрихт осажден. Некий голландский полковник у французского города Нейса нанес поражение французам и уничтожил построенный ими мост. Голландский маршал Вирц соединился с испанцами и пошел на французов (12 июня). Французы отступили от Маастрихта (19 июня). Французы у Шенкеншанца напали на голландский обоз, но потеряли много людей. Стоящие в городе Масейке французы напали на испанский отряд, который шел на помощь голландцам в Маастрихт. Узнав об этом, голландцы нанесли удар по Масейку и побили здесь всех французов. Французы ходили на приступ Шенкеншанца 11 раз и потеряли 11000 человек. Среди погибших – де Конде (сообщение ошибочное – *С.Ш.*). Французы из-за тяжелого трупного запаха вынуждены отойти к Утрехту, который смогли взять (10 июля). В Маастрихт пришло 400 человек из взятого французами Рейнберга. Под его стенами французы потеряли 8000 человек. Французы готовятся к осаде Маастрихта. На помощь к епископу Мюнстера, осаждающему голландский город Грол идет де Конде (14 июля). Шенкеншанц осажден, французский король хочет идти к Утрехту, а де Конде к Зулфену. Французы в 11 приступах потеряли много войск. Когда они переправлялись через Рейн, голландский отряд нанес по ним сильный удар. Французский король с трудом ушел за Рейн. Был осажден Девентер, но французы отошли от города потеряв 2500 человек убитыми (17 июля). Нимвеген обороняется от французов. Людовик XIV был в Утрехте и собирается сосредоточить войска под Нимвегеном. Город Горкум не сдался французам, хотя те убеждали командование гарнизона капитулировать. Жители городов Горкума и Бомамала побили французов. Французский король был в Утрехте и, взяв с собой 60000 человек, пошел к Нимвегену. Опубликован список взятых в плен под Арденбургом французов (31 июля). В Утрехте между местными жителями и стоящими здесь французами вспыхнул конфликт из-за того, что французы хотели отнять у них цер-

ковь святого Иакова. Горожане собрались под барабанный бой с оружием, но французский комендант сумел успокоить их, возвратив церковь. Находящийся в Утрехте голландский генерал Момбас, перешедший на сторону французов, решил, что беспорядок вспыхнул из-за него и бежал во французский обоз. Комендант Везеля казнен Вильгельмом Оранским за то, что сдал город французам. Англичане и французы хотят наступать на Остенд. В Нимвегене французский гарнизон в 76 рот, в Шенкеншанце 30 рот, а в Везеле 12000 человек. У жителей города Везеля французы отняли все оружие и поставили на укреплениях дополнительно 12 орудий. Голландцы собираются напасть на французский обоз (9 сентября). Из Утрехта вышло 17 рот французов, а голландские войска подкараулили их и разбили. Французские войска стоят под Маастрихтом, ожидается осада (13 сентября).

Французский флот также интересовал составителей курантов Царь Алексей Михайлович и сам предпринимал попытку создать флот в России, но первый его корабль был уничтожен восставшими разинцами у Астрахани в 1670 г. Так что важность флота в России понимали. В трех сводках курантов 1671 г. (10 марта, 30 марта, 1 мая) рассказывалось о подготовке французских кораблей к выходу в море, а также называлась их численность (72 в одной статье и 60 – в другой). Куранты 19 мая сообщили о строительстве нового военного порта в Дюнкерке. 25 марта появилось ложное известие о сражении между французскими и английскими военными кораблями. В двух более поздних сводках находим сообщение о том, что французский флот насчитывает 143 корабля, на которых 5554 пушки и 35190 человек, кроме тех, что находятся в Ост-Индии и Вест-Индии (7 сентября), а также что у Франции 91 корабль на которых 29400 человек и 5186 пушек, а вскоре будет спущено на воду еще 30 кораблей по 20 и 30 пушек (15 сентября). 13 октября в Москве получили новость о неудачной попытке французов перехватить испанский флот с серебром из Америки. Куранты от 7 ноября принесли весть о гибели многих французских кораблей из-за бурь. Куранты следующего, 1672 г. со-

общали уже о совместных действиях военно-морских сил Франции и Англии. В сводке 1 марта говорилось об отправке английских и французских кораблей в Индию для уничтожения голландской торговли. Одним из наиболее ожидаемых событий 1672 г. было сражение англо-французской эскадры с флотом Нидерландов под командованием адмирала Рюйтера. Сначала писали о намерениях противников сразиться, потом о соединении англичан и французов, о встрече враждебных флотов и, наконец, о самом сражении, в котором Рюйтер одержал победу. Эти новости постепенно появлялись в 6 сводках (16 мая, 8 июня, 12 июня, 19 июня, 20 июня, 10 июля). Кроме того, две сводки (19 июня и 20 сентября) сообщали об успехах голландских каперов в охоте на французские торговые суда.

Активность Франции не ограничивалась пределами западных стран. Тема отношений Франции с Османской империей была особенно важна для России, поскольку продвижение турок в восточной части Европы создавало угрозу российским границам. В октябре 1672 г. Московское государство, выполняя союзнические обязательства перед Речью Посполитой, вступила в войну с Османской империей, а также направило посольства в крупнейшие страны Европы, в том числе и во Францию, с предложением совместно выступить против осман[533]. Куранты 1671 г. регулярно сообщали о скором нашествии турок и татар на украинские и польские земли. В этой ситуации новости курантов о возможной войне Франции против Османской империи внушали надежду их противникам. В сводке от 19 апреля 1672 г. рассказывалось о том, что Папа назначил пребывавшего при дворе польского короля нунция Нерли чрезвычайным послом к цесарю, князьям Священной Римской империи и французскому королю. Он должен организовать общехристианский союз против турок. Целая серия сводок за лето и начало осени 1671 г. (29 июня, 6 июля, 7 сентября, 15 сентября, 21 сентября) рассказывала о рейде

[533] *Богданов А. П.* «Чигирин был оставлен, но не покорен»: наши солдаты и политики в Турецкой войне XVII в. // Историческое обозрение. М., 2003. Вып. 4. С. 20.

французского флота к южным берегам Средиземного моря для уничтожения пиратов-мусульман, имевших базы в разных портах Магриба. Сообщалось о численности отправляемого флота – 9 галер, 12 военных кораблей и несколько брандеров, уничтожении турецких пиратских кораблей, захвате островов и отправке пленных турок в Марсель. Наиболее оптимистично звучала новость, что чрезвычайный посол французского короля архиепископ Лионский обещал Папе вхождение Франции в общехристианский союз против Османской империи. Обрадованный этим обещанием Папа разрешил нанимать войска в своих землях. Последнее сообщение на эту тему появилось в курантах за 14 февраля 1672 г. Писали, что в Османской империи военные приготовления французского короля вызывают опасение, турки укрепляют приморские крепости и посадили под арест французского посла.

Лишь несколько «французских» сообщений курантов не имеют очевидной связи с дипломатией или войной. Все они были переведены в мирном 1671 г. Небольшой объем информации данной тематики позволяет процитировать эти материалы полностью. Сообщение из курантов от 1 мая передает слух о смерти Людовика XIV: «Из Цесарские земли из города Вены марта 21-го числа. Двои у них были причинные вести, первое, будто короля французского не стало, второе о смерти салтана турского. Потом обявилися те вести неправые, однако ж подтвержают, что Французскои король зело болен, а в Турскои де земле сказывают великая на денги скудость»[534]. Сводка 25 марта повествует о пире, который де Конде устроил для короля и двора: «Из Парижа ж того ж числа. Князь Кондеуш хочеть короля и весь двор в своей вотчине Шантилей 2 дня потчивать, и послал 400 штук сукон ко обитию домов где стоять дворяном королевским. Также велел купить многие фанари для ночных потех и на 600 золотых червонных цветков всяких для украшения блюд с яствами»[535]. Новость из сводки 24 мая имеет экономический характер:

[534] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 59 об.–60.

[535] Там же. Л. 90–91 об.

«Из Гданска апреля в 18 день. В 5-и день приплыли зде из Риги 2 карабля с которыми ведомость, что тамо многие французские карабли были для нагружения товаров»[536]. Здесь следует отметить, что Рига была одним из главных пунктов отгрузки товаров, вывозимых из России в Европу. Сообщение из курантов от 15 сентября в современном издании могло бы оказаться в разделе светской хроники: «Сын арцуха Наваилага хочет в супружество совокупится з дочерю арцуха Бурневилага, а приданого за нею будет из вотчин матери ее 18 сот тысеч червонных золотых»[537]. В целом эти публикации составляют лишь незначительную часть от общего числа известий о Франции.

Анализ приведенной выше информации позволяет отметить заинтересованность русского правительства в известиях из Франции. Плохая сохранность европейских газет рассматриваемого периода и значительные утраты в самих курантах не позволяют сделать четкие однозначные выводы о соотношении публикаций европейских газет и материалов курантов по разным темам. Однако бросается в глаза, что если говорить о темах, которые получили исчерпывающее освещение, то удастся выявить лишь две области интересов – читатели курантов узнавали о подготовке Франции к войне с Нидерландами и ее ходе. Можно предположить, что в Москве интересовались двумя вопросами – какова роль Франции в развитии политической ситуации в Европе в целом, и как ее действия влияют на Нидерланды – одного из важных торговых партнеров России. Если же оценивать вес курантов в новостном потоке о французских событиях, то можно с уверенностью утверждать, что для московских властей куранты были самым значимым источником информации.

Юг Европы – территория Италии

Для того, чтобы проанализировать содержание курантов на микроуровне, выбран регион, имевший периферийное значение для российской

[536]. Там же. Л. 102об.

[537] Там же. 1672 г. Ед. хр. 6. Л. 23–23об.

внешней политики – территория современной Италии[538]. Она в рассматриваемый период находилась в состоянии раздробленности и не оказывала решающего влияния на политическую жизнь в Европе. Это позволяет рассмотреть «итальянские» новости курантов от сводки к сводке, так, как с ними знакомились в Москве члены Боярской Думы. В качестве примера выбраны относительно полно сохранившийся комплекс курантов за январь – сентябрь 1692 г.[539]

В рассматриваемых сообщениях освещена политика Папы Иннокентия XII, поддерживавшего борьбу участников Священной лиги в борьбе против османской империи, а также рассказывается о попытке венецианского флота под командованием Доменико Мочениго отвоевать Кандию у турок. Кроме того, значительное внимание уделялось герцогству Савойскому, которое на протяжении большей части XVII столетия находилось вне поля зрения составителей курантов. Особое внимание к региону объясняется тем, что в 1692 г. состоялся поход войск Аугсбургской лиги во главе с герцогом Савойским Виктором-Амадем II из Италии во французскую провинцию Дофине. Поскольку войны Людовика XIV обычно были завоевательными, то вторжение противника в коренные французские земли вызвало пристальное внимание Посольского приказа.

Сообщения об Италии выявлены в 27 сводках рассматриваемого периода. В 8 сводках (21 февраля, 18 апреля, 9 мая, 20 июня, 3 июля, 11 июля, 25 июля, 28 августа) «итальянских» известий обнаружить не удалось. Возможно, что эти пропуски объясняются плохой сохранностью материалов за конец весны – лето 1692 г. Ряд включенных в них материалов невозможно идентифицировать из-за больших утрат текста.

---

[538] *Шамин С. М.* Италия в курантах второй половины XVII столетия. // «Друг — зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X-XX вв. / отв. ред. И. В. Поткина; Российская академия наук, Институт российской истории. М., 2013. С. 196–216.

[539] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Ч. 1, 2–3.

В курантах от 3 января затронуты две темы Первая из них – военные действия в Италии против Людовика XIV и оборону савойского города Монмельяна: «Из Вены декабря в 6 день. […] Из Италии приятие вестей. Пишут нежели прежде сего потому, что Фларенцыя и Мантуя поволили немецких ратных людей принять из кормовых денег»[540]; «Из Турина, ноября в 24 день. Около города Монтмелиана девять дней великой снег шел, и того ради чают, что французы вскоре принуждены будут от него отступить»[541]. Вторая – действия Венеции против турок: «Из Венецый ноября в 30 день. Здесь изготовляют к будущему воинскому походу всякие припасы, понеже миру с турками не чают, потому что они желают, дабы мирным договорам с цесарем французского посла, которой при салтанском дворе обретается допустить, и что с ними и з французами мир учинить вместе»[542].

Куранты от 10 января сообщили о появлении у венецианцев проблем с подготовкой вооружений: «Из Венецыи декабря в 15 день. Море у нас так розлилось, что многие места в городе потопило и в запасных, и в оружейных домах великой убыток учинило»[543]. Следующая сводка (от 17 января) продолжила серию новостей об осаде Монмельяна и падении: «Из Парижа декабря в 28 день. Во вторник в 9-м часу приехал рыцер де Эренау от господина капитана из обозу, из-под Монтъмелиана, и подал королю здачю и договорные статьи тое крепости, которые сего месяца подписаны в 22 день. И вышли осадные люди сквозь пролом с ружем з горящими фитилями и пулки во рту держали и з запасом и тремя пушками и провожены они совсем до Пигнерола, а осадных людеи было здоровых с 20 человек, раненых 150 человек, болных 200 человек»[544]; «Из Парижа. Губернатор главныя крепости Са-

[540] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Ч. 1. Л. 2.

[541] Там же. Л. 10.

[542] Там же. Л. 9, 10.

[543] Там же. Л. 28.

[544] Там же. Л. 40.

фоиския Монтъмелияна от непрестанного огненнаго метиния из французских табор и от вредителных подкопов французских принужден учинился тое крепость здать французом чрез договор, иже постановился сего месяца в 21-м числе, а на другои день вышли осадные люди чрез пролом з барабанным звуком з горящими фетилями и со всем обыкновенным оружием и с тремя пушками, а было их всех числом 220 человек здоровых да 300 человек раненых и болезнующих»[545].

Следующие куранты (от 24 января) показывала, как савойская тема развивалась уже на дипломатическом поприще после сдачи Монмельяна. Причем зафиксированы переговоры савойских дипломатов как с Веной, так и с Парижем: «Из Вены генваря в 1 день. […] Посол сафоиской в Вену принят в 70 коретах с правожатыми»[546]; «Из Парижа декабря в 28 день. Арцух фон Орълеанс писал к арцуху Сафойскому, буде он от соединенных отстанет то Монтъмелиан он не разорит и всю ево землю по учиненному миру назад отдадут. При сем приступе побито наших 70 человек ранено 900 человек, болных 600 человек»[547]. Тема падения Монмельяна была продолжена и в курантах от 1 февраля: «Из Монтъмелияна декабря в 22 день. Под сею крепостью потеряли мы болши 2000 человек понеже осадные люди зело мужественно противилис»[548]. Вероятнее всего, составителей заинтересовали сведения о потерях осаждающих.

В сводке от 8 февраля вновь присутствовала и савойская, и венецианская тематика. В первом случае говорилось о том, что цесарь продолжит войну за Савойю: «Из Вены ж генваря в 13 день. […] Во 12 день генваря цесарь в полате рыцерскои обявил всем чином земли, что хощет 3 воиска в поле

[545] Там же. Л. 44.

[546] Там же. Л. 49.

[547] Там же. Л. 52.

[548] Там же. Л. 68.

держать – 1 в Венгерскои земле; 2 в Римском государстве; 3 в Сафои»[549]. Из второго читатель узнавал о планах Венеции на новый сезон боевых действий: «Из Парижа генваря в 11 день. Из Венеции ведомость получена, что их генералиссимус писал, буде Речь Посполитая крепкую помочь людми и денгами к нему пришлют, он обнадеживает Негропонт или остров Сцио или королевство Кипрское овладать»[550].

Параллельное развитие обоих итальянских тем видим и в курантах 14 февраля: «Из Венецыи генваря в 19 день. Капитан генерал зело трудится и чинит великие припасы к будущему воинскому походу, и нанимает множество греков, и собрал уже 12000 человек кроме осадных людеи. Да еще вскоре к нему 4000 человек пришлют и будет у него в собрании 16000, а в марте еще от иных потентат присылки чают[551]»; «Из Парижа в 22 день генваря. При здешнем дворе имеют множество мирных мыслеи. И писал король своею рукою к церским шваицаром, предлагая, что он город Монтмелиян взял для того, чтобы тем с арцухом Сафоиским мир приобресть и Швеицарскую землю в покои привесть»[552].

Подобранные в следующей сводке (от 28 февраля) известия однозначно свидетельствовали о том, что в новом сезоне боевых действий борьба за Савойю продолжится с привлечением новых военных контингентов. Были озвучены планы осады французского оплота в Италии Пинероло: «Из Вены февраля 2-го, 3-го и 5-го. […] В Сафоискую землю в прибавку цесарскому воиску указано собрать в Тиролскои земле 4000 человек, а чают что над всеми воиски тамо владетелем будет фелтьмаршалок Капрара»[553]; «Из Франкфурта февраля в 7 день. В Пиемонте хочет арцух Сафоискии великое воиско

[549] Там же. Л. 81.

[550] Там же. Л. 82.

[551] Там же. Л. 103–104.

[552] Там же. Л. 105.

[553] Там же. Л. 127–128

гишпанцов и своих людеи собрать, которыми в начале воинского походу Пигнерол осадить намерен, понеже был он на пути в Конии изменою французом в руки предан»[554]; «Из Мадрита генваря в 24 день. Здесь трудятся дабы послат милион денег да 200000 ефимков в Нидерлянды, також де несколко в Меландскую землю и арцуху Сафоискому на помочь»[555].

В первых мартовских курантах (от 6 числа) мы вновь видим новые известия по каждой из двух интересовавших составителей тем. Из Венеции сообщали о продолжении войны с османами за греческие земли: «Из Венецыи февраля в 9 день. Из Лепанто приезжие сказывают, что капитан месенниянин родом измену учиняя турком Карагузу город здал, а владетеля нашего имянем Дорию и маеора со иными началники порубил. В понеделник здесь на берегу Лида названном смотр был воиску и то воиско по первому ветру отошлют в Лепанд».[556] Статьи из Рима и Англии продолжали развивать тему бесперспективности переговоров о Савойе. При этом в поле зрения переводчиков посольского приказа впервые за 1692 г. попадает Папа: «Из Рима февраля в 9 день. Французскои граф Ребеникве был у Папы на приезде, и наговаривал его, что король ни чего болши не желает, токмо чтоб ему Италианскую землю в покои привесть, и что он Савоискому арцуху такие предложения предлагал, которых невозможно лутче желать, но понеже союзники его будущим счастием ему лстят, и он бы ево поучал дабы он склонился к миру[557]»; «Из Аглинской земли тогож месяца и числа. Договороные статьи сафоиские со французом паки розрушились»[558].

В сводке от 13 марта вновь появляются все три «итальянских сюжета» 1692 г. Сообщение о войне венецианцев с турками было лапидарным: «Из

[554] Там же. Л. 132

[555] Там же. Л. 133

[556] Там же. Л. 146.

[557] Там же. Л. 148.

[558] Там же. Л. 149.

Венецыи февраля в 9 день. Граф Шпарт обещал Речи Посполитой Венецыискои с собою привесть 1000 человек пеших ратных людеи, а 500 ис тех будет марта в последних числех»[559]. Савойский вопрос, вопреки желанию Франции, продолжал развиваться в направлении эскалации военных действий: «Из Меланда февраля в 6 день. Цесарь назначил арцуха Сафоиского генералисимом надо всеми воиски во Италии, понеже он все французские предложения откинул и будет завтра все воиска смотреть»[560]; «Из Парижа февраля в 19 день. Господин Амелот обявлял шваицаром что король его склонен есть мир или перемирье с Сафоискою землею учинить, в чем бы они посредниками и помощниками были, и взятые городы своими людми осадили, токмо бы лише французские владетели были, которое шваицаром зело благоугодно есть. И говорили буде арцух таких обещанеи не воспримет, то они на него 30000 человек воиска в поле выведут, но о сем впредь подтвержения ожидати»[561].

Тема политики папского двора на этот раз затрагивала вопрос помощи ирландским католикам, бежавшим во Францию после «Славной революции» вместе с английским королем Яковом II[562] «Из Парижа февраля в 16 день. […] Двор здешнеи за зло воспринимает, что Папа королю Якубусу на желание его о помощи ирлянцом, которые ради веры землю свою и пожити покинув, во Французскую землю пришли, отвещал, что таких людеи за изгнанных почитать невозможно, понеже их товарыщи, которые в своеи земле осталися, волность в вере имеют, однакож даст им он денежное вспоможение, буде они станут служить цесарю против турка»[563]. Эта статья примечательна тем, что

---

[559] Там же. Л. 163.

[560] Там же. Л. 165.

[561] Там же. Л. 167.

[562] Подробнее об этом см.: *Станков К. Н.* Двор короля Якова II Стюарта и якобитская эмиграция во Франции // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 44–56.

[563] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Ч. 1. Л. 2. Л. 166.

демонстрировала политику Папы по всем важнейшим вопросам – отношению понтифика к Франции, цесарю, а также роль Папы в борьбе с османами.

Подборка переводов от 21 марта содержала краткое сообщение о подготовке венецианцев к походу: «Из Патраса города из Мореи генваря в 19 день. Генерал Монцениго великое изготовление чинит, дабы воинскии поход во всем надобии отправлен был, тогож для и порченые карабли велел починить […][564]. Статей о Савойе переведено не было. Зато затронутая в предыдущей сводке тема отношения Папы к ирландцам короля Якова получила дальнейшее освещение: «Из Риму февраля в 26 день. Понеже Папа во французскую землю пришедшим ирлянцом денежного вспоможения чинить не хочет, разве что они против турка воевать станут, и того ради французские советники писмо подали в котором они хотят оказать, что союз соединенных, протестантское соединение есть, и римской церкве вредителен и может тем большая часть Еуропы разорена быть. Но на сие Папа паки ответ дал, что сие соединение также может протестанским называться, как французское – турским. И учинен у соединенных союз токмо того ради, чтоб от французского нападения свободным быть, которое равно как на католиков, так и на протестантов чинится»[565].

Свое продолжение итальянская тема получила в апреле. В куранты от 13 апреля вошло известие о сборе войск герцогом Савойским «Из Турина февраля в 13 день. Арцух наш по пришествии своем из Генуи воинские дела начал. И будет у нас воиска на оборону 8000 человек немец»[566]. В курантах же от 25 апреля освещалась деятельность Папы по укреплению антиосманского союза»; «Изо Лвова апреля в 4 день. […] Ксенз Вота еще в Рим для казны к Папе не поехал, но вскоре имеет ехать, а от Папы будет к цесарю

[564] Там же. Л. 176.

[565] Там же. Л. 178–179.

[566] Там же. Л. 195.

[…][567]; «Из Венеции апреля в 1 день. […] Папа приказал дать цесарскому величеству на воину против турка 100000 золотых»[568]. В первой майской (от 2 мая) сводке эту тему продолжили: «Из Вены апреля в 8 день. […] Папа Римскои цесарю для укрепления Будина и Эшека городов дал 100000 златых, а впред он Папа цесаря обнадеживает на воину турскую казны болши дать […]»[569]. В эту же сводку по какой-то причине попало не типичное для курантов известие из венецианской уголовной хроники: «Из Венецыи марта в 22 день. Завтрашняго дня здес шляхетнои госпоже голова отсечена будет, а слуга ее будет повешен потому, что он по ее веленью мужа ее графа убил»[570].

Сводка от 16 мая вновь содержала известия по каждой из двух основных тем. Венецианские известия были более подробными: «Из Венецыи пишут апреля з 19-го числа, что в Кандеиском королевстве в Суде городе измена объявилась, и восмь человек началных, которые город здать хотели туркам, повешены. Капитан генерал венецыискои уже имеет 16000 человек ратных людеи в собрании и намерен доброе дело получить против турок, естьли подлинная правда, что в Азии против турского салтана бунт всщат. В Неаполи Димолвазии також де измена была и изменники поиманы и кажнены. Воиско наше карабеное венецыиское все в готовности 12000 человек с которыми генерал капитан после светлого Христова Воскресения идти хощет на намеренное дело, а куды, то не ведомо[...]. Речь Посполитая Венецыиская велели собрать великих гранат и з гранатчиками послать в Лепанто, с которыми многие охотники поидут. Тут же и князь Любомирский брат гетмана Полского»[571]. Статья «савойской тематики» лишь кратко касалась положения дел в захваченном французами Монмельяне «Из Монтмелияна апреля в 3 день.

[567] Там же. Л. 223.

[568] Там же. Л. 226.

[569] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Д. 10. Ч. 2–3. Л. 5.

[570] Там же. Л. 7.

[571] Там же. Л. 33–36.

Понеже король Французскои в сеи земле взятые места зело утесняет и разоряет, и потому знатно, что он не чает их содержать и видится, что он нынешнего году оборонительно поступат будет, понеже многие воиска для обережения на проезды идут»[572].

Следующая майская сводка (от 23 числа) касалась венецианской и папской дипломатии: «Из Вены апреля в 26 день. […] Новои посол Папин сюда приехал, а встречи ему не было потому, что всякого надобя к тому не изготовлено, но вскоре учинено будет»[573]; «[…] Из Венецыи пишут, что посла французского Ребенака подаря венецыяня золотою чепью отпустили, и он поехал к арцуху Флоренскому»[574]. Известия о войне в Савойе пока ограничивались новостями о военных приготовлениях: «Из Турина апреля в 26 день. Арцух наш восприял от цесаря генер[ал]ство во Италиянскои земле и чаем мы что вскоре ведомо будет о нападении на Казаль город. Французских ратных людей множество к нам уходят, и того ради велел арцух Шомберскии 4000 человекам платя зделать, и хочет их употреблять в воиске. Король французской хочет Ницу и Монтъмелиян городы до основания разорить, и весь Пиемонт зжечь, буде сия земля ему доброволно не покорится, и арцух способных предложении не примет. Из Генуи апреля в 26 день. Достоверно сказывают, что соединенных воиска в Пиемонте будет 28000 пехоты да 13000 конницы»[575].

Последняя майская сводка курантов касалась лишь венецианских дел: «Из Венецыи апреля 26 де тож пишут. Из воиска карабль пришел на котором привезены два человека изменников, которые Карабузу здали. Во всю прошлую неделю ратные люди умножились, междо которыми 3000 человек немецких людей, и ежедневно болши ожидаем, и надеемся на будущую не-

[572] Там же. Л. 47.

[573] Там же. Л. 60.

[574] Там же. Л. 64.

[575] Там же. Л. 66–70.

делю 1600 пеших 200 конных ратных людей, да 100 человек гранатчиков, которым запасы воинские и живности в карабли к выезду. А с Петром Доидором провидитором посылают 300000 червонных золотых»[576]. Первая же июньская – только Савойи: «Во Итальянских грамотках объявлено двору нашему, что соединенные тамо в подвижении обретаются, а сказывают, что их в собрании 40000 обретается, а намерены воевать в Пиемонте. Из Генуи маия в 10 день. Здесь збирают воиска вновь с 6000 человек для того, что немцы во Италии зело силны становятся».[577]

Очередной выпуск курантов (12 июня) интересен тем, что в него включили и венецианские, и савойские известия, хотя собственно новости отсутствовали. О герцоге Савойском повторялось, что он идет осаждать Пинероло, имея в своем распоряжении 40 000 человек: «Из Вены маия в 15 день. […] Из Сафоискои земли пишут, что воиска Сафоиские идут Пигнерол осадить».[578]; «Из Меланда мая в 16 день. Арцух Сафоискои надеется 40000 человек в поле вывесть».[579] А о Венеции вновь писали, что отсюда отправляются войска: «Из Венеции мая в 10 день. Из воиска нашего пишут апреля в 3 день с подтвержением, что намерено воиско на некое дело и готово стоит и с присылными людми в прибавку отселе з гнералом пошло».[580]

Сводка от 27 июня рассказывала о разорении французами савойских владениях: «Ис Парижа июня в 4 день. […] Никогда вящего свирепства ни над каким городом не учинено, как ныне над Онеилем, междо Финалом и Филафранком стоящим Сафоиским городом, понеже как рыцарь Нааллес с катаргами туда пришел, то он у владетеля городового прошал здачи того города. Но как он тому противен учинился то послал господин Ноалес 6000 че-

[576] Там же. Л. 87–88.

[577] Там же. Л. 129–131.

[578] Там же. Л. 147

[579] Там же. Л. 157

[580] Там же. Л. 150.

ловек и указал всех рубить, которых тамо обретут. И уви[…] люди ис того города со многими жители вон ушли. Наши же французские ратные люди вшед в город всех людеи вырубили и, выграбя, все город выжгли. И понеже арцух Савоискои к миру с нами не склонен, и того ради указано все его и гишпаские при море лежащие места так ж разорить»[581].

В этой же сводке оказались известия о помощи Папы ирландским католикам и участии понтифика в финансировании войны против Турции: «[…] Кардинал Овард благодарствовал Папе что он королю Якубусу 20000 скудов послал на роздачю убогим агличаном и ирлянцом во Французскои земле обретающимся. Папа такое же число денег послал королю Полскому на продолжение войны с турком»[582].

Повторяющееся в курантах с февраля известие о предстоящей осаде Пинероло герцогом Савойским вновь видим в курантах от 17 июля: «В грамотках из Турина пишут, что арцух Савоискои к Пигнаролу приступать хочет»[583]. Лишь в сводке от 8 августа наконец-то появилось известие о начале долгожданной осады: «Ис Турина июля в 5 день. Ныне держат Пигнерол во облеж[ании] пехотою да 13000 конницы […] Арцух наш при том сам […]»[584].

В следующем августовском комплекте курантов появились новые конкретные сведения о папской дипломатии: «Из Риму июля в 9 день. Папа трудится дабы ему воюющим государем благополучные предложения к миру приобресть. Полской служитель ксенз Фота был у Папы на приезде, но по се число еще неведомо, одержит ли он болши 50000 фламских золотых на продолжение турской войны или нет»[585]. Статьи по двум остальным темам лишь повторяли то, что уже было известно: «Из Венецыии июля в 26 день. Ожида-

[581] Там же. Л. 188–189.

[582] Там же. Л. 193.

[583] Там же. Л. 225.

[584] Там же. Л. 251.

[585] Там же. Л. 267.

ем ведомости, что капитан генерал М[о]ценго над турками зделал»[586]; «Из Амстрадама августа в 6 день. Во италиянских грамотках пишут, что Пигнерол от тамошних соединенных конечно осажден»[587].

Куранты от 5 сентября с точки зрения содержания итальянских известий существенно отличаются от того, что мы видим в более ранних сводках. Известия о Венеции и Папе по-прежнему лапидарны: «Из Венецыи августа в 9 день. Из Енуя города пишут, что варварские разбойничьи карабли недалеко от Капо острова на море 8 венецыиских караблеи да 40 тартан с хлебом взяли[588]; «Из Рима августа в 9 день. Французы наговаривают Папу зело дабы он в новои италиянскои союз с ними вступил, и тем бы от цесарских податей во Италиянской земле свободился, и идет для того намерения из Флоренцыи сюды французской посол Ребенакве, но мы чаем что Папа того учинить не похочет»[589].

А вот на севере Италии боевые действия вошли в активную фазу и это сразу же сказалось на числе переведенных статей и их объеме: «Из Парижа августа в 11 день. Мы восприяли ведомость, что арцух Савоискои июля в 30 день городок Гуилестер взял и в него вошел. При том же несколко деревень и церковь сожгли, да местечки Лароше и Святыи Гепин выграбили. И пишут из Брианцова от 5-го числа сего месяца, что он по Дуранце реке к Амбруну пошел в намерении тот город осадить. А обретается в нем кроме осадных людеи 4 баталионы под владением маркиза де Ларреа, которои обнадеживает тот город держать хотя он и не крепок есть»[590]; «Из Парижа того ж месяца и числа. Все грамотки, которые из Делфината приходят, чинят великое смущение, потому что неприятели от часу далее поступают. И уже все их полки че-

[586] Там же. Л. 276.

[587] Там же. Л. 278.

[588] Там же. Л. 302.

[589] Там же. Л. 303.

[590] Там же. Л. 304.

рез Дуранцу река перешли. И буде их намерения Катинат не пресечет, то могут они скоро ко вратам Лионским притти междо тем ожидаем мы вскоре оттуды ведомости о бою, потому что все воиска в подеме обретаются. Неприятели одержали от тамошних реформатов множество всякого оружия и воинских припасов и арцух Шомберскии указал везде прибивать листы, в которых он их всех к себе привлекает;[591] «Из Лиона от 5-го числа сего месяца пишут, что арцух Шомберскии с маркизом Пареллом в Дафину впали и зело изрядно поступают и пристает к ним множество людей»[592]; «Из Рормонта в 16 день августа. К нам пишут из Генева города что Сафоиское воиско по взятии французского города Гвилестра тамо пленили двух французских полоняников да иных 40 человек началных людеи 600 человек рядовых салдат кроме двухсот человек ирляндских воинов и превеликого обилия кормовых запасов. Далее пошли под Амбрун город и того же города будто вышел тамошни епископ к Сафоискому генералу Пареллу и вручил ему градцкие ключи с покорением, о чем впред подлинное подтвержение ожидаем. В то же время сафоиское воиско пленили и выграбили Колмарь город»[593]. В последующих сводках «итальянские» разделы оставались довольно обширными.

Куранты от 12 сентября включили известия о высадке венецианцев на Крит: «Из Венецыи августа в 19 день. Из воиска нашего пишут, что в Канею высадили из караблеи 10000 человек ратных людеи потому, что в том городе 100 человек, а во всеи тои Канеискои земле насилу осмьсот человек турок обретается»[594]; «Из Венецыи августа в 10 день. Ведомости к нам есть, что воиска наши морские 10000 человек пристали х Критскому острову под город

[591] Там же. Л. 305.

[592] Там же. Л. 308.

[593] Там же. Л. 312.

[594] Там же. Л. 325.

Канею, чтоб то наше древнее место паки взять, а в нем сказыват сидят турков всего 800 человек, а и на всем том острове толко де их с 8000 человек»[595].

Продолжались тяжелые бои между французами и войсками герцога Савойского: «Из Турина августа в 3 день. В разноличных грамотках с подтвержением пишут, что по взятии города Гуилестра архибискуп Амбрунскии пришед к маркизу де Пареллу, просил его дабы тому городу повреждения не чинили, понеже они намерены им покоритца. И маркиз ему то обещал с таким договором дабы они ни чего из тамошнего монастыря с собою не брали и потом вскоре ключи того города принесены. И тот город нашим здан. Також де и Колмарс город взят же и выграблен за то, что из него в то время, как договоры было стали чинить, увидя, что к ним помочь пришла, по маркиза де Парелла становищу стреляли, и тем его обезчестили. Иныеж сказывают, что и Гап город взят же, а Ницеда Фила Франк вдруг от 40 галер да 15 гишпанских воинских караблеи морем, да от 17000 воиска под владением маркиза де ла Генеса сухим путем осаждены суть. Из Генфа августа от 8 числа також де о всем о сем подтвержают»[596]; «Из Парижа августа в 15 день. Сего числа восприяли мы ведомость, что граф фон Шомберг крепость Квейрас осадил, а чинят ему в том вспоможение тамошние протестанты, и идет туда господин Капитанат с воиском, дабы ту крепость выручить»[597]; «Из Парижа августа в 22 день. Из Гренобли получена ведомость что Амбрун город арцуху Савойскому получа благие договоры здался, а нашел он запасу что надолгое время войску его доволно будет, а арцуху Шомберскому у Квеираса не удается, но однако ж имеет он при себе много реформатов, которые было в католическую веру приведены были»[598]; «От Мейны реки августа от 9 числа. В разных грамотках пишут что сафоиское войско по взятии Гуиллестра и Амбруна го-

[595] Там же. Л. 337.

[596] Там же. Л. 327.

[597] Там же. Л. 328.

[598] Там же. Л. 329.

родов под Брианскои город подступило, и тот город по многих приступах взятьем взяло, но о сем вперд подтвержения ожидаем»[599].

Следующий сентябрьский выпуск (18 число) продолжал рассказ о высадке венецианцев на Крите: «Из Венецыи августа в 18 день. Кандийские жители комиссара турского и провожатых его турок которые приехали было для собрания дани повесили, их капитану генералу нашему писали, чтоб им помочь додал, а они всю землю Кандиискую под владение Речи Посполитои Венецыянскои отдадут. Воиско наше пошло и стали блиско Кандии. И тот час ис Кандии 6000 человек греков и мужиков кандииских к воиску нашему пристали. А в Мореи на оборону тои земли оставлены 4000 человек ратных людеи. Капитан генерал Морценаг с 11000 человек венецеянскими ратными людми в Кандию пошел. В Кандии городе токмо 4000 человек а во всем королевстве 8000 турок обретаются»[600].

Еще больше внимания было уделено савойской теме: «Из соединенных обозу под Амбруном стоящего августа в 26 день. Сей город здался нам по учиненном мужественном противлении августа в 15 день, однако же взятье его не так лехко стало, как было чаяли. И убит под ним господин Руэне, да ранены граф де ла Инаско, генерал де ла Торес, да князь Коммерции и преобрели мы сим взятьем способное место на запасы, и возможно будет без опасения вдал поступать. А учинен будет поход под Брианкон город»[601]; «Из Франкфурта августа в 27 день. Из Швеицарскои земли пишут, что из Гренобли и Лиона множество людеи к ним уходят, и что соединенные в Делфинате на жителеи с 400 фунтов податеи наложили и болшую часть из того числа уже собрали»[602]; «Из Парижа августа в 27 день. В воскресение пригнал к двору здешнему гонец з договорными статьями Амбруна города и учинил

[599] Там же. Л. 331.

[600] Там же. Л. 346–347.

[601] Там же. Л. 348

[602] Там же. Л. 351.

при том ведомо, что неприятели учиняя тамо учреждение пошли под Греноблю город, и что пред их приходом все по тои дороге выжжено и высокие места в предместьях разломаны, дабы им в тех местах стать было невозможно, и что пушечнои непрятелскои снаряд с великою трудностию в обоз их пришел, и потому знатно, что они не вскоре из тои провинцыи поидут, но и зимою в неи поидут. И того ради трудятся дабы сколко возможно воиска собрав х Катинату на помощь послать, понеже у него токмо з 9000 человек воиска обретается с которыми он при Креспине окопався стоит докамест неприятели подале от него отоидут, понеже ему не длячего у них привозу запасов отнимать, потому что у них и тамо всякого запасу доволно обретается»[603]; «Из Астрадама августа в 30 день. Из Парижа пишут, что Амбрун взят договором и осадные из него люди в Греномлю. Провожено с таким договором что их 6 недель против соединенных не употреблять. О взятии Гапа города також де не сумневаются, и пошел ныне арцух Сафоискои под Брианкон»[604]; «Из Амстрадама августа в 26 день. В грамотках из Генфа пишут что Брианкон и Квеирас городы в Денфинате от Сафоисково взяты суть»[605].

В последней сентябрьской сводке картина оставалась прежней. Короткое венецианское сообщение, в котором рассказывалось, что новости ожидаются («Из Венецыи августа в 22 день. Из Корфу прибег карабль в 8 днеи в Венецыю. И на том будущие люди сказали, что ведомость к ним пришла, что в Мореи потешные огни были на радость, понеже наши воиска Канею взяли, и подлинно о том ожидаем впред ведомости»[606]) и обширный комплекс савойских известий: «Из Генфа августа в 27 день. Цесарской генерал Палфи

[603] Там же. Л. 351–352. Далее в рукописи следует большой рассказ о том, какие меры принимают французы для укрепления своих городов. Непосредственного отношения к действиям савойских войск этот рассказ не имеет.

[604] Там же. Л. 353–354.

[605] Там же. Л. 354.

[606] Там же. Л. 372.

оставил под Пигнеролом 1500 человек конницы и пошел з досталным воиском под Зузу город добывать его. И сказывают, что в нем толко 200 человек осадных людеи обретается, и потому чают его без великого труда взять. Из французскаго обозу под Преслем стоящего августа в 24 день. Соединенные указали воиску своему взяв Амбрун город всю тарву около его обретающуюся покося в тот город весть. И того ради чают, что они тот город укрепить хотят, дабы в нем безопасно сидеть возможно было. Междо тем намерены они с воиском своим далее поступать. Наши разоряют все предместья около города Гренобли, но однакож не чаем чтоб тот город так возможно укрепить, дабы неприятелю его взять было невозможно. Хотя сказывают, что воиска нашего в сеи стране с 18000 обретается, однакож мы не верим, что столко будет. Из Парижа сентября в 1 день. Здесь не чают, что господину Капитанату возможно будет во весь сеи воинскои поход арцуху Савоискому противитись, и того ради возможно будет ему не токмо что без опасения до середины Дауфины , но и до самых врат Лионских доитить, буде токмо он захочет. 5 полков конницы, которые было из Фландерской земли х Катинату посланы, поворочены паки назад и потому знатно, что розглашение о посылке туды помощи ложно есть, хотя из Дауфины гонцы пригоняют дабы наскоро туды помощь послать обявляя, что велики страх есть дабы ту землицу весьма не разорили. Здес же желают лутче дабы неприятель в Провенцу нежели к Гренобле горду обратился, понеже в том городе зело много запасу обретается. В 22 день прошлого месяца принесли жители Гапа города ключи города своего арцуху Савоискому, и тот город ему здали в 25 ж день. Прошали савоицы з Гренобли города податеи, но владетел того города в том им отказал. Все деревни и крепости окрест лежащие откупаются от неприятелей дабы их не жгли, но понеже крепость Таллард того учинить не восхотела, и того ради неприятели ее, выграбя, сожгли. Генерал Палфи обретается еще з 10000 войском между Зузаю и Пигнеролом в намерении из них которой-нибудь добывать. И понеже о Зузе более опасаются, и того ради послал господин Катинат

от 9000 войска своего с которым он у Монтгеневы стоит туда 3 полка, потому что при дворе лутчее желают дабы Дауфина выграблена была, нежели из сих городов которой взят был, понеже буде то учинится, возможно будет всегда в Французскую землю впадение чинить»[607]; «Из Парижа сентября в 5 день. В грамотках из Гренобли от 29-го числа пишут, что арцух Савоискои еще на высоте Калионскои стоит и со всех мест подати выбирает. И уже зело много денег одержал. Междо тем опасаются, дабы он несколко воиска своего чрез Дуранцу реку для впадения в Правенцу не послал»[608].

Пожалуй, самое интересное в итальянских известиях курантов января – сентября 1692 г. – отсутствие сообщений, которые не вписывались бы в три четко очерчиваемые темы. Это позволяет строить гипотезы о механизме отбора новостей. Очевидно, что составлявший куранты Гросс специально отбирал новости так, чтобы все три интересующие московское правительство темы, по возможности, не выпадали из виду. Иногда для этого приходилось повторять уже переведенную информацию. Такие сообщения-дубли свидетельствовали о том, что положение дел сохраняется в прежнем виде.

Объем переводимых известий по каждой из тем зависел от того, случились ли сколько-нибудь значимые события с того момента, как были составлены предшествующие куранты. Если важные новости отсутствовали, переводчик мог ограничиться несколькими строчками, а то и вовсе не включить никакой итальянской информации в очередной комплект курантов. Если же ситуация начинала меняться стремительно, то объем переводов увеличивался в разы.

Следует обратить внимание на то, что итальянские новости доходили до Москвы за один – два месяца. Быстрее, чем они (хотя бы теоретически) могли быть доставлены по какому-либо иному каналу. Не будет преувеличе-

[607] Там же. Л. 373–375.

[608] Там же. Л. 376.

нием сказать, что для большинства итальянских известий куранты оставались безальтернативным источником.

3.2. Куранты как источник информации о военно-политической ситуации в Османской империи

Говоря о венецианских известиях курантов, мы уже касались темы Османской империи. В данном разделе известия турецкой тематики будут рассмотрены специально в виду очевидной специфики этого информационного пространства. Отличием от Европы являлось не только отсутствие прямых почтовых сношений с городами, в которых издавались газеты, но и наличием на территории Османской империей значительного числа православных, к судьбам которых в Москве испытывали особый интерес.

Еще в 1653 г. константинопольский патриарх Афанасий Пателар в своем «Слове понуждаемом» призывал Алексея Михайловича к походу на Царьград. В ответ Алексей Михайлович сообщил о своем намерении избавить греков и всех православных от ига врагов веры. Начало Кандийской войны укрепило надежды греков на избавление от османского владычества при помощи российских войск. В 1655 г. иерусалимский архимандрит Макарий писал Алексею Михайловичу, что в Царьграде боятся прихода под городские стены казачьих стругов и войск русского государя. В окружении константинопольского патриарха Паисия Алексея Михайловича называли «новым императором Константином», царем-освободителем[609]. Хотя, как показало позднейшее развитие событий, подобные надежды были слишком оптимистичными, принадлежавшие когда-то Византии Балканы и Средиземноморский регион прочно вошли в зону внимания русского правительства[610].

---

[609] *Ченцова В. Г.* Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658. Документы. М., 2004. С. 4, 18, 19.

[610] *Шамин С. М.* Греческая земля в Курантах XVII в. // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Материалы конференции. М., 2010. С. 158–162.

Между тем, регулярно пребывавшие в Москву греческие купцы и духовные лица были еще и возможными информаторами российского правительства. Это создавало особую, по сравнению с европейскими странами ситуацию, которая требует специального внимания.

Кандийская война в курантах 1660–1670 гг.

Первый вопрос, на который необходимо дать ответ – можно ли на основе материалов курантов получить целостное представление о масштабных событиях, связанных с Османской империей. В качестве примера для такого анализа выбрана Кандийская война 1645–1669 гг.[611], в ходе которой Венеция и Османская империя боролись за земли, бывшие частью греческого мира. Задача данного раздела – рассмотреть включенную в куранты информацию о Кандийской войне, уделив особенное внимание событиям, происходившим на территориях со значительным по численности греческим населением.

За 1660–1670 гг. в курантах есть лишь одно известие о Греции, которое никак не связано с военными событиями. Впервые особое внимание составителей курантов к Кандийской войне отметила еще Е. И. Кобзарева[612]. Из 211 сводок котносящихся к «греческие» известиях мы встречаем 105 комплектах Новости приходили в газеты также и из других государств. Относительно регулярно известия о Кандийской войне поступали из европейских государств Средиземноморья: Флоренции, Мальты, итальянских владений Испании, Рима. Рим, ставший на последнем этапе войны одним из участников конфликта, оказался одним из наиболее активных поставщиков новостей – оттуда пришло 10 корреспонденций. Тоже можно сказать и о Париже. Придя на помощь Венеции, Франция на завершающем этапе войны стала одним из основных

[611] Подробне см.: *Шамин С. М.* Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения 6. М., 2008. С. 75–93.

[612] *Кобзарева Е. И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1988. С. 120, 121.

«ньюсмейкеров». Всего из Парижа пришло 18 сообщений. Трижды новости приходили через Марсель – главный французский порт на Средиземном море. Интенсивно сведениями о Кандийской войне снабжала европейские газеты Вена (21 сообщение). Священная Римская империя, имевшая постоянные трения с Турцией, была крайне заинтересована в продолжении турецко-венецианской войны. Специфика «венских» известий состоит в том, что они в ряде случаев приходили непосредственно с территории Османской империи. В Польшу также в отдельных случаях новости поступали непосредственно из турецких владений. Кроме столичных Варшавы (3 сообщения) и Кракова (3 сообщения) новости о Кандийской войне поступали через пограничный Каменец Подольский. Некоторые сообщения приходили из крупных торговых городов Европы. В их числе Лейпциг (2 сообщения), Штеттин, Кенигсберг, Франкфурт, Амстердам (3 сообщения), Гамбург (3 сообщения), Антверпен. Таким образом, мы видим, что известия о борьбе за Крит между Венецией и Османской империей попадали в немецкие и голландские газеты (а через них в куранты) из многих городов Средиземноморья и Европы.

Отдельно стоит вопрос о том, в какие сроки известия о Кандийской войне приходили в Россию. Ответить на него достаточно сложно, поскольку точную дату можно точно указать лишь для одного из отразившихся в курантах событий Кандийской войны – падения Кандии. Однако и эту дату мы не можем использовать для определения сроков доставки известий в Россию. Перед падением города активно распространялись слухи о его сдаче. Точно можно установить лишь срок, за который известия о войне добирались до Москвы из Венеции: даты корреспонденций указаны в самих статьях, а время получения новостей в Москве – в заголовках курантов.

Проанализировав 25 взятых методом случайной выборки корреспонденций, удалось установить, что с известиями о Кандийской войне в Москве знакомились, в среднем, через 51 день после отправки этих новостей из Венеции. Для таких известий, как, к примеру, отправка новых венецианских

войск на помощь осажденной Кандии, это и был срок давности события. Для происшествий, которые имели место на Крите, следует прибавить время, необходимое для доставки новостей в Венецию. Таким образом, о ходе войны за Крит в Москве узнавали с опозданием примерно в два месяца. В наше время новости двухмесячной давности кажутся безнадежно устаревшими. Однако практически использовать эту информацию русское правительство могло лишь при подготовке дипломатических миссий. Учитывая многомесячные сроки перемещение посольств в XVII столетии, двухмесячная задержка «новостей» принципиального значения не имела.

Обратимся к содержанию статей. Многие новости были очень краткими. Иногда в статьях просто сообщалось о том, что война продолжается («а в Кандии воиско виницеиское против турского салтана велми крепко стоит»[613]). Даже более подробные сообщения зачастую отражали лишь мелкие эпизоды войны: известия о том, что противники собирают все новые войска («Из Виницеи июня в 7 день. Прошлой недели пришел здесь карабль из Смирны нагружен розными купецкими товары, и от того карабля нам вестно учинилось, что турского воинского корована только 30 катарг да 20 караблей, а 12 тех катарг стоит в Фтенедозе, а 18 в Архипельаге и хотят с своими караблями соединитца»[614]), ценах на продукты для войск[615] и т.д. Часто описывали и относительно мелкие морские и сухопутные стычки турок с их противниками. Так в сообщении из курантов 27 июля 1666 г. писали: «Из Винницеи июня в 18 день. В Кандиском острове у наших воиск с турки бои был. И тех было с 5000 человек. И тогда великое кроволитие было, и урон с обоих сторон. А сказывают, что вскоре им из Царьгорода будет прибылая сила»[616], а в курантах от 21 февраля 1668 сообщалось: «А из Виницеи пишут, что за

[613] РГАДА, ф.155. Оп. 1. 1667 г., № 10. Л. 100.

[614] Куранты от 20 июля 1665 г. ЧОИДР. 1880. Кн. II. С. 41–46.

[615] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г. Ед. хр. 9. Л. 23.

[616] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1666 г. Ед. хр. 11. Л. 241.

помощию божиею на море одолели многих турских воинских караблеи, которые шли со всякими воинскими запасы в Кандискии остров»[617]. Подобные победы не могли существенно повлиять на конечный итог боевых действий. Хотя известия о них в совокупности составляли очень подробную хронику событий, но все же давали мало информации о том, как в целом идет война. По ним можно было лишь понять, что боевые действия продолжаются. Иногда в куранты попадали и ложные слухи. К примеру, в ноябре 1668 г. в одной из статей писали, что великий визирь умер, а турецкие войска отступили от Кандии[618].

Были в курантах и публикации, отражавшие обобщенную информацию стратегического характера. В частности, по курантам можно было проследить, как на последнем этапе войны турецкий султан собирал войска на территории Греции для решающего сражения за Кандию. Впервые в Москве об этом узнали из курантов 15 июня 1668 г.: «Из Вены мая 5-го числа. З гонцом ведомость из Андрианаполя, что турскои салтан готов был итти в Морею для собрания воинских людеи х Кандиискому острову»[619]. Следующее сообщение на эту тему также было венским: «Из Вены июня в 19 день. Ис Турецкой земли пишут, что там чинят великие припасы к воине с веницеяны, и для того сам салтан поехал в Морею чтоб всякими спосабы х концу сего лета остров Кандеискии очистить. Но веницейская сената то слышав зело к отпору готовятца к тому ж ожидают обещанное воспоможение от французского короля 6000 человек пехоты да денег 8000 золотых червонных такъж обещались аглеченя и галанцы водою воспоможение чинить»[620]. Сообщение на эту тему из курантов от 12 сентября пришло уже из Адрианополя: «Из Андреянополя июля 7-го числа. Здесь турскои салтан живучи войско свое, которое в

[617] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 80.

[618] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 197–198.

[619] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 130.

[620] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10, л.158.

Морию хочет послать, и пересматривает, чтоб те войска шли скоро х Кандиискому острову»[621]. Позднее оттуда же сообщали: «Из Андрианополя ведомо, что салтан турской указал всех иноземских послов которые приезжаютъ в Црьгород чтобы к нему до Андрианополя приезжали и там дело их скончали, а по се время ни одново перед себя не пустил для тово, что в великих мыслях есть с великою силою до Кандии ехать, и по се время множество барбарских людеи пришло к городу Морию, которои везирь первому везирю до Кандии на помощь идет»[622]. Куранты 22 октября сообщали: «Из Виницеи сентября 12-го дня. Изо всех грамоток которые придут ис Кандии ведомость есть что наши турков в приступех их с великим... и болшие шкоды им... потому ж многие... люди побиты... А по вестям салтан указал под смертною казнью всех воинских людеи ис острова Мории на помочь х Кандию прислать потому которые воинские люди водою посланы были на помочь к турскому воиску и наши карабли помешали и не допустили. И хотя преж сего скасали, что он салтан сам хотел ити в остров Морию...»[623]. Следующее известие появляется уже в курантах от 8 декабря. «Из Амбурка октября 6-го дня. Из Венецыи октября 2-го дня ведомость, что турскои салтан, а при нем воиска сорок тысяч человк, а идет х Кандие а пришол де уже к Саланику а оттоле поидет х Кандие»[624]. На туже тему писали и к курантах начала 1669 г.: «Из Виницеи ноября 3-го числа. А из ыных виницеиских грамоток ведомость, что весть им есть из Царяграда, будто там в людех великое смятение и на салтана ропщут за то, что кандииской ради воины терпят великие тягости и в Кандии погибло многие тысечи всяких ратных людей и издержаны многие ж тысечи казны, однако ж от того всего приобретения никакова в том деле на турскую сторону не видеть. Того ради салтан пришол с великою ратью в Селунь город, и

[621] РГАДА, ф. 166. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 144.

[622] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г. Ед. хр. 9. Л. 6.

[623] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г. Ед. хр. 9. Л. 94-95.

[624] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 209–217.

тою грозит Кандию сильно одолением получить[625]. Таким образом, мы видим, что в Москве внимательно следили за сбором и сосредоточением турецких войск, захвативших впоследствии Крит.

Не менее внимательно русское правительство наблюдало за попытками европейских правителей оказать Венеции помощь. Уже начиная с 1660 г. в Посольском приказе переводились сообщения, в которых Кандийская война представлялась не только как война Венеции с Турцией, но и как противостояние между Османской империей и христианской Европой. Этот взгляд на войну присутствует даже в сообщениях, которые посвящены совсем другим событиям. К примеру, в курантах от 6 мая 1660 г. приводится сообщение из Антверпена о том, что между испанским и французским королями заключен мир. Однако внимание составителя данной статьи привлекло не столько само заключение договора, столько сооруженный для придания переговорам особой торжественности специальный «нарочнои рундук розными цветы выкрашен». На нем были изображены «воиски французское и ишпанское со оружием, как им итти на остров Кандию воевать против турскаго, а посторонь написан образ апостола Иакова, а по другую сторону образ ж святаго Лодвика»[626]. В курантах от 5 октября 1660 г. имеется сообщение из Венеции, где борьба с Турцией представлена как международное общехристианское дело: «Севодни турская катарга, на которои сто семьдесят крестьянских невольников привезено, а невольников всех подрят отпустили. Под Рименем наши на пять босарманских караблеи ударилися, два карабля розбили, а три взяли. А на тех караблях больши четырех сот крстьян освободили. А турские люди пятьдесят чолнов рыбаловных на которых было блиско трех сот человек поимали. Папежские, флоренские и малтеские карабли с французским и с нашим корованом соединилися, и впрям до острова Кандии пошли и хотят… город Кандию выручить. А казаки недавно тритцать четыре карабля

[625] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 229–230.

[626] РГАДА. Ф. 96, 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 277.

турских сожгли и часть города Гамота. А жители мореиския больши тритцати тысяч человек против турка повстали»[627]. Таким образом, в сообщении 1660 г. восставшие жители Мореи и нападающие на турок в Черном море казаки предстают как союзники французов, флорентийцев, мальтийцев, Папы и, конечно же, самих венецианцев в борьбе против осман. Однако данная статья отражала скорее желания венецианцев, чем реальное положение дел.

В других венецианских сообщениях политическая ситуация была отражена более реально: «Пишит в грамотках из Андрианаполя что началному паше для уготовления воинских катарх 200000 золотых червонных. Которые катарги изготовивши и собрав тама всяких воинских людеи, поидет к Кандискому острову на вспоможение прежнеи силы. Да сверх того послан указ от салтана во Анатолию, что тамо собрат воиска конницы колко возможно и те воиска послати к тому ж острову. Да отсюда [из Венеции – *С.Ш.*] посылали для вспоможения к цесарю римскому, чтоб для нынешнеи турскои воины нам учинил вспоможение людьми и деньгами, но цесарь посланному нашему сказал, что до ка мест воина меж французским и шпанским короли пребудет, ему никакова вспомжения им вениционом учинити невозможно… А когда милосердием божием меж теми обоими государи совершенное мирное постановление учинитца, и все их ссоры успокоятся, тогда нам вениционом цесарское величество по своему изможению нарочитое число денег или людей дати обещал…» (23 марта 1668 г.)[628].

Активные приготовления турецкого султана к решающей схватке за Кандию, начавшиеся весной 1668 г., побудили европейских правителей оказать Венеции более действенную помощь. Куранты 15 октября 1668 г. сообщали: «Августа в 28 день из Рима. Когда Папа из грамоты племянника своего Финценца Роспиглиоза проведал, что папские и малтеские карабли соединены вместе хотят встречю итти против турских воинских 50 караблей, кото-

[627] РГАДА. Ф. 96. 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 470, 471.

[628] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 107, 108.

рые пот капитаном Пасом, и что воиска в Кандии есть всею силою противятца турком которые беспрестанно гранатами стреляют и приступают и многие шкоды чинят, и для того Папа ко многим розным хрстьянским потентатом нарочных гонцов своих послал, чтоб они в такой великой нуже городу Кандию своею договорною помочью учинили»[629], «Из Французской земли из города Марсилия сентября в 4 день. Королевское величество французской немалое число людей воинских изготовил, которых хочет послать на вспоможение в Кандию виницеяном против турков. И потому послал указ свои к послу своему которой пребывает у салтана у турского в Цареграде, чтоб он оттоль к нему возвратился и впредь к тому намерен, что послов своих посылати к салтану не будет»[630].

Особенно активизировалась европейская помощь Венеции в 1669 г.: «Из Парижа февраля 22-го числа. Королевское величество французскои указал сверх прежних 5300 человек послать виницеяном на помочь против турков 300 человек всякого чину начальных людей, да сверх того морскому своему генералу арцуху Безерскому указал з 20-ми великими воинскими караблями да с 15-ю каторгами на Белое море идти. И буде благовременна та помочь х Кандии поспеет, такъж и иная воинская сила, обещанная от ыных хрстиянских государей, и так противо турков за помощию бжиею крепко стояти будем»[631], «Из Виницеи апреля 5-го числа. Вспомогательная сила различных християнских потентатов ныне к нам приходит и тех воинских людей ныне в Кандию отсылают со многими воинскими и хлебными запасы, и чаеть за помощию бжиею се лето от турков отстоимся»[632].

В курантах от 27 мая 1669 г. вновь появляется информации о помощи, которую оказывал Папа римский. «Из Рима апреля в 19 день. Папа римскои

[629] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 173.

[630] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 177–178.

[631] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1669 г. Ед. хр. 8. Л. 6, 7.

[632] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 281.

еще посылает ратных людей под Кандию веницеяном на помочь, и веницеяне великое счастие одерживают и гораздо против неприятелеи своих, стоят, и о жидают к себе еще на помочь ратных людей из окрстных государств... В Миландцкои державе четыреста человек ратных людей прибрано в Кандию веницеяном на помощь. Французскои король вновь Папе римскому обнадежил два полка ратных людей в Кандию послать веницеяном на помощь, тако ж и Папа римскои послал посланного своего к шпанскому королю о помочи просит ратных людеи против турков[633]. Известия о приходившей к венецианцам подмоге появлялись в курантах в значительном количестве в начале лета 1669 г. Позднее они приходили регулярно, вплоть до падения Кандии.

Интересовались в Москве и дипломатической составляющей борьбы за Крит. Как пример можно привести известия курантов о переговорах, которые летом 1668 г. вел в Лариссе, где в то время находится турецкий султан, посол Франции. Впервые известие об этом посольстве появляется в курантах 18 мая: «Из Венецыи апреля 12-го числа. В Кандии не токмо наши, но и турки подкопы чинят и по вся дни меж ими бои бывают. Из Цряграда весть что турской салтан французского посла велел перед собою в городе Ларисе по ставить потому, что тот посол объявил, что есть некоторые стати, о которых король французскои ему указал доносить ему салтану: 1) Чтоб турской салтан Кандиискои остров виницеяном очистил; 2) Чтоб генунеискаго посла из Цряграда отпустил, будет Речь Посполита Генунеиская не изволит французские знамена как преж сего было в своих караблях держать, которые ходят к востоку; 3) Чтоб турской салтан всех полоняников французских на волю отпустил; 4) Чтоб салтан же турской французского народа при их вольностях оборонял; 5) Чтоб турской салтан велел взять пашу из города Туниса и учинить ему указ за то что он французского резидента страшным извычаем велел убить»[634]. В курантах от 24 мая 1668 сообщалось: «Из Венеции апреля

[633] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667. Ед. хр. 10. Л. 300.

[634] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1669. Ед. хр. 8, Л. 25, 27, 26.

26-го числа. В листех из Цанту ведомо чинят, что французскои посол от салтана турского зело приятно в Ларису принят, и все люди, которые с ним по указу салтана турского везде зело подчиваны есть»[635]. Благосклонность султана к Франции закончилась, когда он узнал, что Франция уже фактически вступила в войну против Турции: «Из Парижа июля 23-го числа. Турскои салтан указал нашего посла господина Телагая прикрепить потому, весть ему учинилась, что наши споможенные воинские люди в Кандию на помочь идут» (куранты 27 августа)[636]. Получили в Москве сведения и о том, как турецкое посольство приняли во Франции: «Ис Парижа августа 25-го дня. Когда ведомо учинилось, что турский посланник блиско пришол, указали ему к ево приезду некоторый пространный двор со всякими угоди очистить. А чают, что ответ ему будет не против ево желанья, потому что зде ведают, что под Кандиею, в вылоске не токмо арцуху Паифорту и иным высоконачалным людем от турков головы отсечены и для оказанья к салтану в Ларс город посланы и всяким наруганьем обезчесчены, и варварские розбойники некоторой француский карабль, в котором несколько тысяч пушек было, взяли. И для того француский король велми досадует на турков и указал сызново великую силу, войска и всяких запасов изготовить и с первым прилучаем с господином Сталефонтом на караблях для помочи в Кандию отпустить б»[637]. Как видим, русской правительство было (в общих чертах) информировано о переговорах Франции и Турции по вопросу о Крите. Дипломатические контакты других стран, в ходе которых затрагивались проблемы, связанные с Кандинской войной, также отслеживались русским правительством по курантам.

Куранты позволяли российским властям наблюдать за передвижением русских посольств, отправленных в различные европейские страны. В 1668 г.

[635] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 287

[636] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 314

[637] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1669 г. Ед. хр. 8. Л. 69.

в связи с Кандийской войной в европейской прессе писали о российских посольствах во Франции и в Венеции[638]. Из Венеции пришло 3 сообщения. В курантах от 8 октября 1668 г. сообщили о прибытии российского посольства в Венецию: «Из Винице[и] сентября в 1 день. В прошлой [вто]рник пришол к нам Московской п[осланной] которой отсюду поидет в Рим»[639]. В курантах от 22 октября сообщали уже о ходе переговоров: «Из Виницеи сентября 12-го дня... А зде московской посланник у сенаты у ответа был, и после иных статеи обявил: будет Речь Посполитая учнут помочь чинит ко обранию на королевство Польское государю царевичю, и царское величество с тремя сот тысячи воинскими людьми против турского двора обещался ити, и так потеснить, что турки скоро Кандию покинуть...»[640]. Той же темы касалась и статья из курантов от 31 октября: «[Из Венеции сентября 17-го числа. Московской посланник прошлыми дня]ми [на великой ратуше п]ре[д] сенаторы на прие[зде был и] гораздо хорошую речь говорил, что и сердце их сенаторское к тому приклонил, чтоб царевича московского на королевство Польское споможене чинили, и его царь обещает многие тысечи людей им на помочь в Турскую землю впасть, и через тое причину отраду городу Кандии дать. И какой будет на то московским ответ, ведомо будет»[641].

Практически в то же время шли и переговоры в Париже: «Из французского ж Парижа сентября в 11 день. Московские послы здесь предложили три статьи, соединение учинить на турка, торговой промысел в Московское государство, помочь учинить благоверному государю царевичю к доступлению польской короны»[642]. Как видим, в Венеции и в Париже российские дипломa-

---

[638] *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11–12. История России с древнейших времен. М., 1991. С. 519, 525.

[639] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г. Ед. хр. 9. Л. 38–40.

[640] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г. Ед. хр. 9. Л. 94-95.

[641] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г. Ед. хр. 9. Л. 125.

[642] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 177–178.

ты предлагали один и тот же способ решения «кандийской проблемы» – европейские державы способствуют укреплению российского влияния в Польше, а Россия присоединяется к коалиции европейских держав и участвует в борьбе против Турции.

Таким образом, мы видим, что куранты позволяли Российскому правительству не только в деталях наблюдать за ходом развития конфликта, но и узнавать о реакции европейской прессы на собственные дипломатические инициативы. Очевидно, что это не могло не оказывать влияния на формирование внешнеполитической стратегии. Хотя в конце 1650-х гг. Россия выбрала в качестве приоритетного направления внешней политики борьбу с Польшей, интерес к положению дел в православных владениях Османской империи в Москве не пропал. Идея совместного с другими христианскими странами выступления против Османской империи рассматривалась в качестве одного из возможных вариантов изменения внешней политики России.

Сразу же после заключения Андрусовского перемирья с Польшей российские дипломаты вернулись к этой проблеме. Однако время было уже безнадежно упущено. Кандийская война закончилась раньше, чем Россия смогла реально вмешаться в этот конфликт.

Военные действия османской армии и ее союзников на востоке Европы в 1672 г.

Еще один важный для нашей темы вопрос – соотношение информации курантов и греков-информаторов. Из-за большого объема данных рассмотреть его можно только в хронологически узких рамках. В качестве первого примера возьмем поворотные для российской внешней политики события 1672 г., когда турецкая армия заняла принадлежавший Польше Каменец Подольский. Это привело к коренным изменениям во внешней политике России. В 1672 г., всего несколько лет спустя после падения Кандии, Москва вступила в войну против Турции в союзе с Польшей (активные боевые дей-

ствия начались уже в 1673 г.[643]), а с 1677 г. вся мощь османской армии обрушилась на Россию. Так началась растянувшаяся на столетия череда российско-турецких войн.

За приближением войны составители курантов следили с самого начала 1672 г. В обзорах иностранной прессы этой теме уделялось пристальное внимание. Кратко остановимся на их содержании. Еще в курантах от 14 февраля были помещены статья из Вены, где говорилось о подготовке турок к войне против Польши[644] и публикация из Варшавы, датированная 4 января, о приеме турецкого посла, в которой сообщалось не только о начале переговоров, но и о том, что зависимые от султана господари Молдавии и Валахии уже получили указ о подготовке к войне[645]. В большинстве последующих комплектах курантов известия о неизбежном начале боевых действий повторялись в самых разных контекстах. Сведения о появлении на Дунае передового турецкого отряда в 20 000 человек попали в куранты от 15 апреля[646]. Появлялись в курантах также и сообщения о различных действиях, предпринимаемых поляками для того, чтобы подготовиться к ожидаемому нападению. Новость о том, что султан перешел Дунай и движется к Каменцу, вошла в куранты от 30 июля[647]. В курантах 22 августа говорилось о том, что османские войска скоро блокируют Каменец полностью[648]. Следующей сводки не сохранилось, а в курантах от 9 сентября уже говорилось о продолжении осады[649]. Материалы начала октября не сохранились, а куранты от 10 октября уже отмечали сдачу города туркам, как известное, состоявшееся ранее собы-

---

[643] *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дис. канд. ист. наук. М., 2017. С. 135.

[644] В-К-7. С. 235.

[645] В-К-7. С. 239.

[646] В-К-7. С. 251.

[647] В-К-7. С. 286.

[648] В-К-7. С. 292.

[649] В-К-7. С. 294.

тие[650]. Учитывая, что город пал 20 (30) августа, весть об этом попала в куранты существенно менее, чем за два месяца. В более поздних сводках курантов систематически рассказывалось о том, как турки укреплялись в Подолии[651].

В качестве сравнительного материла были проанализированы известия греческих информаторов за соответствующий период. Исследованный комплекс «греческих» документов включает шесть текстов, которые входили в комплекс, относящихся к октябрю 1672 г. – июню 1673 г.[652] По летоисчислению от сотворения мира это 7181 г., так что не исключено, что они входили в годовой столбец с вестовыми материалами по интересующей нас теме. Среди них пять записей «распросных речей» и один перевод письма. Основная часть сведений, которые они сообщали в Посольском приказе, касалась войны, а также политической ситуации в Османской империи, Валахии, польско-литовских и украинских землях.

Наиболее ранний документ (расспросная речь «царегородца» Родиона Иванова от 25 октября 1672 г.) имеет наибольший объем из всех анализируемых текстов. Информации о роде его занятий в документе нет. Фактически, его рассказ – хроника османского похода на Каменец Подольский, осады и взятия города. Его сведения были особенно интересны для сотрудников Посольского приказа, поскольку во время осады Каменца Иванов находился в обозе османских войск. Он подробно сообщил об участии в осаде города казаков Дорошенко. Из его рассказов в Москве узнали, что султан не доверял

---

[650] В-К-7. С. 309.

[651] Известия европейской прессы об украинских событиях более подробно рассмотрены в специальной статье. См.: *Шамін С.* Доба Руіни. Європейська преса про Україну // Діалог. № 3. 2002. С. 126–130; *Шамин С. М.* Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 годах. (По материалам курантов) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 138–152.

[652] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7. Подробнее см.: *Шамин С. М.* Известия греческих информаторов о действиях Османской империи и ее союзников в Речи Посполитой в 1672–1673 гг. (По материалам ф. 155 РГАДА) // Каптеревские чтения 7. М., 2009. С. 202–208.

казакам и использовал их на вспомогательных направлениях: «Да гречанин ж Родион сказал, как, де, салтан х Каменцу приступал, и Дорошенко, де, бил челом салтану чтоб велел в Каменец стрелять из его пушек, и салтан в том ему отказал, а говорил что християнской веры людем в той воине не верит, а волоского, де, господаря потому ж никуды для промыслу не посылает, только наказано ему быть для сторожи у мостов»[653]. Султан давал Дорошенко почувствовать, что он не самостоятельный правитель, а лишь его подручный: «А из Чигирина, де, писал к Дорошенку брат ево, бутто по указу царского величества ратные люди, и донские и запорожские казаки посланы на Крым, и Дорошенко, де, салтану бил челом, чтоб ево для обереганья отпустил в Чигирин, и салтан, де, Дорошенка не отпустил, что те городы, Чигирин и иные в Украине, не Дорошенковы, но иво, салтановы, только б, де, он Дорошенко владел, а послано будет янычар во всякой город по 300 и по 200 человек»[654].

Особенно интересны высказывания Родиона Иванова о том, как, по его мнению, взятие Каменца повлияло на судьбы православия в регионе: «А костелы, де, и церкви все обратили в мечети, и християн умерших телеса и кости [На полях комментарий: которые были похоронены у костелков и у церьквей] за город выметали, и оставили токмо едину церковь, а колокола и кресты отобрали, да ис тех же, де, колоколов указал салтан дать Дорошенку в подарок два колокола. И волохи, де, о Каменце, что взяли турки, зело плачют, и говорят, что их благочестие до конца выкоренят. А естли бы, де, Каменца турки не взяли, а християнские государи на него совокупились, и они б, волохи и греки и все православные, де, бы люди, на турка воевать стали ж»[655]. Таким образом, Родион Иванов выступил не только как информатор русского правительства, но и как пропагандист идеи организации общехристианского союза против Порты. На некоторые вопросы сотрудников По-

[653] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7. Л. 154.

[654] Там же. Л. 156.

[655] Там же. Л. 153, 154.

сольского приказа грек ответить не смог. Так, он «не ведал» о том, ведет ли гетман Ян III Собесский переговоры с османским султаном, и будут ли татары зимовать в польских землях[656].

Следующий документ относится к 6 ноября 1672 г. Это – «распросная речь» купца Спиридона Дмитриева, который в июле 1672 г. ездил из Москвы в Нежин. Нежин расположен в восточной части Украины, которая в рассматриваемый период находилась под властью царя Алексея Михайловича. Сюда для ведения торговли приезжали греческие купцы из Москвы и с территории Османской империи. Так что из поездки в Нежин Спиридон Дмитриев мог привести и «турецкие» вести. Однако в реальности переданные этим греком сведения отражают, в основном, отношение жителей восточной части Украины к деятельности Дорошенко. Приведем лишь наиболее яркие примеры: «А на Дорошенка, де, той стороны Днепра всех городов и мест жители негодуют и проклинают, и меж себя говорят, что он запродал их турком на вечную неволю и на искоренение веры християнской»; «А на сей, де, стороне Днепра во всех городех и в местечках, где он, Спиридон, был, мещане и казаки говорят, естли, де, турки и татаровя з Дорошенком будут на них наступать, и они все не жалея себя будут за веру християнскую, так ж и за обещание свое великому государю головы свои класть и умирать»[657]. Привез Спиридон Дмитриев в Москву и рассказ о том, как Дорошенко подговаривал султана к наступлению на Киев: «Да тот же гречанин будучи в Нежине слышал, взяв, де, салтан Каменец Подольской спрашивал Дорошенка – “с войском до Киева много ль дней будет ходу”, и Дорошенко, де, говорил, что ис под Каменца Подольского мочно поспеть с турскими войски х Киеву в семь дней. И те, де, дорошенковы речи везирь спорил, хотя, де, и с ним, Дорошенком, итти, и до Киева будет 208 становищ, и, осердясь, везирь на Дорошенка кричал, и салтану обявлял, что он, Дорошенко, во всем ему, салтану, лжет и хочет

[656] Там же. Л. 156.

[657] Там же. Л. 165.

некакой над иво салтановыми людми умысел учинить, для де того войски ево х Киеву и манит, и мало пути сказывает»[658]. В настоящее время это расстояние по автомобильным дорогам составляет 464 км. Учитывая, что дорожная сеть с XVII в. принципиально не изменилась, то за указанное Дорошенко время до Киева могла добраться лишь конница. Оценка же визиря, наоборот, излишне пессимистична. Однако визиревы обвинения в том, что Дорошенко изменил Порте, были беспочвенными. Дорошенко «сократил» расстояние до Киева лишь для того, чтобы сильнее втянуть Османскую империю в конфликт с Москвой.

Расспросная речь киевского «гречанина» Степана Петрова была составлена 8 ноября 1672 г. Грек ехал в Москву из Константинополя и побывал под Каменцом как раз во время осады города. Помимо известий об ее ходе, он сообщал о настроениях жителей западной части Украины: «А татаровя з Дорошенком и с казаками имеют великую недружбу для того, что он поддался турскому салтану, и за тем им полоняников ис Полши и из Украины имать невозможно, а в загонех де татаровя как где увидят казаков человек 5 или 6, то их всех побивают. А как после взятья Каменца Подолского казаки учали было грабить каменецких жителеи, и турки де поимали казаков 4-х человек, которые убили у них 3-х свиней, и за те свиньи их повесили у города, а вину им сказали, что они салтанова величества подданных грабили, и никакова де грабежу и насилия и обид Каменца Подолского жителем турки отнюдь не чинят. А казаки, де, которые з Дорошенком, ево все проклинают за то, что он не токмо их турком продал, но и церкви Божии и жены их и дети поганскому игу поработил. А Дорошенково воиско у турков было и у татар в середине для того, что казаки хотели розбежатца по домом»[659].

21 декабря 1672 г. в Посольском приказе расспрашивали константинопольского купца Ивана Юрьева. Он отправился в Москву 15 августа 1672 г.,

[658] Там же. Л. 166.

[659] Там же. Л. 159–161.

26 сентября добрался до Ясс и здесь встретился с османскими войсками, возвращавшимися из польских земель после взятия Каменца. Сотрудникам Посольского приказа Иван Юрьев рассказал, как турки укрепляются в Каменце, а также подтвердил сообщения о том, что казаки по обе стороны Днепра очень недовольны Дорошенко. Вместе с собой он привел в Москву послов грузинской царевны Екатерины Давыдовны, а также вывел из Турции двух полонянников – шведского драгуна Ивана Афонасьева и московского стрельца Аврама Савельева. Любопытно, что грузины были уверены, что это они наняли греческого купца в качестве проводника и переводчика[660].

5 февраля 1673 г. в Посольском приказе перевели присланное из Львова письмо шляхтича Георгия Папары[661]. Письмо было отправлено из Львова 10 января. Его послание содержало минимальную информацию о положении дел в Речи Посполитой, Османской империи и Валахии, поскольку, по его словам, «никто от Волоской земли не может прейти, зане все пути затворены суть». Судя по контексту письма, Папара регулярно переписывался с Посольским приказом, а его услуги оплачивались[662].

11 марта 1673 г. в Посольском приказе вновь расспрашивали прибывших из Константинополя через Валахию и Украину греческих купцов. «Царегородцы» Дмитрий Иванов, Родион Миколаев и их киевский коллега Евстафий Иванов добирались до Москву более трех месяцев. Они рассказали о том, что войска султана и его союзников распущены на зиму. Любопытные известия они принесли о положении дел в Каменце Подольском: «А в Каменцу де оставлен паша Галлей а с ним янычар с 10000, а в Язловце, де, в Бу-

[660] Как любезно указала В. Г. Ченцова, Иван Юрьев Репета должен был приехать в Москву еще 22 февраля 1672 г. с грамотой к государю от александрийского патриарха Паисия. См.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1672 г. Д 25.

[661] В документе не указана его национальность, однако присланное им в Москву письмо было написано на греческом языке, так что в этнической принадлежности Папары можно не сомневаться.

[662] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7. Л. 202–203.

чачех, в Ставище оставлено турков же по разсмотренью малое число по 1000 и сот по семи в городе, и живут в тишине. А что де под Каменцом есть речка Смотрич, и естли хто [На полях комментарий: от турков] ис тои речки хотя мало что выпьет воды, и от того помирают, а християне, поляки и греки, так ж и жиды ис тои реки пьют, а над ними ничего не токмо смерти, но и малой язвы не случается»[663].

При сравнении материалов курантов и расспросных речей приезжавших в Россию в период взятия Каменца греков очевидно, что греческие информаторы сообщали больше подробностей. Куранты же давали более систематичную и концентрированную информацию. С точки зрения скорости передачи вестей, купцы проигрывали курантам даже в тех случаях, когда речь шла о событиях на северо-восточной окраине Османской империи. Это вполне естественно, поскольку деятельность купцов была ориентирована на их коммерцию, а не на доставку новостей.

Известия «греческой» тематики в курантах 1687 г.

В следующем разделе данной главы мы проанализируем информацию из более отдаленных владений султана. В качестве примера взяты хорошо сохранившиеся обзоры прессы 1687 г. В это время продолжалась Великая турецкая война (1683-1699 гг.), что обеспечивало большой поток новостей. Куранты 1687 г.[664] сохранились в составе двух дел. Основная часть курантов находится в РГАДА[665]. Дело состоит из трех частей. Третья часть имеет отдельную нумерацию. Всего до нашего времени сохранилось 38 сводок. По месяцам они распределяются следующим образом: январь 3, февраль 4, март 3, апрель 2, май 2, июнь 1, июль 4, август 5, сентябрь 4, октябрь 3, ноябрь 4, декабрь 3. Учитывая, что европейская почта приходила в Москву раз в неде-

---

[663] Там же. Л. 223–224.

[664] Подробнее см.: *Шамин С.,* при участии Карраса И. Известия «греческой» тематики в курантах 1687 г. // Каптеревские чтения 8. М., 2010. С. 182–195.

[665] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6.

лю, всего могло быть составлено до 52 комплектов курантов. Таким образом, сохранилось не менее 73 %. изначально составленных курантов.

Рассмотрим основные известия 1687 г. о Греческой земле в том хронологическом порядке, в котором они приходили в Москву. В январе 1687 г. в Посольский приказ доставляли декабрьские известия прошедшего 1686 г. о подготовке турок и венециан к предстоящим боевым действиям в Морее и на Архипелаге[666]. В куранты от 3 февраля включили сразу четыре сообщения о Греческой земле из немецких газет. Корреспонденции были отправлены кораблей и 15 галер к ним из Венеции между 28 декабря 1686 г. и 6 января 1687 г. Составитель этой подборки перевел известия народных волнениях и восстаниях против турок. Наиболее короткое из них сообщало о восстании греков в Кандии и убийстве местного паши[667]. Из «Мирийской земли» писали, что «алванезии и маиноты» грабят местных жителей[668]. Наиболее подробно говорилось о восстании на Кипре: «Из Венецыи декабря в 28 день. С некоторым воинским караблем пришедчим из Кипрского острова к нам ведомость пришла, что тамошние жители из различных мест в том королевстве против турков восставшие, метеж учинили и принели и большую часть людей порубили, они ж к себе в начало некоторого князя. Егда ж некоторые иные места ослушны показались, к ним ж предатися не хотели и они пошли на них войною и их ж к послушанию принудили и большую часть людей порубили. Они ж на том острове над протчими жители великое ругание учинили и славной град Акру взяли без всякого противления. Чесо ради множаишие тово острова жители велми желают пришествия воинского нашего коробелного каравана, чтоб оттоманское иго с себя сложити, и получит вольность»; «Из Венецыи генваря в 5 день. Ис Кипрского острова нам пишут, что того острова жители салтанским указом непослушны учинились, но желают, чтоб вене-

[666] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 10, 19, 27, 63.

[667] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 106.

[668] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 108–109.

цыйской караван приплыл, и они от турского утеснения и мучительства освобожденными и под владением венецыанским бытии имеют, также нам возвещают, что от Отаманские Порты два паши присланы салтанским указом что б силою их ко оружиям приставили. Но паша того острова тому указу противится, и велит подданным такой указ объявить, понеже они по сю пору послушны были, а буде они то услышат, и он опасается о великом смятении, сверх того сказал, что вольно салтану указать в Цреграде, а ему здесь на которые слова одного от посланных пашей убили и другого в тюрьму посадили»[669].

7 марта в Москве получили известие из Венеции от 31 января об отправке венецианского флота в Морею. Венецианцы планировали «разорить… Патрацо, Дарданело, и Неаполи Демалфазия»[670]. В апрельских курантах появлялись мартовские новости о волнениях жителей Смирны, которые хотели «по наступлению християнских войск без всякого противления оттоль убежати или в их сторону предатися»[671], а также о восстании греков на Крите: «Из Галиполи /турской город/[672] марта в 6 день. Ис Кандии к нам пишут что греки, которые жили в Кандии городе празновали празник Рождества Христова, и в ту пору турки отняли у них ружье все, а у иных детей украли и они о том писали в ыные к своей брате греком городы, которые вместо бутто товаров прислали к ним ружья, а как у турков так ж празнество учинилось и большая часть для потехи вышли за город, и в то время они греки достальных турков в городе и которые за городом были порубили и ведомость дали генералу Моросине которой того ж часу 8 кораблей и 15 галер к ним прислал и город их принял»[673].

---

[669] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 102–104, 110–111.

[670] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 169, 170.

[671] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 224.

[672] Здесь и ниже в цитатах косыми чертами выделяются пометы на полях курантов

[673] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 247.

В майские куранты попали любопытные апрельские новости непосредственно из Мореи: «Из Мореи апреля в 18 день. Генерал-капитан Морозини призвав к себе господина графа фан Кениксмарка и с ними советовал о воинском поведении, что в нынешнем году на море чинить и с корованом своим идти под остров Негропонте или под иной знатный турской остров, токмо в том деле еще ни чего не подтвержено а будет о том ведомо чрез будущую почту. Греки, которые на здешнем острове живут по иным турским островам к своей брать греком писали, чтоб на урочное число собрались с ружьем и собрався иттить им под турской город Коринто, а как они с великим соображением к тому городу шли встретили их турской подъезд которым отпор дали и больши 200 их порубили, и 56 человек в полон взяли»[674]. В этой же сводке отмечено и первое сообщение о греческих делах из голландской прессы: «Из Смирна /турской/ марта в 29 день» сообщалось о том, что здесь в экстренном порядке собирают налоги, от которых однако освобождены иноверцы: «з жидов, греков и армян того брать не велено»[675].

В сводки за июнь–июль попали сообщения из Мореи, Венеции и Вены о действиях венецианского и турецкого флотов[676]. Особый интерес представляет попавшее в немецкую прессу турецкое сообщение из Константинополя в курантах от 25 июля: «Из Цряграда июня в 3 день. Зело опасны наши были услыша союз междо московскими государи и королем польским, а ныне не токмо смятение утишилось, но и всяк на службу готовитца… Патриарх здешняго града которой по упрошению каимакана к московским государем писал, буде они против Порты Отоманские намерены некоторой воинской промысел учинить, тогда они всех християн, которые под их владением живут, казнить хотят. Услыша про то народ тамо живущей християнской к патриарху прислали выборных людей своих и велели ему указать, дабы он той

[674] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 310–311.

[675] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 317–318.

[676] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 329, 343–344, 423.

грамоты к великим государем не посылал, а буде отпуститъ без их ведомости, тогда они ево казнить хотят, дабы великие государи против той грамоты намерения своего которое имеют против турков не отвратить»[677]. Это сообщения были особенно важно для российского правительства, поскольку свидетельствовало, что хотя вступление России в войну против Османской империи ухудшили положение живших здесь православных христиан, однако они все равно с надеждой ожидали успехов русского оружия.

Информация об ухудшении положения православных в Османской империи подтверждалась и в более поздних сообщениях. Из Вены 2-го августа писали: «Всякие же разные статьи выдумывают как бы московские государи примирить к себе и для того каимакаму указано говорить греческому патриарху чтоб к московским государям писал буде они оружия свои от татарских рубежей назад не возвратят и крепости в которых турки в осаде не покинут, и они намерены всех християн в государствах их обретающихся порубить и церкви божия разорить»[678]. 28 июня из Рима сообщали: «Ныне ведомость пришла, что галеры мальтейские /живут на острову вольные рыцери/ турской карабль взяли на, котором греческий епископ со многоми невольники был, и хотели того епископа в ссылку отвесть, в турской остров Борор»[679]. Аналогичные сведения приходили и позднее: «Из Цряграда августа в 23 день… Вчерашнего дня впервые ведомость пришла, что албанцы в Мореи взбунтовались на турок и капитан генерал Марозини Лепанто, Патрасо и Дарданелли взял, и того ради великое смятение учинилось и опасно, что всем християном в турской земле обретающимся будет худо»[680]; «Из Цряграда августа в 2 день… венецыяне в Мореи все оприч Микотра, Малвазия и Коринфа городов

[677] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 420–422.

[678] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 484, 488.

[679] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 469.

[680] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 3. Л. 210, 212

овладели, и того ради опасаемся, что как зде, так и во всей турской земле обретающиеся християне насилу в живых оставлены будут»[681].

Подтверждение достоверности этих газетных сообщений российские власти получили год спустя, когда в Москву приехал архимандрит афонского Павловского Георгиевского монастыря Исайя, доставивший русским государям грамоты от константинопольского и сербского патриархов, а также валашского владетеля с призывом к активным военным действиям против Порты[682]. 13 сентября 1688 г. он сказал в Посольском приказе, что «послали ево цреградцкии настоящий патриарх Ияков, да прежде бывший цареградцкий ж патриарх Дионисии и все духовенство и весь православно християнский народ, обретающийся под игом бусурманским, и мултянский господарь Шербан, и архиепископ сербский Эпексий, нареченный патриарх, и все сербы, и болгары и волохи и мултяны им великим государем их царскому величеству бити челом о своем избавлении ис под ига бусурманского, понеже самое то пришло время их избавления того дела». Исайя жаловался, что «они де православные християне, под игом их живущие, от них, бусурман, в тои их погибели все разорены и розграблены и посечены и в плен позабраны, а имянно турские войска в прошлые годы и нынешняго лета, не могучи против сил цесарских и венецких стоять, уступая назад в Греческой, Ромелскоий, Морейской, и Сербской, и Болгарской землях православных християн мечю и огню предали болши трехсот тысяч, а протчих християн младых и полу женского неисчетное множество, в неволю свою бусурманскую побрав, везли за море во Анатолию и за море во Азию и во Египет, а городы, в которых то православие пребывало, и монастири и святыя церкви божии все до основа-

[681] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 3. Л. 213, 214.

[682] Чеснокова Н. П. Жалованная грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича 1683 г. афонскому Павловскому Георгиевскому монастырю из собрания Российского государственного архива древних актов // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.-СПб, 2007. С. 473.

ния разорили и пожгли, и ни чего жилища не оставляют, а то христианом разорение те бусурманы учинили со всего своего соборища поганского и с повеления самого салтана и старшины и муфтия того для: первое, дабы в тех помянутых землях живущие християне не сложились с неприятели их, с войски хрстиянскими, и на них самих не восстали; второе дабы они и их жилища и пожитки в корысть войску христианскому не достались, а хотя те места войска христианские и возмут, и тем достались бы все пусты, да у тех же бусурман положен междо собой совет когда войска християнские учнут приближатись внутрь их государства к самому Цреграду, и ко Свте горе, и к иным местам, тогда они бусурманы в тех местех и в Црегороде всех християн искоренят, и грады, и святые монастыри, и церкви разорят и погубят, сами в свои поганские жилища откуду пришли тудыж за море уступят, и чтоб прмилостивые на свете единые православные великие государи их царское величество изволили о них православно множеством христианстве попечение учинити, и их от такой погибели избавити»[683].

Беды грозили греческому населению Османской империи не только от турок, но и от их противников. Об этом рассказывалось в сообщении из Парижа, попавшего в куранты от 25 октября: «…Из Цряграда пишут к нам что многие греки и турки от туду во Азию уходят з животами, опасаясь, что им тако ж будет от венецыян, как многим жителем»[684]. Тем не менее, из Венеции продолжали поступать сообщения о поддержке греческим населением действий венецианских войск: «Войско наше после бою и взятые крепости Лепанто и Патрацо в которых хлебных запасов не токмо на год нашли, но и многие богатства. Ныне на время отдыхает и пересылки имеет с ыными порубежными городы и обещались уже греки, маноты и иные розные турские

[683] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1688 (7196) г. Ед. хр. 16. Л. 89–92.

[684] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 3. Л. 137–138.

подданные с нами совокупитца и союзно с нами устие морское утеснить, чтоб турским караблям ни какие запасы х каравану не привесть»[685].

В целом материалы курантов за 1687 г. свидетельствуют о том, что православное население Османской империи с радостью принимало войска антитурецкой коалиции и оказывало им помощь. Расспросные речи архимандрита Исайи несколько корректировали эту благостную картину. С одной стороны, Исайя упоминал о присутствии греков в венецианской армии, но, с другой стороны, сообщил: «Церковь святую православногреческую всегда наветуют и ненавидят папежники, то есть римляне, и которые городы в Венгерском королевстве и в Морее цесарские и виницеиские воиска у турков побрали, а в них и в уездех их обреталис святыя церкви греческого закона, и те уже святые церкви папежники учали превращать и принуждать к унее, а иные обращать на костелы, а когда им римляном пощастить впредь, и что нечто главного с турчанином учинять и под свою власть православнохрстианские земли ис под ига турского достанут, или и Црьград возмут, то они православные христиане все вышепомянутые земли в пущую погибель, нежели под турком придути, вера святая православногреческая вся погибнет, искоренитца, понеже римляне святые монастыри и церкви обратят на костелы, а иные принудят в проклятую унию, и горшая им будет беда последняя нежели первая. Хотя де под игом турским и тяжко им жить, однако в вере ни какова насилия и принуждения не бывает, а то де сущая и подлинная у святеиших патриархов и у всего христианства православного ведомость есть, что папежане у себя постановили все митрополии и епископии взяв ис под ига турского разделяя в епархии превратить в костелы римские и поставить своих римских бискупов, а православное духовенство искоренить и изогнать, и от того де их римского намерения все православие пребывает в великом сетовании и печали»[686]. Таким образом, сообщения православного духовенства

[685] Там же. Л. 40–41.

[686] Там же. Л. 92–94.

Османской империи корректировали известия немецкой и голландской прессы.

Подавляющую часть известий «греческой» тематики в курантах за август – декабрь 1687 г. составляют новости о военных победах венецианских войск. Всего на эту тему в куранты было включено около 20 статей общим объемом более 20000 знаков в компьютерном наборе. Иногда это были краткие упоминания о боевых действиях, а иногда – подробные отчеты. Приведем в качестве примера текст о взятии Патраса и Лепанто из курантов за 19 сентября, которые сообщались «великим государем» 26 сентября «в Троицком объезде в селе Воздвиженском»: «Список с листа писанного из града Лепанто /был турской ныне за венецыяны/ июля в 25 день о победе над турками и о взятии различных крепостей в Мореи. Как уже надежды не было на помочь малтейских, папалыниских и флорентииских ратных людей, то советовано аще ли лутчи в Далмацыи или в Мореи воевать. В Далмации о взятии города Кастела Нова, а в Мореи для ссор во всей земли возможно было от сего нас удержать. Моровое поветрие, которое в разучных городах того королевства еще владеет и великая сила неприятельская, которая тамо в собрании обретается и нам зело вредить возмогла бы. Но господь бог преизрядную победу над ними нам дал, таки на ум наставил его превосходительству графу господину генералу фельтмаршалку[687], когда где то дело начать. Впервые жестоко страшно было то дело всчинать под крепостью Патрасо, где неприятельские ратные люди дерзновенные 12000 человек нас при своей большей крепости ожидали. Его превосходительство в походе на низ идучи намерен был инако, нежели капитан-генерал[688] которой с ним на галерии был, но по небольших розговорех капитан-генерал пристал к совету и намерению его превосходительства. Высаждение ратных людей из галер учинилось счастливо на берех меж болот, так что и со обоих сторон от неприятельских людей

[687] Имеется в виду фон Кенигсмарк.

[688] Имеется в виду Морозини.

опасения ни какова не было. По совершенном высаждении ратных людей впервые бывшие ссоры были меж его превосходительством и капитан-генералом, которой хотел, чтоб прежде осадить и добыть Патрасо или Кастело Лепанто. А его превосходительство напротив того объявлял что невозможно тому быть покамест неприятеля с поля собьют. Но по многих ссорах капитан генерал видя, что ко его намерению от галер наших 10 миль италианских итит было кругом, принужден бе пристать к совету господина генерала-фельтмаршалка говоря: “господине, понеже ныне счастье и нещастье наше на провожании вашем состоитца, то и аз всю полную мочь отдаю вам сухим путем делать и провадить так, как вы о том чаете ответ дать”. И после того превосходительство приказал готовитись к походу, а как ночь всю чрез многие болота и горы шли, пришли есмь на ровное чистое место, у которого места с левой стороны небольшие горы. Его превосходительство ни как не чаял многих ради причин, что неприять[689] бою не даст, но инако объявилось, ибо таким же желанием как мы того хотели. А после как неприятель нас видел издалека идущих, то изготовились и вышед из обозу своево построясь строем к нам встречю шли. У нас на правой стороне к горам линнебурские ратные люди зело укрепились рогатками, а на левой стороне к болотам стали наши драгуны и рейтары, а в среди достольное войско большая часть новых полков, а пред сими стояли словяне передовым полком. И в таком строю ожидали мы неприятелей, которые в полдень в самом большом жару к нам приступ учинили. Начальники, которые от младых лет своих с турки бивались по истине сказали, что никогда такого жестокосвирепого приступу и бою не видали, как сей. Первой бой и приступ был на левую сторону, и по великом огню ис пушек и из мушкетов, взяв сабли в руки крепко приступали. Но и его превосходительство обоз свой от неприятельского огню уберег, учал на приступающих ис пушек бить и так неприятель отвратясь с левой стороны всеми силами на правою сторону приступали и так наипаче им уда-

[689] Так в тексте.

чи не было, ибо его превосходительство их вящее туда желал и ждал. Постоянство и мужество линебурских ратных людей довольно похвалить возможно, ибо неприятеля при великом огню в их рогатки наступающаго мужественно отбили, и охладились от жару зело те, что их жестоких недрузей побив пред собою видели. И как от страху в помешание пришли, то наши рейтары и словяне за ними в погоню пошли, а линнебурские ратные люди строем пред собою несучи рогатины за ними ж шли. Бои был велик и его превосходительство не похотел, что бы остановились и отдохнули неприятели. Гнал их даже до леса. И после того вскоре видели мы что неприятель все свое зелье или порах зажег, которое великим дымом из обозу поднялось. Страх и помешание у них столь велико было, что в том же часу Патрасо и кастело Лепанто отбегши все покинули. Помешание и страх учинился у них для того, что сераскир паша албанский на бою убиты, и ни ково не было чтоб то войско править. Паша, которой из одной страны от Лепанто стоял с 6000-ю человек турки слыша нечаемую ведомость, також в помешание и страх пришол, так что как он увидел галеры которые капитан генерал туда изготовил себе к походу, он, паша, город Лепанто, которой непобедимым почитан был, зажегшим и подкопами разорив, покинул. Невозможно что когда ни есть больши помешательный страх был, как между турки по нынешней победе. Мы здесь медлети больши не будем, но идем к Коринфу, или к проливе морской, чтоб уходящему неприятелю путь перенять»[690].

Таким образом, мы видим, что в 1687 г. российские власти регулярно получали важнейшие известия о событиях, происходивших в Греческой земле. Остановимся подробнее на вопросе о том, как быстро сведения из различных регионов Османской империи попадали в Россию. Сравнив данные о времени получения новостей в Москве из заголовков курантов с датами корреспонденций, которые указаны в самих статьях, можно составить общее представление о скорости распространения информации. Оказалось, что из-

[690] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 3. Л. 29–34.

вестия из Смирны попали в Москву за 72 дня, из Константинополя – за 61 и за 72 дня, а из Галиполи за 54 дня. Сообщения из Мореи попадали в Посольский приказ несколько быстрее – за 52 и за 56 дней. О взятии Патраса и Лепанто в Москве узнали 59 дней спустя, а о взятии Афин – через 92 дня.

Интересно сравнить известия курантов 1687 г. со сведениями, которые привозили в Россию греческие купцы и представители духовенства в это же время. Несмотря на то, что они приезжали в Россию регулярно, за 1687 г. пока удалось выявить только одно сообщение о событиях в Греческой земле. 30 апреля 1687 г. в Посольском приказе расспрашивали греческого купца из Константинополя Федора Афанасьева. В августе 1686 г. перед его отъездом из османской столицы «Пришла ведомость в Царьгород из Анапаля, которая земля от Царьгорода ходу сухим путем в дватцати днищах, а морем Белым, естьли добрая погода, в пяти или во шти днищах, что тое землю взяли венецыяне таковым прилучаем. Когда услышали турки будучи в Анаполе приход на себя морем венецыян, тогда опасаяс хрстиан греков и иных земель благочестивые веры людей, которые живут в тои земле Анаполе, ружье у них все отобрали, а потом не по многом времяни, из них же гречан выбрали воиска, которые годны с 15000 и дали им сабли и янычанки и порох и наряд пушечной со всяким приуготовлением и послали их на берег, где проходить венецыяном на строжу и на битву против тех венецыян умысля, то чтоб бился християнин с християнином, а и началных людей послали над ними гречан же, а турков им не дали, а как их посылали, тогда выбрав из них лутчих людей 1000 человек оставили бутто в аманатах в Анаполье, и усумневся что учинили они то напрасно, что де они греки совокупятца с венецыяны, взяв тех выборных всех порубили, а тех де порубят или побют венецыяне, и как греки увидя что венецыиские карабли идут жалея по тех выборных своих греках, послали к ним для опасения в Анаполе с ведомостью сто человек, и они вошед в город увидели кождой родственника своего и друга что они порублены, говорили о том паше Карагасану и иным, что они порубили греков

их лутчих людеи напрасно, и они де их велели потому ж взять и из них де ушли многие, и дали о том на берег ведомость, и когда де венецыяне к берегу подошли, тогда те досталные будучи на стороже греки, дали на карабли ведомость, чтоб их принять под свою оборону, и венецыяне отпустили к ним лотки и карбасы, и они на те карбасы и лотки сев все взобралис к венецыяном, опасаяс того чтоб им тут же от турков не пропасть, а как греки на карабли к ним все взобралис, и всех распросили, их учали добыватца под Анаполем стрелять с кораблеи ис пушек, и выбили стену, и в то время турки учинили вытрубку, а по вытрубке выслали к ним послов просить о розмене, потом то окончения не восприяло, учали о том же битис, и победу одержали над городом венецыяне, и греков, которые к ним передались и своих людей послали на берег, и тое землю всю, в которой до дватцать сем городов, взяли и поставили тут своих началных людеи, а гречанина Либерака обрали венецыяне над теми греки гетманом над всею тою землею, а та земля подобием на Крым около море, а где сухой въезд тут толко шесть верст, а кругом тои земли с восмь сот миль француских…»[691].

Как видим, рассказ Федора Афанасьева об освобождении от турок Навплиона отличается обилием подробностей, отражающих греческий взгляд на событие. Однако до Посольского приказа эти сведения добирались целых 8 месяцев – для курантов срок немыслимый. Приведем для сравнения другие поездки греков, которые позволяют судить о времени возможной доставки новостей. 1 февраля 1687 г. в Посольском приказа расспрашивали архимандрита Синайского монастыря Кирилла. Он выехал из Константинополя 20 августа предыдущего года[692]. Между его отправлением в дорогу и расспросом в Москве прошло более 5 месяцев. Архимандрит Македонского Архангельского монастыря Парфений выехал из своей обители 13 февраля 1687 г., а в По-

[691] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1687 (7195) г. Ед. хр. 8,. л. 17–20.

[692] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1687 (7195) г. Ед. хр. 6. Л. 6–7.

сольском приказе с ним беседовали 21 сентября[693]. На дорогу у него ушло 7 месяцев. Архимандрит константинопольского Преображенского монастыря Кирилл выехал в дорогу в марте, а только 21 октября посольские подьячие записали его сообщения[694]. И в этом случае дорога заняла больше половины года. Таким образом, мы видим, что вести с территории Османской империи добирались до Москвы через немецкую и голландскую прессу значительно быстрее, чем напрямую, через приезжих из стран юга и юго-востока Европы. Это вполне естественно, поскольку хорошо налаженная почтовая связь имела существенные преимущества перед путешествующим человеком.

Разумеется, было бы ошибкой утверждать, что с появлением курантов рассказы купцов и православного духовенства потеряли свое значение. Греки играли большую роль в сборе информации о положении дел в юго-восточной части Европы. Этому способствовало то, что лояльная к России греческая диаспора имелась во всех сколько-нибудь значительных городах региона, а торговая активность греков способствовала переносу информации.

Сравнивая сообщения греков с известиями из курантов, отметим, что известия греков были гораздо более информативны, чем материалы европейской прессы. Это не удивительно, поскольку греки часто становились наблюдателями, а то и непосредственными участниками интересующих русское правительство событий. Особенно следует отметить роль греков в наблюдении за настроениями жителей Валахии и Украины. Греческие купцы постоянно проезжали через эти земли, а торговые дела способствовали установлению тесных контактов с населением. Вряд ли можно сомневаться в том, что «украинские» известия греческих информаторов были особенно ценны для российских властей.

Приезжие греки могли сообщать российскому правительству информацию, оставшуюся тайной для прессы. Они могли не только доставлять сведе-

[693] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1688 (7196) г. Ед. хр. 1. Л. 12–13.

[694] РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1688 (7196) г. Ед. хр. 5. Л. 4–8.

ния, но и осуществлять обратную связь, выполнять какие-то специальные поучения и т.д. Кроме того, рассказы приезжих представляли [695]российскому правительству информацию о том, как происходящие события оценивало православное население Османской империи. Таким образом, говорить о ведущей роли того или иного канала информации в отношении населенных православными греками регионов Османской империи нельзя. Правильно будет сказать, что расспросные речи и куранты дополняли друг друга. Следует согласиться с мнением А. В. Гуськова, писавшего, что «на повестку дня следует поставить утверждение о невозможности изучения внешней политики России второй половины XVII в. без учета материалов курантов»[696].

3.3. Куранты как «зеркало» жизни России

В последнем разделе данной главы будет рассмотрен весьма специфический комплекс материалов курантов – известия иностранной прессы о России[697]. Очевидно, что новостное значение этих материалов было нулевым. Тем не менее, к известиям иностранной прессы о Московском государстве составители курантов относились очень внимательно. В предыдущем разделе уже говорилось о том, что желание Алексея Михайловича регулярно получать иностранную прессу началось с размышлений о том, что в западных изданиях пишут о нем самом.

Куранты позволяли властям получить объективную картину того, как Россию воспринимали в Европе. Данный вопрос будет рассмотрен на материале периода регентства царевны Софьи Алексеевны и правления царицы Натальи Кирилловны. Обилие информации не позволяет рассмотреть все

---

[695] *Гуськов А. Г.* Вести-куранты. 1671–1672 гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 169.

[696] *Гуськов А. Г.* Вести-куранты. 1671–1672 гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 169.

[697] Публикации о России в немецких газетах подробно исследованы: *Welke M.* Russland in der deutschen Publicistik des XVII Jahrhunderts (1613–1689) // Forschungen zur Osteuropaeische Geschichte. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 105–276.

русские известия курантов. Из-за этого исчерпывающе будут рассмотрены лишь новости периода Московского восстания 1682 г. За последующие годы приводятся только наиболее интересные материалы, позволяющие рассмотреть переводы разных тематических групп. Сведения эти интересны еще и тем, что дают ряд уникальных сведений по русской истории, не отмеченных в других источниках.

Известия о России в курантах периода Московского восстания 1682 г.

Известия о России времени правления царя Федора Алексеевича были рассмотрены в специальном исследовании[698]. После его смерти количество сообщений о России в курантах продолжало увеличиваться. Некоторые из сообщений явно имели официальное происхождение. Они рассказывали о планах российского правительства и решениях, принимаемых на заседаниях Боярской Думы. Такая информация не могла быть доступна случайным людям. К сожалению, вплоть до создания системы постоянных дипломатических представительств в Европе в петровское время мы практически не имеем сведений о том, как конкретно эти известия попадали в западную прессу. Надежным источником информации по данному вопросу лишь позднее станут отчеты дипломатов о проделанной работе и потраченных средствах. Для периода регентства царевны можно лишь предположить, что какая-то часть информации исходила от руководившего Посольским приказом В. В. Голицына, которого часто упоминали иностранные газеты.

Известия курантов рассматриваемого периода открываются любопытнейшим комплексом сообщений о восстании в Москве 1682 г. Две статьи относятся ко времени недолгого периода правления Нарышкиных. Обе они вошли в куранты 14 июля 1682 г. Из Амстердама 15 июня сообщили о смерти

---

[698] *Шамин С. М.* Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670-1680-х гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2003.

Федора Алексеевича. Другое известие было более подробным: «С Москвы мая в 22 день. У нас ныне большая печаль, занеже его царское величество преселился от сего земнаго царствия в небесное царство, а на ево место учинился наследником и престол восприял брат его царского величества меньшой десяти лет, в котором чаят великого благоразумия, а мати его государыни, которая велми целомудра и богобоязна при нем же пребывает»[699]. Данная статья, вероятнее всего, датирована по Григорианскому календарю. По принятому в России Юлианскому календарю, это 12 мая. Более поздняя датировка исключена, поскольку 22 мая Москва уже находилась в руках восставших стрельцов. Сообщение имеет вид официального известия. Его автор подчеркивает особый статус Н. К. Нарышкиной и представляет «велми целомудру и богобоязну» вдовую царицу как регента при малолетнем сыне. Сходное сообщение имеется среди записей Разрядного приказа за 27 апреля – 25 октября 1682 г.: «А в то время в тех местех при нем, в. г., изволила быть мать его государева благоверная г. ц. и в. к. Наталия Кирилловна»[700]. Мысль о том, что после воцарения Петра I власть фактически перешла к Наталье Кирилловне, была высказана еще С. М. Соловьевым: «правление государством, по известному обычаю, против которого никто не спорил, переходило к матери его, царице Наталье»[701].

Между тем, в своей недавней работе А. С. Лавров высказал мнение, что «согласно древнерусской традиции, на время несовершеннолетия наследника престола управление государством передавалось в руки регентского совета из наиболее знатных и доверенных бояр. Зачаток подобного совета без труда можно увидеть в боярской комиссии, ведавшей Москву при князьях Хованских. После ее роспуска последний законный преемник власти был устра-

[699] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 208, 209.

[700] Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 257.

[701] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. История России с древнейших времен. М., 1991. С. 254, 255.

нен»[702]. Приведенные выше данные курантов свидетельствуют о том, что роль представителя малолетнего Петра I выполняла его мать, а не гипотетический «регентский совет из наиболее знатных и доверенных бояр»[703].

Майские события в Москве должны были отразиться в курантах за август месяц. К сожалению, эти сводки не сохранились или еще не найдены. В обзор от 4 сентября входит сразу две статьи с новостями о противостоянии между стрельцами и холопами, относящиеся уже к лету 1682 г. 13 июля из Москвы сообщали: «Несогласие междо стрельцами и боярскими людьми и до ныне пребывает. И вседневно новые смятения и убиение приключаются. После Троицына дни нощию били в набат и слышно было четыре стрельбы, которыми не токмо весь град, но и посады смутились. А после того ведомость учинилась, что стрельцы, как услышали на себя скоп боярских людей, на них пошли и розогнав их многих порубили. Которым способом те люди боярские уж успокоились, и возвратились к прежним бояром своим, и хотят у них жить по-прежнему, как верным рабом подобает». Данное известие, скорее всего, описывает «всполох», произошедший в ночь с 4 на 5 июня, когда появились слухи, будто боярские люди порубили солдат Бутырского полка[704]. В той же статье имеются и другие сведения о положении дел в России: «Царское величество указали отпуск объявляющие грамоты о представлении брата своего и о начатии государствования своего к друзьям своим и союзникам. Немецким полковником указано итти в полки на службу против хищающих башкирцов при Казани и Астрахани, чтоб их привесть к послушанию. Те ж начальные люди скоро будут у государской руки».

---

[702] *Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 77, 78.

[703] Видеть же в роли регентского совета (или его зачатка) боярские комиссии, оставленные на время государева «похода» управлять Москвой, не представляется возможным. Подобные комиссии были нужны для оперативного решения второстепенных дел, не требующих обязательного вмешательства царя. Они назначались и при вполне дееспособных государях.

[704] *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 204.

Назначение «в полковыя воеводы против башкирцов» 25 мая было «сказано» боярину Петру Васильевичю Меньшому Шереметеву[705]. Однако в смертном приговоре И. А. и А. И. Хованским говорится: «Да тебе же, князь Ивану, по их в. г. указу велено было послати на Низ для обороны казанских мест от калмыков и изменников башкирцев пехотныя полки, и ты их в те места по многим их в. г. указом не отпустил, и учинился в том их царскому указу непослушен и противен. А ныне в тех местах от тех воинских людей чинится разорение великое»[706]. Известие о предполагавшейся посылке «немецких полковников» в других источниках не встречается.

Сообщение из Львова /от 31 июля/ отразило не столько реальные факты, сколько слухи о московских событиях, которые ходили на окраинных территориях России: «От границ московских к нам пишут, что царь Иван /в подлинном так/ с стрельцами на некоторой горе окопался, где он со 180 дворов боярских вырубить, их же животы разграбить велел. Донские казаки стоят за 7 верст от столицы. Такожде объявляют, что чернь совокупилася и хотят с стрельцами учинить брань, которым случаем горящей огонь ноивящеи становится»[707]. Известие интересно тем, что позволяет узнать, как воспринимали московские события в провинции. Очевидец московских событий 15–17 мая, Генрих Бутенант, писал: «все три дня, пока продолжался этот бунт, стрельцы действовали от имени царя Ивана Алексеевича, хотя никого ни о чем не спрашивали, и делали все, что хотели»[708]. Судя по процитированной статье из Львова, декларативные заявления стрельцов уже в середине лета

---

[705] Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 19.

[706] Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 132.

[707] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 225, 226.

[708] *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни ими. Петра Великого. 1672–1689. М., 1875. С. 48; См. так же: *Лавров А. С.* Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. // ВИД. Т. 27. СПб., 2000. С. 191–199.

[708] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 342.

1682 г. превратились в не имеющие ничего общего с действительностью слухи о том, что виновниками убийств 15–17 мая был сам Иван Алексеевич.

Остальные сообщения курантов 1682 г. можно разделить на три тематические группы: сообщения о передвижении Российских послов по Европе; о волнениях на западных окраинах России; об усмирении восстания в Москве. Эти известия удобнее рассмотреть в соответствии с хронологией самих событий, а не дат публикации в газетах или включения в сводки курантов.

Из Копенгагена 12 ноября 1682 г. (сводка курантов 30.12.82.) писали: «Недавно московскои посол, бывшеи у двора свеиского, сюда приехал, имея при себе людеи 17 человек. Ему ж вчерась после полудня повелели по обыкновенному чину быть на приезде, а в предлагании своем объявил, яко по преставлению брата своего государя настоящее его царское величество в мирном обладательстве пребывает, о своей же доброй склонности к здешнему государству чрез него, посла, велел обнадежить»[709].

Все «приграничные» сообщения европейских газет имеют польское происхождение. О происходящем у западных границ России в Польше знали гораздо лучше, чем о московских делах. Из Гамбурга 15 сентября 1682 г. (сводка курантов 18.10.82.) сообщали: «К нам пишут изо Львова, что королевского величества польского купно ж с королевою тамо ожидают из Яворова, а московский посланник по се время на приезде не бывал. К нам же от московских границ ведомость приходит, что многие пахотные мужики да воевода черниговской связаны, взяты суть. Об них же чают, что худой к ним поступок учинен будет. Тамо же иная смута учинилась, в которой человек с пятьсот побито суть. Калмыки собрались и хотя к ним послали уговаривать, однако ж тем никакая польза не последовала, и пребывают все в великом смятении, токмо во Украине все тихо»[710]. Подобное же известие было от-

[709] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 342.

[710] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 260, 261.

правлено из Львова 10 ноября (сводка от 12.01.83): «Великое смятение на Москве не токмо и до ныне пребывает, но и сверх того вновь являются х кроволитию еще причины, понеж стрельцы в Смоленске востали на воевод постановляя против их зговор противной, а бояря случаются у царей, иже указ послали к 8000 человеком недалече от свеиских границ стоящим, чтоб шли в Смоленск. Но они тому указу послушны быть не хотели, глаголя, что не намерены де они имети брань с своею братьею, о чем обои цари велми страждут и бояр призывают, чтоб сие злополучение предварили и злобное наругание у стрелцов прекратили, чесо ради у них опасаются, чтоб оттоле вновь страшное кровопролитие не последовало, если то настоящее несогласие не усмирится»[711].

Из других источников известно, что в Смоленске, где располагалось четыре стрелецких полка, переформированных из солдатских, стрельцы в июле 1682 г. написали челобитную с жалобами на притеснения и убытки от своих полковников и послали ее через воеводу в Москву. Они отставили старых полковников и пятидесятников и выбрали из числа стрельцов новых. В Москву выехало несколько их представителей, но челобитная все не рассматривалась. В конце концов, правительство, направлявшееся в это время во второй «поход» в Воздвиженское, демонстративно пожаловало одного из смоленских полковников – Мельгунова – в стольники. Посланная из Москвы 5 сентября грамота о присылке смоленских полковников для расследования запоздала – последовали казни 17 сентября и капитуляция восставших[712]. О том, что правительство пыталось подавить выступление в Смоленске при помощи военной силы и столкнулось с отказом служилых людей выполнить это распоряжение, в других источниках не говорится ничего. К сожалению, в курантах не указано, какие именно из войск, расположенных «недалече от свеиских границ» правительство попыталось задействовать при подавлении

[711] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 17.

[712] *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 337.

выступления в Смоленске. Сведения курантов о волнениях в Чернигове уникальны.

Поступление подобных известий за рубеж плохо сказывалось на имидже России. В конце концов, чтобы пресечь распространение негативных слухов российское правительство закрыло границу с Польшей. Об этом извещали «Ис Польши» 28 декабря 1682 г. (сводка 2.02.83): «Здесь мы получили новые вести с Москвы, что тамо великую осторожность чинят при польских границах, никого же, хотя кто верныи торговыи человек московскии, в дальные городы не отпускают»[713]. Известия о закрытии границ в конце 1682 г. в других источниках не обнаружено. Однако причины таких действий вполне понятны. Проникновение за рубеж слухов о тяжелом положении дел в Москве могло спровоцировать внешнюю агрессию. О том же, какие слухи ходят в Европе, русское правительство видело по курантам.

Последний период Московского восстания в немецких и голландских газетах отразился довольно подробно. Сообщение из Львова от 22 ноября (сводка 5.01.83.) позволяет сделать вывод, что хотя открытого разрыва отношений между Хованским и покинувшим Москву правительством так и не состоялось, о фактическом двоевластии знали не только в России, но и за рубежом: «Ведомость к нам приходит с Москвы о наивящем смятении не как прежнее бывало, понеже господин Хованской, получив себе первоначалство у служителеи и многолюдство приставающих угодников, дерзает владением преодолети великих государей таким мнением, яко царем подобает во всем на него уповати»[714].

Следующее известие относится ко времени стрелецкого возмущения, последовавшего непосредственно после казни Хованского (сводка 30.12.82.). «Из Амстердама декабря в 2 день. В грамотках из Риги нам объявляют, что тамо приехал некоторой свейской посланник с Москвы с вестью, что царское

[713] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 55.

[714] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 8.

величество указали смертью казнить господина Хованского, первоначального у надворной пехоты, купно ж и с сыном ево, кроме большаго сына иже ушол, о чем ратные люди только восприняли озлобление, что их царское величество осадили в их полатах. Но оное обретая случай оттоле уйти в поле, в некоторой монастырь. И те бунтовщики и противляющиеся пошли за ними, чтоб известь их. Но от того времяни никакие вестовщики или гонцы оттоле сюда не бывали и доныне не ведомо, чем та смута прекратилась»[715].

Сводка курантов от 2 февраля включала два сообщения о том, что происходило в Москве сразу после возвращения правительства в Москву: «От Элбы реки декабря в 8 день. Ныне к нам пришли грамотки с Москвы ноября 14-го числа писаные со объявлением, что тамо бывшее смятение усмирилось, понеже их царское величество изволил принять остерегания ради разных чинов дворян московских и городовых. И шли с ними от Троицы з 20 000 человек к Москве, где во измене бывшие стрельцы их царскому величеству с повиновением покорялись. Из них же в тот час 6000 человек сосланы, а достальным тож вскоре быти в сылках. Меж тем их царского величества дворяне вседневно ходят с саблями и с обухами при государских полатах, и во всяких случаях готовы суть к брани»[716]; «Из Ругодива декабря в 1 день. С Москву к нам ведомость приходит, что стрельцы ныне приходят к чувствованию и об учиненном смятении велми сетуют, понеж из них многих побивают междособною распрою, и доводом многим же по указу царского величества смертная казнь учинена, тако ж и старому Хованскому, яко начальнику бывшего смятения достоиная мзда получена есть, яко ж и сыну его меньшому, иже как отца ево казнили, к стрельцам прибегал, глава отсечена есть, которым способом ныне то страшное смятение по милостивому их царского величества разсмотрению паки усмиряется и успокаивается»[717].

---

[715] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 360-361.

[716] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 56, 57.

[717] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 57, 58.

Наиболее позднее сообщение о стрелецких волнениях включено в сводку от 17 марта 1683 г. Оно любопытно тем, что содержит версию, в соответствии с которой князья Хованские выступают виновниками всех событий 1682 г.: «Из Варшавы генваря в 29 день. Нам с Москвы получились сие последующие вести, что бывшая измена ныне час от часа от некоторых стрельцов открывается, которые всю вину полагают на старого и младого Хованских. Иже оба прикреплены тем же стрельцы прикрачены суть – сице лишением глав своих и завотчиков. Ныне же паки покаряютца царем своим. А Хованскому явно пред всем народом глава отсечена и протчим в мятеже ево угодником наказание и смертная казнь учинена»[718]. Данная версия впервые появляется в царской окружной грамоте к ратным людям с указанием о немедленном их приезде для подавления восстания в Москве (не ранее 6 не позднее 10 сентября 1682 г.)[719], но в указ о казни Хованских внесена не была. Активно она распространялась в первые месяцы после казни Хованских. Позднее правительство отказалось от этого обвинения[720].

Подводя итоги сделанного выше обзора известий курантов периода Московского восстания 1682 г., следует отметить, что в целом европейская пресса существенно преувеличивала реально происходившее в Московском государстве «смятение». Причина этого вполне понятна. Большая часть попавших в европейскую прессу сообщений об этом событии основана на циркулировавших в России слухах, которые отличалась обилием неточностей, преувеличений и вымысла. Для борьбы с распространением этих слухов 21 мая 1683 г. был издан специальный указ, грозивший смертной казнью тем, кто говорил «похвальные и иные многие непристойные слова» про «мимошедшее смутное время» и распространял «тому ж делу приличные пись-

[718] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 131.

[719] Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 113

[720] *Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 116–117.

ма»[721]. В отличие от времени восстания Степана Разина, в 1682 г. фактов целенаправленного распространения в европейской прессе материалов, порочащих Россию, не отмечено. Очевидно, это связано с тем, что русское государство уже 15 лет не воевало со своими западными соседями и уровень неприязни к «московитам» несколько снизился.

Известия о России в курантах времени правления царевны Софьи Алексеевны

Известия о России периода регентства царевны Софьи в курантах встречаются часто. Они могут быть темой отдельного исследования. Здесь мы остановимся лишь на некоторых, наиболее важных и интересных темах.

Особое внимание европейская пресса уделяла вопросу о том, будет ли Россия участвовать в войне против Турции или нет. С этой точки зрения любопытно одно из венецианских сообщений, в котором, в связи с русско-турецким мирным договором, писали, что «царское ж величество такого договора ради велел послу своему голову отсечь и изготовляет войска, чтоб те места паки отыскать». Данная «новость» абсолютно недостоверна, однако она все же была включена в куранты, которые зачитывались на заседании Боярской Думы 10 января 1683 г. Против этих слов на полях помещена помета «зри»[722]. Подобные пометы на полях курантов встречаются лишь в исключительных случаях. Возможно, что неизвестный нам автор пометы хотел показать свое отношение к заключенному миру.

В курантах нашли отражение известия о приезде в Москву в 1684 г. цесарского посольства во главе с Себастьяном Блюмберком (Блюмбергом) и Иоганном Христофором Жировским. Основная задача данного посольства состояла в том, чтобы вовлечь Россию в борьбу с Турцией. В Посольском приказе перевели брошюру, озаглавленную «Речь, какова цесарское великое

[721] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. М., 1828. С. 477, 478.

[722] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 7.

посолство чрез господина барона фон Блюменберха мая в 28 де у его царского (в тексте слово повторено дважды) величества в латинском языке отправилась, которая для тщания на немецкой язык переведена напечатана 1684 году». Среди прочего австрийский дипломат говорил: «Лев (Турция – *С. Ш.*) ныне раздроблен: лев осужден орлу (России – *С. Ш.*) на пищу. Салтанов меч починает тупиться. Верьте и подлинно чайте, что нынешней салтан подобен старой бабе, которая не умеет шить, но плакати»[723].

Факт повторного перевода речи, содержание которой было уже известно слушателям курантов (ведь она произносилась именно перед теми людьми, для которых предназначались куранты!), кажется странным только на первый взгляд. Во-первых, сама публикация данного документа в европейской прессе была важна для русского правительства, как показатель значимости страны на международной арене. Во-вторых, вполне возможно, что руководивший посольским приказом В. В. Голицын, считавший необходимым возобновить войну с Турцией, был заинтересован в том, чтобы призывы к возобновлению военных действий лишний раз прозвучали на заседании Боярской Думы. Попала в куранты и статья о впечатлениях Блюмберга от «московских» переговоров, отчет о которых он отправил в Вену вскоре после того, как покинул пределы России. Австрийский дипломат сообщал, что он доволен хорошим приемом в Москве, где его «обнадежили» скорым выступлением против турок. «Меж тем его, Блюмберка, ожидают у здешняго двора, иже привезет преизрядного мало бываемаго сокола с Москвы, которого князь Васильевич, первый служитель у московского двора, послал к цесаревичю к арцуху Иосифу… Сии двои посланники у их царского величества прошением своим получили, чтоб езувитом поволили костел построить в пребывателном царствующем граде Москве»[724].

---

[723] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 3–5. Л. 299–309.

[724] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 3–5. Л. 517.

Два других известия на «русско-турецкую» тему попали в европейские газеты непосредственно из Москвы. Они имеют вид официального сообщения. В голландских газетах писали: «С Москвы сентября в 24 день. Часто здесь сидение бывает о воинском деле и поговаривают о учинении союза с цесарем и с полским королем и всчать воину с турским салтаном, понеже ныне союзники те и речь посполитая венецеиская ныне крепко на турков наступают. И многие наши поговаривают, чтоб нынешнее благополучное время не пропустить, а совокупитца с ним. Но для того, что великие государи наши их царские величество во всем к миру склонны, и многие наши ныне о начинании войны не приговаривают. Однако ж чаем, что на будущую весну к тому склонны будут потому, что ныне уж указали всем началным людем, чтоб были в готовности и собрать пред весною полки свои. И во все городы отослать указали многие хлебные запасы. Их царское величество по обыкновению в некоторои монастырь ходили молебствовать, а за ними был первоначалнеишии князь Васильевич»[725]. Близкой по содержанию была и публикация из немецкой прессы: «С Москвы сентября в 26 день. Обои царские величества пошли в различные монастыри для молебствования по обыкновению, а за ними пошол первоначалной князь Василей Васильевич. Зедесь же несколко днеи крепкое сидение и дума была так о государственных, как о воинских делех и как бы в нынешних опасных случениях поступать, а особно о сем предлаганном деле зело думано, аще ли при нынешних с Оттоманскою Портою постановлениях не лутчи б было мир нарушить, явную войну против ее всчать, зане так Римское, как Полское государства и венецыяне тое воюют. А многие были в думе началные, которые желали, чтоб нынешнеи случаи не пропустить. Но и оне ж обои царские величества зело миролюбны суть. И того ради к тому делу склонитись не изволили. И тако ж для того, что Оттоманская Порта здешнему государству дружелюбно обещает во всем, в чем возможно будет удоволствование. Однако ж понеже всем полковником и

[725] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 3–5. Л. 671.

началником указано полки свои в готовности иметь в полном числе, то может быть, что на весну иная мысль будет»[726].

В этих публикациях В. В. Голицын выдвигается на первое место, а европейским партнерам России сообщается, что вступление русского государства в войну вполне возможно, но вовсе не обязательно. Такая позиция позволяла добиться при переговорах о вступлении России в войну наибольших уступок. Практически одновременное появление этих «новостей» в газетах разных стран не оставляет сомнений, что известия распространялись преднамеренно.

Сообщение 1686 г. из Москвы о заключении «Вечного мира» с Польшей и о вступлении России в войну против Турции интересно тем, что имеет несколько «слоев» информации. Во-первых, в нем сообщалось о фактическом разрыве отношений с Крымом и Османской империей. Во-вторых, европейских читателей извещали о новом, официальном статусе царевны Софьи в качестве соправительницы юных царей. В-третьих, вновь подчеркивался особый статус В. В. Голицына: «С Москвы июля в 3 день. Царское величество нынешние недели полномочных своих послов отпустили к полскому королю для подтверждения миру, и оттуды им ехать к цесарскому величеству. Прошлой недели паки к Москве приехал татарской посланник и объявил ханским именем, буде царское величество мир с полским королем разрушат и они не токмо жалованья, что им дают по вся годы впредь не будут спрашивать, но против всех их государских неприятелеи стояти будут. Однако ж великие государи указали того посланника за караул посадить до далняго времени. Великие государи указали впред в челобитных и в грамотах и во всяких писмах в приказех писати в титле имя великие государыни царевны Софии Алексеевны. Здесь великое приготовление чинитца воисками к будущей весне, и великое собрание будет ратным людем итти в Крым. Господам бояром, которые были в договорех с полскими послы дано многое их государ-

[726] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 3–5. 702, 703.

ское жалование, меж которыми ближнему боярину князю Василью Васильевичю Голицыну дано 200 дворов крестьян в вотчину сверх того многие запаны и иные дары[727].

В конце 1686 г. из Москвы уже писали о подготовке войск: «С Москвы декабря в 9 день. Великие государи их царское величество оба на Москве и пребывают времянем в государственном собрании. Пред несколкими днями первому налному (так в тексте, вероятно описка, «генеральному» – *С. Ш.*) служителю сказано честь государственного генерала и быть ему у князя Васильевича Голицына, и с ним в последних числех февраля месяца генеральной смотр учинить царским войскам не далеко от Кореча. И верно что тех воиск в собрании будет 300000 человек, с которыми воиском после совершения счастливых мирных договоров с польским королем в Крым итить и татарску орду навещать будет»[728]. Объемное сообщение о подготовке русских войск относится к началу весны 1687 г. «С Москвы марта в 27 день. Февраля 27-го числа боярин князь Василей Васильевич Галицын канцлер и полной гетман всего государства поднялся, и с ним многие боярские дети и дворовые люди стольники и всего чину служилые люди, которого войска с ним пошло 70000 человек. И смотрел их царское величество Петр Алексеевич и указал всякому полку перед собою стрелять. А конница во изрядном наряде и платье и оружие была, и после всего смотру на прощании указал его царское величество изо всех пушек вдруг выстрелить, меж которыми две новые розорвало и дву человек пушкарей убило. У боярина князь Василья Васильевича Голицына, яко зело у искусного воина указано быть в товарыщах боярину Алексею Семеновичю (Шеину – *С. Ш.*), которой преж сего был под Смоленском. С Москвы же и изо всех Московских городов и уездов велено итти четвертому человеку в воиско, а которой тому указу будет противен, и того не токмо животов лишать, но и кнутом наказанье чинить и в Сибирь посылать. Того

[727] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 8. Л. 18–20.

[728] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 20,21.

ради младые и старые люди охотою и не охотою для множества войска идут. Тешин /так на печатном подлинном/ неискусной человек от нынешняго воинского походу откупился, дал 6000 рублев, на которого место пожалован князь Володимер Дмитревич Долгорукой храбрый полководец. У князя Василья Васильевича генерал и полковник Агей Алексеевич Шепелев, а с ним 70000 розных чинов воинских людей, храбрый ковалер, которой прежде сего под Чигирином был и многих турков побил, а во всем войску обретаетца у пушек. И указано на крымских рубежах смотр чинить и несколько сот стругов с хлебным и с воинским запасы под Киев посланы, а оттоле указано их проводить далее Днепром. Рыцарство смоленское и некоторых полковников, которые непрестанно были у Голицына, дарил собольими шубами и крепко приказал старшинам, чтоб они в тех шубах на службу шли, токмо междо ними немногие обретаютца к воинскому делу потребны. Некоторой начальной человек сам изо уст господина Голицына слышел, что идут ныне Крым разорять и бусурмана искоренять. И турки дороги у нас в Крым не отнимут и услышат християнскую силу»[729].

Уже в начале 1687 г. сообщалось о новой дипломатической акции: «С Москвы генваря в 31 день. Великой полномочной посол князь Яков Долгорукой с Москвы отпущен ко французскому королю. И указано ему возвестить против турок и татар»[730]. Надеялись ли в Москве привлечь Францию к участию в антитурецком союзе? Скорее всего, нет. Несмотря на то, что в Посольском приказе знали об участии Франции в Кандийской войне на стороне Венеции и десятилетиями собирали известия о столкновениях французского флота с турецкими пиратами на Средиземном море, «турецкие» симпатии Франции были хорошо известны русским дипломатам, об этом неоднократно сообщалось и в курантах. Так что направление посольства во Францию следует рассматривать как «рекламное» мероприятие.

[729] РГАДА. Ф. 155. Оп 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 292–295.

[730] РГАДА. Ф. 155. Оп 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 170.

С начала лета 1687 г. сообщения, присланные из Москвы в европейские газеты, представляют собой своеобразную хронику боевых действий русских войск. Они подробно рассмотрены в работе А. П. Богданова[731]. Отметим лишь еще одно «военное» сообщение из Москвы, в котором опровергается обвинение Польши в том, что Россия уклоняется от военных действий: «С Москвы марта в 16 день. По доношению жалобы от польского посланника на учиненном договоре, что с московские стороны туркам и татаром никакая препона не учинилась на отпор им, чтоб не прошли в Польшу, такой ему ответ дан, что невозможно было путешествие препинати, понеже от жестокие зимы все реки и переправы замерзли, и им везде путь был свободен. А ко удовольству коруне польской ныне постановлено наивящее войско с Москвы послать к татарским границам и построить крепость на реке Самаре»[732].

Поход на Крым 1687 г. был неудачным, однако правительство царевны Софьи предпринимало усилия для того, чтобы в иностранной прессе появлялись положительные публикации о России. В донесении шведского посланника Христофора Кохена от 23 сентября 1687 г. ливонскому генерал-губернатору сообщалось, что «здесь озабочены изданием за границей, на немецком и голландском языках, хвалебного описания похода, в котором будут изложены подробно причины безуспешного возвращения многочисленного царского войска»[733]. Составленное в России «Истинное и верное сказание» о походе на Крым было переведено в Амстердаме «на латинский, цесарский, французский языки. И взяв себе, в Галанской земле пребывающие послы и резиденты: цесарской, гишпанской, французской, аглинской, свейской, датской, полской и венетской,– послали к своим государям, и тем случаем разосланы во всю Европу»[734]. В том же году по указу царевны Софьи

---

[731] *Богданов А. П.* От летописания к исследованию. М., 1995. С. 391–399.

[732] РГАДА. Ф. 155. Оп 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 504.

[733] *Висковатов К. А.* Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина, 1878. № 9. С. 122.

[734] *Богданов А. П.* От летописания к исследованию. М., 1995. С. 394.

русский почтмейстер А. А. Виниус договорился с бургомистром Амстердама Н. Витсеном об издании ее гравированного портрета[735]. Можно предположить, что «Истинное и верное сказание» было издано таким же способом.

Походу на Крым 1689 г. посвящено большое число статей курантов, однако война не исчерпывала содержание известий российского происхождения. 11 сообщений было посвящено торговле с Россией. В основном, это известия о приходе в Архангельск голландских и гамбургских судов[736]. При этом в сообщениях дважды упоминался торговый дом Келдерманов. Не исключено, что некоторые статьи о русской торговле попадали в европейскую прессу именно через представителей этого коммерческого предприятия. И торговавший в России Томас Келдерман, и его отец Андреас неоднократно оказывали русскому правительству услуги на дипломатическом поприще[737]. Дважды встречаем известия о шведских проектах, которые должны были облегчить транзитную торговлю через Россию с Ираном. В куранты 30 мая 1687 г. включено сообщение, отправленное из Ирана почти годом ранее: «Из Испагани июля в 10 день. Прошлого году свейскому послу, которой уже два года здесь медлился и о постановлении торговли с Персидою чрез Москву и Хвалынское море договор предлагал и искал, чтоб свейским торговым людем в некотором пристанище того ж хвалынского моря постановить факторство или торговой промысел и построить тамо карабли европиским подобием, которыми удобнее мочно было ездить по морю не как теми, которые по се время обыкновенны были. Для того, что те суды яко неключимые скоро потонут. А дерево ко устроению тем кораблям угодные хотели они высеч из

---

[735] *Копанев Н. А.* Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 245.

[736] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Л. 658; 1685 г. Ед. хр. 7. Л. 39; 1686 г. Ед. хр. 7. Л. 60, 94, 109; 1687 г. Ед. хр. 6. Л. 11, 473, 474; 1688 г. Ед. хр. 9. Л. 504; 1688 г. Ед. хр. 9. Л. 11, 391, 392.

[737] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. М., 1828. С. 490–492.

наших лесов. От шаха такой ответ учинен есть, что он шах имеет в государстве своем два моря, которые едино нарицаетца Ормус или море Персицкое, а другое называетца Баку или Хвалынское море. Его ж шаховы предки припустили християнских промышленников к первому морю, сице к Ормусу, еже силою они овладели, а к другому морю шах отнюдь не намерен их допущати или в нем таво то ради промыслу их имети»[738]. В 1688 г. появилось сообщение на эту тему из Стокгольма: «Из Стекольна августа в 7 день. Дано в намерении и предлагании было чтоб путь водяным с Москвы во Псков озером употреблять и реками из озера на Юрьев Ливонской, а оттоле к Фелину, а от Фелина к Пернаву проехать, чтоб прямо возможно было судами русскими в Пернаву приезжать. А что по се время то войны ради не исправлено, ныне для русской и персидцкой торговли то совершить послано 500 человек для очищения рек пути тому»[739].

Приходили известия об отправке русских войск на китайскую границу «допрашивания ради, для чего они на рубеже разорили город» (1686 г.)[740] и даже о погоде в Москве и Новгороде (1687 г.): «С Москвы июня 16 день. От большого снегу, которой выпал, многое разорение от великих вод в реках учинилось, и многие села и монастыри и деревни от водного потопления разорены стали. А наипаче в великом Новгороде от того потопления городовым стенам и иному зданию починилось разорение, и того ради тогда почты в пути своем были замедлены»[741].

Не обошли европейские газеты своим вниманием и свержение царевны Софьи (1689 г.): «С Москвы ноября в 26 день. Ведомо чинят к нам чрез Ригу, что смятение на Москве вовсе утишилось, а царь Петр Алексеевич самодержец совершенное владетельство восприял обще з братом своим царем Ива-

[738] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. 320–322.

[739] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. III. Л. 74.

[740] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 5.

[741] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 388, 390.

ном Алексеевичем, а царевна пошла в монастырь и тамо до скончания живота жить обещалась во иноческом чину и покаяние богу приносить, а владеющии царь Петр Алексеевич намерен во всем своем государском дворе премену учинить и уже старых начальников изволил отставить, а вместо них учинил новых. А при дворе своем уж никакова француза не имеет, и впред не изволяет имети, из государства Росииского всех указал выслать. Подлинно говорят, что на будущую весну паки великое воиско на турок, и того ради мало тамо о миру с оттоманскою Портою слышно»[742]. Из Львова писали и о том, что оказавшийся в это время в Москве украинский гетман Мазепа поддержал сторонников Петра: «… а из-за Днепра ведомости к нам пришли, что гетман Мазепа со всею своею старшиною с Москвы к себе возвратился, и от великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца зело милостиво принят. И старые казацкие волности и приволи достал, того ради он великии государь у того народа в великом почитании, и к его государской службе всегда обещались ставитись готовы. К ссылке Голицына тот Мазепа бутто много спомогал, понеже в прошлом году многие обиды от него принужден был терпети»[743]. Это сообщение помогает понять причины особого доверия Петра I к Мазепе в последующие годы.

Пожалуй, самое любопытное сообщение о свержении царевны Софьи пришло также из Львова (от 10 ноября): «…Его королевское величество с Москвы октября со 12 числа подлинную ведомость и письма имел, что некоторые бояре кажнены смертью, а Голицын со всем домом своим послан в дикие поля в ссылку, а иные хотят, что и Софья убита, а сыновья Софьины и имяна их изо всех книг выхерены и на вечное житие в монастырь посланы»[744]. Первая часть сообщения о казнях и ссылке Голицына вполне досто-

[742] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 332, 333.

[743] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 297, 298.

[744] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 280.

верна. Вряд ли можно сомневаться и в том, что среди сторонников Петра были люди, желавшие смерти Софьи. Та же часть статьи, которая говорит о «сыновьях Софьиных», на первый взгляд кажется совершенным вымыслом. Существует ли хотя бы теоретическая возможность появления детей у царевны? Однозначных и достоверных сведений о характере ее личных взаимоотношений с мужчинами из ближайшего окружения не сохранилось. Авторы последних биографических работ, хотя и расходятся во мнениях, принципиально не отрицают присутствия интимных отношений в жизни царевны в период регентства[745]. При этом дочь Алексея Михайловича вряд ли кто-то специально учил методам контрацепции. Если же учесть продолжительность периода регентства, то появление детей выглядит вполне естественным. Встает вопрос, почему, если данный факт имел место, мы не встречаем упоминаний о нем в других источниках? Единственным объяснением может быть то, что в распространении этой информации не были заинтересованы ни сторонники царевны, чей образ непорочной девы оказался бы безнадежно испорчен, ни ее противники, для которых наличие у Софьи детей мужского пола (пусть и незаконных) представляло потенциальную угрозу.

Конечно, было бы ошибкой, основываясь на одном маргинальном источнике рассматривать наличие детей у Софьи как доказанный факт. Сообщение курантов может быть только отправной точкой для исследования вопроса. Гораздо более перспективной является другая интерпретация статьи. Выше уже говорилось, что информация о детях царевны Софьи попала в газеты через Львов. Наблюдения над курантами 1670–1680-х гг. показали, что львовские известия о России чаще всего связаны со слухами, циркулирующими на Украине. Вполне вероятно, что подобные «новости» появились после свержения правительства регентства в казачьей среде, весьма склонной к выдвижению самозванцев. В любом случае, вне зависимости от интерпрета-

[745] *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. М., 1998. С. 281; *Хьюз Л.* Царевна Софья. СПб., 2001. С. 74–78.

ции, сам факт появления слухов о детях царевны Софьи представляет значительный интерес.

Известия о России в курантах времени правления царицы Натальи Кирилловны

Известия курантов о России времени правления царицы Натальи Кирилловны отличаются разнообразием. В них включали статьи о погоде[746], торговле иностранных купцов (в петровское время сообщения на эту тему обычно попадали в куранты в тех случаях, когда торговле что-то угрожало – в 1692 г. и позднее, в 1695 г. писали о французском пирате Яне Барте[747], а также о пожаре, нанесшем вред архангельской торговле)[748], и даже о русских

---

[746] Два сообщения 1692 г.: «С Москвы генваря в 15 день. Здесь так великая стужа, что о таковой памяти нет. Птиц по 30 и по 40 сверху падают, а людей уже от того 500 человек померло». (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 157.); «С Москвы генваря в 11 день. Ныне у нас настал такой страшный мороз, яко никогда при человеческой памяти не бывало. И низ падают не токмо множество птиц из облак замерзлых, но и по дорогам болши пятисот человек от хлада погибли». (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 183.)

[747] «Прошлой суботы пришел московской караван с опасным своим кораблем под владением капитана Бекмана щастливо в пристанище Тесель, а сказывают, что остерег его небольшой свейской карабль от Ян Барта французского разбойника» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 568.); «Из Амстердама декабря в 14 день. ... Междо тем здесь ради карабельного каравана, которого мы из Московского государстве дожидаем, не в малом опасении есмы потому, что к нам ведомости ни какой не было, которым путем тот недавно из Дуннкерка вышедшей капитан Барт пошел, которой нам великой страх сотворил»; «Из Амстрадама декабря в 22 день. Ныне караван карабельной из Московского государства в целости пришел». (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 826.) В 1696 новое известие об этом пирате стало основанием для указа, требующего от должностных лиц на Северной Двине остерегаться пиратов. (Waugh D. C. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Harvard University, Cambridge (Massachusetts) 1972. C. 71.)

[748] «С Москвы октября в 4 день. Печальная ведомость получена, что у города Архангельского в 17 день великим ветром, а в 20 день чрез пожар всякие товары ж пенька, юфть, кожи и прочие при том иноземные товары на 50000 рублев потеряно. И згорели в том числе 5000 берковцов карабельной пеньки было, а что ветром на водех…». (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 319.)

старообрядцах[749]. Однако, в большей степени, европейцев, как и прежде, интересовали военные дела.

После свержения правительства Софьи вопрос об участии России в войне против Турции и Крыма был временно снят с повестки дня. Тем не менее, в прессе постоянно появлялись статьи, авторы которых выражали уверенность в том, что Россия продолжит войну. Уже в начале 1691 г. из Москвы в газеты приходили новости о новом походе русских войск на Крым уже под предводительством самого Петра I: «С Москвы февраля в 2 день. Их царское величество указали не токмо всем войскам к походу готовым быть, но и везде запасные дворы построить к походу на татар войною»[750]. О том же писали и из Вены[751]. Очевидно, восемнадцатилетний Петр, у которого к этому времени уже родился наследник (в свое время статьи об этом так же включались в куранты[752]) чувствовал себя достаточно взрослым. Он желал сделать то, что не смог Голицын. Хотя в итоге план нового похода на Крым реализован не был, в 1692–1694 гг. известия о том, что в России вооружаются, появлялись регулярно.

В начале октября 1691 г. Петр занимался «воинскими потехами». Их описания появлялись в курантах: «Из Варшавы декабря в 10 день. С Москвы

---

[749] В поле зрения европейцем попали те из старообрядцев, которые покинули территорию России. Одни оказались на территории Ирана. О них сообщалось в большой корреспонденции на «персидские» темы из курантов 1692 г.: «... Известно учинилось, что 600 козацких фамилии /знатно донские/ для некоторых обид от патриарха им учиненных, предались к шавкалу выше персицкого Дербени города стоящие». (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. 36–38.) Другие перешли на службу турецкому султану и оказались в осажденном войсками Петра I Азове. Про эту группу писали в 1695 г. в корреспонденции из Львова: «Из Украины подлинная ведомость получена у коронного великого господина гетмана, что Москва уже под Азовом с 40000 человек потеряли, а однако ж города не взяли. А филипиане /раскольники/, которые с турками в городе обретаются, мужественной отпор чинят...» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. 385.)

[750] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 6–7.

[751] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 7–8.

[752] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 346.

нам подтверждают о потехах воинских великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца на поле, которые чинены для радости рождения ево государского сына, великого государя царевича и великого князя Алексея Петровича, со многим веселием и учреждением. И воинские обыклости в такой были осторожности, что за вины иным чинено наказание. А бояря и стольники многие и дьяки были в одеждах немецких, а купецкие люди тут были со всяким съестным запасы»[753].

В 1692 г. наиболее заметной «российской» новостью был приезд в Москву персидского посла Усейн хан-бека. О посольстве рассказывалось в целой серии корреспонденций. Наиболее ранние сообщения о нем появились в январе: «Ожидают к Москве великое посольство персицкое, и о встрече того посольства царское величество, чтоб честно принять, великое радение чинят…»,[754] «…указано всякому боярину с 15 дворов дать по человеку, и на Москве поставить и проводить того посла с великим войском на польской рубеж»[755], «…А сказывают, что те послы по отпуске с Москвы к цесарскому двору путешествие свое управляти будут при провождении ратных людей до самых границ»[756].

Любознательный Петр специально ездил навстречу персидским послам, чтобы посмотреть на привезенных ему в подарок льва и львицу[757], однако в сообщениях из Москвы эта поездка получила гораздо более солидное обоснование: «Его царское величество царь Петр Алексеевич пошел в Астра-

---

[753] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 319.

[754] В этой же статье говорится, что «Их царское величество посланников х королем и князем евангелицким, дабы чрез них них всяким их дружеллюбием обнадежены были». РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 126.

[755] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 157.

[756] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 168.

[757] *Богословский М. М.* Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. М., 2005. С. 126.

хань и, учиня тамо всякие надобные к войне належащие вещи, скоро назад будет»[758].

Описание въезда персидского посольства в российскую столицу было отправлено из Москвы в европейскую прессу 26 апреля: «Замедление посла в пути было за войною бухарскою, а в Астрахань чесно принят и хотел оттуды к Москве быть к Рождеству, но помешало ему то, что жена ево, которую он на дороге купил, родила. И для того несколько недель жил в Казани. А приехав в Москву для изготовления встречи стоял немалое время. А въезд того посла был в Москву марта 11-го числа. А встречали ево великое число вооруженных бояр. А полки конные и пешие стояли по обе стороны дороги 20 человек, да на тои же встрече, оприч бояр, некоторые люди были в латах и 1300 человек царских служителей. Такожде ведены 6 лошедей в драгоценном наряде серебряными чепями. А как посол ис кореты своеи, которая зеленым сукном обита, вышел, то посажен в сани и во весь въезд свои пил табак. А людей с ним было 60 человек и два льва, да 2 клетки птичьи. И был тот ево въезд от полудня за 2 часа до полуночи, а привез с собою в дарех драгоценные подарки, а на приезде не был, токмо к тому готовится»[759].

Известия об отправлении из России в 1692 г. посольства в другую экзотическую для Европы страну – Китай, попало в куранты только в 1693 г.: «Из Берлина декабря в 30 день. Немецкой торговой человек на Москве обретающейся именем Елизарей Избрант (имеется в виду голландский купец Эверт Избрант Идес – *С. Ш.*) своими добрыми поступками такую милость тамошнего великого государя царя к себе получил, что от его царского величества послом в Китай послан, и имеет он при себе с 500 человек, междо которыми многие музыканты, живописцы и иные рукодельные люди обретаются, ис ко-

[758] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 157.

[759] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 54–58.

торых многие для учения и для видения того государства поехали, и писал он, посол, з дороги, что уже с 70 миль от Москвы обретается»[760].

Уже в конце 1692 г. в куранты включили новые известия о деятельности Петра. В декабре из Варшавы сообщали: «С Москвы пишут в достоверных грамотах, что великий государь царь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя Росии самодержец ис Переславля о Семене дни паки к Москве пришел, и намерен был в блиско лежащих преображенских полях паки потехи воинские учинить. Но понеже прошлого году на той потехе у многих честных людей руки и ноги переломаны, так ж и князь Долгорукой[761] со многими простыми людьми убит, и ныне многие люди по своих сродниках о том плачут. И для того, а особливо того ради, что его государская мать государыня царица зело скорбна есть, та потеха отставлена»[762].

В корреспонденции из Москвы, отправленной в том же декабре, говорилось уже о новых планах Петра: «Великие государи цари обретаются ныне оба на Москве. Царь Иоанн Алексеевич пребывает всегда здесь, а царь Петр Алексеевич ходит времянем в поход. И намерен он ныне в Переславль итить, а как снегу довольно выпадет, то к городу Архангельскому поидет. И зело склонен цесарского языка[763] учитися, а науку того языка приемлет от господина Виниюса, управителя московской почты. Меж тем ни о каком намерении против Крыму и о продолжении войны с татары ничего не слышать»[764].

---

[760] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 47, 48.

[761] Имеется в виду стольник И. Д. Долгорукий, скончавшийся от ран после «потешных» сражений октября 1691 г. См.: *Богословский М. М.* Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. М., 2005. С. 116.

[762] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 1.

[763] Обычно в литературе упоминают о том, что Виниус учил Петра I голландскому языку, однако почтмейстер знал не только голландский, но и немецкий язык. См.: *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007. С. 207–209, 444.

[764] В этой же статье говорится о приезде из Вены ксендзов, на присутствии которых в Москве настаивал цесарь: «От цесаря Римского посланные ксензы с провожатым своим в прошлом году

Совершенно неожиданные сообщения стали приходить в голландские газеты в 1694 г. В августе из Амстердама писали: «…Последние же грамотки от города Архангельского нам объявляют, что его царское величество у Архангельского города еще ожидает пришествия карабельщика Вламинга, чтоб караблем его исправить малое путешествие х Колскому острову. А дохтур его царского величества на пути к монастырю Святого Николая умре. А меж тем к Архангельскому городу пришли один карабль с красным питьем из французские земли да другой карабль из свейского города Бремена»[765]. Эта, начальная часть сообщения, вполне соответствовала истине. Упомянутый в ней доктор – умерший 31 мая 1694 г. Захарий фан дер Гульст, а Фламинг – капитан Ян Флам, командовавший кораблем, приобретенным по заказу Петра I в Голландии[766].

Из второй же части мы узнаем, что закупка богатейшего по своей отделке корабля привела к тому, что за границей распространились слухи, будто бы сам царь собирается на нем совершить путешествие в Европу: «Нам же возвещают из пристанища Гелженера, что там весь караван галанской торговой числом 350 караблей еще тамо медлят, ожидая доброй погоды. И чает, аще бог дает здоровья, кончае завтро оттоле поидет. Меж тем тамо же пришел король дацкои со всем двором и з галанским резидентом. И велел приготовить всякие преизрядные и торжественные принадлежности к преславному

цесарского при дворе здешнем бывшаго посланника господина Курца с пасынком были нескольно недель в Смоленску задержаны, но третьяго дня приехали сюда и поставлены по обыкновению на посольском дворе и подавать было им прошлого четвертка великим государем царям цесарские грамоты. Но ни в тот день ни в суботу, хотя было того совершенно чаяли, не учинилось, но однако вскоре оное в Посольском приказе учинено будет, а остановилися те ксензы на гостине в том капелле /часовне/ которая тамо по цесарскому веленью построена». РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 76.

[765] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1694 г. Ед. хр. 11. Л. 8–10.

[766] *Богословский М. М.* Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. М., 2005. С. 171, 176, 177.

приему царского его величества потребные. Около же города Кронбурха (крепость в Дании – *С. Ш.*) все тамошние жители, и которые на караблях тамо пришли, с великою радостию его царского величества пришествия ожидают, чтоб учинить достоиным встретением, пушечною стрельбою и всяким благопочитаемым почествованием достаточное удовольство. Всем же чюжеземным тамо пребывающим карабельщиком к различным народом причтенным, накрепко указано, чтоб они в таком случае службу свою и должность всяким возможным радением усердне показали, и что не оставляя, еже к тому желаемо и потребно быти видится»[767]. Был ли этот слух спровоцирован какими-то случайными высказываниями Петра? Или царь действительно предполагал такую возможность? Подтолкнули ли его газетные статьи к заграничной поездке в составе Великого посольства? Ответить на этот вопрос в настоящий момент невозможно, однако мы видим, что мысль о том, что Петр I может посетить Европу, «витала в воздухе» уже в 1694 г. Отнестись к этим материалам со всей серьезностью заставляет слишком уж высокий ранг тех, кто ожидал приезда государя. Ведь русского царя безрезультатно встречали не только голландский посол, но и сам король Дании.

Как видим, круг известий о России, которые попадали в иностранные газеты, а потом включались в куранты, был очень широк. Обилие переводов позволяет не сомневаться в том, что еще до начала самостоятельного правления Петра Великого для московских властей взгляд из Европы на их страну был весьма важен. Если же говорить о новостях в целом, то их содержание следует оценивать, как политическое[768].

---

[767] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1694 г. Ед. хр. 11. Л. 8–10.

[768] Следует оговориться, что, учитывая огромный объем новостей, среди них можно встретить сведения самого различного характера, к примеру, касающиеся экономически, религиозной жизни (См.: *Шамин С. М.* Экономические сведения о Западной Европе, поступавшие в Посольский приказ через куранты (1676–1681 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв.: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 119–122; *Шамин С. М.* К вопросу о влиянии иностранной прессы на духовную жизнь русских людей в XVII – нача-

ле XVIII вв. // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 139–149). Однако удельный вес новостей, которые так или иначе не были бы связаны с политикой, существенно меньше одного процента.

Глава 4. Влияние европейской прессы на культуру политической элиты России

В предыдущих разделах было показано, что на протяжении XVII столетия европейская пресса попадала в Россию регулярно. Сделанные посольскими переводчиками переводы содержали огромный объем информации о жизни в Европе. Однако остается вопрос о том, каково было влияние этой прессы на русских людей, их культуру. Здесь необходимо четко разделить темы функционирования отдельных текстов и восприятия прессы в качестве целостного явления, а также выяснить, какие группы населения с этим явлением сталкивались. Очевидно, что первыми познакомились с прессой те, кто занимался делами управления государством и внешней политикой. То есть речь должна идти о царе и его окружении. Данная глава посвящена вопросу влияния прессы на политическую элиту России.

4.1. Появление слов для обозначения прессы и круг их использования

Первый вопрос, на котором следует остановиться – когда в рамках русской культуры появилось представление о прессе, как о специфическом явлении, отличном от иных источников информации, а также кто конкретно с этим явлением сталкивался? Ответить на него позволяет анализ терминологии, связанной с прессой. Время появления в языке слов для обозначения прессы дает нам хронологические рамки знакомства с явлением. Выявив круг людей, которые пользовались соответствующими словами, мы сможем очертить круг влияния прессы в социуме. При этом необходимо обращать внимание на то, представители каких групп использовали обозначающее конкретное явление слово (термин) на письме (включали его в активный словарный запас), кому предназначались содержащие термин тексты, т.е. от кого ожидалось наличие слова в пассивном словарном запасе.

В первой половине XVII в. такая терминология в русском языке отсутствовала. Как справедливо отмечал в своей работе Д. К. Уо, который первым установил время появления слова куранты в языке, до середины XVII столетия переводчики при переводе иностранных газет в подавляющем большинстве случаев указывали, что ими сделан перевод с листов (листков) или тетрадей, реже писем[769]. К этим основным определениям добавлялись указания на то, что переводимые листы (листки, тетради, письма) являются вестовыми, печатными (письменными для рукописных газет), немецкими (голландскими и т.д.), перечневыми (от слова «перечень», т.е. текст с постатейным перечислением известий). В каждом конкретном случае некоторые дополнительные определения опускались (к примеру, «Перевод с вестовых печатных листов, что при[вез] из Риги агличанин Иван Гебдон»[770]). Такое словоупотребление показывает, что пресса не выделялась из множества других источников новостей. Конечно же существовали люди, которые имели представление о том, что в Европе есть пресса и знали, как она работает, но знание это не было формализовано в виде термина.

Специальное обозначение для понятия «газета» потребовалось в русском языке только в середине столетия. Для этого стали использовать слово куранты, которое встречается в заглавиях голландских периодических изданий. Впервые это слово фиксируется в русском тексте в 1649 г., а его регулярное употребление относится уже к концу 1650-х гг.[771]

До появления слова «куранты» исследуемые материалы одинаково именовались и в среде людей, занимавшихся вопросами внешней политики, и

---

[769] *Waugh D. C.* Seventeenth–Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March, 1972. С. 447–451

[770] В-К V. С. 19.

[771] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Слово «куранты» в русском языке XVII – начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2007 г. № 1. (13). С. 119–152.

среди простых жителей Московского государства. С середины столетия в словоупотреблении намечается дифференциация. Появляется круг людей, использовавших для прессы не описательное именование, а специальные термины. В первую очередь слово распространяется в документах Посольского приказа. Сразу шесть случаев употребления слова зафиксировано в неопубликованном деле конца 1657–1658 г[772].

Вне документов Посольского приказа слово куранты начинает использоваться не позднее 1657 г., когда составлялась «Роспись всяким вещам деньгам и запасам, что осталось по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова». В ней говорится, что «165 году... февраля в 23 день пожаловал государь... Воротынскаго велел ему дати из животов боярина Никиты Ивановича… Шкатулу неметцкую, а в ней... перевод с польскаго письма, как женился Владислав король на цесаревне. Да с курантов перевод, у него начала нет»[773]. То, что документ без заглавия при разборке архива умершего боярина был опознан как «перевод с курантов», позволяет сделать о том, что составитель описи к 1657 г. прочно усвоил данное слово.

Проникнув в русский язык, новое слово далеко не сразу вытеснило традиционные наименования даже из заглавий переводов иностранных газет. В шестом томе «Вестей-курантов» 1660-х годов отдельные названия старого типа встречаются до 1669 г. («Перевод з галанского печатного вестового листа»)[774]. Начиная с 1670-х годов, подобные заголовки в тетрадях и столбцах курантов отсутствуют.

Уже в конце 1660-х – начале 1670-х гг. слово «куранты» используется не только для обозначения иностранных газет, но и в качестве наименования

---

[772] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 5. 1657–1658 гг.

[773] ЧОИДР. 1887 г. Кн. III. С. 60; *Сахаров А. Л.* О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии. // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1964. № 148. С. 397.

[774] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г., Ед. хр. 10. Л. 289.

составленных в Посольском приказе переводов прессы. Чаще всего такое значение можно встретить в делопроизводственных пометах. Обычно подобные пометы на документах с переводами включают одно слово куранты (иногда с добавлением даты). Несмотря на обилие подобных помет, их нужно использовать очень осторожно. Дело в том, что они могли быть проставлены на документе десятки, а то и сотни лет спустя после его составления. Многие пометы связаны с работой по разборке архивов в XVII, XVIII и начале XIX столетия. Встречаются на переводах и довольно обширные пометы, синхронные или близкие времени написания документов. На «Переводе з галанских печатных курантов» 1669 г. имеются пометы: «В том месте выклеены куранты о коровании (так в ркп., вм. короновании)»; «На сих курантах наклеены были цесарские куранты напечатаны о коровании. Взял Андреи Иванов к думному дияку к Лукьяну Голосову»[775]. В этих пометах речь явно идет именно об обзорах иностранной прессы, поскольку иностранные подлинники в столбцы не подклеивались.

Слово куранты в значении «перевод с курантов» (т.е. обзоры прессы) видим и в описях приказных документов, составленных вне Посольского приказа, к примеру, в переписных книгах приказа Тайных дел за 1676–1683 г. В этих книгах встречаются и слово «куранты», и словосочетание «переводы с курантов». Часть зафиксированных в описях материалов сохранилась до наших дней. Как пример можно привести «Столп, а в нем куранты 164-го, 167-го, 168-го, 169-го, 170-го, 171-го году» за скрепой дьяка Артемона Афонасьева[776]. Этот столп в расклеенном виде хранится в РГАДА[777]. Часть дан-

[775] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1669 г., Ед. хр. 8. Л. 99–107. Хотя данная запись, скорее всего, близка времени составления документа, она могла появиться до 1681 года, когда Л. Т. Голосов и А. Иванов покидают Посольский приказ. В таком случае подкрепленное источниками наименование «переводов с курантов» «курантами» следует отнести к 1670-м гг. *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001. Приложение. Список служащих Посольского приказа 1645–1682 гг.

[776] РИБ. Т. 21. Дела приказа Тайных дел. Кн. 1., Спб. 1907. Стб. 635.

ного дела опубликована в пятом томе «Вестей-курантов»[778]. Хотя в описи документ назван «курантами», мы видим в нем именно русские обзоры иностранной прессы, а не оригиналы иностранных газет.

В рассматриваемый период слово «куранты» обычно употреблялось во множественном числе. Филолог А. Л. Сахаров и отмечал, что «Рядом со словом “куранты”… встречается и “курант” (единств/ ч.)», и что «этой форме придавалось специальное уточняющее значение “экземпляр курантов”» [779]. Однако все приведенные в его статье тексты относятся к последним годам XVII – началу XVIII в. Для более раннего времени также можно найти лишь исключительные примеры подобного словоупотребления («Перевод с немецкого печатного куранта, каков подал в Посолском приказе Еремеи Фондергатин, а сказал, что прислан чрез рижскую почту в нынешнем во 179-м (1671 – С.Ш.) году апреля в 8 день»)[780]. Встречаются ситуации, когда там, где по смыслу должно быть употреблено существительное единственного числа, все равно сохранялось множественное число. Так, 9 ноября 1676 г., когда из всех пришедших газет было переведено только одно сообщение (из Кенигсбергской газеты), в заглавии все равно указали, что перевод осуществлен «с цесарских и галанских печатных курантов»[781]. В 1686 г. при расследовании пропажи почты почтмейстер А.А. Виниус в своей сказке, сообщая о находке четырех газет, вместо того, чтобы использовать словосочетание «четыре вестовых куранта», написал «[четыре] листка вестовых курантов»[782]. Это показывает, что хотя в отдельных случаях единственное число слова «куранты» и могло употребляться, нормой такое словоупотребление не стало даже для

---

[777] РГАДА. Ф. 141. 1652 г. № 122.

[778] В-К V. С. 4.

[779] *Сахаров А. Л.* О названии русской рукописной газеты... С. 398.

[780] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 32.

[781] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 91.

[782] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 132.

тех, кто постоянно работал с иностранной прессой. Не встречаются и зафиксированные для начала XVIII в. слова «курантельщик», «курантер» и «курантописец» (издатель газеты)[783]. Русский почтмейстер Петр Марселис в письме кенигсбергскому почтмейстеру от 14 июня 1670 г. использовал слово «друкарник»: «и тебе у тамошняго друкарника о том деле проведывать»[784], а в 1681 г. Виниус в челобитной о закрытии виленской почты отдал предпочтение варианту «печатник»: «по договору моему с печатником рижских курант ныне присылаются и третьи куранты…»[785]. То же наименование использовано в переводе «сказки» голландских купцов (1666): «Бурмистры укажут печатником в вестовых печатных листах печатать…»[786].

Как уже говорилось выше, в заглавиях выполнявшихся в Посольском приказе переводов иностранных газет слово «куранты» вытеснило все иные варианты к концу 1660-х годов. Это означает, что данный термин вошел в словарный запас почтмейстеров, переводчиков Посольского приказа, служивших в приказе дьяков и подьячих, а также царя и бояр, которые слушали обзоры иностранной прессы на заседаниях Думы. В сумме число этих людей не превышало сотню. Кроме того, нельзя забывать, что даже если слово было известно человеку, то он мог и не употреблять его сам. Чтобы понять, сколь широко в реальности распространилось слово «куранты», необходимо проанализировать его употребление вне формуляров заглавий переводов иностранной прессы и делопроизводственных помет.

22 февраля 1659 г. царь Алексей Михайлович дал думному дворянину А.Л. Ордину-Нащокину роспись того, что нужно привезти из-за границы. В нем был упомянут «Лист печатной» и «Вести изо всех государств ежемесяц»

---

[783] В-К I. С. 135.

[784] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 30.

[785] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 57.

[786] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1666 г. Ед. хр. 2. Л. 15.

[787]. Мы видим, что отдельный документ государь именовал просто листом. Когда же царское око охватило более широкую задачу, то речь пошла уже о «вестях» вообще. Таким образом, государь новую терминологию к 1659 г. еще не усвоил. Сам Ордин-Нащокин также пользовался терминологией, сложившейся в предшествующие десятилетия. В челобитных царю 1660 г. он именовал иностранную прессу «немецкими печатными тетрадями» и «вестовыми печатными письмами»[788]. Весной 1664 г. перед отправкой на съезд с поляками для переговоров о прекращении войны Ордин-Нащокин подал государю челобитную, в которой писал, что «шведы составляют злые вести, в Стокгольме печатают»[789].

В договоре приказа Тайных дел с Яном Ван Сведеном (1665 г.), по которому тот начал привозить в Россию иностранные газеты, предмет договора именовался «вестовыми письмами всякими»[790]. Позднее, после передачи почты Леонтию Марселису, новый почтмейстер обязался «чинить подлинные ведомости изо всех государств по-прежнему» (1668) и «держать … почту, что во всех государствах во всякое время делается, вестьми так печатными, как и письменными» (1669) [791]. Хотя в последнем случае доставка «печатных вестей» специально оговорена, в документе по-прежнему отражен старый подход, при котором в центре внимания остаются вести, хотя фактически основную массу доставляемых материалов составляют газеты. В дипломатических документах мы также встречаем старые наименования. В «Отправлении переводчика Тимофея Англера к Галанским статом» (1666 г.) голландские га-

---

[787] *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 109.

[788] РГАДА. Ф. 96. 1660 г., Ед. хр. 2. Л. 420; РГАДА. Ф. 96. 1660 г., Ед. хр. 2. Л. 177.

[789] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 11. М., 1991. С. 156–157.

[790] РИБ. Т. 21. Дела приказа Тайных дел. Кн. 1., Спб. 1907. Стб. 1065.

[791] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 5, 21.

зеты названы «печатными вестовыми листами», «которые печатают вашего владения в городе Амстрадаме»[792].

В письме иноземца Ягана фон Горна к А.Л. Ордину-Нащокину (1667), где Горн предлагает печатать сообщения из России в иностранной прессе, встречаем наименование «недельные вести» в качестве обозначения газет: «я печатать и в неделных вестях ведомо чинить буду»[793]. Другой иноземец, Иван Гебдон, в письмах к Ордину-Нащокину и Алексею Михайловичу также не использовал слово «куранты». В челобитной царю читаем: «И те вести в печатных и письменных листах розосланы»[794]. В ответ на эти сообщения Гебдон получил из Тайного Приказа следующий указ: «Как к тебе ся наша грамота придет, а авизы печатные в немецких государствах … учнут выходить, и ты б те ависы покупал и после тех ависов велел напечатать авизы»[795]. Здесь мы впервые встречаемся со случаем, когда газеты именуются авизами (встречаются также варианты ависы и адвизы). Происходящее из итальянского языка слово авизы выступает в документах как синоним только входящего в русский язык слова куранты. Если куранты – прямое заимствование из голландского языка, то термин авизы вероятнее всего воспринят не из итальянского, а через посредство какого-то из других европейских языков. К примеру, серб Юрий Крижанич, находясь в ссылке в Тобольске, использовал по отношению к газетам именно этот термин: «In advisiis, quae mihi ultimo ad manus venerunt, legi…» (1663 г.)[796]. Словом «awis» в значении газета употребляли в Польше[797]. Термином авизы пользовался в своих донесениях из Варшавы прибывший туда в качестве резидента в 1674 г. стольник В.М. Тяп-

[792] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1666 г. Ед. хр. 2. Л. 6.

[793] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г., Ед. хр. 10. Л. 38.

[794] *Гурлянд И. Я.* Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 61, 65.

[795] *Гурлянд И.Я.* Иван Гебдон… Ярославль, 1903. С. 22.

[796] *Белокуров С. А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 197.

[797] *Покровский А. К.* истории газеты в России // Ведомости времен Петра великого. Вып. 2. М. 1906. С. 6.

кин[798]. В переводе договора о возобновлении работы виленской почты (конец 1685 г.) между московским почтмейстером Виниусом и виленским почтмейстером в четвертом пункте оговаривается, что последний должен «Адвизы по двои присылати со всеми почтами понедельно, и за то послат господину Бисингу по паре соболей добрых в 25 ефимков, а буде адвизов не пришлет и соболей господин Виниюс посылати к нему не должен». Любопытно, что в сказке Виниуса, где руководству Посольского приказа сообщается о факте заключения этого договора, используется термин «куранты вестовые»[799]. О том, что адвизы, которые должен посылать Р. Бисинг, – это именно газеты, говорит тот факт, что со следующего 1686 г. в Москву начинают доставляться «Краковские ведомости»[800]. Кроме того, как любезно указала автору статьи шведская исследовательница Ингрид Майер, слово «aviso» использовалось и в названиях немецких газет. К примеру «Aviso oder Zeitung»[801].

Уже в самом конце 1660-х годов зафиксировано два случая, когда в документах параллельно употребляются старые наименования и новое слово «куранты». В 1669 г. в челобитных переводчиков Посольского приказа на Леонтия Марселиса в одном случае используется определение «вестовые письма», а в другом – «куранты»[802]. В «Книге записной нынешняго 178 году курантом, которые приходят чрез рижскую и виленскую почты», говорится: «И чрез те почты первые вестовые письма посланы чрез рижскую сентября з 17 числа прошлого 177 году, а чрез виленскую марта с 1 числа того же прошлого 177 году. И с тех чисел приходят те вестовые куранты и по се число в неделю, а иные и в 10 дней»[803].

---

[798] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 11. М., 1991. С. 490, 500.

[799] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 107, 108.

[800] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1.

[801] *Bogel, E. & E. Bluehm* Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts. Ein Bestandsverzeichen und bibliographischen Angaben. Bend 3, Bremen 1985. S. 172.

[802] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 24, 40.

[803] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 36, 37.

За все 1660-е гг. вне заголовков переводов иностранных газет удалось найти лишь четыре случая, где слово «куранты» встречается без сопровождения сложившихся в предшествующие десятилетия наименований. Это письма гданьского (1668 г.) и виленского (1669 г.) почтмейстеров[804], челобитная воевод И. Репнина и С. Углецкого с изложением сказки переводчика Л. Цымермана о присылке «курантов о вестях»[805], а также статейный список посольства в Англию и Италию П. Прозоровского и И. Желябужского (1662)[806]. Только с начала 1670-х гг. русские почтмейстеры начинают регулярно употреблять в своих письмах, челобитных, сказках и других документах слово «куранты». Оно встречается в письме Петра Марселиса кенигсбергскому почтмейстеру (1670), в 1680-х годах его активно использует Виниус[807].

В дипломатических документах слово «куранты» также, хотя и появляется, но употребляется параллельно с термином «вестовые письма». В записи переговоров в Посольском приказе со шведским посланником А. Эбершильтом (1672) мы читаем: «И выписка ис курантов, каковы статьи в тех курантах объявились, посланнику казаны и выговариванно посланнику о том пространно»; «Такие де курантовые вестовые письма печатают блиско Риги в Королевце, а в Риге де на цесарском языке ни каких вестовых писем королевского величества подданным печатать не указанно…»[808]. Имеются и отдельные случаи, когда слово «куранты» встречается в документах самостоятельно. Мы видим его в царских указах воеводам М. С. Пушкину (1683), Б. П. Шереметеву (1684 г.), в письме из Пскова от псковского воеводы М. Г. Ромо-

[804] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1668 г., Ед. хр. 9, Л. 20; *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 38.

[805] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1664 г. Ед. хр. 2. Л. 1.

[806] *Кобзарева Е. И.* Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1988. С. 61.

[807] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 30, 57, 83, 86, 87, 104.

[808] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 3 М., 1962. С. 285, 286.

дановского в Посольский приказ (1696 г.), его же губернатору Риги (1696 г.)[809].

Особенно интересно для нас проследить, какие изменения в наименовании курантов (переводов с курантов) происходили при их передаче (или при передаче содержащихся в них сведений) из одного органа государственного управления в другой. На обзорах 25 сентября 1680 г. имеется помета: «И таковы куранты посланы к великому государю в поход». В этой помете наименование «переводы с курантов», имевшееся в заголовке, превратилось в куранты. Ниже идет черновик челобитной, отправляемой царю Федору Алексеевичу: «Холопи твои Янко Одоевский со товарищи челом бьет. Сентября государь в 25 день присланы в Посольской приказ через Рижскую почту вестовые немецкие письма». Далее говорится об их переводе и посылке государю[810]. В этом случае слово «куранты», покинув Посольский приказ, превратились в «вестовые письма». То, что такая смена терминологии при отправке обзоров прессы к царю даже в царствование Федора Алексеевича была нормой, а не исключением, свидетельствует подобная же челобитная от другого боярина из рода Одоевских: «присланы в Посольской приказ через рижскую и виленскую почты вестовые немецкие письма». Далее, так же, как и в первом случае, говорится об их переводе и посылке государю[811].

Аналогичная ситуация наблюдается в случаях введения карантина на границе по известиям из переводов курантов[812]. Таким образом, при выходе информации за пределы Посольского приказа наименование куранты обычно сменяется на вестовые письма. Не менее интересен и случай обратного движения курантов. В письме 1657 г. архангельского воеводы Петра Прозоровского говорится о том, что 25 сентября 1657 г. приказчик, голландец Юрий

---

[809] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 67, 88, 119, 120.

[810] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 23–30.

[811] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 55.

[812] ПСЗ-I. Т. II. № 858. С.294.

Клинк передал пришедшие с последним кораблем «шесть печатных немецких писем». В переводе же они именовались «галанскими печатными курантами»[813]. Подобную же информацию мы находим в деле 1686/1687 г. об утрате почты. Почтарь по дороге в Москву потерял почтовые сумки. После долгих поисков на дороге удалось найти часть утерянной корреспонденции. В челобитных и расспросных речах, присланных тверским воеводой Л.С. Горчаковым в Москву, найденные в ходе розысков четыре иностранных газеты были названы «листами», «листами немецкими», «листами почтовыми». Только Виниус, получив потерянные документы, назвал их в своей сказке «листками вестовых курантов»[814]. Таким образом, за прошедшие три десятилетия ситуация практически не изменилась. Газеты, их русские переводы и обзоры прессы назывались «курантами» в Посольском приказе, а покидая его превращались в «письма» или «листы».

Все приведенные выше примеры употребления слова «куранты» так или иначе связаны с работой органов государственного управления. Встает вопрос, использовалось ли изучаемое слово вне рамок профессионального делового общения. Чтобы решить эту проблему, обратимся к рукописным книгам рассматриваемого периода. К настоящему времени в литературе зафиксировано значительное число случаев, когда материалы европейской и (с начала XVIII в.) русской прессы попадали в рукописные сборники. Следует констатировать, что слово «куранты» встречается в них исключительно редко. Наиболее ранним из таких сборников является № 43 из собр. Археологического общества РНБ, датирующийся по содержанию временем после 1680 г. В него вошла подборка «переводов с курантов» 1663–1680 гг. Один из заголовков помещенных в сборник текстов выглядит так: «Список с печатных цесарских и з галанских писем каковы переведены в нынешнем во 178 м году октября в 13 день». Ниже идет подзаголовок: «Перевод с печатных с цесар-

[813] РГАДА. Ф.155. Оп. 2. Ед. хр. 5. 1657–1658 гг. Л. 90–96.

[814] *Козловский И. П.* Первые почты… Т. 2. С. 124-133.

ских и з галанских курантов»[815]. Еще один сборник конца XVII – начала XVII (БАН, 17.8.9) содержит текст, который читается также в записках дипломата И.А. Желябужского: «В курантах почтовых печатных польских и немецких напечатано…»[816]. Исследователь рукописей Д.К. Уо считает, что происхождение обеих указанных книг связано с Посольским приказом[817]. В отношении сборника Археологического общества, № 43. предположение о его связи с Посольским приказом можно аргументировать дополнительно. Дело в том, что в эту рукопись вошел целый комплекс переводов из приказного архива за конец 1660-х – начало 1680-х годов. Наиболее поздним из этой подборки является рассказ о двух старцах, предрекающих конец света, переведенный в Посольском приказе в 1680 г.[818]

Кроме перечисленных случаев, можно отметить еще подметное письмо Посошкова (1700): «Зделали почту… для полезнаго слышания вестописменных курантов, что в коей земле делаетца»[819]. Из приведенных примеров очевидно, что употребление слова «куранты» вне сферы деятельности органов государственного управления крайне ограничено, а все примеры его использования в рукописных книгах относятся к самому концу XVII в.

Весьма разнообразны формуляры переводов, выполненных во время Великого посольства 1697–1698 г[820]. Во многом это связано с тем, что значительная часть переводов с курантов из Великого посольства дошла до нас в

---

[815] Публикация. Waugh *D. C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus. Ohio. 1978. С. 128

[816] БАН. 17.8.9. Л. 16.; Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., комент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990. С.246.

[817] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus. Ohio. 1978. С. 224–226, 228, 229.

[818] *Шамин С. М.* В ожидании конца света в России (конец XVII – начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–138.

[819] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 135; ЧОИДР. 1888. Кн. 2. Отд. 2. С. 40.

[820] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12; Ф.155. Оп. 2. Ед. хр. 67. 1697г.

черновиках. Но большое значение имело и постоянное изменение условий, в которых работали переводчики. В формулярах преобладает слово «куранты», однако встречаются и определения «печатный диариуш», «печатный лист», «печатное письмо», «перевод с немецкого письма с галанских курантов», «перевод с галанского печатного меркуриуша» (слово «меркуриуш» скорее всего заимствовано из заглавия газеты – *С.Ш.*), «вестовые печатные письма». Составлявшиеся в то же время в Москве в Посольском приказе переводы с курантов, за небольшим исключением, имели стандартные формуляры[821].

Интересную информацию для изучаемой темы дают пометы на оборотах московских обзоров прессы времени Великого посольства. Эти пометы очень разнообразны. Изредка в них встречается слово «ведомости»: «… о сих ведомостях к великим и полномочным послом чрез почту писано», «… из сих ведомостей выписав что доведетца послать к великим и полномочным послом чрез почту», «…выписать что доведетца послать к великим и полномочным послом для ведома»[822]. Конечно, подобные пометы составляют абсолютное меньшинство, но они показывают, что слово ведомость, хотя и не приобрело еще значения газета, но все чаще используется в связи с переводами с курантов. В 1699 г. встречаем помету «… выписав, что надлежит к ведомости, послал чрез почту в Азов»[823].

В переводах с курантов 1700 г. после стандартного заголовка, где содержание документов характеризуется как перевод с печатных курантов, следует дополнительный подзаголовок, в котором сообщается, что дальше идет перевод с «письменных курантов», «письменных вестовых писем, присланных с курантами», «письменного немецкого (польского) листа (листов)».

---

[821] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13.

[822] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 483 об., 657 об., 693 об.

[823] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1699 г. Ед. хр. 11. Л. 238 об.

Среди таких подзаголовков мы дважды встречаем: «да в письменных ведомостях, присланных с теми ж курантами написано»[824].

С начала XVIII в. регулярные обзоры иностранной прессы в Голландии составлял А.А. Матвеев[825]. Эти переводы переписаны почерком самого Матвеева. Обычно он использовал слово «куранты». Однако встречаем также и некоторые исключения: «Перевод с повседневных галанских печатных газетов»; «Перевод с ведомости дневной»[826]. Таким образом, в одном комплекте документов вместе с традиционно употреблявшимся словом «куранты» оказались «газеты» и «ведомости». Если слово «ведомости» использовано с целью разграничить «повседневные» куранты и «дневную», т.е. разовую печатную ведомость, то «повседневные галанские печатные газеты» полностью по своему значению дублировали «куранты». Данное упоминание слова «газета» в русском тексте является наиболее ранним, из зафиксированных на сегодняшний момент.

К концу XVII в. слово «куранты» широко использовалось Петром I и его сподвижниками. За 1694–1700 гг. оно тринадцать раз упоминалось в переписке Петра с А.А. Виниусом, А. Бутенантом фон Розенбушем, Ф. Лефортом, Г.И. Головиным, Ф.Ю. Ромодановским, А.М. Головиным, Ф.А. Головиным, Г.Ф. Долгоруким [827]. Причем в письмах 1696 г. к Петру от Андрея Бутенанта фон Розенбуша дважды используется единственное число «курант»: «… а курант, в которое тои напечатено, у мене в бережение для свидетелство»[828]. Уже в начале XVIII в. использование единственного числа становится нормой.

---

[824] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8. Л. 47, 154.

[825] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1-72.

[826] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. Л. 1, 40, 68.

[827] ПиБ ПВ. Т. 1. Спб., 1887. С. 269, 498, 551, 562, 640, 653, 654, 655, 659, 750, 751, 826, 827, 839, 840.

[828] ПиБ ПВ. Т. 1. Спб., 1887. С. 551, 562

Слово «ведомость» постоянно встречаются в этой переписке, но только в значении «известие», а не как понятие, обозначающее конкретный тип документов: Письмо А.А. Виниуса к Петру I 10 сентября 1697 г. «а после того толко о шествии господ послов ведомость из курантов приемлем»; Письмо Петра I к А.А. Виниусу 3 ноября 1698 г. из Воронежа «Писмо твое, купно с курантоми, принел и за ведомость благодарствую» и другие[829]. Таким образом, мы видим, что вплоть до самого конца XVII в. слово «ведомость» рядом с «курантами» обычно упоминается в значении «известие», «новость». Однако в 1690-х г. слово «ведомость» все чаще употребляется в пометах на обзорах прессы. Начиная с 1700 г. встречаем отдельные случаи использования терминов «письменные ведомости» для материалов, обозначавшихся также как «письменные куранты», а с начала 1702 г. и для непериодических информационных изданий. О.Р. Кудаков в 2002 г. в своем исследовании о «Ведомостях» 1702–1727 гг. обратил внимание на то, что «в числе польских газет за 1700-1701 гг. фигурируют Wiadomosci Rozne Cudzoziemskie w Krakowie со знакомым словом “Ведомости”»[830]. Однако каких-либо конкретных выводов из этого наблюдения автор делать не стал. Тоже наблюдение сделала И. Майер, анализируя отложившиеся в РГАДА экземпляры газеты из Кракова[831]. Возможно, что благодаря регулярной доставке польской прессы польское наименование газет также начало входить в русский язык, хотя до царского указа 15 декабря 1702 г., примеров использования слова «ведомости» в значении «печатная газета» найти не удалось.

С наибольшей степенью вероятности можно предположить, что именно Петр в своем указе о печатании «Ведомостей» (возможно и неосознанно) ввел новое значение для старого русского слова. Сам он продолжал исполь-

---

[829] ПиБ ПВ. Т. 1. Спб., 1887. С. 269, 640, 659.

[830] *Кудаков О. Р.* Первопечатные «Ведомости» (1702–1727): К истории отечественной прессы. Казань, 2002. С. 10.

[831] В-К VI. (Ч. 2.)

зовать слово куранты. Когда на следующий день вышел новый указ, в котором уточнялся порядок передачи материалов для публикации из одного органа государственного управления в другой (по новому указу известия для газеты должны были собираться в Монастырском приказе), слово «ведомости» использовалось в традиционном значении «известия», а «куранты» – как синоним слова «газета» применительно к создаваемой русской газете. Указ гласил: «по ведомостям … печатать куранты»[832].

Решающее значение для изменения языковой ситуации имел тот факт, что в соответствии с царским указом слово «ведомости» появилось в заглавии первой русской газеты. Именно это способствовало началу его использования в качестве синонима слова «куранты», а позднее и «газеты». Появление газеты, называвшейся «Ведомости», еще не означало автоматического начала использования ее заголовка в значении «газета». За тем, как шла борьба между старыми и новыми нормами словоупотребления, можно проследить по пометам на документах из архива Синодальной типографии. В документах 1702–1703 г. имеется 14 помет, в которых упоминаются рассматриваемые материалы[833]. Авторами этих помет были начальник типографии Федор Поликарпов, подьячие Посольского приказа Филимон Фомин, Авраам Иванов, Василии Михаилов, Семен Смирнов, Василей Парфеньев, Алексеи Березин, приставы Андрей Башмаков и Гаврило Свежинский. Ни один из подьячих Посольского приказа не использовал слова «ведомости». По одному разу этот термин использован начальником типографии Федором Поликарповым (7 февраля 1703 г. – помета красными чернилами: «с сего переводу делана 1000 ведомость»[834]), а также приставами Андреем Башмаковым (16 июля 1703. – «…Посолского приказу пристав Андреи Башмаков подал ведо-

[832] ПСЗ-I. Т.4 Спб. 1830. С. 201.

[833] РГАДА. Ф. 381. Д. 953, 954.

[834] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 41.

мости в приказ книгопечатного двора»[835]) и Гаврилой Свежинским (8 августа 1703 «…Посолского приказа пристав Гаврило Свежинскои принес ведомость. Новых три ведомости взял и росписался»[836]. При этом Поликарпов и Свежинский использовали параллельно и слово «куранты», а имя Башмакова упоминается только один раз. Из приведенных контекстов очевидно, что слово «ведомости» использовалось как для переводов с газет, присланных из Посольского приказа, так и для печатных русских газет. Можно предположить, что использовалось оно, по крайней мере в первый год после начала выхода первой русской газеты, теми людьми, в словарном запасе которых отсутствовало слово «куранты». Само же слово «куранты» применялось как для обозначения присылаемых из посольского приказа обзоров прессы, так и в тех случаях, когда речь шла о «Ведомостях»: «Государственного посолского приказу подьячеи Василеи Парфеньев на печатнои двор принес куранты Федору Поликарпову отдал»; «Сентября в 30 день подал Посолского приказу пристав Гаврило Свежинскои и три куранта взял»[837]. В документах Синодальной типографии слово «куранты» встречается как во множественном, так и в единственном числе. Со временем слово «ведомости» начинает использоваться все шире, но все же до самого 1727 г., когда обрываются материалы, отложившиеся в архиве Синодальной типографии, термин «куранты» также встречается в документах[838]. С 1720 г. переводчик Б. Волков начинает использовать также и слово «газета», причем в его записках оно употребляется не только в современном значении, но и в отношении рукописных оригиналов. Так, он пишет заведующему типографией: «Не извольте досадовать, что не присылаем к вам газеты регулярно после пришедших почт»[839]. В данном

---

[835] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 259.

[836] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 292.

[837] РГАДА. Ф. 381. Д. 954. Л. 335, 343.

[838] *Погорелов В. А.* Материалы и оригиналы Ведомостей 1702-1727. М., 1903.

[839] *Погорелов В. А.* Материалы и оригиналы… С. 48.

случае речь идет именно о рукописных текстах, поскольку они передавались в типографию Волковым.

Теперь рассмотрим вопрос о том, какой терминологией пользовались при переписке Петр I и его сподвижники в период после создания газеты «Ведомости». В первую очередь надо отметить, что слово «куранты» и десятилетие спустя после начала выхода «Ведомостей» продолжало активно использоваться в данной среде для обозначения русских и иностранных газет. Русская газета «Ведомости» упоминалась в переписке царя с приближенными двенадцать раз в 1706, 1708, 1709 и 1711 годах. Во всех случаях вышедшие в Москве и Петербурге газеты названы «курантами»[840]. Слово «ведомости» в значении «газета» мы встречаем в письме русского посланника в Вене Урбиха к Г.И. Головкину 12 октября 1709: «Печатник ведомостей в Бриселе написал недавно во оных о мне…»[841] и, возможно, в послании Петра к П.П. Шафирову 25 Август 1711 г. о военных действиях королей Польского и Датского против Швеции: «О чем обо фсем из ведомостей здешних прилагаем экъстракт, також и питербурския куранты о чюдном уходе господина Долгорукова»[842] (данный контекст может подразумевать как газеты, так и другие документы с вестями). Оба этих случая связаны не с русскими, а с иностранными газетами. Слово «газета» встречается с 1710 г. по 1713 г. девять раз[843], причем во всех случаях речь идет об иностранных газетах. Им пользовались Г.И. Головкин, В.В. Долгорукий, Б.И. Куракин, А.А. Матвеев, Ю.Ю. Трубецкой, в то время, как термин «куранты» встречаем у Петра I, Я.В. Брюса, А. Бутенанта фон Розенбуша, А.А. Виниуса, А.М. Головина, Ф.А. Головина,

---

[840] ПиБ ПВ. Т. 4. Спб., 1900. С. 1140, 1211; ПиБ ПВ. Т. 8. Вып. 2. М., 1951. С. 937, 938, 755; ПиБ ПВ. Т. 9. Вып. 1 М., 1950. С. 95; ПиБ ПВ. Т. 9. Вып. 2 М., 1952. С. 721; ПиБ ПВ. Т.11. Вып. 1. М., 1962. С. 540, 459; ПиБ ПВ. Т.11. Вып. 2. М., 1964. С. 53, 101.

[841] ПиБ ПВ. Т. 9. Вып. 2 М., 1952. С. 1311.

[842] ПиБ ПВ. Т.11. Вып.2 М., 1964. С. 101.

[843] ПиБ ПВ. Т. 10. М., 1956 С. 510, 765; Т.11. Вып.1 М., 1962. С. 354, 509; Т.13. Вып.1 М., 1992. С. 258, 356; Т.13. Вып.2 М., 2003. С. 285, 363, 494.

Г.И. Головкина, В.Л. Долгорукого, Г.Ф. Долгорукого, Ф. Лефорта, А.В. Маркова, А.Д. Меншикова, И.А. Мусина-Пушкина, Ф.Ю. Ромодановского, И. Урбиха, П.П. Шафирова[844]. Интересно, что А.А. Матвеев, который еще в 1702 г. активно использовал слово «куранты» в заглавиях своих обзоров голландской прессы и которому принадлежит самое раннее известное упоминание слова «газета» (см. выше), в 1710 и 1711 г. использовал уже новый термин «газета».

Очень показательны те письма, в которых слово «ведомости» используется вместе с терминами «куранты» и «газета». Всего отмечено тринадцать подобных примеров. Во всех этих случаях слово «ведомости» выступает в значении «вести», «известия»: «Чаю, что и вашему величеству известно, что как в курантах так и особливых грамотках ведомости сие получены, что король Свеиской сам с великим войском чрез Вислу перешел на сю сторону» (1705 письмо фельдмаршала барона Огильви к Петру I)[845]. Точно такое же соотношение слов мы встречаем в 1725 г. в именном указе императрицы Екатерины I: «8 апреля 1725. Именной, объявлен из Сената. В прошедших летах, когда здравствовал высокославной и вечнодостойной памяти его императорское Величество, а именно: перед походом Персидским, в Правительствующий Сенат из Кабинета предложено было, дабы о всех знатных делах, принадлежащих к ведению народному, публичныя, кроме секретных ведомостей, сообщали в типографию для печатания в курантах из всех коллегий и Канцелярий: и по тому тогда и сообщали из многих мест, а ныне то сообщение, неведомо для чего, опущено; того для Ея Величество Государыня императрица

[844] ПиБ ПВ. Т. 1. Спб., 1887. С. 269, 498, 551, 562, 640, 653, 654, 655, 659, 750, 751, 826, 827, 839, 840; Т. 4. Спб., 1900 С. 1137, 1140; Т. 8 Вып. 2. М., 1951. С. 751, 9374; Т. 9 Вып. 2 М., 1952 С. 1311; Т.11. Вып.1 М., 1962. С. 374, 459.

[845] ПиБ ПВ. Т. 3. Спб., 1893 С. 932

указала, дабы помянутыя ведомости по-прежнему сообщались в типографию для печати в народное ведение»[846].

Слово «газета» начинает вытеснять слово «куранты» уже после смерти Петра. В 1728 г. оно впервые появляется в тексте указа[847]. Ни в одном из более поздних указов устаревающее слово «куранты» не встречается. Дольше всего оно сохранялось в документах коллегии Иностранных дел. В заглавиях известных на сегодняшний день обзоров иностранной прессы оно последний раз фиксируется в 1731 г[848]. Таким образом, слово «куранты» в русском языке не переживает начала 1730-х г. К концу XVIII в. оно было прочно забыто. В 1791 г. историк И.И. Голиков включил в Дополнения к деяниям Петра Великого сообщение о том, что: «Великий государь … повелел издавать печатныя газеты и курантныя о товарах ведомости». На полях «курантныя о товарах ведомости» комментировались как «ведомости о ценах товаров печатныя»[849]. Очевидно, что Голиков, употреблявший только слова «газеты» и «ведомости», столкнулся в документах с известием о том, что Петр велел издавать «куранты» и попытался как-то объяснить это слово.

Известное со времен Алексея Михайловича слово «авизы» также продолжало употребляться до XVIII столетия. Несколько примеров использования данного слова указано в Словаре русского языка XVIII века[850]. В октябре 1697 г. Ф. Лефорт упоминал «авизы печатные»[851]. В этом документе определение «печатные авизы» использовано в отношении тех самых документов, которые ранее именовались «курантами». В 1703 купец Адам Брант писал из Любека в письме к Петру I (30 декабря 1703) использовал куранты и авизы в

---

[846] ПСЗ-I. Т. 7. Спб. 1830. С. 445.

[847] ПСЗ-I. Т. 8. Спб. 1830. С. 36.

[848] АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/4. Ед. хр. 6.

[849] *Голиков И. И.* Дополнения к деяниям Петра Великаго Т. 5 (17). М., 1791. С. 344, 345.

[850] СРЯ XVIII в. Вып. 1. Л., 1984. С. 16–17.

[851] ПДС. Т. 8 СПб. 1867. Стб. 1058, 1059, 1068, 1069.

качестве синонимов[852]. Дважды слово «авизы» использовано для обозначения печатных «Ведомостей». Один раз это слово употребил переводчик Борис Волков, и один раз оно встречается в отчете о расходах Монастырского приказа: «И оные данные в помощь той типографии деньги употреблены в расход на печатание вновь тщанием Его Величества изобретенного дела авиз …»[853]. Использовалось данное слово и в 1730-х годах, когда термин «куранты» уже вышел из употребления. Это хорошо видно по материалам следственного «дела» 1735 г. по поводу распространения слухов о скором конце света среди армейских чинов на Украине и юге России. В «деле» листок с переводом статьи о пророчествах назывался то «газетом», то «авизией»[854].

Таким образом, во всех случаях, когда мы однозначно можем установить значение слова «авизы» («адвизы», «авизии»), оно оказывается синонимично слову «куранты», а позднее – «газеты». Термин «авизы» получил в русском языке очень незначительное распространение. В Письмах и бумагах Петра Великого оно упоминается всего три раза – в письмах П.А. Толстого (1708) и В.Н. Зотова (1713)[855]. По самым приблизительным подсчетам оно по частоте употребления уступает слову «куранты» примерно в сто раз. Использование его во многих случаях так или иначе связано с Украиной, славянскими землями южной и центральной Европы и государствами Средиземноморского региона.

Таким образом, специальное наименование для газет потребовалось в русском языке для поколения ровесников царя Алексея Михайловича. В конце 1650-х гг. в русский язык было заимствовано два слова – куранты и авизы.

---

[852] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1703 г. Ед. хр. 8. Л. 13.

[853] *Балицкий Г. Б.* Зарождение периодической печати в России. СПб. 1908. С. 31; *Горчаков М.* Монастырский приказ. Спб., 1868. С. 185.

[854] *Покровский Н. Н.* Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л. 1987. С. 290–297.

[855] ПиБ ПВ. Т. 6. Спб., 1912. с. 506; Т.13. Вып.2 М., 2003.С. 403, 419.

Последний вариант оказался маргинальным. Слово куранты, напротив, использовалось систематически. Однако если говорить о прочности усвоения понятия, то ситуация выглядит более сложно. Сотрудники Посольского приказа устойчиво использовали новую терминологию. Царь Алексей Михайлович и другие представители знати могли использовать также и наименования, характерные для первой половины столетия.

В период жизни поколения детей Алексея Михайловича словоупотребление изменилось. Слово «куранты» начали изменять по числам, кроме того, лексема стала продуктивной, то есть на ее основе стали возникать другие слова. Это свидетельствует о том, что обозначаемое лексемой явление прочно вошло в жизнь тех, кто ее употреблял. Окружение Петра использовало по преимуществу лексему «куранты». Иными словами, словоупотребление, начавшее складываться в Посольском приказе в конце 1650-х гг. стало нормой для придворной знати конца 1690-х гг. В начале XVIII столетия наблюдаем новые изменения. После появления в России газет, число людей знакомых с этим явлением стало расширяться. В результате в языке для именования прессы закрепились новые слова.

Языковые данные дают нам парадоксальную картину. С одной стороны, русский язык устойчиво воспринял термины, отражающие представления о прессе задолго до начала петровских реформ. С другой стороны, даже на исходе XVII в. число активных носителей этих терминов вряд ли превышало несколько десятков, а пассивных – вряд ли значительно превосходило сотню. С точки зрения исторической науки из этого можно сделать два вывода. Первый из них состоит в том, что влияние прессы было достаточно мощным, чтобы повлиять на повседневное словоупотребление. Особенно сильно пресса воздействовало на людей, чье мировоззрение формировалось в конце 1680-х – 1690-х гг. Второй – круг людей, которые подвергались этому влиянию, до начала издания «Ведомостей» оставался крайне ограниченным. По

сути, в него входили только те, кто имел регулярный доступ к одной из двух (позднее трех) копий курантов.

4.2. Иностранная пресса – проводник новых сведений о мире

В Европе XVII в. пресса играла важную роль в тиражировании, распространении и утверждении новых понятий, символов, идей[856]. На примере предыдущего раздела мы видели, как тесно связаны между собой новые слова и новые явления. Между тем европейская пресса XVII столетия была порождением чуждого для России менталитета, основанного на иной культурной системе и ином круге общеизвестных понятий. Средний образованный европеец, на которого ориентировались авторы газетных публикаций, имел иной багаж знаний и интеллектуальный опыт, чем московский боярин. Эту проблему приходилось решать составителям обзоров иностранной прессы. Еще в эпоху становления курантов переводчики Посольского приказа нашли иной выход из ситуации. Они начали комментировать неизвестные реалии. В результате каждое новое понятие выступало в роли своеобразного мини-курьеза или диковины. Иными словами, царь и члены Боярской Думы при чтении каждой сводки курантов расширяли свои знания о Европе. Лучше всего этот процесс виден на примере знания европейской географии. Еще в годы правления царя Федора Алексеевича названия большинства европейских городов требовали комментирования[857]. К концу 1690-х гг. число ком-

---

[856] См., к примеру, о трансформации понятия власть в немецких листовых изданиях периода Тридцатилетней войны (1618-1648): *Лазарева А. В.* Символ безопасности: образ власти в немецких иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648) // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2017. № 7. С. 47–68.

[857] *Шамин С. М.* Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1. С. 16–31; *Шамин С. М.* Европа в представлении политической элиты России (по топонимическим данным документов Посольского приказа 1660–1670 гг.). // Проблемы исторической географии и демографии. Вып. 2. М., 2013. С. 261– 275.

ментариев к названиям стран, городов, рек существенно сократилось. Из этого можно сделать вывод, что знания географии Европы членами русского правительства постепенно догнали представления среднего читателя европейской прессы. Вряд ли можно сомневаться, что постоянное зачитывание курантов сыграло в этом процессе заметную роль. Куранты влияли даже на употребление топонимов, привычных для русского языка. К примеру, на употребления предлогов в и на по отношению к топониму Украина[858].

Однако фоновое расширение знаний при знакомстве с европейской прессой не ограничивалось географией. Западные газеты смотрели на мир глазами европейца и, соответственно, знакомившийся с ними читатель вынужденно погружался в западный образ жизни. К примеру, в 1646 г. для Алексея Михайловича сделали перевод подборки из нескольких брошюр об исцелениях людей, которые искупались в целебных источниках у немецкого города Хорнхаузена в Саксонии. Немецкие издания переслал в Россию из Стокгольма К. Шиммелар, бывший секретарь предпринимателя П. П. Марселиса[859]. Возможно, что перевод данной подборки публикаций связан с интересом государя к водолечению.

Могли в курантах оказаться описания местных достопримечательностей, не приносивших непосредственной пользы, таких как копенгагенский глобус. Статья о нем была помещена в сводку от 24 ноября 1696 г.: «Из Копенгагена /дацкои/ октября в 27 день. В нынешних числех совершен есть великий глобус, какова в свете ни где не возможно обрести от цесарского думного и математика також профессора математического в окадемии ененской господина Эргарда Вейгемиа в 72-е лето старости его и поставлен в Розенбурке в королевском огороде внутри вокруге его обретается 33 стовы. И

[858] *Шамин С. М.* На Украине: исключение из общего правила? // Русская речь. 2012. № 3. С. 66–71.

[859] *Майер И.* Известия о чудотворных источниках в русском переводе (1646 г.): вновь найденные оригиналы к Вестям- Курантам // Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2017. №. 58. С. 7–38.

смотрел король со всем двором своим того нового пречюднаго дела, которое помянутой господин Вейгемеи сюда привезши короля подарил и сие дело последует во всем и представляет бег небесной и землю яко же то видети возможно, егда в нем небо отворится, и мочно в него тритцати человекам не наклоняясь, но прямо стоя войтить и в ясно светящих в нем звездах стоя смотреть, как оные в нощи представлены бывают и обращается то небо в 24 часа однажды чрез учиненные в них часы. Подземной же огнь бывает роздуван из учиненного с серою шара, и восходят с ысподи из него облака с свирепым шумом ветряным из которых облак потом дождь, роса и иней идет. И невозможно все иные в том глобусе хитростные дела описать, ибо в нем же обретаются всех европских государей гербы, а особо сияет небо в нем зело приятно с сими латинскими словами, да живет Християн пятый»[860]. Этот перевод отражает уже интересы Петра I, сына Алексея Михайловича.

В целом русскому читателю приходилось знакомиться с огромным числом новых реалий – от государственного устройства и политических институтов до астрономии, хронологии и метрологии. Когда речь идет о мировосприятии русского человека XVII в., каждую из таких реалий можно рассматривать в качестве курьеза, знакомящего человека с чужой культурой. В качестве примета такого воздействия рассмотрим максимально далекую от политики и близкую к культуре сферу, как реалии античной истории[861].

Античность наряду с христианством составляет основу европейской цивилизации. Восточные славяне жили за пределами античного мира. Древняя Русь знакомилась с достижениями Греции и Рима через посредничество других стран. Прежде, чем обращаться непосредственно к документам XVII

---

[860] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 500–501.

[861] Подробнее см: *Шамин С. М.* Отражение античной культуры в лексике русских переводов европейской прессы во второй половине XVII в. // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. М., 2014. С. 41–64.

в., необходимо кратко коснуться темы восприятия античности в Древней Руси[862]. Первым источником античного влияния здесь была православная литература. Сразу следует отметить, что обращались христианские авторы к античному наследию редко, как правило, в связи с необходимостью раскрыть какую-либо тему, связанную с содержанием христианского учения. И хотя упоминание античных реалий сопровождалось безоговорочным осуждением «еллинской прелести», влияние античности на самих критиков оказалось столь мощным, что многое из языческого прошлого переносилось в христианскую культуру непреднамеренно.

Легче всего этот процесс происходил на уровне лексики, поскольку для многих новых реалий в языке древних славян не имелось наименований. Достаточно упомянуть лежащий на поверхности пример Юлианского календаря, вместе с которым заимствованы в славянские языки названия месяцев – июль (лат. Julius), носящий имя Юлия Цезаря, июнь (лат. Junius), поименованный в честь богини Юноны. Разумеется, для того, чтобы возникли ассоциации между названиями месяцев и именами античных богов, необходимо достаточно глубокое знание античной культуры. У подавляющего большинства начавших использовать римский календарь славян таких ассоциаций возникнуть не могло, однако в будущем, по мере накопления знаний, осознание «античных» корней используемых слов было неизбежным. Освоение языком лексики греческого и латинского происхождения становилось одним из важных факторов, влияющих на процесс адаптации античной культуры.

Как убедительно показал Д. М. Буланин, античное наследие на протяжении столетий проникало на Русь в христианской обработке, тщательно очищенное от всего языческого[863]. По наблюдениям В. М. Живова и Б. А.

---

[862] *Подосинов А. А.* Античность и Россия // Древний мир глазами современников и историков. В 2 ч. Ч. 2. Греция и Рим. М., 1994. С. 262.

[863] *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. (Slavistische Beiträge. Band 278). München, 1991.

Успенского, античная мифология потеряла в Древней Руси культурное содержание[864]. Все это стало жестким барьером для полноценного освоения античного наследия.

Однако заимствования проходили не только на уровне лексики, но и на уровне текстов и даже идей. Так, например, «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, призванный рассказать читателю о Мире, воспроизводит концепции Анаксимена, Парменида, Демокрита, Фалеса, Диогена, обращается к полемике Аристотеля и Платона; бытовавшая на Руси книга Энхиридион («Рукодельница») представляет собой отредактированный Максимом Исповедником перевод текста римского стоика Эпиктета[865]; нескрываемый пиетет перед Платоном свойственен «Хронике» Георгия Амартола[866].

Под влиянием позднего римского права находилось и законодательство Древней Руси. Дело в том, что на Руси значительная часть правовых отношений (брак, семейные отношения, наследование) входили в юрисдикцию Церкви и регулировались церковным правом. Сложившиеся в Византии под влиянием римского права юридические памятники пришли в русские земли вместе с христианством и стали образцами для местного права, как с формальной, так и с содержательной стороны, причудливо переплетаясь с гражданским законодательством[867]. Конечно же, используя Кормчие книги, рус-

---

[864] *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков: Материалы науч. конф., 1982. М., 1984. С. 204–285.

[865] *Буланин Д. М.* Античные традиции…; *Мильков В. В.* Традиции греческой классической философии в Древней Руси // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Посвящается 180-летию установления дипломатических отношений между Россией и Грецией. Материалы конференции. Афины; М., 2008. С. 28–35.

[866] *Мильков В. В.* Сведения о древнегреческой философии в «Хронике» Георгия Амартола // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Материалы конференции. М., 2010. С. 111–125.

[867] *Белякова Е. В., Щапов Я. Н.* Новеллы императора Юстиниана в русской письменной традиции. К истории рецепции римского права в России. М., 2005; *Максимович К. А.* Греко-римское право в

ские иерархи не воспринимали их как античное наследие, однако представление о том, что церковное право заимствовано вместе с православием «у греков», безусловно имелось.

Византийское православие, выступая своеобразным фильтром, отсекающим языческое прошлое Греции и Рима в процессе трансплантации византийской культуры на русскую почву, парадоксальным образом обеспечивало для Руси неразрывную связь с античным прошлым Европы: священная история начиналась с сотворения мира, проходила через древние царства до воплощения Иисуса Христа, а потом продолжалась в истории светской, отражающей победное шествие по земле истинной веры в единого Бога. Особенно ярко единство истории отражено в Русском хронографе редакции 1512 г.[868] Представлению об истории античного мира как о «своем» прошлом способствовали и жития христианских святых. Жившие в Римской империи II в. святые мученики Вера, Надежда, Любовь и мать их София, Евстафий Плакида и д.р. были на Руси «своими» заступниками, к которым русский человек обращался с личными горестями и надеждами. Своими их делала не национальная принадлежность, а единство во Христе.

Не следует забывать и то, что сам факт окончания античной истории для людей того времени еще не был очевидностью. Римская империя, хотя и разделилась на Запад и Восток, но в сознании современников продолжала существовать. Священная Римская империя германской нации оставалась могущественнейшим государством Европы и в XVII столетии. В Хрисмологионе, переведенном в 1672 г. с греческого языка по указу царя Алексея Михайловича, автор, дав характеристику четырех монархий древности (ассирийской, персидской, греческой и римской), переходил к характеристике им-

---

Древней Руси // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Посвящается 180-летию установления дипломатических отношений между Россией и Грецией. Материалы конференции. Афины; М., 2008. С. 40–43.

[868] *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской… С. 40–41.

ператоров Священной Римской империи, начиная с Карла Великого. И хотя императоры эпохи Средневековья представлялись православному автору не столь благочестивыми, как их древние предшественники, а также не вполне самодержавными и легитимными, мысль о длящейся истории Римской империи оставалась непоколебимой[869].

Византийскую империю в XV в. захватили турки, но она, попав в рабство к неверным, никуда не исчезла. После того, как великий князь Иван III взял в жены происходившую из императорской династии Палеологов княгиню Софию, московские правители оказались в числе возможных наследников этого «выморочного имущества». Восприятие истории Римской империи как длящейся современности заставляло русских государей, начиная с Ивана III, примерять наследие константинопольских императоров на себя. Имперский орел появился в царском гербе, «Сказание о князьях Владимирских» вывело историю рода Рюриковичей от Августа[870], а династии Романовых (начиная с царя Алексея Михайловича) полюбилась идея «российский государь – новый Константин Великий»[871]. Вслед за царями начали возводить свой род к героям античного мира и подданные. Составленная в конце XVII в. «Генеалогия» митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) не только доводила его род до Юпитера, но и содержала длинный перечень сносок на использованную Игнатием античную литературу[872].

---

[869] *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С.174–176.

[870] *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 370–371.

[871] *Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия... С. 159–198.

[872] *Богданов А. П.* От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 63–94; *Римский-Корсаков И.* Генеалогиа явленной от сотворения мира фамилии… Корсаков-Римских / сост. А. П. Богданов. М., 1994.

Таким образом, несмотря на отрицание языческого прошлого, античный мир оставался для русских людей «своим». Барьером для восприятия античной культуры во всей ее полноте в русском обществе выступала аппозиция христианский/поганый, а не свой/чужой. Проходившие в России XVII в. процессы разделения светской культуры и религиозной жизни находились в тесной взаимосвязи с адаптацией античного культурного наследия. В это время поток проникавших в Россию знаний об античности существенно вырос. Кроме того, если в древности причиной перевода или цитирования античного памятника было его религиозное или историческое значение, назидательность, то с начала XVII в. значительное влияние стал оказывать и такой фактор, как литературные достоинства произведения. В этом отношении знаковым событием стали переведенные в 1607 г. басни Эзопа, о существовании которых древнерусский книжник знал по упоминаниям еще с XII в.[873]

В XVII в. знания о культуре древней Греции и Рима значительно чаще приходили не с территории бывшей Византийской империи, где процесс воспроизводства знаний об античности деградировал под давлением османских властей, а с Запада. Европейская пресса была одним из носителей античной культуры. Причем ведущей свое начало не из Константинополя, а из Рима. Сразу следует оговориться, что европейские газеты и брошюры не пропагандировали античную древность специально. Да и в Москве интересовались политическими новостями, а вовсе не редкими упоминаниями римских богов. Однако прошедшая сквозь Возрождение культура Европы XVII столетия была насыщена античностью в гораздо большей степени, чем в наше время. Ссылки на античные реалии были показателем образованности человека. Они органично появлялись в полемике на злободневные политические темы.

Анализ «образовательного» потенциала русских переводов европейской прессы начнем со сравнения слов античного происхождения, накоплен-

[873] *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII: Исследования, тексты, комментарии. СПб., 2005. С.7.

ных в русском языке к концу XVII в., с лексикой переводов европейской прессы. Сделать эту работу в полном объеме – задача для отдельного лингвистического исследования. Общую же тенденцию можно увидеть при сравнении словоуказателя к изданию курантов 1660–1670 гг.[874] с материалами Словаря русского языка XI–XVII вв.[875] Для подробного анализа выбраны слова на букву «м», соответствующие 9-му выпуску Словаря, который вышел раньше, чем издание курантов.

Несколько вошедших в куранты 1660–1670 гг. слов античного происхождения бытовали в языке еще в Древней Руси. Это названия месяцев (*март*, *май*), а также лексемы *магнит*, *материя*, *миля*. Слово *мандат* (1567 г.) проникло в русский язык в XVI в. Слова *монархия* (1610 г.) и *монарх* (1628) в Словаре отмечены со ссылкой на первый том издания Вести-Куранты. Следующую группу слов составляют лексемы, включенные в Словарь, но датированные в нем более поздним временем, чем в курантах 1660–1670 гг.: *магистрат* (в курантах – *маестрат*, 1666, в Словаре 1669 г.); *медиатор* (лат. «посредник» активно использовалось в начале XVIII в., но в современном русском языке сохранилось лишь как специальный термин, в курантах 1666 г., в Словаре 1699 г.); *монета* (1669 г., в Словаре 1698 г.); *музыка* (1669 г., в Словаре 1678 г.). Слово *музыкант* в Словаре вообще не отмечено, хотя с XIV в. зафиксирована форма *мусик* с аналогичным значением. Таким образом, из тринадцати выявленных в курантах 1660–1670 гг. слов на букву «м», восходящих к греческому языку и латыни, только шесть бытовали в языке до начала XVII в., а семь проникли в язык только в этом столетии, причем во всех случаях упоминание в переводах иностранной прессы оказалось наиболее ранним. Даже на примере этого ограниченного материала, очевидно, что в XVII в. процесс заимствования шел очень быстро и переводы европейской прессы играли в нем заметную роль.

---

[874] В-К VI (Ч. 1).

[875] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982.

В памфлетах «плотность» подобной лексики иногда оказывалась значительно большей, чем в обычных газетных статьях. К примеру, из 15 слов в двух строчках одного стихотворного польского памфлета (1697 г.) таких слов оказалось три (выделены курсивом):

«Так ясно что в *спире трибунал* свои имеют,

Где приставную память *электорам* худые сапожники дают»[876].

Конечно же, русские читатели курантов XVII в. не подозревали, что перечисленные выше слова имеют связь с античной культурой. Тем не менее, русский язык активно пополнялся интернациональной лексикой греческого и латинского происхождения. Этот медленный процесс должен был принести свои плоды в будущем по мере того, как латынь и греческий обретали место в зарождающейся русской системе образования. Учащиеся, штудировавшие классические языки, обнаруживали в изучаемых текстах знакомые слова. Накопление в русском языке слов и понятий античного мира постепенно сближало русских с европейцами.

Фиксация первого случая употребления слова в языке, к сожалению, не часто позволяет понять, насколько точно его значение понимали носители русского языка. Не менее важен и вопрос о том, через какое время после первой фиксации слово стало привычным, хотя бы для наиболее образованной части русского общества. Но для некоторых понятий, связанных с античной культурой, переводы европейской прессы дают достаточно точную информацию. Одно из них – комедия. В рассматриваемое время оно использовалось в более широком, чем сегодня, значении «театрального представления вообще». Словарь русского языка XI–XVII вв. впервые отмечает это слово в Великих минеях четьих в форме *комодии* с внесенным в текст определением «ругатели»[877].

---

[876] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 21.

[877] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 261–262.

Ближайшим аналогом к театральному представлению в русском обществе были игры скоморохов. Церковь осуждала как самих скоморохов, так и зрителей, ходивших на их представления. Причиной этого являлась не только пошлость скоморошьих шуток или связь скоморошества с пережитками язычества. С церковной точки зрения греховными были любые забавы – песни и пляски, качели, шахматы, пиры, соколиная и псовая охота. Развлечения, в отличие от поста и молитвы, отвлекали человека от мыслей о вечном, позволяли забыть страх Божий. При таком взгляде на мир любые светские забавы получали печать греховности, чего-то низкого и недостойного. На практике следовать аскетическим религиозным требованиям даже в среде духовенства могли немногие. Религиозная жизнь и стихия праздника находились для человека Древней Руси как бы в разных плоскостях повседневной жизни. Совмещать их помогала исповедь, на которой человек, отвечая на вопросы священника, каялся в содеянном, отбывал наложенную епитимию и получал прощение. Участие человека в светских забавах рассматривали как допустимую для человеческой души слабость, на которую обычный человек имеет право. Еще при царе Михаиле Федоровиче осуждаемые церковью «потешники» постоянно пребывали в Кремлевском дворце, однако при его сыне царе Алексее Михайловиче в интеллектуальной жизни наиболее образованной части московского общества произошел перелом. Положение дел, при котором люди, находясь в храме, отвергали светские развлечения, а после службы шли слушать скоморохов, стало морально неприемлемо. На свадьбе Алексея Михайловича впервые не присутствовали скоморохи. В 1648 году он своей грамотой запретил «позорища» (зрелища). По этому указу «хари» (маски) и «бесовские гудебные сосуды» (музыкальные инструменты) предписывалось ломать и жечь. Их действительно сжигали за Москвой-рекой на болоте, там, где обычно казнили преступников. Ослушников велено было бить батогами[878].

[878] *Топычканов А., Шамин С.* Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические

Между тем в Европе театр воспринимался совершенно иначе. Европейская знать посещала театр и музыкальные концерты, не чувствуя необходимости каяться в этом своему духовнику, а в прессе появлялись сообщения о таких представлениях. Отражением этого культурного различия между Россией и Европой было отсутствие в русском языке специальной лексики для определения понятий, связанных с театром. В первые десятилетия XVII в. в переводах использовались слова игрище, потеха. Однако уже с самого начала царствования Алексея Михайловича в переводах европейской прессы начинает появляться слово *комедия*. В 1646 г. в курантах встречается упоминание, что «и езовитенские отцы в тои ночи комедию о небесном течение держали»[879]. Особенно интересно сообщение 1650 г. о времяпровождении знаменитого полководца Карла-Густава шведского: «енералнои порутчик господин Пиколомини с полмили от сего города на поле в шатрах на енералиссима Карлуса и на иных началных людеи болшои пир сделали тешились тешью, которая слывет коммедии»[880]. При переводе этого текста переводчик явно испытывал сложности. Сначала он написал «тешились игрою» (именно так говорили о скоморохах). Однако разница между комедией и скоморошьими играми была очевидной. Переводчик заменил «игру» на «тешь» – слово, не имевшее отрицательного оттенка.

В 1660 г. у Алексея Михайловича появилось желание увидеть комедию собственными глазами, но пригласить театральную труппу в Москву так и не удалось. В 1672 году указ подготовить «комедийное действо» неожиданно для себя получил от царя Алексея Михайловича пастор и преподаватель школы при протестантской церкви в Немецкой слободе Иоганн Готфрид Грегори. Вскоре при царском дворе была поставлена первая комедия[881]. Про-

---

действа, выступления скоморохов и артистов, театр // Российская история. 2016. № 6. С. 97–111.

[879] В-К III. С. 125.

[880] В-К IV. С. 185.

[881] *Дженсен К., Майер И.* Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М., 2016.

должались и переводы сообщений европейской прессы с упоминанием комедий, сыгранных в разных городах Европы. Несмотря на это, само слово *комедия* еще некоторое время оставалось непривычным. В 1679 г. в куранты было включено сообщение «Арцух Лотаринской прислал сюда 2 тысячи золотых червонных на прокормление музыкантов, иже едут в Ыншпрук город для исправления некоторых игралищ или комедий о рождении княжича от цесаревы сестры, бывшее королевы польской»[882]. Как видим, в переводе для слова *комедия* все еще могло даваться пояснение. В более поздних переводах таких пояснений найти не удалось.

Среди наиболее ярких античных реалий, воспринятых Россией в XVII в., можно также отметить традицию триумфа[883]. Для европейской прессы описания триумфальных въездов были столь обычными, что даже нашли отражение в произведениях, пародирующих прессу. Один из таких текстов был переведен на русский язык в конце XVII в. в составе «юмористических курантов». В нем триумфальные врата перечисляются среди гостей на свадьбе копенгагенской круглой башни: «Ис Копенгагина. Копенгагинская круглая башня на сих днях пойдет замуж и будут на банкете из Гамбурха 367 печей в немецких епанчах да в церемонии маршалком ис Парижа триумфалныя вороты с вымпелом, 12 бестионов – шафарам, 40 пажей картаулных пушек, 12 быков трубачей да литаврщик шти каменънои»[884]. Из этого примера мы видим, что понятие триумфа в европейской практике Нового времени претерпело существенные изменения по сравнению с эпохой античности. Если в

---

[882] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 268.

[883] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Комедия и триумф в русских переводах европейской прессы XVII столетия // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения» 13 мая 2014 года. Москва-Ярославль. 2014. С. 195–200.

[884] *Малэк Э.* Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси) // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 429.

Римской империи триумф – торжественное вступление в столицу победоносного полководца и его войска, то в XVII в. триумфальные врата сооружали для особо торжественного приема знатных особ в самых разных случаях. «Триумфаторами» становились даже женщины.

Впервые упоминание о триумфальных вратах фиксируется в курантах 1667 г. в описании свадьбы императора Священной Римской империи Леопольда I и Маргариты Терезы. Для ее въезда в Вену построили «3 дивные триумфалные врата»[885]. Ближе к классическому пониманию триумфа была торжественная встреча, которую готовили королю Яну III Собескому жители Львова в ноябре 1676 г. В это время Польша, проиграв войну Турции, уступила значительные территории османам, однако сам Львов королю удалось отстоять. Составитель курантов нашел необходимым уточнить, что «триумфальные» (ворота) означает «победительные»[886]. Данное пояснение свидетельствует о том, что комментатор не только знал о европейской традиции торжественных въездов, но и осознавал ее связь триумфа с военными победами, что в большей степени соответствовало античному значению слова. Тем не менее, словосочетание «триумфальные врата/ворота» не было еще устоявшимся. П. Б. Возницын, отправляя в Москву переводное описание триумфальных ворот в честь въезда Яна III Собеского в Вильно (12 апреля 1688 г) озаглавил текст используя полонизм *брамы* – «Описание брамы виленской триумфалнои»[887]. Судя по всему, дипломат понимал, что триумфальные врата – новое явление, для перевода которого нет адекватного эквивалента. Однако предложенное им наименование в языке не закрепилось.

Существенное влияние на употребление слова «триумфальный» в русских переводах европейской прессы оказали внутренние российские события.

---

[885] В-К VI (Ч. 1). С. 335.

[886] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 114, 115.

[887] *Богатырев А. В.* Триумфальные арки по случаю въезда Яна III Собеского в Вильно // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 234.

20 августа 1696 г. Петр I, возвращаясь из-под Азова, в письме А. А. Виниусу велел почтить победителей триумфальными воротами[888]. Описания подготовки к триумфу и самого триумфального въезда в Москву попадали в европейскую прессу, а потом переводились на русский язык для курантов. При этом слово «триумфальный» теперь встречается не только в сочетании со словом «врата». Упоминаются триумфальная дуга[889], триумфальная встреча[890], триумфальная карета[891], триумфальное войско[892]. Говоря о триумфальном войске, переводчик счел необходимым дать на полях пояснение – «побеждающем». Казалось бы, что слово *триумф* прочно вошло в русский язык, однако в 1698 г., когда для курантов переводили одно из опубликованных (на латинском языке) приветствий Великому посольству, переводчик все же передал слово *триумфальный* оригинала как «торжестивительный», а *триумфатор* – «торжествитель»[893]. Из этого следует, что хотя слово начало широко употребляться в русской речи (по крайней мере, в придворных кругах) в связи с московским триумфом 1696 г., оно еще некоторое время оставалось непривычным неологизмом. Однако уже скоро это явление прочно вошло в русскую жизнь. Московский государь вошел во вкус триумфов. Достаточно вспомнить, что в период с 1702 г. по 1722 г. состоялось 19 триумфальных шествий. При этом информация о них сразу же находила отражение в печатных изданиях. Более того, зрителям раздавали заранее отпечатанные листовки с описанием действа[894]. Многие из этих торжеств были построены по об-

[888] ПиБ ПВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 109.

[889] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Ед. хр. 12. Ч. 3. Л. 458.

[890] Там же. Л. 478.

[891] Там же. Л. 552.

[892] Там же. Л. 573.

[893] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 190, 184; АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/2. 1697 г. Ед. хр. 2. Л. 2, 2а.

[894] *Агеева О. Г.* Купечество и официальная праздничная культура русских столиц петровского времени // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сборник статей. М.,

разцу триумфа 1696 г.[895] Не менее длительно и сложно происходило усвоение слова *комета*[896].

Отдельную группу лексем античного происхождения составляют упоминающиеся в переводах европейской прессы наименования различных существ из античной мифологии. Слово *дракон* (*драк*) впервые фиксируется уже в Успенском сборнике XII–XIII вв.[897]. Встречается оно в сочинениях Максима Грека[898], а также в Повести о Брунцвике[899], перевод которой появился в России не позднее середины XVII в. В курантах это слово фиксируется в 1684 г. в переводе немецкой публикации речи посла барона фон Блюменберга, произнесенной им в Москве во время торжественного приема посольства. Лексема использовалась как оскорбительное именование турок в словосочетании *отоманскои драк*. Русский переводчик (с немецкого языка) счел необходимым пояснить, что это «змий крылатой о четырех ногах»[900]. Из приведенных примеров очевидно, что слово *дракон* на протяжении столетий неоднократно попадало в русский язык как из греческого языка, так и из европейских языков, в которые проникло через латынь. Однако на Руси суще-

---

1996. С. 24–42; *Агеева О. Г.* Праздники в честь Полтавской победы в XVIII в. // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 2009. С. 257–273; *Агеева О. Г.* Семь триумфальных ворот // Родина. 2009. № 7. С. 82–84.

[895] *Агеева О. Г.* Общественная и культурная жизнь Петербурга первой четверти XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. Приложение 15. Таблица I.

[896] *Шамин С. М.* История появления слова «комета» в русском языке // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин. Рязань, 2012. С. 366–372; Шамин С. М. Слово звезда и его производные в русской культуре // XXVII Пушкинскиечтения. 21 октября 2013 г.: Сборник научных докладов. М., 2013. С. 496–506.

[897] Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 266

[898] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М., 1986. С. 534.

[899] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 349.

[900] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 30.

ствовала традиция называть подобные существа «змеями». К примеру, в 1411 г. русские летописи зафиксировали, что змей «страшна дышающа огнем» пролетал от Кашина в западном направлении[901]. В 1665 г. в Киеве и Варшаве видели еще более кошмарное страшилище: «комету воображение змия, глава аки орловая, около шеи как месяц четвертной, с кровавою звездою, на спине великая рыбья чешуя з двемя птичьи ногами, в которой сем кровавых звезд, на заднем конце хвоста два орлих крыла, промеж чешуи и крыла аки лоза или метла с кровавою звездою, которая лоза и кровавая звезда видет была над Киевом болши 6 недель»[902]. Летающих змеев в небе замечали не только на востоке Европы. 24 февраля 1691 г. на заседании Боярской думы, среди прочих новостей, было зачитано известие одной из немецких газет о появлении огненной змеи в небе над рекой Мозель[903]. Таким образом, традиционное словоупотребление мешало устойчивому закреплению лексемы *дракон* в русском языке.

В некоторых случаях мы находим в курантах свидетельство того, что даже, казалось бы, устойчиво присутствующая в языке лексема на практике была усвоена не всеми даже внутри образованного общества. Это относится к слову *кентавр* (ипокентавр), которое вошло в язык еще в XI в.[904] К началу 1690-х гг. оно было известно настолько широко, что попало в букварь в форме иппокентавр[905]. Однако в курантах примерно в тоже время мы неожиданно сталкиваемся с наименованием *полкан*: переводчик, включивший в сводку от 16 января 1686 г. описание «сна турецкого султана», воспользовался не книжным, а просторечным словом. Приведем фрагмент «сна», непосред-

---

[901] *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси / предисл., коммент., доп. М. Л. Городецкого. М., 2007. С. 565.

[902] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1., 1664 г., Ед. хр. 2. Л. 74–75.

[903] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1., 1691 г., Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 24.

[904] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 113.

[905] *Истомин К.* Лицевой букварь Кариона Истомина / Предисл. и коммент. Ивана Тарабрина. М., 1916. Табл. XXVI.

ственно касающийся нашей темы: «А как паки салтан уснул, то предо днем видял великое множество чюесных полканов – пол человека и пол коня»[906]. Использование для обозначения кентавров слова *полканы* представляется особенно интересным потому, что первоначально Полкан – имя одного из героев переведенной на русский язык в XVII столетии «Повести о Бове королевиче»[907]. В сочинении он представлял собой получеловека-полупса[908]. Смешение полуконя и полупса произошло уже на русской почве. Причиной, скорее всего, стала иконография русских «Полканов». Они изображались рядом с человеком такими же по размеру, как и лошади[909]. Поскольку на оттиске изразца или другом подобном изделии детали просматривались не очень четко, то восприятие мифологических существ смешалось. В итоге «полупес», как более редкое существо, уступил свое наименование «полуконю». Использование слова *полкан* в деловой письменности Посольского приказа является ярким свидетельством появления книгочеев (к числу которых, безусловно, относился и подготовивший исследуемый текст переводчик), не знавших ученой славянской литературы. Другим подтверждением того, что лексема могла оставаться малознакомой даже много веков спустя после первой фиксации, является и слово *амазонки* (*амазоне*), упомянутое уже в Повести временных лет[910]. В курантах 1696 г. их упоминают с комментарием «славные жены к воинскому делу искусные»[911].

К большому сожалению, упоминание античных реалий без комментариев переводчика нельзя рассматривать как доказательство их широкой известности. Смысл слова мог быть ясен из контекста, кроме того, упоминание

---

[906] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1–2. Л. 177–179.

[907] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т.3. М., 1987. С. 311.

[908] *Покровская В. Ф.* Повесть о Бове королевиче // История русской литературы. В 10 т. Т. 2. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. М.; Л., 1948. С. 107–108.

[909] *Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М., 1983. Ил. № 75.

[910] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 16.

[911] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Ед. хр. 12. Ч. 3. Л. 595.

античной реалии могло не влиять на понимание содержания перевода, или же переводчик мог по какой-то причине вообще отказаться от комментирования. Отметим персонажей античных мифов, упомянутых без комментариев. Известное с XIII в.[912] слово *сатир* (*сатур, сатыр*) встречено в переводных памфлетах дважды. Один раз в польском как ругательство: «Пустошит, зжет, кровь пьет своих братий. Не человек, сатыр то чюдной ипостаси» (1697 г.)[913], а второй – в одном из нидерландских описаний Великого посольства: «Два княжие карлы, которые тут же меж посолскими людми были, представляли умаление естества, виден також де превеликий сатир, но тот к сим людем не приналежал» (1697 г.)[914]. Очевидно, что сатиром здесь назван сам царь Петр Алексеевич. Из других мифологических существ упоминались нимфы (1686 г.)[915] и тевмесская (трессицкая) лисица (1698 г.)[916].

Перейдем к героям античного эпоса и мифологии. Среди них заметное место занимают персонажи произведений Троянского цикла. Наиболее раннее по времени произведение включено в куранты 1686 г. Это упоминавшееся выше вымышленное письмо султана Ибрагима I Папе Иннокентию X. В нем встречаются имена Агамемнона, Энея, Приама, Гектора, богини Паллады. Троянцы же в нем названы предками турок[917]. Впрочем, автор другого памфлета, основываясь на совпадении мест проживания исторического и современного народов, называл турок «троянцами» («трацыянами»)[918] вполне серьезно. Тот же сочинитель именовал турок «одризами» (одно из античных названий фракийских племен, на полях помета «турки») и «бистонами» (дру-

[912] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 23. М., 1996. С. 66.

[913] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 176.

[914] Там же. Л. 150.

[915] Там же. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 311.

[916] Там же. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 197.

[917] Там же. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1, 2. Л. 96–101.

[918] Там же. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 191.

гое фракийское племя, чей царь Диомед скармливал всех чужеземцев своим коням, пока Геракл не накормил этих рысаков мясом их хозяина) (1698 г.)[919].

Другой пример упоминания героев Гомера интересен тем, что он является обратным переводом статьи, присланной из России. В нем рассказывалось о победе под Азовом и предстоящем триумфальном вступлении в Москву войск. При этом Петра I сравнивали с храбрым Гектором[920]. Несмотря на то, что послание было составлено в Москве, переводчик счел необходимым дать на полях пояснение к имени Гектора: «храбрыи древний воин под Троею бывший». Включенный в куранты 1696 г. текст «О произхождении и имени турков» говорит о Кавказе: «Сия страна из северныя части временем многие роды сквоз ворота (как они называют) не инако аки троянского коня день от дне окрест себя розсылала, дабы окрестные страны разорили»[921]. В одном из польских памфлетов выявлена отсылка к Одиссее: «Какая штука хитрого Улиссеса» (1697 г.)[922].

Отсылка к истории путешествия аргонавтов отмечена в тексте, озаглавленном «Перевод с полского писма с виршей, каковы учинены з де Контиевой стороны на гетмана великого корунного да на бискупа куявского». Автор произведения обвиняет своих противников в использовании подкупа участников выборов нового польского короля: «В поле полскои волности идут бараны. Подпереть элекцию золотый Язоны» (1697 г.)[923]. Из мифологических героев упоминается также Геркулес (1691 г.)[924].

Античный загробный мир (реки царства мертвых, стерегущий выход из царства мертвых Цербер) представлен в подписи к посланию от Люцифера

---

[919] Там же. Л. 188, 190.

[920] Там же. 1696 г. Ед. хр. 12. Ч. 3. Л. 459.

[921] Там же. Л. 595

[922] Там же. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 175.

[923] Там же. Л. 22а, 23.

[924] Там же. 1691 г. Ед. хр. 12. Л. 21.

французским властям, ведущим борьбу с протестантами: «Дано в столном нашем граде серотекущем Ахерон, Штикс, Флегетон. Того дня, как у християн во Евангелии о страшном разорении християнском пишет, когда треглавнои Щербер мозг чистит о пременении веры и святою водою кропит» (1686 г.)[925]. В другом памфлете подземное царство имеет название Аверна (озеро в Италии, в «Энеиде» Вергилия Эней спускается в Аид через пещеру рядом с этим озером). Переводчик снабдил это слово комментарием «си речь ад» (1696–1697 гг.)[926]. Владыка подземного царства Прозерпина упомянута в двух разных памфлетах и оба раза с пояснениями. Один раз отмечено, что это образ Луны (1698 г.)[927] (в контексте прославления побед русской армии над османами), а второй раз отмечено, что это богиня смерти (1696–1697 гг.)[928].

Имя возглавлявшего античный пантеон Юпитера отмечено в двух текстах. Один раз в 1666 г. в направленном против англичан нидерландском памфлете говорится о том, что возгордившиеся англичане наказаны Богом гражданской войной, как когда-то Юпитер (Иовиш) поразил возгордившегося Фаэтона[929]. В другом тексте «Юпитером ис севера» назван царь Петр I (1698 г.)[930]. Сам Петр делал отсылки к образам античных богов уже в письмах 1694–1697 гг. Он упоминает Марса, Вулкана, Нептуна и Бахуса[931]. Образованное от имени Марса прилагательное царь использовал не позднее, чем с 1694 г. в самых разных словосочетаниях: *Марсов ладан* (порох)[932], *Марсова потеха* (военные учения)[933], *Марсово ярмо* (война)[934]. Очевидно, что царь

[925] Там же. 1686 г. Ед. хр.7. Ч. 3. Л. 338–341.

[926] Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. (Дела 1696–1697 г.). Л. 411.

[927] Там же. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 189.

[928] Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. (Дела 1696–1697 г.). Л. 406.

[929] В-К VI (Ч. 1). С.217.

[930] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 189.

[931] ПиБ ПВ. Т.1. СПб., 1887. С. 19, 22, 24, 27, 29, 48.

[932] Там же. С. 22.

[933] Там же. С. 29.

вполне четко осознавал, что Марс это бог войны. В курантах в 1685 г. встречается выражение *Марсова слава* (в значении «военная слава»)[935]. В присланных из Польши в 1696–1697 гг. памфлетах умерший польский король Ян III назван польским Марсом[936] и один раз отмечено словосочетание *меч Марсов*[937]. Комментарии во всех случаях отсутствуют. Из любимых Петром античных богов в курантах упомянут еще Вулканус (1686 г.). Составитель курантов счел необходимым прокомментировать это имя: «первыи изобретатель огненных вещей, которои зделал железного человека с крылами, которой чрез море летал»[938]. Этот комментарий сделан с позиции эвгемеризма, характерной для книжности Древней Руси. Очевидно, что комментатор смешал деяния бога Вулкана с мифом о Дедале, смастерившем крылья для Икара. В шуточном нидерландском памфлете о Великом посольстве говорится, что сон послов оберегали: «четыре бога сна Морфеус, Ицелус, Фантазус и Фабетор имели попечение о тихих гласах и сел всякой из них на столбу лутчеи кровати»[939]. Из других богов в разных произведениях упоминались Диана (1686 г.)[940], Минерва (1687)[941], Фортуна (1697 г.)[942] и Меркурий (1698 г.)[943].

Перейдем к анализу упоминаний исторических деятелей античного мира. Некоторые из них были хорошо известны древнерусским книжникам и даже являлись знаковыми фигурами. Первенство здесь, безусловно, принад-

---

[934] Там же. С. 48.

[935] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1685 г. Ед. хр. 7. Л. 509.

[936] Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. (Дела 1696–1697 г.). Л. 403.

[937] Там же. Л. 411.

[938] Там же. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 311.

[939] Там же. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 150.

[940] Там же. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 311.

[941] Там же. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 3. Л. 253.

[942] Там же. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 175.

[943] Там же. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 189.

лежит императору Константину Великому, сделавшему христианство господствующей религией Римской империи. Вряд ли будет ошибкой предположить, что простое упоминание в курантах факта нахождения короны Константина Великого в распоряжении императоров Священной Римской империи не могло не привлечь внимания российских властей (1687 г.)[944]. Другой известной на Руси фигурой античной истории был Александр Македонский. С ним сравнивается в одном из панегирических текстов Петр I (1698 г.): «Тогда во общении величины будешь, как одною рукою восток, а другою запад обнявши, не меньши Александра Великого»[945].

Богатая история гражданских войн древнего Рима способствовала появлению отсылок к римской истории. В одном из направленных против англичан голландских памфлетов (1666 г.) при упоминании о событиях английской революции говорится, что в этой междоусобной брани пролито больше человеческой крови, чем в Риме времен Суллы и Мария[946]. На отсылках к истории древнего Рима построен написанный в период бескоролевья, наступившего после смерти короля Яна III Собеского, памфлет «Рыдание болезненной отчизны по разорванной конвокацыи между королевства и завязанных свясков короны и великого княжества литовского о несчастии своем плачущее»[947]. Его автор жалуется на то, что в стране нет единства и согласия, а среди многих претендентов на престол никто не годится в короли. С точки зрения изучения знаний об античном мире в России XVII в., в этом памфлете наиболее интересен комментарий «римской цесарь», сделанный к имени создателя Римской империи Юлия Цезаря. Он показывает, что переводчик испытывал сомнение по поводу того, всем ли потенциальным читателям перевода известен этот исторический деятель. В памфлете упоминается также его

[944] Там же. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 3. Л. 121.

[945] Там же. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 192.

[946] В-К VI (Ч. 1). С. 216.

[947] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 11. (Дела 1696–1697 г.). Л. 405–419.

противник Помпей. Автор текста мечтает о лидере, который бы «Янушовы затворил ворота» (переводчик пояснил «костел которыи во время воины отворяется во время мира затворен бывает»), о новом Курции, способном своей жертвой потушить «Везувиев пожар». В памфлете содержится анонимная отсылка к Гесиоду: «О времена горки, о железные времена! Где поделся век золотыи сщастливыи!?».

Как пример сочинения, в котором отсылки к античности не требовали комментариев, можно привести упомянутый выше включенный в куранты 1688 г. «Перевод с печатного немецкого листка каков прислан с почтою о салтанех в лицах. Отставление салтана Магмета четвертаго и избрание брата его Сулеймана втораго, Разорение турком и восхождение христианом»[948]. В нем примеры из римской истории и литературы приводятся для пояснения сущности современных автору политических событий в Османской империи: «отвещал будто долмацыанин, как ево цесарь Римскии Тибериус вопросил: «Чесо ради толь многократно с своими воиски отложился и римляном несколко боев тут учинил»?, говоря: «Сами вы в том виноваты, потому что для оберегания стад ваших ни собак, ниже пастухов избрали есте, но волков»; «Сии ответ на всех тирян (тиранов. – *С.Ш.*), а особно на салтана турского, прилагатись может, у которых доволно яко и у иных уведомленось, что обыкновенное присловие утверждает, что никогда тирянин доброю смертию не умрет, яко о том Ювеналис пишет в десятом розговоре, исходят короли и безчестною смертию тиряны умирают»; «что Вегецыюс пишет, охота есть уложение, а сабля чинит приговор суднои»; «истинно узнал Магомет четвертыи, что Сенака в 4-м деистве пишет: иже жестоко владеет, то и боящихся ево и сам себя боится».

Приведем еще два упоминания о древнем Риме в курантах. В одном случае в них было включено сообщение о публикации подборки текстов из сочинений римских авторов: «выписано из многих римских древних творцов

[948] Там же. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1, 2. Л. 355–370.

поучительно всяким римским сердцам, с лицы»[949]. В другом случае московская знать была уподоблена древним римлянам своим «израдным великодушеством»[950].

Не следует забывать, сто куранты не были единственным каналом проникновения иноземной лексики в русский язык. Огромную роль в процессе трансфера играли переводные книги. Источниками новой лексики становились дипломатические представительства (в первую очередь, в Польше)[951]. Однако влияние этих каналов было гораздо более ограниченным, чем в случае с курантами.

Для того, чтобы лучше понять, как проходил процесс адаптации античного наследия на больших хронологических отрезках, можно сравнивать отношение к античным богам виноделия и войны двух русских царей, личности и дела которых неоднократно становились предметом сопоставления – Ивана IV и Петра I.

Для Ивана IV эти боги – обожествленные человеческие страсти: Арис (Арес) – «ярость и убийство», а Деонис (Дионис) – «гудения и плясания». Поминает их грозный царь в качестве оскорбления в письме к А. М. Курбскому, уподобляя своего противника язычникам эллинам[952]. Петр I, наоборот, пусть и в шутку, представляет самого себя служителем Марса и Бахуса. Это показывает, сколь длинный путь пройден русской культурой за столетие, разделяющее двух правителей. Для Ивана Грозного античные боги – мер-

---

[949] Там же. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 96–97.

[950] Там же. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 276–278.

[951] *Богатырев А. В.* Новые штрихи к польско-российским культурным связям XVII в. // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2016. С. 98–104; *Богатырев А. В.* И вновь о польском влиянии на язык Московской Руси // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 8–14; *Богатырев А. В.* Русский текст «pacta conventa» Яна III Собеского и его польский первоисточник // Герменевтика древнерусской литературы. 2020. № 19. С. 66–103.

[952] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 35.

зость, для Петра – предмет шутки, интеллектуальной игры в общении с ближайшими сподвижниками. Первый знает их греческие имена, а второй употребляет римские наименования божеств. Вопрос о том, как на практике происходила эта культурная метаморфоза, должен стать предметом дальнейшего исследования. Сейчас лишь можно сказать, что выполняемые в Посольском приказе переводы европейской прессы способствовали произошедшим изменениям: встречая упоминания античных богов и героев, политическая элита русского общества постепенно привыкала относиться к античной культуре как к чему-то вполне допустимому, а не мерзкому и греховному. Наследованная от Византии греческая ориентация постепенно сменялась на преобладание мотивов древнего Рима, которыми была насыщена как европейская наука, так и европейская пресса.

Переводы показывают, что хотя к концу XVII столетия политическая элита России преодолела традиционное для Древней Руси негативное отношение к античности, знания об античности даже в придворных кругах были усвоены еще очень слабо. Если говорить о персоналиях, то объектом для комментария могло оказаться даже имя Юлия Цезаря, а образы бога Вулкана и мастера Дедала смешивались в сознании профессионала-комментатора. Крайнюю осторожность необходимо проявлять в отношении античных образов, которые, казалось бы, можно отнести к числу широко распространенных в русской культуре: образ кентавра, известный в древнерусской литературе, белокаменной резьбе, керамике, бронзе, на практике легко смешивался с фольклорными полканами. Адаптация античной культуры в России проходила параллельно с заимствованием культуры европейской и в той форме, в которой культуру Древнего мира на тот момент восприняла Европа. Позднее российская наука присоединилась к общеевропейскому процессу исследования античности. Уже в конце правления Петра I живший в России ученый грек Афанасий Скиада при поддержке императора опубликовал на русском языке и латыни с посвящением Петру Великому обзор находившихся в Рос-

сии древних греческих рукописей (ныне Синодальное собрание ГИМ). Этот первый опыт изучения греческих древностей был замечен в Европе и получил в немецкой прессе благожелательный отзыв. Сам же отзыв включили в куранты[953].

Таким образом, куранты и переведенные на русский язык памфлеты выступали одним из проводников сведений об античной культуре в России. Аналогичным образом куранты формировали базовые знания по самым разным областям европейской культуры. Читая куранты, московская знать, исподволь, понемногу превращалась в часть европейской политической элиты. Позднее роль проводника влияющих на русский язык иноземных заимствований стала играть газета «Ведомости»[954].

4.3. Положительные публикации о России как фактор европеизации русской знати: торжества и панегирики по случаю победы над османами и взятия Азова

Если знакомство с жизнью Европы лишь создавало точки соприкосновения, базу для возможного сближения в будущем, то положительные публикации о России в западной прессе подталкивали русскую знать к такому сближению. Поскольку обычно известия о Московском государстве попадали в европейские издания через недружественно настроенных соседей, то знакомство с такими известиями через куранты долгое время не оказывало значимого влияния на формирование положительного образа Европы и европейцев. Однако вступление России в Великую турецкую войну на стороне

---

[953] *Шамин С. М.* О неизвестной работе Афанасия Скиады (1724 г.) // Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний: Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. (Москва, 30–31 октября 2007 г.). Материалы. М., 2007. С. 199–202.

[954] *Истратий В. В.* О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов в «Ведомостях» петровского времени // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 3. С. 867–885.

стран Священной лиги[955] изменило ситуацию существенным образом. Захват российскими войсками турецкого города Азова 19 июля 1696 г. впервые за столетия существования Московского государства давал яркий повод для положительных публикаций в европейской прессе[956].

Посвященные «Азовскому взятию» панегирики составили большой литературный комплекс, который до настоящего времени не оценен в полной мере. Для нас эта тема особенно важна, поскольку именно на ее примере хорошо раскрывается связь между иностранной прессой и русской культурой. Этот материал дает уникальную возможность проследить движение текстов между Россией и европейскими странами. В это время российские власти, вместо традиционной закрытости, впервые активно искали возможности распространять новости в Европе. Пожалуй, именно в период взятия Азова информационный обмен между Россией и Европой становится настолько интенсивным, что уже мало отличается от движения информации между европейскими странами.

В данном разделе нас интересуют не сообщения о боях, а оценки происходящего современниками, идейное осмысление событий. Почва для массового распространения известий о взятии Азова была подготовлена еще в период самих Азовских походов. Выше уже говорилось о движении таких материалов между разными странами и Россией. Здесь же следует отметить, что одним из важных распространителей этой информации являлся А. А. Ви-

---

[955] *Артамонов В. А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 295–327.

[956] Подробнее см: *Шамин С. М.* К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.) на формирование положительного образа России в Европе (По материалам курантов) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 377–391; *Шамин С. М.* Торжества и панегирики по случаю взятия Азова в 1696 г. как фактор формирования европейской идентичности политической элиты России // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла…»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 290–304.

ниус. Его должность почтмейстера была крайне удобна для участия в информационном обмене. Достаточно вспомнить, что он оставался единственным в России человеком, чья корреспонденция не перлюстрировалась при отправке за границу. Имелся у Виниуса и опыт организации за рубежом печати листовых изданий – в конце 1680-х гг. московский почтмейстер организовывал издание в Нидерландах гравированного портрета царевны Софьи. Поэтому нет ни чего удивительного в том, что Виниус посылал для публикации в европейские газеты материалы об осаде Азова.

Об этом однозначно свидетельствует перевод, помещенный в куранты среди материалов немецкой прессы: «Выпись из граматки канцлера Вения августа в 21 день. Крепость турская Донецкой, или Лютих нареченная, не видя ни одного выстрела пушечного на себя, его царскому величеству здалася, а турския ратныя люди из тои крепости без оружия выпущены 150 человек, а в крепости изобретено 32 медных пушек, 200 центнаров зелья и много ручнаго оружия. Сия крепость есть зело хороша и крепкая сызнова построена, которая весь Дон запирает»[957]. Должности канцлера в России того времени не имелось. В 1680-х гг. европейская пресса так именовала В. В. Голицына. Хотя в 1696 г. роль Виниуса, готовившего для царя информационные материалы по международной политической ситуации, явно выросла, но до статуса Голицына ему было очень далеко. Тем не менее, переводческая помета на полях данного текста однозначно показывает, что речь идет именно о московском почтмейстере. Виниус принимал в Москве грамоты Азовской почты и переправлял эти сведения европейским издателям.

С именем Виниуса, по всей видимости, связан и другой канал распространения в Европе известий о ходе осады Азова. В период борьбы за Азов в Москве торговал флорентийский купец Франческо Гваскони. С начала 1696 г. он посылал письма своему брату, жившему в Венеции. В итоге они попадали к «государственным инквизиторам» Венецианской республики. В пери-

[957] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 399–400.

од осады Азова Гваскони использовал для своих посланий сведения из тех самых писем, которые приходили в Москву по почте из-под осаждаемого города. Как же материалы Азовской почты попадали к итальянскому купцу? Исследовавшая эти материалы Н. Б. Карданова отметила, что хотя Гваскони имел дело с несколькими близкими к царю людьми – Ф. Лефортом, П. Гордоном и Виниусом – во время Азовского похода в столице из них оставался только Виниус[958]. Таким образом, Виниус занимался деятельностью, которая в современном мире именуется пиаром. Это предопределило его роль как в организации празднества по поводу взятия города, так и в распространении сведений о победе.

В Москву весть об «азовском взятии» пришла по почте 31 июля. Направленную патриарху Адриану грамоту огласил перед народом думный дьяк Е. И. Украинцев. После молебна патриарх произнес торжественное «слово» в Успенском соборе[959]. Эта речь стала наиболее ранним из зафиксированных на сегодня произведений, восхваляющих победу под Азовом. Виниус, принявший в качестве почтмейстера грамоту о победе, ответил на нее уже 1 августа. Часть письма написана в форме акафиста: «Того ради радуйся, о непобедимый наш великий царю, превосшел еси Александра древняго, той бо, аще видением плененных Дариевой жены и дщери красотою их не уязвися, обаче о победах своих превознесся и не даде славы Богу, но себе вся приписал есть; но ты, великий наш государь, Богу небесному приписал еси и трудам своих рабов верных. Радуйся, великий наш монарх, иже никакими трудами непреборим был еси, и еще прежде взятия града того, верою подобно Исусу Наввину взятием себя обнадежил еси. Радуйся, праведний наш ве-

---

[958] *Карданова Н. Б.* Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня и 17 июля 1696 г. и неизвестный русский оригинал // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2014. № 1. С. 290–311.

[959] *Павлов А. Н.* Грамота Петра I патриарху Адриану о взятии Азова // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 240–242.

ликий воине, иже своих врагов не точию оружием, но милосердием праведным победил еси и толиких врагов поганских животом дарова. Тем же да прославится ваше государское имя по всей земли в вечное веселие всех христиан и в безконечное уязвление богомерских Агарян, и сей кровию и мученичеством православных христиан полученный клейнот да пребудет не отриновен высокой вашей великого государя державе, дондеже солнце имать течение свое на тверди небесней имети. Аминь»[960].

В данном тексте причудливо переплелись традиционное – форма акафиста и новое – отсылка к античности в лице Александра и побежденного им Дария. Церковнославянский язык панегирика, совершенно не свойственный другим текстам Виниуса, подчеркивает его торжественный характер. Упоминание о том, что случавшееся – радость для всех христиан – не случайно. Ниже в своем письме Виниус отметил, что «без указу» государя направит сообщение о победе через Витсена к статхаудеру Нидерландов Вильгельму Оранскому, а также в Вену и Кенигсберг[961]. Таким образом, известие о российской победе начало свой путь в европейскую прессу через Виниуса. Любопытно, что находящемуся в Варшаве российскому резиденту А. В. Никитину он не написал. Очевидно, что, рассылая важные для международных отношений новости, московский почтмейстер вторгался в компетенцию дипломатического ведомства и действовал более эффективно, чем сотрудники Посольского приказа.

Никитин узнал о победе московских войск из венской прессы. Туда новости дошли через Валахию. Отсюда мы видим, что новость о падении Азова распространялась через османские владения быстрее, чем через Москву. Ссылаясь на «листы», Никитин объявил о победе своего государя польским властям и венецианскому резиденту.

---

[960] ПиБ ПВ. Т. 1. С. 598.

[961] Там же. С. 599.

Панегирические отзывы на взятие Азова продолжали распространяться из России и по другим каналам. Дело в том, что приглашение большого числа иностранцев для участия в войне против Турции в целом снизило подозрительность к иноземцам и сделало движение через русскую границу более интенсивным. Вскоре после падения Азова в Варшаву из Москвы приехал некий француз, который привез «письмо» на немецком языке с описанием побед и доблести Петра. На то, что текст имел не только информационную, но и панегирическую составляющую, говорит реакция на сочинение некоторых из польских вельмож. После прочтения письмо с похвалами Петру взял воевода Русский М. Матчинский. Он предположил, что французу дали в Москве большой подарок за такие похвалы: «будто поляки москвы не знают». После ухода гостя Матчинский назвал текст фрашками и порвал его: «и как тот француз вон вышел, и воевода Рускои то письмо изодрал и говорил, что не надобно те фряшки в народ пускать».

Об этих событиях резидент сообщал в Москву в письме от 7 (17) августа 1696 г.[962] По поводу победы Никитин устроил молебен, салют из всего имевшегося в доме резидента оружия и выкатил пять бочек вина, которое велел подносить всем желающим. Лишь 1 (11) сентября в Варшаве по всем церквям прошло благодарственное моление по поводу этой победы[963]. Таким образом, мы видим, что изначально известия о взятии Азова распространялись из России через окружение царя, иноземцев, а не по дипломатическим каналам.

В Европе первые панегирические отклики на победу с похвалами Петру появились очень быстро. Среди наиболее ранних панегириков, происхождение которых не было связано с Россией, следует отметить вышедшее на итальянском языке в Фаэнце сочинение К. А. Синибальди (Sinibaldi Carlo

[962] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 123–132.

[963] Там же. Л. 156 об. –168 об., 183 об. –184.

Andrea)[964]. Синибальди являлся кавалером одного из старейших в Европе рыцарских орденов, ордена Сантьяго, который на протяжении столетий вел войну с мусульманами. Однако одновременно он был и главой академии Фаэнци (Filoponi Academy in Faenza)[965]. Стихи были написаны вскоре после того, как в Фаэнце узнали о победе русской армии. Тетрадка с виршами была прислана по почте русскому послу в Вене К. Н. Нефимонову 25 сентября / 15 сентября 1696 г. Русский перевод заглавия: «Татарскаго поля политика о взятии оружием славнаго города Азова, при Черном море стоящего, чрез трегубые сильнеишие войска пресветлейшаго Царя Московскаго, яко чрез богатыри, Архимедусу Цесарскому подобные, супротив сил атаманских. По обыкновению предлагаются чрез кавалера Карла Андрея Синибалда, святого Якова, родящагося в Фавензе. Напечатано в помянутом городе 1696 года у Иосифа Маранта, печатника епископскаго, по соизволению старших».

Таким образом, на то, чтобы узнать о победе, написать и опубликовать стихи и переслать «похвалную тетратку» из Фаэнци в Вену, ушло менее двух месяцев. К тетради была приложена записка автора к «облегату» царского величества в Вене, где говорилось, что победа под Азовом «удивлением наполнила всю Европу, а особенно целую Италию». Петр I познакомился с

---

[964] Сведения о данном стихотворении введены в научный оборот Н. И. Николаевым и С. И. Николаевым. См.: *Николаев Н. И., Николаев С. И.* Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома (Сб. науч. тр.). Л., 1985. С. 256–257. Оригинал выявлен В. Г. Ченцовой. Sinibaldi, Carlo Andrea Lo scitico Poliorcete nella espugnazione a forza d'armi della importante piazza d'Assac sul Mar Nero fatta da tre' potenti eserciti del gran duca di Moscouia, e da guerrieri, & Archimedi cesarei contro la potenza ottomana. Ode pindarica del caualiere don Carlo Andrea Sinibaldi dell'ordine di s. Iago, patrizio faentino In Faenza: per Giuseppe Maranti stamp. episc., 1696. / Режим доступа: http://www.internetculturale.it/opencms/ricercaExpansion.jsp?q=&searchType=avanzato&channel__creator=Sinibaldi%2C+Carlo+Andrea&channel__contributor=Sinibaldi%2C+Carlo+Andrea&opCha__contributor=OR&opCha__creator=OR; – Дата обращения: 07 марта 2018.

[965] *Testa S.* Italian Academies and their Networks, 1525–1700: From Local to Global. Italian and Italian American studies. Basingstoke, 2015. С. 153.

текстом еще месяц спустя, 13 (23) ноября 1696 г. В данном случае возможность оплаченной московским правительством публикации исключается уже по времени ее появления. Кроме того, судя по отчету Нефимонова, присылка панегирика стала неожиданностью для русского дипломата. Он даже не очень четко представлял, где находится Фаэнца, которую очень примерно поместил на рубежах Флорентийского княжества недалеко от Рима[966].

«Похвальная тетратка» Синибалда пересылалась в Москву через Варшаву, как и другая корреспонденция венского резидента. Трудно сказать, когда Никитин ознакомился с ней. В любом случае к 2 (12) сентября венский резидент «дозрел» до того, чтобы составить для царя собственный панегирик по поводу взятия Азова[967]. Панегирик был опубликован еще С. М. Соловьевым, однако по какой-то причине не попал в поле зрения литературоведов. Между тем он, хотя и написан прозой, является одним из наиболее ярких памятников панегирической литературы раннего петровского времени. Поздравление начинается с определения монарха как солнца на земле. Петр в роли земного светила разгоняет облачную тьму, несет свет и добро, насыщает влагой цветы и травы. Как солнце рассеивает тьму, так и Петр разгоняет татарские полки. Царские пушки, бомбы и гранаты сравниваются с солнечными «перунами». Петр «радостные христианскому свету триумфы делает». В солнечной славе московского государя гаснет турецкий месяц. Ему «радуются и славу воссылают» многие земли. Далее панегирист сравнивает Петра с персидским царем Дарием, который некогда славился «солнечным именем». Петр, в отличие от древнего владыки, сокрушенного Александром Македонским, оказывается подлинным солнцем, несущим свет православия. Царю, властителю нового Иерусалима, предлагается покрыть себя бессмертной славой, «доступивши» старого Иерусалима[968].

---

[966] ПДС. Т. 7. СПб., 1864. Стб. 1202–1204; ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 298–299.

[967] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 186 об. –190 об.

[968] *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн.7: История России с древнейших времен. Т.13–14. / отв.

Любопытно, что в панегирике Никитина есть переклички с «Акафистом» Виниуса. Тема вечного солнца, завершающая текст московского почтмейстера, здесь появляется в самом начале и становится основной. Фигурируют те же античные герои – Дарий и Александр. Оба текста написаны под влиянием европейской литературы. Однако по своей сути тексты противоположны друг другу, поскольку Виниус восторгается скромностью Петра, помнящего, что победа дается Господом, а Никитин превозносит царя. Виниус хвалит милость к побежденным, а Никитин восхваляет за уничтожение неверных. Впрочем, с уверенностью сказать, что Никитин читал текст Виниуса, и его панегирик был откликом на «Акафист», нельзя.

Сочинение Никитина явно испытало влияние польских панегирических текстов. К примеру, выраженный через идею триумфа с лавровым венком и пальмовыми ветвями образ победы, не связан с традиционной русской книжностью: «землю христианскую в лаурии и палме триумфальне буйну учинил»[969].

Идея триумфа очевидно «витала в воздухе». Судя по всему, она озвучивалась и в Азовском лагере сразу после взятия города. Об этом говорит послание неизвестного автора из Азова, которое было отправлено сразу после падения города, опубликовано в какой-то из немецких газет, а потом вернулось в Москву. Его перевод включили в сводку курантов от 11 ноября. «Курант» начинался словами «Победа! Победа! Победа!». Далее шли четыре строчки стихов, а ниже – известие о результатах боев. Самое же интересное в этой публикации – ее окончание: «И все пречестное собрание выхваляло зело чреззвычаиное великодушное дерзновение сего храброго Гектора и намерило единогласно к безсмертной чести его триумфальную дугу восставити, которую пречестный в предбудущей почте узрит»[970]. Эта фраза говорит о том, что

ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М., 1991. С. 621–622.

[969] Там же.

[970] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1696 г. Ед. хр. 12. Л. 450–459.

автор текста находился на некоем «собрании» после взятия города, где и было принято решение о постройке триумфальной арки. Скорее всего, автором этой корреспонденции так же, как и автором идеи триумфа в Москве, был кто-то из «немецкого» окружения царя.

20 августа по пути из-под Азова Петр I написал Виниусу о необходимости устроить войскам триумфальный въезд в столицу по европейскому образцу[971]. Впрочем, первенство в этом триумфе должно было принадлежать не царю, а полководцам – адмиралу Ф. Лефорту и воеводе А. С. Шеину. Триумфальная арка была возведена за Большим каменным мостом через Москву-реку[972]. 30 сентября Виниус, стоя на ней, зачитывал краткое стихотворное приветствие каждому из двух полководцев[973]. С триумфом 1696 г. А. П. Богданов связывает еще два текста – Вирши о взятии Азова в 1696 г. и Песнь о взятии Азова в 1696 г.[974] Первый из текстов прославлял Петра как победителя

---

[971] *Богословский М. М.* Петр Великий. Материалы для библиографии. В 6 т. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 года – 9 марта 1697 года. М., 2005. С. 338–339.

[972] О ее украшении см.: *Григорьян К. Н.* Об одной из последних работ Богдана Салтанова // ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969. С. 305–308.

[973] Панегирическая литература петровского времени / подгот. В. П. Гребенюка, О. А. Державиной. М., 1979. С. 13. Следует уточнить, что сообщения о личном зачтении Виниусом виршей требуют проверки. Ф. О. Туманский утверждает, что текст зачитывал подьячий Посольского приказа И. Герасимов: «и с тех ворот сверху из-за знамен стоя в скрытном месте Преображенской съезжей избы подьячей, которой был в Посольском приказе Иван Герасимов чрез великую трубу его боярина по письму поздравлял, а труба была жестяная немного сажени не в полторы и через которой конец он боярину поздравление говорил, гораздо пространно будет с лишком в вершок, а в другом конце в роструб будет в аршин с лишком. А как он Иван ево Боярина поздравлял, и та ево речь всему народу была слышна и явна будто гром гремел». О Лефорте: «И ему через туж трубу было також поздравление… а как чрез ту трубу им боярину и адмиралу говорено, и в то время чрез туж трубу он Иван сперва крычал, чтоб молчали, и как народ умолкнул, в то время поздравление говорил». См.: *Туманский Ф. О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полнаго сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великаго. Ч. 5. СПб., 1787. С. 40–41.

[974] *Богданов А. П.* Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века. М., 2005. С. 342–343.

турок и распространителя веры Христовой[975], а второй, имея сходное идейное содержание, сообщал еще дополнительные исторические подробности об азовском походе[976]. Главное их отличие от виршей Виниуса состояло в том, что объектом чествования в них становился царь.

7 ноября, чуть больше месяца спустя после триумфального возвращения армии в Москву, к прославлению царя наконец-то подключилось дипломатическое ведомство. Посольский приказ приготовил и отправил Никитину в Варшаву записку «как войска наши ис под Азова к Москве возвратились и чем сего лета с стороны нас великого государя воинские промыслы на Азовской поход вершился». Сообщение было озаглавлено «С Москвы октября в 14 день по старому календарю». Данную информацию следовало донести до сенаторов, а также цесарского и венецианского посла. До нашего времени сохранился сильно попорченный черновик данного листа. С точки зрения описания триумфа, самое интересное в нем то, что приветственные слова, оказывается, говорились не только Лефорту и Шеину, но и другим военачальникам: «прочие генералы в те ворота с по[лками] своими входили, тогда им всем порознь говорены в воротех встречные речи благодарственные, и похвальные службе их воинской»[977]. Так сообщение о московском триумфе распространялось по официальным каналам в Польше.

Ближе к середине ноября в Москву стали приходить опубликованные в европейских изданиях поздравления с победой и описания триумфа. 18 ноября государю зачитывали куранты с известием о том, что 24 октября находящийся в Вене московский дипломат К. Н. Нефимонов официально сообщил цесарю о взятии Азова. В этих же курантах говорилось, что царь, в ожидание, когда все будет готово к триумфу, живет на железоделательных заводах, а

---

[975] *Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С.* Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 427–432.

[976] *Позднеев А. В.* Песнь о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 353–357.

[977] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 11. Л. 38–56; Там же. Кн. 251. Л. 261.

также, что убежавшего за год до того к туркам «немецкого пушкаря Якушку» казнят, как Степана Разина[978]. 7 декабря Петр слушал две сводки курантов с сообщениями о том, что в Москве состоялся триумф, а привезенного Якушку «зело на высокой телеге с виселицею» казнят[979]. 16 декабря государь вновь слушал обширное, объемом почти в 3 тысячи знаков современного набора, сообщение о триумфе и казни Якушки[980]. Так целенаправленно распространяемые из России тексты возвращались обратно, переводились на русский язык и зачитывались царю. Становится очевидным, что для молодого Петра I было крайне важно получить подтверждение того, что его победа оценена в Европе.

Наступил новый, 1697 г., однако тема триумфа оставалась для московских властей актуальной. Сразу после Нового года Никитин отчитался, что «В розных числех был посланник с поздравлением нового лета у сенаторей, у маршалка и у подскарбия великих корунных, у подскарбия да у канцлера литовских, и междо словами объявлял о возвращении войск великого государя из Азова, и о входе в Москву, и о триумфе. И сенатори слушали того с подивлением, и говорили, что дело учинено новое с ыноземского звычаю. И должно быть так потому, что изстари обыкло у всех государей – когда с победою возвращалися встречали их с триумфами для утехи и похвалы тех войск будучих военных трудов, а на запомнение всякой бывшей нужды, а впред на побуждение доброго сердца и радости всему государству, и на весь свет славы, а неприятелю на страх и на печаль, и на сокрушение сердца»[981]. Кроме того, Никитин добился того, что сообщение о триумфе появилось в одной из местных рукописных газет, которую дипломат отправил в Москву. Сообщение этого польского издания о том, что «резидент московскои ны-

[978] Там же. Л. 468–479.

[979] Там же. Л. 508–535; 544–553.

[980] Там же. Л. 561–575.

[981] Там же. Кн. 251. Л. 281 об. –282 об.

нешними днями послал несколко италиян нарочно там нанятых для строения воинских караблей к Москве, где в последних числех ноября победеносно вьезжал... составили ему двои ворота по[бедо]явителные, с которых стреляли ис пушок поздравляя его царскому величеству. Первыми воротами пеш прошол ... напереди обычаем иноземским перед пол[ками] пешими, и там прошед, сел на конь и вьехал конницею другими воротами победоявительными в свое пребывание с радостию и веселием своих бояр и подданных тамошних», пришло в российскую столицу 15 января 1697 г. [982]

В Москве чествования Петра в 1697 г. также продолжались. Братья Лихуды, учителя греческого языка, составили для царя по правилам риторики новую «похвалу»[983]. Решили повторить и триумф. Сделали это в форме потехи на масленице 12 и 13 февраля. За городом на пруду у села Красное были поставлены триумфальные ворота, а также изображения Азова[984]. О потехе, сопровождавшейся фейерверками и салютами, мы знаем в подробностях благодаря ее изображению на гравюре А. Шхонебека, сохранившейся в единственном экземпляре в Рейксмузеуме в Амстердаме[985]. Проблемой оставалось то, что Шхонебек поступил на русскую службу во время пребывания великого посольства в Амстердаме, уже после того, как произошли описываемые события. Противоречие снимается, если обратить внимание на введенную в научный оборот еще И. П. Козловским черновую запись Виниуса «к Витцену листы триумфальных врат и с надписанием, как и где что было...»[986]. Получается, что Виниус, продолжая свою работу по прославлению петровской победы, отправил изображения празднества с триумфальными

---

[982] Там же. Л. 444.

[983] *Белоброва О. А.* Лихуды Иоанникий и Софроний // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С. 302–303.

[984] Россия при царевне Софье и Петре I... С. 254.

[985] Изображение в большом разрешении представлено на сайте музея / Режим доступа: https://www.rijksmuseum.nl/nl/collectie/RP-P-1925-46; – Дата обращения: 16 марта 2018.

[986] *Козловский И. П.* Первые почты ... В 2 т. Т. 1. Варшава, 1913. С. 198.

вратами бургомистру Амстердама Н. Витсену, а тот передал их местному мастеру для гравировки.

Череда панегириков продолжилась после отправки Петра в Великое посольство. Теперь это уже были панегирики европейских авторов. 14 (24) апреля 1697 г. московские дипломаты прибыли в Митаву, а на следующий день канцлер герцога Курляндского устроил для послов торжественный обед, в ходе которого «за столом подали великим и полномочным послом курлянского князя служители листы, печатные на цесарском, и греческом, и латинском языках, напечатан въезд их великих и полномочных послов с похвалою в Митаву»[987]. Данный текст сохранился. На нем стоит дата издания, 13(23) апреля 1697 г., а также имя автора – Христиана Борнманна[988], придворного поэта курляндского герцога. Несмотря на то, что текст издан на одном листе, он представляет весьма сложную конструкцию. Верхнюю половину листа занимало обращение к официально возглавлявшим миссию Ф. Я. Лефорту, Ф. А. Головину и П. Б. Возницыну с перечислением титулов русского государя. Передать смысл этих 25 строк немецкого текста можно одним словом: «здравствуйте». При этом издатель, «играя» шрифтами, сумел выделить имя царя как основное. Ниже помещено девятистрочное стихотворение, написанное параллельно на греческом и латинском языках. В латинском тексте Борнманн ориентировался на поэзию Вергилия и Горация, а в греческом – на Гомера. Строки обращены к самому Петру и также крайне просты для понимания. В них московский монарх восхвалялся как завоеватель Азова и владыка многих земель. Царя призывали продолжить угодную Богу войну, уни-

[987] ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 777.

[988] РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Д. 30. Л. 1 об. –2. Сочинение и его переводы исследованы в совместной работе с О. А. Кузнецовой и В. Г. Ченцовой. См.: *Кузнецова О. А., Ченцова В. Г., Шамин С. М.* Русские переводы элогиума Христиана Борнманна: Великое посольство Петра I и литература // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 111–125.

чтожить «фракийских лисиц» (турок), завоевать Татарию, Константинополь и стать цесарем греков.

Завершал публикацию адресованный послам изысканный элогиум на немецком языке, написанный шестистопным ямбом с перекрестной рифмой. Текст построен на игре сложных образов и логических цепей. Среди них отношения Юпитера и Меркурия, жезл Гермеса, пес Аргус. К примеру, мысль о том, что царь – это солнце, а послы – солнечные лучи, обегающие землю, изложена таким образом: «Вы есте уста очи и руце непреодолимаго царя, Высокого величества и солнца нижное сияние. Он хощет на сем свете пространный круг проехать, И того ради вашей верности, подобает ему златою колесницею быти». При этом ни в одном русском переводе мы не видим следов того, что русский читатель сопоставил золотую колесницу стихотворения с золотой колесницей бога Гелиоса.

Текст был переведен сразу же после его вручения кем-то из участвовавших в посольстве переводчиков, скорее всего, П. Шафировым[989]. Его также послали в Москву, где его перевел для курантов И. Тяшкогорский. На заседании Боярской Думы он прозвучал уже 5 мая[990]. В следующем году, после возвращения Петра из-за границы, тому же Тяшкогорскому пришлось переводить панегирик еще раз. Сочинение оказалось востребовано и в русской книжности. Кто-то из сотрудников Посольского приказа скомпоновал переводы Шафирова и Тяшкогорского. Получившийся текст поместили в рукопись начала XVIII в. вместе с Титулярником[991], также изготовленном в Посольском приказе. Перевод Шафирова оказался востребованным и за преде-

[989] После смерти Л. Гросса и до отъезда в Великое посольство Шафиров занимался составлением курантов. Об этом говорит указ от 9 января 1697 г. РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 3. Л. 9.

[990] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 222 об.

[991] БАН. 32.3.1. Л. 239–241.

лами дипломатической канцелярии. Его список на столбцах обнаружил И. А. Шляпкин[992], а книжный вариант выявил Д. К. Уо в сборнике Попова[993].

Стихи Борнманна были высоко оценены Петром. Автора наградили 12 золотыми[994]. Результат оказался неожиданным. Борнманн опубликовал еще одно стихотворение и подал его уже не через слуг герцога, а напрямую, от имени митавских иезуитов. Это была первая встреча царя с представителями Ордена св. Игнатия. В исследованиях о взаимоотношениях Петра Великого и иезуитов эта встреча не упоминается[995]. Второй элогиум написан на латинском языке[996]. Данный текст существенно больше по объему и сложнее по структуре. К примеру, концепт солнца вводится в нем через цитату из Плутарха, где сравнивается солнце на небе и правитель на земле. Образ солнца рассматривается в его противостоянии не только с турецкой луной, но и самому «деннице» – сатане. Царь Петр характеризуется как западное солнце, которое всегда вне Запада. Солнечные стрелы разгоняют турецкую тьму. Говорится о том, что солнечное сияние дает тени. Напоминается, что солнце восходит везде. На образ солнца нанизываются аллегории, связанные со светом. При этом солнце – лишь один из многих образов элогиума. Не удивительно, что такой сложный памятник не смог полностью адекватно перевести на русский язык ни переводчик Великого посольства, ни Тяшкогорский для курантов. Тем не менее, общий смысл, состоявший в восхвалении русского

---

[992] *Шляпкин И. А.* Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славянорусской письменности. М., 1894. С. 7–9.

[993] *Уо Д. К.* История одной книги... С. 271.

[994] *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов / отв. ред. Е. Е. Лыкова, сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. М. : Древлехранилище, 2006. С. 369.

[995] *Шлафли-младший Дэниел. Л.* Петр Великий и иезуиты // Петр Великий. М., 2007. С. 137–155.

[996] Памятник исследован в совместной статье с С. В. Алпатовым. См.: *Алпатов С. В., Шамин С. М.* Элогиум митавских иезуитов в документах великого посольства 1697 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4. С. 96–110. Еще один экземпляр издания хранится АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/2. 1697 г. Ед. хр. 2. Л. 2, 2а.

царя как победителя турок и описании блестящих перспектив стать цесарем восточной империи, равным императору Леопольду, был виден в обоих русских переводах.

Иезуиты не удовлетворились подачей печатного листа. 22 апреля, при отъезде Петра из Митавы, они оказались в числе провожающих посольство. Кто-то из них произнес напутственную речь на латинском языке, текст которой был также передан посольству и переведен. Петр вновь чествовался в качестве покорителя Азова и солнца, которое разгоняет турецкую тьму. Послам желали нести свет по всему европейскому миру[997]. Российская сторона высоко оценила старания иезуитов. Они вновь получили награду золотыми: «На съезде из Митавы княжим трубачам дано 25 золотых да езувитам за печатные вирши на отласе, которые они подали великим послом, 10 золотых»[998].

На земле курфюрста бранденбургского послов встречали торжественно с музыкой и песнями на немецком языке. Рукописные тексты приветственных песен сохранились от встреч в Мемеле[999] и Тильзите[1000]. Однако политики мы в них не встречаем. К примеру, пять строф исполненных в Тильзите 13 мая песен содержали приветствие и сообщение о том, что как для послов сияет солнцем их царь, так здесь блистает курфюрст, который очень рад гостям. Впереди послам обещали массу удовольствий. Гораздо интереснее изданные стихи Георгиуса Раддеуса, капельмейстера бранденбургского курфюрста, которые вручались послам на банкете при отпуске посольства 2(12) июня[1001]. Практически все произведение немецкого поэта было посвящено теме искоренения турок и татар. Уже после отъезда дипломатов из Кенигсберга посольский переводчик Петр Вульф приобрел для Петра подробное

---

[997] РГАДА. Ф. 32. 1697 г. Ед. хр. 30. Л. 34–36 об.

[998] *Лефорт Ф.* Сборник материалов и документов... С. 369.

[999] РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 30. Л. 37–38 об.

[1000] Там же. Л. 39–41.

[1001] Там же. Ф. 74. Оп 1. 1687 г. Д. 1. Л. 117–120 об.

описание того, как торжественно встречал их курфюрст[1002]. В том же антитурецком ключе Великое посольство продолжали чествовать и в Берлине, здесь появился новый печатный панегирик, датированный 20 июля[1003].

16 августа 1697 г. Великое посольство въехало в Амстердам[1004]. Здесь его встречали крайне торжественно: «И не доходя Амстрадама за полъмили, встретили их, великих и полномочных послов, амстрадамской президент и бурмистры со многими знатными того города жители и говорили речь пространную, поздравляли им, великим и полномочным послом, щастливое и здравое пребытие и радуясь по премногу за такое к ним знатное и великое посольство»[1005]. Довольный государь писал об этом А. А. Виниусу: «послы въчерась принеты горазда с честию»[1006]. Архивное дело, озаглавленное «Перевод с стихов на прибытие в Амстердам полномочных российских послов Лефорта с товарищи поднесенных. Тут же латинские стихи поднесенные, сочиненные Ретерсом в похвалу государю Петру I о одержанных их победах»[1007], содержит два сочинения. Одно из них сохранилось в переводе[1008], оно озаглавлено как «Песнь приветствовательная». Судя по всему, она действительно исполнялась с музыкальным сопровождением. Адресатами были номинальные руководители миссии Лефорт, Головин и Возницын. Им сообщалось, что река Амстела, на которой стоит Амстердам, рада видеть посланцев из России, выражалась надежда на их щедрость. Певец желал гостям благополучия, царской милости, «междоусобного согласия» обоим землям. В

[1002] Там же. Л. 129–180 об.

[1003] Там же. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 45. Л. 6–11.

[1004] Подробнее об амстердамских публикациях см.: *Королев А. А., Шамин С. М.* Стихи в честь прибытия Великого посольства Петра I в Амстердам: литература и дипломатия // Каптеревские чтения. Сб. ст. Вып. 12. М., 2014. С. 52–59.

[1005] ПДС. Т. 8. СПб., 1867. Стб. 915–916.

[1006] ПиБ ПВ. Т. 1. СПб., 1887. С. 186.

[1007] РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 50.

[1008] Скорее всего, с нидерландского языка.

последней строке звучала триумфальная тема: «Сице триумфы Москве победительнице, да обезсмертвит Бог».

Панегирик Петру выглядел более официально. Его опубликовали в виде отдельного листа на латыни за подписью П. Рётерса (P. Roeters), в русских документах упоминается как Ретерс или Рейтер. Последний получил награду за данную публикацию после отъезда посольства из Гааги 20 октября: «Октября в 23 день в Гаге галанскому секретарю Рейтеру, которой подал великим послом вирши печатные в Амстердаме, дан касяк камки»[1009]. Рётерса восхитила «Марсова доблесть» русского царя, были отмечены его победы над турками и взятие Азова. Однако последняя треть стихотворения посвящена «более кроткой» славе Петра, которая не меньше, чем военные свершения «привлекает к тебе народы»[1010].

В честь встречи в Утрехте 1 сентября 1697 г. бургомистра Амстердама Витсена, московского царя и короля Англии Вильгельма III Оранского печатник Франсуа Хальма опубликовал еще один панегирик. В нем восхвалялись подвиги высоких участников встречи, но ничего не сказано о ее политических перспективах[1011].

Следует отметить, что нидерландские панегирики выглядят гораздо более «мирными», чем приветствия, которыми Великое посольство встречали в немецких землях. В них, конечно же, звучали поздравления по поводу свершенных побед. Однако призывов к дальнейшей войне и уничтожению Османской империи мы не находим. Скорее всего, голландцы просто были не заинтересованы в этой войне и стремились тактично донести это до московского государя. Между тем, Петр сам с увлечением увековечивал свою победу над турками в жанре гравюры. В Амстердаме царь лично познакомился с А. Шхонебеком, гравировавшим изображение московского «триум-

---

[1009] *Лефорт Ф.* Сборник материалов и ... С. 387.

[1010] *Королев А. А., Шамин С. М.* Стихи в честь прибытия Великого посольства... С. 58–59.

[1011] РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 261.

фального» фейерверка 12 февраля 1697 г. Под руководством мастера государь собственноручно вырезал офорт «Победа христианства над исламом»[1012]. Сам гравер был принят на русскую службу.

Следующий панегирик Петр услышал уже после наступления нового года (1698 г.) в Англии, где московского царя встречали «аки путьшествующего Фебуса». В английском сочинении прозвучало множество слов, прославляющих победы царя – «потоптателя Магомета» – над турками и татарами и распространение христианства на новых землях. Выражалась уверенность в том, что «победительный меч» московского царя будет «на востоке законы раздавати». Тем не менее, значительная часть панегирика была посвящена благодетельности мира. Автор текста утверждал, что «мир есть вяще счастие изо всего, еже зде видим»[1013].

В конце зимы или самом начале весны 1698 г. кто-то из участников Великого посольства направил в Москву подборку из трех печатных панегириков. Выбор пал на оба митавских текста Борнманна и кенигсбергский Раддеуса. Почему о них вспомнили более чем полгода спустя – непонятно. Особенно если учесть, что трехъязычный текст Борнманна в Москву уже один раз отправляли. Можно предположить, что кто-то из членов посольства решил подобрать для оставшегося в Москве правительства лучшие из панегириков. Выбор пал на те, где антитурецкая тема звучала особенно ярко. Бояре ознакомились с переводом 28 марта[1014]. Возможно, тексты должны были напомнить читателям о приближающемся лете – сезоне боевых действий. Можно также предположить, что откликом на перевод этих панегириков стали «Стихи на победу злочестиваго Мустафы, султана турскаго» жившего в

[1012] Другие названия «Торжество России над мусульманами», «Победа православия над магаметанством». *Курносова О. Б.* Адриан Шхонебек: русский период в творчестве гравера (1697–1705) // Труды Центрального военно-морского музея. Вып. 3. СПб., 2009. С. 78.

[1013] РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. IX. Л. 123–124 об.

[1014] Там же. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 184–202.

России лаодикийского митрополита Парфения Небозы (датированы 12 апреля 1698 г.). В них также звучит призыв к захвату Константинополя[1015].

Еще одно панегирическое стихотворение на латинском языке опубликовал упоминавшийся выше К. А. Синибальди. Он превозносит мужество «великого князя Московии», хвалит его за предпринятое посольство, постройку флота, выражает уверенность, что все эти усилия предназначены не для того, чтобы получить «руно колхов златое», то есть побережье Кавказа, и «чтобы город занять с дворцами Востока – Византий»[1016]. Получил ли Петр этот панегирик? Ответить на этот вопрос сложно. Нельзя исключать, что стихотворение так и не было отправлено, поскольку потеряло политическую актуальность в связи с началом мирных переговоров. Петр был резко против заключения мира, но даже личная встреча царя с императором ситуации исправить не могла. Тем не менее, в посольских документах появилось «Описание на немецком языке пиршества, бывшаго в Вене в бытность тамо полномочнаго россииского посольства», представляющее собой отпечатанный с двух сторон лист с перечнем участников. На нем имеется помета почерком XVII в. «о пиршестве бывшем в Вене»[1017].

Путешествие по Европе превратилось для Петра в череду торжественных встреч. В итоге, судя по описи материалов Посольского приказа, в «Сундуке з делами его имп[ераторского] вел[ичества] великих и полномочных послов, бывших в посольстве в европейских государствах» появился отдельный комплекс документов, поименованный сотрудниками дипломатического ведомства «Печатные листы на латинском и немецком языке к похвале его императорскому величеству, каковы сообщены послом его величества господам

[1015] *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651– 1709 гг.). СПб., 1891. Примеч. к с. 361; *Зиборов В. К., Яковлев В. В.* Парфений Небоза // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 15.

[1016] *Николаев Н. И., Николаев С. И.* Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I... С. 258–261.

[1017] РГАДА. Ф. 32. Оп 1. 1698 г. Ед. хр. 49.

Лефорту, Головину, Возницыну, бывшим в посольстве в европейских государствах»[1018].

По возвращению в Москву тема триумфа над турками продолжала отрабатываться, хотя не так интенсивно, как в предшествующий период. Большую роль здесь играли связанные с Россией иноземцы. Приехавший в Россию А. Шхонебек создал серию гравюр. Это «Осада Азова в 1696 году» (1699–1700 гг.), «Корабль «Гото Предестинация» (1700–1701 гг.), «Карта восточной части Азовского моря» (1701 г.)[1019]. Эти гравюры имели уже иную целевую аудиторию. Они предназначались не столько для самого царя, сколько для прославления его политики. Сотрудничавший с русским правительством И. Ф. Копиевский опубликовал посвященный победе под Азовом панегирик в 1700 г.[1020] явно с расчетом на благожелательную реакцию русского правительства. Работы Шхонебека и Копиевского нашли отражение в рукописной книжности. К примеру, в рукописи вятского книжника С. Ф. Попова имелись копии текстов Копиевского, а также текста с «Карты восточной части Азовского моря» Шхонебека[1021].

Другой комплекс текстов, где оказались востребованы работы Шхонебека, выявил А. П. Богданов. Исследователь отметил, что Карион Истомин, составляя беловик переписки Петра и патриарха Адриана по поводу осады и взятия Азова, рассматривал ее как книгу о взятии Азова. Уже в самом начале XVIII в. на ее основе была создана «Повесть о взятии Азова Петром I в 1696

[1018] Там же. Ф. 180. Оп. 13. Д. 1. Л. 157 об. −158.

[1019] *Курносова О. Б.* Адриан Шхонебек... С. 81–84.

[1020] Панегирическая литература петровского времени... С. 14–15, 43–47; *Копиевский И. Ф.* Gloria triumphorum & trophaeorum. Слава торжеств и знамен побед пресветлейшаго и августейшаго: Державнейшаго и непобедимейшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца в кратце списана стихами поетыцкими писа Елиас Копиевский духовнаго чину реформацкия веры. Амстердам, 1700.

[1021] *Уо Д. К.* История одной книги... С. 101, 102, 271, 272.

г.», в которой были использованы гравюры «Осада Азова в 1696 году» и «Карта восточной части Азовского моря»[1022].

Исследователи много раз отмечали огромное значение Великого посольства для европеизации России. Достаточно вспомнить, что именно во время Великого посольства царь и его окружение переоделись в европейское платье. Конечно же, большую роль в этом сыграло непосредственно знакомство с европейской жизнью и длительное пребывание в инокультурной среде. Однако важно понять, что именно побудило русского царя стать (хотя бы по облику) европейцем. По моему мнению, большую роль здесь сыграло возникшее на почве борьбы с османами ощущение единства, базирующееся на общей христианской вере. Об этом, так или иначе, говорили практически все панегирики, прославлявшие русского царя в качестве победителя турок.

Русские и европейские панегирики составили единое информационное поле. Некоторые из них были инспирированы Россией. Однако другая часть текстов, безусловно, отражала искреннюю радость европейских авторов по поводу московских побед. Заметных отличий в содержании панегириков, написанных в России и в европейских странах, не наблюдается. Возможно, Петр и окружавшая его русская знать столько раз в самых разных европейских землях слышали, что Россия – это часть Европы, что постепенно сами начали в это верить.

[1022] *Богданов А. П.* Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века. М., 2012. С. 345–346; *Каган М. Д.* Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 49–52.

Глава 5. Случаи массового распространения отдельных сочинений

В предыдущем разделе было показано, что европейская пресса оказывала систематическое влияние на очень узкий круг людей – царя, его окружение, сотрудников Посольского приказа и тех, кто были с ними по тем или иным причинам связаны. Однако отдельные тексты могли выходить за пределы этого круга и распространяться очень широко. Таким документам посвящена данная глава. В качестве примеров выбраны две группы связанных между собой памфлетов. Первая – различные редакции «Сказания о двух старцах», которое распространялось вопреки воле российских властей. Вторая – фальшивые письма турецких султанов – антитурецкие памфлеты, тиражированию которых правительство, напротив, с какого-то момента стало способствовать. Третья группа – рассказ о жестоком графе, обращенном во пса. К этому курьезному назидательному тексту власти относились нейтрально.

5.1. «Сказание о двух старцах»

«Сказание о двух старцах» является наиболее ярким образцом европейского известия о пророках и их пророчествах, попавшего в Россию в XVII столетии. Сочинение относится к числу памфлетов, которые в Европе целенаправленно запускались в оборот снова и снова, лишь с небольшими изменениями, призванными актуализировать устаревшие детали. Название сочинения условно. В оригиналах общего заголовка данные произведения получить не могли уже из-за того, что они каждый раз претендовали на статус новости, извещающей о реальных событиях.

Основой для данного произведения являлось «Откровение Иоанна Богослова», рассказывающее о том, как перед концом света господь пошлет в мир двух пророков (Откр. 11: 3–8.). Содержание памятника крайне просто. В некоем городе появляются два старца. Они очень благочестивы, причем бла-

гочестие подтверждается при проверке. Выглядят старцы необычно – их одеяния напоминают о глубокой старине. Пришельцы оставляли пророчества о конце света. Как правило, эти пророчества растягивались на 10 ближайших лет, после которых должен наступить судный день. Общим для разных вариантов сказаний была «достоверность» пророчества на ближайший год или несколько лет. Для обеспечения очевидной достоверности составители памфлета называли что-то неизбежное, например, войну, которая где-нибудь да случится, или на гнев Божий над неким королем – с кем-нибудь из правителей что-то обязательно произойдет. Еще одна общая черта всех текстов – относительная близость предсказаний старцев пророчествам Священного писания. К примеру, пророчество о том, что «будет едино стадо и един пастырь», цитирует Евангелие от Иоанна (Ин. 10:16).

Евангельский текст вызывал доверие, легко узнавался читателем. Всякий человек, знакомый со Священным писанием, вспоминал при чтении пророческого листка о евангельских пророках. Наиболее начитанные могли даже понять, что речь идет об Илии и Енохе, которых Господь забрал на небо живыми, дабы они перед концом света вернулись на землю и обличили антихриста. Совпадение же пророчеств с реальностью заставляло поверить, что речь идет об истинных пророках, а не о самозванцах.

Сильная сторона сочинения – его привязанность к текущему моменту. Она же и ставила ограничения по «сроку годности». Уже через несколько лет становилось очевидным расхождение между пророческой частью и реальностью. Приходилось обновлять даты пророчеств и вновь запускать текст в оборот. Поскольку он редактировался и тиражировался на протяжении многих поколений, то можно с уверенностью говорить – мы имеем дело не с одним памфлетистом. Памятник был востребован в определенной социальной группе. Так как в некоторых списках преследователями старцев оказываются иезуиты, то вряд ли будет ошибкой предположить, что мы имеем дело с протестантским агитационным произведением, целью которого являлась активи-

зация религиозной жизни единоверцев. На русской почве протестантский текст оказался востребован в старообрядческой среде.

Русская традиция памятника особенно интересна тем, что он многократно попадал в Россию на протяжении длительного временного периода. Древнерусская книжность хорошо подготовила русского читателя для восприятия этого текста. О появлении перед концом света пророков-обличителей предупреждали «Евангелие Никодима», «Откровение Мефодия Патарского»[1023], «Сказание како убиена будет Илия и Енох Антихристом»[1024], а также переводное «Сказания об антихристе»[1025]. На полях некоторых рядовых пасхалий помещались записи, красочно описывающие обличение пророками Енохом и Илией антихриста[1026].

Впервые рассматриваемый текст был переведен на русский язык в 1620 г. в составе «Перевода с вестовои немецкои тетрати, что деялося во Устреии, и в Полше, и в Шлежи, и в Францовскои, и в Голанскои, и в Агленскои, и в Ытилянскои, и в Угорскои земле, и в ыных местях ннешнег 1620 году, поруски 128 году»[1027]. Этот черновой перевод отложился среди документов фонда 155 РГАДА. Среди прочих сообщений на внешнеполитические темы встречаем известие: «В Марпурге два дуговног чину засажены. Называются пророци, а говорят, что оне посланы проповедати покаяние, и что будет единая вера. Турки и жиди обрятятся в хрстьянскую ж веру. Толко будет напе-

---

[1023] Евангелие Никодима // *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып 1. СПб., 1999. С. 827; Откровение Мефодия Патарского // Там же. С. 702.

[1024] *Минеева С. В.* Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). В 2 т. Т. I. М., 2001. С. 69.

[1025] *Иванов С. В.* Русский перевод немецкого «Сказания об антихристе» по рукописям XVII—XVIII веков. СПб., 2018.

[1026] *Романова А. А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 109.

[1027] В-К I. С. 29–35.

ред страшная воина, голод и мор. То исход нечестивым будет, которых есть з две трети вселенные. А учение и житие их что безверник…»[1028]. На этом текст обрывается. Далее утерян один или несколько листов расклеенного архивистами столбца. Ближайший сохранившийся лист начинается с заглавия другого сообщения. Несмотря на утрату окончания известия, можно с большой долей уверенности предположить, что перед нами один из сокращенных для европейской газетной публикации вариантов «Сказания о двух старцах». В книжной традиции данный текст пока не обнаружен.

Редакция 1661 г.

В отличие от перевода 1620 г., редакция «Сказания о двух старцах» 1660-х гг. с пророчествами на 1661–1670 гг. представлена довольно широко. В русской рукописной традиции на сегодняшний день известны 4 списка, из которых 2 являются документами Посольского приказа. Один список издан Е. В. Барсовым (без указания источника)[1029]. В настоящее время в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) в коллекции Е. В. Барсова обнаружен его рукописный оригинал[1030], переписанный на 2 столбцах аккуратной скорописью, характерной для подьячих Посольского приказа (далее – *Б*). Дело, в состав которого входит интересующий нас текст, озаглавлено «Документы Посольского приказа 1587–1678 гг.» и содержит материалы, извлеченные из приказного архива. Это позволяет видеть в данном списке беловую копию перевода, выполненного приказными

[1028] Там же. С. 33.

[1029] ЧОИДР. 1884. Кн. 3. М., 1885. С. 13–14; *Барсов Е. В.* Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым, с предисловием. М., 1890. С. VIII, 156–157. Публикация имеет неточности. Наиболее существенная из них – пропуск начальной части 6-го пророчества.

[1030] ОПИ ГИМ. Ф. 450 (собр. Е. В. Барсова). Д. 83. Л. 91, 91а. На обоих листах фрагменты филиграни «Меч» с надписью, от которой сохранилась начальная буква «G» (ближайшие аналогии: Гераклитов № 1054–1057, 1644 г. См: *Гераклитов А. А.* Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. С. 144).

переводчиками.

Другой список обнаружил А. Ф. Бычков при описании рукописных книг Публичной библиотеки (РНБ. Собр. М. П. Погодина, № 1560, вторая половина XVII в.). Здесь «Сказание о двух старцах» озаглавлено как «Список с подметнай повести, писма руки Исидора Крючкова» (далее – *Кр*)[1031]. В этом сборнике сочинение представлено как старообрядческое подметное письмо, которое в 1665 г. распространял житель Коломны И. Крючков. Текст сопровождается обличением священника Иоанна[1032]. В данном случае мы имеем дело с ложной атрибуцией произведения. Священник Иоанн или не знал, что перед ним переводное сочинение, или сознательно стремился снизить его значимость, приписав русскому автору-старообрядцу. Данный список «Сказания о двух старцах» привлек наибольшее внимание исследователей. На его примере ярко видны противоречия, возникшие в русском обществе в ходе церковной реформы середины XVII столетия. «Авторство» Крючкова было зафиксировано в словарной литературе[1033].

Третий список редакции 1660-х гг. найден А. И. Соболевским в составе

[1031] Ниже цитируется по: *Уо Д.* История одной книги.... С. 294.

[1032] *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882. С. 209–210

[1033] На первоначальном этапе исследования «Сказания о двух старцах» высказывалась мысль о том, что оно является переводным произведением. См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси ... С. 240, 248–250. Однако потом возобладала традиция считать это сочинение русским. См.: *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. CXX, 18–20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46; примеч. 22, 48, 28, 76–77; *Каган М. Д.* Крючков Исидор // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 201–203; *Покровский Н. Н.* Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297; *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 249–252; *Синицына Н. В.* К истории раскола последней трети XVII в. (Соловецкое и Московское восстания) // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 7. М., 1996. С. 523. Исключением является опубликованная в 2003 г. работа американского исследователя Д. К. Уо, посвященная содержащему «Сказание о двух старцах» сборнику, который в первые годы XVIII в. составил житель г. Хлынова Семен Попов. См.: *Уо Д.* История одной книги... С. 48–50, 294, 295.

сборника из библиотеки Румянцевского музея (РГБ, собр. Ундольского, № 611, л. 42 об. –43, конец XVII в., далее – *У*). Соболевский отметил наличие в тексте полонизмов и предположил, что он переведен с латинского языка[1034]. Данный список был присоединен к летописцу, хранившемуся в середине XVII столетия в Ярославле. Этот памятник особенно интересен тем, что, кроме исторических записей о российских событиях, он включает выписки из перевода Хроники Мартина Бельского. Большая часть этих выписок имеет «курьезный», познавательный характер. Составителя заинтересовали как имевшиеся в хронике обычные для переводов прессы сообщения о землетрясениях, выброшенной из моря большой рыбе, испускающей огонь горе Этне, знамениях на небе и появлении лжепророка, так и описания различных народов и их обычаев. Рассказывается даже о такой далекой земле, как остров «Сумъматр», на котором водятся дивные звери – слоны, кони с человеческими головами[1035]. Несмотря на то, что в целом летописный памятник имеет скорее «курьезный» облик, его конец приобретает эсхатологическую окраску. После «Сказания о двух старцах» составитель поместил крайне популярную среди старообрядцев выписку из «Книги о вере», где рассказывается о конце света в 1666 г. Время внесения в рукопись эсхатологических записей помогает определить помещенное сразу после них известие об отмене медных денег в июне 1663 г. Таким образом, в Ярославль «Сказание…» попало до этого времени.

Четвертый список (далее – *Кур*) обнаружен при подготовке 6-го выпуска издания «Вести-Куранты»[1036]. Его характеристика будет изложена ниже.

[1034] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси ... С. 240. Ниже текст цитируется по этому изданию.

[1035] *Сиренов А. В.* Хроника Мартина Бельского и два частных русских летописца первой половины XVII в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. Сборник статей памяти О. В. Творогова. М.; СПб., 2017. С. 398–482.

[1036] В-К VI (Ч. 1). С. 98; См. также РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1652 г. Ед. хр. 122. Л. 39–56.

Зафиксирован также украинский вариант «Сказания о двух старцах» редакции 1660-х гг. (далее – *В*), который читается в составе «Летописи канцеляриста канцелярии войска Запорожского Самуила Величко»[1037].

Начнем с анализа описательной части сочинения. Списки *Кр*, *У* и *Б* наиболее близки между собой. Тем не менее, при их сравнении мы видим ряд значительных расхождений:

Кр	*У*	*Б*
Ис Полимитарскаго града Сицелескаго государства отпущены к нам лучшими, достоинству Ухарския земли подкораю, великому учителю святыя иерусалимския веры.	Ис Палерии, государства Сыцылииского, отпущен к наилучшему достоинству Оугорские земли подкоролю и великому учителю святыя веры иерусалимския.	Из Палермы Господарства Свицылииского отпущен к наилутчему достоинности Угорские земли подкоролю и великому учителю святые веры иерусалимския.
Начало отписки их сице.	Начало отписки сице.	
Налутчий господарев! Не в болшом времени нынешних числ к нашему убо Полимитарскому граду пришли два старца, извествую себе про-	Даилучшии господарству! В неболшем времени нынешних числ к нашему Палермитанскому городу пришли два старца, и те себя известили проро-	Наилутчи Государь! В неболшем времяни нынешних числ к нашему Палермитанскому городу пришли два старца, которые себя пророками быти известили. В платье ходят

[1037] Далее цитируется по: Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. В 4 т. Т. 2. Киев, 1851. С. 16–17.

роками быти. В платье ходят незнаком, яко ни где такова не обретохом. Людем покаяние проповедают, а сказывают от Бога на всю вселенную прогнев и на наш Полимитарский град другому Садому извествуют быти. Главы у них не прикрыты, ходят не обувены и пеши, пища их токмо хлеб и вода.	ками быти. В платье ходят незнакомом, и ни где не обретающемся, покаяние людем проповедают, да ото окаяннаго своего жития престанут, сказывают Бога про на всю вселенною Бога прогневана, и наш Пелерминский град другою Садомою быти извествуют. Ходят голов не покрывши, везо о будущем. Пища ж их не ино, токмо хлеб и вода.	незнакомом, ни где не обретающемся, покаянию людем проповедают, да акаянного своего житья престанут, сказываючи но всю вселенною Бога прогневанна, и наш Палерминский город другою Садомою быти извещают – которые, голов не покрывши, голыми ногами ходят; а их не иная пища, токмо хлеб и вода .
	И егда им ис приказу запрещено было, дабы людеи не стращали,	Егда им из приказу запрещено было, чтоб люди не стращали,
Сказывают себе от Бога посланы.	сказали себе быти от Бога посланных	сказали себя быти от Бога посланных
	для проповедания покаяния людем; егда своего замысла не отступили, в смирение их отдали и к которому смирению шли радост-	для проповедания покаяние людем; и егда своего замыслу не отступили, в смирение их отдано и к которому смирению радостно шли; и егда их

	но; и егда их езутскаго монастыря старцы навещали и их тож к Божиеи боязни приводили, дабы покаяние чинили;	езутского монастыря старцы навещали и их тож к Божии боязни приводили, чтоб покаяние чинили;
И те старци веруют во имя Отца и Сына и Свата[го] Духа, и молятся, припадают на колена, руце воздев к небу. Проповедают о Судном дни, скороприходящем и приближающемся. И тех старцев спрашивали о старости их, и они сказывают, нам долг имущим век.	видитца людми добрыми быт, верующими во Отца и Сына, Святаго Духа; припадая, на колена молятса, руце роспростерши и в небо вознещи, о Судном дни скоро приближающимся проповедают. И в приказе про их век роспрашивали, и сказали себе долгий век имеюща,	видитца людми добрыми, верующими в Бога Отца и Сына, Святаго Духа; припадая, на колена молятца, руце роспростерши и на небо вознещи, о Судном дни скоро приближающимся проповедают. В приказе роспрашивано про их век; сказали себе долгий век имеюща,
И мы убо умыслихом в нашей державе в Полимитарском граде не бывало и нет.		
	и яко из Гоцкия земли пришли посланы Вышним Богом.	и что из Гатцкие земли пришли от Бога посланы.
И чтобы тех старцев отпустите их	Старцы ж езуицкого монастыря ис при-	Старцы их езуицкого монастыря из приказу

с честию до Рима и привели з предних возило, и то убо возило во очех людских во мгновении ока разбилося все и до основания.	казу их одержали, чтобы их на возу до Рима послати. И тот воз во очех люцких того ж часу изломался,	одержали, чтоб их на возу до Риму послав, которые во очах люцких того ж часу изломался,
	и вси в остатку их чают их за святых.	а в остатки имеют их за святых.
А они сказывают и поведают, что мы-де посланы вышним Богом Саваофом, а проповедь их сице.		

Текст *Б*, как уже говорилось, является чистовым списком перевода, выполненного в Посольском приказе. Списки *У* и *Кр* имеют с ним общие черты в начальной части, однако подзаголовок «Начало отписки сице» видим только в *У* и *Кр*, но не в *Б*. Кроме того, окончание списка *У*: «Списание сие пришло из Палермии Сицилийскаго господарства во Угорскую землю ко благоверному подкоролию и великому учителю святыя веры и властелю страны тоя. И из Угорския земли прислано в Великую Русию к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии», не имеет параллелей ни в одном из двух других списков. Можно предположить, что данные о происхождении к рукописи были добавлены на этапе выхода текста из приказных стен. Крючковский же список – это скорее пересказ, чем копия. Считать его отдельным переводом невозможно из-за почти полного, несмотря на небольшие перестановки слов, совпадения начальной части.

Обратимся к украинскому варианту известия о старцах редакции 1660-

х гг. Здесь необходимо сказать несколько слов о Самуиле Васильевиче Величко (1670 г. – около 1728 г.), который составил летописец, включающий интересующее нас сочинение. Величко учился в Киевской академии, знал латинский, немецкий и польский языки. Служил канцеляристом в Генеральной войсковой канцелярии войска Запорожского, был близок с В. Л. Кочубеем, после казни которого в 1708 г. оставил службу. Оказавшись не у дел, Величко занялся летописанием[1038]. Таким образом, известие о старцах было включено в летопись несколько десятилетий спустя, после того, как минул срок последнего из пророчеств «Сказания о двух старцах» редакции 1660-х гг. Сложно сказать, был ли под рукой летописца иностранный подлинник или он пользовался готовым переводом из более раннего памятника украинской книжности. Не вызывает сомнений лишь то, что русская и украинская традиции бытования «Сказания о двух старцах» редакции 1660-х гг. не связаны между собой. Их описательная часть имеет сходство лишь в сюжете, различия же весьма существенны. К примеру, в списке *В* события происходят не в Палермо, а в Риме, хотя источник распространения известия – Сицилия – остается прежним. В результате такого изменения отдельные пассажи сказания стали непонятны. Общим местом других редакций является сообщение о том, что телега, на которой старцев должны были везти в Рим, распалась. Список *В* дает следующее чтение: «Отцове езуити упросили сенату, аби были з Риму одослани, для которих воз наготовано, абы на оном ехали пред всем народом, але тот воз сокрушился». Куда и зачем понадобилось вести старцев из Рима, текст сказания ответа не дает.

Список *Кур* входит в состав «Перевода с неметцких курантов, что привез Иван Желябужскои, переведен на Москве в нынешнем во 169-м (1661) году мая в 27 день». Этот документ отложился в фонде 141 «Приказные дела

[1038] *Соколов В.* Величко Самуил Васильевич // Русский биографический словарь. В 32 т. Т. 4. Вавила–Витгенштейн. М., 2000. С. 359–360; Величко Самуил Васильевич // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. В 30 т. Т. 4. Брасос–Веш. М., 1971. С. 457.

старых лет» в РГАДА, в составе дела, включающего обзоры и выписки из иностранной прессы более чем за 10 лет. Многие документы данного комплекса перепутаны, однако интересующая нас сводка за 27 мая 1661 г. сохранилась полностью[1039]. Помимо «Сказания о двух старцах» она включает еще 2 «чудесных» новости: из Стокгольма сообщали о появлении в небе кометы, а также о драке между двумя птицами, которую пытались истолковать как пророчество. Этот вариант «Сказания о двух старцах» очень невелик, поэтому приведу его полностью: «Из Неапля города пишут, что в том городе обявилися 2 человеки, велми велики. И волосы на них долги, и бороды велики, а сказывают себе по тысече лет, а ходят в платье худом на ту стать, как в Полше жиды бедные. А говорят по-латыни, и по-гречески, и по-еврейски, и по-арапски, и иными языки, а все пророчествуют, что впредь будет. И сказывают, что сему городу Неаплису и Риму, буде не покаютца, как Содом и Гомор изыдет, и сказывают, что быти преставлению свету в 1670-м году. Толко перед тем быти на сем свете многому кровопролитию. И будет обычнои человек в великои чести, а Африку огонь пожрет. Солнце и месяц светлость свою помрачат и от людеи видимы не будут. А королевскои наместник держит их в великои чести. И ехать им приехать из Риму х королю Ишпанскому».

Очевидно, что данный текст представляет собой сильно сокращенный вариант обычной версии «Сказания о двух старцах». Причина такого сокращения понятна. Список *Кур* представляет собой перевод не с отдельного «летучего листа», а из газеты («неметцких курантов»). При наборе газеты, в случае нехватки места, печатники могли опустить наименее ценную информацию. Оригиналом для газеты, с которой сделан перевод, возможно, через по-

[1039] Об этом свидетельствует отсутствие смысловых разрывов, а также тот факт, что филиграни всех листов идентичны («Голова шута»). Оборот верхней части л. 39 (1-го листа сводки) сильно загрязнен. Такое загрязнение со временем появляется на первых (внешних) листах столбцов. Следовательно, данная сводка некоторое время хранилась как отдельный документ.

средство других газет, стал неизвестный нам европейский текст. Это были не те издания, на которых основаны списки *Кр*, *У*, *Б* или *В*. В пользу такого предположения говорит новое «место действия» – Неаполь. Подобное изменение не могло возникнуть при механическом сокращении текста. Впрочем, Неаполь и Палермо в рассматриваемый период были очень тесно связаны между собой. Оба они входили в состав Королевства обеих Сицилий, а ведь именно Сицилия, опущенная в *Кур*, названа источником распространения известия о старцах в списках *Кр*, *У*, *Б* и *В*. Скрытое указание на место редактирования (или одного из этапов редактирования) имеется в самом тексте *Кур*. В нем одежда пророков сравнивается с платьем, в котором ходят «в Полше жиды бедные». Это значит, что составители и предполагаемые читатели данной редакции памфлета жили в Польше или непосредственной близости от нее.

«Пророческая» часть всех полностью доступных на сегодняшний момент списков редакции 1660-х гг. имеет гораздо больше сходства, чем описательная. В рукописях *Кр* и *Б* перечень пророчеств не совпадает текстуально[1040], но по содержанию идентичен. Украинский вариант списка пророчеств близок к русскому. Кроме языка повествования, разница заключается в том, что пророчество, занимающее третье по порядку место в *Кр* и *Б*, в тексте же Величко находится на пятой позиции. Пророчество же, идущее в *Кр* и *Б* на пятой позиции, в *В*, наоборот, приведено третьи по очереди. В списке *Кур* «пророческая» часть представлена в обобщенном и сокращенном виде. Из 10 пророчеств в нем осталось 4. Дата сохранена только у последнего, самого важного, пророчества о Судном дне. При этом оно разбито на 2 части, между которыми без указания года приведены еще 3 пророчества:

Кр	*У*	*Б*	*В*	*Кур*

[1040] Обращает на себя внимание уже тот факт, что в *Кр* даты даны от «сотворения мира», а в *Б* от Рождества Христова.

Во 169 году будет война велика во всем свете.	169 году будет война велика во всем свете.	Лета от Рождества Христова 1661-го будет бои болшеи – великои по всеи вселеннеи.	В року 1661 будет война великая на свете.	Толко перед тем быти на сем свете многому кровопролитию.
А во 170 году пастыря не будет.	171 пастыря не будет.	Втораго – Пастыря не будет.	В року 1662 пастира сенату Римского не будет.	
А во 171 году немногая люди Христа спознают.	172 немногие познают Христ.	Третьяго – немного Христа узнают.	В року 1663 гнев Божий значний на весь свет будет.	
А во 172 году будет трясение велико во всем свете.	172 будет великое трясение земли во всеи Вселеннеи.	Четвертого – будет болшее порушение по всей земле.	В року 1664 неслиханное трясение земле будет.	
А во 173 году гнев Божий по всей Вселен-	173 будет гнев Божий во всем свете.	Пятаго – будет гнев Божий по всей земли.	В року 1665 немного зостане Християн, кото-	

ней.			рии знали би правдивого Бога.	
А во 174 году будет Африка горети и кровию реки потекут.	174 Африка будет горети и кровавыя реки потекут.	Шестаго – будет горети Офрека и кровю реки востанут.	В року 1666 Африка буде горети и реки крвавия будут.	...а Африку огонь пожрет...
А во 175 году востанет муж велик.	175 востанет муж великии.	Седмаго – востанет великий муж.	В року 1667 повстанет муж великий.	...и будет обычнои человек в великои чести...
А во 176 году Европия и Африка будет трепетать.	176 году Европиа и Африка будет трепетати.	Осмаго – Еврека и Африка устрашатца ся.	В року 1668 Европа и Африка будут дрижати и лякатися.	
А во 177 году Бог в Троице един познан будет во всем свете.	177 Бог в Троицы единыи познан будет во всем свете.	Девятого – в Троице единого Бога узнают во всей вселенней.	В року 1669 во Тройци единого Бога познают люде все.	
А во 178 году светила небесная угаснут, и	178 светила небесная угаснут, и	Десятаго – светила нощная загаснут и бу-	В року 1670 загашена будет светлость и в	Сказывают, что быти преставлению свету в

будет едино стадо и един пастырь, и прийдет день он страшный, и Судия судит, комуждо по делом его.	будет едино стадо и един пастырь, и прийдет день он остатнии.	дет едино стадо и един пастыр и придет ден остатный.	той час прийде день Судний.	1670-м году... ...Солнце и месяц светлость свою помрачат и от людеи видимы не будут.

Видим, что в текстах одной хронологической редакции «пророческая» часть довольно устойчива. Даже если по какой-то причине происходит ее сокращение и смешение с основным текстом, отдельные пророчества легко вычленяются, а общая датировка остается стабильной. В Россию текст «Сказания о двух старцах» в редакции 1660-х гг. попал в то время, когда пророчества еще сохраняли свою актуальность. Список *Кур* появился в России в начале 1661 г. Дата перевода 2-го варианта, представленного списками *Б*, *Кр*, *У*, относится к периоду между 1660 и 1663 гг. Для русского читателя реальность некоторых пророчеств была очевидной. Сбывалось как минимум два пророчества: 1) страну продолжала сотрясать тяжелая война, 2) патриарх Никон, поссорившись с царем, покинул Москву. Первым очевидно не сбывшимся пророчеством было не состоявшееся в 1664 г. «трясение земли во всеи Вселеннеи». Однако Крючкова, распространявшего текст после этой даты, данное несоответствие почему-то не смутило. Возможно, что на фоне других «сбывшихся» пророчеств данная нестыковка казалась незначительной. Следует отметить, что в это время интерес к эсхатологической тематике в России особенно усиливается из-за церковного раскола. Списки «Сказания о двух старцах» оказывались как в составе государственной документации, так и (если верить указаниям допрашивавшего Крючкова священника Иоанна) в

руках старообрядцев. Ярославский список, судя по выписке из «Книги о вере», также, вероятнее всего, принадлежал старообрядцу.

Следует все же признать, что у священника Иоанна были серьезные основания для того, чтобы заподозрить старообрядцев в составлении подметной грамоты. Мир старообрядцев рушился, они ждали конца света и его предвестников. Старообрядческая эсхатология развивалась независимо от европейского памфлета. Еще в 1658 г. в Швецию через Нарву приходили известия о том, что два загадочных старца появились недалеко от Новгорода. Шведский информатор писал об этом так: «В Новгороде я записал со слов одного верного человека, что там произошло чудо, случившееся под Псковом, где три дня подряд земля покрывалась кровью, а ночью в церквах горел свет и появлялись два неизвестных человека, которые ни с кем не желали разговаривать, а ходили через моря и озера, и повсюду»[1041]. Старцы Вавила и Леонид, два видных «капитона» – даже выдавали себя за Илию и Еноха: «мы де обличаем предотечеву и антихристову прелесть... – говорили они, – «и сказывают они всем людем всемирную кончину в нынешнем году»[1042]. Об Илье и Енохе неоднократно писал протопоп Аввакум: «А преж его антихристова царства придут паки на землю плотию Илья и Енох со Иваном Богословом. И полчетверта года проповеди их будет к человеком, та же антихриста со дерзновением обличать по-тонку лесть его станут». Аввакум же увещевал: «О последнем дне и об антихристе не блазнитеся, еще он, последний черт, не бывал. Нынешние бояре комнатные, ближние друзья его, еще возятся яко бесы, – путь ему подстилают и имя Христово выгоняют. А как вычистят везде, так еще Илья и Енох – обличители прежде придут, а потом анти-

---

[1041] *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. Приложение 6. С. 375–376. / Режим доступа: http://www.sedmitza.ru/text/443601.html – Дата обращения: 16 марта 2016.

[1042] *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 254, 255.

христ – в свое время»[1043]. Встреча переведенного на русский язык европейского текста и старообрядческой культуры была очень вероятна.

Остается открытым вопрос о широте распространения данного текста в народе. Как свидетельствуют аналогичные материалы XVIII столетия, широкое тиражирование листовых копий могло сопровождаться единичными случаями попадания текста в книжные сборники. Тот факт, что переведенный в Посольском приказе текст дошел до находящегося почти в трехстах километрах Ярославля и более чем в сотне километрах от Москвы Коломны, свидетельствует о его многократном копировании. Кроме того, текст в Коломне в заметно переработанном виде распространялся именно как подметное письмо, что предполагает большое число копий.

Редакции 1678 и 1680 гг.

В следующий раз пророчество появилось в России в 1678 г. Его передали в Посольский приказ в виде «письма» (то есть рукописного летучего листка) польские послы. В данном случае «новость» пришла из Франции в польский Яворов. На этот раз два старца «появились» во французском городе Мирии. Они проповедовали, обличали людские грехи, родом же оказались греки и говорили на «глад(ц?)ыйском» языке. Старцы вели прения «с великими богословы и философы и учеными людьми», которых «преодолели». После того как старцев арестовали, чтобы отвезти в Рим, дверь комнаты, в которой их заперли, открылась от крестного знамения пророков. Пророчества охватывали период с 1678 по 1689 г. Изначально их список, скорее всего, включал 10 лет. Под 1679 и 1684 гг. указано, что в это время «такожде пребывати будет» и «то ж пребывати будет». Такие записи можно интерпретировать как вставки. Кроме того, в этой редакции «Сказания о двух старцах» сообщалось, что данное пророчество подтверждается другим, написанным на еврейском языке на одной из частей каменной гробницы в парижском

[1043] Аввакум. Книга толкований // ПЛДР: XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 428; *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М., 1994. С. 58–59.

костеле святого Дионисия[1044].

Привезенное польскими дипломатами пророчество лежало без движения до тех пор, пока 12 сентября 1680 г. через Виленскую почту в Посольский приказ ни был прислан и переведен там очередной комплект газет из Европы. Среди отобранных для перевода статей оказался материал с пометой «Из Гаги августа в 17 день». Сообщалось, что в испанский город Ставлос пришли два старика и назвались апостолами. На них были невиданные одежды. «Апостолы» обличали грехи, сравнивали Ставлос с Содомом и призывали к покаянию, а также сообщили жителям города, что Господь прогневался на «держащих римскую веру». Их допросили иезуиты. Выяснилось, что родились арестованные «в Галилее в городе Дамасе». Иезуиты хотели сковать старцев и отправить к Папе в Рим, но оковы с «апостолов» спали. После этого старцы заявили, что сами рады идти в Рим. Они предсказали скорый конец света, который должен произойти в течение 10 лет, с 7189 (1680/1681) по 7198 (1689/1690) гг. Замечание о том, что Бог прогневался на «держащих римскую веру» особенно интересно. Оно подчеркивает антикатолический характер сочинения, который в более ранних редакциях проявлялся только в том, что иезуиты принимали участие в преследовании старцев, а после расспросов отправляли «пророков» в Рим. Сообщение из Гааги привлекло внимание российского правительства. По требованию думного дьяка Лариона Иванова служащие Посольского приказа подобрали сходные по содержанию материалы. В их числе нашлись упомянутое выше «Сказание о двух старцах» 1678 г. и «Пророчество из костела святого Дионисия», которое обнаружили в статейном списке Василия Тяпкина, бывшего резидентом в Варшаве.

«Пророчество из костела святого Дионисия» оказалось очень близко по своей структуре и содержанию «Сказанию о двух старцах». Любопытно, что уже в XVIII в. более поздний вариант «Пророчества из костела святого Дио-

[1044] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 8–11.

нисия» также попал в старообрядческие сборники[1045]. Тяпкин ознакомился с пророчеством в 1675 г. Он привел подробные сведения об источнике данной информации. Оказалось, что пророчество пришло из Франции. Оно было высечено на камне собора св. Дионисия в 1614 г., обнаружено в 1670 г. 24 апреля 1675 г. его отправили из Парижа в Варшаву почтой. Здесь оно было скопировано российским резидентом и вставлено в статейный список. Посмотрим на текст, который русский дипломат нашел достаточно важным, чтобы вставить в отчетную документацию: «В лето 1672-м Кипр от Сиона отступит. В лето 1673-го гнев Божии над ними. В лето 1674-го некоторым Бог отпустит. В лето 1675-го се есть нынешня 183 война по всем свете. В лето 1676-го Африка будет горети. В лето 1678-го Европа будет трястися. В лето 1679-го глад будет по всем свете. В лето 1680-м будет едино стадо и един пастырь»[1046].

Для того чтобы понять мотивы, побудившие Лариона Иванова начать расследование по поводу появившихся в Европе старцев, необходимо дать краткую характеристику этого видного приказного служащего. Карьера Иванова шла вверх по мере продвижения по придворной лестнице его покровителя боярина Б. М. Хитрово: «… всякие наши дела не минут ево, потому что он всегда у боярина, а ево жалует». 2 октября 1669 г. Иванов был пожалован в думные дьяки и в тот же день впервые получил свой приказ – Стрелецкий[1047].

Стрелецкий приказ, кроме всего прочего, исполнял и полицейские функции. Иванову пришлось принять участие в борьбе со старообрядцами.

[1045] Всего известно два таких списка. Один обнаружил В. В. Иткин в рукописи БАН, 21.8.11, XVIII в. См.: *Иткин В. В.* Писание, обретенное на гробе Дионисия Ареопагита. / Режим доступа: http://yakov.works/history/18/2/1750itkin.htm – Дата обращения 19 июля 2020. Другой находится в составе сборника ОР ГИМ. Собр. Уварова. № 1949 (627) (474). Л. 367–368.

[1046] РГАДА. Ф. 79. Кн. 161а. 360 об. –361 об.

[1047] *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 130.

Его имя регулярно фигурирует в старообрядческих сочинениях. В них Иванов выступает как добросовестный и исполнительный слуга государя. В 1670-м году глава Стрелецкого приказа участвует в допросах ученика и духовного сына протопопа Аввакума инока Авраамия[1048]. Позднее Иванов руководил пытками воспротивившихся государевой воле сестер Е. П. Урусовой и Ф. П. Морозовой и их соузниц: «Тогда властели, видяще дерзновение ея (Марии. – *С.Ш.*), повелеша ю взяти и рукавами срачицы ея увиша по концех сосец и руки наопако завязаша и повесиша на стряску. Она же победоносная и ту не молчаше, но лукавое их отступление укоряше. Сего ради держали ея на стряске долго, и висла с полъчаса, и ременем руки до жил протерли. И снемше и ту третию к тем же двема положиша. И сице им ругашеся безчеловечно, оставиша их тако на снегу лежати нагим спинам их, и руки назад выломаны. И лежали часа три. И иныя козни творили: плаху мерзлую на перси клали, и ко огню приносили всех, и хотеша жещи, и не жгоша. Последи же, егда вся козни совершиша, и воставшим мученицам, и обнажение телесе покрыта две; третию же, Марию, положиша при ногах Феодоры и Евдокии, и биена бысть в пять плетей немилостивно, в две перемены – первое по хребту, второе – по чреву. И думный Иларион глаголаше двема мученицама: “Аще и вы не покоритеся, и вам сице будет”. Феодора же, видя безчеловечие и многи раны на святей Марии и кровь текущу, прослезися и рече Илариону: «Се ли християнство, еже сице человека умучити?»[1049].

Эта ревностная служба щедро вознаграждалась. К 1678 г. Иванов имел в своем владении 122 двора, на которых числились 381 душа мужского пола. Для сравнения, за боярином князем Ф. Г. Ромодановским числилось 320 душ, за боярином князем Ф. Ю. Хворостининым 185 душ, за боярином князем С.

[1048] *Авраамий.* Вопрос – ответ старца Авраамия // Памятники литературы Древней Руси. / сост. И ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. В 12 вып. Вып. 11: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 508, 521, 523.

[1049] Повесть о боярыне Морозовой // Там же. С. 473.

А. Хованским 250 душ[1050]. Разумеется, были в России люди более богатые, но в своей социальной группе Иванов добился первенства. Он был допущен в ближний круг доверенных людей царя Алексея Михайловича. Его имя видим даже среди приглашенных на скандальное пиршество 21 октября 1674 г., во время которого государь под иноземную музыку напоил всех приглашенных допьяна, после чего патриарх Иоаким посадил царского духовника Андрея Савиновича на цепь[1051].

Участие в подобном мероприятии – пик карьеры любого царедворца. Но было ли спокойно на душе у верного государева слуги? Вряд ли можно сомневаться в том, что, беседуя в пыточных со старообрядцами, Иванов не раз слышал о надвигающемся конце света и скором явлении пророков Илии и Еноха. Допрашивая старообрядцев и знакомясь с иностранной прессой, Иванов жил на стыке разных культур. В отличие от священника Иоанна, он не мог просто объявить известие о старцах старообрядческой подделкой. Мы не знаем, сколь глубоким было потрясение Иванова, когда он прочитал в очередной сводке курантов о том, что предвещающие конец света пророки, о которых так много говорили старообрядцы, пришли «на самом деле». В любом случае, приказные служащие не только подняли архив, но и продолжили отслеживать подобные сообщения в прессе. В одной из ближайших почт (25 сентября 1680 г.) обнаружилась другая иностранная газета со статьей о старцах-пророках. Из Утрехта писали о том, что вести «ис Таволоса о двух старых мужах, которых именовали пророками, ныне подлинно о том объявилось, что лож, потому что в прошлом 1658 г. мая в 21 день в курантах такое ж пророчество в городе Менге обрестись может. И совершенно тогда, что в 1670 г. будет страшной Судной день, и то пророчество не сбылося, и потому явно, что и нынешнее пророчество такое ж ложное». Как видим, не только

[1050] *Шватченко О. А.* Землевладение и служба думных чинов в России XVII – начала XVIII века. М., 1999. С. 34, 35.

[1051] *Седов П. В.* Указ. соч. С. 140, 214–215.

сотрудники Посольского приказа проводили расследование с целью установить ложность пророчеств[1052]. Скорее всего, данное опровержение и несогласие в прежних пророчествах успокоили Лариона Иванова. Впрочем, личный «конец света» для думного дьяка настал совсем скоро. В 1682 г. восставшие стрельцы убили его вместе с другими сторонниками Нарышкиных.

Сообщение же из Гааги попало из Посольского приказа в состав рукописного сборника из собрания Археологического общества[1053]. На данный текст обратил внимание еще А. И. Соболевский[1054]. В начале 1680-х гг. какой-то из вариантов «Сказания о двух старцах» проникал в украинскую литературу. Упоминания о двух пророках встречаем под 1680 и 1683 гг. в «Летописи самовидца»[1055]. К сожалению, в отличие от летописи Величко, полного текста мы в ней не встречаем.

Редакции 1694 и 1695 гг.

Начиная с середины 1690-х гг. сочинение о старцах приобретает широкую популярность. Мною (совместно с Ю. С. Белянкиным) подготовлены две статьи общим объемом более двух авторских листов, в которых рассматривается история памятника в России конца XVII – начале XIX столетий[1056]. Наличие этих работ позволяет уделить существенно меньше внимания рассмотренным в них вопросам текстологии и археографии, сосредоточившись

[1052] *Шамин С. М.* К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2. С. 50–51.

[1053] РНБ. Собр. Археологического общества. № 43. Л. 41 об. –42.

[1054] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси… С. 248–249.

[1055] Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878. С. 151.

[1056] *Белянкин Ю. С., Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах» в редакциях 1694 и 1695 гг.: предсказания пророков с острова Мальты в старообрядческой книжной традиции // Каптеревские чтения–13. М., 2015. С. 159–178; *Белянкин Ю. С., Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах»: европейский памфлет и русское старообрядчество в XVIII столетии // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 8. М., 2017. С. 186–200.

на наиболее важных вопросах истории памятника. Целый ряд рукописей включает редакции сочинения 1694 и 1695 г. Между этими двумя редакциями есть сходные черты. Во-первых, обе они утверждают, что являются копиями послания, которое получил находящийся в Вене господин Конти с Мальты от «мальтийских кавалеров», то есть мальтийских рыцарей. Соответственно, старцы в этот раз проповедовали на Мальте. Еще одна общая черта – промежутки между датами пророчеств существенно больше, чем обычно – пять или десять лет вместо обычного для других редакций года. Обе редакции насыщены символами: змей, чей меч обагрен христианской кровью, орел с орленком, храбрый юноша, а в редакции 1694 г. еще луна и лилии. Вероятнее всего, редакция 1695 была составлена из фрагментов редакции 1694 г. с изъятиями и добавлениями.

К примеру, описание старцев в редакции 1694 г. было сделано по следующему плану: 1) необычная одежда невиданных доселе цветов, 2) ели только хлеб и воду, 3) ходили босиком, 4) одежда из верблюжьих кож, 5) спят под открытым небом, 6) воздев руки, бегают по улицам. План аналогичного описания в редакции 1695 г. выглядит, если соотносить с нумерацией редакции 1694 г., так: 4) одежда из верблюжьей шерсти, 1) невиданных доселе цветов, 3) ходили босиком, 6) воздев руки, бегают по улицам, 5) не заходят ни к кому во двор, 2) ели только хлеб и воду. Или другой пример: в редакции 1694 г. автор вспоминал пророка Илию дважды – в начале и конце текста, а в редакции 1695 г. идет одно упоминание – в середине. Пожалуй, самое значимое расхождение между памятниками состоит в том, что в редакции 1695 г. в качестве стартовой точки апокалиптических событий четко прописан 1700 г. Хронологическая часть имеет подзаголовок «как исполнятся року Бжия 1700-го году, тогда всяк смотри, что ся означит»[1057].

В настоящее время известно о девяти списках в редакции 1694 г. Это

[1057] НИОР РГБ. Ф. 310. № 635. Л. 29 об.

НИОР РГБ, фонд. 98, собрание Е. Е. Егорова, № 374, листы 268 об. –271 (первой пол. XVIII в.); НИОР РГБ, фонд 178, Музейное собрание, № 3345, лист 693 (середина–вторая пол. XVIII в.); НИОР РГБ, фонд 732, Нижегородское собрание № 99, листы 265–269 (нач. XVIII в.)[1058]; РГАДА, фонд 181, Рукописный отдел МГАМИД[1059], № 1072, лист 284 об. (первой четв. XVIII в.); ОР ГИМ, собрание Уварова, № 1949 (627) (474), листы 351 об. –357 (кон. XVIII в.); ОР ГИМ, Синодальное собрание, № 904. Формат 8°., листы 251–255[1060]; Список (ГБРУ, № Пи9250, листы 97–98 об.) выявлен в Государственной библиотеке Республики Узбекистан американским исследователем Д. К. Уо[1061]. Список начала XIX в., хранящийся в частной старообрядческой коллекции в селе Кунича республики Молдова опубликован[1062]. Еще один список текста 1694 г. выявил В. Георгиевский в библиотеке Флорищевой пустыни[1063]. Редакция 1695 г. зафиксирована в пяти списках: ОР ГИМ, собрание Уварова, № 1949 листы 331–336 и 359об. –365об.; НИОР РГБ, фонд 310, собрание В. М. Ундольского, № 635, листы 27 об. –31 (нач. XVIII в.); НИОР РГБ, фонд 214, собрание Оптиной пустыни, № 413, листы 496–498 (первая пол. XVIII в.)[1064]; РНБ О.I.427 (XVIII в.). Еще один список пророчества, дан-

---

[1058] Автор сердечно благодарит С. В. Алпатова за указание этой рукописи.

[1059] Автор сердечно благодарит Л. В. Мошкову за указание этой рукописи.

[1060] *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). В 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 99.

[1061] *Уо Д. К.* История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003. С. 48–50, 294, 295.

[1062] *Белянкин Ю. С., Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах»… С. 159–178.

[1063] *Георгиевский В.* Флорищева пустынь. Вязники, 1896. С. 238–239. В настоящее время рукопись хранится в Отделе книжных фондов Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, инвентарный номер В-5636/120. Благодарю за идентификацию рукописи М. Ю. Глазкова и М. И. Давыдова. В работе Георгиевского ссылки на листы отличаются от той фолиации, которая имеется в настоящее время. Текст начинается не на Л. 113, как указано у Соболевского, а на Л. 110.

[1064] Автор сердечно благодарит С. В. Алпатова за указание этой рукописи.

ного двумя старцами на Мальте, существовал в 1730-х гг. в виде отдельной тетрадки[1065].

Для нашей темы наиболее интересны вопросы о путях движения текста и его переработках на русской почве. С этой точки зрения большой интерес представляет список, принадлежавший дьячку Богоявленского собора г. Хлынова (Вятки) С. Ф. Попову, выполнявшему также обязанности бурмистра. Попов был начитанным человеком, интересовался как церковной, так и историко-географической литературой, а также текущей политикой, как русской, так и международной. Он вполне комфортно чувствовал себя в петровской России. Нет оснований подозревать его даже в скрытом старообрядчестве. Тем не менее, Попов не только скопировал текст в редакции 1694 г., но и проанализировал его с точки зрения соответствия Священному писанию: «Ищи о сем в отнотлии книги Иезекииля пророка во главах 38 и 39. Да в Апоколепсисе в 3 и в 13, в 17, в 18 и в 20 главах. Апостола Петра в послании в зачале 67-й. Павла апостола во 2 послании к Тимофею глава 3-я, зачало 295 о человецех»[1066].

Не менее важна эта рукопись и с точки зрения распространения документа. Д. К. Уо отмечал, что составлявший свою рукопись в начале XVIII в. книжник имел доступ к документации государственных канцелярий. К примеру, он имел возможность переписать неопубликованные вестовые письма из военной канцелярии фельдмаршала Б. П. Шереметева[1067]. Такие документы, как описание сражения при Зенте или опубликованный в Митаве панегирик Петру I, восходят к документам Посольского приказа. Все это позволяет предположить, что оттуда же распространялся перевод текста в редакции 1694 г.

С точки зрения раннего распространения этой редакции важны списки,

---

[1065] РГАДА. Ф. 7. Тайная канцелярия. Ед. хр. 561. Л. 17–35.

[1066] *Уо Д. К.* История одной книги… С. 295.

[1067] Там же. 95.

оказавшиеся вскоре после появления перевода в монастырских собраниях. Сборник Флорищевой пустыни В. Георгиевский относит ко 2-й половине XVII в. Он включал различные тексты религиозного характера, в том числе запись о смерти патриарха Адриана в 1700 г., его завещание и послание о брадобритии, грамоту патриарха Иоакима и др.[1068] Если наш текст и попал сюда после 1700 г., то всего лишь несколькими годами спустя. Другая «монастырская» рукопись (из Синодального собрания ГИМ) имеет писцовую запись: «писана сия святая книга во обители преподобнаго отца Александра Свирского в лето 7211 (1703) тоя же обители рукою монаха Досифеа, в славу Богу, аминь»[1069]. Таким образом, рукопись попала в Александров Свирский монастырь примерно в то же время, что и во Флорищеву пустынь. Судя по составу сборника, Досифей относился к числу людей, принявших реформы патриарха Никона. Однако это вовсе не гарантировало симпатии к петровским преобразованиям. В этом отношении характерны переписанные Досифеем вирши придворного поэта конца XVII в. Кариона Истомина:

Блговерный се прочти, не ленися,
С иноверцы стать везде постыдися.
Не токмо с ними дружество водити,
Но ни приветства к ним лет сотворити[1070].

Очевидно, что человека с такими взглядами на жизнь отнести к числу «петровцев» невозможно. Досифей, как и многие другие русские люди того времени, чувствовал, что старый, привычный мир Московской Руси кончился. Читая «Сказание о двух старцах», он задумывался над тем, не приближается ли и конец света?

Сведений о других переписчиках сочинения о старцах у нас нет, однако, судя по конвою рукописей, среди них были и старообрядцы. Причем ста-

---

[1068] *Георгиевский В.* Флорищева пустынь… С. 238–239.

[1069] ОР ГИМ. Синодальное собр., № 904. Формат 8°. Л. 250.

[1070] ОР ГИМ. Синодальное собр., № 904. Формат 8°. Л. 256.

рообрядцам принадлежало более половины выявленных рукописей. Они свидетельствуют о том, что старообрядцы переписывали «Сказание о двух старцах» в редакции 1694 г. на протяжении столетия. В самом начале XVIII в. создана рукопись, хранящаяся в РГБ, фонд 732, Нижегородское собрание № 99. К 1730-м – 1740-м гг. относится список из НИОР РГБ, фонд 98, собрание Е. Е. Егорова, № 374. Середина – вторая половина XVIII в. представлена сборником из НИОР РГБ, фонд 178, Музейное собрание, № 3345, а конец столетия – ОР ГИМ, собрание Уварова, № 1949 (627) (474). Уже к началу XIX в. относится молдавская рукопись из села Кунича.

Перейдем теперь к спискам редакции 1695 г. В отношении данного перевода мы имеем прямое указание в виде приписки к одному из списков: «А сей лист на Москве в Посольском приказе, и тогда его чрез некоторых людей списали»[1071]. Четыре из пяти его списков с уверенностью можно отнести к старообрядческой традиции. В их числе – рукописи начала и конца XVIII в., хотя для того, чтобы с уверенностью говорить о хронологии и географии распространения этого сочинения, данных пока недостаточно. В конце концов, редакции 1694 и 1695 гг. пересеклись. Их сопоставлял составитель сборника из Уваровского собрания ГИМ.

Самое интересное в этой рукописи не то, что ее составитель пытался сопоставлять редакции, а то, что третий список он дополнил пространным рассуждением, которое назвал «Объявление настоящего времени, что явилося на седьмсотый год». Значим уже тот факт, что старообрядец воспринимал историческую хронологию так же, как и автор редакции 1695 г. – в летоисчислении от Рождества Христова. Однако интереснее всего то, какие конкретно свидетельства конца света автор текста обнаружил после 1700 г. Таковыми он считал гербовую бумагу, деньги с гербом и печати с гербом. Из интерпретаций гербового изображения интересно то, что, по мнению писате-

[1071] ОР ГИМ. Собр. Уварова. № 1949 (627) (474). Л. 365–365 об.

ля, в когтях орел держал не скипетр и державу, а скипетр и церковь. Этот образ не сравнивается напрямую с орлом из редакции 1695 г. Но находясь в тексте недалеко друг от друга, данные образы связываются в сознании читателя. Кроме того, «на той же седьмсотой год поляков школников в епископы на Великую Росию стали ставить». В тексте имеется в виду установленная Петром I практика, при которой выпускники Киево-Могилянской академии получили приоритет при назначении на архиерейские кафедры в коренных русских землях вплоть до Сибири. К другим признакам конца света причисляются начало Северной войны, брадобритие, «платье немецкое и всякие их обычаи и нравы и табака бесовская и кабаки оумножены». После этого сочинитель с отсылкой к Книге о вере и другим авторитетам долго бичевал пьянство, которое в этом контексте выглядело как привнесенный после 1700 г. порок.

В качестве сословных групп, наиболее пораженных греховными нововведениями, автор называет господ и солдат: «в постныя дни и в посты мясо жрут и прочее молочное ядение, как немцы люторы и калвины». Особенно его шокирует женская одежда: «одежду жены имею зело неподобно и неискусъно груди выняты, пачи же рещи наги, и безсрамны показуются». Самым же ужасным было то, что результаты нововведений со временем становились неискоренимыми: «А которые люди молодыя и не запомнят старых те обычаев, оне и почитают законное нынешное то брадобритие то и одежду то немецкую и молосное то ядение в постные дни и хари те накладны, сиречь кудри. Прежде бывало на игрищах бесовских токмо, а ныне на происходящих и на пирах, паче же рещи в церквах и в грех то не вменяют, такоже бесовская табака мнози священного чина и иноческого дымовой и носовой поют и сказывают безгрешно».

Книгописец считал, что все это предсказали старцы: «По свидетельству вышеписанных стариков 700 року божияго как исполнится, так жадный смотри, что ся означит. И никогда же бываемое являтися начнет. И затем вся

тое за предсказанного дела в ысполнение совершатися начнет. Означится свирепое знездо со змиевым жилищем, искоренится да большему змию расчистится. И то каждый смотри оузрит бо всяк по смотреию. Сие стариков пророчество за седмь лет до седмъсотова года. А нецыи на седмьсотой год кончину прорицали, ано знать, что кончина пришла. До конца искореняют благочестие то в мире. То всяк смотри благочестивыи читателю, не исполнися ли сие прорицание в нынешния сия в последняя лета, паче же рещи последний час есть».

Таким образом, мы видим, что старообрядческий автор использует «Сказание о двух старцах» в качестве доказательства прихода «последнего часа». После этого он перешел к вопросу «что делать». Ответ очень прост – «бытии готовы подобает». Ниже автор упрекал тех, кто этого не понимает – «А мы еще житии хотим и пространными путьми ходити хотим». Этим слабодушным полемист противопоставлял готовых к судному часу: «а рабы христовы верныя бежали и крылися в пустынях». Он во многих словах превозносил скитнический подвиг «ненавидящих антихристова знамения и страха», а также убеждал читателя последовать их примеру.

Далее писатель вновь возвратился к «Сказанию». Теперь его интересовало упомянутое старцами небесное знамение – комета: «Да те же вышеписанныя два старика прорицали, егда де оувият в небе метлу паче же рещи комиту, ей ей едва не всяк видай ея изохнет. И то страшное знамение явилося лета 250-го (1742 г. – *С. Ш.*)». Причем власти – погубители людских душ – специально организовали показ вестницы смерти: «И огненная река открывалася. И ея страшное зрение видившии оумерли. И привозили их на показ в Питер». Приведя столь убедительный пример, автор вновь высказал сожаление по поводу тех, кто не внемлет столь ужасному предостережению: «И многия оустрашения являет Бог, а мы в чувство не приходим паче же не хощем».

Исчерпав аргументы, основанные на «Сказании», автор подкрепил свой

призыв готовиться к концу света другими знамениями. Одно из них – широко известное пророчество об апокалиптической жене, которую старообрядцы видели то в одной, то в другой русской императрице: «Во Апокалипсисе Богослов виде жену на звере сидящу на водах многих. И поклоняются ей и дары приносят цареи и вельможи. И в Книге о вере во главе о порочных папежах пишет: «Тогда и жены обладают вами». И сие пророчество исполнися ныне».

Еще одним аргументом автора стал рассказ о некоем визионере – иноке Митрофане из Флорищевой пустыни. Этот инок ненадолго воскресал после своей смерти: «Егда отец Мисаило сказывал, егда на Фролище в монастыре был в лета царя Федора, было некий инок именем Митрофан. Странный пришед, млад и безбраден. Братия нецыи мнили яко девою. И тои инок преставися в том монастыре, что на Фролище. И его орядили. И Псалтырь над ним дьячка заставили говорить. И Псалтырь еще не совершиша, и тои инок напра воскрес и говорит: «Долго ли я спал»? И мы ему говорим: «Чюдь де не всю Псалтырь проговорили». И тот инок, глаголя Митрофан: «Нет брат Мисайло, ныне спасения ни в монастырях, ни в церквах. И не так жить, как мухи зимою». Также и скончася конечно». Этот фрагмент интересен еще и тем, что в нем упомянута Флорищева пустынь, в библиотеке которой хранился один из списков в редакции 1694 г. Через жившего там отца Мисаила список мог попасть в руки составителя Уваровского сборника.

В конце своего труда автор, как кажется, опять вернулся к теме старцев: «В царство Анны Ивановны было. Из Рыбноския волости два человека ходили, Иван и Матфей. И обрели дву пустынников в лесах к Унже реке. И оуних в келии начевали. И они их кормили своею пищею в горшечке, яко гоущица и яко оладейки черненки маленкия. И говорят: «Ныне де плакати подобает». И они вопросили их: «Откоуду де вы рабы Христовы скрылися»? – «А мы из керженских келий от Патерима, от Ржескова бежали»». Прямого отождествления старцев из пророчества и старцев, встреченных Иваном и Матфеем в лесу, нет. Однако ничто не мешало читателю задуматься, а не до-

брались ли мальтийские старцы до России?

Таким образом, редакции 1694 и 1695 гг. стали инструментом для старообрядческой агитации. Тот факт, что изначально тексты «вышли в мир» из приказного архива, не делал их распространение легальным. Не удивительно, что в 1730-х гг. ими заинтересовался глава Тайной канцелярии А. И. Ушаков. Поскольку саму «тетрадку» со списком памятника сотрудникам Ушакова изъять не удалось, мы знаем лишь то, что речь идет о тексте, где Илия и Енох появились на Мальте. Из-за этого точно сказать, был ли это вариант 1694 или 1695 г., невозможно.

Дело началось с доноса олонецкого крестьянина Фомы Панкратьева о «богомерских еретиках и чародеях» крестьянина Шунгского погоста Олонецкого уезда Сергея Михайлова «со товарищи», которые «волшебство имеют грех ради наших»[1072]. Оно уже привлекало внимание исследователей. Однако в интересующем нас ракурсе эти материалы еще не рассматривались[1073].

Донос был подан в январе 1737 г. Панкратьев, живший в это время в Петербурге у ямщика Демида Демидова и зарабатывавший на жизнь портным делом, отнес челобитную ко дворцу императрицы и отдал стоящему у ворот на вестях гвардейцу. Этот донос стал толчком к огромному делу, объемом без малого, пятьсот листов, растянувшемуся на много лет, охватившему более десятка человек. Стараниями следователей мы можем заглянуть в мир людей, читавших и распространявших текст про двух старцев. Выдвинутые Панкратьевым обвинения касались событий весны – осени 1736 г., когда обвинитель присоединился к артели, собранной записным, то есть официально платившим двойную подать, старообрядцем Сергеем Михайловым для поис-

---

[1072] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 561 (1737 г.). Дело о раскольнике Сергее Михайлове и других осужденных за принадлежность к расколу.

[1073] *Лавров А. С.* Указ соч. С. 249–252; *Смилянская Е. Б., Юхименко Е. М.* Искатели жемчуга, или Новые материалы о распространении старообрядческих взглядов в Поморье в 30-х гг. XVIII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / сост. Юхименко Е. М. Вып. 3. М., 2004. С. 123–137.

ка жемчуга.

Обвинения, выдвинутые Панкратьевым против руководителя поисковой партии, выглядели очень серьезно: «Сеи же окоянный, будто из безны посланной от диявола, сын самого сатаны злоименитыи раскольник Олонецкого ж уезду Шунскаго погоста Сергеи Михаилов, новоявившейся еретик, иже не токмо апостолская предания и отеческая учения преобиде, но и самое Божество Пресвятую и Животворящую и неразделимую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа все Божество до конца похулил». Далее злодейства Михайлова были расписаны еще более ярко: «Бога сице блядословит: зверь змий, антихрист дух лукавый; святые страшныи и животворящии Христовы тайны – пълоть и кровь Христову – мертвым трупом называет и мерзостию запустением стояще на месте святее».

«Доношения» о богохульстве Панкратьев усиливал обвинениями в колдовстве. Он утверждал, будто бы Михайлов дал ему список заговора для наговора на женское молоко: «В поли стоит дуб и пот тем дубом жывет темнои муж выходит и поедает…». Звучали и другие обвинения – Михайлов ругал троеперстное знамение, у Михайлова имеются тетради о кончине всего мира, об антихристе, Михайлов ложно объявляет о реках, в которых якобы есть жемчуг, но жемчуга в них не находится. Уже в этом первом доносе упоминалось об имевшихся у Михайлова тетрадях с записями о кончине всего мира и об антихристе[1074].

Обвинение в богохульстве и колдовстве было очень серьезным. Оно могло стоить человеку жизни. Из Кабинета, куда донос поступил изначально, его передали в Тайную канцелярию. Первой жертвой доношения стал сам доносчик. Ему сначала под угрозой смертной казни запретили рассказывать о ходе следствия, а потом и вовсе отдали за караул (посадили под арест) до распоряжения из Тайной канцелярии. После этого начались обыски и допро-

[1074] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 561 (1737 г.). Л. 7, 2–3.

сы. Вскоре стала понятна истинная причина доноса. Оказалось, что Сергей Михайлов записывал в Шунгском погосте в тетрадку всякие мирские расходы, а потом поехал вместе с односельчанами в Петербург к царице с жалобой на старосту Шунгского погоста по поводу растрат. Панкратьев ночевал у них в гостях две ночи, узнал о цели приезда и принял решение опередить их челобитие. Таким образом, настоящим толчком к подаче доношения Панкратьевым стали не идеологические разногласия, а попытка Михайлова инициировать дело о казнокрадстве в Шунгском погосте.

Для нашей темы в этих допросах наиболее интересен подробный рассказ Панкратьева о тетрадях с пророчествами, упоминавшимися в изначальном доносе. Теперь речь шла уже не о Михайлове, а о другом жителе Шунгского погоста Семене Макарьеве: «А до оных Самоила Фадеева и Семена Макарьева имеет он дело такое, что оные де Фадеев и Макарьев расколники, а записные или потаенные того он не знает. И в бытность ево Понкратева в означенном Шунском погосте у оного Семена в доме для шитья платья он Семен читывал незнамо какую скорописную тетрать и ему Понкратьеву давал читать, которые де он и читал, и в тои де тетрате написано, что будто в некоем Мальтиском граде ходили два некия белыя старики, а назывались пророками Ильею и Енохом, и будто сказывали о кончине века исчисляли время и о протчем, а о чем имянно, сказать не упомнить, а кроме того другова ни какова дела за оным Семеном он не знает»[1075].

После ареста Семена Макарьева тетрадка стала предметом специального интереса следователей. Макарьев признался, что такая тетрадь у него действительно есть. Она хранилась в ящике вместе с другими тетрадями. Рукопись ему дал священник находящейся в том же Шунгском погосте церкви во имя Пресвятой Богородицы Марк Трофимов. Однако здесь ниточка для даль-

[1075] Там же. Л. 1, 4–17.

нейшего расследования была оборвана, поскольку Трофимов умер за три года до описываемых событий[1076].

Указ об обыске дома Семена Макарьева последовал лишь 15 февраля 1738 г. Эта работа была поручена Олонецкой воеводской канцелярии. Ее служащие изъяли книги Макарьева и отправили их в Петербург, заодно была изъята и библиотека священника Марка Трофимова. Несмотря на все эти усилия, разыскать тетрадь не удалось. Следователи допрашивали Макарьева, почему он не донес о тетради, почему давал ее читать другим, кому давал читать и куда она в итоге делась? Он же отвечал: никому тетрадь не давал, а оставил дома, не донес на попа «простотою своею и от недознания», поскольку «важности никакой не признал». Если же тетради не найдено у него дома, то просто потому, что она пропала случайно. Вообще Макарьев всячески пытался показать, что не видел в этом сочинении чего-то значимого, достойного серьезного внимания. Ни следователи, ни судьи не согласились смотреть на дело с такой точки зрения. 24 апреля 1738 г. Макарьева, за то, что он не донес о тетради, приговорили к битью кнутом[1077].

Бросается в глаза, что крестьяне, участвовавшие в описанных выше событиях, существенно отличаются от «среднего» крестьянина Российской империи первой трети XVIII в. Во-первых, они не только были грамотными, но и много читали. Во-вторых, изумляет их мобильность – за год до начала «дела» они проделали путь не менее, чем в 2000 км, побывав в таких отдаленных друг от друга точках, как Соловки и Петербург. Обращает внимание и склонность к предпринимательству – торговля, поиск жемчуга, а также социальная активность – участники процесса попытались донести о растратах на старосту Шунгского погоста. Несомненна и экономическая состоятельность этих людей – Макарьев и Михайлов платили подушный налог в двойном размере. Они совершенно не укладываются в устоявшийся образ противников преоб-

[1076] Там же. Л. 35–35об.

[1077] Там же. Л. 102–192 об.

разований – ленивых, закостенелых в привычном жизненном круге людей с ограниченным кругозором и узким взглядом на мир. Характерно, что «Сказание…» упоминается в следственном деле в качестве отдельной тетрадки, а не части рукописного сборника.

Редакция 1731 г.

С редакцией 1731 г., предполагавшей конец света в 1739 г. Тайная канцелярия и лично А. И. Ушаков столкнулись практически сразу, после ее появления. Ушакову пришлось «разматывать» это дело с конца, а когда следствие вышло за границы его компетенции, то расследование продолжила Генеральная комиссия Украинского корпуса. Делом занималась в Полтаве канцелярия графа фон Вейсбаха.

Проследим путь текста с той точки, до которой удалось дотянуться следствию. Начало «путешествия» текста «Сказания» редакции 1731 г. следует искать в Польше. Об этом говорит название документа – «Газет, то есть новина, з Влоских краев, прислан есть до Кракова и всей епархии до града Кантелины» и приписка о том, что «сей лист переведений из газету друкованного». Перевод, судя по языку, с большой долей вероятности сделан на территории Украины. В начале 1731 г. из Переславля во Владимирский драгунский полк, расквартированный в селе Барышевке, приехала некая госпожа Вишневская. Она навещала свою подругу госпожу Веревкину, полковницу Владимирского полка. Дама привезла с собой список пророчества. Полковница пророчеством заинтересовалась и потребовала в полковой канцелярии сделать для себя список.

Списки сделали несколько писарей, однако военное ведомство старалось скорее сузить круг привлеченных к делу, чем досконально выяснять пути распространения пророчества. В документы попал писарь Ф. П. Звягин, который сделал копии для себя и полкового каптенармуса Ф. П. Анисимова. У последнего список взял прапорщик Д. С. Кудрявцев. В феврале 1731 г. он прихватил документ с собой в служебную поездку в Харьков. В Харькове

выяснилось, что здесь пророчество уже известно. Его переписывал В. Руцкой, писарь генерал-квартирмейстера Штофиля. От Руцкого список попал к писарю Генеральной комиссии П. Чаадаеву. Чаадаев и Кудрявцев давали свои списки для сравнения копиисту А. Смирному. Позднее Кудрявцев передал свой список Я. Патрикееву, прапорщику Новотроицкого полка, бывшему пажу императрицы Анны Иоанновны. В Харькове же со списками Чаадаева и Кудрявцева познакомился подканцелярист полка Воронежской ландмилиции И. Хлопотин. Любопытно, что никто из читавших и распространявших пророчество не видел в нем ничего противозаконного[1078]. Конца дела не сохранилось. Данных о том, что кто-то был наказан, нет. Можем лишь предположить, что, в отличие от олонецкого крестьянина Семена Макарьева, военных бить кнутом не стали. Тем более это касается полковничихи с ее подругой.

Непосредственно в Воронеже дело по поручению Тайной канцелярии расследовали местные власти. Именно отсюда «ниточка» следствия протянулась к Хлопотину и дальше, на территорию Гетманщины. Мы же продолжим движение в обратном направлении. В Воронеже выяснилось, что из Харькова скопированный у Хлопотина текст привез ездивший туда по торговым делам воронежский посадский человек А. И. Кривошеин. В Воронеже он показал текст своему брату Е. И. Кривошеину. Так текст начал распространяться в Воронеже: «и как оная копия у него, Емельяна, имелась, в то время для прочитания оную объявлял и протчим людем, которые у него брали и читали, а кто имянно брал и списывал ли, про то за много прошедшем времени сказать не упомнит». Ссылка на плохую память и давность событий выглядит неубедительно, ведь речь шла о событиях, которые происходили всего за несколько месяцев до начала следствия в Воронеже.

Крайне подозрительно выглядят и еще две фразы отписки: «и по тем их

[1078] *Покровский Н. Н.* Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.

показателствам о том Воронежской губернской канцелярии следовалось, и все вышеобъявленные и протчие привычные к тому делу люди сыскиваны и роспрашиваны порознь, а в роспросе показали, что иные списывали и читали, взяв у иных людей из них же у некоторых с такого листа и копии имелись, токмо не знаемо каким случаем утратились, а чем в тех своих роспросех показали именно, из них же у некоторых для прочитания брали протчие, а то именно за много прошедшем временем сказали, что не упомнят, а иные слышали в разговорах от тех же на словах, и того за верность не признавали и ныне не признавают», «все же вышеписанные и протчие приличные к тому люди в роспросех своих показали, что де и ныне такой копии никто судьям никому нигде никогда не объявляли для того, что де они сами за истину того не признавали, а уповают, что ложь». Возникает вопрос, что же это за «иные» и «протчие» люди, чьи имена остались секретом для Тайной канцелярии? Столь куцая информация о ходе расследования заставляет подозревать, что здесь, как и в полках, читателями «Сказания о двух старцах» были не только простые люди, но и верхушка местного общества.

Можно привести еще одно доказательство того, что воронежские власти постарались скрыть от столичных следователей большую часть имеющейся у них информации. Дело в том, что изначально Тайная канцелярия требовала проверить сведения о том, будто бы «авизию ис Польскои земли ис Кракова об онтихристе, что будет воина и пресечение веку в 9 лет» видели на Липских заводах у секретаря, канцеляриста и подрядчика.

В отписке из Воронежа действительно упоминается, что по делу расспрашивались заводской секретарь Федор Ильин, канцелярист Никита Родионов и подрядчик Наум Исаев. Ильин сообщил следствию: «сказывал ему показанной подрятчик Исаев, что имеетца такое писмо, а у него или у другова кого, и что будто в Цареграде или Кракове, того за много прошедшем временем не упомнит, явились два человека старые и, якобы, объявляют о пресечении века, а во сколько лет и в каком дне, подлинно не упомнит, а листа

никакова и овизии у него, Ильина, о том никакой не имеетца». Исаев подтвердил, что рассказывал о пророках Ильину. Источник же его сведений был следующим: «весною, а в котором месяце и числе не упомнит, незнаемо какое письмо о том видел он в Рамановской таможне, которая имеетца в Липских заводех у бурмистра Максима Болховитинова, а списывал у него взяв оной же таможне писец из посацких людей Михаила Котелников, у которого он взяв читал». Родионов отрицал знакомство с пророчеством. Но, кроме перечисленных людей, в Тайную канцелярию поступили еще и сведения о читавшим пророчество канцеляристе воронежской губернской канцелярии И. Д. Терентьеве. В ожидании дальнейшего указа из Тайной канцелярии Ильина, Родионова, Исаева, Терентьева, Кривошеина и «протчих приличных к тому людей» поместили под караул. Очевидно, что местные власти дошли, по крайней мере, до бурмистра М. Болховитинова, но не передали в столицу никаких сведений о том, как его расспрашивали.

Подобное следствие вызвало явное недоумение у сотрудников Тайной канцелярии, что выразилось в пометах на экстракте: «бурмистр и посацкои человек спрашиваны ль, не показано», «а сколько человек и каких чинов не показано», «а от кого не показано»[1079]. Однако никакой информации о доследовании данного дела или наказании виновных найти не удалось. Парадоксальным образом, выпороть кнутом за распространение текста было некого, поскольку в его распространении участвовало слишком много людей, в том числе и высокопоставленные лица. Таким образом, следствие, охватившее множество людей от Харькова до Воронежа, закончилось безрезультатно.

Впрочем, парадокс этот только кажущийся. Дело в том, что следователей реально интересовала вина одного единственного человека – воронежского священника С. И. Дугина, от которого следователи узнали о распространении пророчества на Липских заводах. Дугин подал донос по «госуда-

[1079] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 309. 1732 г. Л. 28–30, 284–285 об.

реву слову и делу» на одного из виднейших вельмож Российской империи князя А. И. Шаховского. Ушаков стремился повернуть данное дело так, чтобы на глаза императрицы не попало даже имя Шаховского. Священство обвинителя составляло отдельную проблему для следователей. Его требовалось предварительно расстричь, а для этого были необходимы сведения, порочащие Дугина в качестве священника. Знакомство Дугина со «Сказанием о двух старцах» играло следствию на руку, а вот десятки обвиняемых в том же преступлении, особенно из числа офицерства, были Ушакову бесполезны[1080].

Дугина казнили в апреле 1732 г., а чуть больше года спустя «Сказание о двух старцах» в редакции 1731 г. вновь попало в поле зрения Тайной канцелярии. Дело[1081] началось 11 августа 1733 г. с обыденной для XVIII века ситуации – подачи милостыни заключенным. Охранников насторожило, что один из жертвователей, подавая деньги колодникам старообрядцам, убеждал их мужаться и крепиться: «пришед к духовной дикастерии и подал милостыню колодникам, которые держатся в расколе и увещая им говорить дабы оне мужались и укреплялись бодрствовали». Его схватили. Задержанный назвался дворцовым крестьянином Акинфием Сычевым. Позднее выяснилось, что он нарочно изменил свою фамилию, а на родине его звали Сысоевым[1082]. О себе он рассказал, что родился в дворцовом селе Любицы Переславль-Рязанского уезда (ныне Любичи Луховицкого района Московской области) в крестьянской семье, рано осиротел и кормился работой, переходя между крестьянами. В селе Ловцах, находящемся в 12 километрах вниз по течению ре-

---

[1080] *Шамин С. М.* «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4. С. 97–147; *Шамин С. М.* Видения священника С.И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // Вестник церковной истории. 2019 № 1/2 (53/54). С. 53–91; *Шамин С. М.* «Прокурором и фискалом не быть вовсе»: о проекте передачи функций прокуроров и фискалов духовенству (1731 г.) // Вестник церковной истории. 2020 № 1/2 (57/58). С. 154–164.

[1081] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 359 (1733 г.).

[1082] *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России ... С. 252.

ки Оки, женился, но три года спустя овдовел. После этого ходил на стругах работником в Москву. От старообрядческих симпатий заключенный не отпирался, а наоборот, подчеркивал свою приверженность дониконовским обрядам: «и впредь в той своей противности быть хощет до кончины своей». Дачу милостыни он объяснил тем, что увидел, как тюремные сидельцы крестятся двуперстным сложением. Очевидно, что задержанный бросал властям вызов. Однако само по себе исповедание старой веры в это время не являлось преступлением. Властям предстояло найти за ним какие-то иные вины или отпустить.

У арестанта обнаружили тетрадку, которая стала основной уликой против него. Ознакомимся с ней подробнее. Это тетрадь в десять страниц форматом в восьмую часть листа. Первые три строки занимает запись полууставом «ему радоватися, сообщатся делом его злым». Это слова из Второго Сдряоборного послания апостола Иоанна Богослова (2 Ин. I, 11). Выписаны они, очевидно, для памяти. Основное содержание данного послания – призыв не принимать у себя и не приветствовать тех, кто не исповедует веру Христову. Далее после отступа следует текст «Сказания о двух старцах» с заглавием «Список из гозеты об Ыле и Генохи», выполненный четкой, хорошо поставленной скорописью, характерной для подьячих. Поскольку он содержит большое число ошибок и диалектизмов, можно предположить, что его писали где-то в провинции.

Две с небольшим странички занимают выписки из Евангелия от Матвея. Для переписчика оказались важными строки, в которых передан призыв Христа к апостолам проповедовать его учение: «Не стежите ни злата ни се[ребра] ни меди при поесех ваших, ни сумы на пути, ни [дву] ризы, ни сопог ни жезл[а, и]бо есть делотель мзды своея […]. Аще […] во град или весь внитите, испытаите кто в нем достоин есть и […]дите донде же взыдет. Входящее же в дом целите его глаголяще: «Мир дому сему». Но аще буде достоин, придет мир ваш на нь. Аще ли же не будет достоин, мир ваш к вам воз-

вратитися. Иже аще не примет вас, ни же послушает словес ваших, исходящее из дому или из града того, отрясите прах нох вашех. Аминь. Глаголю вам, отраднее будет земли Содомскои и Гоморстеи в день судны, внеже граду тому» (Мф.10:9–15).

Характерно, что слова «аминь», являющегося завершающим для молитв и псалмов, в Евангелии нет. Следующая ниже строка текста, обещающая наказание для тех, кто не примет слово Божие, отделена в тетради визуально. Таким образом, предшествовавший фрагмент евангельского текста имел для владельца тетради значение замкнутого информационного блока – молитвы. При таком прочтении он выглядит как инструкция для странствующего проповедника.

В конце тетради идет молитва, разбитая на пять пронумерованных строк: «1. Боже очисти мя грешнаго. 2. И помилуи мя. Созда[выи] мя Господи, помилуи мя. 3. [Без] числа греших, Господи, прости мя […]. 4. [Боже, милости буди] мне грешному, прости беззакония [и] согрешения. 5. [Пресвятая] владыка моя Богородица, помилуи мя и спаси мя, и помози ныне в жизни сеи, и будущем веце».

Следует признать, что, несмотря на небольшой размер тетради, она содержит весь необходимый комплекс текстов для обоснования проповеднической деятельности противников церковной реформы патриарха Никона. Послание Иоанна Богослова запрещает общаться с вероотступниками, «Сказание о двух старцах» сообщает, что конец света наступает прямо сейчас и время на неспешную жизнь не осталось, Евангелие требует проповеди и объясняет, как ее вести, а молитва позволяет поддержать дух проповедника. При этом сомнительным с точки зрения властей мог выглядеть лишь текст «Сказания». От него и отталкивались следователи.

С материалами допроса в московской конторе Тайной канцелярии ознакомился С. А. Салтыков, который после отъезда двора из Москвы был оставлен здесь главнокомандующим. Он счел материал достаточно значи-

мым, чтобы сообщить о нем в столицу Ушакову. Реакция последовала 19 сентября. Московским служащим Тайной канцелярии предписывалось выявить родственников арестованного, произвести у них обыск, изъять книги, а самих взять под караул. В Москве должны были выяснить, не найдется ли у них чего-нибудь «приличного к злодейству». Приказ тайно отправить по месту жительства арестанта лейб-гвардии офицера и солдат для выявления родственников, а также производства обыска и выемок выслали из Петербурга 20 сентября.

У самого задержанного предписывалось взять пробу почерка и прислать в Петербург вместе с изъятой тетрадкой с нарочным немедленно. Дело рассматривалось на самом высоком уровне: «и для общаго разсуждения об оном Тайной канцелярии определении доложить в кабинет ея императорского величества присутствующим господам министрам тайным действительным советником и кавалером графу Андрею Ивановичю Остерману, князю Алексею Михайловичю Черкасскому». Столь пристальное внимание петербургских властей ускорило продвижение расследования. Тетрадка отправилась в северную столицу уже 27 сентября. Приложить к ней образец не удалось, поскольку подследственный заявил, что писать полууставом не умеет.

Следствие выяснило, что арестант давал неверные показания. Проведенный на месте розыск установил, что на самом деле зовут его Акинфий Сысоев, а в селе Белоомут, лежащем в 14 километрах от названного подследственным села Ловцы, живут его брат, сестра и жена. На вопрос следствия о причине сокрытия родственников Сысоев ответил, что хотел защитить их от ареста. Конечно же, взяв похожую фамилию и выбрав в качестве фиктивного места жительства деревню в трех часах пути от дома своей семьи, он поступил наивно и неосмотрительно. Однако вряд ли Акинфий изначально предполагал, что следователи настолько заинтересуются им, что всерьез займутся изучением его окружения. Впрочем, ничего запрещенного у родственников не нашли. Попутно следователи установили, что Акинфий и до задержания

вел агитацию в пользу старообрядчества. Внимание дознавателей привлек крестьянин Печикин, которому обвиняемый пытался доказать правильность принятого у старообрядцев сложения перстов, зачитывая печатную Псалтырь, изданную при Михаиле Федоровиче. Этой книги при задержанном не оказалось. Данных о том, откуда она взялась и куда делась, нет.

Больше всего следователей интересовало именно «Сказание о двух старцах», но попытки выяснить его происхождение вели в тупик. Владелец рукописи говорил о том, что списал ее в Моршанске у неизвестного человека: «А вышепомянутой расколник Акинфей сказал, та де тетратка писма руки ево, Акинфиевой, а списал он ее в Танбовском уезде в селе Морше на торгу у мужика, а какова чину и где сыскать не знает». Это утверждение плохо стыковалось с его прежним отказом оставить образец почерка из-за неумения писать полууставом.

Дальнейшее расследование проходило уже в стенах московского Сыскного приказа, куда Акинфия перевели для следствия под пыткой. После первого подъема на дыбу он изложил свои взгляды на конец света. По его мнению, упомянутое в Апокалипсисе рождение первого зверя – это рождение императора Петра I. Следствие вновь продолжилось в конторе Тайной канцелярии. Здесь арестант долгое время ничего не говорил, а потом потребовал Апокалипсис и по нему обещал все объяснить.

Так мировоззрение Сысоева нашло отражение на страницах документов. Оказалось, что он видит прошлое России через призму Апокалипсиса. По книге заключенный объяснил, что в 13-й главе напечатано «виде из моря зверь исходящ имущ глав седмь и рогов десять и на розех его венец десять, а на главе ево имяна хулна». Эти семь глав, по мнению крестьянина, – русские цари Иван Васильевич, Федор Иванович, Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Иоанн Алексеевич, Петр I и Петр II. Любопытно, что историческая память обычного человека начала XVIII столетия простиралась до XVI в. Однако из нее пропали правители Смутного времени и царь Федор Алексее-

вич, заслоненный его младшими братьями. Скорее всего, последовательность предшественников Петра I Сысоев запомнил по отчествам. Государи, правившие до отбросившего старую веру Алексея Михайловича, не отделяются от его преемников на троне.

Слова о том, что у апокалиптического зверя «а на рогах венец десять», он объяснил попыткой верховников ограничить императорскую власть после смерти Петра II. Каждый из них представлялся старообрядцу царем, но второго порядка: «то есть десять царей же, которыя по кончине втораго императора хотели царствовать, и присяга им была, и царства не приняли, а кто имянно, того он не знает». Из этих слов ясно, что до Сысоева дошли слухи о «кондициях», подписанных Анной Иоанновной, однако они были переосмыслены в более привычном термине «присяга».

Мы видим, что апокалиптическое чудовище сливается у крестьянина-старообрядца в единый образ государственной власти. В этом он близок к взглядам А. Н. Радищева, чье определение государства («чудище обло озорно огромно стозевно и лаяй»), поставленное эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву», стало крылатым.

Толкуя слова Апокалипсиса про «имяна хулна», подследственный перечислял богослужебные реформы второй половины XVII в., приписывая их Петру I, а также то, что «насили платье немецкое и бороды и усы брили и носили же парики других волос, а другие свои ж волосы ростили болшие поженски». Очевидно, что последнее воспринималось как зримый символ всех неприемлемых новшеств[1083]. Сысоев утверждает, что так стало при Петре I,

[1083] *Акельев Е. В.* Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 90–98; *Акельев Е. В., Трефилов Е. Н.* Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013. С. 153–173; *Akelev E. V.* The Barber of All Russia: Lawmaking, Resistance, and Mutual Adaptation during Peter the Great's Cultural Reforms // Kritika Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. № 17(2). P. 241–275.

продолжилось при Петре II и продолжается «ныне». Как видим, роль царя Алексея Михайловича в расколе и преследовании старообрядцев в 1730-х гг. на низовом уровне старообрядчества могла уже не осознаваться, ее затмили петровские реформы.

Власть императоров, начиная с Петра, Сысоев объяснял силой дьявола, императрицу он обвинял в прелюбодеяниях и пьянстве. Именно в действующей правительнице заключенный видел главное сосредоточие зла: по приказу императрицы за веру замучены святые, а ее имя написано тайно, как Вавилон» – «велики мати любодейцам и мерзостем земским показует». Впрочем, образ Вавилона для него больше, чем имя государыни. Петербург – это тоже Вавилон, который погибнет, когда исполнятся сроки по Апокалипсису. Сысоев не смог назвать год, когда это событие произойдет, но учитывая переписанное им «Сказание о двух старцах», он ожидал конец света вскорости. Аналогичным образом гибель ждала и Анну Иоанновну: «как придет царь Михаил, тогда де она государыня будет убиенна и сожжена от вышепомянутых десяти цареи».

Неожиданным кажется утверждение Сысоева, что при конце света «гроб Петра Первого ис Питербурха принесен будет в Москву». Казалось бы, что царь-злодей должен быть уничтожен вместе с созданным им Петербургом-Вавилоном. Очевидно, что нарушение старой нормальности – похороны правителя не в Москве, а в другом городе, с мировоззренческой точки зрения было более значимым, чем ненависть к царю-реформатору. Итоговая победа над злом не могла не сопровождаться восстановлением нормы.

Рассказывая о своих взглядах, Сысоев понимал, что подписывает себе смертный приговор. Вымученными эти показания тоже нельзя считать – следователи спрашивали его о сообщниках, а не о взглядах. Кроме того, высказав все, что думает о власти, он перестал давать показания, несмотря на жестокие пытки – его пытали трижды – поднимали на дыбу и жгли огнем «накрепко». В Сыскном приказе в рассматриваемое время придерживались

правила «трех пыток», то есть если пытаемый после трех истязаний не давал на себя показаний, то его освобождали[1084]. Материалы розыска показывают, что Сысоев был достаточно сильным человеком, чтобы «перемолчать» следствие. Не испытывал он и стремления к богословским диспутам. С присланным для беседы священником церкви Харитона Исповедника, что в Огородниках, Сысоев разговаривать не стал. Единственную причину для откровенности со следователями можно видеть в желании старообрядца рассказать властям истину и стать мучеником за веру. Если это действительно так, то он добился успеха. Протоколы его допроса отослали в Петербург. До суда и неминуемой казни Сысоев не дожил. Он умер 8 июля 1734 г., отказавшись перед смертью от исповеди. Родственникам запретили рассказывать о нем.

Остается вопрос – насколько «Сказание о двух старцах» повлияло на решение Сысоева оставить семью и уйти в Москву, чтобы донести до властей свою правду? Прямого ответа на него документы не дают. Однако усилия Тайной канцелярии по розыску сочинения заставляют предположить, что «Сказание» было действительно опасно для власти.

Вполне вероятно, что имелись и другие обличители, находящиеся под влиянием «Сказания». В именном указе Анны Иоанновны от 26 ноября 1739 г. зафиксированы подражатели Илии и Еноха в Новгороде: «Ея императорскому величеству известно учинилось, что обретаются в Новгороде некакие два человека ханжей, которые как летом, так и зимою живут не в домах, но в шалашах при городовой стене и в прочих тому подобных местех, являя себя простому народу святыми. И дабы от того людям не происходило соблазна, того ради ея императорское величество указала оных ханжей тайным образом взять и, без всякого истязания и наказания, послать в разне монастыри..., а велено содержать в монастырях не исходно…, и чтоб в монастыре в рубаш-

[1084] *Акельев Е. В., Бабкова Г. О.* Практика розыскного процесса в Сыскном приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4–1. С. 13–26.

ках и босые не ходили, но одеты были бы обыкновенно»[1085]. Разумеется, подобное совпадение изначально могло быть случайным, но поскольку Русский Север был «заражен» известием о старцах, параллели с Илией и Енохом у знакомых со «Сказанием о двух старцах» не могли не возникать.

Благодаря усилиям Ушакова и его служащих текст в редакции 1731 г. имеет наилучшую источниковую базу для исследования истории его бытования. Следственные документы показывают, что прежде, чем ошибочность предсказаний стала очевидной, памфлет, переходя из рук в руки, проделал по Левобережной Украине и России путь длиной свыше полутора тысяч километров. Его читали и копировали «многие люди» из самых разных социальных слоев. Тем не менее, до нашего времени дошли лишь списки, выполненные канцелярскими служащими, один лист и одна тетрадь. Единственный случай, когда текст данной редакции удалось найти вне комплекса документов Тайной канцелярии – вклейка в конце книжного сборника XVI в. из собрания М. П. Погодина[1086]. Этот факт крайне важен с точки зрения определения распространенности редакций более раннего времени. Он позволяет предполагать, что за единичными списками XVII в., к примеру, редакции 1660-х гг., также стояла обширная традиция бытования памфлета. Лишь несовершенство сыска времен царя Алексея Михайловича лишило нас сведений, аналогичных материалам 1730-х гг.

Редакция 1761 г.

Наиболее поздним из переводов «Сказания» стала редакция 1761 г., в которой рассказывается, что старцы появляются в Кельне в качестве проро-

---

[1085] ПСЗ I. Т. 10. 1737–1739 гг. СПб. 1830. № 7959. С. 961.

[1086] РНБ. Собр. М. П. Погодина. Ед. хр. 840. Л. 140 об. – вклеен, без филиграни, почерк XVIII в. Благодарю А. А. Романову, сообщившую мне об этой рукописи. Имеется также рукопись РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 942. «Список из газеты об Ыльги и Иенохе. Приложение к делу о раскольнике Акинфии Сысоеве (Сычове) из дел Тайной Канцелярии 1733 г. 1 сентября». Однако в данном случае мы имеем дело уже с исследовательской копией XIX в., отражающей научный интерес к памятнику, а не историю его бытования.

ков из Сирии. Источником известия в единственном сохранившемся книжном списке названа берлинская газета. Рукопись принадлежала старообрядцам[1087]. В российской прессе, в «Петербургских ведомостях», эта новость тоже появилась, но в сокращенном виде с указанием на то, что речь идет именно о лжепророках: «Из Кельна от 10 апреля. Двое бродяг, которые объявили о себе, что каждому из них от роду по 700 лет, несколько времени обманывали здесь простой народ. Они сказываются из Дамаска, откуда прошли в Краков, а оттуда пришли сюда босы, в оборваном платье, едят один только хлеб с водою, и ни о чем больше не проповедают, как о нещастиях, и между прочим о войнах, наводнениях, пожарах и проч., а напоследок, о преставлении света имеющем воспоследовать в 1773 году. Они говорят по Латине, по Гречески, по Еврейски и по Халдейски. Сначала посадили их в тюрьму, где, как в народе разглашают, сняли они с себя оковы; после чего выгнали их из города и из всей земли. Они пошли в Рим»[1088]. Статья явно заинтересовала читателей. Из нее делали выписки[1089]. Особенно интересно в петербургской публикации упоминание о визите старцев в Краков, которого, судя по переводу полного текста пророчества, не было в исходной публикации. Вероятнее всего, это следы знакомства издателя с редакцией 1731 г.

Как видим, в борьбе со «Сказанием о двух старцах» российские власти перешли от пыток к газетным опровержениям. Это стало ярким показателем прогресса общества. Владелец старообрядческого сборника с полным переводом сообщения также был знаком с петербургской публикацией, однако воспринял ее как подтверждение правильности информации. Таким образом,

---

[1087] *Белянкин Ю. С., Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах»... С. 159–178.

[1088] Санкт-Петербургские ведомости. 1761. 4 мая. С. 3. Выражаю благодарность за помощь в определении номера газеты и копию статьи С. Ю. Нечаеву.

[1089]РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Ед. хр. 250. Артикулы сер. XVIII в. Л. 72- 75. Выписки из газет, в т.ч. на Л. 72 об. «Германия. 10 апреля 1761 году. Двое бродяг, которые объявляли о себе, что каждому из них от роду по 700 лет…». Благодарю за данное сообщение С. В. Алпатова.

мы видим, что в условиях религиозных гонений и связанных с ними эсхатологических ожиданий новые редакции памятника попадали в Россию и копировались в XVIII в. еще активнее, чем в предшествующее столетие.

Следует обратить внимание на широкое распространение сочинения – Молдавия, Украина, Русский Север, Вятка, Центральная Россия, Подонье и Поволжье. Пока подобных текстов не удалось найти лишь в Сибири и на Урале. Создается впечатление, что памятнику по какой-то причине не удалось пройти «уральские ворота» на восток. Это кажется странным, поскольку старообрядцы, которые в XVIII столетии они стали основной стратой, где сочинение распространялось, и старообрядческая литература здесь были представлены крайне широко[1090]. Впрочем, нельзя исключать возможности того, что уральские и сибирские списки просто пока еще не выявлены. Конец распространению памятника положило начавшееся при Екатерине II смягчение направленного против старообрядцев законодательства. Политика правительства снизила градус накала эсхатологических ожиданий. Потребность в тексте отпала.

5.2. **Поддельные послания и указы турецких султанов**

Следующая группа анализируемых памфлетов – поддельные послания и указы турецких султанов. В первую очередь, это вымышленные письма османских владык к различным европейским правителям и чигиринскими казакам. Иногда памфлет может содержать ответное послание. Механизм работы памфлета очень прост: в послании султана демонстрируется агрессивность турок и непомерная гордыня султанов, а в ответе – готовность бороться с ними. Обличение гордыни противника происходит в форме пародирования нарочито пышного титула. Письма турецких султанов – наиболее изученная на сегодняшний момент группа переводных памфлетов политической тематики. В Словаре книжников и книжности Древней Руси им посвящено

[1090] *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016. С. 168–194.

четыре статьи, отразившие степень изученности памятников по состоянию на начало 1990-х гг.[1091] На протяжении XVII – начала XVIII столетий в России было сделано более десятка переводов подобных памятников. Книжная традиция бытования текста, а также иностранные источники для них подробно изучена Д. К. Уо. Он выявил и описал более трех десятков сборников с различными подборками переводов писем[1092]. Это позволяет не рассматривать тему всесторонне, а сосредоточиться на крайне важном для нашей темы вопросе о механизмах проникновения текстов в русскую книжность из приказного архива, а также их адаптации в русской культуре. Поэтому в данном разделе мы так же, как и в разделе, посвященном «Сказанию о двух старцах», будем излагать материал в хронологической последовательности. Отталкиваться же будем не от книг, а от приказных документов.

Уже в работе Уо было показано, что иностранные памфлеты приходили в Москву со второй половины XVII столетия – по почте; переводились переводчиками, а затем через приказных сотрудников распространялись в рукописной книжности. Доказательством этого служило как наличие в рукописных сборниках других материалов дипломатической канцелярии, так и упоминание памфлетов в описях приказных документов. Кроме того, в копии XIX в. сохранился перевод письма султана к польскому королю (1621 г.) из приказного перевода, который не нашел отражения в книжной традиции.

[1091] *Каган М. Д.* Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом // СККДР. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2: И–О. / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1993. С. 221–224; *Каган М. Д.* Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // Там же. С. 224–226; *Каган М. Д.* Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам // Там же. С. 227–228; *Каган М. Д.* Легендарное послание турецкого султана польскому королю // Там же. С. 228–231; *Каган М. Д.* Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям – публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т. 15. / Отв . ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1958. С. 225–250.

[1092] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Foreword be D. S. Likhachev. Columbus; Ohio, 1978; *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance Revisited // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. P. 163–187.

Оригиналом для данного текста послужила амстердамская газета[1093]. В период «Азовского сидения» донских казаков был переведен текст письма турецкого султана польскому королю (Russian 1637 в системе Д. К. Уо), который попал в Россию в виде «немецкого письма» и распространялся в составе рукописных сборников[1094]. В архивных материалах оригинал его перевода пока найти не удалось.

Проведенная за прошедшие после выхода книги Уо работа по выявлению сочинений данной группы в фондах приказных архивов показывает, что случаи включения документов из цикла подложной переписки турецкого султана в состав приказной документации не уникальны. В РГАДА среди документов по связям с Польшей за 1642 г. обнаружился «Перевод списка турского листа с полского писма что привез ис Полши кадашовец Иван Степанов декабря в 20 день нынешняго 151-го году»[1095]. Документ входил в число донесений, которые из Польши отправлял в Москву работающий на русское правительство тайный информатор Микулаш Венгрин. Интерес к тексту был проявлен на самом высоком уровне. Судя по помете в верхней части первого листа списка, его зачитали царю, однако в книжную традицию он не попал. При подготовке пятого выпуска «Вестей-Курантов» выявлен перевод письма турецкого султана польскому королю Яну Казимиру (предположительно,

---

[1093] *Maier I.* «Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser...». Ein fiktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621) // Ѧко блгопѣснивая птица. Hyllningsskrift till Lars Steensland. Stockholm, 2006. S. 135–146.

[1094] *Каган М. Д.* Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 240.

[1095] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1642 г. Ед. хр. 2. Л. 80–85. Иван Степанов упоминается также в июле 1664 г. в документах Патриаршего Казенного приказа. См.: *Устинова И.А.* Делопроизводственные документы Патриаршего Казенного приказа: Книга записных печатных пошлин 1643 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3–4. С. 67.

1652 г.)[1096]. Данный список так же, как и тексты 1621 и 1642 гг., не отразился в рукописных сборниках.

Следующей находкой стало «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам», отложившееся между курантами 11 и 16 января 1664 г. Удалось найти и оригинал сочинения – иллюстрированный памфлет на французском и нидерландском языках. Так была полностью прослежена цепочка: европейское издание – перевод Посольского приказа – копия в рукописном сборнике. В этом случае перевод послужил основой для книжных копий[1097]. Любопытно, что уже 26 февраля 1664 г. появился царский указ о приеме в Посольский приказ переводчика А. А. Виниуса[1098]. Необходимость принять его на службу обосновывалась отсутствием переводчика голландского языка. Вряд ли будет ошибкой предположить, что перевод серии голландских документов начала 1664 г., в которую входил памфлет, связан с наймом Виниуса. Скорее всего, необходимость перевести поступившие от нидерландских купцов тексты стала причиной обращения к Виниусу кого-то из руководителей приказа, а затем и его найма на государственную службу. Встает вопрос о том, когда же данный текст вошел в рукописные сборники? Имеющаяся в распоряжении исследователей книжная копия отстоит от даты перевода на десять или пятнадцать лет. Вероятнее всего, текст действительно попал в книжную традицию с большим запозданием.

Изначально переходу памфлетов в публичное пространство рукописных сборников мог препятствовать тот факт, что в 1630-х гг. Россия рассматривала Османскую империю в качестве союзника против Польши. Царь Ми-

---

[1096] В-К V. С. 79–80.

[1097] *Майер И., Шамин С.* «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам» (1663–1664 гг.). К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4. С. 80–89.

[1098] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1663 г. Ед. хр. 1. Л. 65.

хаил Федорович сам посылал султану письма «о неправдах Жигиманта, короля Польского»[1099]. Попадание в рукописную традицию памфлета Russian 1637 скорее всего связано с агитацией, которую вели сторонники идеи принятия захваченного казаками Азова под государеву руку. Поскольку от этой идеи в итоге отказались, почва для распространения антитурецких памфлетов вновь исчезла на десятилетия. Отношение к памфлетам должно было измениться после того, как в 1672 г. Россия и Речь Посполитая стали союзниками в войне с Османской империей.

В 2017 г. И. А. Поляков выявил в составе «Азбуки фряской» (распространенного в XVII в. пособия по каллиграфии[1100]) неизвестные ранее списки двух хорошо известных памфлетов – «Легендарное послание турецкого султана польскому королю» (1673 г.) и «Переписка турецкого султана с чигиринскими казаками» (1678 г.). Составленная в 1678 г. книга принадлежала юному князю С. В. Ромодановскому – сыну известного дипломата князя В. Г. Ромодановского и сводному племяннику боярина князя Г. Г. Ромодановского, руководившего российскими войсками в период начавшейся в 1672 г. войны с Османской империей и обороной Чигирина от османских войск. В учебном пособии, кроме образцов шрифтов кириллического письма, представлены примеры разных государственных документов, необходимых для молодого человека, чья карьера должна была развиваться на государевой службе. Исследователь отметил, что послания помещены в рукопись именно как образцы политического памфлета[1101]. Обращает на себя внимание тот

[1099] РИБ. Т. 21. Кн.1. СПб., 1907. С. 641.

[1100] *Конакова А. Д., Цыпкин Д. О.* «Азбуки фряские» в истории русской каллиграфии (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 56–57.

[1101] *Поляков И. А.* «Азбука фряская» князя С. В. Ромодановского и новые списки грамот из цикла «Легендарной переписки турецкого султана» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. №1 С. 89–99. См. также: *Поляков И. А., Цыпкин Д. О.* Азбука РНБ. F.XIII.5 в жизни молодого князя Ромодановского // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX Международной научной конференции, Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С.

факт, что источником перевода для обоих памятников в их заглавиях названы «польские письма». Между тем, к полковой канцелярии Г. Г. Ромодановского на протяжении всей войны были прикомандированы переводчики польского языка для перевода многочисленной польской корреспонденции. С начала войны до весны 1675 г. это был С. Гадзаловский, а весной 1675 г. его сменил И. Гуданский[1102]. В «Азбуку» С. В. Ромодановского тексты могли попасть из походной канцелярии его дяди. Соответственно, оригиналы данных переводов следует искать среди польских рукописных памфлетов. Их списки могли отложится в документах Разрядного или Малороссийского приказов.

Иной вариант влияния документов на рукописную книжную традицию наблюдаем в отношении памфлета, обозначенного Уо как Russian 1683[1103]. Текст известен по сборнику Археографической комиссии № 44[1104]. Исследователь предположил, что это сочинение, состоящее из письма турецкого султана цесарю Леопольду и ответа последнего, было переведено с немецкого оригинала. Сложность состояла в том, что выявленный ученым немецкий памфлет содержал только письмо султана, но не ответ цесаря. Уо также обнаружил польский памфлет, содержащий как послание, так и ответ, но текстологически более далекий от русского перевода, чем немецкий памфлет.

Поскольку в сборнике Археографической комиссии № 44 вслед за перепиской шел договор о союзе между императором Леопольдом I и польским королем против Османской империи, а еще ниже текст клятвы турецкого султана, обещавшего уничтожить христиан, то Уо предположил, что возможный немецкий оригинал для перевода был памфлетом, содержащим все

275–277; *Поляков И. А.* Стольник князь С. В. Ромодановской и его библиотека // Петербургский исторический журнал. СПб., 2017. №2. С. 194–205; *Поляков И. А.* «Азбука фряская» РНБ. F.XIII.5 как отражение исторических изысканий стольника князя С. В. Ромодановского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 106.

[1102] РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1674 г. Ед. хр. 6. Л. 126, 169, 172–173 об.

[1103] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance… С. 75–78, 213–215.

[1104] Архив СПб ИИ РАН. Кол. 11 (Собр. Археографической комиссии). Ед. хр. 44.

три элемента – переписку султана и цесаря, антитурецкий договор и клятву султана.

Обращение к курантам 1683 г.[1105] позволяет по-новому взглянуть на историю русского текста. Оказалось, что письмо султана впервые было переведено не из отдельного памфлета, а находилось среди газетных материалов, включенных в куранты от 7 мая 1683 г. Однако на этом история переводов не закончилась. Немецкую газету, содержащую письмо султана, прислали в Москву из Киева и 8 июня того же года сделали второй перевод. Несколько позже в Посольском приказе письмо султана получили третий раз уже в виде отдельного рукописного памфлета. Его отправил в качестве приложения к своему посланию живший в Речи Посполитой информатор русского правительства Назарий Краевский. Правда, на этот раз его переводить не стали, отметив, что письмо уже приходило в Москву: «И таков лист наперед сего переведен двожды слово в слово против сего листа, один, что прислан через Киевскую почту, а другой через Рижскую в курантах»[1106].

Можно было бы предположить, что в рукописную книжность попадет один из этих переводов. Однако материалы рукописного сборника с текстом этого памфлета существенно отличаются от текстов курантов. Они выглядят скорее как разные переводы, чем как оригинал и копия, пусть даже испорченная.

Сборник Археографической комиссии № 44[1107]	РГАДА Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 225–228	РГАДА Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 323–326
Список списка. Перевод з грамо-	Страшное и жестоко нечестивое обяв-	Из Варшавы маия в 16 днь

[1105] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5.

[1106] Там же. Ф. 79. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 2. Л. 79об.–82.

[1107] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance… С. 213.

ты, какову писал к Леополдусу цесарю римскому турской салтан Магмет четвертый во 191 году в марте месяце. Магмет кесар, сын знаемаго и славнаго Бога, кесар турский, царь грецкий, македонский, молдавский, самарийский и глиский, царь великаго и малаго Египта, царь всех живущих на земли, избранный князь июдейскаго рая и сын Махметев, хранитель градов венгерских, владетель гроба вышнего, государь всех кесарей земных от востока даже и до запада, царь царем и государь древа жизни, победитель вавилонский и гли и прослелксий, великий победитель и прогонитель христианска[го] народа и всех злых, друг цветущаго мира и началник и	ление салтана турского к цесарю Римскому. Магомета сын, цесарь, сын знатного и пространно славимаго Бога, цесарь Турскии, король земли Греческои, и Макидонской, Малдавскии, Самариискии и Геклииискии, король великого и малого Египта, король всех жителей всея земли, подданныи князь июдейского парадиза (рая) и сын Магомета обретатель городов венгерских, владетель гроба Бога вашего, государь над всеми цесари на свете от востока до запада корол над всеми короли, государь древа жизни, победитель Вавилонскии, Гекли и города Прослениксы, великии гонитель християн и всех злобных, друг цветущаго света, начал-	Страшнои и безчестнои лист салтана турского как писал к цесарю християнскому. Магомет сын, цесареи, сын знакомого и далеко пространного славимаго Бога, цесарь Турскии, король земель Греческих, Македоние, Малдавские, Самарии и Геклио, король великия и малыя Егитсты, король всех жителеи на земли, подданныои князь июдеиского рая и сын Магометов обретатель городов венгерских, владетель гроба Бога вашего, государь над всеми цесарми всеи вселеннеи от востоку до западу корол над коро[ли], государь древа жизни, победитель Вавилонии, Гекли и города Прослениксы, великии гонитель християн и всех злобных радость,

страж распятаго вашего Бога и Господа, надежда языц. Хотим поздравляти тя Леополда кесаря. Аще хощеши прияти поздравление наше и аще друг еси наш и величества нашего	нейшии правитель вашего распятого Бога и государь надежды всех бусурман. Мы желаем и поздравляем тебя цесарю Леополде. Аще ли ты всхощешь, и аще ли ты наш друг еси	цветущаго мира, и началныи владетель вашего распятаго Бога, а государь надежды бусурман. Жалаем вас цесарь Леополде поздравлять. Аще ли того хощешь, и аще ли ты наш друг наш еси

Предположение, что тексты курантов не имеют никакой связи с рукописным сборником и памфлет был переведен вне Посольского приказа приходится отвергнуть, поскольку в курантах мы находим также ответ, который, очевидно, был напечатан позже и пришел в Москву в одной из «цесарских» газет, переведенных для сводки, датированной 30 мая 1683 г. Как и в предшествующем случае, тексты книги и курантов не имеют текстуальных совпадений, однако явно восходят к одному изданию.

Сборник Археографической комиссии № 44[1108]	РГАДА Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 279–283.
Перевод з грамоты цесаря римского какову отписал в ответ проти[в] вышеписанные грамоты 191-го же году в марте месяце. Мы Леопард цесарь, славные державы римской кесарь, оборони-	От нижнеи Элбы реки апреля в 30 день. Ответ на обявление войны турского салтана и на[1109] лист ево к цесарскому величеству писанныи недавно. Аз цесарь Леополдус далеко и

[1108] Там же. С. 214.

[1109] На написано над строкой.

тель и заступник государства моего и защита христианству обаче все помощию распятаго Христа Бога нашаго, иже сотвори небо и землю, вем сия несть инаго Бога, кроме Бога нашего. Ты же да увеси, кесарю турков, сын Магметов, яко бог твой Махмет есть прелесник, иже тя и народ твой, ослепленивый голубем, волом и прочими диаволскими хитростми, таже и Махметом к нему же привесился очарован есть. Ты же, сыну Махметов, кесарю прегордый народа турскаго, хвалишся безумно началник и стражник быти распятаго нашего Христа.	пространно славимый, цесарь Римского гдрства, оберегатель и предстоятель земли моей, оборонитель христианства, однакож все то помочью роспятаго нашего Христа и живаго Бога сотворившаго небо и землю. Ведаем, что[1110] несть инаго Бога кроме яко[1111] наш единый Бог. Ведаи ты то цесарь турскои сын Магаметов, что иное ничто кроме чрез голубя, вола и иных диаволских мастеров и магнит камень бога Магамета твоего привело к тому, что тебя и народ твои очародеиствовал. Ведаи ты сын Магометов, грозою горд цесарь турски, ты похваляешся и дерзаешь наречися быть началным гвардианом или оберегателем распятого нашего Христа.

Имеется и третье совпадение. Включенная в сборник Археографической комиссии № 44 «присяга турецкого султана» зафиксирована в курантах от 6 июля.

Сборник Археографической комиссии № 44[1112]	РГАДА Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 337–338.
Присяга салтана турскаго и	Присяга, которую учинил сал-

[1110] Что написано над строкой.

[1111] Яко написано над строкой.

[1112] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance… С. 215.

всех его пашей и везиря, в которой они клялися всех християн искоренити. Яз салтан Махмет Божиею милостию непобедимый стран восточных цесарь, клянуся Богом и всею тварию, и силою Божиею, твердию небесною, звездами, солнцем и лоною, и всеми ясносиятельными звезды, и всем состоянием мира, жизнию мое[ю] и млеком матери моея яко первая пища живота моего, главою и брадою, силою же и душею моею, и всемогущим Махметем, и предками моими, деде и бабе, и обрезанием всех бусурманов и срацын, и частию спасения моего, яко царя немецкого и со всею его дружиною, наипаче же злаго моего супостата Серении, хощу искоренити и всех, из земли разорити, жены и дети взяти в порабощения и потом все християнство привести под силу мою.	тан трскои, везири и все паши ево на разорение християном. Я, салтан Агмет, божиею милостию непобедимыи цесарь на востоке, присягаю всемогущему Богу, божественнои силе его сотворению его крепости небеснои, звездам, солнцу, месяцу и всем ясно сияющим звездам, и всем доблствам света, житию моему, молоку, которое приях от матери, первою потравою жизни моея, главе и браде моеи, силе моеи, души моей, и всемогущему Магомету, дедам и прадедам и прародителем, обрезанию всех мусулман и сарацын, и части спасения моего, что я короля немецкого со всеми союзники ево, а особно недруга нашего злобного Зериния (карватцкои велможа) разорю и все их земли спустошу, жен и детей их в неволю поберу, а после того все християнские государства под свое владение возму, а от сего моего намерения ни когда не отстану, хотя и все християнские государства под свое владение возму.

Сложно предположить, что кто-то из жителей российского государства выписывал те же издания, которые получали в Посольском приказе, и выбрал

из них для перевода те же статьи, что и сотрудники дипломатического ведомства. Кроме того, у нас нет данных о распространении в Москве начала 1680-х гг. европейских газет по подписке. В любом случае поставки должны были проходить через московского почтмейстера А. А. Виниуса и отражаться в почтовой документации. Таким образом, мы должны исходить из того, что в сборник Археографической комиссии № 44 попали материалы, первоисточником которых были газеты из Посольского приказа.

Получается, что составитель сборника или повторно выбирал материалы из хранившихся в приказе газет и переводил их, или специально переделывал изначальный перевод так, чтобы он выглядел новым переводом. Вне зависимости от того, какое из этих предположений верно, становится очевидным, что автор подборки проделал существенную по объему работу, в ходе которой специально собирал публицистические тексты антитурецкой направленности. К сожалению, неизвестно, выполнялась ли эта работа по распоряжению руководства приказа или же автор специально изменял переводы курантов так, чтобы не пострадать за разглашение дипломатических документов. В любом случае, мы сталкиваемся с фактом, когда разрозненные документы специально объединялись книжником. Наиболее вероятным кажется предположение, что переводы для рукописного сборника были сделана А. А. Виниусом. Вполне возможно, что тексты потребовались долгое время спустя, после их появления в России и для Виниуса оказалось более удобным найти нужные тексты в газетах, а не разыскивать в архиве старые куранты.

Следующий отмеченный Уо период подъема популярности писем турецкого султана – 1696 г., когда перевод письма султана к цесарю Леопольду 1663 г. был включен в комплекс документов, рассказывающих о взятии Азова Петром I. С точки зрения изучения пути, по которому данный список письма султана попал в рукописную книжность, наибольший интерес вызывает расклеенный столбец из коллекции Н. А. Протасова, обнаруженный не-

давно Т. А. Базаровой[1113]. В данный столбец входили письма, присланные по почте из-под Азова. Письмо султана также помечено, как присланное с азовской почтой. Таким образом, источником распространения данной редакции стал азовский лагерь Петра I. В этом нет ничего удивительного. В царский стан под турецкой крепостью поступали по почте большие объемы дипломатической корреспонденции, здесь находилось много иноземцев, которые переписывались с соотечественниками. Достаточно вспомнить, что среди находившихся под Азовом в первом походе переводчиков был такой известный книжник, как Н. Спафарий[1114]. В Москве с переводом письма султана к цесарю Леопольду 1663 г. не мог не ознакомиться А. А. Виниус, через руки которого проходили почтовые отправления.

Вместе с письмами из-под Азова письмо султана к цесарю Леопольду 1663 г. уходит в рукописную книжность. Оно читается в составе записок И. А. Желябужского и рукописных сборниках, составленных вскоре после «Азовского взятия». К известным американскому исследователю рукописям можно добавить сборник из Музейного собрания РГБ, в котором Т. А. Исаченко выявила два списка сочинения. Здесь в комплекс «азовских» документов входят материалы из Посольского приказа, а также письма, присланные в 1696 г. по почте из Азова, и послания, приходившие от русского резидента в Варшаве[1115]. Таким образом, составитель документальной подборки из Му-

---

[1113] *Базарова Т. А.* «Пришла почта ис-под Азова…»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 1–22 <http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova> (18.07.2019). Текст см.: Архив СПбИИ РАН. Колл. 111. Оп. 1. Д. 46. Сст. 1–5. Благодарю Т. А. Базарову за любезно предоставленную рукопись статьи и возможность познакомиться с обнаруженным документом.

[1114] *Пчелов Е.В.* Российские дворяне молдавского происхождения // Русин. 2006. № 3. С. 37.

[1115] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance… С. 165–167, 171, 225–226, 235–236; Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 2. / изд. подгот. Т. А. Исаченко. М., 1997. С. 169–170; *Богданов А. П.* Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С. 243–246.

зейного собрания РГБ должен был иметь доступ к архиву Посольского приказа, а также к текущей почтовой корреспонденции.

Копирование переводов европейских памфлетов в России было лишь одним из эпизодов антитурецкой кампании. Пожалуй, самым любопытным ее моментом стала попытка московских властей распространять за рубежом тексты, схожие с перепиской султана. Документы связаны с эпизодом русско-турецкой войны 1686–1700 гг., когда в 1697 г. крымско-турецкие войска попытались вернуть потерянную в ходе предшествующих боевых действий крепость Эски-Таван (Тавань) на Днепре, которую защищал русско-украинский гарнизон. 26 ноября 1697 г. официальная информация о прошедшей военной кампании («Выписка о воинском поведении прошедшаго лета и осени 205-го и 206-го году»[1116]) была отправлена из Посольского приказа в Варшаву к находящемуся здесь на резидентстве А. В. Никитину для распространения в Речи Посполитой. В ее состав входили два письма, которые, якобы, были при помощи стрел заброшены в осажденный город. Одно было написано на татарском языке, а в Варшаву был прислан его русский перевод, другое же – на русском; оба требовали сдать город. Если первое выглядит как практическое, деловое послание, то второе наполнено ссылками на Бога: «Естьли себе хощете здоровья и доброи воли, отдаите нам тот город не разоряя, а есть ли нам не отдадите города сего, а мы у господа Бога единого и Махомета пророка своего его мочию город тот он нам пособит взять. Естьли вы его нам не отдадите, Божиею помощию город тот возмем и вас наши ковалеры всех чрез меч вырубят, когда нам Бог да поможет тот город взяти чрез волю Божию и чрез бои. А мы в господа Бога единого веруем и Махмета пророка его милости, которои нам в книзе святои ознамил»[1117].

[1116] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 251. Л. 760 об.–774.

[1117] Там же. Л. 765–768.

Вслед за вражескими письмами приведен «Ответ воиску турскому и татарскому на их писма»[1118]. Он был отправлен от имени московских и украинских войск: «Мы старшина великих воиск московских и мы старшина великого воиска низового запорожского, как та старшина полков городовых, так и охотных сердюцких». Ответ имеет несомненные литературные достоинства. Авторы отреагировали на прославление Аллаха: «И мы вам на лист ваш отвещаем то, что не надеемся мы и не верим ни каким таким лживым пророкам, как вы бусурманы, но надеемся на всемогущаго Бога помощь и пречистую Его матерь, которая есть твердое упование наше». Далее они с использованием ярких образов отказались сдаваться. В тексте даже имеются рифмованные окончания: «наши сабли еще не поржавели, и руки наши не ослабели»; «а вы нас грозами своими не устрашаите, и обманами ни какими болши не прелщаите»; «одержим над вами знатное одоление, которое может быти вам на вечное поношение». Соблазнительно предположить, что эта подборка – литературный вымысел сотрудников Посольского приказа, однако этому противоречит язык, в котором представлены как не свойственные для приказных текстов церковнославянизмы (отвещаем, есмы, понеже и др.), так и украинизм (привитания). В пользу подлинности текста говорит и тот факт, что среди отправителей и получателей корреспонденций упоминаются только те, кто реально участвовал в обороне и осаде города. Тем не менее, сама идея распространять такие сочинения по дипломатическим каналам являлась для России очевидным новшеством и, вероятнее всего, оказалась навеяна ставшей популярной перепиской турецкого султана.

Разнообразные письма были не единственным видом документов, приписываемым печатной пропагандой турецким султанам. Выше, в связи с разбором письма цесарю Леопольду, уже упоминалась «Присяга салтана турскаго и всех его пашей и везиря». Кроме него в рукописную традицию проник вымышленный «Указ турецкого султана» о проведении траурных церемоний

[1118] Первые две буквы заглавия оформлены как инициал.

в связи с поражением турецкого войска. Памфлетист ставил перед собой двоякую цель: показать, что турки подавлены военным поражением, а также продемонстрировать их жестокость. В рамках церемонии иноверцев убивали или использовали их кровь, кроме того, жестоко карались нарушители церемониала.

Две рукописи с этим сочинением были отмечены еще в работе Уо, который обозначил их как Russian 1716 [II]. Американский исследователь указал, что аналогичные памфлеты представлены в итальянских и немецких изданиях 1716 и 1717 гг., а также в итальянском памфлете 1686 г.[1119] Позднее К. Ватсон установила, что текст широко распространен в разных странах. Пики публикаций приходятся на 1686–87, 1697–98, 1716–17 гг. Перевод одного из немецких памфлетов обнаружился в архиве Посольского приказа среди документов Великого посольства. Это показывает, что текст проник в Россию еще в конце XVII в. К сожалению, пока не удалось установить связи между приказными документами и текстами из рукописных сборников[1120].

Русско-турецкие войны XVIII века делали пародийные «послания» султанов все более популярными. К примеру, известный ранее только в приказной документации «Указ турецкого султана» о церемониях, связанных с поражением осман, в XVIII столетии встречаем уже в составе книг. При этом в сборниках вместе с этим памятником могли оказаться как переводы европейской turcica XVII в., так и выписки из русских газет XVIII в.[1121] Текст оказался органичным элементом антитурецкой агитации. Во второй половине XVIII в. распространялся перевод еще одной редакции данного сочинения[1122].

[1119] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance…C. 94, 217–218, 300.

[1120] *Šamin S., Watson C.* Вымышленный «Указ турецкого султана»: европейская традиция и русский перевод 1697 г. // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2014. № 55. P. 169–190; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 13. Указ о молебне турецкого султана, а кажется, что другой перевод.

[1121] *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance… P. 94, 217–218, 249–253, 264, 300.

[1122] *Белянкин Ю. С.* «Указ салтана турского»: к истории европейского памфлета в России // Румян-

В составе рукописи 1780-х гг. из собрания А. С. Уварова[1123] обнаружен другой вариант подложного послания султана. Он озаглавлен «Манифест султана турскаго» и датирован 1760 г. «Манифест» написан от имени султана Мустафы III: «Мы Мустафа султан велики и мочныи, государь сын и племянник босай, турецкии, греческии, персидскии, римски, балтиискии, македонскии, парфииискии, великаго и малого Египта, арменски, Чебис и Африки, посвященная глава махометанскаго собрания, охранитель гроба Мекиа, велики владетель Света, Мира и бич христиан, неоценъниея надежда отаномов, драги камень света, и вещ, и весма страшнои царь. Множество наших многочисленных галер и кораблеи солнце и месяц и звезд, о чюдо, знамены будут тем: от производимо стрелбви наших пушак и рыба от страха оглушена, и на море неизвестная глубина морская вскроется. Звери на земли от страха внутри лесов в свободныя места спасения сыскивать станут. Древесем от трясения ужасного зуку наших пушак ис корени възорваны будут. При котором необходимом деистве нашеи силы все христиане всю тихость гнева нашего почювствуют». Явно художественное описание султанского гнева, приводящего в ужас не только христиан, но также рыб и зверей, однозначно свидетельствует, что перед нами не подлинный дипломатический документ. Судя по всему, данный текст стал откликом на шедшие во время Семилетней войны 1756–1763 гг. переговоры о направленном против Австрии союзе между Османской империей и Пруссией.

Вместе с ним скопирована «Грамота от царя Мамая» князю Дмитрию Ивановичу Донскому: «От восточнаго царя, от болшия орды, от широких пол от силных татар, царь цареи Мамаи и многим ордам государь, рука моя мно-

---

цевские чтения – 2016. Материалы международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки, (12 -13 апреля 2016). / сост. Е. А. Иванова. М., 2016. С. 66–70.

[1123] ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 1950 (626) (472), в четверку. Л. 110–111. На Л. 101 на полях в верхней части стоит дата «от 1782-го». Филигрань Pro Patria с литерами АГ, 1787–1788 гг. См.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959. № 21.

гими царъствы обладает, и десница моя на многих царъствах обладает. Ратаю нашему Димитрию Московскому. Ведомо ти есть, яко улусами нашими обладаешь, а нашему царству, пришед, не поклонишися, да есть ти ведомо и будет, днесь рука моя хощет тя казнити. Аще ли еси млад – приди ко мне и поклонишимися, да помилую тя, и в твое место пошлю тя царствовати, аще ли сего не сотвориши, вся грады твоя имам разорити и огню предати, и самго тя велицеи казни предам».

«Грамота от царя Мамая» и «Манифест султана турскаго» явно перекликаются как друг с другом, так и с политической обстановкой эпохи правления Екатерины II, в частности присоединения Крымского ханства и войны с Османской империей. Они демонстрировали агрессивность обоих противников – хана, побежденного Дмитрием Донским, и султана, с которым шли войны в период составления сборника. Судьба Мамая в нем как бы рисует перспективу для Мустафы III. Можно было бы предположить, что мы имеем дело с цельным антитурецким сочинением одного автора, однако это не так. Традиция обоих текстов восходит к XVII столетию, но при всей их идейной близости, происхождение памятников разное. Грамоту Мамая выдумали в конце XVII в. украинские книжники[1124]. Она включена в качестве главы № 81 в печатный Синопсис[1125].

На этом примере видно, как типологически сходные «послания правителей» разного времени могут объединяться в целостный, имеющий общий идеологический смысл литературный комплекс. При «сборке» текстов малых форм возникают комбинации, порождающие более сложные обобщенные смыслы.

Не все из памфлетов рассматриваемой группы выдержали испытания временем – роль Священной Римской империи в борьбе с османами посте-

---

[1124] Очевидно, опираясь на переводы антитурецкиих памфлетов.

[1125] *Сапожников О. Я., Сапожникова И. Ю.* Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М., 2006. С. 161.

пенно снижалась, а слабеющая Польша вообще исчезла с политической карты. Интерес к переписке с императором и польским королем со временем стал существенно меньшим. Эти тексты перешли из разряда активно функционирующих в литературе памятников в разряд объектов исследования ученых историков. Совсем иной оказалась судьба «Легендарной переписки турецкого султана с чигиринскими казаками», которая, эволюционируя и постепенно набирая популярность, стала значимой частью русской и украинской культуры.

С середины XVIII столетия этот памятник русской книжности получил широкое распространение на Украине. В поздних украинских вариантах сочинения мы видим адаптацию текста к новым историческим условиям. Вместо чигиринских казаков в нем появились гораздо более популярные запорожцы, а текст обогатился ярким украинским фольклором. Украинский вариант «переписки» приобрел особую популярность после того, как в 1872 г. журнал «Русская старина» опубликовал это сочинение по трем различным спискам с комментариями Н. И. Костомарова[1126]. В том же году был издан другой вариант переписки запорожцев с турецким султаном[1127]. Актуальность сочинения усилило новое обострение отношений с Турцией, вылившееся в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. В это время с каким-то из вариантов письма запорожцев познакомился И. Е. Репин. Забористый текст послания вдохновил художника на создание картины «Запорожцы», которая более известна под названием «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»[1128]. В итоге «письмо запорожцев» стало известно огромной аудитории.

[1126] Султан турецкий и Запорожские казаки // Русская старина. 1872. № 10. С. 450–451.

[1127] *Симоновский А. А.* Ответ Запорожцев турецкому султану // Русская старина. 1872. № 12. С. 701.

[1128] *Нудьга Г. А.* Листування запорожців з турецьким султаном. Киев, 1963. С. 53; *Каган М. Д.* Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 224, 225; *Щекотов Н.* Запорожцы. Картина великого русского живописца И. Е. Репина. М.; Л., 1943. С. 5; *Зангер Л.* Картина И. Е. Репина «Запорожцы». М., 1960. С. 1.

Однако для того, чтобы это случилось, текст должен был пройти процесс адаптации к русской культуре.

5.3. О жестоком графе, обращенном во пса.

Следующий текст, «Страшное и наказателное предложение на некоего немилосердаго и богоотступнаго и кленущагося человека, како оный праведным судом божиим обращен во пса», относится уже ко второй половине XVII в. В отличие от перечисленных выше памятников, исследователи редко уделяли ему внимание. Вероятнее всего, памятник неоднократно перепечатывался в немецкой прессе в 1673 г. и вскоре попал в Россию. Основное содержание известия незамысловато. В нем рассказывается о том, что жестокий правитель отобрал у бедной вдовы последнюю корову. За это Бог обратил его во пса.

В России переведено целых три варианта сочинения. Самый короткий из них отложился в фонде 155 РГАДА среди документов 1675 г.[1129] Современное дело было скомплектовано при разборке столбцов из архива Посольского приказа в 1807 г. или немногим позднее: белая дата филиграни оберточной бумаги – 1807 г. В его состав входят фрагменты двух столбцов XVII в. Документ на листах с 1 по 8 не имеет начала. Он включает сообщения из Варшавы от 21 и 22 февраля 1675 г. о событиях в Польше. Скорее всего, указанная в документе дата варшавского сообщения послужила основой для датировки всего архивного дела.

Интересующее нас произведение переписано на листах 9 и 10. До момента комплектования архивного дела они хранились отдельно от остальных листов. Об этом свидетельствуют фрагменты дьяческой скрепы на оборотах л. 9 (ди/ак) и л. 10 (ак/арте). Данная скрепа не имеет начала на предыдущих листах и обрывается на середине имени дьяка, что указывает на отсутствие

[1129] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1675 г. Ед. хр. 8.

связи с предыдущими листами современного дела и утрату предшествующих и последующих страниц или выделение в отдельную единицу хранения. Скрепа принадлежит Артемию Степанову, который скреплял вестовые столбцы, передававшиеся в 1676–1683 гг. в Посольский приказ из архива ликвидированного приказа Тайных дел[1130]. Данный факт дает возможность связать изучаемый памятник с приказом Тайных дел. Можно предположить, что оригиналом послужил немецкий рукописный летучий листок. Памятник вошел в книжную традицию. Соболевский зафиксировал его в составе сборника упоминавшегося уже выше сборника собрания Археологического общества РНБ, составитель которого (вероятнее всего, А.А. Виниус) имел доступ к архиву Посольского приказ[1131]. Рукописный вариант содержит те же «выходные данные», что и документ из фонда 155 РГАДА (Нюрнберг, 10 января), однако перед нами явно новый перевод. Для того чтобы в этом убедиться, воспроизведем тексты параллельно.

(РГАДА) Перевод с немецкого писма. Из Нуренбурка[1132] генваря в 10 день. Объявляют, что недалече от Мниха[1133] города страшное учинилося деиство. Здесь некто великие породы граф зело к подданым своим жесток был, да на лаи зело неистерпимыми отягощал. Между ж теми его подданными случила-	(РНБ) Из города Нурнъберха генваря в 10 день. Здесь говорят, бутто в городе Минце страшная и неслышная притча учинилас таким обычаем: некоторый граф, князь или великий господин, котор своих подданых непобедимыми податми и иными налогами

[1130] РИБ. Т. 21. Дела приказа Тайных дел. Кн. 1., СПб. 1907. Стб. 349, 360, 362, 626, 627, 629, 630, 631, 637.

[1131] РНБ, собр. Археологического общества, № 43. Л. 31–31 об.; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси… С. 244–245.

[1132] На полях помета «цесарскои».

[1133] На полях помета «цесарскои».

ся единая убогая жена, которая ни чем дани уплатить не имела, чего ради досталная корова на того графа взята была. Когда ж оную корову на двор графов привед, со иною животиною поставили, то тот час вся будучая животина в малом часе померли, о чем граф уведав, разъярясь учал на Бога хульными словесы клясти и с небес Бога на поединок себе на пистоли призывати. И кричал великим гласом: «Боже ты еси всю животину умертвил, ныне ж подаждь мне хотя псов в подданные, которыми бы мог вместо животины моеи употребляти». После ж ево тех словес двор ево наполнися псов, и сам он, онои граф, от естества своего пременися. Глава ж его человеческая, а тело и ноги псовые, и о такому делу зело зде дивуютъся.	истеснил, в собаку обрелся. И то так учинилось: тот граф хотел у бедной подданои своей жонки у которой одна корова была, и он ту корову хотел отнять, хотя госпожа ево ту жонку пожаловала для ее бедности и милосердного прошения и он тое корову у нее взял и пустил к своим скотинам. И та корова тот час умерла и тот граф Бога почал хулит и вызывать Господа Бога на поединок с пистольми, дабы де мне вместо крестьян сабак обрелос. И он стал сам в собаку – глава ево человеческая, а тело ево, что собачье стало, и ноги ево бутто сабачьи лапы

Очевидно, что переводы не могут восходить один к другому, даже если предположить, что переписчик по какой-то причине целенаправленно не переписывал сочинение, а пересказывал его. В варианте РГАДА отсутствует информация о том, что за вдовицу пыталась заступиться жена графа, в списке РНБ не только нет начала и конца, но и «хульный» монолог зарвавшегося графа не переведен, а пересказан. Появление повторного перевода кажется странным, поскольку составитель сборника РНБ, находящегося в составе собрания Археологического общества № 43, имел доступ к архиву Посольского

приказа[1134] и некоторые тексты скопировал оттуда без особых изменений. Скорее всего, составителю рукописи встретился немецкий оригинал, а русский перевод просто не попался.

Второй вариант сочинения примерно вдвое больше первого. Он известен в трех списках. Из них автору оказалась недоступна процитированная Соболевским киевская рукопись, относящаяся к концу XVII – началу XVIII[1135]. Тем же временем датируется рукопись из ОР ГИМ, Собрание А. С. Уварова. № 1941 (559) (451)[1136]. К 1680-м гг. относится список, включенный в новгородскую Забелинскую летопись[1137]. В ней же помещена дата известия, которую следует считать правильной – декабрь 1673 г. Любопытно, что в том же списке пересчет лет на летоисчисление от сотворения мира сделан с ошибкой, без учета сентябрьского года (7181). В уваровской же рукописи дата от сотворения мира стоит правильная – 7182 г., а в дате от Рождества Христова потерян один знак, из-за чего получился 1603 г. В составе Забелинской летописи памятник получил заголовок «О страшном видении в Чевском королевстве, о немилосердом человеке показание божие, 7181»[1138], отсутствующий в других списках. Местом действия в этой редакции является Прага.

Остановимся на моментах, за счет которых произошло увеличение текста. В начальной части добавлено пояснение о цели, ради которой Господь обратил свое внимание на графа: «Всемогий бог наказует страшным отмщением зле кленущихся и немилосердых богоотступников, обращая на добрый

[1134] Исследователь этой рукописи Д. К. Уо предположил, что ее происхождение связано с Посольским приказом. См: Waugh D. C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Foreword be D. S. Likhachev. Columbus. Ohio, 1978. 159, 160, 228, 229.

[1135] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси… С. 246–247.

[1136] Филигрань 1711 г. См.: *Дианова Т. В.* Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама»… № 384.

[1137] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. 1979. С. 318.

[1138] Здесь и далее цитаты по *Тихомиров М. Н.* Русское летописание... С. 318.

путь». Затем узнаем неизвестные по краткому варианту подробности о вдове и ее попытке получить налоговую отсрочку: «вдова некая бедная после мужа своего с пятню сиротами з детми в нужном житии, толико имения едина корова, и принужена тако ж дани тяшки платить, и не имея что дати, кроме единыя коровы. И моляше господина своего с плачем з детми своими, чтоб ей по отъятии коровы не разоритца, прошаше пождания времене для будущего суда божия». Автор изложил также мотивацию, заставившую господина настаивать на немедленном платеже, несмотря на просьбы вдовы и собственной жены: «Не могу и видети их, яко псов нагих, дондеже воздадут наложенный дани». Указан точный размер погибшего господского стада, в которое пустили корову вдовицы – 60 коров. Несколько по-иному описывается и поведение господина после гибели скотины. В этой версии злодей не требует дуэли с Богом, а решает отомстить вдове, накормив ее с детьми мертвечиной. Впрочем, и в этом варианте господин искушает Господа словами: «Не поможет ей Бог». Гораздо более ярко описана и сцена наказания: «И ныне зри суд Божий. В том же часе погубил все чювство свое и человеческий образ, раздрав одежду свою, обращается в чермнаго мохнатаго пса, кроме главы. Ныне же возят его в решатчатом возу, и приставлен живодер, и кормят его тою мертвечиною, иного не яст». В завершении читатель узнавал о судьбе супруги злого господина, которой не удалось упросить мужа о милости к сиротам: «Жена же его о нем милостыню творяше и моляше Бога о прощении грехов его».

Именно этот вариант рассказа в XVIII в. был воспроизведен московской Ахметьевской фабрикой в виде лубка, на котором изображены ключевые моменты этой трагической истории. Лубок издавался, минимум, дважды[1139]. В качестве подписи помещен текст, близкий к Забелинской летописи. В нем присутствует заголовок, в котором непонятное «Чевское королев-

[1139] *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. III (25) СПб. 1881. С. 60–61.

ство» заменено на Сербию, указано на «мохнатость» полученного в результате превращения пса, чего нет в других списках.

Наиболее пространный (третий) вариант сочинения имеет вдвое больший объем, чем вышерассмотренная редакция. Он известен в трех списках. Самый ранний из них хранится в Синодальном собрании ГИМ (заглавие «Список с переводнаго немецкого листа печатнаго писма»)[1140]. В описании он датирован концом XVII в.[1141] Представляется, что датировку можно сузить до конца 1670-х – начала 1680-х гг.[1142] К концу столетия принадлежит также рукопись из собрания А. Н. Попова в РГБ[1143]. Список из Основного собрания РНБ (заглавие «Перевод с листа немецкого печатного писма оучинилось во РП-м году в декабре месяце») датируется концом XVII–началом XVIII в.[1144] Рукописи имеют некоторые различия. Наиболее заметное из них – год, которым датировано происшествие. В остальном же разночтения связаны с заменой букв или незначительной стилистической правкой. К примеру, «опроче иже не пременися глава всем же телом пса и во всем подобен собаке» (РНБ) и «опроче главы иже не пременися в сем же телом псу во всем подобен» (ГИМ)[1145].

Объем текста существенно вырос в первую очередь за счет вставки «душеполезных» рассуждений. К примеру, в том месте текста, где в предшествующей редакции просто указывалось, что дело произошло в Чешском королевстве, читаем «и про то свидетельствует божественное писание и многими прикладами нам явно предлагает некогда нечестивый мир тое малое раз-

---

[1140] ОР ГИМ. Синодальное собр. № 377. Л. 234–238.

[1141] *Протасьева Т. Н.* Указ. соч. С. 95–96.

[1142] Филиграни 1677, 1678 гг. См.: *Дианова Т. В.* Филиграни XVII–XVIII вв. «Голова шута»... № 536.

[1143] ОР РГБ. Ф. 236. Собр. А. Н. Попова. № 31. Л. 366–368 об.

[1144] РНБ. F. XVII.21, кон. XVII–нач. XVIII в. 876 об. –879.

[1145] Далее цитаты по этому списку.

суждает и не почитает и в разум себе не емлет и тем тое беззаконие хулы и божбы по вся дни у всяких людей умножаютца, тако что они то беззаконию во грех себе не ставят и того ради праведныи Бог в нынешнее наше время всем нечестивым для научения многие истинные приклады нам предлагает, чтобы они образумяс на добрый путь возвратилися такое ж страшное зрелище во исход прошлого году здесь недалеко от города Праги в Ческом королевстве учинилос, и то молчанием обойть невозможно для того, что то явно видети мощно отмщение Божие против кленущихся и немилосердых богоотступников, наипаче надобно сие дело обявить всему миру, а что належит вышеимянованнои приклад и повесть, и то учинилось таким подобием по извету многих веродостоиных людеи из розных мест».

Другой вариант вставок – дополнительные подробности мытарств бедной вдовы. Там, где в предыдущем варианте в двух фразах рассказывалось о том, что жена немилосердного господина просила за вдову, но муж ей отказал, в текущей версии видим подробнейшее диалогичное драматическое изложение событий: «А жена того лютаго богоотступника пожалела ту бедную вдову и хотела заступить ее у мужа своего, чтоб он над нею беднею умилосердился, и не разорил бы бедную сироту з детми. И он з гневом ей отвещал: «Какое мне дело до тех собак нагих, я зрети на них не хочу»! А жена ево паки учала просити заступая, чтоб он помыслил и разсудил великую скудость ее, что пить есть нечего. И он стал говорить ей: «Да ядят они то же, что иные собаки ядят». Меж тем же она бедная вдова к господину своему подашла еще и молила его пад на колени для ради последнего будущаго страшнаго суда и милосердия Божия, чтобы он умилосердился и дал бы срок в платеже. И он окаянный учал на нее кричати и велел ее от себя отбить: «Покамест не заплатит наложенных податей, по та мест милосердия не будет от меня»! Бедная ж вдова то услышав со слезами от него пошла».

Как видим, по сравнению с предыдущей редакцией, из-за тяжеловесных вставок-рассуждений текст становился скучнее. Если первый из рас-

смотренных вариантов рассказа был слишком кратким, чтобы получить широкое распространение в качестве самостоятельного издания, то в последнем случае пострадала его доступность для простого читателя. Вряд ли стоит удивляться, что в лубочное издание пошел именно второй вариант. Как видим, на протяжении XVII–XVIII вв. текст постепенно спустился вниз по социальной лестнице. Если список из Тайного приказа тешил государя, то лубок – простонародье. К сожалению, мы не можем определить, кто из читателей развлекался курьезной выдумкой автора, а кто утешался мыслью о том, что несправедливость и жестокость властителей в любой момент может быть отомщена Господом.

Из всех рассмотренных в данном разделе переводов рассказ о злом правителе получил наибольшее распространение. Однако случилось это уже в XVIII столетии благодаря механическому тиражированию в виде лубка. В этот период русские лубочные переиздания европейских листов с гравюрами стали уже обычным делом[1146].

[1146] *Schruba M.* Русские народные картинки: западноевропейские образцы и параллели // «A Century Mad and Wise»: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven 2014. / Ed. by E. Waegemans. Groningen : Netherlands Russia Centre, 2015. P. 421–434.

Глава 6. Иностранная пресса в русской книжности

Процесс проникновения отдельных текстов иностранной прессы в русскую книжность начался задолго до XVII столетия. Вопрос о бытовании ранних документов рассмотрен в соответствующем разделе. Во второй половине XVI – начале XVII в. переход связанных с прессой приказных документов в рукописную книжность по какой-то причине приостановился. Возобновление обмена между канцелярскими документами и рукописными книгами приходится на 1640-е гг. (первый случай относится к промежутку между 1637 и 1641 гг.) Встает вопрос об интерпретации этих процессов. С одной стороны, любопытство, интерес к окружающему миру – особенности культуры Нового времени. С другой стороны, перечень тем, которые охватывают уходящие в книжность переводы, в большинстве случаев принципиально не отличается от того, что можно встретить в средневековой книжности. Основной корпус проникших в книжность новостей составляют знамения, чудеса, известия о пророках и пророчествах. Лишь ближе к концу столетия появляется интерес к светским сюжетам. Для того, чтобы лучше проследить этот процесс, попытаемся проанализировать тексты, распределив их по десятилетиям.

6.1. Памятники 1640-х – 1650-х гг.

За исключением рассмотренного в предыдущем раздела поддельного письма турецкого султана Russian 1637 (в системе Д. К. Уо), наиболее ранним из текстов, вышедших из приказного архива в качестве курьезного чтения, оказалось известие о пророке. Анализируемые события относятся к 1642–1643 гг. Исследуемый текст не успел после выхода из приказных стен попасть в рукописный сборник, однако сохранили его именно как «диковину», поэтому с точки зрения своего культурного значения он близок к рукописным сборникам. Исходником для перевода стал летучий листок или, скорее, газета, которую привез во Псков голландский купец В. фан дер Блок, а

также записанные с его слов «расспросные речи»[1147]. Вероятнее всего, там сочинение и перевели. Под заголовком «Из города из Наполи пишет» рассказывалось о том, что в Калабрии появился пророк, назвавшийся сыном Моисея, и к нему стеклось множество вооруженных людей, от чего произошла «великая страсть». Фан дер Блок же пояснял, что этот пророк будто бы сошел с небес для того, чтобы быть миротворцем, и к нему стали стекаться простые люди, которым он обещал защиту и отмену налогов.

Кроме того, в документе рассказывалось о знамении: «Дума розная есть как римской цысар в празник с бояры и з думными со многими людми и над ним носят покров над головою четыре человека и тогды как он ходил над ним вверху показывался орел и как цысар пришол на свои двор и тот покров с него сняли и тот орел сверху упал на землю мертв всяких чинов многие люди видели и они в сумненье, что от того проявленья будет»[1148].

В Москве данный текст попал в Разрядный приказ в составе отписки из Пскова. С документом стали работать дальше, а черновик выбросили. Его подобрал подьячий Федор Семенов и отдал для изготовления зарядов (расфасовки пороха) стрельцу полка Василия Жукова Федору Казанцу. Однако рукописи не дано было пропасть. Казанец «прочетчи то писмо подивился» и оставил его у себя дома. История любознательного стрельца дошла до нашего времени потому, что он случайно, по оговору, попал под следствие. Расследовалось дело некоего Афоньки Науменка, обвиненного в попытке испортить царицу. Дома у Казанца был проведен обыск. Цель следователей состояла в том, чтобы найти что-нибудь пригодное для наведения порчи. Соответ-

---

[1147] Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18. Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г. – 20 мая 1643 г. С. 270–273. Первая публикация: *Зерцалов А. Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895; Подлинное дело см.: РГАДА. Ф. 210. Приказн. стол. Стб. 139. Л. 1–9.

[1148] Московская деловая и бытовая письменность XVII века... С. 271.

ственно, их взгляд останавливали травы (как оказалось, средства от поноса, ран, приправы), а также все необычное. Некоторые из предметов показались проводившим обыск очень подозрительными – «кости и раковины, а иное, сказывают, громовая стрелка да чортов палец». «Громовые стрелы» – кремневые наконечники стрел эпохи неолита и ранней бронзы, а также «чертовы пальцы» – ископаемые раковины характерной вытянутой формы, деревенские знахари использовали в магических целях вплоть до начала XX в. Григорию и его жене Катерине пришлось оправдываться перед следствием.

Оказалось, что Казанца и его супругу Екатерину подвело обычное любопытство: «Обломок камени, Катеринка сказала, дуб лежал в воде и окаменел, а она держала у себя для диковины». Про другие предметы Григорий объяснял, что «он же привез ис Поморя траву, имя еи Богородицына, да раковины морские для показаня», а кость необычной формы он сохранил «для глумовства»[1149]. «Естественноисторическая» коллекция московского стрельца и его супруги выдает в них «людей Нового времени» –интересующихся всем необычным, выходящим за рамки повседневного быта, склонных к собиранию редкостей, которые не приносили никакой практической пользы. Вестовое письмо с известием о пророке из Разрядного приказа стало для них очередной диковиной.

Сразу два «чудесных» сообщения обнаружил А. Г. Бобров в составе рукописи конца 1640-х гг., принадлежавшей стрельцу Демидке Воинову – одному из руководителей восстания в Пскове (1650 г.)[1150]. Первый текст – «О чуде в Линберской (Люнебургской. – *С.Ш.*) земле». Это описание лунного затмения – «чюдо, как месяц портился». Однако собственно астрономическому явлению в нем отведено всего несколько строк. Остальное – это фан-

---

[1149] Там же. С. 273.

[1150] *Бобров А. Г.* Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 51. СПб., 1999. С. 463–476.

тазии, возникшие в сознании наблюдавших за явлением людей. Поскольку сообщение имеет очень небольшой размер, то приведем его полностью: «[Л]ета …, июля в 9 день, в ночи промеж суботы и воскресения, видели в Линберской земли чюдо, как месяц портился. Небо было сине, а месяц был полн и светел, и со входу с правые стороны показался в месяце человек бел, нос долог, шея тонка, борода востра, а в правой руки меч держит перед лицом своим, а на главе у него два роги. А после того в том же месяце появился человек и стал против того. И у того человека рука в бок, и, постояв немного, отшол проч. А тот человек оборотился львом, а в правой ноге держит перед собою меч. И около ево позалать, много львов и львовых голов, а с левые стороны показался человек в золоте, а голова лютого зверя льва. А тот человек обратился собакою черною, и около в месяце показалися многие головы человеческие. И после того стала марева черная, и ис той маревы пошли огненные лучи. А стояло то знамя час великой, а после Господь обратил на истинный путь по-прежнему».

Перед нами яркие фантастические образы, которые дают читателю широкий простор как для толкования в контексте текущей политической обстановки в регионе, так и для эмоционального переживания чуда. Любопытно, что при поиске в Google по случайным фрагментам данного текста поисковик выдает ссылки на народные заговоры, а также поэзию А. А. Ахматовой, В. В. Набокова и другие литературные произведения[1151]. Если же обратиться к рукописи Демидки Воинова, то становится очевидным, что хотя собранные в ней тексты можно разделить на душеполезное чтение, исторические, географические сочинения и иные, ее автора все же явно привлекали сочинения с беллетристической составляющей. К примеру, заинтересовавшее книжника слово «о Стефане корчмарце, како царя Фоку погуби и братию его на едину нощь» рассказывает о вполне реальном историческом событии – убийстве

[1151] К примеру, строка «Небо было сине, а месяц был полн и светел, и со входу с правые стороны показался в месяце человек бел».

византийского императора Никифора Фоки (963–969 гг.), но включает большое число фольклорных элементов. Это памятник в большей мере литературный, чем исторический. Тем более это касается «Повести о царице Динаре», где от исторического образа грузинской царицы Тамары остались, в основном, легенды. Находим в сборнике и традиционный летописный памятник Софийскую первую летопись (до 1381 г.). Продолжает же ее «Сказание о Мамаевом побоище», которое, хотя и входит в число важнейших источников наших знаний о Куликовской битве, но все же является литературным памятником.

Второе описание знамения из рукописи Демидки Воинова еще более краткое: «В сонце было великое знамение, и переменялось и красным, и чернымъ, и после того и от сонца пали кровавые ядра в 15 гривенок, а ино десять. А что будеть, то Бог весть». Знамение сопровождало известие о военных действиях турецкого флота. В рукописи сообщается, что изначально это было немецкое вестовое письмо, которое ходило «у датцких немец свеискими… меж собою». Новость попала в Ригу, а потом к Печерскому монастырю (пограничный пункт), откуда голландский купец А. фан дер Блок переслал его в Псков своему приказчику Е. фан Стадену. Тот, в свою очередь, отдал вестовой документ переводчику Посольского приказа М. Вересу. Последний перевел известие на русский язык и передал псковскому воеводе А. Ф. Лыкову и дьяку Г. Углеву. Как из воеводской канцелярии список документа попал в руки псковского стрельца, неизвестно. В рукописи, кроме перечисленных материалов, есть еще один текст, который изначально был приказным документом – «Роспись Китайскому государству» 1618 г.

Вероятнее всего, к 1650-м гг. относится памятник с заглавием «О знамениях бывших в Цареграде». В тексте сообщается, что данное известие прислал царю Алексею Михайловичу царь греческой веры из некоей небольшой земли Аская, которая лежит между Царьградом и Персией. Из него в Москве узнали, что 6 ноября 1652 г. над Царьградом прошел град. Каждая из градин

имела вес по четыре фунта. Он убивал людей и разбивал небольшие палаты. После этого прилетел страшный огненный змей, который сел на султанские палаты и стал дышать в них огнем так, что плавилась золотая, серебряная и медная посуда. По истечении трех дней змей пустил огонь в главную палату, от чего та горела три дня и три ночи, а сам султан ушел в другой город. Далее шли сообщения, что в Тевризе (скорее всего, имеется в виду иранский Тебриз, где имелась христианская община) в воздухе видели образ Спасителя с крестом, а направлявшихся на Русь из Царьграда полоняников заклевали вороны.

Выявивший данный текст А. И. Соболевский считал его записью устного рассказа[1152]. Однако Д. К. Уо обнаружил, что он близок немецкой брошюре середины XVI в. Американский исследователь выявил еще два списка данного сочинения. Один из них завершал рукопись с Холмогорской летописью[1153]. Еще один список обнаруживаем в рукописи ГИМ, Собр. И. Е. Забелина, № 261, которую С. Н. Азбелев называет архетипным для Забелинского новгородского свода[1154], а М. Н. Тихомиров – Новгородским хронографом XVII в.[1155] Трудно сказать, попало ли в Россию в годы правления Алексея Михайловича издание XVI в., или его более позднее переиздание. В любом случае на русской почве памятник редактировался.

Как видим, общее число интересующих нас памятников очень невелико и все они лежат в рамках средневековой культурной традиции.

6.2. Памятники 1660-х – 1670-х гг.

[1152] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси… С. 387–388.

[1153] *Уо Д. К.* Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. Сборник статей в честь Д.С. Лихачева. М., 1985. С. 201–208.

[1154] *Азбелев С. Н.* Летописные памятники Новгорода XVII–XVIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 282–297.

[1155] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 293.

Более-менее регулярно тексты о пророках и пророчествах стали попадать в русскую книжность с 1660-х гг. В середине десятилетия в рукописи начало проникать апокалиптическое «Сказание о двух старцах», которое рассмотрено в отдельном разделе. В нем рассказывалось о появлении пророков и их пророчествах. «Сказание…» вызвало большой интерес не только среди старообрядцев (старообрядчество стало той социальной средой, в которой сочинение оказалось особенно востребовано), но и в других слоях общества. Текст встречался как в рукописях, так и в курантах.

Следует отметить, что упоминания пророков и пророчеств попадали в куранты неоднократно. О таких сообщениях уже упоминалось в предыдущих разделах, а также в специальных публикациях[1156]. Здесь мы остановимся на единственном случае, когда российские власти следили по переводам иностранной прессы за судьбой одного из пророков. Речь идет о появившемся в 1665 г. в Газе (в то время территория Османской империи) и объявившим себя Мессией еврейском пророке Саббатае Цви. Его признали истинным пророком многие еврейские общины (в том числе по соседству с Россией – в Польше). Пик активности сторонников пророка пришелся на 1666 г. Однако после того, как осенью этого года лжемессия под давлением турецких властей принял ислам, саббатаистское движение пошло на спад. Сотрудники Посольского приказа перевели все оказавшиеся доступными для них брошюры и газетные статьи на данную тему. Интерес московского правительства к Саббатаю Цви связан как с общим вниманием к политической жизни Османской империи, так и с собственными эсхатологическими ожиданиями. Найти известия о лжепророке в русских рукописных сборниках не удалось, однако царь Алексей Михайлович оказал финансовую поддержку украинскому духовному писателю Иоанникию Галятовскому, составившему по следам событий труд «Мессия правдивый», обличавший лжепророка. Деньги требовались

[1156] *Шамин С. М.* Новости о религиозной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII века // Вестник церковной истории. 2009. № 3/4. С. 227–265.

для издания книги на польском и латинском языках. По крайней мере, польское издание вышло в свет[1157]. Таким образом, знакомство царя с европейской прессой получило литературное продолжение.

В 1660-х гг. на русский язык впервые перевели сочинение об Агасфере – иерусалимском сапожнике, который не дал отдохнуть Христу у своего двора по дороге к месту казни. Внутренняя дата памятника – 1663 г. По Иисусову слову, Агасфер двинулся за ним к месту казни, а после нее, обретя бессмертие, как Илия и Енох, продолжил свой путь по Миру, став живым свидетелем описанных в Евангелии событий. Сочинение, рассматривающее в романтическом ключе тему преступления, наказания и раскаяния, имело огромную популярность в Европе раннего Нового времени. В Россию оно, скорее всего, попало через одну из голландских газет.

Автор рассказывает, как в одной из церквей Гданьска священник обратил внимание на необычного прихожанина, истово молившегося Богу. Этот прихожанин бывал там и ранее. Он в любое время года ходил босиком. Пастор стал расспрашивать пришедшего. Тут-то и открылась правда. Оказалось, что Агасфер ненавидел Христа, поверив фарисеям, и всячески участвовал в его преследовании. Он даже вывел из дома своего ребенка, чтобы продемонстрировать ему унижение Христа. Только совершенное Христом чудо открыло Агасферу глаза и обрекло его на бесконечное покаяние и странничество.

[1157] *Waugh D. C.* Seventeenth–Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March, 1972. P. 44–61; *Waugh D.* News of the False Messiah: Reports on Shabbetai Zevi in Ukraine and Muscovy // Jewish Social Studies. 1979. Vol. 41. №. 3–4. P. 301–322.; В-К VI (Ч. 2) С. 110–117; *Maier I., Pilger W.* Polnische Fabelzeitung über Sabbatai Zwi übersetzt für den russischen Zaren (1666) // Zeitschrift für slavische Philologie 2003. Bd. 62. Heft 1. S. 1–39; *Maier I., Schumacher W.* Ein Medien-Hypeim 17. Jahrhundert? Fünf illustrierte Drucke aus dem Jahre 1666 über die angebliche Hinrichtung von Sabbatai Zwi // Quaerendo. 2009. Vol. 39. P. 133–167; *Maier I., Waugh D.* «The Blowing of the Messiah's Trumpet»: Reports about Sabbatai Sevi and Jewish Unrest in 1665–1667 // The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe / Ed. by B. Dooley. Farnham, Surrey; Burlington, VT., 2010. P. 137–152.

Заканчивалось данное сочинение отсылкой к возможности появления новых неожиданных откровений, которые не удивительно услышать «в нынешних последних знатно и перед пришествием Христовым в скорых временах»[1158].

Возможно, что в 1660-х гг. было переведено также «Пророчество из Кракова о гибели Польши» (внутренние даты 1558–1665). Впрочем, не исключено, что в рукописную книжность сочинение попало в последующие десятилетия. Памятник ввел в научный оборот еще А. И. Соболевский[1159]. Он обнаружил текст в уже упоминавшейся рукописи из собрания Археологического общества № 43 с материалами курантов[1160]. Сочинение имеет относительно большой объем (почти 7000 знаков). Текст озаглавлен «Перевод с неметцкова печатнова листа объявление». Это позволяет сделать вывод, что оригиналом для него послужил европейский «летучий листок» или брошюра[1161]. Поскольку текст не только посвящен Польше, но и, судя по содержанию, написан поляком (к примеру, Краков автор назвал «любезная моя вотчина»), можно предположить, что польский оригинал (возможно, рукописный) попал в какой-то из пограничных с Польшей немецких городов, где его перевели на немецкий язык и опубликовали.

Сочинение имеет два хронологических слоя. Его основу составляет

[1158] *Адрианова-Перетц В. П.* К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе // ИОРЯС. 1915. Т. 20. Кн. 3. С. 217–232; *Maier I., Beyer J., Šamin S.* Die Legende vom Ewigen Juden in einer russischen Übersetzung des Jahres 1663 // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2013. № 54. P. 49–73. О проникновении агасферовского сюжета в русскую литературу см.: *Małek E.* Legenda o Ahaswerze w twórczej interpretacji rosyjskich romantyków // Roczniki Humanistyczne. 1991–1992. T. XXXIX−XL. № 7. P. 57−72; *Киселева Л. Н.* Байроновский контекст замысла Жуковского об Агасфере // Новое литературное обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография. 2000. № 42(2). С. 245–254.

[1159] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси ... С. 245–246.

[1160] ОР РНБ. Ф. 659. Оп. 1. № 43. Л. 32–35 об.

[1161] Предположение, что под «немецким» языком создатель русской версии сочинения имел в виду польский язык, представляется совершенно невероятным, поскольку противоречит практике работы сотрудников Посольского приказа.

пророчество, сведения об источнике которого сообщаются в пространном заголовке: «Читателие, признавайте сие, которое учинено от некоторого благоговейнаго человека при последнем конце его в Кракове лета 1558-го. А потом сие пророчество нашлося у некоторого священника меж письмами лета 1595-го году». К этому пророчеству добавлены толкования и заключение редактора, жившего почти 100 лет спустя. Точная дата заключения не отмечена. Есть лишь указание, что пророчество начнет исполняться в близком будущем – 1665 г.: «А хотя видитца бутто большое время в сем объявлении, и закрыто что то время, в котором помянутые печали делатися, имут разуметь не*ль*зя. Однако ж, как он глаголет, когда время или сто лет, в них же мы живем, совершится[1162], и то время исполнится в 1665-м году. И уже приходит, понеже поляки что дале, то пуще ко грехом и беззакониям склонны. И не смыслят Богу покаритись. И для того Бог поспешает язвами. И потому возбудитеся, о поляки, покайтеся. А ты Господи Иисусе Христе прииди вскоре милостиво». Таким образом, перед нами произведение первой половины 1660-х гг. Вероятнее всего, текст появился в 1664 г., уже после того, как стало очевидно, что в борьбе за Украину ни Россия, ни Польша не могут одержать верх, а татары, пользуясь войной, разоряют владения обоих противников. Дело в том, что в пророчестве восточный сосед Речи Посполитой не представлялся опасным соперником. По словам пророка, последний польский властитель должен был «с Москвою такой покой учинит, какова в предках его не имели».

Содержание пророчества во многом сходно с другими текстами этого жанра. Время, когда пророчество начнет исполняться, обозначено очень примерно: «когда время исполнится и еще пять лет прибавится». Автор предрекает, что поляков за их грехи постигнут различные кары, перечень которых обычен для Средневековья и раннего Нового времени. Первым описан голод: «тогда не все, иже посеено будет, возрастет, но проподет со всем. И плоды земныя не созреют, и от того меже ни голод учинится, которого ни ко-

[1162] В рукописи – совержится.

ли так страшного не слыхано было. Скоти, и птиц, и рыб, и всякого иж человеку на брашно бывает, мало обрящется. Так что люди в великом страсе будут и голодом помрут». Голод усугубит некий жестокий правитель, при котором страну постигнут бедствия: «В то время чадо некое от полунощи владети начнет, а владени его тижело и полно печали будет. При нем же обрящется поветрие и голод и воина распространится… Злая ж дума ему от тех, иже в великой власти своей пребыли. В том искати учнут с обидою достоиных и с утеснением невинных».

Обращает на себя внимание яркая антитурецкая направленность данного сочинения. Автор пророчества предсказывает, что гибель Польши произойдет из-за «прелестного мира» с турками, который откроет дорогу к фактическому порабощению Польши Османской империей: «Дана будет потом же вскоре земля Полская от турченина взята будет, однако ж не войною, сии речь не воинскою силою, но через нечаемый покой, исподоволь. Желнером, ратным людем и жестым союзом назовутся, подати поступятся». Насилия над поляками будут жестокими и неотвратимыми: «И тогда ни кому, ни духовному, ни мирскому чину пощады не будет… Честнейши но и помазанники через блистающую саблю туретцкую имут ж упасти. И сие турченин сотворит дабы вы, поляки, ево почитали правду. Говорю, и что при конце жития своего сказываю, и Божиим объявлением слышал и видел есм. Дай Бог, чтоб муки адовы на мя пришли, будет не зделеетца».

Общие идеи пророчества в более яркой форме повторяет его толкование. В описание голода добавлены многие детали. К примеру, говорится о людоедстве среди поляков: «И сия вся предвидут, так что поляки начнут ясти человеческия телеса, слышны будут великия бои, голод и поветрия. Вся скотина голодом помрет. Посеянныя семена не взыдут, и от великой сухоты ни чего не возрастет».

Имелись и дополнительные подробности о юном правителе, которому предстоит разорить Польшу. Он будет прельщен некими «богомерскими вы-

мыслы» и, послушав нечестивых советников, «попечалит вдов, и сирот, и смиренных» и возненавидит правду. Мысль об утрате правды и справедливости, торжестве обмана повторена несколько раз. За все эти грехи Господь покарает поляков турецким нашествием: «Заплачет Польща во смирении, грех ради своих. И приидет на них жезл Божии – турчин. Его ж мучительством Бог на вас, о поляки, помъститца». Турки лишат порабощенных не только прав и вольностей («Вы великие паны, иже ныне все по своей воле творите, в безчестии и в позоре будете и от старого железа турскаго упадете многия ж в неволю и в вечную работу погнаны будете. Печальное королевство ваше мором и гладом пропадет, жены ваши при ваших очех бесчещены, а сыны ваши и дщери ваши побраны будут»), но и христианской веры: «обосурманитца вся Полша и турскую богомерскую веру с плачем приимут и с неизреченным утеснением и бедою дни своя скончит».

В конце сочинения пророк указывал на светящий христианам луч надежды – безграничную милость Господа, однако выражал сомнения в том, что соотечественники этой возможностью воспользуются.

Известия о землетрясениях, фиксирующиеся в книжных переводах рассматриваемого периода, также следует рассматривать в числе знаков, которые Господь посылает людям[1163]. Известие о Сицилийском землетрясении и последовавшим за землетрясением извержением вулкана Этна датируется 8 марта 1669 г. Текст, озаглавленный «В Сицилиском острове гора Етна како огнем згорела 177 месяца марта в 8 день», существенно отличается от более ранних сообщений своей подробностью. Указан и его автор – «епископ града

[1163] Шамин С. М. «Чудо» сопротивляется научному знанию: переводные известия о «небесных знамениях» в русских рукописных сборниках XVI – первой половины XVIII вв. // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени к 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова. Институт Российской истории РАН. Москва, 2018. С. 32–42; Шамин С. М. «И в ту же нощь было трясение великое от Божия разгневания»: переводы европейских известий о землетрясениях и извержениях вулканов в русской духовной культуре XV–XVIII вв. // Вестник церковной истории. 2016 № 1/2 (41/42). С. 139–158.

Катана, которои близ тои горы». Рассказ епископа Катании обладает несомненными художественными достоинствами, что, впрочем, не удивительно, поскольку город являлся крупным культурным центром, в нем был свой университет.

Известие начинается с общего описания: «Гора Етна, или Гибелол, есть гора везде славна ради спущающаго из себе падающаго пламени и скидающаго множества пепела и камнеи. Прочия же часть и верхи тоя горы и среди лета всегда покрыты снегом». Далее повествуется о том, как утром 8 марта солнце взошло бледным и под его лучами на земле все стало бледным. Люди ужаснулись, и не зря. Ночью под городом и его окрестностями началось трясение земли, а гора задвигалась. Люди побежали из городов и сел в поля, наблюдая оттуда разрушения. Однако беды на этом не закончились – земля начала расседаться, а из нее стал выходить огонь. Люди от толчков не могли стоять на ногах и при попытках бежать падали. Из горы с пушечным грохотом стали вылетать камни. Пепел и искры затмили небо, а из горы потекла, пожирая землю, огненная река. Эта река разделилась на два потока, один из которых направился к монастырю, а другой к городкам. 13 марта гибельный огонь начал с двух сторон приближаться к Катании. Увидев это, жители стали молиться Господу и вынесли к городским стенам мощи св. Агафии. В наказание за грехи на жителей обрушился не только огонь, но и другие стихии – воздух помрачился смрадным дымом, закрывшим лик солнца, не желающего смотреть на людские страдания. Налетел ветер с дождем. Он лишь разжигал огонь, от которого загорелось море. Сильные волны начали сотрясать землю. Люди пришли в ужас, видя свою кончину. Постепенно огонь начал убывать и погас. Трясение земли продолжалось до 16 апреля. Были уничтожены плодородные земли, виноградники. На месте долин возникли горы, а горы обратились в долины. Огонь пожрал не только землю, но и море. Своих жилищ лишились 20 тысяч семей.

Присутствующий в тексте мотив наказания за грехи и чудесного спасе-

ния, благодаря чудотворной силе святых мощей, без сомнения, был близок русским книжникам. К сожалению, пока точно не удалось определить время появления русского перевода этого сообщения. Оно известно лишь в одном списке рубежа XVII–XVIII вв.[1164].

Другая категория памятников, представленная в книжности рассматриваемого периода – сообщения о небесных знамениях. Описание знамения в небе над Венгрией относится к 1672 г. Этот текст неоднократно привлекал внимание исследователей. Еще в 1900 г. Соболевский опубликовал статью «Неизданное произведения Варлаама Ясинского», где текст знамения приводится по Хронографу XVII в. из Румянцевского собрания № 413[1165]. Двумя годами позднее И. Я. Гурлянд опубликовал список этого сочинения из приказа Тайных дел. Стало понятно, что текст попал в литературные сборники через приказной архив. Особую ценность находке Гурлянда придавало то, что к сочинению был приложен рисунок с изображением знамения[1166]. Вышедший годом позднее справочник Соболевского увеличил число списков до четырех[1167]. После этого памятник выпал из поля зрения исследователей на восемьдесят с лишним лет, пока к нему не обратился Д. К. Уо. Американский ученый обнаружил пять неизвестных Соболевскому списков и разредил тексты на пять редакций[1168]. Позднее к памятнику обращался автор исследования в совместной статье с Ю. Д. Рыковым. Было установлено, что сочинение

[1164] ОР РНБ. F. XVII. 21. Л. 875–876 об.

[1165] ОР РГБ. Ф. 256 № 413; *Соболевский А. И.* Неизданное произведение Варлаама Ясинского // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 14. Вып. 1. Отд. 3. Киев, 1900. С. 26–28.

[1166] *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 380–382.

[1167] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси… С. 247–248.

[1168] *Уо Д. К.* Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. Сборник статей в честь Д. С. Лихачева. М., 1985. С. 206–208.

проникало в Россию не единожды[1169].

Наибольшее число списков (семь) дал текст, присланный в Москву Варлаамом Ясинским. Оригиналом для него стал некий «толк», который Ясинский видел у «немцов» и читал. Ясинский не настаивал на точности воспроизведения исходника: «чего памятаю, то описую». В конце сочинения он еще раз это подчеркивает: «Так чел и слышел есмь, что есть благое, но мне болши не памятую»[1170]. Сам текст Ясинского до сих пор не обнаружен. Механизм его взаимоотношения с русскими списками пока ясен не до конца. Дело в том, что в восходящих к нему рукописях мы встречаем два варианта названия упомянутого в тексте города Кошице (в XVII в. он был центром Верхней Венгрии) – «Каша», ориентированное на немецкое «Kaschau», и «Коссовия», отражающее латинский вариант наименования «Cassovia». Возможно, ученый киевлянин отправил в Москву рукопись на двух языках – латыни и каком-то ином. В изданиях данного периода подобная практика встречается. Сохранившиеся в рукописях списки могли восходить к разным вариантам текста оригинала. Сам текст сочинения является пояснением к рисунку. Три солнца объясняются как три христианских монарха – московский царь, цесарь и польский король. Объединяющая их радуга обозначала союз между тремя державами. Четвертое солнце со знаком полумесяца – символ султана, начавшего войну против двух христианских государей. Шесть изображений месяца означали срок военных действий – шесть месяцев или шесть лет. «Гранат на три страны огнь из себе испущающии, значит оборону от трех монархов христианских». Пушка со множеством крестов – «оборона» против султана «от его царского величества». Изображение ока – это «осмот-

---

[1169] *Рыков Ю. Д., Шамин С. М.* Новые данные о бытовании переводного известия о небесном знамении 1672 г. в Венгерской земле в русской рукописной традиции XVII в. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. Сборник статей в честь Сергея Николаевича Кистерева. М., 2008. С. 263–308.

[1170] *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 381–382.

рение Божие». Аналогичным образом толковались и другие символы. Заканчивается толкование тем, что «пушка обороны царской пробило саблю турскую»[1171]. Почвой для появления данного знамения стала, по всей видимости, увиденная в небе комета или метеорит. Астрономический объект трансформировался на рисунке в летящую по небу и испускающую огонь гранату. Однако в «толках» эта астрономическая основа «знамения» не отразилась.

Очевидно, что перед нами агитационный текст, направленный против Османской империи. В нем пропагандируется идея союза Священной Римской империи германской нации с Польшей и Россией. Представляется сомнительным, что идея первенствующей роли Москвы в борьбе с турками имелась в немецких «толках». Вероятнее всего, «московская» часть усилена Варлаамом Ясинским. Сама тема антитурецкого союза в 1672 г. стала остроактуальной в связи с началом турками боевых действий против Речи Посполитой. Удар был направлен на украинские земли. Положение осложнялось тем, что гетман П. Дорошенко признал себя вассалом турецкого султана. Россия вступила в войну, чтобы поддержать Польшу, а после выхода из войны Речи Посполитой осталась один на один с турками. Со стороны Священной Римской империи военной помощи оказано не было[1172], однако в первые годы войны, когда данный текст начал распространяться в России, надежда на помощь цесаря сохранялась.

Второй вариант рассказа о небесном знамении, так же, как и рассмотренный выше, отложился изначально в Тайном приказе, но позднее был передан вместе с сопровождавшей его иллюстрацией и другими вестовыми до-

---

[1171] *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя... С. 380–382.

[1172] *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 111–140; *Богданов А. П.* Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 26–46; *Богданов А. П.* Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. М. 2005. С. 174–192.

кументами в архив Посольского приказа. В русском переводе он получил заглавие «Сия звезда, или комета над Каша, столным венгерским городом, днем и ночью видима бысть прошлого 1672-го году по новому, а по старому 181-го году в последних месяцах»[1173]. Любопытно, что на рисунок само небесное тело не попало, зато мы видим на нем кресты, корону, саблю, полумесяц.

Сопровождающий рисунок «Толк на вышеписанную комиту», как и текст Ясинского, является антитурецкой агитацией, однако по своему характеру памятники заметно различаются. Во втором случае перед нами ученое астрологическое сочинение. Начинается оно с отсылки к Аристотелю: «Аристотель пишет о кометах, сии речь звезда власатая, яко 9 вид их суть, иже часто на небе являются, всегда ж в тои стране пременение и беда, идеж является. Между ж теми 9 видов есть и нынешнеи, иж от Аристотеля имянуется Ксифиясъ, сиречь мечный, зане яко меч являся». Далее автор указывает, что данная комета – Божье знамение, которое касается турок, поскольку видимая на небе луна – их знамя. Помещенный под месяцем герб с короной рассматривается как Венгрия. Меч – символ грозящей не только Венгрии, но и Польше войны, поскольку эти страны под одним знаком зодиака. Однако символы несли оптимистическое для противников турок предсказание – если даст Бог, то турецкая сила будет разбита о христианскую твердость. Ниже к переводу была приписана фраза, в которой упомянутая выше «твердость» обозначена как «наша», «православная», «росииская»: «яко дабы на нашу твердость православную росиискую розбиется и делается, зане и твердость из крестов на северную страну обявлено есть». Очевидно, что изначальное толкование отсылок к России не содержало и это не могло устраивать русского читателя (царя Алексея Михайловича и его бояр). Добавку, скорее всего, сделали переводчики. Характерно, что текст переведен на не свойственный для

[1173] *Рыков Ю. Д., Шамин С. М.* Новые данные… С. 263–308.

документов Посольского приказа церковнославянский язык.

Как именно данный текст попал в Москву – не известно. Возможно, что тоже через Украину. Д. К. Уо упомянул в своей статье, что в 1673 г. Ю. П. Трубецкой получил подобный «лист» при встрече с гетманом Самойловичем: «... и гетман сказывал нам холопем твоим, что в Венгерской земле на небе было знамение; а как то знамение было, подал нам холопем твоим писано на листу, а на тот лист толковое писмо, на листе же; да о вестях три листа; а к нему де гетману о знамении и толковой лист таков же прислал киевский полковник… А листы, которые подал нам холопем твоим гетман, послали к тебе, великому государю, с сею отпискою». Документы были отправлены в Малороссийский приказ 12 февраля 1673 г.[1174] К посланию Варлаама Ясинского это сообщение отнести нельзя, поскольку авторство столь значимого лица Трубецкой вряд ли обошел бы вниманием. Со вторым же сообщением безымянное описание весьма сходно.

В рукописной традиции представлен еще один вариант описания знамения 1672 г. в небе над Венгрией. Уо выделил его в отдельную редакцию (Д). В настоящее время он известен по трем спискам. Его автор описал имеющиеся на рисунке из приказа Тайных дел символы, не давая им толкований: «Под теми ж дугами копие с прапором, в прапоре шесть полумесяцов: три на воздух рогами, а три к земли рогами, гранат, Всевидящее Око, пушка, под пушкою 21 крест четвероконичный же, а по другою сторону сабля, а у ней крестъ. И с пушки и з граната стреляло по сабле и пробило на сабле три диры». Заканчивается описание географическим комментарием, объясняющим читателю, где находится Венгрия: «А стоит та земля меж Турскою землею, и

[1174] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. 1879. Т. 11. Стб. 129–130; *Уо Д. К.* Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия... С. 207.

Волохами, и Польшею»[1175]. Последний комментарий показывает, что текст предназначался не для сотрудников Посольского приказа, царя или бояр, а для менее искушенного в политике читателя, интересующегося знамениями. Полностью исчезла и антитурецкая направленность, характерная для двух описанных выше вариантов знамения. Складывается впечатление, что составитель текста имел перед собой лишь рисунок и добросовестно описал то, что на нем изображено. Таким образом, перед нами не перевод иностранного текста, а русское описание иностранного рисунка. Было ли это изображение связано с рисунком из Тайного приказа, или же с другой копией, попавшей в Россию независимо – неизвестно. В отличие от первых двух текстов, переписчики этого известия интересовались не отношениями с Османской империей, а чудом.

Переводы известий светского характера появляются не ранее конца 1660-х гг. Раньше всего привлекли к себе внимание описания празднеств и церемоний. Все они касаются Речи Посполитой. Наиболее раннее из сочинений – рассказ о короновании польского короля Михаила Корибута Вишневецкого (1669 г.). Обширный текст, объемом более 8 тысяч знаков в современном наборе, включен в куранты от 28 октября 1669 г.[1176] Его печатный немецкий оригинал выявила И. Майер[1177]. Текст почти без изменений скопировали в рукопись из собрания Русского археологического общества. Автор очень подробно описал всех участников торжественного шествия 27 сентября, их платье и вооружение, церемонию в соборе 28 сентября, а также порядок шествия короля в краковскую ратушу 30 сентября.

Следом в этом сборнике Русского археологического общества идет еще одно, примерно в два раза меньшее по объему, описание коронации с загла-

---

[1175] *Рыков Ю. Д., Шамин С. М.* Новые данные… С. 263–308.

[1176] ВК VI. Т. 1. С. 396–399.

[1177] В-К VI (Ч. 2). С. 126–131, 391–397; РНБ. Собр. русского археологического общества. № 43. Л. 1–7 об.

вием «Перевод с немецкаго писма октября 1-г числа. Переведено в нынешнем во РОИ-м году октября в 24 день»[1178]. Очевидно, что в данном случае источником стал переведенный в Посольском приказе рукописный немецкий текст. В него включена только церемония венчания, в целом повторявшая предшествующее описание. Обращает на себя внимание тот факт, что оба сообщения изначально написаны не на польском, а на немецком языке. Кроме того, один из текстов скопирован с курантов. Это заставляет предполагать, что составлявший данную подборку человек имел доступ к почтовым материалам.

В качестве одного из возможных ключей к истории попадания текстов в сборник Русского археологического общества следует рассматривать описание материалов приказа Тайных дел, рассылавшихся по другим приказам осенью 1678 г. Среди прочих документов тогда разбирался мешок с дипломатическими материалами дьяка ликвидированного приказа Тайных дел Д. М. Башмакова. Основную массу в нем составляли дела, связанные с Польшей, а также куранты. В этом мешке находился «столпик, а в нем писано Польского короля Михаила о коронованье». Кроме того, здесь хранились «тетрать, а в ней список з грамоты Турского царя к Римскому цесарю» и «Перевод с листа, каков писал Турской салтан к Полскому королю». Таким образом, в одном комплексе встречаются сразу три текста, которые могли стать оригиналами для списков из сборника Русского археологического общества[1179]. Справедливости ради следует отметить, что в этом же мешке находились типологически близкие тексты, которые в данный сборник не вошли. Это «тетрати, в полдест, а в них писаны вопросы и ответы Правдовского о Полском короле, для чево не поляк», «перевод с латинского письма, с речи, какову говорил цесарю Римскому Полской посол о супружестве» и

[1178] РНБ. Собр. русского археологического общества. № 43. Л. 7 об.–10.

[1179] РИБ. Т. 21. Кн.1. СПб., 1907. С. 854–857.

другие[1180]. Таким образом, опись дел Тайного приказа показывает, что какое-то из описаний коронации правителя Речи Посполитой заинтересовало лично царя Алексея Михайловича. Список «Описания коронации польского короля Михаила» имелся также у его сына царевича Алексея Алексеевича[1181].

Следующий комплекс переводов, отразившийся в рукописной книжности, связан с торжественными мероприятиями января 1676 г., когда одновременно проходили коронация ставшего польским королем в 1674 г. Яна III Собеского, а также похороны останков предшествующих правителей Речи Посполитой – Яна Казимира и Михаила Вишневецкого. В сборнике из Синодального собрания ГИМ присутствует комплекс из трех сочинений. Первое из них – «Сказание о славном выезде Яна третияго короля по(л)ского в город Краковь генваря вь 20 де и о погребении обоих полских королеи Яна Казимера и Михаила Вешневецкаго». Оно начинается с описания въезда, содержащего перечень участников шествия. Особое внимание уделено их костюмам.

Рассказ о погребении, судя по всему, входивший в тот же лист или тетрадь, что и предыдущий текст, выделен подзаголовком «О Погребении королевских величеств Яна Казимера да Михаила Вешнявецкого которое с великою славою было в Кракове генваря в 21 день». Его начальная часть также представляет собой перечень участников процессии. Только в данном случае акцент сделан не на одеянии, а на траурных символах. В заключение кратко описана траурная церемония в соборе.

Третий текст «О королевском и королевине короновании еже бысть в нынешнем во РПД-м году генваря в 23 день в Кракове», напротив, практически игнорирует торжественное шествие. Зато в нем подробно описано убранство собора, где происходила коронация, и ход церемонии[1182]. Судя по фили-

---

[1180] Там же.

[1181] *Николаев С. И.* От Кохановского до Мицкевича... С. 106–107.

[1182] ГИМ. Синодальная библиотека. № 377. Л. 224–233.

граням, тексты попали в рукопись вскоре после события[1183]. Эти же тексты с небольшими отличиями скопированы и в сборнике Русского археологического общества[1184].

6.3. Памятники 1680-х – 1690-х гг.

Тексты традиционного для более раннего времени характера появлялись и в конце столетия. 1680-е годы ознаменовался в России личным появлением одного из европейских пророков. Речь идет об известном немецком мистике Квирине Кульмане, последователе Я. Беме. Российский этап жизни Кульмана уместился в очень короткий хронологический промежуток с весны по осень 1689 г. К поездке он подготовился тщательно, взяв в Россию не только книги, но и специально изданные брошюры, в которых говорилось о скором падении Пап под ударом Москвы и ее союзников. Это был первый в истории случай публикации таких текстов специально для распространения в Московском государстве. Следует сразу отметить, что пророчества Кульмана не укладывались в господствовавшую тогда политическую линию на участие России в антиосманской коалиции европейских государств. Вскоре после приезда в Немецкую слободу на Кульмана поступил донос. С его брошюрами и книгами ознакомились лишь переводчики Посольского приказа и следователи. Под пытками пророк и покровительствовавший ему купец К. Нордерман сознались, что их конечная цель – создать общество всеобщего равенства и справедливости, в котором не будет никаких властей. Реформаторов приговорили к сожжению вместе с книгами. Свергший царевну Софью переворот

[1183] Филигрань «голова шута». См.: *Дианова Т. В.* Филиграни XVII–XVIII вв. «Голова шута». М., 1997. № 536 (идентичный), 1677, 1678 гг.

[1184] ОР РНБ. Собр. Археологического общества. № 43. Л. 27–29 об., 36 об.–41об.

не привел к отмене казни пророка[1185].

Из небесных знамений особенно заметны описания комет. Толчком к созданию сразу нескольких переводов стала комета, появившаяся в небе над Европой на рубеже 1680–1681 гг. В рукописные сборники вошли сочинения о кометах С. Невеского (Польша), Я. Розера, Э. Штрауха (Германия)[1186]. Востребованными оказались не только новые описания, но даже написанное шестью десятилетиями раннее сочинение польского проповедника С. Дамбровского. Перевод последнего сохранился в двух списках, существовала и третья рукопись, принадлежавшая сподвижнику Петра I, одному из «верховников», пытавшихся ограничить власть Анны Иоанновны, Д. М. Голицыну, известному книжнику рубежа XVII–XVIII вв.[1187] В целом, оценка кометы разными авторами была схожей, поскольку определялась уровнем развития астрономической науки того времени.

Как писал Дамбровский, «людие учении тройственно о кометах мудрствовати обыкоша: едини по математике, сиречь по звездной науке (под математикой подразумевалась астрология. – *С.Ш.*), друзии по физике, сиречь по естественной науке, третий по феологии, сиречь по богословию»[1188]. Соответственно, каждый из авторов пытался понять, что предсказывает появление кометы, так или иначе ее описывал, а кроме того, поминал о комете как о некоем знаке Божьем. Одни из этих компонентов, в зависимости от взглядов

[1185] *Цветаев Д.В.* Розыскное дело Квирина Кульмана // ЧОИДР. 1883. Июль-сентябрь. Кн. 3. М., 1883. С. 107–150; *Панченко А. М.* Квирин Кульман и «чешские братья» (1651–1689) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 19. Л., 1963. С. 330–347.

[1186] *Николаев С. И.* От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в. СПб., 2004. С. 141–149; *Белянкин Ю. С., Шамин С. М.* «Светящий яростный луч»: русский перевод сочинения доктора Якова Розера о комете 1680–1681 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4. С. 126–133.

[1187] *Николаев С. И.* Кометы в переводной литературе XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1996. С. 684–688.

[1188] *Николаев С. И.* От Кохановского до Мицкевича… С. 144.

автора, делались центральными, а другие уходили на второй план.

Рассмотрим в качестве примера сочинение «Светящий яростный луч» Я. Розера (врач Jacob Röser из Дрездена). Оно имеет небольшой размер, около трех страниц в современном наборе. В первых же строках сочинитель определял комету как знак праведного и страшного гнева Господня на человеческие беззакония, а затем призывал своих читателей к покаянию и отказу от зла, поскольку в противном случае, к терзавшему в это время Дрезден мору могут прибавиться и другие бедствия, сулящие городу судьбу Содома и Гоморры. Желанием уберечь людей от этой ужасной судьбы Розер и объяснял появление своего сочинения. Он надеялся, что найдутся те, кто, прочитав про «знаменование и деиство бывшаго яростного луча сътрашнаго», исправят свою жизнь и обратятся к Богу.

Покончив с богословским вступлением, Розер приступил к вполне научному описанию самой кометы, которая появилась в небе над Саксонией. Впрочем, наблюдатель не настаивал на этой дате, поскольку до этой даты небо две недели было мрачным. Увидев комету, Розер сразу же приступил к наблюдениям за ней, чему мешала облачность. Тем не менее, на следующий день доктор увидел комету в созвездиях Девы и Весов. Она была мрачной и бледной. Сама звезда была невелика, однако исходящий от нее длинный тонкий, похожий на шпагу луч «простирался даже до 176-го степени Водолея и до левыя ноги Лва». Этот хвост часто менялся, он то бледнел, то вновь появлялся. Розер наблюдал за кометой, пока не потерял ее из виду из-за сумрачной погоды. Из-за этого осталось непонятно, когда она скрылась с небосвода.

Закончив с описательной частью, ученый перешел к прогностике, предназначенной «для удовольствования хотящим видети, что деиство ея впередь будет и которому государству или граду наипаче знаменует». Этот раздел он начал с напоминания о том, что все в точности известно лишь Творцу, а люди даже и на земле многого не видят. Однако человек может обнародовать те свои мысли, которые не противны христианской вере. Соб-

ственное решение написать о том, что предвещает комета, Розер объясняет тем, что «от некоторых съвоих благодетелеи понужден бых». В своих размышлениях он просит видеть лишь предположения, записанные к славе Божьей.

Только после всех этих оговорок Розер приступил к тому, что читатели ожидали больше всего – предсказаниям. Исходил он из того, что «Комета сия есть сужества и своисътва Сатурнова и Марсова стояла в зодии Девы и указовала на Лва, и шествовала гордо пред Солнцем, яко страшны предтеча или вестник с мечем, которыи овогда был светел, иногда мрачен». Это означает гнев и ярость Бога на человеческий род и скоро, изострив меч, Господь посетит «злобныи мир – землю же и лукавых на неи жителию». Это выразится в недородах, землетрясениях, бурях, дождях, наводнениях, нападении некоего «разорителя христианства». К этому прибавится мор в некоторых местах. Также людей ожидают «разные между народы… несогласия, мятежи и востания на главы своя». Некий великий государь даст своей земле новые законы. Кроме того, предстоят расколы в вере. Исполнение предначертанного кометой начнется спустя пять месяцев после ее появления.

К этому Розер прибавил еще астрологические наблюдения, не связанные с кометой. Так «ради самаго прикрытия Сатурна и Юпитера, которые по 5 неделях под лучами солнычными скрываются», можно «славным мира» ожидать, что «слава его будет отъята или совершенно погашена». Соединение Сатурна, Юпитера, Венеры, Меркурия и Солнца в знаке Водолея приведет к тому, что все «от злых лучеи марсовых ко злобе воспалятся». Одно из наблюдений – «при случении Юпитера и Венеры купно тут же квадрат Венеры и Марса» – автор так и не снабдил пояснением. В завершении он предупредил читателя, что в целом знаки угрожают миру, тишине, урожаю, человеческому здоровью, согласию, предупреждают о голоде и войне на море. Напугав читателя, Розер закончил свой труд на позитивной ноте, напомнив о

милости Божьей к тем, кто отвратился от зла[1189].

Как видим, обилие предсказаний и их крайне общий характер гарантировали, что не одно, так другое предначертание сбудется. Оговорки о милости Божией к тем, кто раскаялся, и несовершенстве человека, который не может знать все, хорошо объясняли то, что не сбылось.

Со временем, актуальные известия о комете превратились в книги. 27 февраля 1694 г. несколько сохранявших актуальность старых тетрадей, хранившихся в Посольском приказе, переплели. За это получил деньги переплетчик Влас Ерофеев. Им переплетены «книжица описание древних дел посольских, писана виршами; да две книжицы описание комиты, явльшейся в 189-м году; да книжицу выписано из воеванкой (военной. – *С.Ш.*) книги цесарского языка о воинских делех»[1190]. К сожалению, непонятно, были ли в числе этих «книжиц» отмеченные выше переводы. Очевидно, что отправленный на переплет комплекс сочинений включал материалы литературного, а не делового характера.

Комета 1680–1681 гг. дала наибольшее число переводов, попавших в рукописные сборники. Однако сообщения более позднего времени книжники также переписывали. Особый интерес вызывает рассказ о кометах («Чюдесные знаки явление»), который продолжает упоминавшееся выше известие о землетрясении на Сицилии. В нем рассказывается о том, как в мае «прошлого» 1692 г. в небе над венгерским городом Печем (немецкое название Фюнфкирхен) видели две кометы, появление которых сопровождалось и другими необычными знамениями[1191]. В предназначенных для Боярской думы курантах 1692 г. содержится перевод статьи «Из Финфкирхина марта в 15 день». В ней также рассказывается о появлении двух комет и иных знамения[1192]. Вос-

---

[1189] *Белянкин Ю. С., Шамин С. М.* «Светящий яростный луч»… С. 132–133.

[1190] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Устюг). Ед. хр. 16а. Л. 350. Благодарю за цитату А. Г. Гуськова.

[1191] ГИМ. Собр. А. С. Уварова № 5. Формат 4. С. 620–621 (Л. 309–310).

[1192] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 193, 194.

произведем их параллельно.

ГИМ. Собр. А. С. Уварова № 5.	РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10.
В мае месяце в прошлого 1692 году явилися пречюдные знаки у города Финфъкирхина в Венгерской земли два явления, именуемыя комети, едина з запада, вторая с севера и ясная звезда, против горы Зунта. Звезда была непомерною величиною зело ясно. От сих трех знаков небесных явился летучей огнь с серою, которой огнь развелся по полям и пожням, а во облаках над городом видели три хоры священницы с сущими крестами, на которых распятие, которые хоры блиско вместе стояли. На всходе и на западе явилися две свещи ясно горящие, которые казалися будто огненные столпы вразне стояли друг от друга в 40 селенях. А на солнечном восходе видели на горах и у виноградных садов также и на долинах целое войско со всякими припасы, токмо вси в белом. Сие явление не токмо в городе Финкирхене видели все граждане, но и цесарские воин-	Из Финфкирхина[1193] марта в 15 день. Здесь розличные знамения небеснныя – 2 кометы. Одну на востоке, вторую на заподе, при ктороиь было несколько необыкновенных ясносияющих звезды. И было то явление трижды. Еще видели множество летучей горящей серы. Тако ж де и три крылоса священников с крестами в облаке междо востоком и западом. Видели ж 2 столпа огненных в вышину на 40 степенеи величиною 48 степеней. А стояли они с час при всходе солнечном. На холмех и в ровех объявлялись множественные войска и шли они во учреждении на запад в белой одежде и видели сие караулщики и посадные и градцкие люди многие

[1193] На полях помета «венгерскои».

ские люди, которые на залоге в Венгерской земли наипред еще жителей финфъхернских и смотрели на них болши получаса, которые на закате солнца учали отходити и пропали вскоре	

Очевидно, что оба текста являются разными переводами одной газетной публикации. Переводчик текста из уваровского сборника переводил текст более многословно, не разобравшись, однако, в системе небесных координат, превратив градусы (степени) в селения. Переводчик курантов опустил название горы и данные о времени, в течение которого знамение было видно. Поскольку иностранные газеты в Москве того времени были редкостью, то «встреча» в России двух экземпляров одного номера маловероятна. Скорее всего, оригиналом для перевода стал один и тот же экземпляр издания из Посольского приказа.

Практика помещать подобные статьи о кометах в рукописные сборники сохранилась и в XVIII в. К периоду русско-турецкой войны 1735–1739 гг. относится известие, которое изначально озаглавливалось «По нашему штилю 3-го числа, по-новому сентября от 14 ис Костентинаполя», а позднее в верхней части книжного листа появилось новое название – «О звезде». Оно рассказывало о том, как покрытое облаками небо внезапно потемнело, будто настала ночь. 26 минуты спустя «в том облоке светило крововое, звезда, показалась». Все люди выбежали из домов и смотрели «с великим ужасом». Спустя 6 часов комета исчезла, оставив после себя густой зловонный туман, висевший до 11 часов ночи. Окончание статьи свидетельствовало, что султан увидел в появлении кометы предзнаменование беды: «Турецкие попы пророчествуют неблагополучие. В тех же ведомостях напечатано: турецкой султан послал нарочнаго курьера к великому везирю, которой при армии против россий-

ских находитца, чтоб он всякими образы от российскои уклонялся и в баталию не вступал»[1194].

Продолжали попадать в рукописную книжность описания землетрясений. В них ярко звучит тема греха и наказания. Пожалуй наиболее интересным памятником этого жанра стало «Описание пречюднаго сицилианскаго трясения», которое повествует о землетрясении на Сицилии и извержении Этны в январе 1693 г. (в русском переводе эра от Р.Х., из-за разницы в календарных стилях событие отнесено переводчиком еще к 1692 г.). Автор начинает с того, что за «тщание разума», злые дела и грехи без раскаяния Господь наказывает людей. Земля, вода и воздух сотворены для человека, однако те, кто отшатнутся от Господа, узнают его гнев. Такое посещение Господа познал славный остров Сицилия, пораженный землетрясением. Предвозвещали о бедствии щели, из которых исходил чад. В седьмом часу дня началась необычная непогода: ветер и дождь, гром и молния, устрашившие людей. Каждый думал, что начался конец света. Славной Сицилии предстояло разорение. Дома, города, села, деревни превратились в каменные горы и пропасти. Земля погрузилась в море. Вместо городов возникли провалы, из которых исходил чад. Потом же эти провалы закрылись. Даже жившие здесь не могли понять, что на этих местах было раньше, поскольку некоторые горы превратились в поля. Город Август провалился сквозь землю, а на его месте возникло море. Разрушились Сиракузы. В них в королевском замке взорвался пороховой погреб. Стоявшая в гавани мальтийская галера от удара молнии разбилась в щепки, и 30 мальтийских рыцарей вместе с рядовыми утонули. Катания была разорена огнем Этны, спаслись лишь немногие ее жители. Море разлилось на несколько миль. Испуганные люди спрятались в церкви, но землетрясение опрокинуло ее. Здесь погибли 16 тысяч человек, кроме тех, которых погребло заживо.

[1194] Архив СПбИИ РАН. Ф. 238. Оп. 1. Ед. хр. 362. Л. 15 об. –16.

Далее автор рассказа перечислил многие разрушенные города. По его сведениям, погибли 100 тысяч человек. Только в Катании раздавило 21 тысячу. Люди надеялись спастись морем и бежали к пристаням, но море их затопило. Люди бросились спасаться к высокой горе, но гора начала извергать пламя с «громовым боем до самого неба». На горе разверзлись три пропасти, из которых бил огонь с серой. Они в мгновение ока пожрали 6 тысяч человек, из которых большую часть составляла шляхта. К вечеру осталось в живых лишь 3 тысячи жителей. Остальных пожрала земля, побили камни, живых засыпало рухнувшими строениями. Город опрокинулся. Городской стеной раздавило 400 иезуитов и 100 доминиканцев. Многие из оставшихся в живых умерли от голода и холода. Мальтийские рыцари хотели их спасти, привезя припасы, однако на их галеры стал сыпаться огонь и вынудил спасателей возвратиться на Мальту. В то же время и на Мальте происходило жестокое землетрясение, которое разрушало дома и церкви. Мальтийский городской начальник, ездивший в горы для потехи, чудом спасся.

Очевидно, что перед нами не просто описание события, а литературное произведение, свидетельствующее о том, что возгордившиеся своим разумом и упорствующие в грехах люди будут наказаны Господом. Автор не жалеет ни шляхту, ни монахов. Под его пером Господь преследует грешников, насылая то потоп на тех, кто хотел спастись морем, то разверзая пропасти перед спасшимися на горе. Бесстрашная попытка мальтийских рыцарей спасти грешников оказалась тщетной. Их собственный остров начало трясти. Впрочем, уничтожать всех мальтийских рыцарей – героических защитников Европы от турецкой агрессии – памфлетист не стал.

В одном из текстов конца XVII в. неизвестного происхождения Сицилия с ее вулканом названа населенным бесами местом «муки»: «На Чермном море есть остров, имянуем Секилийский, а на нем мука. Место горит день и ночь без престани великим пламенем. А около его многие беси. Которые гости на кораблех к тому острову приходят торговать, и у кораблей на якорных

конатех привязывают крест, и стоять до своего времени невредимы. А которые не привяжут у кораблей своих на конаты крестов, и те конаты беси режут и корабли отпущают и многую людем тем чинят пакость»[1195].

Текст с описанием землетрясения в Европе и извержения Везувия скопирован в Анатолиевском сборнике, который в начале XVIII в. составил автор Вятского временника, дьячок хлыновского Богоявленского собора Семен Попов. В настоящее время рукопись находится в Национальной библиотеке Узбекистана имени Алишера Навои (№ Пи 9250)[1196]. К сожалению, ознакомиться с этой рукописью непосредственно автору не удалось. Поскольку интересующее нас сообщение находится между выписками вестовых писем из Азовских походов 1695–1696 гг. и известием о битве под Зентой 1697 г., то, скорее всего, речь идет об извержении Везувия в 1694 или 1698 гг.

Круг светских тем этого периода расширился за счет описаний военных действий. Наиболее ранним, судя по всему, было краткое описание дел в Польше после захвата турками польского города Каменец-Подольского в 1672 г. Сразу отметим, что хотя перевод появился сразу по следам описываемых событий, в книжную традицию текст попал значительно позже. Его впервые зафиксировал А. И. Соболевский[1197], однако в дальнейшем этот перевод внимания исследователей не привлекал. В сочинении речь идет не о самом сражении, а о ситуации, которая сложилась в период осенне-зимнего затишья между боями 1672 и 1673 гг. – сенаторы не дают польскому королю денег на войну, Дорошенко приводит Украину под руку султана, а шляхетские жены в Каменце уходят от мужей к туркам[1198].

В заголовке есть точное указание на число, месяц и место отправки сообщения – Варшава, 6 января, – но нет сведений ни о годе, ни даже о том, в

[1195] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси… С. 394–395.

[1196] *Уо Д. К.* История одной книги. СПб., 2003. С. 271.

[1197] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси .... С. 245.

[1198] ОР РНБ. Собр. Русского археологического общества. № 43. Л. 31 об.–32.

правлении какого из польских королей случились описываемые события. Догадаться о происхождении известия можно лишь по структуре его заглавия. Аналогичные заголовки имели статьи рукописных и печатных европейских газет. Текущий год был известен читателю, поэтому в заглавиях статей его не указывали. Оригинал для выписок о разорении украинских владений Польши турками и казаками в 1672 г. удалось разыскать в фонде 155 РГАДА среди документов 1671–1673 гг.[1199] Анализируемое здесь сообщение входит в состав «Перевода с немецкого письма»[1200]. Заглавие позволяет сделать вывод, что источником для перевода стало вестовое письмо или рукописная газета на немецком языке. В тех случаях, когда переводчики Посольского приказа делали перевод с печатной газеты, они в заглавии использовали слово «куранты». Обе статьи этого перевода датированы 6 января и рассказывают о событиях в Польше, относящихся к только что закончившемуся 1672 г.[1201] Соответственно, сам документ относился к 1673 г. и в этом же году был переведен в Москве.

Из всего перевода составитель рукописного сборника выбрал одну статью, которую существенно сократил и переработал.

Текст из фонда 155 РГАДА	Текст из собрания Русского археологического общества РНБ
/Л. 196/ Из Варшавы генваря в 6 день. Господин подскарбий корунный объявляет королю, что он ни чего в Красном[1202] не учинил, что сенаторы за которых береженем ключи	/Л. 31 об./ Из Воршавы генваря в 6 день. Корунной казначей королю пишет, что бутто он в Кракове ничего не учинил и тамошнии санатари казны ему не дали. Асганенко пишет ко-

[1199] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7.

[1200] Там же. Л. 193.

[1201] Там же. Л. 196–198.

[1202] На полях рукописи помета: Меж Литвы и Украины.

лежат, не похотели казны отворить. А Ханенко пишет о указе, чтоб ему поволно было итти в Украину, и чтоб ему Дорошенкову намерению отпор чинити, которой промышляет тамошних людей к себе переманить, и тамошную страну турскому салтану в подданство отдати. И к нему против того писано, чтоб он потерпел до тех мест доколе совершение учинитца тех дел с неудоволствованными.	ролю и проситит указу, чтоб ему поволили в Украину итти для того, /Л. 32/ что Дорошенок в тамошней Украине под турское владенье привесть хочет, а к нему Асганенку, отповедь писана чтоб он погодил покаместа здешняя ссора скончается с противниками.
Из Львова вести приходят, что там городы, Вармин, и Межибож[1203], против договоров турку отданы имеют быть. Под Хотим белогородцких татар 60000 пришло, а для какова намерения про то не ведомо. Третьяго дня здешней сьезд черезвычаиной начало свое возприял, на котором объявилось только 5 человек сенаторей духовного чину, Краковской, Познанской, Лутцкий, Хелминский, Каменецкий, бискупы да три каштеляны, Волынский, Варшавский, и Львовский, а из высоких началных сенаторского чину, только един был мар-	

[1203] На полях рукописи помета: На Подолии.

шалок Литовский Полубинский. И когда ни хто не был из канцлеров учинил предложение из референдарей духовного чину, которое дело сошлось с наказом королевским, что послано было на сеимики, а после того предложения, чтена вся конфедерацыя от начала до конца. Волынские жители всякой хлеб свой возят продавать под Каменец, для того что турки у них покупают дорогою ценою, и для того чают что в здешней стране от того будет великая дороговизнь.	
/л. 198/ И то велие посещение божие, что полских людеи жены бегают от мужей своих к турком, а из Каменца пишутъ, что тех жен полских 1200 человек шляхетцких и меншого чину, оставя мужей своих, с турчаны сообщились.	И то великое наказание от господа бога, что польских людей жены оставив мужей и дом свой и перебегут к туркам. Тако ж и ис Каменец пишет бутто 1200 шляхетцких, тако же и иных женъских пол, оставив своих мужей, и с турками приживают.

Два разночтения явно связаны с тем, что переписчик плохо знал реалии политической жизни Польши начала 1670-х гг. Во-первых, он ошибочно прочитал топоним «Красное» как более известный «Краков». Во-вторых, он слова «А Ханенко» понял как имя «Асганенко». Последнюю ошибку мог совершить только человек, который не был знаком с политической ситуацией

на Украине до 1673 г., когда гетман М. С. Ханенко сошел с политической сцены.

Остальные изменения явно производились целенаправленно. Составитель рукописи упростил изначальный текст, оставив в нем только три известия: отказ сенаторов выдать деньги королю, запрет «Асганенко» идти на перешедшего на сторону турок Дорошенко из-за внутренних несогласий в Польше, а также известие о бегстве польских жен к туркам. На первый взгляд получившееся в рукописи сообщение кажется странным. Ведь без контекста других сообщений иностранной прессы, с которыми сотрудники Посольского приказа знакомились в 1673 г. по мере их поступления, перенесенные в рукопись известия были мало информативны. Из них даже не понятно, что речь идет о кризисе, охватившем Польшу после взятия турками Каменец-Подольского в 1672 г.

Причина выбора для включения в рукописный сборник именно этой информации становится понятной при обращении к следующему тексту конволюта. Далее в нем идет проанализированное выше «Пророчество из Кракова о гибели Польши» (1558–1665)[1204]. Таким образом, составитель выписок привел в этой краткой статье сведения, которые «подтверждали» следующее за выписками пророчество. Известия были отредактированы так, чтобы соответствовать пророчеству в наибольшей степени. «Утеря» даты также вряд ли была случайной. Отказ от точной хронологии «защищал» текст от устаревания, делал его более универсальным. Таким образом, мы имеем дело не с копией перевода иностранной публикации, помещенной в рукописный сборник, а с плодом интеллектуального труда русского книжника, который искал в сообщениях иностранной прессы подтверждение древнего пророчества на интересующую его тему[1205]. В комплексе получалось, что могущественные

[1204] ОР РНБ. Собр. русского археологического общества. № 43. Л. 32–35 об.

[1205] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Выписки о положении дел в Польше после взятия турками Каменца Подольского в 1672 году: о влиянии европейской прессы на русскую книжность // Русское

соседи Московского государства слабеют и, соответственно, перед Россией открываются новые перспективы. Временем появления данной компиляции в рукописной книге следует считать последнее двадцатилетие XVII в. Таким образом, из огромного числа переведенных в Посольском приказе сообщений о войне между Османской империей и Речью Посполитой, в книжной традиции было воспринято одно единственное, причем в редакции, стирающей привязку к реальным событиям.

По-настоящему глубокий интерес к описаниям войн Османской империи с ее соседями прослеживается лишь в период русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Череда материалов начинается с «Истинного и верного сказания о крымском походе 1687 г.», которое стараниями нидерландского резидента в Москве И. фан Келлера было опубликовано за рубежом, а потом переведено обратно на русский язык для внутреннего потребления – прославления военных успехов В. В. Голицына. В рукописных сборниках этот памятник найти не удалось, однако по своему значению он явно выходил за пределы приказной документации[1206]. Озвученные в нем идеи перекликаются с мыслями, которые в своей «Скифской истории» изложил А. И. Лызлов[1207].

Следующий текст мы находим в дневнике окольничего А. И. Желябужского, неоднократно выполнявшего различные дипломатические поручения русского правительства. Текст помещен среди описания событий 1696 г. Дневник, судя по его структуре, велся достаточно регулярно. Соответственно, интересующий нас рассказ попал из дипломатического документа в руко-

---

Средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 852–858.

[1206] *Богданов А. П.* «Истинное и верное сказание о крымском походе 1687 г.» – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. / ред. В. Т. Пашуто. М., 1982. С. 57–84.

[1207] *Богданов А. П.* Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 2007. С. 221–248; *Лызлов А*. Скифская история / под. ред. А. П. Богданова, Е. В. Чистяковой. М., 1990.

пись практически без задержки. Записей, касающихся Желябужских, в книге мало. В основном автора интересовала современная ему история страны. По сути, перед нами историческое сочинение переходного периода, занимающее место между летописями, дневниками и книгами по истории более позднего времени. Анализируемая выписка дает краткую информацию о взятии русскими войсками Азова и обстановке на других фронтах Великой турецкой войны во второй половине 1696 г. Желябужский не скрывает свой источник информации: «В курантах почтовых печатных польских и немецких напечатано, и наш резидент из Варшавы к Москве пишет». Приведем полностью содержание текста, помещенного в дневнике: «Из Вены, Цесарскаго государства. Изо Львова пишут. В почте, присланной нынешняго 205 году сентября в 5 день, – объявляют, что прошлаго 204 году августа в 4 день в Белгород турской, что над Дунаем, салтану турскому и везирю ведомость подлинная учинилась через почту ж, что Азов город и Лютик городок московской царь Петр Алексеевич взял. Такожде на море Черном Азовском, под Азовым, и ниже Очакова на взморье, меж Перекопью и Крымом, войско его турское, посланное на помочь и на выручку, побито и корабли, и галионы, и воинские всякие припасы, и казна, и товары взяты. И того числа салтан, слыша те нерадостныя ведомости, из Белагорода наскоро с небольшими янычены с турками конницею пошол в Адриянополь потому, чтобы в Цареграде и в иных городех бунты не учинились в народех. А везирь из Белагорода и через Дунай делает мосты, чтоб войску турецкому иттить войною на Венгерскую землю цесарскаго величества. Саксонский курфирст под Темижбаром город осадил, войска оставил 12 000 человек, а со всею силою, с достальным войском цесарским, мосты построй через Дунай реку, пошол на тое сторону, чтоб их, турецкаго войска, цесарскаго величества городов разорять не пропустить, и заступил бы им проход, и дать бы с ними, с турками, бой. А в Польше еще короля не выбрали. А Папа римской и цесарь пишут в Польшу арцыбискупу Гнездинскому и сенатором, чтоб поволили взять на королевство короля

аглицкого Якуба, такожде и французской король тому ж соизволяет. А Буджацкая-Белогородская орда из Каменца Подольскаго с турками войною вышла воевать в Польшу уезды польские»[1208].

Находившийся на резидентстве в Речи Посполитой посланник стольник А. В. Никитин действительно, как уже отмечалось, с каждой почтой посылал в Москву местную прессу. Выписки из этой прессы находились в отдельной книге. К сожалению, ее начало сильно пострадало[1209]. Это лишает нас возможности сопоставить изначальный перевод с выпиской Желябужского. Однако, исходя из общего характера других переводов присылаемых в то время из Польши текстов, вряд ли стоит сомневаться, что книжный вариант Желябужского сокращен.

Наиболее полно в русской книжности отражены описания решающего сражения Великой турецкой войны – битвы при Зенте, состоявшейся 11 сентября 1697 г.[1210] Австрийская армия под предводительством принца Евгения Савойского наголову разгромила войска султана. После этого удара Турция так и не смогла оправиться. Исследованием этого текста плодотворно занимался Д. К. Уо[1211], опубликовавший тексты о битве по двум спискам[1212]. Некоторые дополнительные подробности удалось выяснить при обращении к обнаруженному Б. Н. Морозовым списку из архива торговых крестьян Шан-

---

[1208] Россия при царевне Софье и Петре I... С. 246–247.

[1209] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 1687 г. Ед. хр. 11. (Дела 1696–1697 гг.)

[1210] *Шамин С. М.* Описания битвы при Зенте: от курантов к рукописным сборникам // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 539–545.

[1211] *Waugh D. C.* News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // Rude and Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey. Bloomington : Slavica Publishers, 2008. P. 491–506.

[1212] *Уо Д. К.* История одной книги... С. 300–302.

гиных Ленской волости Яренского уезда, хранящемуся в РГАДА[1213], а также рукописи начала XVIII в. из собрания В. М. Ундольского[1214].

Как оказалось, источником для книжных описаний сражения при Зенте стала сводка курантов от 12 октября 1697 г.[1215] В нее было подряд включено четыре текста с описанием разгрома турок. Наиболее подробным являлось описание битвы с заглавием «Подлинное объявление, что августа з 22-г числа по 13-е числа сентября меж христианскими и турским воиском учинилось. Писано из обозу при Центе сентября 13-го числа 1697-г году». Ниже шло сообщение с заголовком «Из Вены сентября в 21 день» с более коротким описанием сражения. Вслед за ним помещена «Роспись какову прислал принц Эугениус цесарскому величеству о убитых и раненых воиска нашего» – список погибших, а ниже, под заглавием «Того ж числа из Вены» – перечень турецких потерь и трофеев. Завершала комплекс небольшая статья о разгроме пошедших на Польшу татар и гибели огромного числа турок – «От волоских рубежеи пишут»[1216]. Общий объем данного комплекса составил более десяти тысяч знаков в современном наборе. Он с незначительными изменениями воспроизведен в рукописном сборнике из собрания М. П. Погодина рубежа XVII–XVIII вв.[1217]

Как материалы попали в Погодинский сборник – неизвестно. Судя по составу, его владелец входил в число служилых людей петровского времени. В отношении характеристики владельца наиболее интересно наставление отца к сыну при отправлении его по воле Петра Великого в чужие края в 1708 г. Молодой человек должен был беречь свою душу, помнить о Боге, выучить

[1213] *Морозов Б. Н.* Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. № 2. С. 57–61; РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ч.1. Ед. хр. 369. Л. 52 об.–56.

[1214] ОР РГБ. Ф. 310. № 635. Л. 40–47 об.

[1215] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 516–557.

[1216] Там же. Л. 536–553.

[1217] ОР РНБ. Погод. 1561. XVIII в. Л. 122–130.

немецкий, а лучше французский, а потом арифметику, которая дверь всем математическим наукам и содержит геометрию, архитектуру, фортификацию, «ведение земнаго глобуса», «искусство земных и морских чережей», компас, солнце звезды – то, что нужно, чтобы служить государю. Юноше полагалось также осваивать умения, необходимые дворянину – научиться ездить на коне, владеть шпагой и пистолетами. От юноши также требовалось по утрам не забывать креститься и умываться, а также не забывать православную веру[1218]. Данный текст, появившийся за десять лет до опубликованной по указу Петра Великого книги «Юности честное зерцало», отражает назревшую в дворянстве потребность в формировании ценностей повседневной жизни.

Можно с уверенностью утверждать, что копии сводки курантов от 12 октября 1697 г. делались в Посольском приказе более одного раза. Несколько иной вариант описания сражения под Зентой оказался востребован в среде торговых крестьян и духовенства. Об этом свидетельствуют переписанные на столбцах куранты из архива торговых крестьян Шангиных. Сохранились они случайно. Кто-то из потомков первого владельца использовал чистые с одной стороны столбцы в качестве писчего материала для копирования текста религиозного содержания. Часть сводки утрачена. В руках Шангиных находились именно куранты, а не выписки о турецких событиях. Среди сохранившихся в рукописи Шангиных текстов есть также сообщения из Гааги, Амстердама, Парижа, Польши, скопированные с той же сводки из РГАДА. Куранты Шангиных не могут быть связаны с текстом из собрания Погодина. С одной стороны, в них имеется пропущенное в погодинском сборнике упоминание о 48 литаврах. С другой стороны, эта копия курантов была сделана с сокращением. В ней от первого, самого объемного известия о битве остался только заголовок. Дальше переписчик пропустил описательную часть и перешел сразу

[1218] Там же. Л. 147–159.

к списку погибших, сохранив остальной текст в том виде, в котором его составили переводчики Посольского приказа.

Однако и этот вариант примерно в две с половиной тысячи знаков оказался слишком объемным для книжных сборников. В рукописные книги пошла его сокращенная переработка. Если сравнивать куранты Шангиных с рукописью из собрания Ундольского, то становится очевидным, что человек, который перерабатывал текст для рукописи, старался уменьшить его объем, складывая потери. К примеру, три пункта «От пехоты 12 человек. От конницы 12 человек. От пушешного снаряду 1 человек» он превратил в один «Убито цесарского войска 25 человек». При этом он не всегда был точен. В одном месте книжник даже умудрился к раненым и убитым людям прибавить потерянные возы. Небольшие фрагменты с описанием событий были последовательно удалены. Обобщающие данные о числе погибших противников собраны в одно место.

РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Ч.1. Ед. хр. 369.	РГБ. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. № 635.
/55/ Подлинное обявление что августа з 22-го числа сентября по 13 число меж хрстияским воиским и турским воиским учинилося. Писано из обозу при Центе сентября 13-го числа 1697[1219]-го.	/44об./ Августа з 22-го числа сентября по 14 число меж христианским и турским учинилось. Писано из обозу при Ценке сентября 13-го числа лета 1697.
Убитые началники цесарского воиска. От пехоты 12 человек. От конницы 12 человек. От пушешного снаряду 1 человек.	Убито цесарского войска 25 человек.

[1219] Цифирь буквенная

Пехоты. Рядовых 267 человек. Конницы 1 человек.	Пехоты 67 человек. Конницы 10 человек.
Пушного снаряду 9 человек. Раненых начальников. От пехоты 99 человек. От конницы 60 человек. От пушечного снаряду 9 человек. Рядовых. 1114 человек пехоты.	Ранено пехоты 1242 человека.
327 человек конницы.	/45/ Конницы 327 человек.
28 человек от пушечного снаряду.	
Лошади служивые от конницы и от пушешного снаряду пропали. Убито 348 лошадеи. Ранено 477 лошадеи. Да пропало 112 лошадеи.	Лошадей служилых убито и ранено 825 лошадей. Пропало 112 лошадей.
Сюда в Вену уже привезено 83 знамя 7 бунчуков	В Вену привезено 83 знамя да семь бончюков.
/54об./ и завтрешнего дни выставлены будут на триунф.	
Тогож числа из Вены. Прошлои среды граф Дидриштен от воиска из Венгерскои земли прибежал с ведомостью и привез три печати салтанскои 83 знамяна 7 бунчюков и завтрешняго дни образ Пресвятыя Богородицы понесен будет в костел святаго Стефана и тамо пето будет «Тебя Бога хвалим» для полученной над турком победы.	

А котором побое привез он Дитриштон роспись.	
	Цесарского войска побить и ранено 2000 человек.
Побито на боевом месте 20 000 человек, великои везир, янычерскои ага 27 пашеи побитож.	Турок побито на боевом месте 20 000 человек. Великой визере янической агаи да 20000 пашей по/45об./бито.
12000 человек потонуло и поимано. 6000 ранено. 6000 возов.	Потоплено и ранено и поимано 24 000 человек.
6000 лошадеи. 12000 буиволов.	Лошадей да буйлов 18 000.
162 пушъки. 5000 знамен. 48 литавр. Все наметы и салтанскои намет, которои ценят 400000 золотых и тот намет с печатью салтанскою взял принц Софоискии на имя цесарское. Обоз салтанскои /53 об./ с 4-ми лошадми да з десятью женами ево взял же.	Да 162 пушки, взято ж 5000 знамен, 48 политавр. Все наметы, и салтанской намет, /46/ которой ценят четыреста золотых, и тот намет с печатью салтанскою взял принц Совонской на имя цесарское. Обоз салтанской с четырми лошадами да десятью женами иво взят же.
А с нашеи стороны убито 500 человек да 1500 ранено.	
У мосту Тисы реки трупу неприятелского лежало на 2 человека вышиною, а Тиссу реку так наполнили, что наши по тем трупом бутто по мосту ходили чрез.	/46об./ У мосту Тисцы реки трупу неприятельского лежало в вышину на два человека. А Тисцу реку так наполнили, что наши по тем трупом аки по мосту ходили.

Курфирста Саксонского генерал Раибе трижды ранен, но не смертно. Генерал Гайзлер от раны своеи умре.	
От Волских рубежеи. Пишут, что 15000 татар побито. 3000 татар пошли было з Буджак в Полшу и от волохов и от казаков полских татар побито,	От Волоцких земел /47/пишет 15 000 татар побито.
что толко с 300 человек назад возвратис. Казаки готовы все[1220] скол скоро полское корование совершица всеми силами сухим и воденым путем татар воевати, а татары зело смущаютца для коронования. Того испрашивали у наших вестовщиков, аще ли тот королем полским, которои лошадиню подкову руками разрвет. /56/ Вчерашнеи гонец которои здес прибежал сказал, что болши 30000 человек турок побито да 15000 турок которые пошли было в Вышнею венгерскую землю на помощ бунтовщиком чрез Тису реку переправясь перетонули так, что малое число осталос их. А о побитих о 5000 ис Папов пишут изветы с поттвержением. Так-	3000 пошли было в Польшу и от волотцких и от казаков таков так побито да 15 000 человек турок же через Исцу реку на переправе потонуло. А салтан турецкой со 8000 с конными и с Мутеем француским послом ушел.

[1220] Написано два раза, первое вычеркнуто

же что и 40000 человек турок побито и потоплено. И салтан турскои с 50000 человеков конными с муфтием и с французским послом ушел.	

В итоге получился компактный текст, который имел примерно в десять раз меньший объем, чем первоначальный перевод из курантов Посольского приказа и в два раза меньший, чем в курантах Шангиных. Другой список данного сочинения отмечен Уо[1221] в составе Соловецкого собрания РНБ[1222]. Сборник Соловецкого монастыря имеет незначительные отличия, связанные с порчей текста при переписывании. В частности, в нем утрачено начало заглавия, перепутан год: указан 1698 вместо 1697. Однако возводить одну рукопись к другой нельзя, поскольку в соловецком сборнике более близко к оригиналу указана цена шатра султана: 4000 тысячей золотых, вместо четыреста золотых в рукописи из собрания Ундольского. Накапливающиеся ошибки свидетельствуют о том, что текст после переработки продолжал копироваться.

В рукописи, принадлежавшей вятскому книжнику С. Попову, Уо выявил еще одно описание битвы при Зенте. Этот текст отсутствует в курантах. Он озаглавлен «Выписано из переводу с латинского листа»[1223] и имеет небольшой объем, чуть более двух тысяч знаков. Если первый из рассмотренных нами текстов постепенно сократился до перечня потерь, то здесь мы имеем хотя и относительно краткое, но все же разностороннее описание событий.

[1221] *Уо Д. К.* История одной книги... С. 301–302.

[1222] ОР РНБ. Солов. собр., № 862/972. Л. 80–80 об.

[1223] *Уо Д. К.* История одной книги... С. 300–301.

Второй список этого сочинения помещен в сборнике из собрания Ундольского вместе с описанным выше перечнем погибших и трофеев[1224]. Очевидно, что его составитель интересовался сражением и собирал информацию о битве из разных источников. В том, что оригинал перевода сочинения с заголовком «Выписано из переводу с латинского листа» установить не удалось, нет ни чего удивительного. Такие тексты переводились для дипломатических нужд массово. К примеру, целый ряд переводов удалось найти в материалах Великого посольства[1225].

Таким образом, в книжную традицию рубежа XVII и XVIII веков попало, как минимум, два разных текста о сражении при Зенте. Один из этих текстов покидал приказной архив не менее двух раз. Вестовой документ могли копировать целиком, а могли и перерабатывать. Переработка, как правило, вела к сокращению текста, однако находились книжники, желавшие дополнить сокращенный ранее материал. Это свидетельствует о том, что русская книжность имела потребность в известиях о важнейших политических событиях Европы. О читателях этих текстов удалось получить лишь отрывочную информацию, однако очевидно, что прочитать о сражении при Зенте хотели люди из разных регионов страны, принадлежащие к разным социальным группам.

В конце столетия в рукописную книжность попадали два английских политических памфлета. Оба они касаются одного события – казни английского короля Карла I. Наиболее ранний «английский» текст, вошедший в рукописную книжность – «Сказание, как английского короля Карлуса Стюверта казнили и что его величества последние слова были». Он сохранился вместе с календарем С. Словаковица на 1689 г. в упоминавшемся выше сборнике, скопированном Афанасием Холмогорским с рукописи А. А. Матвеева. Ис-

---

[1224] РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 635. Л. 40–43.

[1225] *Гуськов А. Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 64, 157, 272–273, 290–291, 295.

следовавший данный текст М. П. Алексеев установил, что перевод данного сочинения был выполнен в Посольском приказе еще в 1649 г., когда известие оставалось актуальным для работы дипломатического ведомства[1226]. Сочинение полно трагизма и имеет несомненные литературные достоинства. Крайне трогательно звучат слова о том, что многие из людей пытались намочить полотенца королевской кровью, то есть создать реликвию[1227]. Получившийся в результате перевода текст легок для прочтения. Это способствовало его распространению в литературных сборниках.

К рубежу XVII–XVIII столетий относится сочинение «О Каролусе первом, короле великобританском, французском и ирляндском». По сути, это его биография, заканчивающаяся предсмертной речью и казнью. Кроме того, в конце сочинения дан краткий обзор событий в Англии после смерти короля до 1661 г. Данный текст никак не связан с предыдущим. Установить его источник пока не удалось[1228], хотя, вероятнее всего, это перевод какой-то брошюры.

Как видим, оба текста, вошедших в русскую книжную традицию, рассказывают о казни короля. Между тем, переводы самых разных политических памфлетов, связанных с Англией, в Посольском приказе не являлись редкостью. Даже если говорить о Карле I, то можно вспомнить вышедшее годом ранее его послание: «Королевский извет ко всем его подданным»[1229]. Особенно заметными памфлеты английской тематики стали в конце XVII века в годы правления короля Якова II[1230]. Их тексты нередко попадали в куранты. Однако рукописной книжностью они востребованы не были.

[1226] Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век –первая половина XIX века) // исслед. акад. М. П. Алексеева. М., 1982. С. 57–61;

[1227] В-К IV. С. 82–85.

[1228] Литературное наследство... С. 63–64.

[1229] *Майер И., Михайлов Н.* «Королевский извет ко всем его подданным» (1648 г.) –первый русский перевод английского печатного текста? // Russian Linguistics. 2009. Vol. 33. P. 289–317.

[1230] *Станков К. Н.* «Славная революция» в Британии 1688–1689 гг. в отражении «Курантов» // Рос-

В контексте книжной традиции следует отметить еще один культурный феномен – тексты занимательного характера, которые в XVII столетии переводились в Посольском приказе в числе деловых документов. В качестве яркой иллюстрации можно привести зачитанный государю памфлет «Рассечение Европы»[1231], где текущая европейская политическая ситуация представлена в качестве беседы между странами и правителями, в уста которым вложены строки священного писания. Данный тест является скорее интеллектуальной игрой, чем источником какой-либо информации[1232]. В более позднее время данный текст стал частью книжной традиции[1233]. Среди вестовых материалов по какой-то причине оказался даже уникальный для русской литературы XVII в. краткий демонологический трактат[1234].

сия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 7. / Отв. ред. А. В. Голубев. М., 2016. С. 88–105.

[1231] Списки см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 227–234; РГАДА. Ф. 27. Оп .1. Ед. хр. 497; РГАДА Ф. 375. Оп. 1. Ед. хр. 13.

[1232] *Перова О. А.* К истории переводческой деятельности Посольского приказа во второй половине XVII в.: «Анатомия Европы» // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы научной конференции «Германия–Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв. », 03-09. 09. 1999. Екатеринбург, 2001. С. 556–562; *Алпатов С. В., Майер И., Шамин С. М.* «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 5–12; *Алпатов С. В., Майер И., Шамин С. М.* «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) (продолжение) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 5–16.

[1233] *Алпатов С. В.* Европейский памфлет «Страсти или переговоры в Расшате» в российской столице и провинции 1798 г.: конфликты интерпретаций // Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре. М., 2016. С. 226–237.

[1234] *Королев А., Майер И., Шамин С.* Сочинение о демонах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 108–121.

Глава 7. Утверждение в России культурных явлений Нового времени

Регулярная доставка прессы в Россию создавала почву для появления в русской культуре ряда явлений, характерных для Нового времени. Этим новшествам посвящен данный раздел.

7.1. Политическая борьба в информационном пространстве

Интерес российского правительства к прессе был связан потребностями внешней политики. Вряд ли стоит удивляться тому, что первые принципиальные новшества появились именно в этой сфере. С середины XVII столетия Россия постепенно начала втягиваться в информационные войны.

Борьбы за честь суверена являлась обычной практикой для средневекового общества. Появление печатного станка создавало огромное число новых возможностей для оскорбления властителя противной стороны. Естественным образом появление оскорбительных изданий вызывало соответствующую реакцию.

В 1650 г. отправленные в Варшаву боярин Гаврила Пушкин, окольничий Степан Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев настояли на публичном сожжении страниц из нескольких польских книг, задевавших престиж России. Подданным польского короля запрещалось хранить эти книги у себя дома[1235]. Печатание книг «на его царского величества и всего Московскаго государства безчестье» было запрещено «под истратою (потерей– *С. Ш.*) тех же книг и всей маетности (имущества – *С.Ш.*) своей»[1236]. Разумеется, под запрет по-

[1235] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. V. Т. 10. История России с древнейших времен. М. 1990. С. 536–542.

[1236] ПСЗ Собр. I. Т.1 СПб. 1830. С. 241. См. также: *Николаев С. И.* Польско-русские литературные

падали не только собственно книги, но и информационные издания. На эти уступки польская сторона пошла, опасаясь того, что Россия поддержит восстание украинских казаков против польского гнета. Отслеживались московскими властями также и публикации, оскорбительные для православия. В описи архива Посольского приказа фиксируются: «Тетрати, а в них черной перевод с полские печатные тетрати, которую писал ксендз Касиян Саков преже бывшей архимандрит дубенской униат, а ныне ксендз римской веры на укоризну греческой вере»[1237]. В свою очередь, российское руководство стремилось к тому, чтобы не допустить распространения негативных известий о стране. В 1630-х гг. даже с лазутчиков, отправляемых на территорию Польши брали присягу в том, что они сами не будут распространять порочащих Московское государство вестей[1238].

Начало войны с Польшей (1654 г.), а потом и Швецией (1656) способствовало резкому увеличению числа публикаций о России. Сообщения о военных действиях регулярно включались в куранты. В ходе боевых действий московские власти знакомились с агитационными материалами противника. В архив Посольского приказа попали 56 листовок, составленных генерал-губернатором Ливонии Магнусом Делагарди для раздачи его солдатам: «Свяска, а в ней 56 листов печатных свейских, каковы давал граф Магнус свейским ратным людем, заказные, во 164-м году»[1239].

Принципиальным новшеством стала ситуация, когда московские власти решили ответить на вражескую агитацию не дипломатическим протестом или военным походом (война и так шла), а печатными публикациями. Толч-

---

связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб. 2008. С. 57.

[1237] Опись архива Посольского приказа 1673 года. В 2 ч. Ч. г./ Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990. С. 488.

[1238] *Оглоблин Н. Н.* Воеводские «вестовые отписки» XVII в. как материал для истории Малороссии. Киевская старина. 1885 г., № 7. С. 384.

[1239] Опись архива Посольского приказа 1673 года. В 2 ч. Ч. г./ Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990. С. 312.

ком, подвигнувшим российское правительство к использованию принципиально новых способов борьбы с противником, оказался разгром армии В. Б. Шереметева под Чудновым (1660 г.) в Польше появилось значительное число публикаций об этом событии. Поляки всячески превозносили свою победу и распространяли новости о ней в Европе. Летом 1660 г. англичанин Иван Гебдон, посланный в звании резидента в Голландию и Англию, находясь в Амстердаме узнал о распространении польских известий про поражение русской армии под Чудновым. 30 декабря 1660 г. из Амстердама Гебдон «з большим, плачебным мыслом» писал Ордину-Нащокину, что «неприятели государя нашего розславили здеся и в ыных землях, будто великого государя царя нашего войска, которое было у боярина и воеводы, у Василья Борисовича Шереметева... все побиты и разорены, и тотаре многих в полон взяли». Резидент жаловался, что у него нет никакой информации по этому поводу и просил прислать правдивые известия для борьбы с распространением распускаемых поляками слухов. Это сообщение резидент предлагал «напечатав, и в миру ведомо учинить». Прислал Гебдон и образцы порочащих Россию публикаций.

В ответ ему был дан указ: «как к тебе ся наша грамота придет, а авизы печатные в немецких государствах и в ыных городех о побое боярина нашего и воеводы Василья Борисовича Шереметева с товарищи и наших, великого государя, ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те ависы покупал и после тех ависов велел напечатать авизы другие по образцовому писму, каково к тебе послано под сею нашею, великого государя, грамотою». Составленное русскими дипломатами для распространения за рубежом «образцовое письмо» полностью опубликовал И. Я. Гурлянд[1240]. Аналогичное «образцовое письмо» было отправлено любекскому купцу Ягану фон Горну, регуляр-

[1240] *Гурлянд И. Я.* Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 22, 23, 60, 61, 63, 65.

но выполнявшему различные поручения русского правительства[1241], чтобы Горн напечатал «образцовое письмо» на немецком языке и разослал по окрестным государствам[1242]. Семью годами позднее Горн уже сам предлагал публиковать положительные материалы о России на постоянной основе, в качестве дополнения к шпионским услугам. Об этом мы узнаем из письма Горна, которое он отправил из Любека А. Л. Ордину-Нащокину 3 сентября 1667 г.[1243]

Распоряжение русского правительства о публикации опровержения польских известий было выполнено. В описании архива Посольского приказа в составе посвященного положению дел на Украине вестового столпа упомянут «перевод с курантов» из Любека о «вероломстве корунных гетманов По-

---

[1241] В частности, он помог русским властям захватить Тимофея Анкудинова, выдававшего себя за сына царя Василия Шуйского и скрывавшегося в разных европейских странах.

[1242] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. VI. Т. 11. История России с древнейших времен. М. 1991. С. 90.

[1243] Письмо переведено в Москве 17 октября 1667 г. Горн писал: «А наперед сего я в розные времяна к его царскому величеству чрез князь Юрья Ивановича доносил, что мочно мне чрез ведомых правдивых друзеи и чрез гонцов, что чинитца в немецкои земле и в Полше, в Свее, в Датцкой, во Французской, в Аглинской, в Галанскои и во всеи Еуропе доносить, и о том, от его царского величества отповеди мне не было. И я об том сумневаюсь, что те мои письма до его царского величества не донесены или ни во что поставлены, а ныне я об том вашему высочеству объявляю и указу ожидать стану, что ваше высочество о том разсудит, что в том деле немалое належит его царскому величеству и великим думным его чрез такие ведомые пересылки, а я об том буду ведомо чинить искать таких добрых людеи, и хотя от того и станет и чрез то мочно много доброго видеть. Как некоторой князь в немецкой земле, который далеко к его царскому величеству не применен, на год от него за такие пересылки и вести исходит по 20000 и по 30000 ефимков, а здесь за 3000 или за 4000 то учинить. И изволь ваше высочество, как высокоразумнои и смышленои, о том ко мне ведомо учинить, годно ль то будет его царскому величеству, что его царского величества порубежных государеи и иных народов о послех и о договорех, о боех и о получиях счастеи и об ыных всяких вестях, которые к его царского величества Росиискому государству к болшои чести доидет, доносить буду. Так ж об чем ко мне отписано будет, и я печатать и в неделных вестях ведомо чинить буду, и его царского величества сила во всеи Еуропе славна будет. Писан в Любеке 3 сентября 1667 г.». См.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г., Ед. хр. 10. Л. 36–38.

тоцкого и Любомирского, как они за своею присягою боярина Василья Борисовича Шереметева отдали в Крым 169 (1660) году»[1244]. В архиве приказа Тайных дел хранился «Перевод в тетратех, в полдесть, с полской печатной книги», в которой опубликовали сведения, «что с Москвы послано для чюжеземцов, и о боярине Василье Борисовиче Шереметеве. Как над ним и над ратными людьми невзгода учинилась в 169-м году июля в 10 день». «Печатная книга» содержала и другие новости о положении дел в Москве, Польше и немецких землях. Вряд ли стоит сомневаться, что это было какое-то вестовое издание. Его привез в Киев из Польши киевский полковник Василей Дворецкий, а из Киева издание переслали в Москву[1245].

Победа под Чудновым долгое время была предметом особой гордости поляков. В Польше даже печатались прославляющие это событие стихи. В Посольском же приказе продолжали следить за подобными публикациями и после заключения мира. К примеру, этим занимался находившийся в Польше в 1673–1677 гг. В. Тяпкин. Польская сторона всячески препятствовала подобной деятельности русского дипломата. Доходило до перехвата его корреспонденции в Москву[1246]. Русские дипломаты использовали такие материалы как средство давления на польских партнеров во время дипломатических переговоров. В 1684 г. во время работы Андрусовской комиссии, которая в очередной раз пыталась согласовать условия заключения Вечного мира между Россией и Польшей, русские послы должны были в качестве одной из причин задержки передачи польской стороне Киева (что Россия обязалась сделать по условиям Андрусовского перемирия 1667 г.) называть оскорбление чести российских государей. Это, по мнению русской стороны, выразилось в публикации стихов о поражении под Чудновым:

«Песнь первая или победа над Шереметевым

[1244] Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. М., 1990. С. 197.

[1245] РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб. 1907. Стб. 5.

[1246] *Попов А. Н.* Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг., СПБ, 1854. С. 175, 182.

Слава Богу маскаль жидоголовый

Тяжкими брязгает на ногах оковы,

А что недавно Полше путами грозили,

Самиж себя в неволю тяжку посадили,

Слили кровью своею чюдновское поле,

Многие в вечной плачют побранны в неволе…»[1247]

Проблема оскорбительных для России высказываний в польской прессе была закрыта лишь при подписании Вечного мира с Польшей 1686 г. В нем специально отмечалось, что титулование московских государей должно соответствовать договору в «письмах печатных и письменных»[1248]. Как видим, фокусом проблемы, в соответствии с традициями, оставалась именно честь государя, однако впервые возникшая в годы войны с Польшей практика печатного обращения не к обидчику, а к широкому кругу потенциальных читателей в последующие периоды вновь и вновь возобновлялась.

Начиная со времени правления Алексея Михайловича, отслеживание негативных, оскорбительных публикаций становится обычным явлением. В 1660-х гг. мы регулярно встречаем сведения о том, что русские дипломаты следили за публикациями о России в западной прессе. Например, весной 1664 года А. Л. Ордин-Нащокин должен был отправиться на съезд с польскими войсками для переговоров о прекращении войны. Перед отъездом он подал государю записку, в которой обращал внимание царя на враждебные действия Швеции. «Шведы ..., – писал русский дипломат, – составляют злые вести, в Стокгольме печатают и во весь свет рассылают, унижая Московское государство. При мне грек Кирьяк привез эти вести ... и вот польские сенаторы начали быть горды и не сходительны в мирных статьях, стали колоть нам глаза этим шведским сочинением, будто правда, что в Великой России

[1247] *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 181, 221.

[1248] ПДС. Т.6. Стб. 1142.

страшное бессилие и разорение; по шведским же рассыльным вестям король (польский – *С.Ш.*) и в Украйну пошел, услыхав, что все московские войска высланы против башкирцев»[1249].

В Посольском приказе следили не только за публикацией конкретной информации о России, но и отмечали случаи неправильного титулования российских государей в газетных статьях. Регулярное «понижение» титула Алексея Михайловича, которого голландские газетчики именовали «великим князем», а не царем, в 1666 г. чуть не привело к дипломатическому конфликту. Однако торговавшие в России голландские купцы, крайне не заинтересованные в обострении российско-голландских отношений, предложили решить эту проблему частным порядком с издателями[1250].

В информационную войну в некоторых случаях приходилось вступать и в мирное время. Одну из больших тематических групп в курантах времени правления Алексея Михайловича составили известия о восстании Степана Разина[1251] (более 30 сообщений)[1252]. Хотя в западной прессе появлялись весьма различные, в том числе и объективные публикации, в ряде статей

[1249] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. VI. Т. 11. История России с древнейших времен. М. 1991. С. 156–157.

[1250] *Копанев Н. А.* Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого // Петр I и Голландия. Спб. 1997. С. 254; *Maier I.* Zeventiende-eeuwse Nederlandse couranten vertaald voor de tsaar // Tijdschrift voor Mediageschiedenis. 12, 2009, 27–49; РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1666 г. Ед. хр. 2.

[1251] Раздел, посвященный курантам, о восстании Степана Разина, составлен на основе совместного с И. Майер доклада «”Бунты” в курантах марта – начала июля 1671 г.», подготовленного для конференции «Premodern Revolts in their Transnational Representation», Bielefeld, 26–27 июня 2009 г.). См.: *Maier I., Shamin S.* «Revolts» in the Kuranty of March–July 1671 // From Mutual Observation to Propaganda War: Premodern Revolts in their Transnational Representations / Griesse, Malte. Bielefeld, 2014. P. 181–203.

[1252] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г., Ед. хр. 7. Л. 6 об., 6 об.–7, 9 об., 14, 20 об.–21, 23, 24–24 об., 24 об., 24 об.–25, 25–25 об., 26, 30 об., 40 об.– 41, 49.об.–50, 51–51.об., 55.об.–56, 56–57, 57.об., 58–58.об., 70, 70 об., 88, 101– 101 об., 102 об., 103, 113–113 об., 118–118 об., 122 об., 128, 134, 158 об., 166.

успехи восставших сильно преувеличивались. В некоторых статьях о Разине писали, как о независимом властителе. Особенно неприятными для русских властей были рассказы о «политической изоляции» России и ее «фактическом распаде». Они были чреваты особенно серьезными имиджевыми потерями и существенно ослабляли позиции русских дипломатов на международных переговорах. Приведем наиболее яркие примеры из курантов 1671 г.: «Из Варшавы генваря 31-го числа. Из Москвы ведомость, что смущение тамо еще настояло и бутто Разин Астрахань и Казань взял. Да к тому иных мест с 50, а с ним де з 200000 человек, и бутто тамо приехал посланник свеиской для договору, имянуя его царем Астраханским. Также бутто шах персицкой в то смущение примешивается некоторых ради разнств о Хвалимском море»[1253]; «Из Вилна февраля 26-г числа. Здесь подлинно ведомо, что из Московского государства великие послы х королевскому величеству отпущены, которым велено просити помочи против Стенки Разина. А за то хотят они поляком отдать Смоленск со всею Украиною. А Стенка Разин хочет своих послов х королю отпустить, чтоб он Москве помочи не давал. И за то обнадеживаят он коруну польскую, что хочет все им отдать, что у них Москва побрала»[1254]; «Ис Прус марта 3-го числа. Из Вильна обявляют, что они ожидают посланника своего с Москвы, а с ним ожидают ведомости, уступят ли они Смоленска, Быхова, Киева или воевать хотят. Из Риги пишут в последних грамотах, что царь самой большой пушечной наряд из Смоленска взять велел, и потому знатно, что Стенка Разин предвоитин[1255] поляку и шведу»[1256]. Эти «новости» были ложью. Характерно, что наиболее неприятные для русских властей материалы распространялись из Польши и прибалтийских владений Швеции.

[1253] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г., Ед. хр. 7. Л. 6 об.–7.

[1254] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г., Ед. хр. 7. Л. 24 об.–25.

[1255] Так в тексте.

[1256] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г., Ед. хр. 7. Л. 25–25 об.

Некоторые из «новостей» в реальности оказываются памфлетами или, скорее, пасквилями антироссийского содержания. В первую очередь, это относится к «ультиматуму Степана Разина»: «Из Висмаря марта 27-го числа. Из Риги объявляют, бутто некоторым полкам конного строю указано из Свеи прибыти в Ригу, но не ведомо, х какому намерению, царскому ли величеству на помощь или удовольство которое восприяти хотят. А про войска царского величества в письмах твердят, бутто все побиты, а бунтовщик послал царскому величеству 6 статей. Буде поволит ево царское величество те статьи содержать, для того чтоб ему бунтовщику впредь не наступать, се есть: 1. чтоб он, великий государь, имяновал его быть царем Астраханским и Казанским, 2. чтоб старому патриарху быти на Москве по-прежнему, 3. чтоб дать ему бунтовщику 20 миллионов золота, 4. чтоб десять князей выдать ему, 5. чтоб образ его написав воздвигнуть, 6. чтоб ежегод ему давать дань»[1257].

В последнем тексте невозможно видеть информационное сообщение уже потому, что сам факт подобных переговоров отсутствовал. Об этом позднее русские дипломаты сообщали своим шведским коллегам: «А чтоб

[1257] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г., Ед. хр. 7. Л. 56–57. Любопытно, что «ультиматум Степана Разина» был впервые проанализирован не в научном исследовании, а в романе известного советского писателя С. П. Злобина «Степан Разин» (1951 г.). Роман много раз переиздавался, а в наше время его текст широко представлен в Интернете. Интересующий нас документ использован в главе «Конец великого канцлера», где рассказывается о падении Ордина-Нащокина и возвышении Матвеева. Автор не сомневается, что это иностранное сочинение, и предположение о целях его составления вкладывает в уста Матвеева: «Умыслом пишут – чтобы унизить нашего государя и всю державу. Страху хотят нагнать на торговых людей иных государств, чтобы, страшась разорения и грабежу, не ездили к русскому торгу, а самим бы приехать и цены свои давать, какие хотят положить». От его же лица романист озвучивает предложение требовать от шведской стороны наказания издателей. О такой реакции на публикацию «ультиматума Степана Разина» писатель знал из опубликованных в его время исторических исследований. В уста Нащокина Злобин вкладывает альтернативное предложение: «повели, государь, составить такие куранты, в коих бы писано было о прекращении мятежу и как Стенька, вор и мятежник, казнен на плахе...». В 1951 г. романист не мог знать, что сообщения о разгроме войск Разина (об этом ниже) действительно посылались из Москвы в европейские газеты. Текст романа цитируется по сайту http:// www.erlib.com

вор Стенка Разин искал случая присылки к царскому величеству и просил о статьях вышеписанных, и того отнюдь не бывало ж»[1258]. Текст следует расценивать как сочинение агитационного характера, сходный по функциональному назначению с подложными антитурецкими «грамотами султана»[1259]. На вопрос о том, где это сочинение было составлено, можно ответить с большой долей уверенности. Агитационные послания Степана Разина и его сподвижников хорошо изучены. В них Разин всегда выступает как сторонник царя или его сына Алексея Алексеевича (покойного к тому времени). Лидер восстания якобы исполняет их повеление – истребляет бояр и других «злых исказителей» царской воли[1260]. Такое отношение к верховной власти получило в историографии название «наивного монархизма». Оно было свойственно всем народным движениям эпохи Средневековья. Таким образом, мы не можем видеть в «ультиматуме Степана Разина» произведение российского автора. Европейские же газеты указывают нам источник его распространения – город Рига в шведской Прибалтике. Судя по всему, «ультиматум Степана Разина» распространялся именно отсюда.

Почему же в европейской прессе появлялись ложные публикации, рассказывающие о слабости России? А. Л. Гольдберг, А. Г. Маньков и С. Я. Марлинский предполагали, что «дело не обходилось без определенного и преднамеренного искажения сведений о положении в России и нагнетания ужасов с целью создания за рубежом общественного мнения, подготовленного на случай вмешательства европейских государств во внутренние дела России»[1261]. С этой точкой зрения согласиться нельзя. Каких-либо фактов, сви-

---

[1258] *Попов А.* История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 82.

[1259] Об этих образцах пропагандистской литературы кратко рассказано в Главе 1. Подробно см.: *Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

[1260] *Буганов В. И.* Разин и Разинцы. М., 1995. С. 12–45 и далее.

[1261] Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. *Манькова А. Г.* Л., 1975. С. 88.

детельствующих о подготовке правительств Польши или Швеции – европейских соседей России – к вторжению на ее территорию в начале 1670-х гг. не зафиксировано. Да и вряд ли европейское общественное мнение нужно было готовить к походу на Россию. Русских в Европе не воспринимали как «своих» и к такой войне отнеслись бы совершенно спокойно безо всякой идеологической подготовки.

Причину появления подобных публикаций следует искать в другом. Благоприятной почвой для фабрикации антироссийских сообщений были войны, которые Россия вела в предшествующие годы со своими соседями. Однако, если вспомнить, что наиболее мрачные новости отправлялись из Прибалтики, то можно заподозрить и коммерческий интерес – известия о бедственном положении России отталкивали от торговли с ней предпринимателей из Голландии, Англии и Гамбурга, что автоматически давало преимущество их польским и прибалтийским коллегам.

Русское правительство болезненно реагировало на такие публикации. 14 июня 1670 г. П. Марселис писал кенигсбергскому почтмейстеру о неких «зазорных вестях», опубликованных в 44 номере кенигсбергской газеты за 1670-й г. Марселис советовал издателю газеты сохранить для своего оправдания то письмо, из которого эти известия взяты, поскольку царь Алексей Михайлович был этим «ложным и зазорным» сообщением «вельми разгневлен» и собирается отправлять курфюрсту Бранденбургскому «некое послание», поскольку такого «терпеть не изволит»[1262]. К сожалению, указанный номер кенигсбергской газеты не сохранился, не удалось найти и русского перевода данной публикации. Однако, скорее всего, речь в статье шла именно о Степане Разине (другой, столь болезненной для русского правительства темы в это время просто не было).

В конце 1670 г. находящийся на службе у Алексея Михайловича иноземец фон Стаден получил от русского правительства поручение, домогаться

[1262] *Козловский И. П.* Первые почты ... Т. 2. С. 30.

от шведской стороны наказания «газетырей», печатавших непристойные речи о нем, государе, о бывшем патриархе Никоне и о Стеньке Разине. В качестве примера такой публикации русские дипломаты приводили напечатанный в «рижских газетах»[1263] 19 ноября 1670 г. текст о том, «что бывший московский патриарх, великое число войска собрав, хочет итти войною на царского величества московского для того, что царь обезчестив, от патриаршеского чина безо всякой вины отставил его, не разсудя, что он, патриарх, премудрый и ученой человек, и во всем лучше самого царя досужее; а вина его отставления есть, что он поволил лютеранской, кальвинской, также и католицкой веры людем в русские церкви ходить, что прежде сего у предков их за некое нехристианское действо держали; что из русских же краев также сия ведомость приходит, что царское величество ищет с Стенькою Разиным мириться, к чему Разин склонен только на условиях: 1) чтоб государь российский почитал его царем Казанским и Астраханским; 2) дать ему из казны царской на его войско 20 бочек золота; 3) выдать в руки ему, Стеньке, осемь человек ближних государевых бояр, коих он за прегрешения казнить намерен; 4) чтоб Никон патриарх, находящийся ныне у него, паки свой сан получил»[1264]. Очевидно, что это вариант приведенного выше в сообщении из Висмара от 27 марта «ультиматума Степана Разина», который пришел туда как раз через Ригу.

29 декабря 1672 г. в Москве в Посольском приказе на переговорах со шведским посланником А. Эбершильтом его упрекали в том, что «королевского величества подданным, которые печатные дворы держат и куранты пе-

---

[1263] Речь идет о рукописной газете или каком-то листовом издании. Печатная газета в Риге появилась в 1680 г. См.: *Vanamölder K.* Establishing a State-Controlled Network for News Trading in the Swedish Baltic Provinces in the Late Seventeenth Century: Causes and Consequences // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 280.

[1264] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4. М., 1902. С. 190–191.

чатают и пишут, затевая ложно и многое не против достоинства великого государя нашего, его царского величества, печатают же и пишут». Эбершильту предоставили выписки из подобных публикаций. На это шведский дипломат отвечал, что публикации вышли в Кенигсберге[1265].

Тема рижских публикаций о Разине поднималась русскими дипломатами еще много лет спустя. В 1676 г. во время русско-шведских переговоров на реке Меузице шведским дипломатам вновь было поставлено на вид, что во время восстания Степана Разина в Риге и в других шведских городах печатались «авизы», в которых унижалось достоинство царя: «и такие-то полные лжи куранты распространялись по всей Европе»[1266]. Обвинения в публикации в Риге ложных авиз о Разине вкупе с требованием наказать издателей изначально планировалось и в подготовительных материалах к переговорам 1681 г.[1267] Однако продолжающаяся война с Османской империей не располагала к особенно острым выпадам против шведов и пункт о Разине в посольском наказе был вычеркнут. Последний раз этот упрек прозвучал на русско-шведских переговорах в 1684 г.[1268] К этому времени восстание Степана Разина стало уже историей. Упоминание о нем было не живой обидой, а средством давления на партнеров по переговорам.

Защита государевой чести и угроза ответить войной на оскорбление вполне укладываются в парадигму традиционной культуры. Однако видим мы и методы реагирования, которые были характерны для Нового времени. Российское правительство не только протестовало против подобных публикаций по дипломатическим каналам, но и передавало в европейскую печать

[1265] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. III. М. 1962. С. 285, 286.

[1266] *Форстен Г.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1899, июнь, С. 321.

[1267] Кобзарева Е.И. Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672—1681 гг. М., 2017. С. 268–269.

[1268] *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 270.

собственную информацию о положении дел. К таким материалам относится включенный в куранты перевод статьи, озаглавленный «Перевод з галанских курантов. Из Москвы генваря в 26 день»[1269], в котором подробно со множеством точных деталей рассказывается о разгроме Степана Разина. Статья охватывает целый месяц боевых действий под Симбирском (с 4 сентября по 3 октября). Составитель корреспонденции знает не только о том, что над Разиным одержана победа, но и что И. Б. Милославский награжден за эту победу. Скорее всего, статья представляет собой официальное сообщение российских властей, переданное по каким-то каналам в голландскую газету.

Данное сообщение было отправлено из Москвы примерно через три месяца после описываемого сражения, когда «новость», мягко говоря, устарела. Если же предположить, что перед нами не сообщение о текущих событиях, а опровержение ложных сообщений о победах Разина, который призван снять страхи европейских купцов, то такая задержка уже не кажется странной. Цель, с которой статья писалась очевидна. В последней строке автор утверждает: «купечество к тому государству паки имать простиратися», т.е. купцы вновь могут вести свою торговлю. Отправка такой публикации в голландскую газету в конце января, когда торгующие с Москвой купцы решали, идти ли им в текущем году в Архангельск, вполне своевременна.

Последние исследования Г. М. Казакова и И. Майер показывают, что рассылка новостей о победе над Разиным велась весьма активно. Кто-то из голландцев получил в свое распоряжение приговор, зачитанный перед казнью Степану Разину. Находящемуся в близких отношениях с А. С. Матвеевым шведскому купцу Кристофору Коху (который в разное время совмещал с торговой деятельностью и обязанности шпиона, и функции официального представителя Шведской короны) достался даже цветной рисунок с изображением казни Разина. Изображение было выполнено в Посольском приказе (или же в приказе Тайных дел). Подобные рисунки отправлялись в Европу

[1269] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г., Ед. хр. 7. Л. 40 об.–41.

также и по другим каналам. Некоторые из них были изданы позднее за рубежом в виде гравюр[1270]. Как видим, в последние годы правления Алексея Михайловича российские власти освоили также и визуальные средства агитации.

В последней четверти XVII столетия объективные условия для ведения информационных войн исчезают. В это время Россия сражалась с Османской империей, что вызывало радость во многих европейских столицах. В этих условиях было достаточно отправлять новости положительного характера через европейцев, по разным причинам заинтересованных в добрых отношениях с Москвой[1271]. С какого-то момента важную роль в рассылке новостей стал играть А. А. Виниус. Выше уже говорилось о его роли в рассылке новостей об Азовских походах Петра. Самые ранние данные об участии Виниуса в информационном обмене относятся к началу его карьеры в Посольском приказе. Вероятнее всего, именно он в 1665 г. передал приезжавшему в Москву в составе голландского посольства Н. Витсену данные о Китае и Каспийском море[1272]. В 1680-х гг. он отправлял приватные сведения из Москвы ко двору великого курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбург-

---

[1270] *Казаков Г. М., Майер И.* Иностранные известия о казни Степана Разина. Новые документы из стокгольмского архива // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 210–243. См. также: *Maier I.* How Was Western Europe Informed about Muscovy? The Razin Rebellion in Focus // Information and Empire Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. / Ed. by Simon Franklin and Katherine Bowers. Cambridge, 2017. P. 113–151; *Droste H., Maier I.* Christoff Koch (1637−1711) − Sweden's Man in Moscow // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 119–139.

[1271] *Богданов А. П.* «Истинное и верное сказание о крымском походе 1687 г.» – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. / ред. В. Т. Пашуто. М., 1982. С. 57–84; *Богданов А. П.* Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 26–46; *Богданов А. П.* Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 2007. С. 221–248.

[1272] *Boterbloem K.* Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641–1716. Basingstoke, 2013. P. 60–61.

ского. Часть этих материалов попадала в газеты[1273]. Возможно, что изначально Виниус занимался распространением новостей неофициально. При Петре Виниус рассылал новости вполне открыто. Об этом заставляет думать тот факт, что среди хранившихся у Виниуса книг была «Книга писменная, цесарского языка, с Москвы в Галандию и в Англию о всяких ведомостях»[1274]. Очевидно, что это копийная книга с сообщениями, которые Виниус направлял за рубеж.

Информационная ситуация резко изменилась после того, как в 1700 г. началась Северная война. В этот конфликт были вовлечены ведущие государства севера Европы, и пресса с большим вниманием следила за его развитием. Появилось значительное число публикаций прошведской ориентации, направленных против России. Информационная война вспыхнула очень скоро после начала реальных боев. Это было вполне естественно, поскольку шведские власти прекрасно осознали важность информационного противостояния с противником во время предшествующих конфликтов с соседями[1275]. Вскоре после начала боевых действий шведы начали рассылать специально напечатанные листовки, адресованные жителям приграничных районов России[1276].

После разгрома русской армии под Нарвой шведы стали распространять известия об этом событии в разных странах, в том числе и в Голландии. Находившийся в Гааге в качестве дипломатического представителя России

[1273] *Казаков Г. М.* Почтмейстер Андрей Андреевич Виниус как информант бранденбургского курфюршеского двора // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы междунар. науч. конф. М., 2018. С. 68–71.

[1274] *Юркин И. Н.* «От первопрестольного града Москвы...»: А. А. Виниус в Москве и Подмосковье. М., 2009. С. 109.

[1275] *Vanamölder K.* Establishing a State-Controlled Network ... P. 285.

[1276] Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676— 1717). К истории Северной войны. Сборник документов / Сост. С. Р. Долгова, Г. Р. Якушкин. — М.; СПб., 2015. С. 44

А. А. Матвеев сообщил об этом в своем письме от 20 декабря 1700 г.: «Какое письмо напечатать велели в Амстердаме о нынешной, будто, победе шведов над войски вашими, крича и продавая по улицам, все разглашая на весь свет. Поимав его подлинное, на верное свидетельство явной их к вам любви, послал при сем письме. А не переведено для того, что объявлено в нем все то ж, как и у свейского посла в писме явилося, и печати предано то все с его с ходотайству. И с курантов их перевод послан при сем же моем писме. С господином Витценом нарочно видевся, говорил я, чтобы возбранить таким письмам, которые без жадных верных ведомостей по разсеянным слухам от шведов пронесены здесь, о чем хотел тот час с великим заказом написать в Амстердам к бургамистром. А что чинитца сказал, не от дозволения статов, но яко вольной народ. И говорил, чтоб того писма к Вам не посылать, а слухам тем истинным быть не чаем»[1277]. Как видим, даже обращение хорошо относящемуся к России Витцену не помогло решить проблему.

Позднее Матвеев официально обратился к голландскому правительству с требованием, чтобы оно не разрешало принимать от шведского посла «мемориалов, противных достоинству монарха русского», и запретило подкупленным шведами журналистам печатать «неистовые хулы на особу царя»[1278]. Однако поражение русской армии под Нарвой оставалось фактом. Впечатление от шведских публикаций Матвееву удалось скорректировать, издав присланные из Москвы мемориалы, но вскоре шведский посол Лилиенрот напечатал свои замечания на этот документ[1279].

За публикацию своих материалов Матвееву приходилось платить. В его приходно-расходной книге за 1699–1715 гг. отмечен целый ряд выплат газет-

---

[1277] РНБ F.IV.492.

[1278] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. VIII. Т. 15. История России с древнейших времен. М. 1993. С. 43.

[1279] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. VIII. Т. 15. История России с древнейших времен. М. 1993. С. 43–44.

чикам за публикацию известий о России. В октябре 1702 г. «дано две пары из последнего сорока соболей гагским курантистом за новизны побед московских над шведы и иных славных дел, что внесены были от них в газеты народныя». Год спустя «дана в подарок курантиру, которой всякия навины из Москвы вносил в народныя газеты, великаго государя высокаго имени к славе, пара средняго сорока соболей». Зимой и весной 1707 г. гаагские газетчики получили деньги «за реляции, которые в Голландии были печатаны о разных благополучных россииских викториях воиск над шведы под Калишем и в других местах», а также «за реляции о баталии, бывшей в Курляндии». Предприимчивые журналисты умудрились получить плату даже за публикацию известия о победе русских войск под Полтавой (1709 г.), которая, безусловно, была сама по себе сенсацией, вызвавшей острый интерес читающей публики[1280].

Любопытно, что в публикациях, оплачиваемых Матвеевым, упоминается и о его собственной деятельности. Так, в 1702 г. в курантах, в числе присланных Матвеевым сообщений, появилось сразу две почти идентичные статьи (по-видимому, в двух разных голландских газетах): «Ис курантов Амстрадамских из Гравенгаги июня в 11 день. Понеже вчера именины царя московского были, сего ради московской посол короля прусского под трубным и литаврным звуком подчивал, и для почтения его караул из свойцарского полку там поставлен был. Из гарлемских курантов оттуды ж и того ж числа. Понеже вчера его царского величества московского именины были, сего ради его посол, господин околничий, его королевское величество прусское его эксцеленцию или светлость графа Виртенберга, яко оберкамергера со иными господами министрами потчевал под трубными и литаврными звонами. При сем караул от свайцарского полка перед двором его был поставлен»[1281]. Мат-

[1280] *Копанев Н. А.* Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого // Петр I и Голландия. СПб. 1997. С. 254, 255; РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 5. Л. 2, 2 об., 6, 6 об., 9, 12, 13 об.

[1281] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 32. об.

веев, работая над положительным имиджем России, не забывал и лишний раз напомнить начальству о себе.

Гаага была не единственным местом, откуда распространялись нужные для российских властей известия. В период, когда после поражения под Нарвой в Прибалтике разворачивалась «малая война»[1282], российское правительство постоянно наращивало усилия в дипломатической и информационной борьбе. К примеру, в марте 1703 г. письмо ингерманландского губернатора А. Д. Меншикова к Петру с рассказом об успешном походе «в неприятелскую свейскую землю х Канцам» стало источником для публикации в газете «Ведомости» и сообщений, которые русским дипломатом за рубежом полагалось сообщать местным правительствам[1283].

Русско-шведское противостояние в информационном пространстве постепенно распространилось по разным городам Европы. Российское правительство последовательно добивалось запретов на публикацию оскорбительных для Петра I и России материалов. Такие запреты были введены в Пруссии и Саксонии[1284]. 17 мая 1703 г. в Москву пришло адресованное Петру I письмо любекского купца Адама Бранда, поставлявшего в Россию оружие. Предприниматель писал: «Вашему царскому величеству покорно извещаю, яко в прошлом году обрел здесь различные неотвечаемые писма против вашего царского величества от шведов печатаны и продать отданы. И о том я бурмистру жаловался. На то бурмистр всем книгопродавцам дал заказ, никаких книг против Вашего царского величества писанных отнюдь не продавать, не держать. И то по се время держится. Надеюся, ваше царское величество

[1282] *Иванюк С. А.* Малая Война в стратегии и тактике русской армии на первом этапе Северной войны (осень 1700 – лето 1709 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014.

[1283] *Базарова Т. А.* Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2014. С. 26, 39.

[1284] *Соловьев С. М.* Сочинения. в 18 кн. Кн. VIII. Т. 15. История России с древнейших времен. М. 1993. С. 82.

негодовати не будет. Аз во сим хотел должное мое послушание обдержать. И пока господь бог жизнь мою продлит и мне Ваше царского величества дела вручено и приказано будет, то почтуся вашему царскому величеству верно и похвально служить. Аще бы ведал, яко ваше царское величество изволяешь о том победы свои против шведов в курантах напечатать, то бы я всегда велел поставить во авизах. А без вашего царского величества милостиваго изволения яко учинить не посмел. И о том вашего царского величества милостивого указу ожидать»[1285].

В конце 1701 – начале 1702 г. удалось добиться от гамбургских властей решения «не печатать впред в газетах ничего для Российского государства предосудительного»[1286]. Это было крупной победой, поскольку Гамбург являлся важнейшим центром распространения информации для европейской прессы. За соблюдением этого требования в России следили весьма жестко. Когда в 1705 г. в одной из гамбургских газет было опубликовано порочащее Россию сообщение из Риги, одного из гамбургских купцов подвергли аресту. Гамбургский городской совет оштрафовал издателя и заставил его напечатать опровержение[1287]. Российское правительство приняло извинения, однако параллельно потребовало от властей Гамбурга введения более строгой ответственности за оскорбительные публикации – вплоть до телесных наказаний и изгнания из города[1288]. Добиться этого в итоге не удалось. В 1713 г. Гамбургу пришлось выплатить за нежелательные публикации 200 тыс. талеров. Но и на этом тема не была закрыта. В итоге, в 1724 г. городской совет Гамбурга за-

---

[1285] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1703 г. Ед. хр. 8. Л. 13.

[1286] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 2. Германия и Италия. М., 1896. С. 150

[1287] *Майер И., Шамин С. М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. 2011. № 5. С. 103.

[1288] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3. СПб., 1893. С. 350, 351.

претил издателям публиковать какие-либо сведения о России, кроме тех, что им передавал российский резидент в Гамбурге И. Ф. Биттигер[1289].

Не будет преувеличением сказать, что к шедшей в прессе борьбе постепенно присоединились все русские дипломаты. Так, осенью 1708 г. В. Л. Долгоруков, русский посол при датском дворе, публиковал в местной прессе известия о победе русской армии в сражении при Лесной. В письме главе дипломатического ведомства России Г. И. Головкину от 30 октября Долгоруков сообщал о своих планах: «здесь напечатав разошлю по разным местам, чтоб везде та славная виктория разгласилась…», а 18 декабря 1708 он отчитался о проделанной работе: «оную победу напечатать велел я в куранты и разослали всюды…»[1290]. В 1710 г. Головкин отправлял Г. Ф. Долгорукову, представлявшему русские интересы в Варшаве, текст с известием о подтверждении тридцатилетнего мира с Турцией и о том, что султан собирается выслать Карла XII с территории Османской империи. Этот текст посол должен был «королевскому величеству Августу и сенаторем полским и протчим кому… объявить, також и в газеты напечатать», что и было исполнено[1291]. Б. И. Куракин в Лондоне публиковал материалы в местных газетах. Он писал Головкину: «А что приналежит до газет о собрании сенаторей и прочего, то отдал напечатать»[1292]. Можно предположить, что публикация положительных материалов о России в иностранной прессе стала одной из служебных обязанностей находящихся за рубежом русских дипломатов.

О совсем уж необычном способе бороться со шведской агитацией писал Петру I в письме от 14 апреля 1712 г. Я. В. Брюс (российский государственный деятель и ученый, составитель знаменитого «Брюсова календаря»). Он сообщил, что в Нюрнберге появился шведский золотой с надписью из

[1289] *Майер И., Шамин С. М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии… С. 104.

[1290] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. М., 1951. С. 751, 755.

[1291] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 10. М., 1956. С. 510, 511.

[1292] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. С. 509.

Псалтыри на латинском языке: «Господь моим защитителем стал быти». Монета была, предположительно, отчеканена в Бендерах, где в это время находился после разгрома под Полтавой шведский король Карл XII. Один из немецких ученых «кабалистикою изчислял, пророчествуя сему году королю шведцкому щасливу быти». Об этом «открытии» писали в газетах. В ответ на это географ Гоман (И. Б. Гоман, нюренбергский картограф, позднее по заказу Петра издал карту «Камчадалии»), которого Брюс «единаго изобрел зело склонного» к Петру I, произвел собственные каббалистические расчеты. По ним на основании той же надписи выходило, что удача в текущем году будет сопутствовать русскому царю. Расчеты были оформлены в виде двух виршей на латыни. Эти вирши Брюс переслал Петру I[1293]. Так борьба между Россией и Швецией продолжилась на ниве кабалистики.

Впрочем, победа на фронтах информационной войны могла оставаться и за Швецией. Г. Волков, занимавший в 1711 г. должность секретаря русского посольства при французском дворе, столкнулся с тем, что здесь не желают печатать «добрые ведомости» о России. Чтобы решить эту проблему Волков предлагал печатника «чем-нибудь приласкать, дабы хотя принимал добрые об нас ведомости и в печать посылал»[1294]. Трудности Волкова легко понять. Франция в русско-шведском конфликте выступала на стороне Швеции, а местная пресса находилась под жестким контролем правительства.

В петровское время впервые была предпринята попытка комплексно формировать положительный образ России. В 1702 г. служивший Петру I лифляндский дворянин Иоганн Паткуль пригласил на русскую службу барона Генриха Гюйссена (немца по национальности). Гюйссен имел юридическое образование. Он получил докторскую степень в Страсбурге. По договору, который Гюйссен заключил с русским правительством в 1702 г., он обязался 1) вербовать для русской службы иностранных специалистов (офице-

[1293] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. М., 1975. С. 374.

[1294] В-К I. С. 6.

ров, инженеров, художников и т.д.); 2) переводить, печатать и распространять царские сообщения для устройства военной части в России; 3) склонять голландских, германских и других стран ученых, чтобы они посвящали царю или членам его семейства, или, наконец, царским министрам замечательные из своих произведений, преимущественно касающиеся истории, политики и механики; также, чтобы эти ученые писали статьи к прославлению России; 4) войти в переговоры с почтмейстерами разных государств о рассылке русских писем, причем иметь в виду отправление почты через Польшу и Австрию. Благодаря тому, что Гюйссен оставил подробные записки о своей жизни, мы знаем, что в реальности сфера деятельности ученого иностранца оказалась гораздо обширнее и разнообразнее, чем это было предусмотрено контрактом.

Остановимся подробнее на контактах Гюйссена с издателями европейских журналов. В 1705 г. в Лейпциге Гюйссен убедил Рабенера, редактора журнала «Europäische Fama», писать в своем журнале хвалебные статьи о России. При этом в издании стали помещаться портреты Петра, а также русских генералов и министров. О самом царе журнал писал в таком стиле: «Его царское величество пребывал некоторое время в своих наследственных владениях, не оставаясь однако на одном месте, но являясь то там, то здесь, смотря как требуют того дела в провинциях. Таков характер сего, истинно милостивого отца страны: подобно солнцу, не останавливается он ни утром ни вечером, но беспрерывно переменяет место пребывания свое. Таким образом, должны почитать себя в высшей степени счастливыми те страны, владетели которых, по примеру солнца, не пребывают на одном месте, но то тех, то иных подданных веселят своим присутствием и доставляют ту пользу, что узнают потребности страны и не слушают разных пустяков от неблагонамеренных министров. Надобно до сих пор оплакивать, что Людовик Баварский подал такой пример своим наследникам, что немецкому императору приходится не столько ездить по своим владениям, сколько мирно сидеть в наследственной земле. Молва о бывшем в Москве большом возмущении и последо-

вавших затем жестоких казнях совершенно несправедлива». Гюйссену удалось установить хорошие контакты и с издателем журнала «Welt und Staats Spiegel», выходившего с 1709 г. В первом же выпуске этого издания, рядом с известием о Полтавской битве, читаем: «При этом мы не будем говорить об основателе Московского государства, напомним только, что Россия начала пользоваться большим спокойствием с 1613 г., т.е. со времени вступления на престол Федоровской фамилии, которая по матери происходит от Васильевича Великого. Сего государя ославил тираном один бесталанный историк, так как он не мог различить завоевателя от тирана. Но из всех членов этой фамилии справедливо считается знаменитейшим ныне царствующий государь Петр Алексеевич, одаренный огромными умственными способностями. Он не только сам своею собственною высокою особою посетил знатнейшие европейские государства (чего до него ни один из царей не делал), но и положил основание к будущему просвещению и преуспеянию страны, для кои цели и призваны многие способные иноземцы»[1295]. Как видим, Гюйссен работал с европейской прессой весьма успешно.

Большое внимание работе с новостями уделялось в Коллегии иностранных дел. К началу 1720-х гг. существовала устойчивая практика, в соответствии с которой российским дипломатическим представителям за рубежом регулярно отправлялись для распространения «публичные ведомости»[1296]. Делались переводы отдельных газет[1297]. Не позднее 1724 г. в Коллегии иностранных дел была создана весьма совершенная система мониторинга иностранной прессы[1298]. Получаемые по подписке газеты из Гамбурга, Аль-

---

[1295] *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 64–107.

[1296] См., к примеру, АВПРИ. Ф. 11. Оп. 1. 1720 г. Ед. хр. 12; РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. Хр. 96. 1725 г.

[1297] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. Хр. 132. 1721 г.

[1298] Подробнее см.*: Майер И., Шамин С. М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. 2011. № 5. С. 91–111; *Майер И., Шамин С. М.* Отбор информации для «курантов» и техника перевода в Коллегии иностранных дел

тоны (недалеко от Гамбурга), Берлина, Бреслау, Кенигсберга, Лейпцига, Халле (недалеко от Лейпцига), Гарлема, Гааги и Амстердама просматривались. В них отмечались интересные для коллегии статьи, с которых делались переводы. При переводе указывались точные выходные данные статей. Эти материалы именовались также, как и в прошлом столетии курантами, хотя их назначение стало совершенно иным – читателей таких обзоров интересовали уже не сами новости, а то, как о тех или иных событиях пишут в газетах. На полях этих курантов имеются пометы о необходимости тем или иным образом отреагировать на сообщение. В случае, если это требовалось, на иностранные публикации составлялись опровержения и отправлялись к находящимся за границей дипломатам[1299]. Составленные в Коллеги опровержения передавались также для публикации в Академию наук[1300]. Практика составления обзоров иностранной прессы после 1730-х гг. требует специального исследования. В РГАДА хранятся отдельные переводы за 1744, 1745, 1747, 1749, 1755 гг.[1301], а в АВПРИ – документы, датированные в описи 1744 –1769 гг.[1302] В перевод ганауской газеты от 6 октября 1747 г. вложена записка «Его сиятельство изволил приказать посмотреть во всех газетах последней почты, и ежели где писано подобное или той материи, как обретенное в возвращающейся при сем немецкое газете, оное изо всех перевесть и белой перевод сюда прислать октября 13 дня»[1303].

в 1720-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 2. С. 71–88. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.6.

[1299] АВПРИ. Ф. 11. Оп. 1. 1729 г. Ед. хр. 185. Л. 1–44.

[1300] Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1: 1716-1730. СПб., 1885. С. 291.

[1301] РГАДА. Оп. 2. Ед. Хр. 103, 104, 106.

[1302] АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/4. 1744–1769 гг. Ед. Хр. 7.

[1303] РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. Хр. 104. Л. 50–52.

Подводя итоги данного раздела, не будет преувеличением сказать, что в конце правления Петра влияние внешнеполитического ведомства России на западную прессу было более сильным, чем в любую последующую эпоху.

7.2. Возникновение русской прессы

Издатели современных газет вынуждены постоянно искать линию равновесия между серьезной, деловой информацией и развлекательными материалами. Причем последние зачастую превалируют – можно встретить издания, которые полностью посвящены развлечению публики, но разве что сводки биржевых котировок обходятся исключительно деловой информацией, без тени юмора, без сенсаций, без познавательных материалов. Это вполне естественно, поскольку самому строгому человеку требуется хотя бы краткий интеллектуальный отдых. Те же потребности имели и люди XVII столетия. В результате курьезная составляющая постепенно проникала в чисто деловые по своему назначению куранты. При этом менялась сущность изначальных материалов. Так, куранты – политические обзоры прессы – постепенно превращаются в газету. Астрологические календари, изначально переводившиеся для сугубо практических нужд (политическая и медицинская прогностика), со временем стали играть роль, близкую к альманахам-ежегодникам. Переводы полных текстов календарей оказались предтечей русских журналов. Этим процессам, приведшим к появлению русской прессы, посвящен данных раздел.

Превращение курантов в газету «Ведомости»: от международной аналитики к сенсациям и курьезам

Выше уже говорилось, что изначально система составления курантов выстраивалась для нужд дипломатии. Культурное значение дайджестов иностранной прессы долгое время оставалось ограниченным. Они были интересны лишь для тех, кто формировал внешнюю политику страны. Однако представителям политической элиты России ничто человеческое было не чуждо.

Постоянное усиление интереса членов русского правительства к Западу подталкивало составителей курантов к включению в них не только чисто рабочей политической информации, но и просто интересных новостей.

В годы царствования Алексея Михайловича заметен внезапно возросший у составителей курантов интерес к землетрясениям. Некоторое увеличение числа выходивших за пределы внешнеполитической хроники переводов намечалось и в годы руководства Посольским приказом В. В. Голицына. К примеру, в куранты попадали пророчества о падении Османской империи[1304]. Однако эти «отклонения» носили локальный характер и до поры до времени не имели далеко идущих последствий. В них можно видеть лишь предвестие будущих перемен. Переломную точку в длительном процессе превращения курантов из строго деловых приказных документов в тексты, похожие на газеты, можно увидеть в 1697 г.[1305] Этот год – время относительного «политического затишья» в Москве – в войне с Османской империей после взятия Азова наметилась пауза, интенсивность боевых действий существенно снизилась, а центр дипломатической и информационной активности перенесся в Великое посольство. Скорее всего, именно отсутствие военно-политических потрясений и отъезд из столицы беспокойного государя привели к тому, что куранты местами начали приближаться по своему характеру к четьим рукописям. Можно предположить, что переводы относительно больших по размеру «курьезных» публикаций вносили разнообразие в управленческую рутину заседаний Боярской думы.

[1304] *Шамин С. М.* Крест над Святой Софией: знамения и пророчества о падении Османской империи в годы войны Священной лиги 1683–1700 гг. (по материалам курантов) // Каптеревские чтения 10. М., 2012. С. 134–143.

[1305] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Куранты 1697 г.: литературная составляющая делового документа // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября - 1 ноября 2015 г. М. 2015. С. 257–263.

Формально все оставалось по-прежнему, сохранялся традиционный формуляр заглавий документа. Однако если взять для сравнения куранты периода правления царя Федора Алексеевича, то материалы, которые можно было бы назвать «курьезными» – описание чудес, природных катаклизмов, пышных церемоний, – встречались в них, хотя и не в качестве исключения, но все же редко. При этом основную массу составляли короткие сообщения в одну фразу. Даже если брать самые краткие упоминания, то в сумме за все годы правления Федора Алексеевича таких новостей не наберется и сотни, хотя эпидемии и появление кометы 1680–1681 гг. создавали хорошую почву для ярких публикаций[1306]. Теперь же повествовательные тексты заняли в курантах значимое место.

Первый «курьезный» материал отмечен еще в феврале, до отъезда Великого посольства. В составе известий из Варшавы видим объемный перевод (более 700 знаков в современном наборе) о том, как иезуитам явилась душа недавно погибшего хорунжего Христофора Радецкого и оставила сообщение для своего брата, которого призывала к любви, постоянству и готовности встретить «мучительства». Кроме того, душа открыла множество тайн, о которых, однако, запретила рассказывать посторонним. О посмертной жизни почившего короля душа отвечала «сумнительно», поскольку он «невозлюбим бе вышаишему»[1307]. Рассказы об участи грешников были любимым чтением русских книжников[1308].

В сводке курантов от 20 мая[1309], составленной уже после отбытия Великого посольства, вновь встречаем чудеса, однако уже не польского, а

[1306] *Шамин С. М.* Новости о церковной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII в. // Вестник церковной истории. 2009. № 3–4. С. 247–254.

[1307] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 90–91.

[1308] *Алпатов С. В.* «Ведомость из ада»: судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2. С. 153.

[1309] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 255–256.

французского происхождения. Судя по содержанию статьи, с вестями из потустороннего мира на этот раз столкнулся французский король. В соборе святого Дионисия внезапно, из ниоткуда, возникла рука, которая старательно намекала служителям на желание писать, а получив перо и бумагу, оставила послание с призывом заключить мир. К глубокому удивлению, король узнал в этом сообщении руку своей матери. Рассказ о чудесном откровении покойной королевы был дополнен известиями о гермафродите и некоем «чуде», пристававшем к королю во время прогулок в Фонтенбло. Это сообщение, составившее более 1 тысячи знаков в наборе, крайне интересно тем, что входило в состав сводки, размеченной знаками «+» для составления выписок, направляемых в Великое посольство царю. Для выписок отметили почти все материалы сводки, однако именно «чудесная» часть знаком «+» не отмечена и, следовательно, в выписки не попала. Таким образом, чудеса были развлечением для бояр, а не для Петра I.

Не обходили составители курантов и новости о чрезвычайных природных явлениях. В июньских сводках курантов дважды попадаются материалы о бурях. Одна из них свирепствовала недалеко от Берлина, снеся крыши, выбив окна, выворотив деревья, а также погубив урожай в поле и множество скотины. Необычно крупный град специально возили в Берлин для взвешивания[1310]. Аналогичное, хотя и более краткое сообщение пришло «от Мозели реки»[1311]. В этой сводке тему происшествий продолжил пожар в Стокгольме[1312]. «Метеорологическая» составляющая присутствует и в позднейших сводках. Среди них наиболее любопытны: известие о страшном вихре в Смоленске, начавшемся со столкновения черного и белого облаков, от чего на землю пал огонь, повредивший городские стены и валы, а также принесший

[1310] Там же. Л. 307.

[1311] Там же. Л. 318.

[1312] Там же. Л. 319.

иные бедствия, смерти и разрушения[1313]; новость об огненных ядрах в небе над Османской империей и сотрясающие ее землетрясения, которые истолкованы в качестве пророчеств[1314]; сообщения об извержении вулкана[1315], половодье[1316], комете[1317] и др.

Крупный блок в курантах 1697 г. составили описания церемоний. Разумеется, эта тема для курантов не уникальна. В материалах периода правления царя Федора Алексеевича выявлено 24 более или менее полных сообщения. Однако по своему объему эти тексты несопоставимы с тем, что мы имеем в курантах 1697 г. Так, за 1676 – 1677 гг. общий объем информации составил 4213 знаков в шести сообщениях, за 1678 – 1679 гг. – 2371 в двух сообщениях (сохранность источника за эти годы хуже, чем за предыдущие и последующие), за 1680 –1681 гг. – 8654 знака в двенадцати сообщениях[1318]. Однако если мы возьмем из курантов 1697 г. только материалы о короновании польского короля из одной единственной сводки за 12 октября, то их объем составит около 14 тысяч знаков[1319]. А между тем в куранты добавлены обширные описания въезда польского короля во Львов[1320], королевское послание[1321], послания других участников борьбы за польский престол[1322]. Разуме-

---

[1313] Там же. Л. 515.

[1314] Там же. Л. 715–716.

[1315] Там же. Л. 627.

[1316] Там же. Л. 691.

[1317] Там же. Л. 718.

[1318] *Шамин С. М.* Европейский церемониал в курантах времени правления царя Федора Алексеевича // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов научной конференции. М., 2008. С. 43–48; *Шамин С.М.* Церемонии в курантах времени правления царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) //Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск шестой (I). М., 2012. С. 35–45.

[1319] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 515–535.

[1320] Там же. Л. 425–427.

[1321] Там же. Л. 612.

[1322] Там же. Л. 682, 730.

ется, большие по объему описания польского церемониала, а также церемониала других стран, выполнялись в Посольском приказе и ранее, однако в куранты они обычно не включались.

Большое внимание составители курантов уделяли участникам Великого посольства. Выше уже говорилось о поэтических панегириках участникам Великого посольства Х. Борнманна[1323]. Судя по акцентным знакам и разбивке на строки, переводчик попытался передать стихотворную часть текста именно стихами, хотя адекватно воспроизвести поэтические изыски немецко-латинско-греческого оригинала у него явно не получилось. В куранты от 20 сентября включили целых три описания торжеств по поводу прибытия Великого посольства в Амстердам (более 4,5 тысяч знаков)[1324]. Члены Боярской думы могли узнать по ним, как государь под гром салютов подъезжал к Амстердаму на корабле, о встрече с первыми лицами города, торжественном шествии по Амстердаму, познавательных поездках по городу. Не остались без внимания и развлечения: «На месте зрелища было чарование и различные балеты танцованы, после того была музыка, на пир овощи поставлены, и после того игралища отправлено от людей на то назначенных». Узнали московские читатели о посещении своими коллегами арсенала, верфи Ост-Индской компании, торжественном обеде под музыку. Особо подробного описания удостоился посвященный русским гостям фейерверк. Позднейшие торжества, к примеру, прибытие в Гаагу[1325], также попадали на страницы курантов.

Отдельно необходимо сказать о текстах, посвященных боевым действиям. На всем протяжении истории изготовления курантов они составляли абсолютное большинство включаемых в сводки материалов. С данной точки зрения в курантах 1697 г. ничего не изменилось. Однако и в этих материалах общая тенденция усиления «четьей» составляющей нашла свое отражение.

[1323] Там же. Л. 222–226.

[1324] Там же. Л. 450–457.

[1325] Там же. Л. 606–609.

Дело в том, что если говорить строго об информационной внешнеполитической составляющей, то в сообщениях о военных действиях значение имеют данные о численности войска, его передвижениях, победах и поражениях, числе убитых и раненых, захваченных и потерянных населенных пунктах. Подробности же самого хода сражений для выработки внешнеполитической стратегии значения не имеют. Именно поэтому статьи курантов по военной тематике обычно довольно коротки. В материалах 1697 г. кроме традиционно кратких публикаций присутствуют и весьма обширные материалы, в том числе уже рассмотренные тексты о победе при Зенте.

В итоге мы видим в каком-то смысле парадоксальное явление. С одной стороны, в курантах 1697 г. вроде бы нет ничего принципиально нового, поскольку о чудесах, стихийных бедствиях, церемониях, сражениях в них писали всегда. Относительно объемные брошюры и летучие листы также время от времени переводились в Посольском приказе. С другой стороны, заметное увеличение как числа, так и объема «курьезных» текстов развлекательно-познавательного характера именно внутри курантов, приближало их к газете. Служащие Посольского приказа постепенно набирали навыки создания продукта, который был не только полезным, но и интересным. Это изменение характера курантов лучше всего отражает ошибка в помете, допущенная приказным служащим, который сделал на курантах запись «Такова **книга** послана чрез почту за приписью дьяка Андрея Виниюса» и лишь позднее исправил слово «книга» на «грамота»[1326]. Не случайно тексты из курантов 1697 г. оказались в рукописных сборниках.

В то же время сам Петр в ходе Великого посольства постоянно сталкивался с прессой, знакомился с тем, какую роль она играет в жизни людей. В одном случае участники посольства вынуждены были сами дать в прессу публикацию на «российскую» тему. Это случилось, когда один из вновь нанятых иноземных «специалистов» сбежал, прихватив казенные ценности.

[1326] Там же. Л. 697.

Его пытались разыскать, дав объявление в печати[1327]. В такой ситуации для создания первой русской газеты требовался лишь один толчок.

Однако после возвращения посольства все осталось по-прежнему, хотя «Сенсационная» составляющая курантов была значительной вплоть до начала Северной войны. Боевые действия нарушили почтовую связь через Ригу и приковали к себе все внимание российских властей. Правительству стало не до развлечений. Тем не менее, необходимый для изданий газеты опыт сотрудники Посольского приказа уже имели. Толчком к появлению газеты стала необходимость пропаганды успехов русской армии в Северной войне. Указ Петра об издании «Ведомостей» последовал в конце 1702 г. Для того, чтобы его выполнить, оказалось достаточным слегка переработать куранты и передать их на Печатный двор. Таким образом был освоен один из важнейших для информационного общества культурных навыков – умение создавать средства массовой информации.

Процесс создания первого русского периодического издания проходил следующим образом. 15 декабря 1702 г. Петр I издал указ, в соответствии с которым начала выходить первая русская газета «Ведомости»: «1702 года декабря в 15 день Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец указал по именному своему великаго Государя указу: куранты, по нашему ведомости, которые присылаются из разных государств и городов в Государственный Посольский и в иные приказы, из тех приказов присылать те ведомости в приказ Книг печатнаго дела, а как те ведомости присланы будут и еще на печатном дворе печатать и те печатныя ведомости, что останется за подносом – продавать в мир по надлежащей цене. Дьяки Матвей Власов великаго Государя указ сказали и в книгу приказал записать боярин И. А. Мусин-Пушкин»[1328]. На следующий

[1327] *Бакланова Н. А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Петр Великий. М.-Л., 1947. С. 57.

[1328] *Харлампович К. В.* «Ведомости Московского государства» 1702 года // Известия ОРЯС Россий-

день вышел новый указ, в котором уточнялся порядок передачи материалов для публикации из одного органа государственного управления в другой. Он гласил: «Великий Государь указал: по ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежат для объявления Московскаго и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов, в которых приказах, о чем ныне какия есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ, без мотчания, а из Монастырскаго приказа те ведомости отсылать на печатной двор. И о том во все приказы из Монастырскаго приказа послать памяти»[1329].

Следует помнить, что первая русская газета была больше похожа на куранты, чем на немецкие или голландские газеты того времени[1330]. Тем не менее, в отличие от курантов, «Ведомости» были не рабочим приказанным документом, а социально-политическим и культурным феноменом.

Печатная газета позволяла более широко доводить до сведения образованных россиян известия об успехах в борьбе со Швецией. Это было крайне важно после недавнего разгрома русской армии под Нарвой. Не случайно первым из сохранившихся до наших дней «вестовых» изданий, вышедших после указа 15 декабря 1702 г., был «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году» (опубликован 27 декабря 1702 г.)[1331].

О том, что петровские «Ведомости» рассматривались современниками именно как культурное явление, мы узнаем из записей переводчика Коллегии иностранных дел Б. Волкова, в ведении которого составление черновиков для

ской Академии наук. Т. XXIII, кн. 1 Пг., 1918. С. 7.

[1329] ПСЗ-I. Т.4 СПб. 1830. С. 201

[1330] *Майер И.* Первая русская печатная газета и ее иностранные образцы // La Russie et les modèles étrangers. / ed. Serge Rolet. Lille : Université Charles de Gaulle – Lille 3, 2010. P. 43–58.

[1331] *Кузьмин А. И.* Военная тема в литературе петровского времени // XVIII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 168.

газеты находилось не позднее, чем с 1719 г. Об интересе царя к газете Волков писал, что Петр «сам соизволит их прочитовать и погодно собирать, яко всекуриозный в литературе монарх»[1332]. Позднее тот же Волков отмечал в материалах своей газеты среди «куриозного и надобного» не только политические события, но и известия «о большой рыбе, о великом и прожорливом человеке, о великой буре в Португалии и проч.»[1333].

Для раннего Нового времени связь между прессой и книжностью была существенно более тесной, чем в более позднее время. В этом отношении интересно наблюдение Уо, сопоставлявшего действия издателей некоторых ранних европейских газет, которые делали сплошную нумерацию в годовых комплектах газет, чтобы их можно было подшить в книгу, а также вятского книжника Попова, добавлявшего в свой рукописный сборник списки первых петровских газет[1334].

Большой проблемой для первой русской газеты было то, что непосредственные изготовители «Ведомостей» не имели личной заинтересованности в коммерческом успехе газеты. Если бы обычный европейский издатель выпустил газету с давно устаревшими «новостями», его ожидал бы финансовый крах. Между тем историк В. А. Погорелов, составивший описание архива «Ведомостей» за 1702–1727 гг., отложившегося в библиотеке Московской синодальной типографии, отметил целый ряд значительных задержек при подготовке «Ведомостей». От небрежности госслужащих, отвечавших за публикацию газеты, страдала как периодичность издания, так и интерес к нему. Если изначально тираж составлял 1–2 тысячи экземпляров, то со временем он упал. В отдельных случаях выходило до 30 экземпляров[1335].

[1332] Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1727 гг. М., 1903. С. 61.

[1333] Там же. С. 68.

[1334] *Waugh D. C.* What Was News and How Was It Communicated in Pre-Modern Russia? // Information and Empire Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. Cambridge, 2017. P. 227–229.

[1335] Библиотека Московской Синодальной типографии. Секция 1: Рукописи. 6 тт. Т. 4: Материалы

Личный интерес к «Ведомостям» со стороны Петра I и его секретаря А. В. Макарова лишь ненадолго подстегивал активность издателей «Ведомостей». О том, как обстояло дело с выпуском первой русской газеты через несколько месяцев после смерти Петра I, говорит «именной» указ Екатерины I, объявленный Сенатом 8 апреля 1725 г.: «В прошедших летах, когда здравствовал высокославной и вечнодостойной памяти его императорское Величество, а именно: перед походом Персидским, в Правительствующий Сенат из Кабинета предложено было, дабы о всех знатных делах, принадлежащих к ведению народному, публичныя, кроме секретных ведомостей, сообщали в типографию для печатания в курантах из всех коллегий и канцелярий: и по тому тогда и сообщали из многих мест, а ныне то сообщение, неведомо для чего, опущено; того для ея величество государыня императрица указала, дабы помянутыя ведомости по-прежнему сообщались в типографию для печати в народное ведение»[1336].

Указ государыни дал лишь временный эффект. В итоге газету в 1728 г. передали в ведение Академии наук. Так российская дипломатия и журналистика окончательно размежевались. Это решило проблему периодичности выхода российской газеты, однако ситуация с подбором материалов осталась прежней. Основу публикуемых статей составляли переводные извлечения из европейской прессы. Приоритет отдавался военно-политическим известиям, далее следовали новости из жизни европейских монархов, много места занимали сообщения о стихийных бедствиях и эпидемиях, статистические данные и курьезы. Как отметил исследовавшие эти материалы В. И. Щербаков, «заметки последнего рода носили откровенно развлекательный характер, заметно выбиваясь из общего нейтрально-сухого тона новостных сводок»[1337]. К

и оригиналы ведомостей 1702–1727 г. / Сост. *Погорелов В. А.* М., 1903.

[1336] ПСЗ. Т.7. Спб. 1830. С. 445.

[1337] *Щербаков В. И.* «Санкт-Петербургские ведомости» (1728–1761), «Московские ведомости» (1756–1762) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века

примеру, «Санкт-Петербургские ведомости» от 21 мая 1728 г. писали: «в плодоносной Франции паки удивительная история приключилась, в городе Мо нашлась некоторая девка, которая еще 9 лет рождения своего не имеет, и тому уже шестой месяц очревела, школный мастер, у которого она училась, ушел», а в номере от 24 августа писали о том, что в Венгрии: «великий колдун, которому за 82 год и оный с 50 лет в колдовстве пребывал, с шестью своими товарищи и шестью бабами живыми сожжены»[1338].

Литературоведы рассматривают петровские «Ведомости» как «заимствованную форму литературы»[1339]. Наши исследования показывают, что в петровское время осваивалась не столько литературная форма (с первыми газетами в Московском государстве познакомились еще в начале XVII в., при деде Петра I, и потом работали с ними постоянно), сколько навык создания и потребления информационного продукта. Именно поэтому петровские «Ведомости» не стали точкой в данном процессе.

Первая русская газета возникла не в результате частной инициативы для удовлетворения существовавших уже потребностей общества, что было нормой, к примеру, для немецких государств или Нидерландов, а как инструмент государственной пропаганды. В этом она похожа на французскую Gazette de France (1631 г.), появившейся по инициативе кардинала Ришелье, который время от времени сам написал для нее статьи[1340]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Польше: издававшаяся здесь в 1661 г. газета была создана под влиянием королевского двора для обеспечения идеологической поддержки запланированных королем реформ. Редактировал первую польскую

(1726–1762 гг.). Вып. 2. М., 2003. С. 663–664.

[1338] Там же. С. 665, 669.

[1339] *Тощев А. И.* Петровские «Ведомости» как тип издания // XVIII век. 1989. Т. 16. Л., 1989 С. 193.

[1340] *Griesse M.* Diplomatic Channels and Chinese Whispers: Reception and Transformation of the Moscow Uprising of 1648 in Sweden and France (pp. 203-230) // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 223.

печатную газету королевский секретарь. После того, как королевская партия потерпела поражение, газета закрылась. Изготовлявшему ее печатнику пришлось бежать от кредиторов[1341].

Банкротство российского издания было невозможно, поскольку создавалось оно государственными служащими и печаталось в государственной типографии. Однако на то, чтобы не просто отпечатать тираж, а создать в обществе потребность в повседневной информации, времени и усилий понадобилось существенно больше. На формирование устойчивой, не зависящей от государственного финансирования практики издания газет ушел еще целый век.

Календари – предшественники ежегодников

Европейские календари рассматриваемого периода выходили как альманахи и включали астрологические прогнозы на очередной год с добавлением самой разной информации, зачастую занимательного характера. Календари отличались от рассмотренных выше текстов объемом. Вероятно, впервые европейские печатные календари появились в Московском государстве еще в конце XV в. По крайней мере А. А. Романова считает, что перевод календарно-хронологической таблицы, помещенной в Геннадиевской Библии, имеет источником западноевропейский календарь (ближайший из обнаруженных исследователем аналогов – календарь Йорга Глокендона)[1342]. В фонде Библиотеки императора Петра Великого НИОР БАН хранится Астрологический календарь на 1660 г.[1343]

[1341] В-К VI (Ч. 2). С. 30, 31. Примеры агитационных публикаций в приложении к этому изданию см.: *Кроль П., Малов А. В., Шамин С. М.* Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты «Merkuriusz Polski» из архива Тайного приказа // Slověne. 2019. Vol. 8. № 2. С. 350–376.

[1342] *Романова А. А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 132.

[1343] *Поляков И. А.* Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание: дис. ... кандидата

Тем не менее, еще в середине XVII столетия придворная астрология была прочно связана с медицинской прогностикой. Когда в конце 1664 г. в небе появилась очередная комета, А. Энгельгардт, доктор царя Алексея Михайловича, получил от государя задание выяснить, не предсказывают ли о России чего-нибудь пагубного. Он просмотрел календари Иоганна Майера, Каспара Мельхиора Хааса и Эбергарда Беккера и сообщил, что они предвещают болезни в разных регионах Европы, однако конкретно о Москве ничего не сообщают[1344]. Судя по письму Энгельгардта, переводов с этих календарей не делалось.

Уже в 1680 г. курляндец Яков Рейтенфельс, живший в Москве в 1670–1673 гг., но не прерывавший контактов с жившими в России иноземцами после своего отъезда, отмечал, что хотя «московиты» не так давно не имели ни малейшего представления об астрологах и математиках, теперь, «и те и другие не только терпимы, но даже по приказанию царя ежегодно составляют на московском наречии подробные календари с предсказаниями и распространяют их в народе посредством печатания»[1345]. Утверждение Рейтенфельса о печатании календарей стало реальностью только в XVIII столетии. Скорее всего, ученый иноземец имел в виду издававшиеся в рассматриваемый период «часы на кругу» – таблицы с указанием длительности дня и ночи для перевода часов[1346]. Однако отмеченный им интерес к календарям подтвержда-

---

исторических наук. СПб., 2020. С. 186.

[1344] *Богданов А. П., Симонов Р. А.* Прогностические письма доктора Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 187–188. См. так же: *Богданов А. П.* О рассуждении Самуила Коллинса // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 204–208.

[1345] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. // Утверждение династии. М., 1997. С. 360.

[1346] *Симонов Р. А., Хромов О. Р.* «Часы на кругу» – наиболее раннее точно датируемое 1663 годом листовое издание московского печатного двора // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3. С. 19–34.

ется документами и рукописными материалами.

Большим уважением в России пользовались календари Я. Г. Фогта, придворного «математика» (астролога) шведского короля. В рукописных книгах сохранились его календари на 1676 г., на 1690 г. (в переводе переводчика Посольского приказа Ю. Гивнера), на 1691 г. (в переводе П. Шафирова), на 1692 г. (в переводе И. Тяшкогорского), на 1693, 1694, 1695, 1696 гг. (в переводе П. Шафирова)[1347]. Не сохранившиеся до наших дней в переводах календари Фогта появлялись в Москве и в 1680-е гг. Причем правительство препятствовало их распространению в народе. В связи с этим почтмейстеру А. А. Виниусу был дан указ: «Лета 7191-го (1682) октября в 6 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев память дьяку Андрею Виниюсу. Как тебе ся память придет, а чрез почту из-за моря буде учнут к тобе и к иноземцом к начальным и к торговым людем присылать календари печатные на будущей год, и ты б те присланные календари присылал в Посольской приказ, и велел подавать боярину князю Василью Васильевичю Голицыну с товарищи, а все иноземские календари отнють не отдавал и в дому у себя держать и переводить им отнюдь никому не велел и сам бы ты календарей не переводил и никому не давал же. В том бы тебе держать осторожность великую, чтоб ни у кого в домех подлинных календарей и с них переводов не было, а буде у которых людей с календарей переводы объявятца, и тем людем, так же хто те календари переводил, быть от великих государей в смертной казни». Ниже запись: «Такова память послана ис Троицкого монастыря за приписью дьяка Семена Протопопова. Послан к Москве с Ыиваном Богдановым»[1348].

[1347] *Кудрявцев И. М.* «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 206, 208, 219–220.

[1348] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 243.

Появление данного указа объясняется тем, что незадолго перед рассматриваемыми событиями в календаре астронома Фогта появилось утверждение, что «Москва также не уйдет от определенного ей несчастья»[1349]. В начале следующего, 1683 г. правительство издало новый указ, охватывающий распространение любой способствующей беспорядкам информации. Теперь за распространение полагалось более мягкое наказание: «Которые люди объявились на Москве и в городех и говорили в народе на соблазн и на страхование людем многия затейныя дела, вмещая на смуту: и тем людем вместо смерти чинить наказанье, бить кнутом и ссылать в ссылку»[1350]. Этими запретами можно объяснить тот факт, что в рукописной книжности практически нет календарей времени правления царевны Софьи – появившийся в 1670-х гг. интерес к таким переводам столкнулся с государственным запретом. Зато после падения правительства царевны явление получило небывалое прежде распространение. Характерно, что В. В. Голицын собственного указа о запрете календарей не соблюдал. На момент ареста опального канцлера в его библиотеке, разделенной по средневековой традиции между крестовой и казенной палатами, имелись восемь календарей розных лет[1351].

О том, что календари в Посольском приказе не были редкостью, говорит и тот факт, что в начале года в переплет их переводы могли отдавать сразу по нескольку штук. К примеру, 27 февраля 1694 г. в переплет отдали сразу три календаря[1352]. К сожалению, в книжных собраниях систематически выявлялись лишь календари польских авторов. В качестве наиболее раннего текста, который мог быть связан с польскими календарями, С. И. Николаев отметил «Книгу глаголемую планетник, изданную от древних философов. Пре-

---

[1349] *Шамин С. М.* Европейская астрология и русское правительство в XVII столетии // Естественнонаучная книжность в культуре Руси. М., 2005. С. 80–81.

[1350] ПСЗ I. Т. 2. № 1002. С. 515.

[1351] Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. Стб. 29–33, 53–58.

[1352] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Устюг). Ед. хр. 16а. Л. 350. (Благодарю за эти сведения А. Г. Гуськова)

ведена сия книга с польскаго языка на славенский язык в лета от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1677», известную в 17 списках. Из польских изданий известны также переводы календарей С. Словаковица на 1689 г. (переведен переводчиком Посольского приказа С. Лаврецким), 1692 г. и 1696 г. («переведен в Посольском приказе 1695 году октября 2 день»); Т. Орминского на 1696 г.; С. Невеского на 1700 г.; А. С. Пенхежиньского на 1702 г.[1353]

В двух рукописях зафиксировано, что их перевод выполнен в Посольском приказе, однако можно с уверенностью утверждать, что это лишь «вершина айсберга». Если, к примеру, обратиться к статейному списку русского резидента в Речи Посполитой посланника стольника А. Никитина, то обнаружится, что он каждый год отправлял из Варшавы по нескольку календарей. В 1696 г. он посылал «четыре календаря выданные на пришлой год: Воитеха Полского, Томаша Орменского, Кизимера Туатера, Каспара Цекановского». В следующем году 21 августа было отправлено три календаря, а 2 октября датируется запись об отсылке трех календарей «розных выдателей: Коханского, Кубалевича, Волского». Этого оказалось недостаточно. 16 октября Никитин сделал запись о новой отсылке: «календарь Невеского, потому что всех сходнее, посланник достал купит»[1354].

Вероятнее всего, отмеченный Никитиным календарь Томаша Орменского – оригинал для рукописи БАН, озаглавленной «Календарь течений годовых на лето господне 1696-е. Фомою Орминским издан в Кракове». Вот что в разделе «О поведении различных стран» Орминский пишет про Москву: «Москва. Весною тамошним жителем отчасти неспособность здравия, отчасти озлобления и страсти противу своих помешку чинит к совершению предприятаго намерения. Летом хотя бы в покое седеть похотели, однако не

[1353] *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 78, 80, 83, 93–94, 209–210.

[1354] РГАДА. Ф. 79. Кн. 251. Л. 211, 212, 623, 686.

уидут напастеи из дому дорог такъже и случая ради веры будут беседоватися. К зиме знаменатель их долняя неба избрал себе откуду четвероуголник бьет на солнце Ефродиту, Зевеса и Меркуриа. Только и самому ему есть что делать с ними. Зимою запал (?) в доме болезней, где с Зевесом в недружбу входит»[1355].

Особый интерес вызывает перевод календаря на 1689 год М. С. Словаковица, озаглавленный «Новый и старый календарь течений небесных, домовитым для севбы и для прививков, больным для исправления здравия, здравым для творения дел великих, ловчим ловления ради зверя зело надобен. На лето господне 1689. По преступном и прибылом, первое Мартином Станиславом Словаковицем, философии и медицынии дохтуром, во Академии краковской изочтенное, в Кракове в типографии Войтеха Горецкого, королевского величества типографа, издан. А на Москве государственного Посолского приказа переводчиком Семеном Лаврецким переведен»[1356]. В данном случае самое интересное это не официальный статус перевода и не то, что он был сделан в годы действующего запрета на перевод календарей, а его читатели – Афанасий, архиепископ Холмогорский, заказавший сохранившуюся до наших дней копию рукописи, и владелец русского оригинального списка А. А. Матвеев[1357]. Впервые часть этого текста была опубликована еще в 1877 г. в Архангельских губернских ведомостях без ссылки на место хранения[1358]. Сто сорок лет спустя вышла в свет посвященная этому памятнику монография польской исследовательницы Э. Малэк[1359].

[1355] БАН. П I Б. № 57 (17.7.16). Л. 15 об.–16. Благодарю А.А. Романову за любезно предоставленную цитату.

[1356] *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи… С. 93–94.

[1357] *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908. С. 589; *Алексеев М. П.* Англия и Англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. 1947. № 95. Серия исторических наук. Вып. 15. С. 93.

[1358] Архангельские губернские ведомости. 1877. № 66. С. 2–4.

[1359] *Małek E.* Marcina Stanisława Słowakowica Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegów

Пожалуй, наиболее важное в этом календаре то, что его сведения в Москве проверялись и проверку прошли успешно: издание содержало предсказание «помрачения лунного» (затмения), которое должно было наблюдаться и в Московском государстве: «Первше будет в четвертый день апреля по новому в Весах знака ракужского. Почнет тмитца в 6-м часу дни близ получаса после обеда прежде захождения Солнца, средина изменения выйдет к осмому часу, а кончатца учнет в 10-м часу пред полуночью, побудет 4 часа. Потемнитца весь, потому что внидет в день жестокой и глубокой. Владетель того потемнения будет Крон задоуступен в первом углу»[1360]. Кто-то из московских читателей календаря пронаблюдал это затмение и поместил результаты своего наблюдения вслед за текстом Словаковица с отсылкой к календарю. Любознательный москвич не только проследил фазы астрономического явления по часам, но и сделал зарисовки[1361]. Таким образом, календарь перерабатывался уже на русской почве. Впрочем, не исключено, что здесь речь идет не просто о любознательности. Поскольку затмение однозначно рассматривалось астрологами в качестве предвестия бедствий, оно объективно играло против «несчастливого» правительства царевны Софьи. Факт распространения данного календаря сторонниками Петра I незадолго до переворота, приведшего к власти правительство Н. К. Нарышкиной, вполне показателен.

Вторая часть календаря Словаковица включает не прогностический, а познавательно-развлекательный материал. Она настолько отличается от начала рукописи, что исследователь манускрипта М. П. Алексеев выделил ее в качестве отдельного перевода: «Описание Голландии и некоторых других мест»[1362]. Тем не менее, как показала Малэк, это часть издания Словакови-

---

niebieskich na rok pański MDCLXXXIX. Próba rekonstrukcji. Warszawa, 2017.

[1360] Там же. S. 76, 77, 87.

[1361] Там же. S. 112–114.

[1362] *Алексеев М. П.* Англия и англичане в памятниках московской письменности ... С. 93.

ца[1363]. По своему содержанию она выглядит скорее как серия литературных новелл.

В качестве примера остановимся на одном из сюжетов – рождении близнецов. Эта тема была актуальной в Европе XVII в. и неоднократно появлялась в сделанных в России переводах. Дело в том, что рождение близнецов зачастую навлекало на мать несправедливое обвинение в греховном поведении. К примеру, в «Повести о цесаре Оттоне и Олунде» Олунду несправедливо обвинили в неверности Оттону. Как в польских оригиналах этого текста, так и в их русских переводах следом помещалась «Повесть о графине Альтдорфской», родившей «единым порождением» 12 детей, доказывающая невинность женщин, рождавших близнецов. О. А. Державина отметила, что данный сюжет был знаком русскому читателю также по нравоучительному сборнику «Великое зерцало», а в XVIII столетии был воспроизведен в лубочной повести[1364]. Сюжеты о рождении близнецов могли включаться в куранты. К примеру, в них нашлось место для сообщения из Англии: «В нашей земле в городе Икугаме недавно родила женщина прежде времени рождения за 15 недель двух девочек. И одна из них родилась о двух главах, двух шеях и двух спинах. И для смотрения послано то чудо к королю в Виндзор город»[1365].

Рассказ календаря Словаковица составлен в ключе, направленном на защиту матерей близнецов: «Галия есть одно село в Голяндии, во Европе всех болши, потому что имеет болши 2000 домов. Недалече того села есть гроб некоей графовой жены в кляшторе законничок святаго Берната, которая в лето 1276 родила 364 робенка, а те все были крещены во имя Иоанна и Елисавефи, как то явно есть с написания на гробу. И то дивное чюдо от сего учи-

---

[1363] *Małek E.* Marcina Stanisława Słowakowica... S. 54.

[1364] *Małek E.* Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź : Uniwersytet Łódzki, 1983. S. 34–35, 38–39, 53; *Соколова Л. В.* Повесть о графине Альтдорфской // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 112–113.

[1365] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 44.

нилося: как приходила к той графовой жене некая нищая жена з двоими робяты двойники, прося милостыни, она вместо милостыни обесчестила ее, говоря, что не могут зачатися от одного мужа двое детей, буде не от двух отцов. И тем возярена та нищая помолися Богу, да очищения ради ея Богу допустить, чтобы графова жена столко детей родила, сколко в году дней. В лето 1269 иная женщина, имянем Маргарита, жена некоего шляхтича Вербослава, родила 36 сынов в Кракове по свидетелству Мартина Кромера в его Кронике»[1366].

Данный сюжет проникал в русскую книжность через прессу и позднее. Аналогичный рассказ помещен в сборнике религиозного содержания второй пол. XVIII в. под заглавием «Сущая ложь и сонные бредни. Выписано из газетов»[1367]. Календарь Словаковица если и был источником попавшего в книгу известия, то не прямым. Рассказ о рождении 36 детей в Кракове выглядел здесь так: «В польской стране во время Белослава короля польского госпожа некая честная княжеская жена 36 детей живых единыя рождением роди»[1368]. Составитель текста профессионально упростил материал, правильно отметив, что 1269 г. – время правления Болеслава (Болеслав V Стыдливый 1243–1279). Аналогичным образом переделан и рассказ о рождении 364-х детей. Сверх того, указано еще два аналогичных случая.

Эти газетные «бредни» составитель русского рукописного сборника отделил специальным указанием от дальнейшего текста, содержащего «истинную правду»: «в Московскую губернскую канцелярию написано: Минувшаго 1754 году Шуйскаго уезду во [церкве] Николаевского Черниговского монастыря села Веденского у крестьянина однова Корнилова с первой женой 21 брюхо, в том числе четверо четверних, семеры троинних, деветеро

[1366] *Małek E.* Marcina Stanisława Słowakowica... S. 105.

[1367] РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ед. хр. 1363. Л. 216 об. –217об. Благодарю за предоставленную цитату С. В. Алпатова.

[1368] Там же. Л. 216 об.

двоинных, итого 57 человек. З другою женою 7 брюх, в том числе шестеры двоинных, одне троиннии, итого 15 человек. Всего от обих жен 72 человека, а ему Корнилову от роду 70 лет, в живых ныне 51 человек, а померло 21 человек»[1369]. Таким образом, неизвестный русский книжник пытался рационально анализировать рассматриваемый сюжет, отталкиваясь от «газетного вранья».

Как видим, рассказ календаря Словаковица затрагивал имевшую вневременную актуальность тему и хорошо интегрировался в комплекс четьих текстов, уже известных русскому читателю. Аналогично обстоит дело и с рядом других сюжетов календаря. Это позволяет рассматривать календари именно как часть «журнальной» традиции.

Собственно русские календари появились практически одновременно с газетой «Ведомости». В 1702 г. в Амстердаме вышел календарь И. Ф. Копиевского, а с 1709 г. в Москве напечатали широко известный «Брюсов календарь». Позднее различные календарные издания стали обычными[1370].

Русские печатные календари создавались на основе немецких календарей. Эта работа велась в Посольском приказе, где сложились общие принципы работы с немецкими изданиями. К примеру, из всех календарей при переводе удалялись пророчества о России. Немецкие календари размечались для перевода также, как немецкие газеты для курантов и «Ведомостей», с той только разницей, что в газетах отмечались нужные для перевода статьи, а в календарях – те, что переводить не надо[1371]. Участие в редактировании календарей принимал сам Петр. К примеру, по его указанию появлялась в рус-

---

[1369] Там же. Л. 217 об. –217.

[1370] *Зыков О. П., Рябова Т. В.* Первые отечественные светские календари и их связь с журналистикой // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 183–188.

[1371] *Покровский А. А.* Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 5. Календари и святцы. М. 1911. С. XXVII.

ских календарях такая прибавка, как число лет, прошедших «от початку российского морского флоту»[1372].

Постепенно календари стали неотъемлемой частью русской культуры и вошли в число традиционной для России «национальной» печатной продукции. В качестве характерного примера рассмотрим вышедший в Петербурге в конце 1715 г. календарь на 1716 г. Начинался он с благочестивой фразы «ВО ИМЯ ИСУСОВО». Далее читатель вводился в систему хронологических координат. Первой шла хронология Библии: указывались даты от Рождества Христова, сотворения мира, потопа, разорения Содома и Гоморры. Далее шла хронология историческая: начала Вавилонской, Персидской, Греческой и Римской монархий, «исход исраилтескиий», изобретение пороха, книгопечатания, коронование Петра I, рождение его детей и внука, «зачатие флота», победа под Полтавой. Ниже видим собственно календарь с указанием (при помощи зодиакальных знаков) дней недели, падающих на них православных церковных праздников и ожидаемой погоды. Предсказания типа «стужа умножится», «ветрено», «мокрота» и иные природные явления были явной имитацией научного прогноза, однако их «достоверность» подкрепляли следующие далее таблицы с вполне научными данными о долготе дня.

В конце издания вновь наблюдаем смешение научной реальности и псевдонаучного вымысла – после данных о затмениях и астрономической смены времен года, начинались предсказания «о войне и мирских делах», «плодородии и недородии», «здравии и болезнях». Ниже следовал помесячный «прогностик» («некоторые возмогут счастливой случай имети, зде добрыя и злыя признаки смешаны суть, надлежит опасаться всякого злого намерения и лести многия против вышних и нижних»), а также рекомендации по наиболее удачным дням для кровопускания[1373]. Предоставляемая аст-

[1372] Там же. XL.

[1373] Календарь или месяцослов. На лето от рождества господа нашего, Иисуса Христа, 1716. Указующии затмения солнечная, месячная рождения, и полныи месяц с четвертми. Такожде время

рологией возможность заглянуть в будущее, вне всяких сомнений, продолжала манить русских читателей[1374].

Вскоре после смерти Петра I, благодаря его указу о создании Академии наук, в России появилась журналистика, ориентированная строго на научное знание. С 1728 г. в качестве приложения к «Санкт-Петербургским Ведомостям» стали выходить «Исторические, генеалогические и географические примечания»[1375], публиковавшие различные занимательные сведения. Позднее журналы прочно вошли в российскую культуру. По справедливому замечанию П. Н. Беркова, в течение XVIII столетия «из малозаметного и маловлиятельного факта, каким она была при Петре I, русская журналистика под пером прогрессивных журналистов – Новикова, Фонвизина, Крылова, Радищева, Пнина – превращается в явление, прочно вошедшее в сознание общества и не только отражающее жизнь этого общества, но и серьезно на нее воздействующее»[1376]. Причем развитие шло, в первую очередь, за счет журналов с развлекательным и познавательным содержанием. Именно к таким журналам были близки ежегодно составляющиеся астрологические календари. Однако и в конце XVIII столетия удельный вес переводных материалов в русских журналах оставался крайне высоким[1377]. Расцвет же газетного

солнечнаго восхождения и захождения. Долгоденствие и долгонощие на всякии день. Учиненныи по меридиану, и ширине царствующаго града Санктъпитербурха. СПб., 1715.

[1374] *Zitser E.A., Collis R.* On the Cusp: Astrology, Politics, and Life-Writing in Early Imperial Russia // The American Historical Review. 2015. Vol. 120. No. 5. P. 1619–1652.

[1375] *Малышев А. А.* Экзотизмы в «Примечаниях к «Санкт-Петербургским ведомостям» // Медиатекст как полиинтенциональная система. Сб. ст. / Отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб., 2012. С. 69–74; *Малышев А. А.* «Примечания» к «Санкт-Петербургским Ведомостям» как источник картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8. № 3. С. 159–170.

[1376] *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 21.

[1377] *Симанков В. И.* Из разысканий о журнале «Прибавленіе къ Московскимъ ВЪдомостямъ (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину. Харьков, 2010; *Симанков В. И.* Источники журнала «Детское чтение для сердца и ра-

формата происходит еще позже – в XIX столетии.

7.3. Обучение работе с информацией: выучить государя

В предшествующем разделе уже было отмечено, что проблема возникновения прессы в России включает в себя не только вопрос об организации собственных периодических изданий, но и процесс формирования соответствующих запросов внутри русского общества. Потребность в информации складывалась из интересов конкретных людей, которые возникали в процессе воспитания и обучения. Проблема выработки навыка потребления прессы сложна для изучения из-за бедности источниковой базы. Сохранившиеся сведения о том, как молодых людей учили читать газеты в конце XVII – начале XVIII столетия, касаются царских детей. Мы знаем, что Федору Алексеевичу куранты зачитывали уже в четырнадцатилетнем возрасте, вскоре после его восшествия на престол. Очевидно, что кто-то из окружения молодого царя должен был, хотя бы на начальном этапе, помочь ему освоить этот сложный материал. К сожалению, сведений о том, кто и как делал это, у нас нет. Первым государем, для которого «доклад» курантов, вне всякого сомнения, принял вид целенаправленного обучения, стал Петр I.

Юность Петра Великого

Уже на исходе своей жизни А. А. Виниус напоминал Петру, что в годы его юности учил государя «недерляскому диалекту»[1378]. Документы показы-

---

зума» (1785-1789) // XVIII век. Сб. 28. М.; СПб., 2015. С. 323–374; *Костин А. А.* Дивный новый цифровой мир или об источниках «Прибавления к Московским Ведомостям» // Русская литература. 2011. № 1. С. 75–94.

[1378] *Милюков С. Г.* Неизвестное послание А. А. Виниуса к Петру первому // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Т. 10. С. 251. Виниус интересовался проблемами обучения. Находясь на руководящих должностях, он много сделал для развития образования. В его библиотеке имелась минимум одна книга с текстами учебного характера. См.: *Кошелева О. Е.* Рукописный сборник учебного состава и А. А. Виниус // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 491–499.

вают, что наставления обрусевшего голландца выходили за строгие рамки обучения языку. Виниус, будучи почтмейстером, готовил для Петра I краткие выписки из курантов, составленных сотрудниками Посольского приказа[1379]. Однако если обратиться к самим курантам, обнаруживается, что Виниус не только снабжал царя новостями, а именно пытался учить его.

В литературе уже не раз отмечалось, что Петр крайне резко относился к попыткам заставить его делать то, что казалось неинтересным. В этом отношении любопытен эпизод 1690 г., отмеченный П. В. Седовым. Исследователь зафиксировал случай, когда Петр I был вынужден выслушать длительную дискуссию о «разорении» Иверского монастыря, которую в присутствии царя вели покровительствовавший обители боярин П. В. Шереметев и его оппонент боярин князь П. И. Прозоровский. «Пря» между боярами утомила государя, который «выбежал от них вон и указу никакова не учинил»[1380]. Картина вполне очевидная – державшая в своих руках фактическую власть царица Наталья Кирилловна пытается учить царственного сына государственному управлению на примере некоторых мелких в масштабе государства, хотя и крайне важных для заинтересованных сторон вопросов. Однако Петру I не хватает ни опыта, ни терпения, ни желания разбираться в повседневных проблемах подданных. Мы видим, что этот государь был сложным учеником.

Петра больше всего интересовало все, что связано с войной. Он страстно любил оружие. Страна к моменту прихода Нарышкиных к власти находилась в состоянии войны с Османской империей. Наверняка 18-летний царь желал на поле битвы доказать себе и всем окружающим, что является лучшим полководцем, нежели только что отправленный в ссылку (в том числе, по обвинению в провале Крымского похода 1689 г.) В. В. Голицын. Между тем наступательную войну с Османской империей правительство Натальи

[1379] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Формирование внешнеполитических представлений Петра I и куранты 1690–1693 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 111–120.

[1380] *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 30.

Кирилловны продолжать не собиралось. Царица и ее окружение столкнулись с необходимостью объяснять государю, почему нового похода не будет.

В это сложное время, 9 июня 1690 г. появляется первая составленная почтмейстером А. А. Виниусом тематическая подборка из трех статей с известиями о том, как начавшаяся в Европе война между Францией и странами Габсбургской коалиции повлияла на международную торговлю. В первой статье из Стокгольма рассказывалось о том, что в Швеции готовится к отправке в другие страны большое число торговых кораблей. Следующий материал из Гааги посвящен переговорам с пребывающим здесь шведским послом о свободной торговле (в том числе и с Францией, противницей Нидерландов) для шведских кораблей. Последняя публикация из Амстердама доходчиво сообщала о том, что у англичан, французов и голландцев морская торговля «помешалась» из-за войны, которую ведут их страны, а шведские купцы получат большую прибыль из-за того, что могут «междо всеми торговать свободно». Петру I эту подборку зачитали 16 июня[1381]. Надо полагать, что пацифистский материал был подготовлен, чтобы убедить царя во вреде войны для государства. Разумеется, сделать это без прямого указания Натальи Кирилловны почтмейстер не мог. Очевидно, что во внешней политике мать также пыталась наставлять юного государя, как и в вопросах суда. Выбор Виниуса в качестве наставника для государя кажется вполне естественным, поскольку он входил в число ярких интеллектуалов своего времени и прекрасно разбирался в международной обстановке[1382].

Позднее информацию о международной ситуации для Петра готовили постоянно. О том, как она перерабатывалась, можно судить, к примеру, по выписке 1692 г. с заголовком «Из Венецыи февраля в 9 день»[1383]. Данное со-

---

[1381] РГАДА. Ф. 155. Оп.1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 3. Л. 523, 523 об., 524.

[1382] *Устинова И. А.* Русские интеллектуалы XVII века // Преподавание истории в школе. 2011. № 7. С. 37–38.

[1383] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 169, 170.

общение было скомпилировано из статей курантов за 6 марта[1384] и 13 марта[1385] 1692 г. В исходных текстах сообщалось о том, что находившиеся на службе у венецианцев греки сдали туркам остров Карагузу (ныне Грамвуса у северо-западного побережья острова Крит), а также о запустении греческих земель в результате войны. Однако Виниус творчески переработал текст обоих исходных сообщений. Из первого он удалил название пункта отправки новости (Лепанто). Скорее всего, название этого города ничего не говорило Петру. Упоминание о том, что изменник «месениянин родом» (житель Месении – *С. Ш.*) было значимым для венецианцев, поскольку здесь жили греки-маниоты, которых венецианцы активно привлекали на службу. Виниус же заменил его на более понятное «гречанин». Имя убитого венецианского военачальника Виниус опустил, зато указал, что капитан командует «100 человеки пехоты». В следующем ниже рассказе о сборе войск Виниус заменил конкретные топонимы обобщенным «Морея» (Пелопоннес), а выражение «по первому ветру» расшифровал как «на весну». У следующей статьи Виниус опустил заголовок и несколько изменил смысл. В исходном варианте говорилось о том, что «в здешнем государстве» нашлось 150 тысяч (золотых). Это свидетельствовало о запустении Мореи в результате войны. Виниус же добавил из неизвестного источника данные о том, что здесь собирается «дани на год 400 000 червонных золотых». В результате, рассказ о запустении Мореи превратился в указание на ее богатство.

Куранты от 6 марта и от 13 марта	Выписки из курантов от 13 марта
Из Венецыи февраля в 9 день.	Из Венецыи февраля в 9 день.
Из Лепанто приезжие сказыва-	На некотором нашем острове

[1384] Там же. Л. 146.

[1385] Там же. Л. 166.

ют, что капитан месениянин родом измену учиняя турком Карагузу город здал, а владетеля нашего имянем Дорию и маеора со иными началники порубил.	Карагуза турки знатно какова гречанина накупили, которои был капитаном на 100 человеки пехоты, и с теми людьми воеводу нашего и многих начальных людеи убили и то место туркам отдали.
В понедельник здесь на берегу Лида названном смотр был воиску и то воиско по первому ветру отошлют в Лепанд.	А на весну наши воиска на море и на суше зело готовятся, чтоб Морию не потерять,
Из Неополи Деромания февраля в 19 день.	
По щету обрелося в здешнем государстве 15000 душ, но понеже величиною то государство 9 000 греческих миль есть, и того ради много впусте лежит.	в котором ныне греков у нас в подданстве 150 000 человек с которых дани на год 400 000 червонных золотых.

Статья выписок под заглавием «Из Царя Града генваря в 6 день»[1386] также заимствована из более ранних курантов[1387]. Она тоже подверглась существенной переработке. Начало статьи, где говорилось о введении в Османской империи новых налогов на греческое и еврейское население, отредактировано лишь стилистически. Далее в исходной статье указано, что «народ турскии зело миру желает», поскольку султан тяжело болен. В выписках же, наоборот, утверждалось, что турки хотят воевать, а надежда на мир есть лишь в случае смерти заболевшего султана.

[1386] Там же. Л. 169, 170.

[1387] Там же. Л. 146.

Куранты от 6 марта	Выписки из курантов от 13 марта
Из Царя Града генваря в 6 день. Здсь великое изготовление чинят, а везирь для собрания ратных людей указы розослал на всяких людех и торговых греков и на жидов для собрания денежной казны, от чего великая тягость чинится. А народ турскии зело миру желает, и того ради принужден везирь способу искать, как бы лехче поступать, и их в смирении содержать, и для того от двора салтанского отехать не дерзает, опасаясь, что без него бунт учинится, и для того что салтан зело блен. Текелии при нынешнем салтане при дворе его не в таком почитании, как был у бывшаго везиря.	Из Царя Града генваря в 6 день. Здесь великие готовности чинят к воинскому великому походу, какова преж сего не бывало. И для собрания великои казны денежной на греков и жидов тяжкая дань положена. И турки ныне отнюд мирится не хотят, разве християне все их взятые места отдадут, и хотят они турки ныне саблею своею доставать, буде доброволно того християне не учинят. Однако ж надеемся мы, что они к тому склонятся, потому что салтан зело болен, и буде умрет, то паки великое замешание у них будет.

Сообщения двух последних статей, потеряв в обработке Виниуса значительную часть информации, стали более четко, хотя и немного тенденциозно, отражать ситуацию в Морее и Османской империи в целом. Виниус, хорошо представляя положение дел за рубежом, мог удалять из статей текущие подробности, заменяя их на обобщенную характеристику политической ситуации. Он отчетливо понимал, что даже пострадавшая от войны Морея была хорошим источником для сбора налогов, а правительство Османской империи имеет достаточно сил для продолжения войны со Священной лигой,

и только междоусобица в случае смерти султана может существенно повлиять на боеспособность османов. Греки же, хотя и страдают от иноверного гнета, тем не менее при определенных условиях могут выступать и на стороне «угнетателей». В отличие от крайне сложных для чтения изначальных переводов (на них большое влияние оказывала структура языка оригинала), продукция Виниуса легко усваивалась. Следует отметить, что столь радикальное и политически окрашенное редактирование было исключением, а не правилом. В подавляющем большинстве выписок Виниус ограничивался упрощением исходных текстов. Основную свою задачу он явно видел в том, чтобы сделать известия о международной политике более понятными.

В исключительных случаях Виниус мог добавлять в выписки для Петра относительно большие массивы текста, отсутствовавшие в предназначенных для Боярской Думы курантах. Так, в выписках от 3 января 1692 г. помещен крайне любопытный перевод: «Из Меркурия»[1388]. Некогда славный король гишпанскии Филип вторыи говорил, яко всякии король в правлении своего государства уподоблен ткачю, которои труждается в своем деле руками, такж и ногами и того остерегает, чтоб каждая нить в своем пристойном месте легла, и которая порвется, вскоре опять ко оторванной привязати, и потом паки дело свое вести дондеже весь постав совершится, тако и великому государю подобает труждатись всечасно в правлении своего высокого дела, и всякую часть привязать»[1389].

Здесь идет речь о Филиппе II, правившем Испанией с 1556 по 1598 г. Филипп II широко известен как строитель «Непобедимой армады» и организатор антитурецкой «Священной лиги». Однако приведенный выше текст внеисторичен. Он говорит о «ремесле» правителя. Единственная причина его перевода – назидательность. Прославляемые королем терпение и последова-

[1388] Слово «меркурий» входило в заглавия многих европейских газет и журналов. Из-за этого оно стало нарицательным и могло обозначать любое периодическое издание.

[1389] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 13.

тельность были теми качествами, которых Петру I очень не хватало. Эту историческую вставку можно рассматривать как педагогический эксперимент, который не прижился. Двадцатилетний царь явно оказался слишком взрослым для подобных назиданий.

Следует учитывать, что куранты государям не передавали в бумажном виде, а зачитывали. Это предполагало личный контакт и обсуждение. К сожалению, данная сторона работы с курантами не фиксировалась источниками. Однако вряд ли импульсивный Петр молча выслушивал доклады Виниуса. Скорее всего, известия еще и анализировались. Мы видим, что хотя «учение» Виниуса не имело вида урока с учителем и учеником, Виниус исподволь наставлял царственного юношу в вопросах международной политики. Опыт употребления «упрощенных» (причем дважды!) европейских газет, вместе с уроками иностранного языка, был необходимым этапом подготовки к чтению неадаптированной прессы. Позднее, осенью 1698 г., Виниус уже мог просто послать царю газету, кратко изложив последние внешнеполитические новости в письме[1390]. Уже ко времени Великого посольства иностранная пресса стала органичной частью повседневной жизни Петра[1391]. Постепенно царь приобрел привычку читать иностранные газеты регулярно. По свидетельству А. К. Нартова он «голландския газеты читывал после обеда, на который делывал свои примечания и надобное означал в них карандашом, а иное – в записной книжке»[1392].

Сын и внук царя-преобразователя

Данных о том, как на практике учили знакомиться с прессой царевича Алексея Петровича, пока найти не удалось. Известно лишь, что назначенный в марте 1703 г. учителем тринадцатилетнего царевича Г. Гюйссен включил в

[1390] ПиБ ПВ. Т. 1. Спб., 1887. С. 750–751.

[1391] *Гуськов А. Г.* Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 5. М., 2009. С. 27–44.

[1392] *Нартов А. К.* Рассказы Нартова о Петре Великом СПб., 1891. С. 53.

программу обучения знакомство с французской прессой. Чтение газет Гюйссен рассматривал как продолжение знакомства с политической историей. С прессой полагалось знакомиться регулярно, каждый почтовый день, то есть два раза в неделю. Отдельно акцент делался на выходящем два раза в месяц «Меркурии историческом». Вместе с чтением этих изданий полагалось вести нравоучительные беседы на политические, географические и исторические темы[1393]. Учитывая, что Гюйссен совмещал обучение царевича с работой по формированию положительного имиджа России в европейской прессе, не стоит сомневаться в том, что в какой-то мере заявленная программа обучения была реализована. По крайней мере, привычка к чтению газет у царевича выработалась[1394].

Более подробные сведения касаются уже Петра II, внука Петра Великого. Можно было бы ожидать, что для этого, как и раньше, будут использоваться куранты, составление которых было прервано после начала выхода газеты «Ведомости», но в последние годы жизни Петра I возобновилось. В Коллегии иностранных дел курантами занимался А. И. Остерман[1395]. Однако став наставником взошедшего на престол в возрасте одиннадцати лет Петра II, Остерман решил использовать в качестве учебного материала не куранты, а непосредственно иностранные газеты. В одном из документов с расписанием учебных занятий императора указано: «Сверх того, вместо забавы и для известия получаемые куранты (в это время газеты также, как и обзоры иностранной прессы, называли курантами. – *С.Ш.*) читать и переводить, и ежели что во оных будет нового о воинских или о других каких знатнейших дей-

---

[1393] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 3. М., 1837. С. 103; *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб. 1895. С. 14.

[1394] *Павленко Н. И.* Царевич Алексей. М., 2008. С. 45, 148, 204, 205, 206, 258.

[1395] *Майер И., Шамин С. М.* Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. 2011. № 5. С. 91–111.

ствиях, или вещах, то о том смотреть в ланткарте, в которой части света, и государств то место и под которым горизонтом лежит, и какое имеет положение, дабы впредь в знатной случай и во время разговоров ясную и вероятную отповедь дать можно»[1396]. Текст интересен тем, что в нем акцент сделан на формировании эрудиции, общего кругозора ребенка. Насколько эту программу работы с прессой удалось реализовать на практике, мы не знаем.

Следы знакомства юного императора с иностранной прессой удалось найти в курантах 1729 г.[1397] Дело в том, что куранты этого года[1398] имеют существенные отличия от материалов предшествующего и последующего времени. Кроме обычных для курантов делопроизводственных помет, на полях рукописей имеются исправления[1399] языкового характера. Всего выявлено 74 исправления. По почерку их автора установить не удалось из-за краткости записей. Остановимся подробнее на характере помет. В двух случаях пояснялись отсутствующие в русском языке метафорические выражения иностранного оригинала «долг заплатил» – «умер» и «очи его наполнены огня» – «острозрачны». Иногда комментарии носили культурологический характер. Так, было отмечено, что слово «век» обозначает столетие, а не тысячелетие, как в русском языке допетровского времени[1400]; что лилия «значит Генрика третьяго французского, известны, что король Французкои в гербе 3 лилии имеет»; что «четыре мешка левков» это 1200 рублей на российские деньги.

[1396] РГАДА. Ф. 2. Ед. хр. 25. Л. 10 об. Благодарю О. Е. Кошелеву, выявившую данный текст.

[1397] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Кусок глины в сердце Мазарини. Петр II, Остерман и «куриозные» куранты 1729 года // Родина. 2012. № 8. С. 72–74; *Шамин С. М.* Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) // Русский язык и литература во времени и пространстве: сборник научных статей и докладов к 45-летию Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина / сост. В. В. Молчановский. М., 2011. С. 180–188.

[1398] АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/1. 1729 г. Ед. хр. 186.

[1399] Исправляемое слово помечалось в тексте надстрочными значками.

[1400] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 485.

Упомянутые в одной из статей господа, которые «в обсерватории объявляют», на полях обозначены как «профессоры».

В семнадцати случаях эквиваленты даны к русским словам[1401]. К примеру, «мятежник» – «бунтовщик»; «пришел» – «настал»; «благополучен» – «счастлив» и др. В нескольких случаях русские слова снабжены иноязычными аналогами: «описаны» — «секвестированы»; «случай» — «коньюнктура»; «помощь» – «сикурс».

Самую многочисленную категорию составляют пометы, в которых к иноязычным словам даются русские эквиваленты. При этом чаще всего оказывается, что комментируемое слово вошло в русский язык только в годы петровских реформ:

Слова первоначального перевода	Дата упоминания	исправления	Дата упоминания	№ листа в деле[1402]
авантаж	1703 г.[1403]	прибыток	1076 г.[1404]	156
акт	1728 г.[1405]	дело	1584 г.[1406]	334 об.
апробован	1711 г.[1407]	принят за благо		73
аспер	1729 г.[1408]	деньга	1382 г.[1409]	309 об

[1401] Или к иностранным словам, вошедшим в русский язык задолго до реформ Петра I и воспринимавшимся как русские.

[1402] АВПРИ. Ф. 11. Иностранные газеты. Оп. 11/1. 1729 г. Ед. хр. 186.

[1403] СРЯ XVIII в. Вып. 1. Л., 1984. С. 13.

[1404] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994. С. 102.

[1405] СРЯ XVIII в. Вып. 1. Л., 1984.С. 39.

[1406] СРЯ XI–XVII вв. . Вып. 4. М., 1977. С. 207.

[1407] СРЯ XVIII в. Вып. 1. Л., 1984. С. 83.

[1408] Слово отсутствует в СРЯ XI–XVII вв. и СРЯ XVIII в.

[1409] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 216.

атаковать	1704 г.[1410]	напасть	XII–XIII в. [1411]	29
Бористен		Днестр		167 об.
визит	1697 г.[1412]	посещение	1076 г.[1413]	10
Гелеспонт		Черное море		235 об.
декларовать	1707 г.[1414]	объявить	XVI в.[1415]	17
десант	1709 г.[1416]	выход	1130–1156 гг.[1417]	194
диверсию	1706 г.[1418]	развращение	1073 г.[1419]	171 об.
инспектор	1679 г.[1420]	надзиратель	1535 г.[1421]	134
камерад	1728 г.[1422]	товарищ		333 об.
канонизация	1720 г.[1423]	постановление в святыя		107 об.
комкеты	1729 г.[1424]	завоеванные ме-ста		21 об.
комплот (учинили)	1699 г.[1425]	сговорились	XV в.[1426]	130

[1410] СРЯ XVIII в. Вып. 1. Л., 1984. С. 109.

[1411] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 166.

[1412] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 177.

[1413] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 165.

[1414] СРЯ XVIII в. Вып. 6. Л., 1991. С. 80.

[1415] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 202.

[1416] СРЯ XVIII в. Вып. 6. Л., 1991. С. 110.

[1417] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 271.

[1418] СРЯ XVIII в. Вып. 6. Л., 1991.С. 126.

[1419] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 61.

[1420] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 246.

[1421] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 69.

[1422] СРЯ XVIII в. Вып. 9. СПб., 1997. С. 224. Как дата первого упоминания указан 1739 г.

[1423] СРЯ XVIII в. Вып. 9. СПб., 1997. С. 234.

[1424] Слово отсутствует в СРЯ XI–XVII вв. и СРЯ XVIII в.

[1425] СРЯ XVIII в. Вып. 10. СПб., 1998. С. 127.

[1426] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 23. М., 1996. С. 234.

кондиции	1703 г.[1427]	уговоры		238 об.
консидерация	1718 г.[1428]	рассуждение	XI в.[1429]	10
ломбер	1729 г.[1430]	игра некоторая в карты		57 об.
медиация	1701 г.[1431]	посредствие	1518 г.[1432]	368 об.
метода	1718 г.[1433]	образ	XII–XIII вв.[1434]	94
негоциант	1776 г.[1435]	купец	1076 г.[1436]	53
негоциации	1702 г.[1437]	поведение (дел)	1556 г.[1438]	157 об.
негоцируется	1716 г.[1439]	сочиняется		111 об.
омбраж	1718 г.[1440]	подозрение	1678 г.[1441]	40 об.
официя		заступления	1096 г.[1442]	26
поэт	XVI в.[1443]	стихотворец	1628 г.[1444]	204 об.
провизиами		припасами	1662 г.[1445]	203
регула	XVI в.[1446]	устав	XI в.[1447]	160 об.

[1427] СРЯ XVIII в. Вып. 10. СПб., 1998. С. 131.

[1428] СРЯ XVIII в. Вып. 10. СПб., 1998. С. 139.

[1429] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 73.

[1430] СРЯ XVIII в. Вып. 11. СПб., 2000. С. 225. Как дата первого упоминания указан 1750 г.

[1431] СРЯ XVIII в. Вып. 12. СПб., 2001. С. 107.

[1432] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 222.

[1433] СРЯ XVIII в. Вып. 12. СПб., 2001. С. 159.

[1434] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 135. В значении «образ (действия)»

[1435] СРЯ XVIII в. Вып. 14. СПб., 2004. С. 156–157.

[1436] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 126.

[1437] СРЯ XVIII в. Вып. 14. СПб., 2004. С. 156–157.

[1438] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 142.

[1439] СРЯ XVIII в. Вып. 14. СПб., 2004. С. 156–157.

[1440] СРЯ XVIII в. Вып. 16. СПб., 2006. С. 270.

[1441] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 27.

[1442] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 309.

[1443] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 91.

[1444] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008. С. 69.

[1445] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994. С. 243.

резонов		причин	1625 г.[1448]	142
ретироваться		уехать		295
свита		людство	1410 г.[1449]	31
сукцессия		наследствие	1518 г.[1450]	163 об.
такса		оценка	1684 г.[1451]	40 об.
тапеты		обои	XII–XIII вв.[1452]	58
тестамент		завещание	XVI в.[1453]	163 об.
трактующийся		отправляющийся	XVII в.[1454]	42 об.
трумфы		козыри	1641 г.[1455]	302
фаворизовать		доброротствовать	XIII в.[1456]	37 об.
факции		злыя замыслы		80 об.
эдикт		указ	1073 г.[1457]	57
эквивалент		равномерное (награждение)	XVI в.[1458]	164 об.

[1446] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 131.

[1447] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1277.

[1448] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 20. М., 1995. С. 78–79.

[1449] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 344.

[1450] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 256.

[1451] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 90.

[1452] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 135.

[1453] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 148.

[1454] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 304. Отправлятися.

[1455] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 282.

[1456] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 266. Доброродство. В значении «знатное происхождение».

[1457] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912 г. Стб. 1177.

[1458] СРЯ XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 115.

При этом многие иностранные слова («анатомили», «аудиенция», «аутор», «брегадир», «герб», «диариуш», «ковалер», «конференция», «кореспонденция», «куриер», «куриозныи», «мемориал», «монарх», «примас», «трактат» и др.) остались без комментариев. Все это заставляет предположить, что мы имеем дело не с комментированием, а именно с внесением стилистических исправлений. При этом преобладающей тенденцией было сокращение числа иностранных заимствований там, где их число казалось избыточным. Процесс «очищения» языка после периода активных заимствований является совершенно естественным. Аналогичным образом развивалась ситуация с немецким языком в Германии в 1620-х гг.[1459]

Исправления вносились систематически на протяжении целого года. Встает вопрос, зачем это делалось? Необходимо учитывать, что обзоры иностранной прессы предназначались лишь для служебного использования. Знакомившийся с ними по долгу службы Остерман получил прекрасное образование. Он знал немецкий, русский, голландский, латинский, французский и итальянский языки[1460] и сам прекрасно разбирался в интернациональной лексике. К этому времени в высшем руководстве страны вообще не было людей, которым было бы сложно понять заимствованные из европейских языков слова. В качестве единственного разумного объяснения отмеченной правки можно предположить, что после ее внесения с курантов снимались чистовые копии для императора. Остерман стремился снизить уровень насыщения текста иностранными словами, чтобы не перегружать царственного подростка терминологией.

Есть в курантах 1729 г. и еще большая «странность». Характерной чертой обзоров иностранной прессы 1720-х гг. является отсутствие переводов статей развлекательного характера, которые широко представлены в русских

[1459] *Лазарева А. В.* "Союз меча и языка": развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII века // Средние века. 2017. Т. 78. № 4. С. 113–114.

[1460] *Долгоруков П. В.* Граф Андрей Иванович Остерман. СПб., 1841. С. 6–7.

«Ведомостях» и европейской прессе рассматриваемого периода. Для документов внешнеполитического ведомства это вполне естественно. Ситуация неожиданно изменилась в 1729 г. Среди «переводов курантов» за 11 марта встречаем выписку «из Венского диариа № 11, полученаго в Москве 18 февраля 1729». Из этого издания была переведена статья «Из Парижа 21 генваря». В ней рассказывается история о том, как некоей госпоже Далеманд явился дух кавалера, «с которым она зело знаема была». Дама сильно испугалась. Дух же сообщил о своей смерти и попросил госпожу Далеманд съездить к нему домой, чтобы забрать оттуда спрятанный за обоями «сундук з железною затворкою, в котором самые нужные письма находятся». Судя по контексту сообщения, речь шла о любовной переписке. Дама поверила духу. «По прибытии своем» она увидела, что «все черным обито, а оного ковалера в гробе мертва увидела. Потом искала она сундук, о котором он еи сказал, и нашла все, как сказано было»[1461]. Рассказ о том, как галантный французский кавалер после смерти спас честь своей возлюбленной, напоминает мистическую литературу XIX столетия. Из общего же контекста обзоров иностранной прессы данная «новость» выбивается очень резко.

Почти два месяца спустя, 7 мая, среди политических новостей вновь появляется перевод французской статьи из «Венского диариуша». На этот раз из Парижа писали, что здесь у одного человека после смерти в теле при вскрытии не обнаружили сердца. Автор статьи хотя и удивился столь неординарному факту, однако привел по этому поводу несколько «исторических примеров». Он напомнил, что у покойного кардинала Мазарини в сердце нашли кусок глины. Был приведен и рассказ о некоем священнике, который при молитве обращал очи и сердце только к Спасителю. В результате после его смерти сердце обнаружили не в теле, а у Распятия[1462].

[1461] АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/1 1729 г. Ед. хр. 186. Л. 57–58 об.

[1462] Там же. Л. 127–127 об.

В третий раз подобные «новости» появились уже 16 июля. Однако в этом случае они не остались внутри сводки, а были отделены от внешнеполитической информации пометой «куриозныя»[1463]. После этого изготовление *отдельных* «куриозных выпусков» курантов стало нормой. Всего в июле–декабре 1729 г. составлено не менее 11 комплектов «куриозных» курантов. Обратимся к их содержанию[1464]. Больше всего среди статей встречается сообщений о стихийных бедствиях. Здесь мы видим огромное разнообразие тем: сильный град (в одном сообщении – величиной с куриное яйцо); огненный круг на небе, гроза и молния (в одном сообщении молния разбила колокольню и несколько зданий); наводнения; сильная жара; шторм (один из кораблей погиб по пути из Гданьска в Петербург); землетрясение в Италии; извержение вулкана в Исландии (оно привело к сильным разрушениям); нашествие саранчи. От некоторых из перечисленных опасностей людей могла сохранить божественная воля. Так, образ Богородицы, написанный св. Лукой, защитил город от града, а Папа Римский проклинал саранчу, уничтожавшую посевы. Подобные сообщения были обычными и в курантах XVII столетия[1465].

Большое место в «куриозных» курантах занимали сообщения, которые сегодня назвали бы «уголовной хроникой». В одной из статей писали, что в Париже мошенники явились «по королевскому указу» арестовывать некоего кавалера. Он оказался законопослушным и дал взять себя под стражу. Мошенники же обобрали доверчивого господина и скрылись. В другом парижском сообщении рассказывалось, что знатных путешественников остановили

[1463] Там же. Л. 236.

[1464] Там же. Л. 236, 237, 256–257 об., 284-285, 301–303, 316, 333, 341, 348–349, 353, 359–361, 366–367.

[1465] *Богданов А. П., Шамин С. М.* Природные явления в царствование Федора Алексеевича и человеческое сознание (по газетной информации Посольского приказа) // Историческая экология и историческая демография. М., 2003. С. 239–255.

недалеко от Версаля и ограбили. Известия о грабежах из разных районов Европы постоянно привлекали внимание составителей «куриозных» курантов. Писали газеты и о наказаниях преступников (к примеру, в Гааге).

Следующий блок информации в современных «желтых» изданиях попал бы в раздел «происшествия». Русский читатель мог узнать из «куриозных» курантов следующее: французский король упал во время охоты; выпавший из окна полуторагодовалый мальчик не получил повреждений; «предерзостный финляндец», дразнивший медведя, тяжело изувечен зверем. Писали также о пожарах и взрывах (сильный взрыв пороха в Неаполе в имении князя Сан-Марино и взрыв рудничного газа при копке колодца).

Как единый комплекс можно рассматривать сообщения о необычных родах и анатомировании трупов. Наиболее обширное из подобных сообщений рассказывало о том, что в доме некоторого столяра обвалилась крыша, убив всю семью. Когда «женскую персону анатомили, которая с 8 месяцов чревата была, то выняли живого младенца, которой скоро по крещении умер». «Куриозные» куранты рассказывали также о рождении тройни; анатомировании госпожи 53 лет; о том, что некая женщина родила в 83 года; о лечении бесплодия.

Остальные «куриозные» новости не связаны с какой-то конкретной тематикой. В обзоре за 16 июля сообщалось о замечательной машине, которая нагружает корабли[1466]. Перевод 6 августа касался (в современной терминологии) археологии или палеонтологии: в Каменце-Подольском во время дождей вымыло кости огромного человека[1467]. В сентябрьские обзоры их составители включили статьи о дрессированных собаках. Один из псов знал азбуку, а другой играл в карты. Здесь же можно было прочитать и новость «медицинского» характера: одна женщина в обмен на лечение обещала сдать свою кровь для медицинского осмотра, но обманула врача и принесла куриную кровь.

[1466] АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/1. 1729 г. Ед. хр. 186. Л. 236, 237.

[1467] Там же. Л. 256–257 об.

Она была сурово наказана за обман – все ее куры сдохли[1468]. В «куриозные» попал и антипротестантский памфлет от 22 октября 1729 г. Он рассказывал, как протестант, ехавший на лошади, повстречался с католическим священником. Священник нес Святые Дары, однако протестант высокомерно проигнорировал его. И тогда произошло чудо: лошадь, на которой ехал протестант, стала перед Святыми Дарами на колени[1469]. Еще одно сообщение религиозной тематики, «куриозность» которого с современной точки зрения весьма сомнительна, появилось 13 декабря. В Японии были мученически умерщвлены 15 тысяч христиан[1470]. Другое «азиатское» сообщение оказалось более оптимистичным: 17 декабря из Турции сообщили, что турецкий султан и великий визирь радуются новой типографии и собираются опубликовать историю Европы[1471]. В том же выпуске из Парижа сообщали, что «пред несколко днями с родною своею дочерью учинившеи кровосмешение человек осужден в вечное заточение, и она також де в заключении жизнь свою скончать имеет».

Выпускались ли «курьезные» куранты в 1730 г., неизвестно. Дела за этот год хотя и находятся в АВПРИ, но из-за плохой сохранности не выдаются читателям. Среди документов 1731 г. «куриозных» курантов уже не встречается. Почему же в Коллегии иностранных дел, как минимум, на протяжении полугода занимались совершенно несвойственной для внешнеполитического ведомства функцией: составлением рукописной газеты с явными признаками желтой прессы? Опять же единственное логичное объяснение – развлекательные тексты предназначались императору.

Следует заметить, что «куриозные» куранты крайне далеки от изначально запланированной учебной программы Петра. Нет речи о совершенствовании навыков перевода – перед нами уже готовые переводы. Но глав-

---

[1468] Там же. Л. 284–285, 301–303.

[1469] Там же. Л. 316.

[1470] Там же. Л. 348–349.

[1471] Там же. Л. 353.

ное, что в изначальном плане говорилось о знакомстве с важными международными событиями, их локализации на карте, а вовсе не о похождениях госпожи Далеманд и ее любовника. С точки зрения учебного процесса мы наблюдаем явную победу курьезности над пользой и здравым смыслом. Что же заставило Остермана так далеко отойти от своего первоначального плана? Все становится на свои места, если вспомнить о политической ситуации, которая сложилась при российском дворе к 1729 г. В 1727 г. император Петр II отстранил от власти и сослал фактического правителя Российской империи А. Д. Меншикова. С этого времени начинается борьба за влияние на юного монарха между его воспитателем вице-канцлером Остерманом и кланом Долгоруких, приучавших императора к праздной жизни и бесконечным развлечениям. Остерман постепенно проигрывал эту борьбу. Император все больше удалялся от государственных дел. Если в 1727 г. Петр II посетил заседания Верховного тайного совета 9 раз, в 1728 г. – 4 раза, то с апреля 1728 г. он вообще не появлялся на заседаниях. Несколько раз Петр II обещал Остерману заняться учебой и присутствовать на заседаниях Верховного тайного совета, но не сдержал обещания. Не состоялось и задуманное Остерманом путешествие императора по России. Иностранные посланники не могли даже представиться пропадавшему на охотах монарху[1472].

Вряд ли в такой ситуации молодой царь мог увлечься переводами и поиском на карте мест важных международных событий. Скорее всего, мы имеем дело не с реализацией исходного учебного плана Остермана, а с его вынужденным упрощением. Можно предположить, что изначально, в 1727–1728 гг., Остерман действительно начал с обозначенного в учебном плане комментированного чтения и перевода газет, но к началу 1729 г. снизил уровень сложности занятий, перейдя на куранты. Последующий переход к «желтой» прессе стал еще одним шагом на пути упрощения материала. Очевидно,

[1472] *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003. С. 144–146.

что Остерман использовал любую возможность, позволяющую заинтересовать Петра II чем-нибудь, кроме охот и недетских удовольствий, навязываемых юноше Долгорукими. Можно предположить, что первоначально при составлении курантов служащие Коллегии иностранных дел случайно обратили внимание на забавную и романтическую историю о госпоже Далеманд. Опытный придворный Остерман понял, что этим можно увлечь государя и дал указание специально заказывать у европейских издателей и отбирать в отдельные выпуски курантов подобные материалы для императора. Необходимостью заказать и дождаться присылки нужных изданий объясняется большой промежуток времени между переводом первого «курьезного» материала и установлением постоянной практики.

У «курьезных» курантов есть одна особенность, которая отличает их от других подобных изданий «желтой» прессы. В них отсутствуют сообщения об официальных церемониях – празднествах, приемах послов и иных мероприятиях. Лишь в сводке 30 декабря 1729 г. был отмечен фейерверк в Версале[1473]. Между тем такие известия регулярно встречаются в европейских газетах, русских курантах XVII в., печатных «Ведомостях». Даже составленные в 1729 г. «Ведомости публичные из Коллегии иностранных дел к министрам при чужестранных дворах сообщаемые», которые были предназначены для публикации их материалов в иностранной прессе, содержат множество описаний церемоний, в том числе и с участием самого Петра II[1474]. Эта кажущаяся странность становится понятной, если вспомнить общеизвестную нелюбовь императора к официальным церемониям. Курьезные же куранты были ориентированы именно на его вкус. Тем же можно объяснить и отсутствие астрологических «новостей», которые регулярно встречаются и в прессе того времени, и в курантах XVII в.[1475]

[1473] АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/1. 1729 г. Ед. хр. 186. Л. 366–367.

[1474] Там же. Ед. хр. 185.

[1475] *Шамин С. М.* Чудеса в курантах времени правления Федора Алексеевича (1676–1682 г.) //

Таким образом, проследив за практикой использования газет и курантов в целях обучения трех поколений царских детей династии Романовых на протяжении половины столетия, мы можем сделать вывод, что тексты оригинальной прессы упрощались путем отбора материала и редактирования. Обычно знакомство с прессой начиналось в младшем подростковом возрасте, однако в случае с Петром I это произошло уже в старшем подростковом возрасте. Трудно сказать, связан ли данный факт с особенностями личности, или же обусловлен политической ситуацией при дворе. Если говорить о содержательной стороне, то она сильно варьировалась в зависимости от конкретной ситуации, потребностей и возраста – Петра I интересовала политика (пусть и в упрощенном виде), а Петра II – курьезы. В любом случае, русская культура выработала важную культурную практику – практику обучения людей работе с массовой информацией.

Можно предположить, что знакомство царевичей с прессой подталкивало представителей высшей знати к аналогичному воспитанию собственных детей. Ближе к концу XVIII столетия факты использования прессы в процессе обучения фиксируются уже в элитных учебных заведениях. В петербургском Сухопутном шляхетском кадетском корпусе под влиянием графа Ф. Е. Ангальта сложилась практика регулярного ознакомления будущих офицеров с прессой. В одном из залов в открытом доступе на столе помещались русские и европейские газеты. На досках в этом же зале учащиеся могли письменно изложить свои мысли по поводу прочитанного. По воскресным дням здесь же проходило открытое обсуждение публикаций[1476]. Таким образом,

---

Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 99–110; *Шамин С. М.* Европейская астрология и русское правительство в XVII столетии // Естественнонаучная книжность в культуре Руси. М., 2005. С. 76–81.

[1476] *Аурова Н. Н.* От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2010. С. 144–145.

привычка к знакомству с прессой и навыки работы с ней постепенно охватывали все более широкий круг русских людей.

7.4. Адаптация европейского юмора в русской культуре: распространение «смеховых» текстов в книжной традиции

В эпоху Средневековья смех, сатира, юмор оставались достоянием устной культуры. Их проникновение в рукописную книжность – яркое свидетельство развития литературы Нового времени. Вопрос о переводе в России европейских смеховых текстов XVII в. рассмотрен нами в совместной статье с С. В. Алпатовым[1477]. Было установлено, что среди приказных переводов элементы сатиры и юмора шире всего представлены в политических памфлетах. Если сами переводы политической сатиры еще можно рассматривать в рамках проблем дипломатии, то их переход в рукописную книжность ярко свидетельствует именно о культурных изменениях. Каждый из таких случаев служит примером того, как переводная пресса становилась мостом между западной культурой и культурой России.

Распространение «смеховых» текстов в книжной традиции

Наиболее широко в русских рукописных сборниках была востребована подложная переписка турецких султанов, рассмотренная уже в специальном разделе. Данный тип текстов в своей основе имел пародийную переделку титула. Титулатура фактически подвергалась превращению дважды – в султанских письмах она гротескно гипертрофировалась, а в ответах излишне амбициозные именования превращались в свою карикатурную противоположность. Смех над «вывернутой на изнанку» реальностью был характерен для Средневековья. Однако то, что эти тексты начали переходить в литературу, можно рассматривать как первый шаг на пути культурной трансформации, десакрализации письменного текста.

[1477] *Алпатов С. В., Шамин С. М.* Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4. С. 21–33.

В рукописный сборник попали также совершенно аполитичные «Юмористические куранты». Их ввела в научный оборот еще в 1940-х гг. В. П. Адрианова-Перетц. Памятник также представляет собой образец традиционной для средневековья и раннего Нового времени «вывернутой реальности», когда какую-либо типичную ситуацию или документ представляют в виде небывальщины. Среди бытовавших в России XVII столетия памятников этого типа – такие хрестоматийные сочинения, как «Калязинская челобитная», «Лечебник на иноземцев», «Роспись о приданном»[1478].

«Юмористические куранты» построены по привычному для русского читателя принципу – своей структурой они похожи на обычные, в них одна за другой следуют статьи из разных мест, только вот содержание этих статей гротескно. На страницах сочинения копенгагенская Круглая башня выходит замуж, по морю катаются в каретах, осетры вьют гнезда на ратуше и т.д.[1479] Имевшиеся в распоряжении Адриановой-Перетц списки памятника относились к XVIII в. Однако полвека спустя польской исследовательнице Э. Малэк удалось найти произведение в рукописи, относящейся к 1680-м гг. При этом в списке имелись явные искажения, которые позволяли утверждать, что текст уже некоторое время копировался[1480]. Данная рукопись поставила вопрос о происхождении памятника, поскольку для появления пародий необходимо, чтобы объект пародирования получил хотя бы минимальное распространение. В России такая ситуация сложилась только в начале XVIII в., когда

[1478] *Трахтенберг Л. А.* Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков в контексте теории смеховой культуры: Учебное пособие по спецкурсу. М., 2015. С. 59–88.

[1479] *Адрианова-Перетц В. П.* Юмористические куранты // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Вып. 67. Кафедра русской литературы. Л., 1948. С. 48–56.

Исследовательнице были известны две рукописи: ОР РНБ. Q.XVII.17. Л. 121 об. –125 об. и РГАДА. Ф. 196. Собрание Ф. Ф. Мазурина. Оп.1. Ед. хр. 755. Л. 20–22.

[1480] *Малэк Э.* Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси) // ТОДРЛ. Т. 55. СПб., 2004. С. 427–429.

начали издаваться «Ведомости». В 1670-х – 1680-х гг. доступ к курантам имели царь, члены Боярской Думы, а также составлявшие их переводчики и подьячие одного из повытий Посольского приказа – аудитория крайне узкая и специфическая. Это заставляет предполагать, что «Юмористические куранты» – переводное сочинение. Об этом же заставляют задуматься широко представленные в тексте повседневные реалии иноземной жизни – ратуша, галстук, магистрат, фабрика, ранжереи (оранжереи. – *С.Ш.*). В российских курантах, ориентированных на международную политику, слова, описывающие бытовую жизнь европейских стран, встречаются относительно редко. Пародист явно «переворачивает с ног на голову» самую обычную газету. Особенное подозрение вызывает первый объект пародирования – копенгагенская Круглая башня – построенная в середине XVII в. обсерватория, одно из первых сооружений подобного типа. Для образованной части европейцев, особенно на севере Европы, этот объект был знаковым. В России (даже к концу XVIII столетия) о нем вряд ли знали многие. Данная шутка не могла возникнуть в рамках русской книжности, поскольку здесь для нее не имелось читательской аудитории.

Разыскать иностранный оригинал для копируемого русскими книжниками сочинения не удалось. Однако С. И. Николаев выявил относящийся к XVII в. московский перевод аналогичного по своему характеру польского сочинения. Его появление в Москве выглядит случайным. В 1689 г. львовский архиепископ И. Шумлянский отправил к гетману И. Мазепе с «прелестным письмом» шляхтича И. Доморацкого. Шляхтича ловили дважды и в итоге выдворили обратно на территорию Речи Посполитой. Среди конфискованных у шляхтича документов оказалась некая «цыдулка». Еще в Киеве отправлявший документ в Москву боярин П. И. Хованский понял, что это «смехотворные басни». Тем не менее, текст добрался до российской столицы и был переведен на русский язык. Текст воспринимали именно как литера-

турное сочинение. Об этом свидетельствует использование при переводе церковнославянизмов – зело, паче, есмы.

«Цыдулка» представляет собой комплекс из двух пародий. Первая, «Перевод с списка листов чюжеземных, переведенных на полской язык с розных языков», представляла собой шуточный отчет о путешествии по историческим местам. Его участники обнаруживали около Трои печь с каплунами, предназначенными для свадьбы сына «троянского бурмистра», в Афинах нашли «конклюсии», которые «Зенон поднес господину Нерону», а после отобедали капустой, заквашенной в бочке Диогена и т.д. Второй текст, «Список з домовых листов», пародировал польскую газету. Из нее читатель узнавал о поимке на удочку трех китов под Гданьском, комете с березовым хвостом (то есть веником, вместо хвоста. – *С.Ш.*), о том, что под Ярославлем выросли такого размера орехи, что в их скорлупе можно сплавлять по реке хлеб, а также о прочей небывальщине. При этом переводчик позаботился о том, чтобы юмор оригинала был понятен читателю. Для этого к малоизвестным в Московском государстве реалиям делались комментарии: «кесарь Римской» – к имени Нерона, «жил при Александре Македонском философ» – к имени Диогена[1481]. Таким образом, случайно оказавшееся в распоряжении находившегося в Киеве русского боярина польское юмористическое сочинение вызвало большой интерес, хотя не имело отношения к политике или дипломатии. Более того, находясь в Киеве, Хованский не сомневался, что шутки в столице оценят по достоинству.

Перевод «цыдулки» Доморацкого не попал в рукописную книжность, в то время как рассмотренные выше «Юмористические куранты» получили широкое распространение. В XVIII столетии данный текст мог копироваться в составе сборников смехового содержания, включавших как известные еще с XVII смеховые сочинения («Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемя-

[1481] *Николаев С. И.* Из истории польской сатирической литературы в России (XVII–первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992. С. 307–309.

кином суде», «Калязинскую челобитную»), так и новую сатиру, типа «Гимна бороде» М. В. Ломоносова[1482]. Другой вариант распространения памятника – его включение в состав более крупного произведения – «Гистории о купце»[1483], где «Юмористические куранты» усиливают развлекательную составляющую основного текста. Этот памятник оказался очень удобным для инкорпорации в другие сочинения, в том числе печатные. В 1760-х гг. его включают в недатированное издание русского перевода романа о Совизжале (польская переработка рассказов о Тиле Уленшпигеле)[1484]. В 1771 г. В. Г. Рубан воспроизвел один из вариантов «Юмористических курантов» в своем журнале «Трудолюбивый муравей» под заглавием «Балакиревы ведомости», использовав для встраивания памятника в систему литературы образ «Шута Балакирева»[1485]. Таким образом, к концу XVIII в. текст прочно вошел в русскую культуру.

В наше время юмористические сочинения, построенные на принципе «перевернутой реальности», сохраняются в русской литературе. Достаточно вспомнить известное каждому выросшему в России ребенку стихотворение К. И. Чуковского «Путаница», начинающееся словами «Замяукали котята: "Надоело нам мяукать! Мы хотим, как поросята, Хрюкать!"».

Parodia sacra

[1482] *Адрианова-Перетц В. П.* Юмористические куранты... С. 48–49. О времени создания Калязинской челобитной см.: *Базарова Т.А., Шамин С.М.* Неизвестный список "Калязинской челобитной": к вопросу о ранней истории и датировке памятника // Комплексный подход в изучении Древней Руси Сборник материалов X Международной научной конференции. Приложение к Журналу "Древняя Русь. Вопросы медиевистики". 2019. С. 231–232.

[1483] *Розов Н. Н.* «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 440–448.

[1484] Małek E. Русский перевод плутовского романа о Совизжале и его судьба в России. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. С. 68–69, 97, 242–245.

[1485] *Николаев С. И.* Из истории ... С. 309.

Особым разделом пародийной литературы, представляющей мир в вывернутом виде, были сатиры, пародирующие священные тексты, так называемая «parodia sacra». Данное явление было крайне широко представлено в культуре европейского Средневековья. По замечанию М. М. Бахтина, в смеховой латинской литературе «создаются пародийные дублеты буквально на все моменты церковного культа и вероучения»[1486]. В русской культуре историю таких текстов начинает «Служба кабаку», в которой жизнь пьяницы описывается в виде пародии на церковную службу. Наиболее ранний из таких текстов зафиксирован В. П. Адриановой-Перетц в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре. Список датирован 1666 г.[1487] В XVIII столетии памятник, несмотря на сомнительное содержание, приобрел немалую известность. Очевидно, что его читатели не видели в «Службе кабаку» святотатства, также, как их западные собратья. Однако в ряде случаев доносы о чтении и распространении таких текстов навлекали на любителей смеха серьезные наказания[1488].

Ряд переводных сочинений, пародирующих священные тексты, Адрианова-Перетц выявила в рукописных сборниках XVIII в. – «Ныне употребляемый, саксонских крестьян Отче наш», «Французский Отче наш» и др. Исследовательница писала о них: «Эти пародии хотя хронологически и выходят из рамок так называемой древней литературы, однако не могут рассматриваться изолированно от нее: они являются непосредственным продолжением той линии, которую можно вести, начиная с сатирических памятников второй

[1486] *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 20.

[1487] *Адрианова-Перетц В. П.* «Праздник кабацких ярыжек»: Пародия-сатира второй половины XVII века // ТОДРЛ. Т. 1. Л., 1934. С. 171–247.

[1488] *Смилянская Е. Б.* К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в.: (Следственное дело о «Службе кабаку» в комплексе документов о богохульстве и кощунстве) // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992. С. 435–438; *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики: народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 229–232.

половины XVII в.»[1489]. Таким образом, исследовательница отмечала культурную общность древнерусских образцов «parodia sacra» и переводов аналогичных европейских памятников XVIII в., однако данных о более ранних переводах у нее не было.

В русской культуре до середины XVII в. пародирование церковных служб существовало лишь в фольклорной, бесписьменной форме. Одним из самых ярких примеров таких практик стал устроенный Иваном Грозным в Александровской слободе в годы Опричнины «монастырь», где царь был «игуменом», а Малюта Скуратов – «пономарем». Во второй же половине XVII в. русские и переводные литературные памятники «parodia sacra» появляются практически одновременно[1490]. Разница лишь в том, что русские тексты распространяются в рукописной книжности, а переводные материалы остаются в рамках приказных документов. Самым ранним из обнаруженных на сегодняшний день переводных памятников является пародийная переделка молитвы «Отче наш», начинающаяся словами «Отче наш, кроле польский Яне Казимере»[1491]. В заглавии публикуемого документа говорится, что это перевод с «польского письма». Так в Посольском приказе обычно обозначали рукописные вестовые документы. В том, что это именно польская рукопись, вряд ли стоит сомневаться. Гораздо больше вопросов вызывает датировка оригинала и перевода. Ян II Казимир оставил свой трон в 1668 г. Королю в памфлете предлагают «принять в милость» Любомирского, чей мятеж пришелся на 1665–1666 гг. Соответственно, памфлет, скорее всего, писался в 1665–1666 гг. и не мог быть составлен после 1668 г. Однако в Москву он по-

---

[1489] *Адрианова-Перетц В. П.* Образцы общественно-политической пародии... С. 336.

[1490] *Алпатов С. В., Шамин С. М.* Влияние европейских памфлетов-пародий на формирование русской традиции parodia sacra XVII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 2. С. 58–66.

[1491] Подробнее см.: *Шамин С. М.* Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы «Отче наш» из дела с курантами 1672 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1. С. 107–111.

пал существенно позже. Столбцы с переводом находятся в составе комплекса, в котором все точно датированные документы относятся к 1671–1673 гг. Таким образом, на русский язык его перевели уже после отречения короля Яна II Казимира, когда текст потерял политическое значение. Это свидетельствует о том, что внимание к пародии было связано именно с «курьезностью» сочинения, а не с его политическим значением.

Неизвестный автор сатиры в первой строке обращается к королю как к Богу. Однако в дальнейшем становится ясно, что это уподобление – ирония. Ниже на каждую строку молитвы приходится пародийное двустишье, в котором монарх предстает «Богом навыворот». Данный прием характерен для произведений, относящихся к жанру пародийных документов. Четкое соотношение молитвы и стиха нарушено лишь в одном случае, когда составители памфлета угрожают королю тем, что они «за волности битис готови быхом».

О. Янссон установила, что памфлет был хорошо известен в Речи Посполитой. Он распространялся устно, копировался в виде отдельных листовок и включался в хроники. Сатиры на политическую деятельность короля в форме молитвы «Отче наш» известны с начала XVII в. Они, как и другие памятники данного типа, часто подвергались переделке. Исследовательница зафиксировала двенадцать рукописных списков этой пародии, в том числе текст, близкий к оригиналу русского перевода[1492].

Близки к текстам «parodia sacra» юмористические списки святынь, в которых читатель должен был узнавать подделку. Наиболее ранний из таких списков – включенный в куранты 1666 г. список реликвий лжепророка Саббатая Цви, содержавший, к примеру, «заступ, которым Адам землю сперва

[1492] *Янссон О.* Пародия на молитву «Отче наш»: польские источники // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 169–170; *Янссон О.* Польская пародия на «Отче наш» середины XVII века и ее русский перевод: в поисках неизвестного польского источника // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2 С. 74–104.

копал»[1493]. К сожалению, нет уверенности в том, что русские читатели осознавали пародийный характер текста. Однозначно к числу юмористических списков «священных реликвий» относится хранившаяся в собрании Е. В. Барсова «Роспись дивным вещам, которые Турецкой посол с собою в Вену привез около 1699 года». В ней присутствуют и описания, которые можно воспринять как реальные святыни, к примеру, «деготь колесничный, которым Илья свою колесницу мазал в дехтярнице из серебра, резной работы или филиграновой», так и откровенно гротескные – «табакерка из копыт 7 жирных волов, которых Фараон во сне видел», а также просто глумливые – «один турок, который бороду до земли имеет»[1494]. Данный текст опубликован среди различных документов, происходящих из государственных архивов. Это позволяет предположить, что перед нами один из приказных переводов европейских текстов.

В книжную традицию вошла роспись священных подарков турецкого султана цесарю, озаглавленная «Копия. З Бела града 28 декабря 1717 году чрез нарочно присланного вчерашнего числа в полъдень». Список святынь крайне внушителен. Он включает терновый венец Христа, крест, на котором его распяли, главу святого Иоанна Крестителя и множество других, не менее значимых даров. Несмотря на подчеркнуто серьезный, торжественный стиль известия, можно не сомневаться, что перед нами образец юмористики того времени – в перечне даров отмечено 17 священников, которых турки взяли при штурме Константинополя[1495].

[1493] ВК VI. Ч. 1. С.174–176; ВК VI. Ч. 2. С. 110–117, 293–298.

[1494] «Роспись дивным вещам, которые Турецкои посол с собою в Вену привез около 1699 года» // ЧОИДР. 1883. Вып.1. «Смесь». С. 14–15.

[1495] *Турилов А. А.* Из истории политических легенд раннего Нового времени: «Донесение из Белграда» 1717 г. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию Константина Владимировича Никифорова: Сб. статей. М., 2016. С. 52–57.

Таким образом, мы видим, что уже в XVII столетии даже в такой сугубо культурной области, как смеховая литература, имеются параллели между приказными и книжными текстами. Для поддельной переписки турецкого султана установлено, что книжная традиции и приказная документация взаимодействовали. Однако во всех рассмотренных в данном разделе случаях смеховые тексты крайне традиционны. Смех в них вызывает искажение привычной реальности. Между тем, среди отложившихся в Посольском приказе документов есть сатирические памятники с довольно тонким юмором. К числу таких относятся включенный в куранты протестантский памфлет «Список з грамоты, какову писал владетель темности ко французскому синклиту о новопревращенной вере», направленный против преследования французскими властями гугенотов[1496], а также «Вымышленное письмо султана Ибрагима I Папе Иннокентию X»[1497]. Авторы переведенного в 1690 г. антифранцузского памфлета «Писмо каково королю французскому писано», направленного в поддержку Вильгельма Оранского, искусно обыгрывали сходство имени «Оранец» с названием использовавшегося в медицине горького апельсина (померанец) и смеялись над тем, что французские «доктора» пропустили «некии день того горкость может розвести огнь»[1498]. Характерно, что все три текста были помещены в куранты в то время, когда посольским приказом руководил князь В. В. Голицын – человек, по своему культурному уровню явно опередивший свое время. Очевидно, что для Голицына куранты были не только деловым документом, но в какой-то мере и развлечением.

В следующем столетии мы встречаем уже целые смеховые сборники. Такие, как литературно-сатирический сборник из РНБ (с владельческой записью «Из книги леиб-гвардии Преображенского полкового секретаря Никиты

[1496] РГАДА. Ф. 155. Оп 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 338–341.

[1497] *Шамин С. М.* Вымышленное письмо султана Ибрагима I Папе Иннокентию X: (Русский перевод немецкого памфлета) // Вестник церковной истории. 2012 г. № 1–2. С. 262–268.

[1498] РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1, 2. Л. 249.

Рылеева. Писано 1777 года августа 1 числа» на первом листе). Кроме ведущего свою историю еще из XVII столетия письма запорожских казаков султану (вместе с ответом), книга включает «Остаток письма лорда Боленброка», солдатские песни, заговоры, сатирические стихи, переводы с польских текстов: «Катехизис польской», «Заповеди»[1499]. Данную рукопись можно рассматривать как эквивалент печатных юмористических журналов. Очевидно, что сборник имеет чисто развлекательный характер и переписка султана в нем не связана с другими материалами турецкой тематики.

Как видим, число юмористических произведений, попавших через прессу в книжность, было очень невелико. Сам этот процесс начался довольно поздно. Наибольший шанс заинтересовать русского книжника имели самые простые, примитивные пародии. Таким образом, во второй половине XVII столетия мы фиксируем точку старта переводной юмористики. Время широкого распространения интеллектуального юмора настало значительно позднее.

[1499] РНБ. Ф. 905. Новое собрание рукописной книги. Оп. I. F 63.

Заключение

Изучение переводов иностранной прессы показало, что, обращаясь к этой теме, мы имеем дело с тремя взаимосвязанными, но все-таки разными процессами. Первый – использование иностранной прессы политической элитой русского общества для решения внешнеполитических проблем. Второй – возникновение на основе иностранной прессы национальной периодической печати, ставшей структурным элементом системы организации русского общества. Третий – влияние иностранной прессы на различные стороны культуры русского общества. Однако изучать эти три явления можно лишь в их взаимосвязи.

Каждый из этих процессов тесно сопряжен с другими общественными структурами и институциями. При этом момент, когда усилиями государства создаются соответствующие структуры может существенно опережать общественные потребности. Так, возникшая в конце 1660-х гг. почта начала использоваться частными лицами лишь к концу XVII столетия. До этого времени ее влияние на внутреннюю жизнь страны было отрицательным – почта давала преимущество иноземным коммерсантам над русскими купцами. Если же задаться вопросом, когда почта стала востребована и доступна на всей территории страны, то окажется, что это произошло лишь к концу XIX – началу XX столетия[1500]. Возникшие еще при Иване Грозном технологии печати вплоть до XVIII в. не могли развиваться без поддержки государства. Их влияние на развитие светской культуры Нового времени долгое время оставалось отрицательным, поскольку тиражировали они, в основном, памятники средневековой книжности. Массовые светские издания, такие как азбуки и буквари, были для российских типографов побочным продуктом. Ситуация

[1500] *Шамин С. М.* Почта // Экономическая история России с древнейших времен до 1861 г.: Энциклопедия. Т. 2. М., 2009. С. 359–364.

начала меняться лишь в XVIII в.

Даже после того, как Петр Великий, используя перечисленные технологии начал издание газеты «Ведомости», первое русское периодическое издание не могло существовать без государственной поддержки из-за отсутствия достаточной читательской аудитории. При этом основное содержание газеты составляли переводные материалы. Передача русской газеты из Коллегии иностранных дел в другую созданную Петром государственную структуру, Академию наук, стала промежуточным решением, которое выводит нас на еще одну системную проблему – создание образованной читательской среды, являющейся основным потребителем прессы. Между тем, вектор развития системы образования опять-таки определялся именно церковно-государственными институтами, а не частной инициативой. Таким образом, процесс распространения влияния иностранной прессы в России был связан со структурными изменениями большой длительности, проходившими под решающим воздействием государства. В целом же, внедряя в практику структуры, к которым общество еще не было готово, государство, с одной стороны, ускоряло общественное развитие, а с другой, изменяло направление происходящих перемен.

Рассматривая вопрос об использовании иностранной прессы политической элитой русского общества для решения внешнеполитических проблем, мы можем однозначно констатировать, что хотя иностранные листовые издания, рукописные, а затем и печатные газеты попадали в руки российских властей с того времени, как они начали создаваться в Европе, представления о прессе, как о некоем специфическом явлении сложились у московских властей лишь к середине XVII в. Толчком к переносу этого явления на русскую почву стала ожесточенная борьба с западными соседями. В качестве аналогии можно назвать процесс создания полков нового строя или первых железоделательных заводов.

Суть изменений в использовании прессы состояла в следующем: для

эффективного участия в международной политической борьбе требовалось получать оперативную информацию о том, что происходит в европейских странах, однако на том этапе развития у России не хватало ресурсов для того, чтобы создать в Европе постоянно действующую систему дипломатических представительств. Промежуточным решением проблемы стало систематическое составление обзоров иностранной прессы (курантов), предназначенных для царя и членов Боярской Думы. Этот способ решения проблемы для своего времени был не таким уж экзотическим, как это могло бы показаться с современной точки зрения. В период раннего Нового времени вести, которые отправляли в свои страны дипломаты, зачастую превращались в часть общедоступного информационного потока, попадая в прессу даже без редактуры[1501]. В 1660-х – 1690-х гг. куранты оставались важным источником сведений о ближайших соседях и были единственным источником новостей о политических событиях в некоторых государствах, удаленных от российских границ.

Поскольку с курантами знакомилась политическая элита, то именно она и оказалась той социальной группой, на которую европейская пресса стала влиять в первую очередь. Это влияние выражалось в расширении кругозора, знакомстве с новыми понятиями и явлениями европейской жизни, использовании новых слов. Наиболее важным фактором стало распространение в придворной среде европейских агитационных материалов, в которых последовательно проводилась идея противопоставления мира ислама, в первую очередь турок с татарами, христианскому миру. В устах европейских дипломатов и памфлетистов Россия оказывалась частью политического пространства христианской Европы. Острие этой агитации по понятным причинам было направленно на правителей. Наиболее податливым и падким на лесть оказался юный Петр I. Документы четко показывают – молодой царь придавал большое значение тому, что о его битвах с туркам думают в Европе. Петр

[1501] *Droste H., Maier I.* Christoff Koch …. P. 119, 120.

I жаждал публичного признания своей роли в борьбе с османами на европейском уровне. Получая такое признание со стороны европейских правителей, московский царь сам все больше чувствовал себя европейцем. Это изменение самоидентификации государя стало отправной точкой для начала процесса более интенсивной, чем при прежних правителях, европеизации всей страны. Разумеется, для появления такой агитации имелись и объективные причины: начиная с 1672 г. Россия (с перерывом на несколько лет между 1681 и 1686 гг.) воевала с Османской империей и не воевала со своими европейскими соседями. Речь Посполитая и Священная Римская империя оказались естественными союзниками Московского государства. Именно в этих условиях выросло поколение сподвижников Петра I. Переводная европейская «turcica» накладывалась на внутренние потребности страны в европейских союзниках.

Что касается широких слоев русского общества, то здесь для всего исследуемого периода следует говорить не о влиянии прессы, а о воздействии конкретных текстов, более-менее случайным образом попавших в общественное пространство. Парадоксальным образом, при усилении контактов с Европой из нее пришло не только новое, но и средневековое старое (эсхатология). Именно такие тексты заимствовали не только просвещенные верхи, но и широкие слои населения, в том числе старообрядцы.

До настоящего времени роль переводных текстов малых форм недооценивалась из-за специфики источника. Выяснилось, что литературная жизнь изучаемых произведений была очень динамичной. Они перемещались из отдельных «листов» в рукописные книги и наоборот. Такая динамичность вела к большим потерям. Из оборота исчезал самый массовый сегмент – листовки и небольшие тетради. Надежным хранилищем оказывались лишь книги. Однако проведенное в данном исследовании сопоставление книжных списков, копий, отложившихся в приказном делопроизводстве и следственных материалов показало, что тексты, вошедшие в рукописные сборники – малая часть существовавшей в реальности традиции. Это хорошо видно на

примере «Сказания о двух старцах» в редакции 1731 г., путь распространения которого пыталась по возможности полно отследить Тайная канцелярия. Оказалось, что текст, который массово копировался на огромном пространстве от Переславля и Харькова до Воронежа и Тамбовской губернии, отразился в единственной рукописной книге, обнаруженной исследователями совсем недавно. Соответственно, выявление небольшого числа копий более ранних редакций «Сказания о двух старцах», имеющих значительное текстологическое расхождение и происходящих из разных регионов страны, позволяет утверждать, что текст массово распространялся в более раннее время. Среди других переводов, имевших широкое бытование, можно отметить поддельную переписку турецкого султана. Самый яркий пример – «Письмо запорожцев турецкому султану» (изначально – «Письмо чигиринских казаков турецкому султану»), активно использующееся в общественно пространстве до сих пор.

Именно рукописная книжность является основным источником, который позволяет говорить о начальном этапе массового культурного влиянии иностранной прессы. Уже сам факт перехода текста из приказного архива в книгу показывает, что мы имеем дело с явлением культуры. Влияние переводов не было линейным или непрерывно увеличивающимся по нарастающей. Здесь мы обнаруживаем ситуацию, которую условно можно назвать «двумя стартами». Дело в том, что хронологически все рассмотренные книжные материалы распадаются на две группы. Одна, меньшая – до 1540-х гг. Больше всего текстов этого периода относится ко времени правления Василия III, хотя отдельные переводы делались и ранее. А. А. Зимин отмечает, что в Москве тогда существовал кружок гуманистов, которому покровительствовал строгий к любым проявлениям политического вольнодумства государь: «пытливая мысль новой волны передовых людей России занялась естественнонауч-

ными вопросами»[1502]. Среди проанализированных нами текстов естественнонаучных известий нет. Землетрясения и различные «небесные знамения» интересовали читателя в религиозном контексте. Однако о внимании к внешнему миру они явно свидетельствуют. Наиболее яркий показатель этого интереса – перевод брошюры о кругосветном путешествии Магеллана. Отмеченное Зиминым внимание к естественнонаучным темам и отмечаемый в рассмотренных источниках интерес к внешнему миру – связанные между собой интеллектуальные процессы. Это хорошо видно по проанализированному нами сборнику монаха Кирилло-Белозерского монастыря книгописца Ефросина. По каким-то причинам эти процессы не получили дальнейшего развития во второй половине XVI столетия.

Эпоха самостоятельного правления Ивана Грозного положила начало почти вековой хронологической лакуне в книжных текстах переводных памфлетов и курьезных известий, которая прерывается лишь на рубеже 1630-х – 1640-х гг. Далее переводов с каждым десятилетием становится все больше. Основная масса добравшихся до книжных сборников переводов относится к последней четверти XVII в. При этом первыми были востребованы тексты, хорошо вписывавшиеся и в традиционную культуру, такие как пророчества, или построенные по образцу «вывернутого мира» пародийные письма турецкого султана. Светские тексты, отражающие культурные интересы людей Нового времени – описания церемоний, сражений и т.д. – входят в рукописную книжность ближе к концу столетия, даже если иностранные оригиналы попали в Россию в более раннее время. Таким образом, рукописные сборники отразили процессы распространения рационализма и секуляризма лишь в конце XVII столетия.

Почему после яркого старта первой половины XVI столетия мы наблюдаем длительный перерыв в развитии изучаемых процессов – сказать сложно.

[1502] *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 344.

Можно предположить несколько гипотез. Возможно, что интеллектуальные ресурсы народа были поглощены процессами жесткой социально-политической трансформации, через которую русское общество прошло в эпоху правления Ивана Грозного и Смутное время. Ключом к объяснению феномена может быть и тот факт, что в XV – XVI столетиях большинство читателей исследуемых текстов составляли монашествующие, а во второй половине XVII в. первенство, однозначно, принадлежало светским людям – не исключено, что «первый старт» оказался неудачным в результате того, что тексты еще не имели достаточной читательской аудитории для того, чтобы процесс их распространения проходил устойчиво[1503]. И, наконец, еще одно объяснение может заключаться в том, что появление при Иване Грозном специализированного дипломатического ведомства (Посольского приказа) затруднило доступ книжников к вестовым материалам. Произошедшее же во второй половине XVII столетия превращение приказа в важный центр книжной культуры вновь создало благоприятные условия для перехода текстов в рукописную книжность.

Большая длительность и дискретность в развитии на русской почве явлений культуры, связанных с европейскими практиками Нового времени, является скорее нормой, чем исключением. Если мы возьмем музыку, то первый «арганный игрец», итальянец Джованни Сальваторе появился при дворе Ивана III в 1490 г., в 1547 г. Г. Шлитте нанял для Ивана Грозного певчего и огранного мастера, который, в прочем так и не попал в Россию, после 1586 г. стараниями англичанина Д. Горсея европейской музыкой увлеклась царица Ирина Годунова, Лжедмитрий завел при своем дворе один из крупнейших оркестров в Европе. Периоды увлечения музыкой западной Европы были у царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Однако лишь при Пет-

[1503] О читателях переводных текстов см.: *Шамин С. М.* К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2. С. 42–59.

ре европейская музыка прочно вошла в придворную культуру. Аналогичным образом первые театрализованные представления были сыграны при дворе Лжедмитрия, аналог цирка с европейскими артистами некоторое время содержал Михаил Федорович, театральными представлениями радовал свою вторую супругу царь Алексей Михайлович, общедоступный театр на Красной площади возник и исчез при Петре, и только к середине XVIII столетия театральная жизнь в России приобрела прочные основания[1504]. Если обратиться к истории заимствования европейского костюма и других связанных с модой явлений в России, то также окажется, что процессы проходили дискретно и растягивались на столетия[1505]. При этом распространение западной культуры во всех случаях начиналось с политической элиты. Если же говорить о проникновении этих явлений в широкие массы, то речь должна идти уже о XIX столетии. То, что адаптационные процессы шли на протяжении многих поколений в самых разных текущих условиях, заставляет отказаться от поиска одного решающего фактора, определившего путь страны, будь то

[1504] *Дженсен К., Майер И.* Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М., 2016; *Майер И., Шамин С. М.* Псковское театральное лето 1644 года. Афиша странствующих немецких комедиантов // Родина. 2013. № 8. С. 64–67; *Maier I., Shamin S.* Straßburger Mummenschanz im russischen Pleskau im Jahre 1644?: Eine deutsche Schaustellertruppe versucht ihr Glück im Zarenreich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2016. Vol. 64. № 1. S. 1–25; *Топычканов А., Шамин С.* Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действа, выступления скоморохов и артистов, театр //Российская история. 2016. № 6. С. 97–111; *Шамин С. М.* Цирк царевича Алексея Михайловича // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (20). Июль–Декабрь. С. 136–151; *Шамин С., Дженсен К.* Иноземные потешники при дворе первых московских царей // Российская история. 2018. № 1. С. 32–46.

[1505] *Шамин С. М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2005. С. 23–38; *Шамин С. М.* Кареты в быту русской знати XVII в. // Позднесредневековый город II: археология. История: материалы II Всероссийского семинара, Тула, ноябрь 2007 г. Тула, 2009. С. 206–210; *Богатырев А. В.* Западное влияние в России XVII – начала XVIII вв.: к истории парика // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 4 (9). С. 10–17.

внешняя угроза или борьба политических элит[1506]. Очевидно, что развитие процессов модернизации и вестернизации определялось взаимодействием комплекса самых разных факторов.

То, как коммуникационная революция охватывала все более широкие слои населения, хорошо видно на примере «Сказание о двух старцах». Текст проникает в Московское государство в 1620 г. Однако в это время он не вышел за пределы приказа, поскольку для его массового распространения еще не имелось социальных условий, в первую очередь нужного числа грамотных людей и острой борьбы за реформирование Церкви. Начиная с 1660-х гг. ситуация становится совсем иной. Европейский памфлет начинает проникать в книжную культуру, анализироваться в Посольском приказе, нелегально распространяется в качестве подметных писем. В 1730-х гг. новые варианты «Сказания» уже не только попадают в Россию, минуя дипломатическое ведомство, но и распространяются на огромной территории в краткие сроки. Правительство совершенно справедливо видело в «Сказании» серьезную опасность, поскольку оно было эффективным средством активизации социального протеста, обличенного в форму религиозного движения. Между 1660-ми и 1730-ми годами памятник становился все более востребованным. Он мог перерабатываться и комментироваться. Однако распространяться типографским способом, как это произошло в Европе, текст так и не начал. В стране просто не имелось неподконтрольных правительству типографий, где его могли напечатать, хотя бы в качестве «курьеза». В 1761 г. мы встречаемся с совершенно новой ситуацией – опровержение «новости» (с ее кратким пересказом) в Санкт-Петербургских ведомостях появляется практически сразу после появления очередного памфлета. С опасной новостью (распространяющейся среди старообрядцев) теперь борется не Тайная канцелярия, а пресса. К концу XVIII столетия списки разных редакций «Сказания» начи-

[1506] *Fedyukin I.* «Westernizations» from Peter I to Meiji: war, political competition, and institutional change // Theory and Society. 2018. T. 47. № 2. P. 207–231.

нают взаимодействовать между собой. Появляются российские тексты, которые лишь отталкиваются от иноземных оригиналов. Таким образом, механизмы информационного взаимодействия внутри русского общества очень постепенно развивались между 1660-ми и концом XVIII в. Итоговый же результат отличался от европейского из-за гораздо большей роли государства в распространении информации.

Сочинения, входящие в круг поддельной переписки турецкого султана, показывают близкую динамику – в первой половине XVII столетия они переводились, но (за исключением письма турецкого султана польскому королю Russian 1637 по классификации Д. К. Уо) не выходили за пределы приказных архивов, в последней четверти века списки переводов начинают распространяться в рукописной книжности, а в самом конце столетия появляется собственная продукция с аналогичным содержанием. Однако в данном случае мы имеем дело с агитацией, распространявшейся Посольским приказом. Независимые от органов государственного управления произведения появляются не ранее XVIII в.

Вопрос о необходимости расширить хронологические рамки периода модернизации русской культуры ставится на примере самых разных источников. К примеру, Л. Б. Сукина приходит к выводу о том, что процесс перехода русской культуры из Средневековья в Новое время начался на рубеже XV и XVI столетий и продлился до середины XVIII в., анализируя столь специфический памятник, как церковный синодик[1507].

В заключении остановимся на тех явлениях Нового времени, генезис которых связан с влиянием западной прессы. Наиболее раннее из них – вовлечение России в борьбу внутри общеевропейского информационного пространства. Традиционная для Средневековья борьба за честь государя была

[1507] *Сукина Л. Б.* О хронологических рамках «перехода» русской культуры из Средневековья в Новое время // Русский мир в пространственно-временном контексте: Сб. материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Барнаул, 2015. С. 28–40.

дополнена распространением новостей, направленных на неопределенный круг потребителей. То есть адресатом воздействия стали не конкретные персоны, а читатели прессы. Начало этого процесса относится ко времени Алексея Михайловича. Наибольшей степени эффективности удалось добиться Петру Великому, при котором для воздействия на европейских издателей применялись такие методы, как захват в заложники торговавших с Россией купцов и угроза военного вторжения. То, что именно здесь произошли первые перемены – вполне логично. Ведь куранты создавались Алексеем Михайловичем как инструмент внешней политики.

Не менее значимым фактом следует считать использование иностранной прессы или ее переводов при обучении подростков. Практика вошла в жизнь в период взросления третьего поколения царей из династии Романовых. И для Федора Алексеевича, и для Петра Алексеевича обучение было связано с управлением государством. Однако если старший брат пользовался «взрослыми» документами, то для младшего их уже специально упрощали. Следующие поколения Романовых, взрослевшие в XVIII столетии, сталкивались с прессой в юном возрасте именно как с учебным материалом. По крайней мере, на уровне воспитателей царских детей, появилось понимание того, что подростков необходимо целенаправленно обучать умению работать с информацией. Позднее практика обучения работе с прессой перешла в элитные учебные заведения.

Крайне важен для понимания процессов утверждения в России культуры Нового времени вопрос о том, когда и как в русской письменной культуре «легализовывались» смех, сатира и юмор. Здесь можно выявить два этапа. Переводные смеховые памятники, близкие по своему характеру традиционной культуре Средневековья, проникают в рукописную книжность в середине XVII в. (письмо турецкого султана польскому королю Russian 1637). Более сложные сатирические сочинения даже в приказных переводах фиксируются лишь в последние десятилетия XVII столетия. Распространение сати-

ры и юмора в книжной культуре приходится уже на послепетровское время. С этими наблюдениями хорошо коррелируются данные С. В. Алпатова, полученные при анализе сатирических памфлетов. Он показал, что во второй половине XVII – начале XVIII в. переводы попадавших в Россию европейских сатирических текстов «подспудно меняют концептуальную парадигму и художественный язык отечественной сатиры», во второй половине XVIII столетия появляются отечественные переделки и подражания иностранным сатирическим памфлетам, а в первые десятилетия XIX в. письменные произведения уже уходят в фольклор. Таким образом, более сложные для восприятия сатирические произведения усваиваются русской культурой позже, чем близкие к средневековой культуре памфлеты-пророчества и памфлеты-пародии на документальные жанры[1508].

Еще один длительный процесс – возрастающая структурированность информационных потоков – в XVI столетии в связи с созданием Посольского приказа информация о международных делах начинает накапливаться в едином ведомстве[1509], в середине XVII в. обзоры прессы отделяются от массива иноземных «вестей», начинается регулярное составление курантов. К концу же правления Петра I в России видим обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел, газету «Ведомости», предназначенную для общественных нужд и сложившуюся практику публикации общественно значимой информации на отдельных листах, а также развлекательные календари-ежегодники. В более позднее время циркулирующая в обществе информация становится все более структурированной.

И, наконец, самым ярким явлением было само появление российской

[1508] *Алпатов С. В.* Переводные памфлеты в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.: дисс. … докт. фил. наук. М., 2018. С. 25–26.

[1509] *Рогожин Н. М.* Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России // История внешней политики России. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 343–406; *Рогожин Н. М.* У государевых дел быть приказано… М., 2002.

национальной прессы. Оно свидетельствует о том, что информация стала общедоступным товаром, что свойственно культуре Нового времени. В немецкоязычной Европе рынок новостей сложился во второй XVI в.[1510] Из числа подданных московских государей к профессиональным распространителям известий можно отнести уже А. А. Виниуса. Однако работал он на международный, а не внутренний рынок новостей. То есть вовлечение России в международные сети происходило раньше, чем возникновение такого рынка внутри страны.

Сделанные нами наблюдения показывают, что дискуссии об отправной точке процесса развития культуры Нового времени в России, о старте «полноценной» информационной/коммуникационной революции, аналогичной той, что происходила на западе Европы, не столь важна, как изучение влияния специфических условий жизни в Московском государстве на ход этих процессов. Если бы речь шла просто о хронологическом отставании, можно было бы предполагать, что Россия через какое-то время нагонит своих западных соседей или же будет на протяжении всей истории повторять их путь с некоторым отставанием. Однако факты свидетельствуют о различиях более глубокого характера. В России роль государства в процессе развития культурных явлений Нового времени оказалась существенно большей, а общественной инициативы – гораздо меньшей, чем в странах Западной Европы. Реформы Петра I усилили роль государства и ослабили роль церкви в жизни страны, но принципиального влияния на основной тренд развития изучаемых процессов не оказали. Соответственно и разные стороны самих процессов проявлялись в России с различной интенсивностью: наименее выражено перемены влияли на развитие институтов гражданского общества и общественно-политической жизни страны.

[1510] *Шварц И.* Газеты Фуггеров об окончании Ливонской войны // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. Ставрополь, 2018. С. 136–148.

Источники и литература

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи

Ф. 1-III. Административные дала. Оп. 19. 1802 г. Ед. хр. 1.

Ф. 11. Иностранные газеты. Оп. 1/1. 1720 г. Ед. хр. 11, 12; 1721 г. Ед. хр. 21; 1722 г. Ед. хр. 24; 1723 г. Ед. хр. 37; 1724 г. Ед. хр. 54, 55; 1725 г. Ед. хр. 62; 1726 г. Ед. хр. 90; 1727 г. Ед. хр. 139; 1729 г. Ед. хр. 185, 186; Оп. 11/2. 1697 г. Ед. хр. 2; Оп. 11/4. 1730 г. Ед. хр. 1–4; 1731 г. Ед. хр. 6; 1744–1769 гг. Ед. хр. 7.

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (дома Н.П.Лихачева).

Кол. 11. Собрание Археографической комиссии. Ед. хр. 44.

Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей

Основное собрание. №№ 21.8.11; 24.5.32; 32.14.11.; 32.14.12.

Библиотека Петра I. № П I Б. 57 (17.7.16)

Государственный исторический музей. Отдел рукописей и старопечатных книг

Синодальное собрание. №№ 377, 904.

Собрание А. С. Уварова. №№ 1949 (627) (474); 1950 (626) (472).

Государственный исторический музей. Отдел письменных источников

Ф. 440. Собрание И. Е. Забелина. Оп. 2. Ед. хр. 26; Оп. 4. Ед. хр. 15 (15/4).

Ф. 450. Собрание Е. В. Барсова. Оп. 1. Ед. хр. 83.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей.

Ф. 98. Собрание Е. Е. Егорова. № 374.

Ф. 178. Музейное собрание. №№ 942, 3345.

Ф. 214. Собрание Оптиной пустыни, № 413.

Ф. 236. Собрание А. Н. Попова. №№ 31, 32.

Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. № 635.

Ф. 732. Нижегородское собрание № 99.

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

Ф. 351. Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря. № 9/1086.

Ф. 550. Основное собрание рукописных книг. №№ F.IV.492, F. XVII.21, F.XIII.5, Q.XVII.17, Q.XVII.17, O.I.427 (XVIII в.).

Ф. 588. Собрание М. П. Погодина. №№ 840, 1561.

Ф. 659. Русское археологическое общество. № 43.

Ф. 717. Библиотека соловецкого монастыря. № 862/972.

Ф. 905. Новое собрание рукописной книги. Оп. I. № F 63.

Российский государственный архив древних актов

Ф. 2. Дела, относящиеся до императорской фамилии. Оп. 1. Ед. хр. 25.

Ф. 7. Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Оп. 1. Ед. хр. 309, 359, 561.

Ф. 9. Кабинет Петра I. Оп. 5. Ед. хр. 1. Ч. 2, 9.

Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Ед. хр. 621.

Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 1. 1697. Ед. хр. 30, 45; 1698. Ед. хр. 49; Ед. хр. 2, 12, 13, 49, 53, 69.

Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 1. Ед. хр. 147, 261.

Ф. 50. Сношения России с Голландией. Оп. 1. 1666. Ед. хр. 2; 1700 г. Ед. хр. 5.

Ф. 52. Сношения России с Грецией. Оп. 1. 1672. Ед. хр. 25; 1687. Ед. хр. 6, 8; 1688. Ед. хр. 1, 5.

Ф. 64. Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией. Оп. 1. Ед. хр. 14.

Ф. 74. Сношения России с Пруссией. Оп. 1. 1675. Ед. хр. 2; 1687. Ед. хр. 1.

Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 181, 251, 252, 161/, 161а; 1642. Ед. хр. 2; 1683. Ед. хр. 2; 1687. Ед. хр. 11; Ед. хр. 3, 6.

Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1631 г. Ед. хр. 4; 1660 г. Ед. хр. 1, 2.

Ф. 125. Монастырские дела. Оп. 2. Ед. хр. 129, 368, 369

Ф. 159 Приказные дела новой разборки. Оп. 1. Ед. хр. 1490.

Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1 (Устюг). Ед. хр. 16а.

Ф. 138. Дела о Посольском приказе и служивших в нем. Оп. 1. 1663 г. Ед. хр. 1; 1674. Ед. хр. 6; 1695. Ед. хр. 3; 1697. Ед. хр. 37; Оп. 2. Кн. 12.

Ф. 155. Иностранные ведомости (куранты) и газеты. Дело фонда 155; Оп. 1, 1666 г. Ед. хр. 11; 1664 г. Ед. хр. 2; 1664 г. Ед. хр. 3; 1665 г. Ед. хр. 11; 1667 г. Ед. хр. 10; 1668 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 8; 1669 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 10; 1670 г. Ед. хр. 8; 1672 г. Ед. хр. 8.; 1673 г. Ед. хр. 9.; 1673 г. Ед. хр. 10; 1674 г. Ед. хр. 8; 1675 г. Ед. хр. 8.; 1676 г. Ед. хр. 8.; 1677 г. Ед. хр. 7.; 1679 г. Ед. хр. 5.; 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 6; 1697 г. Ед. хр. 12; 1697 г. Ед. хр. 13; 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1.; 1699 г. Ед. хр. 10; 1699 г. Ед. хр. 11.; 1699 г. Ед. хр. 12; 1700 г. Ед. хр. 8.; 1700 г. Ед. хр. 9.; 1701 г. Ед. хр. 14. Ч. 1.; Оп. 2. Ед. хр. 2, 37, 41.

Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1652 г., Ед. хр. 122.

Ф. 180. Канцелярия Московского архива Коллегии иностранных дел (1720–1832) и Московского Главного архива Министерства иностранных дел (1832–1918). Оп. 13. Ед. хр. 1.

Ф. 181. Рукописный отдел МГАМИД. № 1072.

Ф. 187. Рукописное собрание Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. Оп. 2. № 250.

Ф. 188. Рукописное собрание Центрального государственного архива древних актов. Оп. 1. № 1363.

Ф. 196. Рукописное собрание Федора Федоровича Мазурина. Оп. 1. № 755.

Ф. 375. Исторические сочинения. 375. Оп. 1. № 13.

Отдел книжных фондов Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

В-5636/120.

Опубликованные источники

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. В 15 т. Т. 11. СПб., 1879.

Архангельские губернские ведомости. 1877. № 66.

Библиотека Московской Синодальной типографии. Секция 1: Рукописи. 6 тт. Т. 4: Материалы и оригиналы ведомостей 1702–1727 г. / Сост. В. А. Погорелов М., 1903.

Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990.

Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2. / исслед. и подгот. текстов И. Майер. М., 2008.

Вести-Куранты. 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов / Под ред. С. И. Коткова. М., 1980.

Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.

Вести-Куранты. 1651—1652, 1654—1656, 1658—1660 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов / Под ред. В. П. Вомперского. М., 1996.

Вести–Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов при участии И. А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин. Под ред. А. М. Молдована и И. Майер. М., 2009.

Вести-Куранты. 1671–1672 гг. / Подгот. текстов, исслед., коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамин, А. В. Кузнецова, И. А. Корнилаева, В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер. М., 2017.

Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб., 1996.

Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. М., 1976.

Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. IV.

Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А. Г. Манькова Л., 1975.

Календарь или месяцослов. На лето от Рождества Господа нашего, Иисуса Христа, 1716. Указующии затмения солнечная, месячная рождения, и полныи месяц с четвертми. Такожде время солнечнаго восхождения и захождения. Долгоденствие и долгонощие на всякии день. Учиненныи по меридиану, и ширине царствующаго града Санктъпитербурха. СПб., 1715.

Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. В 2 т. Т. 2. Варшава, 1913.

Копиевский И. Ф. Gloria triumphorum & trophaeorum. Слава торжеств и знамен побед пресветлейшаго и августейшаго: Державнейшаго и непобедимейшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича всея

великия и малыя и белыя России самодержца в кратце списана стихами поетыцкими писа Елиас Копиевскийб духовнаго чину реформацкия веры. Амстердам, 1700.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3.

Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878.

Лефорт Ф. Сборник материалов и документов / отв. ред. Е. Е. Лыкова, сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. М., 2006.

Ломоносов М. В. Слово о рождении металлов от трясения земли // Пространство и время. 2011. № 4. С. 179–180.

Ломоносов М. В. Слово о рождении металлов от трясения земли, на торжественный праздник тезоименитства ея императорскаго величества великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, в публичном собрании Императорской Академии наук сентября 6 дня 1757 года, говоренное коллежским советником и профессором Михайлом Ломоносовым. СПб., 1757.

Лызлов А. Скифская история / под. ред. А. П. Богданова, Е. В. Чистяковой. М., 1990.

Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 1: 1716-1730. СПб., 1885.

Московия и Европа. М., 2000.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом СПб., 1891.

О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М. 1960.

Опись архива Посольского приказа 1626 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977.

Опись архива Посольского приказа 1673 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.

Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. 1–10. СПб. 1851–1871.

Памятники литературы Древней Руси. / сост. И ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. В 12 вып. Вып. 11: XVII век. Кн. 2. М., 1989.

Панегирическая литература петровского времени / Подгот. В. П. Гребенюк, О. А. Державина. М., 1979.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–13. СПб., М. 1887–1992.

Письма императора Петра Великаго к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану: С ответом на оныя и на отзывы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шейна, князя Бориса Алексеевича Голицина, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева / На ижд[ивении] П. Б. [огдановича]». СПб., 1788.

Полное собрание законов Российской империи. В 48 т. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. 2: 1676–1688. СПб., 1830.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.

Протоколы комиссии № 60–90. // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 4. Вып. 1. М., 1907. С. 38–39.

Римский-Корсаков И. Генеалогиа явленной от сотворения мира фамилии… Корсаков-Римских / сост. А. П. Богданов. М., 1994.

Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893.

Роспись дивным вещам, которые Турецкои посол с собою в Вену привез около 1699 года» // ЧОИДР. 1883. Вып.1. «Смесь». С. 14–15.

Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М., 1990.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. В 40 т. Т. 21. Дела приказа Тайных дел. Кн. 1. СПб. 1907.

Санкт-Петербургские ведомости. 1761. 4 мая.

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1828. Ч. 4.

Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс, Я. Рейтенфельс. М., 1997.

Эпистолярное наследие русского резидента в Швеции А. Я. Хилкова (1676–1717). К истории Северной войны. Сборник документов / Сост. С. Р. Долгова, Г. Р. Якушкин. М.; СПб., 2015.

Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и Шведского государственного архива касающихся истории взаимных отношений России и Швеции в 1616–1651 г. М. 1897.

Sinibaldi C. A. Lo scitico Poliorcete nella espugnazione a forza d'armi della importante piazza d'Assac sul Mar Nero fatta da tre' potenti eserciti del gran duca di Moscouia, e da guerrieri, & Archimedi cesarei contro la potenza ottomana. Ode pindarica del caualiere don Carlo Andrea Sinibaldi dell'ordine di s. Iago, patrizio faentino In Faenza: per Giuseppe Maranti stamp. episc., 1696.

Литература

Автократов В. Н. К истории замены столбцовой формы делопроизводства тетрадной в начале XVIII в. // Проблемы источниковедения. Т.VII. М., 1959. С. 274–286.

Агеева О. Г. Купечество и официальная праздничная культура русских столиц петровского времени // Менталитет и культура предпринимателей России XVII –XIX вв. Сборник статей. М., 1996. С. 24–42.

Агеева О. Г. Общественная и культурная жизнь Петербурга первой четверти XVIII в. Дис. … канд. ист. наук. М., 1991.

Агеева О. Г. Праздники в честь Полтавской победы в XVIII в. // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 2009. С. 257–273.

Агеева О. Г. Семь триумфальных ворот // Родина. 2009. № 7. С. 82–84.

Адрианова-Перетц В. П. «Праздник кабацких ярыжек»: Пародия-сатира второй половины XVII века // ТОДРЛ. Т. 1. Л., 1934. С. 171–247.

Адрианова-Перетц В. П. К истории легенды о странствующем жиде в старинной русской литературе // ИОРЯС. 1915. Т. 20. Кн. 3. С. 217–232;

Адрианова-Перетц В. П. Образцы общественно-политической пародии XVIII – начала XIX в. // ТОДРЛ. Т. 3. М.; Л., 1936. С. 335–366.

Адрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Вып. 67. Кафедра русской литературы. Л., 1948. С. 48–56.

Азбелев С. Н. Летописные памятники Новгорода XVII–XVIII вв. // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 282–297.

Азбелев С. Н. Летописные памятники Новгорода XVII–XVIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 13. М.; Л., 1957.

Акельев Е. В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 90–98.

Акельев Е. В., Бабкова Г. О. Практика розыскного процесса в Сыскном приказе (1730–1750-е годы) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2011. № 4–1. С. 13–26.

Акельев Е. В., Трефилов Е. Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013. С. 153–173.

Алексеев А. И. Сказание о трясении Цареградском как памятник русской книжности // Canadian – American Slavic Studies. 2013. № 47. P. 399–407.

Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. 1947. № 95. Серия исторических наук. Вып. 15. С. 43–109.

Алпатов С. В. «Ведомость из ада»: судьбы европейской сатиры в отечественных религиозных субкультурах XVIII–XX вв. // Вестник церковной истории. 2014. № 1–2. С. 149–175.

Алпатов С. В. Европейский памфлет «Страсти или переговоры в Расшате» в российской столице и провинции 1798 г.: конфликты интерпретаций // Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре. М., 2016. С. 226–237.

Алпатов С. В. Переводные памфлеты в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.: дисс. … докт. фил. наук. М., 2018.

Алпатов С. В. Переводные памфлеты в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.: автореф. дисс. … докт. фил. наук. М., 2018.

Алпатов С. В., Майер И., Шамин С. М. «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4. С. 5–12.

Алпатов С. В., Майер И., Шамин С. М. «Рассечение Европы»: русский перевод памфлета «Anatomia Europae» (1672 г.) (продолжение) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 5–16.

Алпатов С. В., Ченцова В. Г. Русский перевод папского бреве 1672 г. об объявлении юбилейного года // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 1. С. 68–80.

Алпатов С. В., Шамин С. М. Влияние европейских памфлетов-пародий на формирование русской традиции parodia sacra XVII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2012. № 2. С. 58–66.

Алпатов С. В., Шамин С. М. Европейский юмор в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4. С. 21–33.

Алпатов С. В., Шамин С. М. Элогиум митавских иезуитов в документах великого посольства 1697 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4. С. 96–110.

Алпатов С. В., Янссон О. «Голосъ ловчего силнои прибираетъ различных охочихъ псовъ»: неизвестный русский перевод польского политического памфлета 1688 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 103–110.

Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 295–327.

Аурова Н. Н. От кадета до генерала. Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2010.

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Российская национальная партия» — зловещая выдумка советских чекистов // Вестник РАН. 1994. № 10. С. 920–930.

Базарова Т. А. Создание «Парадиза»: Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. Очерки. СПб., 2014. С. 26, 39.

Базарова Т. А. «Пришла почта ис-под Азова…»: Письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН // История военного дела: исследования и источники. 2019. Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. Ч. I. С. 1–22.

Базарова Т.А., Шамин С.М. Неизвестный список "Калязинской челобитной": к вопросу о ранней истории и датировке памятника // Комплексный подход в изучении Древней Руси Сборник материалов X Международной научной конференции. Приложение к Журналу "Древняя Русь. Вопросы медиевистики". 2019. С. 231–232.

Бакланова Н. А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства) // Петр Великий. М.-Л., 1947. С. 3–62.

Балицкий Г. В. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1–4. М., 1894–1902.

Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год, составленная, по дипломатическим бумагам, управлявшим Московским архивом Коллегии иностранных дел, Н.Н. Бантышем-Каменским. Ч. 3: 1613–1645 гг. М. 1862.

Барсов Е. В. Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым, с предисловием. М., 1890.

Бахрушин С. В. Московское восстание 1648 г. // Научные труды. Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1954. Т. 2. С. 46–92.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Безьев Д. А. Малороссийский приказ: причины создания, штаты, основные направления деятельности М., 2015.

Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903.

Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906.

Беляков А. В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. М., 2019. С. 187–209.

Белякова Е. В., Щапов Я. Н. Новеллы императора Юстиниана в русской письменной традиции. К истории рецепции римского права в России. М., 2005.

Белянкин Ю. С. «Указ салтана турского»: к истории европейского памфлета в России // Румянцевские чтения – 2016. Материалы международной научно-практической конференции Российской государственной библиотеки, (12 -13 апреля 2016). / сост. Е. А. Иванова. М., 2016. С. 66–70.

Белянкин Ю. С. Шамин С. М. «Сказание о двух старцах» в редакциях 1694 и 1695 гг.: предсказания пророков с острова Мальты в старообрядческой книжной традиции // Каптеревские чтения–13. М., 2015. С. 159–178.

Белянкин Ю. С., Шамин С. М. «Светящий яростный луч»: русский перевод сочинения доктора Якова Розера о комете 1680–1681 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4. С. 126–133.

Белянкин Ю. С., Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»: европейский памфлет и русское старообрядчество в XVIII столетии // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 8. М., 2017. С. 186–200.

Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.

Биографический справочник / Ответственный составитель Г.А. Иванова. М., 2011.

Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 51. СПб., 1999. С. 463–476.

Богатырев А. В. Западное влияние в России XVII – начала XVIII вв.: к истории парика // Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 4 (9). С. 10–17.

Богатырев А. В. И вновь о польском влиянии на язык Московской Руси // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 8–14.

Богатырев А. В. Новые штрихи к польско-российским культурным связям XVII в. // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 2016. С. 98–104.

Богатырев А. В. Русский текст «pacta conventa» Яна III Собеского и его польский первоисточник // Герменевтика древнерусской литературы. 2020. № 19. С. 66–103.

Богатырев А. В. Триумфальные арки по случаю въезда Яна III Собеского в Вильно // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 227–236.

Богданов А. П. «Истинное и верное сказание о крымском походе 1687 г.» — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57–84.

Богданов А. П. «Чигирин был оставлен, но не покорен»: наши солдаты и политики в Турецкой войне XVII в. // Историческое обозрение. М., 2003. Вып. 4. С. 20.

Богданов А. П. В тени Великого Петра. М., 1998.

Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 179–228.

Богданов А. П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 26–46

Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ИИИСССР. М., 1987. С. 114–146.

Богданов А. П. Как был оставлен Чигирин: мотивы принятия стратегических решений в русско-турецкой войне 1673–1681 гг. // Военно-

историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 174–192.

Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994.

Богданов А. П. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вводная статья и комментарии // ВИ. 1986. № 3. С. 78–91.

Богданов А. П. О рассуждении Самуила Коллинса // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 204–208.

Богданов А. П. Общественное мнение и внешняя политика России при царе Фёдоре и канцлере Голицыне // Проблемы российской истории. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 2007. С. 221–248.

Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

Богданов А. П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

Богданов А. П. Стих и образ изменяющейся России: последняя четверть XVII – начало XVIII века. М., 2005.

Богданов А. П. Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII – начало XVIII века. М., 2012.

Богданов А. П., Каган М. Д. Желябужский Иван Афанасьевич // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 322–326.

Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма доктора Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 151–204.

Богданов А. П., Шамин С. М. Природные явления в царствование Федора Алексеевича и человеческое сознание (по газетной информации Посольского приказа) // Историческая экология и историческая демография. М., 2003. С. 239–255.

Богословский М. М. Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. М., 2005.

Боднарчук Е. В. Новгородский книжник Дмитрий Герасимов и культурные связи Московской Руси с Западной Европой в последней четверти XV – первой трети XVI в. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014.

Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

Бортникова А. В. Грамоты на магдебургское право городу Луцку XV–XVI веков // Славяноведение. 2010. № 2. С. 88–104.

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М., Прогресс, 1992. С. 121.

Брокгауз Ф. А. Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. VIIa. СПб., 1892.

Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.

Буганов В. И. Разин и разинцы. М., 1995.

Булгаков А. Я. Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. № 13. С. 5–33.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2.

Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2008.

Бычков А. Ф. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке. 2 тт. СПб., 1900–1902.

Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. Ч. 1. СПб., 1882.

Бычков А. Ф. Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855.

Ведомости времен Петра Великого. М., 1906. Вып. 2.

Величко Самуил Васильевич // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. В 30 т. Т. 4. Брасос–Веш. М., 1971. С. 457.

Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006.

Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. СПб., 1908.

Висковатов К. А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23. № 9. С. 121–129.

Висковатов К. А. Призыв России на борьбу с Турцией // Русская старина. 1878. Т. XXII. С. 445–448.

Вомперский В. П. Рец. на кн.: Вести-куранты 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянков, А. И. Сумкина, под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1976. — 400 с. // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. Т. 39. № 4. С. 382—385.

Георгиевский В. Т. Флорищева пустынь. Вязники, 1896.

Гераклитов А. А. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 15 т. Т. 3. М., 1837.

Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великаго. Т. 5 (17). М., 1791.

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.

Голицын Н. В. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. М., 1898.

Голубев А. В. «Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная история. 2004. № 4. С. 32–53.

Гольдберг А. Л. История России в иностранных изданиях XVI–XVII веков // История СССР. 1982. № 2. С. 103–117.

Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 471–473.

Гурлянд И. Я. Иван Гебдон: Коммиссариус и резидент. Ярославль, 1903.

Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

Гусарова Т. П. Международная обстановка в Центральной и Юго-Восточной Европе на заключительном этапе войны. Установление Вестфальского мира // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. В 2 ч. Ч. 1, М., 1998. С. 128–157.

Гуськов А. Г. Великое Посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

Гуськов А. Г. Вести-куранты. 1671–1672 гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 169–173.

Гуськов А. Г. Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. М., 2009. Вып. 5. С. 27–44.

Гуськов А. Г. Майер И. Новые данные о переводчике Посольского приказа Леонтии Гроссе // Переводчики и переводы в России конца XVI - начала XVIII столетий. М., 2019. С. 45–53.

Гуськов А.Г., Майер И. Языки и переводчики: о жизни и деятельности крупнейшего полиглота Посольского приказа Ивана Тяжкогорского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4. С. 62–81.

Домрачев Н. Е. К вопросу о функциональных особенностях русской «резиденции» в Варшаве В.М. Тяпкина // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. Материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. 2019. С. 33–41.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700).

Демкин А. В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992.

Дженсен К., Майер И. Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М., 2016.

Дианова Т. В. Филиграни XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998.

Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 202–230.

Дмитриева Р. П. Повести о споре жизни и смерти. М.; Л., 1964.

Долгоруков П. В. Граф Андрей Иванович Остерман / [Кн. Петр Долгоруков]. СПб., 1841.

Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С. Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. Т. 14. М.; Л., 1958. С. 427–432.

Дружинин П. А. Пушкинский Дом под огнем большевистской критики // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 202–213.

Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Античность в культуре и искусстве последующих веков: Материалы науч. конф., 1982. М., 1984. С. 204–285.

Жигалов А. Ю. А. Д. Седельников – забытый исследователь «Повести временных лет» // Русская речь. 2014. № 3. С. 97–107.

Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895. Ч. 1.

Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000. Т. I. Ч. II.

Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т.Т. 1. Ч. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М., 1915.

Забелин И. Е. Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. 1880. Кн. 2. С. 37–46.

Зангер Л. Картина И. Е. Репина «Запорожцы». М., 1960.

Зерцалов А. Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895; Подлинное дело см.: РГАДА. Ф. 210. Приказн. стол. Стб. 139. Л. 1–9.

Зерцалов А. Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895.

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зыков О. П., Рябова Т. В. Первые отечественные светские календари и их связь с журналистикой // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 4. С. 183–188.

Иванов С. В. Русский перевод немецкого «Сказания об антихристе» по рукописям XVII–XVIII веков. СПб., 2018.

Иванюк С. А. Малая Война в стратегии и тактике русской армии на первом этапе Северной войны (осень 1700 – лето 1709 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014.

История русской литературы. В 10 т. Т. 2. Ч. 2. М.; Л., 1948.

История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. Литература 1220-х–1580-х гг. / Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц и Н. К. Гудзия. М.; Л., 1945.

Истратий В. В. О параллельном употреблении исконных и заимствованных слов в «Ведомостях» петровского времени // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 3. С. 867–885.

Иткин В. В. Писание, обретенное на гробе Дионисия Ареопагита. / Режим доступа: http: //www. krotov. info/history/18/2/1750itkin. htm – Дата обращения 16 марта 2018.

Каган М. Д. Крючков Исидор // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 201–203.

Каган М. Д. Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 221–224.

Каган М. Д. Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 224–226.

Каган М. Д. Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 227–228.

Каган М. Д. Легендарное послание турецкого султана польскому королю // СККДР. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 1993. С. 228–231.

Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225–250.

Каган М. Д. Переписка запорожских и чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 346–354.

Каган М. Д. Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 49–52.

Каган М. Д. Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 309–315.

Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Т. 35. Л., 1980. С. 3–300.

Казаков Г. М. Почтмейстер Андрей Андреевич Виниус как информант бранденбургского курфюршеского двора // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международ. науч. конф. М., 2018. С. 68–71.

Казаков Г. М. Шведские донесения о московском стрелецком восстании 1682 г. Перевод, вступительная статья и комментарий // Valla. 2018. № 4. С. 93–102.

Казаков Г. М., Майер И. Иностранные известия о казни Степана Разина. Новые документы из стокгольмского архива // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 210–243.

Казакова Н. А. «Европейской страны короли» // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 7. Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964. С. 418–426.

Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков: Из истории литературных связей России. Л., 1980.

Казакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1974. Вып. 1. С. 62–70.

Казакова Н. А., Катушкина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 227–252.

Казарова Н.А. Профессор русской истории Иван Павлович Козловский. М. 2020.

Карданова Н.Б. Письма флорентийского купца Франческо Гваскони из Москвы от 25 июня и 17 июля 1696 г. и неизвестный русский оригинал // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2014. № 1. С. 290-311.

Кашин В. Н. Торговля и торговый капитал в московском государстве. Л., 1925.

Киселева Л. Н. Байроновский контекст замысла Жуковского об Агасфере // Новое литературное обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография. 2000. № 42(2). С. 245–254.

Клепиков С. А. Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XIX века. М., 1978.

Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1988.

Кобзарева Е. И. Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–22.

Кобзарева Е. И. Россия и Швеция в системе международных отношений в 1672—1681 гг. М., 2017

Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. В 2 т. Т. 1. Варшава, 1913.

Колегов С. С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII – начале XVIII вв.: дис. ... кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2011.

Конакова А. Д., Цыпкин Д. О. «Азбуки фряские» в истории русской каллиграфии (к постановке проблемы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 56–57.

Копанев Н. А. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 243–260.

Корнилаева И. А. Акцентуированные Вести-Куранты (к проблеме издания) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 291–297.

Корнилаева И. А., Кузнецова А. В., Шамин С. М. Неизвестный перевод грамоты Папы Климента X в РГАДА // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 5. С. 127–149.

Королев А. А., Шамин С. М. Стихи в честь прибытия Великого посольства Петра I в Амстердам: литература и дипломатия // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 12. М., 2014. С. 52–59.

Королев А., Майер И., Шамин С. Сочинение о демонах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 108–121.

Костин А. А. Дивный новый цифровой мир или об источниках «Прибавления к Московским Ведомостям» // Русская литература. 2011. № 1. С. 75–94.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

Кошелева О. Е. Рукописный сборник учебного состава и А. А. Виниус // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 491–499.

Кроль П., Малов А. В., Шамин С. М. Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты «Merkuriusz Polski» из архива Тайного приказа // Slověne. 2019. Vol. 8, № 2. С. 350–376.

Кром М. М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 94 – 125.

Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179–244.

Кудрявцев О. Ф. “Kayser vnnd Herscher aller Rewssen”: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах первой трети XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1. С. 41–55.

Кудрявцев О. Ф. Русские земли в западноевропейской космографии первой половины XVI века. М., 2020.

Кузнецова О. А., Ченцова В. Г., Шамин С. М. Русские переводы элогиума Христиана Борнманна: Великое посольство Петра I и литература // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 111–125.

Кузьмин А. И. Военная тема в литературе петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 168–183.

Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977.

Курносова О. Б. Адриан Шхонебек: русский период в творчестве гравера (1697–1705) // Труды Центрального военно-морского музея. Вып. 3. СПб., 2009. С. 76–93.

Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань, 2003.

Лавров А. С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. // ВИД. Т. 27. СПб., 2000. С. 191–199.

Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000.

Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.

Лазарева А. В. "Союз меча и языка": развитие немецкой национальной идеи в первой половине XVII века // Средние века. 2017. Т. 78. № 4. С. 101-120.

Лазарева А. В. Символ безопасности: образ власти в немецких иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648) // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2017. № 7. С. 47–68.

Летопись занятий археографической комиссии за 1865–1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4.

Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». Киев, 1878.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.

Лисейцев Д. В. Тимофей Анкудинов: «одиссея» русского авантюриста середины XVII столетия // Дело Т. Анкундинова = Az Ankungyinov-ügy: европейский авантюрист из Московии. Budapest, 2011.

Лисейцев Д. В., Шамин С. М. «Годы бедствий» первого российского заводчика Андрея Денисовича Виниуса // Quaestio Rossica. Vol. 6. 2018. No 4. P. 984–994.

Лисовский Н. М. Периодическая печать в России 1703–1903 (Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий) // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати (1703–1903). СПб., 1903. С. 5.

Литературное наследство. Т. 91: Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) // исслед. акад. М. П. Алексеева. М., 1982.

Лобанов Н. А. Образ России в германском обществе XVI–XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 135–152.

Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003.

Лобин А. Н. К вопросу о роли Михаила Глинского в Смоленской кампании 1512–1514 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. Ч. I. С. 132–147. Электронный ресурс: http://www.milhist.info/2015/04/13/lobin_6 (13.04.2015)

Ломоносова Е.С. Жанровые особенности текстов малой формы // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2015. № 3-4 (17).

Лурье Я. С., Григоренко А. Ю. Курицын Федор Васильевич // СККДР. В 4 вып. Вып. 2., Ч. 1. Л., 1988. С. 504–510.

Лурье Я. С., Турилов А. А. Дедеркин Феофил // СККДР. В 4 вып. Вып. 2., Ч. 1. Л.,. С. 185–186.

Ляпин Д. А. Московское восстание и политический кризис лета 1648 г. // Вестник ВЭГУ. 2015. № 1(75). С. 140–149.

Ляпин Д. А. Народные волнения в России в 1648–1650 гг.: Актуальные вопросы исследования // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 3. С. 54–58.

Майер И. Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Часть 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. М., 2008.

Майер И. Известия о чудотворных источниках в русском переводе (1646 г.): вновь найденные оригиналы к Вестям-Курантам // Slovo. Journal of Slavic Languages, Literatures and Cultures. 2017. № 58. С. 7–38.

Майер И. Откуда был родом переводчик Иван Тяжкогорский? Историографические и лингвистические аргументы // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий. М., 2019. С. 76–82.

Майер И. Первая русская печатная газета и ее иностранные образцы // La Russie et les modèles étrangers. / ed. Serge Rolet. Lille : Université Charles de Gaulle – Lille 3, 2010. P. 43–58.

Майер И., Михайлов Н. «Королевский извет ко всем его подданным» (1648 г.) –первый русский перевод английского печатного текста? // Russian Linguistics. 2009. Vol. 33. P. 289–317.

Майер И., Шамин С. «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам» (1663–1664 гг.): К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 80–89.

Майер И., Шамин С. М. Куранты в государевых «походах»: Коломенское: Материалы и исследования. М., 2011. Вып. 13. С. 106–113.

Майер И., Шамин С. М. Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // Российская история. 2011. № 5. С. 91–111.

Майер И., Шамин С. М. Отбор информации для «курантов» и техника перевода в Коллегии иностранных дел в 1720-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 2. С. 74. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.2.6

Майер И., Шамин С. М. Псковское театральное лето 1644 года. Афиша странствующих немецких комедиантов // Родина. 2013. № 8. С. 64–67.

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.

Малиновский А. Ф. Биографические сведения о первом в России канцлере, боярине Афанасие Лаврентьевиче Ордыне-Нащокине // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. VI. М., 1833. С. 172–191.

Малышев А. А. «Примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям» как источник картотеки «Словаря русского языка XVIII века» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2012. Т. 8. № 3. С. 159–170.

Малышев А. А. Экзотизмы в «Примечаниях к «Санкт-Петербургским ведомостям» // Медиатекст как полиинтенциональная система. Сб. ст. / Отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб., 2012. С. 69–74.

Малэк Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» – неизученный памятник переводной литературы XVII в. // ТОДРЛ. Т. 25. М.; Л., 1970. С. 242–258.

Малэк Э. Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 427–429.

Маркелов Г. В. «Явися на небеси знамение чюдно» // О древней и новой русской литературе: Сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демкиной СПб., 2005. С. 42–51.

Маркелов Г.В., Сиренов А.В. Летописец небесных знамений. Лицевой рукописный сборник XVII века из собрания Библиотеки Российской академии наук. В 2 т. Т. 2. СПб. : Изд. Пушкинского Дома,, 2018. Т. 2.

Марлинский С. Я. Первая допетровская рукописная газета // Исторический журнал. 1954. № 5. С. 74–75.

Марлинский С. Я. Петровские «Ведомости» как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1949.

Матасова Т. А. «Русско-итальянские отношения в политике и культуре Московской Руси середины XV – первой трети XVI в. ». Дис. … канд. ист. наук. М., 2012.

Матасова Т. А. Складывание итальянского направления политики московских князей в XV в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 1. С. 26–34

Материалы и оригиналы Ведомостей 1702–1727 гг. / Описал В. А. Погорелов. М., 1903.

Мереминский С. Г. Итинерарий // Православная энциклопедия. Т. 28. М. : ЦНЦ Православная энциклопедия, 2012. С. 341–355.

Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып 1. СПб., 1999.

Мильков В. В. Сведения о древнегреческой философии в «Хронике» Георгия Амартола // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Материалы конференции. М., 2010. С. 111–125.

Мильков В. В. Традиции греческой классической философии в Древней Руси // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Посвящается 180-летию установления дипломатических отношений между Россией и Грецией. Материалы конференции. Афины; М., 2008. С. 28–35.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М. : Прогресс–Культура, 1994.

Милюков С. Г. Неизвестное послание А. А. Виниуса к Петру первому // Документ. Архив. История. Современность. 2009. Т. 10. С. 240–279.

Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001.

Морозов Б. Н. Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. № 2. С. 57–61.

Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 2 / Изд. подгот. Т. А. Исаченко. М., 1997.

Николаев Н. И., Николаев С. И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома (Сборник научных трудов). Л., 1985. С. 256–257.

Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России (XVII–первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 305–314.

Николаев С. И. Кометы в переводной литературе XVII в. // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 684–688.

Николаев С. И. Новый список перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью» // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1985. С. 305–307.

Николаев С. И. От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в. СПб. : Изд. Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 141–149;

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.

Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа. М., 2001.

Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века М., 2018. С. 233–235.

Нудьга Г. А. Листування запорожців з турецьким султаном. Київ, 1963.

Оглоблин Н. Н. Воеводские «вестовые отписки» XVII в. как материал для истории Малороссии. Киевская старина. 1885 г., № 7. С. 365–416.

Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.

Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2.

Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1965. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004.

Павленко Н. И. Царевич Алексей. М., 2008.

Павлов А. Н. Грамота Петра I Патриарху Адриану о взятии Азова // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 240–242.

Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными.

Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2.

Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья» (1651–1689) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 19. Л., 1963. С. 330–347.

Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.

Перова О. А. К истории переводческой деятельности Посольского приказа во второй половине XVII в.: «Анатомия Европы» // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы научной конференции «Германия–Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв. », 03-09. 09. 1999. Екатеринбург, 2001. С. 556–562.

Пихоя Р. Г. Записки археографа. М., 2016.

Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964.

Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни ими. Петра Великого. 1672–1689. М., 1875.

Позднеев А. В. Песнь о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 353–357.

Покровский А. А. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 5. Календари и святцы. М., 1911.

Покровский А.А. К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Великого. Вып. 2. М., 1906.

Покровский Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.

Покровский Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.

Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Поляков И. А. «Азбука фряская» князя С. В. Ромодановского и новые списки грамот из цикла «Легендарной переписки турецкого султана» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1. С. 89–99.

Поляков И. А. «Азбука фряская» РНБ. F. XIII. 5 как отражение исторических изысканий стольника князя С. В. Ромодановского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 106.

Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание: дис. ... кандидата исторических наук. СПб., 2020.

Поляков И. А. Стольник князь С. В. Ромодановской и его библиотека // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 194–205.

Поляков И. А., Цыпкин Д. О. Азбука РНБ. F. XIII. 5 в жизни молодого князя Ромодановского // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX международной научной конференции, Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 275–277.

Понырко Н. В. Варлаам Ясинский // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 157–162.

Попов А. Н. Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857.

Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2.

Попов А. Н. Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854.

Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). В 2 т. Т. 2. М., 1973.

Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М. 1975.

Пчелов Е. В. Российские дворяне молдавского происхождения // Русин. 2006. № 3. С. 37.

Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Кн. 3(25). СПб., 1881.

Рогожин Н. М. Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России // История внешней политики России. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 343–406.

Рогожин Н. М. У государевых дел быть приказано… М., 2002.

Розов Н. Н. «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII век. Сб. 3. М.; Л. : Изд. АН СССР, 1958. С. 440–448.

Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002.

Рыков Ю. Д., Шамин С. М. Новые данные о бытовании переводного известия о небесном знамении 1672 г. в Венгерской земле в русской рукописной традиции XVII в. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. Сборник статей в честь Сергея Николаевича Кистерева. М., 2008. С. 263–308.

Сапожников О. Я., Сапожникова И. Ю. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М., 2006.

Сапунов Б. В. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. (Вести-Куранты) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 200–205.

Сахаров А. Л. О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1964. № 148. С. 396–418.

Святский Д. О. Астрономия Древней Руси / предисл., коммент., доп. М. Л. Городецкого. М., 2007.

Седельников А. Д. Литературная история повести о Дракуле // Известия по русскому языку и словесности. 1929. Т. 2. Кн. 2. С. 621–659.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

Сергеев А. Г. Новонайденное послание Василию Темному // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 124–125.

Симанков В. И. Из разысканий о журнале «Прибавленіе къ Московскимъ ВЪдомостямъ (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину. Харьков, 2010.

Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785-1789) // XVIII век. Сб. 28. М.; СПб., 2015. С. 323–374.

Симони П. К. Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII столетий. Вып. 3. Задонщины по спискам XV–XVIII столетий. Сборник Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Петроград, 1922.

Симонов Р. А., Хромов О. Р. «Часы на кругу» – наиболее раннее точно датируемое 1663 годом листовое издание московского печатного двора // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3. С. 19–34.

Симоновский А. А. Ответ Запорожцев турецкому султану // Русская старина. 1872. № 12. С. 701.

Синицына Н. В. К истории раскола последней трети XVII в. (Соловецкое и Московское восстания) // *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 7. М., 1996.

Сиренов А. В. Приписки на полях «Летописца о небесных явлениях» // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII международной научной конференции. М., 2016. С. 458–460.

Сиренов А. В. Хроника Мартина Бельского и два частных русских летописца первой половины XVII в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. Сборник статей памяти О.В. Творогова. М.; СПб., 2017. С. 398–482.

Сквайрс Е. Р. Западноевропейский жанр «Пляски смерти» в Новгороде XV в.: источники, рецепция, пути распространения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 107–108.

Сквайрс Е. Р. Неизвестное издание Бартоломея Готана и древнерусский перевод «Двоесловия живота и смерти» конца XV в. // Восточная Европа в древности и Средневековье: Автор и его текст. XV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 15–17 апреля 2003 г. Материалы конференции. М., 2003. С. 230–235.

Сквайрс Е. Р. Неизвестный Готан из Научной библиотеки Московского университета // «Про книги». Журнал библиофила. 2007. № 1. С. 126–132.

Сквайрс Е. Р. Новые данные о западных источниках литературных переводов Геннадиевского кружка в Новгороде (ок. 1500 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3. С. 101.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики: народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

Смилянская Е. Б. К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в.: (Следственное дело о «Службе кабаку» в комплексе документов о богохульстве и кощунстве) // ТОДРЛ. Т. 45. СПб., 1992. С. 435–438.

Смилянская Е. Б., Юхименко Е. М. Искатели жемчуга, или Новые материалы о распространении старообрядческих взглядов в Поморье в 30-х гг. XVIII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.) / сост. Юхименко Е. М. Вып. 3. М., 2004. С. 123–137.

Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898.

Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. Вып. 11. СПб., 1899. С. 8–159.

Соболевский А. И. Неизданное произведение Варлаама Ясинского // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. 1. Отд. 3. С. 26–28.

Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.

Соколов В. Величко Самуил Васильевич // Русский биографический словарь. В 32 т. Т. 4. Вавила–Витгенштейн. М., 2000. С. 359–360.

Соколова Л. В. Повесть о графине Альтдорфской // СККДР. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 112–113.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 7: История России с древнейших времен. Т. 13–14. / отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М., 1991.

Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1990–1993. Кн. V–VIII.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб. 1893; Т. 3. СПб., 1912.

СРЯ XI–XVII вв. Вып. 2 – 28. М., 1975 – 2008.

СРЯ XVIII в. Вып. 1 – 16. СПб., 1984–2006.

Станков К. Н. «Славная революция» в Британии 1688–1689 гг. в отражении «Курантов» // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 7. / Отв. ред. А. В. Голубев. М., 2016. С. 88–105.

Станков К. Н. Двор короля Якова II Стюарта и якобитская эмиграция во Франции // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 44–56.

Сукина Л. Б. О хронологических рамках «перехода» русской культуры из Средневековья в Новое время // Русский мир в пространственновременном контексте: Сб. материалов всероссийской научной конференции с международным участием. Барнаул, 2015. С. 28–40.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016.

Томсинский С. М. Первая печатная газета России (1702–1727 гг.). Пермь, 1959.

Топычканов А., Шамин С. Перформативная культура российского двора XVII в.: литургические действа, выступления скоморохов и артистов, театр // Российская история. 2016. № 6. С. 97–111.

Тощев А. И. Петровские «Ведомости» как тип издания // XVIII век. 1989. Т. 16. Л., 1989. С. 193.

Трахтенберг Л. А. Русская рукописная пародия XVII–XVIII веков в контексте теории смеховой культуры: Учебное пособие по спецкурсу. М., 2015.

Туманский Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полнаго сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великаго. Ч. 5. СПб., 1787.

Турилов А. А. Из истории политических легенд раннего Нового времени: «Донесение из Белграда» 1717 г. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию Константина Владимировича Никифорова: Сб. статей. М., 2016. С. 52–57.

Уо Д. К. Истоки создания международной почтовой службы Московского государства в европейском контексте //Очерки феодальной России. Вып. 19. М.; СПб., 2016. С. 394–442.

Уо Д. К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.

Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия. Сборник статей в честь Д.С. Лихачева. М., 1985. С. 201–208.

Уо Д. К. Увлечения юности и к чему они привели // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 36–62; № 3 С. 33–54.

Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб., 2018.

Устинова И. А. Делопроизводственные документы Патриаршего Казенного приказа: Книга записных печатных пошлин 1643 г. // Вестник церковной истории. 2013. № 3–4. С. 67.

Устинова И. А. Русские интеллектуалы XVII века // Преподавание истории в школе. 2011. № 7. С. 37–38.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб. 1895.

Филюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб. 2013.

Фабрициус А. К. Почта и народное хозяйство в России XVII столетия. СПб., 1864.

Флоря Б. Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013.

Флоря Б. Н. Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672—1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 111–140;

Флоря Б. Н. Из истории экономической политики Русского государства во второй половине XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 93–95.

Флоря Б. Н. Миклош Дьюрки — первый русский агент в Варшаве // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время. М., 2004. С. 154–161.

Флоря Б. Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 645.

Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России. М., 1997.

Форстен Г. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. 1648–1700 // ЖМНП. 1899. Июнь. С. 321.

Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 134–177.

Харлампович К. В. «Ведомости Московского государства» 1702 года // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1918. Т. XXII/1. С. 1–18.

Худин К. С. Источниковедческий анализ отписок 1658–1663 гг. русского «комиссариуса и резидента» Дж. Гебдона в фондах РГАДА: печати и почерк // Отечественные архивы. 2019. № 2. С. 50–58.

Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001.

Цветаев Д. В. Розыскное дело Квирина Кульмана // ЧОИДР. 1883. Июль-сентябрь. Кн. 3. М., 1883. С. 107–150;

Цветаев Дм. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886.

Цветаев Дм. Памятники к истории протестантства в России // ЧОИДР. Т. 3. М., 1883. С. 107–150.

Ченцова В. Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658. Документы. М., 2004.

Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. С. 81–128.

Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. Т. 14. М., 1945. С. 91–127.

Чеснокова Н. П. Жалованная грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича 1683 г. афонскому Павловскому Георгиевскому монастырю из собрания Российского государственного архива древних актов // Монфокон. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. С. 472–479.

Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011.

Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 года // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 118–126.

Шамін С. Доба Руіни. Європейська преса про Україну // Діалог. № 3. 2002. С. 126–130.

Шамин С. М. «Europa regina» и «Европейской страны короли»: карта времен императора Максимилиана I в Московском государстве рубежа XV–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. №1. 2019. С. 145–148.

Шамин С. М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4. С. 97–147.

Шамин С. М. «И в ту же нощь было трясение великое от Божия разгневания»: переводы европейских известий о землетрясениях и извержениях вулканов в русской духовной культуре XV–XVIII вв. // Вестник церковной истории. 2016 № 1/2 (41/42). С. 139–158.

Шамин С. М. «Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом»: к вопросу об источниках памфлета в редакции russian 1683 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 143.

Шамин С. М. «Прокурором и фискалом не быть вовсе»: о проекте передачи функций прокуроров и фискалов духовенству (1731 г.) // Вестник церковной истории. 2020 № 1/2 (57/58). С. 154–164.

Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 221–248.

Шамин С. М. «Чудо» сопротивляется научному знанию: переводные известия о «небесных знамениях» в русских рукописных сборниках XVI – первой половины XVIII вв. // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени к 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова. Институт Российской истории РАН. Москва, 2018. С. 32–42.

Шамин С. М. В ожидании конца света в России (конец XVII — начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–138.

Шамин С. М. Видения священника С.И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // Вестник церковной истории. 2019 № 1/2 (53/54). С. 53–91.

Шамин С. М. Вымышленное письмо султана Ибрагима I Папе Иннокентию X: (Русский перевод немецкого памфлета) // Вестник церковной истории. 2012 г. № 1–2. С. 262–268.

Шамин С. М. Выписки о положении дел в Польше после взятия турками Каменца Подольского в 1672 году: о влиянии европейской прессы на русскую книжность // Русское Средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева / отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М., 2012. С. 852–858.

Шамин С. М. Греческая земля в Курантах XVII в. // История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке: Материалы конференции. М., 2010. С. 158–162.

Шамин С. М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 121–134.

Шамин С. М. Европа в представлении политической элиты России (по топонимическим данным документов Посольского приказа 1660–1670 гг.). // Проблемы исторической географии и демографии. Вып. 2. М., 2013. С. 261–275.

Шамин С. М. Европейская астрология и русское правительство в XVII столетии // Естественнонаучная книжность в культуре Руси. М. 2005. С. 76–81.

Шамин С. М. Европейский церемониал в курантах времени правления царя Федора Алексеевича // Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия. Тезисы докладов научной конференции. М., 2008. С. 43–48.

Шамин С. М. Известия о греках в курантах в период Морейской войны // Каптеревские чтения 9. Сборник статей. / отв. ред. М. В. Бибиков. М., 2011. С. 144–161.

Шамин С. М. Иностранная пресса в допетровской России (история изучения и современное состояние проблемы) // Проблемы Российской истории. Вып. IV. Магнитогорск, 2004. С. 196–214.

Шамин С. М. Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676–1682 гг.) // Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 40–64.

Шамин С. М. Иностранная пресса о борьбе России и Турции за Украину в 1676–1681 годах. (По материалам курантов) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 138–152.

Шамин С. М. История появления слова «комета» в русском языке // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной кон-

ференции, 26–28 сентября 2012 г. / отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин. Рязань, 2012. С. 366–372.

Шамин С. М. История слова куранты //Диалог культур: Россия–Запад–Восток. Материалы международной накучно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения» 15 мая 2012 года. Москва–Ярославль, 2012. С. 85–88.

Шамин С. М. Италия в курантах второй половины XVII столетия. // «Друг — зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М., 2013. С. 196–216.

Шамин С. М. К вопросу о влиянии иностранной прессы на духовную жизнь русских людей в XVII – начале XVIII вв. // Вестник церковной истории. 2007. № 2. С. 139–149.

Шамин С. М. К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.) на формирование положительного образа России в Европе (По материалам курантов) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 377–391.

Шамин С. М. К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2. С. 42–59.

Шамин С. М. Кандийская война в курантах 1660–1670 гг. // Каптеревские чтения 6. М., 2008. С. 75–93.

Шамин С. М. Кареты в быту русской знати XVII в. // Позднесредневековый город II: археология. История: материалы II Всероссийского семинара, Тула, ноябрь 2007 г. Тула, 2009. С. 206–210.

Шамин С. М. Комедия и триумф в русских переводах европейской прессы XVII столетия // Филологическое образование в современных исследованиях: лингвистический и методический аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки,

традиции, взаимодействие. XV Кирилло-Мефодиевские чтения» 13 мая 2014 года. Москва-Ярославль. 2014. С. 195–200.

Шамин С. М. Крест над Святой Софией: знамения и пророчества о падении Османской империи в годы войны Священной лиги 1683–1700 гг. (по материалам курантов) // Каптеревские чтения 10. М., 2012. С. 134–143.

Шамин С. М. Куранты 1697 г.: литературная составляющая делового документа // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 26 октября - 1 ноября 2015 г. М. 2015. С. 257–263.

Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011.

Шамин С. М. Куранты XVII–XVIII столетий в фондах современных архивов // Археографический ежегодник за 2006 год. М., 2011. С. 155–175.

Шамин С. М. Куранты времени правления Федора Алексеевича: К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг.: Диссертация … кандидата исторических наук. М., 2003.

Шамин С. М. Куранты как исторический источник по истории Московского восстания 1682 года: от регентства царицы Натальи Кирилловны к регентству царевны Софьи Алексеевны // Московия: Ежегодник научных работ. Музея Москвы. М., 2015. С. 8–27.

Шамин С. М. Кусок глины в сердце Мазарини. Петр II, Остерман и «куриозные» куранты 1729 года // Родина. 2012. № 8. С. 72–74.

Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2005. С. 23–38.

Шамин С. М. На Украине: исключение из общего правила? // Русская речь. 2012. № 3. С. 66–71.

Шамин С. М. Неизвестная тайнописная азбука из архива Приказа тайных дел // Древняя Русь Вопросы Медиевистики. 2010. № 2. С. 103–106.

Шамин С. М. Новости о религиозной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII века // Вестник церковной истории. 2009. № 3/4. С. 227–265.

Шамин С. М. Новости о церковной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII в. // Вестник церковной истории. 2009. № 3/4. С. 247–254.

Шамин С. М. Новые данные о карьере Андрея Андреевича Виниуса: 1664–1674 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. М. 2019. С. 442–444.

Шамин С. М. О неизвестной работе Афанасия Скиады (1724 г.) // Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний: Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. (Москва, 30-31 октября 2007 г.). Материалы. М., 2007. С. 199–202.

Шамин С. М. Описания битвы при Зенте: от курантов к рукописным сборникам // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М., 2019. С. 539–545.

Шамин С. М. Отражение античной культуры в лексике русских переводов европейской прессы во второй половине XVII в. // Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова. М., 2014. С. 41–64.

Шамин С. М. Переводы иностранной прессы в русской книжной рукописной традиции до начала XVIII века: история изучения // Российская история. 2009. № 2. С. 3–14.

Шамин С. М. Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (15). 2004. С. 16–31.

Шамин С. М. Польский политический памфлет в России XVII столетия: пародийная переделка молитвы «Отче наш» из дела с курантами 1672 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1. С. 107–111.

Шамин С. М. Почта // Экономическая история России с древнейших времен до 1861 г.: Энциклопедия. Т. 2. М., 2009. С. 359–364.

Шамин С. М. Россия после Петра I: реакция на преобразования в области языка (по материалам Коллегии иностранных дел) // Русский язык и литература во времени и пространстве: сборник научных статей и докладов к 45-летию Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина / сост. В. В. Молчановский. М., 2011. С. 180–188.

Шамин С. М. Слово «куранты» в русском языке XVII — начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 119–152.

Шамин С. М. Сопротивляясь реформам: общественные отношения и интересы на пути преобразований в России XVII–XVIII вв. // Российская история. 2014. № 4. С. 12–13.

Шамин С. М. Торжества и панегирики по случаю взятия Азова в 1696 г. как фактор формирования европейской идентичности политической элиты России // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла…»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина. М., 2019. С. 290–304.

Шамин С. М. Формирование внешнеполитических представлений Петра I и куранты 1690–1693 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 111–120.

Шамин С. М. Франция и Людовик XIV в курантах (1671–1672 гг.) // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 7(15): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. – Доступ для зарегистрированных

пользователей. – URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/franzia-i-ludovik.html (дата обращения: 12.07.2020)

Шамин С. М. Чудеса в курантах времени правления Федора Алексеевича (1676–1682 г.) // Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 99–110.

Шамин С. М. Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2(12). 2012. С. 159–170

Шамин С. М. Швеция в русских переводах иностранной прессы в XVII в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 318–322.

Шамин С. М. Экономические сведения о Западной Европе, поступавшие в Посольский приказ через куранты (1676–1681 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв.: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 119–122.

Шамин С., Дженсен К. Иноземные потешники при дворе первых московских царей // Российская история. 2018. № 1. С. 32-46.

Шамин С., при участии Карраса И. Известия «греческой» тематики в курантах 1687 г. // Каптеревские чтения 8. М., 2010. С. 182–195.

Шамин С. М. Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020.

Шамин С. М. Мученик за старую веру Акинфий Сычев (Сысоев) и его историософские взгляды // Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская Империя и их соседи Материалы международной научной конференции. М., 2016. С. 227–233.

Шамин С. М. Церемонии в курантах времени правления царя Федора Алексеевича (1676–1682 гг.) //Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Выпуск шестой (I). М., 2012. С. 35–45.

Шамин С. М. Цирк царевича Алексея Михайловича // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (20). Июль–Декабрь. С. 136–151.

Шварц И. Газеты Фуггеров об окончании Ливонской войны // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. Ставрополь, 2018. С. 136–148.

Шватченко О. А. Землевладение и служба думных чинов в России XVII – начала XVIII века. М., 1999.

Шибаев М. А. Кодикологическое описание рукописей // «Энциклопедические сборники XV века книгописца Ефросина – «Леонардо да Винчи Древней Руси» URL: http://expositions.nlr.ru/EfrosinManuscripts/_Project/page_Manuscripts.php?block=A071A5E5-B19C-42FE-B847-AB0CD351378A/

Шлосберг А. Н. Начало периодической печати в России // ЖМНП. 1911. Сентябрь. С. 63–71.

Шокарев С. Послесловие // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 466–467.

Щекотов Н. Запорожцы. Картина великого русского живописца И. Е. Репина. М.; Л., 1943.

Щербаков В. И. «Санкт-Петербургские ведомости» (1728–1761), «Московские ведомости» (1756–1762) // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762 гг.). Вып. 2. М., 2003. С. 662–730.

Юркин И. Н. «От первопрестольного града Москвы...»: А. А. Виниус в Москве и Подмосковье. М., 2009.

Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007.

Юркин И. Н. Демидовы в Туле. М., 1998.

Янссон О. Пародия на молитву «Отче наш»: польские источники //Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3. С. 169–170.

Янссон О. Польская пародия на «Отче наш» середины XVII века и ее русский перевод: в поисках неизвестного польского источника // Slověne. 2018. Vol. 7, № 2. С. 74–104.

Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. Дис. канд. ист. наук. М., 2017.

Akelev E. V. The Barber of All Russia: Lawmaking, Resistance, and Mutual Adaptation during Peter the Great's Cultural Reforms // Kritika Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. № 17(2). P. 241–275.

Bogel E., Blühm E. Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts. Ein Bestandsverzeichnis mit historischen und bibliographischen Angaben. Bd. 1, 2. Bremen, 1971; Bd. 3. Bremen, 1985.

Boterbloem K. Moderniser of Russia: Andrei Vinius, 1641–1716. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 60–61.

Droste H., Maier I. Christoff Koch (1637−1711) − Sweden's Man in Moscow // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 119–139.

Eisenstein E. L. The Printing Revolution in Early Modern Europe. Cambridge-New York, 2012.

Fedyukin I. «Westernizations» from Peter I to Meiji: war, political competition, and institutional change // Theory and Society. 2018. T. 47. № 2. P. 207–231.

Filyushkin A. Why Did Muscovy Not Participate in the «Communication Revolution» in the Sixteenth Century? // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51. № 2–3. P. 339–350.

Griesse M. Diplomatic Channels and Chinese Whispers: Reception and Transformation of the Moscow Uprising of 1648 in Sweden and France (pp. 203-230) // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 203–230.

Jóźwiak S. Wywiad i kontrwywiad w państwie Zakonu Krzyżackiego w Prusach: Studium nad sposobami pozyskiwania i wykorzystywaniem poufnych informacji w późnym średniowieczu. Malbork, 2004.

Maier I. «Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser...». Ein fiktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621) // Ѧко блгопѣснивая птица. Hyllningsskrift till Lars Steensland. Stockholm : Stockholms universitet, 2006. P. 135–146.

Maier I. «Pressmeddelanden till ryske tsaren under trettioåriga krigets tid» // Kultur och samhälle i språkets regi. Uppsala, 1999. S. 83–94.

Maier I. Die Geister verstanden nur Polnisch. Ein deutsch-russisches Dokument über eine lateinisch-polnische Geisterbeschwörung in Mähren im Jahre 1665 // Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag). Bochum, 2009. S. 1–21.

Maier I. Die Übersetzungen westeuropäischer Zeitungen am Moskauer Gesandtschaftsan von 1660 bis 1670. Zur ersten Ausgabe der Vesti-Kuranty mit Paralleltexten // Swedish Contributions to the Thirteenth Internationale Congress of Slavists, Ljubljana, 15–21 August 2003 (ed. by Brigitta Englund Dimitrova & Alexander Pereswetoff-Morath). Lund, S. 51–74 (Slavica Lundensia, Supplementa 2).

Maier I. How Was Western Europe Informed about Muscovy? The Razin Rebellion in Focus // Information and Empire Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. / Ed. by Simon Franklin and Katherine Bowers. Cambridge : Open Book Publishers, 2017. P. 113–151.

Maier I. Krys'ko V. B. Vesti-Kuranty 1651–1652 gg., 1654–1656 gg., 1658–1660 gg. (Moskva, 1996; 224 pp.) // Russian Linguistics. 1997. 21:3. P. 301–310.

Maier I. Lateinische Quellen für russische Zeitungsübersetzungen? // Rusistika. Slavistika. Lingvistiëka. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. Ed. Sebastian Kempgen et al. München, 2003 (Die Welt der Slaven, Sammelband 19) S. 227–243.

Maier I. Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649) // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 181–190.

Maier I. Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau // Gutenberg-Jahrbuch. Bd. 79. Mainz, 2004. S. 191–218.

Maier I. Presseberichte am Zarenhof im l7. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte 6 (2004). S. 103–129.

Maier I. Verbalrektion in den “Vesti-Kuranty” (1600-1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittelrussischen Syntax. Uppsala, 1997 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia 38).

Maier I. Verbalrektion in den “Vesti-Kuranty” (1600-1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala, 2006 (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensia 45).

Maier I. Zeventiende-eeuwse Nederlandse couranten vertaald voor de tsaar // Tijdschrift voor Mediageschiedenis. 12, 2009. S. 27–49.

Maier I. Zur Problematik der Adaption ausländischer Orts- und Personennamen in den russischen Zeitungsübersetzungen des XVII. Jahrhunderts (Vesti-Kuranty) // Микроязыки. Языки. Интеръязыки. Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко. Tartu, 2006. С. 295–308.

Maier I., Beyer J., Šamin S. Die Legende vom Ewigen Juden in einer russischen Übersetzung des Jahres 1663 // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2013. № 54. P. 49–73.

Maier I., Pilger W. Polnische Fabelzeitung über Sabbatai Zwi übersetzt für den russischen Zaren (1666) // Zeitschrift für slavische Philologie 2003. Bd. 62. Heft 1. S. 1–39;

Maier I., Schumacher W. Ein Medien-Hypeim 17. Jahrhundert? Fünf illustrierte Drucke aus dem Jahre 1666 über die angebliche Hinrichtung von Sabbatai Zwi // Quaerendo. 2009. Vol. 39. P. 133–167;

Maier I., Shamin S. Straßburger Mummenschanz im russischen Pleskau im Jahre 1644?: Eine deutsche Schaustellertruppe versucht ihr Glück im Zarenreich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2016. Band. 64. № 1. Stuttgart. P. 1–25.

Maier I., Shamin S. «Revolts» in the Kuranty of March–July 1671 // From Mutual Observation to Propaganda War: Premodern Revolts in their Transnational Representations / Griesse, Malte. Bielefeld, 2014. P. 181–203.

Maier I., Waugh D. «The Blowing of the Messiah's Trumpet»: Reports about Sabbatai Sevi and Jewish Unrest in 1665–1667 // The Dissemination of News and the Emergence of Contemporaneity in Early Modern Europe / Ed. by B. Dooley. Farnham, Surrey; Burlington, VT., 2010. P. 137–152.

Małek E. Legenda o Ahaswerze w twórczej interpretacji rosyjskich romantyków // Roczniki Humanistyczne. 1991–1992. T. XXXIX−XL. № 7. P. 57−72.

Małek E. Marcina Stanisława Słowakowica Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegów niebieskich na rok pański MDCLXXXIX. Próba rekonstrukcji. Warszawa : BEL Studio, 2017.

Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź : Uniwersytet Łódzki, 1983.

Małek E. Русский перевод плутовского романа о Совизжале и его судьба в России. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013.

Meurer P. Europa Regina. 16th century maps of Europe in the form of a queen // Belgeo. 2012. № 3–4. P. 355–370.

Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / F. Kluczycki. T. 1. Cz. 2. Kraków, 1881.

Šamin S., Watson C. Вымышленный «Указ турецкого султана»: европейская традиция и русский перевод 1697 г. // Slovo. Journal of Slavic Languages and Literatures. 2014. № 55. P. 169–190.

Schruba M. Русские народные картинки: западноевропейские образцы и параллели // «A Century Mad and Wise»: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Leuven 2014. / Ed. by E. Waegemans. Groningen : Netherlands Russia Centre, 2015. P. 421–434.

Setton K. M. Venice, Austria, and the Turks in the Seventeenth Century. Philadelphia: American Philosophical Society. 1991.

Testa S. Italian Academies and their Networks, 1525–1700: From Local to Global. Italian and Italian American studies. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2015.

Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018.

Vanamölder K. Establishing a State-Controlled Network for News Trading in the Swedish Baltic Provinces in the Late Seventeenth Century: Causes and Consequences // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 279–298.

Waugh D. C. Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive // Oxford Slavonic Papers. N. S., 1977, vol. 10, P. 46–50.

Waugh D. C. News of the False Messiah: Reports on Shabbetai Zevi in Ukraine and Muscovy // Jewish Social Studies. 1979. Vol. 41. № 3–4. P. 301–322.

Waugh D. C. News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey, ed. Chester Dunning, Russell Martin and Daniel Rowland. Bloomington, IN: Kritika, 2008. P. 491–509.

Waugh D. C. On the Origin of the 'Correspondence' between the Sultan and the Cossacks // Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications. 1971. № 1–2. P. 3–46.

Waugh D. C. Seventeenth–Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March, 1972. P. 44–61.

Waugh D. C. Seventeenth–Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Unpublished Ph. D. dissertation, Harvard University, Cambridge (Mass.), 1972.

Waugh D. C. The enthusiasms of youth and where they led: a memoir [continuation] / D. Waugh // Quaestio Rossica. 2014. № 2. P. 19–35; 2014. № 3. P. 19–33.

Waugh D. C. The Great Turkes Defiance Revisited // Slověne. 2019. Vol. 8, № 1. P. 163–187.

Waugh D. C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus. Ohio. 1978.

Waugh D. C. Vesti-Kuranty 1600-1639. Moscow 1972 // Kritika. A review of current Soviet books on Russian history. 1973. 10:3. P. 104–120.

Waugh D. C. What the Posol'skii prikaz Really Knew: Intelligencers, Secret Agents and Their Reports // Travelling Chronicles: News and Newspapers from the Early Modern Period to the Eighteenth Century. / Siv Gøril Brandtzæg, Paul Goring and Christine Watson. Leiden - Boston, 2018. P. 140–156.

Waugh D. C. What Was News and How Was It Communicated in Pre-Modern Russia? // Information and Empire Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. Cambridge, 2017. P. 213–252.

Waugh D. C., Maier I. Muscovy and the European Information Revolution: Creating the Mechanisms for Obtaining Foreign News // Information and Empire

Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850. Cambridge, 2017. P. 77–112.

Waugh D. News of the False Messiah: Reports on Shabbetai Zevi in Ukraine and Muscovy // Jewish Social Studies. 1979. Vol. 41. №. 3–4. P. 301–322.;

Waugh D. The enthusiasms of youth and where they led: a memoir [continuation] // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 19–35; № 3. С. 19–33.

Waugh D., Maier I. How Well Was Muscovy Connected with the World? // Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler /eds G. Hausmann & A. Rustemeyer. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2009. S. 20–23.

Welke M. Russland in der deutschen Publicistik des XVII Jahrhunderts (1613–1689) // Forschungen zur Osteuropaeische Geschichte. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 105–276.

Zanden van J. L. The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. Leidenl, 2009.

Zitser E.A., Collis R. On the Cusp: Astrology, Politics, and Life-Writing in Early Imperial Russia // The American Historical Review. 2015. Vol. 120. No. 5. P. 1619–1652.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

БАН – Библиотека Российской академии наук.

В-К I – Вести-Куранты. 1600—1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

В-К II – Вести-Куранты. 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

В-К III – Вести-Куранты. 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов / Под ред. С. И. Коткова. М., 1980.

В-К IV – Вести-Куранты. 1648—1650 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.

В-К V – Вести-Куранты. 1651—1652, 1654—1656, 1658—1660 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов / Под ред. В. П. Вомперского. М., 1996.

В-К VI (Ч. 1) – Вести–Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. / Изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин. Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.

В-К VI (Ч. 2) – Майер И. Вести-Куранты 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Часть 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. М., 2008.

В-К VII – Вести-Куранты. 1671–1672 гг. / Подгот. текстов, исслед., коммент., указатели И. Майер, С. М. Шамин, А. В. Кузнецова, И. А. Корнилаева, В. Б. Крысько при участии Е. В. Амановой; под ред. В. Б. Крысько и И. Майер. М., 2017.

ГИМ – Государственный исторический музей

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук

ИИИСССР – Исследования по источниковедению истории СССР

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук

ИРИ РАН – Институт российской истории Российской академии наук

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел

ОПИ – Отдел письменных источников.

ПДС – Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными.

ПиБ ПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого.

ПСЗ I – Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РИБ – Русская историческая библиотека

РНБ – Российская национальная библиотека

СККДР – Словарь книжников и книжности Древней Руси

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом)

ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов

ЧОИДР – Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских